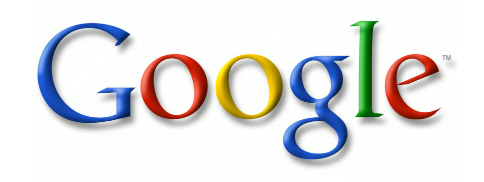
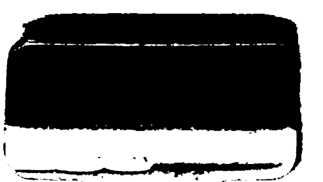

Mr. George Kennan

with cordial regard & esteem

from the author

January 31st 1895
Los Angeles, California

Джорджу Кеннану

Въ знакъ признательности за его неоцѣнимыя услуги дѣлу Русскаго либерализма

Отъ автора

Января 19/31 1895
г. Лосъ Анжелесъ
Калифорнія

Детенс

П. А. Тверской.

ОЧЕРКИ

СѢВЕРО-АМЕРИКАНСКИХЪ

СОЕДИНЕННЫХЪ ШТАТОВЪ.

Десять лѣтъ въ Америкѣ.—Президентская кампанія 1892 года.—Моя жизнь въ Америкѣ.—Письма.—Колумбійская всемірная выставка.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія И. Н. Скороходова (Надеждинская, 43).
1895.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Издавая отдѣльной книгой настоящіе очерки, уже напечатанные въ теченіе прошлаго года въ разныхъ Петербургскихъ изданіяхъ, я считаю нужнымъ просить читателя не забывать, что очерки эти писались мною мимоходомъ, между дѣломъ, часто съ невольными длинными перерывами, необходимымъ послѣдствіемъ постоянной работы по моимъ дѣламъ. Я не литераторъ, свободно пишущій въ своемъ кабинетѣ, когда найдетъ стихъ и работается быстро и безъ помѣхи — а обыкновенный рабочій, занятый съ утра до вечера тяжелымъ трудомъ и только урывками имѣющій возможность взяться за перо и торопливо написать нѣсколько страницъ. Я вовсе не претендую на обстоятельное описаніе Сѣверо-Американскаго Союза — а пытаюсь дать мои личныя впечатлѣнія, пытаюсь описать то, какимъ образомъ Америка подѣйствовала на меня и что въ ней особенно странно для русскаго человѣка. Поэтому я напередъ прошу прощенія у читателя за безпорядочность, разбросанность и безсистемность этихъ очерковъ, и вѣрить тому, что написаны они безъ всякой предвзятой мысли или цѣли, безъ всякаго желанія что-либо возвеличить или унизить, — если въ нихъ есть ошибки, что весьма

вѣроятно, то ошибки эти неумышленныя, результатъ неполнаго самимъ мною пониманія дѣла. Америка съ своими свободными учрежденіями и единственнымъ въ мірѣ національнымъ духомъ такъ чужда сначала русскому человѣку, что ему немудрено заблудиться и надѣлать промаховъ.

П. А. Тверской.

ДЕСЯТЬ ЛѢТЪ ВЪ АМЕРИКѢ.

I.

Лѣтомъ 1881 года, съ учебникомъ Оллендорфа въ рукахъ и съ самыми незначительными средствами въ карманѣ, я высадился въ Нью-Іоркѣ съ атлантическаго парохода; знакомыхъ у меня не было ни души, если не считать двухъ или трехъ русскихъ, разбросанныхъ въ разныхъ мѣстахъ. Подготовки къ практической дѣятельности не было никакой; на родинѣ я занимался или службой, или ничѣмъ не занимался, подобно большинству отечественныхъ лэндлордовъ. Существовало во мнѣ тяготѣніе къ землѣ, такъ свойственное каждому русскому—все кажется, что безъ клочка земли, безъ усадьбы и не прожить на бѣломъ свѣтѣ,—и потому я намѣревался сдѣлаться фермеромъ, гдѣ и какъ—неизвѣстно, только мнѣ все казалось, что необходимо „сѣсть на землю" и работать, работать, работать... Я и не помышлялъ о какой-либо дѣятельности, кромѣ земледѣльческой—о землѣ я зналъ кое-что по опыту; о промышленности же и торговлѣ вообще имѣлъ представленіе и предразсудки русскаго помѣщика; никогда не видалъ никакихъ заводовъ, кромѣ винокуренныхъ, и хотя и объяснялся съ грѣхомъ пополамъ по-французски и по-нѣмецки,—англійскаго языка не зналъ совсѣмъ. Порядочная семья должна была послѣдовать за мной черезъ 2 — 3 мѣсяца; капиталовъ было всего около трехъ тысячъ долларовъ: какъ видите, положеніе не особенно завидное, и потому я разсчитывалъ непремѣнно заняться землей, чтобъ быть хоть сыту и не голодать. Въ Нью-Іоркѣ я остановился всего на одинъ день, и какъ и почему очутился во Флоридѣ—и до сихъ поръ не могу отдать себѣ яснаго отчета—можетъ быть, потому, что, еще будучи въ Россіи, переписывался съ одной русской дамой, съ которой познакомился во время парижской выставки 1878 года, а жила она съ семьей во Флоридѣ. Какъ бы то ни было, я прямо изъ Нью-Іорка проѣхалъ по желѣзной дорогѣ въ Джаксонвилль, самый значительный городъ Флориды, на большой рѣкѣ Сентъ-Джонсъ, въ нѣсколькихъ миляхъ отъ впаденія ея въ Атлантическій океанъ. Въ

этомъ городѣ я пробылъ 3 — 4 дня, и, убѣдившись, что, съ моими крошечными средствами, я не могу купить ничего подходящаго въ его окрестностяхъ, такъ какъ цѣна на землю оказалась очень высокой—отъ 50 до 200 долларовъ за акръ,—я рѣшилъ ѣхать въ глушь, въ новыя мѣста, и потому однимъ прекраснымъ утромъ очутился на маленькомъ пароходѣ, который ходилъ регулярно между Джаксонвиллемъ и верховьями рѣки С.-Джонса, около 300 миль прямо на югъ.

Жара въ теченіи дня стояла невыносимая, но къ вечеру на водѣ стало сносно, и я усѣлся на носу парохода, любуясь тропической, никогда мною прежде невиданной растительностью и удивляясь той массѣ рыбы, черепахъ и аллигаторовъ, которые все время играли вокругъ парохода. Единственнымъ другимъ пассажиромъ былъ самъ владѣлецъ парохода, какъ оказалось впослѣдствіи, крупный джаксонвилльскій купецъ, который ѣхалъ на югъ осматривать новыя земли; сейчасъ же послѣ ужина онъ подсѣлъ ко мнѣ, и между нами завязался презабавный для посторонняго слушателя, я полагаю, разговоръ. Онъ оказался ирландцемъ, уже лѣтъ двадцать жившимъ въ Америкѣ и составившимъ крупное состояніе; когда-то онъ учился по-французски, и вотъ, съ помощью Оллендорфа, съ которымъ я не разлучался, и съ помощью нѣсколькихъ французскихъ словъ, которыя порой съ трудомъ выуживалъ изъ своей памяти мой собесѣдникъ, мы умудрились разговориться и проговорить до глубокой ночи. Отъ него я узналъ, что ни земледѣлія, ни скотоводства, въ томъ смыслѣ, какъ я ихъ понималъ, во Флоридѣ, особенно въ южной ея части, куда мы ѣхали, совершенно не существуетъ; что единственное растеніе, которое тамъ воздѣлывается съ перемѣннымъ успѣхомъ, есть апельсинное дерево, и что, хотя кое-гдѣ и производятся опыты съ сахарнымъ тростникомъ, бананами, ананасами и другими тропическими плодами,—нельзя еще сказать ничего положительнаго объ ихъ успѣхѣ, такъ какъ южная Флорида только-что начинаетъ заселяться, ничего вѣрнаго никто не знаетъ, и необходимо относиться съ крайней осторожностью ко всему, что ни услышишь и ни увидишь. Перспектива для меня, стремившагося обезпечить семью земледѣліемъ, была не особенно завидная: если даже апельсины и бананы и будутъ рости съ успѣхомъ, ими одними не прокормишься. Зато, съ другой стороны, зимы не бываетъ совсѣмъ — тепло круглый годъ; и не замерзнешь, и платья не особенно много нужно. Мой новый знакомецъ самымъ обстоятельнымъ и добросовѣстнымъ образомъ излагалъ мнѣ всѣ эти соображенія — очевидно, онъ принималъ безкорыстное участіе въ

новомъ переселенцѣ, да еще такомъ „зеленомъ": моя непрактичность ему несомнѣнно бросилась въ глаза съ самаго начала нашего разговора. Между прочимъ, онъ упомянулъ, что въ южной Флоридѣ существуетъ весьма выгодное занятіе—это лѣсопильное дѣло, которое притомъ не требуетъ ни особенныхъ познаній, ни значительнаго капитала, а само платитъ хорошо, особенно тѣмъ, кто „stick to it"— выраженіе чисто американское, не переводимое на русскій языкъ, и означающее настойчивость и даже упорство въ достиженіи цѣли. Я отъ роду никогда не видалъ ни одного лѣсопильнаго завода, не имѣлъ даже самаго отдаленнаго понятія о томъ, какъ подобный заводъ дѣйствуетъ, —весь тесъ, который употреблялся въ той мѣстности Россіи, гдѣ я жилъ, производился ручными пилами и каторжной работой пильщиковъ,—но я почему-то заинтересовался этимъ производствомъ и заставилъ моего ирландца подробно передать мнѣ все, что онъ самъ зналъ о немъ.

На слѣдующее утро мы проѣхали мимо нѣсколькихъ лѣсопильныхъ заводовъ, работавшихъ на самомъ берегу рѣки, и на одной станціи, гдѣ пароходъ останавливался часа на два, мы вышли и подробно осмотрѣли одинъ изъ нихъ. Маленькая паровая машина пыхтѣла и шипѣла; большая круглая пила пронзительно визжала и рѣзала огромныя бревна, какъ рѣпу; рабочіе—негры, полунагіе и всѣ въ поту, такъ и бѣгали кругомъ, а единственный бѣлый на всемъ заводѣ—пильщикъ—ворочалъ различные рычаги, бывшіе у него подъ руками, и бойко покрикивалъ на рабочихъ. Завода собственно никакого не было: на нѣсколькихъ столбахъ была кое-какъ накидана досчатая крыша; на двухъ, трехъ тяжелыхъ брусьяхъ стояла крошечная, весьма несложная пильная машина; все было сколочено и скрѣплено на скорую руку, а доски и брусья такъ и валились отъ пилы, и бревна быстро исчезали одно за другимъ— въ какія-нибудь 10 минутъ огромное бревно, въ 3 фута въ діаметрѣ, превращалось въ прекрасный, ровный тесъ, какого я никогда не видывалъ. Шесть или семь человѣкъ, очевидно, могли произвести больше теса и несравненно лучшаго качества въ одинъ день, чѣмъ большее число русскихъ пильщиковъ въ мѣсяцъ. Когда пароходъ опять отчалилъ, я принялся разспрашивать моего спутника о разныхъ деталяхъ производства и, когда высадился, рѣшилъ, что, помимо куска земли, непремѣнно постараюсь заняться и лѣсопильнымъ дѣломъ. Всѣ разсчеты указывали на это дѣло, какъ на очень прибыльное; особенныхъ техническихъ познаній не требовалось, и я могъ надѣяться, что

этихъ денегъ хватитъ на то, чтобъ купить себѣ уголъ и кровлю, и завести пильную мельницу.

Съ мѣсяцъ послѣ того, какъ я высадился, я странствовалъ по южной Флоридѣ то пѣшкомъ, то верхомъ, то на волахъ. Населеніе было очень рѣдкое. Графство Орэнжъ (Orange County), расположенное на верховьяхъ рѣки С.-Джонса, было только-что организовано, имѣло всего 800 жителей на пространствѣ многихъ тысячъ квадратныхъ миль; но несомнѣнно было, что пустыни эти быстро заселялись, и что притокъ эмигрантовъ только-что начался: часто попадались новыя расчистки, и дымъ стоялъ во многихъ мѣстахъ—жгли лѣса, для того, чтобы засаживать апельсинныя рощи. Мѣстность была вообще крайне однообразна, а почва несомнѣнно бѣдна; какъ только берега рѣки и ея долина съ ихъ роскошной растительностью на богатомъ черноземѣ оставались позади, начинались ровные, на многія мили тянувшіеся сосновые лѣса съ длинными иглами на рѣдкихъ сучьяхъ, кое-гдѣ перемѣшанные съ мелкимъ корявымъ дубомъ, очень некрасивой, сухой, жидкой породы. Кустарнику не было совсѣмъ; деревья стояли одиноко, довольно далеко одно отъ другого, и всюду въ лѣсу можно было проѣхать безъ всякой дороги и безъ всякаго затрудненія, въ любомъ экипажѣ. Почва—голый сыпучій песокъ, покрытый крайне жесткой, ползучей „проволочной“ травой, которую не можетъ ѣсть ни одно жвачное животное. Монотонность этого непривлекательнаго пейзажа только отчасти скрашивали многочисленные озера и пруды—не знаю, какъ иначе назвать тѣ маленькія, часто совершенно круглыя, какъ котелъ, не болѣе 25 саженъ въ поперечникѣ, хранилища воды, которыя разбросаны всюду по южной Флоридѣ. Озера эти двухъ родовъ: или съ черноземнымъ дномъ и берегами—и тогда они глубоки, грязны, съ черной водой и сплошь затянуты густой растительностью;—или же съ чистымъ песчанымъ дномъ, прозрачной, какъ хрусталь, водою и твердыми голыми берегами. Почти каждая ферма, каждый участокъ въ 160 акровъ или четверть сэкціи, имѣетъ свое озерко; въ нихъ много рыбы, но она мелка и невкусна. Для того, чтобы развести апельсинную плантацію, вырубаютъ лѣсъ, сжигаютъ его на мѣстѣ, если вблизи нѣтъ лѣсопильнаго завода, который покупаетъ бревна; пашутъ одинъ разъ, затѣмъ разсаживаютъ двухъ или трехлѣтніе саженцы, правильными рядами, на разстояніи 20 или 25 футовъ одно отъ другого, и роща, повидимому, готова. Пни, въ громадномъ большинствѣ случаевъ, остаются торчать изъ земли до тѣхъ поръ, пока не сгніютъ; только весьма

немногіе богатые люди выкорчевывают ихъ. Такая чистка земли стоитъ около двадцати долларовъ за акръ; саженцы стоятъ отъ полудоллара до двухъ долларовъ за штуку, смотря по возрасту и качеству, и пересадка—около полудоллара за штуку; такимъ образомъ, акръ апельсинной плантаціи, на которомъ ростетъ около пятидесяти деревьевъ, обходится, среднимъ числомъ, въ семьдесятъ-пять или сто долларовъ.

Какъ я уже замѣтилъ выше, южная Флорида была въ это время страна новая, только-что начинавшая заселяться; ничего положительнаго объ успѣхѣ культуры апельсиннаго дерева извѣстно не было, а ужъ спекуляція ревностно занялась имъ, и всякаго рода чудеса объ его выгодности и вѣрности печатались и распространялись не только по Флоридѣ, но и по всему союзу. Въ теченіе того мѣсяца, что я бродилъ по графству Орэнжъ, мнѣ пришлось столкнуться съ дюжиной или болѣе поземельныхъ агентовъ, которые всячески старались продать мнѣ что-нибудь—и чего-чего только они мнѣ не разсказывали! Эти поземельные агенты составляютъ въ Америкѣ особый классъ, нѣчто совершенно неизвѣстное у насъ на Руси: все это народъ тертый, бывалый, искусные говоруны, которые ни въ какомъ случаѣ за словомъ въ карманъ не полѣзутъ—на все у нихъ найдется готовый отвѣтъ, и ихъ совершенно справедливо прозвали земляными акулами. Нигдѣ въ мірѣ коммиссіонерство и посредничество разнаго рода не развито въ такихъ громадныхъ размѣрахъ, какъ въ Америкѣ; ни одна сдѣлка здѣсь не дѣлается безъ посредства коммиссіонера, который обыкновенно умудряется содрать плату съ обѣихъ сторонъ, а въ мѣстахъ новыхъ, только-что заселяющихся, гдѣ не могло еще установиться опредѣленнаго мѣрила для оцѣнки собственности, которая очень часто переходитъ изъ рукъ въ руки, этимъ господамъ—чистый рай: они чутьемъ слышатъ, гдѣ начинается такой поземельный „boom", и слетаются туда со всѣхъ сторонъ, какъ коршуны на трупъ. Южная Флорида, и въ особенности ея центръ, графство Орэнжъ, со времени его образованія въ 1881 году до желтой лихорадки 1888 года, наслаждались такимъ boom'омъ; эмигранты тысячами стекались со всѣхъ концовъ союза, собственность всякаго рода росла въ цѣнѣ не по днямъ, а по часамъ, города росли, какъ грибы, и населеніе графства Орэнжъ съ 800 человѣкъ въ 1881 году выросло до 40.000—въ 1888 г., и въ теченіе этого времени поземельные агенты и спекуляторы разнаго рода нажили громадныя деньги. Многіе изъ нихъ приплелись сюда пѣшкомъ, безъ цента въ карманѣ, а затѣмъ разъѣзжали въ ко-

лярскахъ, жили на широкую ногу и кидали тысячи на вѣтеръ — и за все это платили „зеленые“ переселенцы изъ другихъ штатовъ и изъ Англіи, которые такъ или иначе попадались имъ въ лапы. Прекрасно изданныя брошюры съ превосходными картами и картинами наводняли сѣверные города въ десяткахъ тысячъ экземпляровъ; въ нихъ сулились новопришельцамъ золотыя горы, разсказывалось, что стóитъ только ткнуть въ землю апельсинный саженецъ, и что черезъ два, много черезъ три года, безъ всякаго ухода, такой саженецъ будетъ давать чуть ли не сто долларовъ чистаго ежегоднаго дохода. Года смѣло обращались въ мѣсяцы въ этихъ брошюрахъ и описаніяхъ, и въ устахъ краснорѣчивыхъ поземельныхъ агентовъ расходы сводились къ нулю, а баснословные доходы обѣщались въ самомъ близкомъ будущемъ. При этомъ климатъ оказывался верхомъ совершенства: ровнымъ, безъ чрезмѣрныхъ жаровъ, здоровымъ во всѣхъ отношеніяхъ и особенно полезнымъ для людей, здоровье которыхъ было расшатано работой на сѣверѣ. Не разъ краснорѣчивый агентъ, обливаясь пóтомъ и положительно сгорая подъ прямыми лучами тропическаго солнца, увѣрялъ меня самымъ хладнокровнымъ образомъ, что лѣто во Флоридѣ гораздо пріятнѣе и здоровѣе зимы.

Американцы, вообще крайне осторожные и разсчетливые во всѣхъ обыденныхъ дѣлахъ, въ то же время чрезвычайно падки на всякую новизну; спекулятивный духъ въ нихъ сильнѣе, чѣмъ въ какомъ-либо другомъ народѣ, и все новое, еще невыясненное, имѣетъ для нихъ особенную прелесть. Сѣдые старики, весь свой вѣкъ успѣшно работавшіе на извѣстномъ поприщѣ, легко поддаются на удочку, какъ только является что-либо новое, обѣщающее быстрое обогащеніе,—и многія тысячи схватили „апельсинную горячку“, бросили насиженныя мѣста и прибыльныя занятія на сѣверѣ и перебрались съ семействами во Флориду—поселялись въ глуши, разводили апельсинныя плантаціи и ждали у моря погоды. Въ 1883 и 1884 годахъ этотъ приливъ былъ такъ великъ, что невозможно было ни за какія деньги достать апельсинныхъ саженцовъ; цѣна на нихъ дошла до 5 долларовъ за штуку, и вагоны за вагонами привозили ихъ десятками тысячъ изъ Луизіаны и Калифорніи; цѣны на землю поднялись съ 3 и 5 долларовъ за акръ въ 1881 году до 100, 150 и даже 250 долларовъ за акръ—въ 1887 году; крошечные поселки, основанные въ 1880 году, какъ напр. главный городъ графства Орэнжъ, Орландо, выросли въ города съ десяти-тысячнымъ населеніемъ, въ которыхъ угловыя мѣста на бойкихъ улицахъ приносили баснослов-

ную цѣну. Когда, въ іюнѣ 1881 года, я впервые посѣтилъ Орландо, въ немъ было всего не болѣе дюжины домовъ, и зданіе суда новообразованнаго графства только-что начинало строиться. Мнѣ предлагали купить 160 акровъ, примыкавшихъ какъ разъ къ этому зданію, за 1.500 долларовъ; земля была сплошь покрыта лѣсомъ, и вѣхи и лыски только-что оконченнаго изысканія новопроектированной желѣзной дороги были единственными признаками цивилизаціи. Я, конечно, отказался; а въ 1887 году земля эта стоила болѣе милліона долларовъ, и угловыя мѣста 25×75 футовъ площади продавались по десяти тысячъ долларовъ за штуку. Зато, съ другой стороны, когда въ 1887 году желтая лихорадка опустошила Тампу, а въ 1888 году раззорила Джаксонвилль, Орландо пострадалъ, можетъ быть, даже болѣе, чѣмъ эти города: половина его домовъ стояла пустая; страховыя общества отказались страховать постройки, и продать что-либо за какую-либо цѣну оказалось совершенно невозможнымъ—сегодняшніе богачи обратились въ нищихъ, а громадное большинство спекуляторовъ раззорилось въ конецъ; только весьма немногіе, вò-время очнувшіеся отъ спекулятивной лихорадки, остались цѣлы.

Послѣ долгихъ и упорныхъ розысковъ, я, наконецъ, наткнулся на нѣчто, чтò показалось мнѣ подходящимъ и вполнѣ по карману, и я купилъ 80 акровъ земли съ молодой апельсинной рощей и маленькимъ домикомъ въ двѣ крошечныя комнатки, и третью долю въ небольшомъ лѣсопильномъ заводѣ, работавшемъ въ одной милѣ отъ моего мѣста. Никогда не забуду той простоты дѣловыхъ сношеній и формъ, которая меня поразила въ этой моей первой куплѣ—съ тѣхъ поръ я покупалъ и продавалъ всякаго рода собственность очень часто, и, конечно, освоился съ ними, но эта первая купля навсегда врѣзалась въ моей памяти. Никому не было никакого дѣла, кто я такой, откуда, зачѣмъ и почему — все дѣло было устроено въ десять минутъ, нужныя бумаги написаны, подписаны и засвидѣтельствованы мѣстнымъ мировымъ судьей, — за что онъ взыскалъ съ насъ двадцать-пять центовъ,—а на слѣдующій день одинъ изъ сосѣдей, ѣхавшій въ городъ, засвидѣтельствовалъ бумаги въ судѣ,—за что взыскали одинъ долларъ,—и все было покончено, крѣпко и законно во всѣхъ отношеніяхъ. Я немедленно занялся приведеніемъ въ порядокъ новокупленнаго мѣста, расчисткой лѣса и посадкой 500 молодыхъ апельсиновъ, а, между тѣмъ, ежедневно ходилъ на заводъ и присматривался къ его порядкамъ и устройству. Компаньонами моими оказались разорившійся въ Джорджіи фермеръ, только за два

года передъ этимъ переселившійся во Флориду и занявшій участокъ правительственной земли, — флегматичный старикъ съ большими претензіями, хотя безъ всякаго образованія и дѣловой умѣлости, — и довольно живой кентукіецъ, хорошій машинистъ и большой пьяница. Дѣло у нихъ шло не особенно успѣшно — они постоянно ссорились, обвиняли другъ друга въ ничегонедѣланіи и совсѣмъ не занимались заводомъ, который шелъ плохо и еле-еле оплачивалъ расходы — доходу не было никакого, хотя работы было вдоволь, и дѣло само по себѣ было несомнѣнно прибыльное.

Черезъ мѣсяцъ пріѣхало мое семейство, и когда, послѣ уплаты за мѣсто, за заводъ и всѣхъ тѣхъ расходовъ, которые были необходимы для того, чтобы завести хозяйство, мы сосчитали свои деньги, у меня оставалось ровно сорокъ долларовъ. Къ этому времени я ужъ зналъ навѣрное, что всѣ разсказы о быстромъ обогащеніи отъ апельсиннаго дѣла — не что̀ иное, какъ разсказы, — зналъ, что роща потребуетъ, по крайней мѣрѣ, десять лѣтъ упорнаго труда и значительныхъ ежегодныхъ расходовъ, прежде чѣмъ дастъ какой-нибудь доходъ, — зналъ, что на проволочной травѣ и апельсинныхъ листьяхъ семьи не прокормишь, — и потому въ одно прекрасное утро пригласилъ своихъ компаньоновъ по заводу на совѣтъ и потребовалъ отчета въ дѣлахъ. Еще наканунѣ кентукіецъ былъ сильно пьянъ. и компаньоны крѣпко поссорились между собою — начались взаимные упреки и жалобы другъ на друга; я видѣлъ, что дѣло ведется неладно, хотя и не зналъ положительно, почему и какъ, — и хотя только-что начиналъ лепетать по-англійски и понятія не имѣлъ ни о производствѣ, ни о внѣшней, торговой сторонѣ дѣла — требовалъ немедленной перемѣны въ управленіи, такъ какъ заводъ представлялся мнѣ единственнымъ средствомъ къ существованію. Ни одинъ изъ моихъ компаньоновъ не желалъ уступить другому — до сихъ поръ они оба управляли заводомъ и всегда сваливали другъ на друга его неудачи. Мы долго спорили; наконецъ, одинъ изъ нихъ согласился уступить, если и другой тоже откажется отъ управленія. Оставался одинъ только исходъ — поручить дѣло мнѣ, и они оба согласились на это съ радостью. На другое же утро я взялся за работу — и черезъ полгода былъ уже въ состояніи выкупить дѣло у кентукійца, а черезъ годъ — и у второго партнера; работы было вдоволь, цѣны на тесъ стояли высокія; я расширилъ дѣло, прибавилъ новыя машины, выстроилъ другой заводъ, затѣмъ деревообработывающую фабрику, завелъ обширную торговлю, потомъ пустился въ подряды, взялся за

постройку желѣзныхъ дорогъ, и черезъ нѣсколько лѣтъ очутился во главѣ не только обширнаго лѣсного и подрядно-строительнаго дѣла, съ годовымъ оборотомъ свыше милліона долларовъ, но и, частію, владѣльцемъ и главноуправляющимъ значительной желѣзнодорожной системы. Лѣсопильный заводъ, деревообработывающій заводъ, огромный магазинъ разныхъ товаровъ, заводъ для постройки желѣзнодорожныхъ вагоновъ, желѣзная дорога съ нѣсколькими вѣтвями, нѣсколько морскихъ пароходовъ, которые пришлось завести съ развитіемъ желѣзнодорожнаго дѣла, около милліона акровъ полученной отъ штата и частныхъ лицъ земли съ нѣсколькими городами, основанными мною на линіи желѣзной дороги—все это явилось какъ результатъ восьмилѣтней работы съ третьей долей крошечнаго завода, за которую я заплатилъ всего 600 долларовъ. Основанный мною въ 1886 году на Мексиканскомъ заливѣ городъ С.-Петербургъ насчитываетъ уже около 2.000 жителей и считается единственнымъ портомъ западнаго берега Флориды, къ которому могутъ приставать океанскіе пароходы—всѣ данныя въ пользу того, что со временемъ онъ сдѣлается средоточіемъ торговли между Антильскими островами и республиками центральной Америки съ Соединенными Штатами.

Вь 1887 и 1888 годахъ желтая лихорадка (yellow fever) свирѣпствовала на югѣ Соединенныхъ Штатовъ, и Флорида, особенно сѣверная ея часть, сильно пострадала отъ нея. Здоровье мое было надорвано непривычной восьмилѣтней работой, безъ всякаго перерыва и отдыха — тропическій климатъ дѣйствуетъ весьма сильно, хотя и медленно, на сѣверянъ вообще—всякое дѣло было въ застоѣ, и я продалъ всѣ мои интересы во Флоридѣ и переселился далѣе на сѣверъ, гдѣ и веду свое дѣло—опять-таки лѣсопильный заводъ, деревообработывающую фабрику и различные подряды—и до сихъ поръ. Въ теченіе этихъ десяти лѣтъ я довольно основательно, на практикѣ, ознакомился съ лѣснымъ и строительнымъ дѣломъ, торговлей, желѣзнодорожнымъ дѣломъ, политикой и общественной жизнью Соединенныхъ Штатовъ, и объ этихъ-то предметахъ я и собираюсь теперь побесѣдовать съ читателями.

II.

Лѣсное дѣло и обработка дерева во всѣхъ его видахъ составляютъ самый важный, послѣ земледѣлія, предметъ производства въ

Соединенныхъ Штатахъ. Многія сотни милліоновъ долларовъ капитала и многіе милліоны рабочихъ заняты этимъ промысломъ. Огромное количество лѣса—частію въ бревнѣ, частію въ тесѣ и брусьяхъ, частію въ видѣ различныхъ деревянныхъ издѣлій, особенно машинъ и мебели,—ежегодно вывозится въ Великобританію, Германію, Францію и страны центральной и южной Америки; еще бо́льшее количество потребляется дома, благодаря феноменальному росту страны и потребительнымъ ея силамъ, зависящимъ отъ колоссальнаго богатства жителей. Приозерные штаты, Мичиганъ, Висконсинъ и Миннесота, до самаго послѣдняго времени составляли центръ лѣсного дѣла Америки; бѣлая сосна и ея разновидность, норвежская сосна, были главнымъ продуктомъ этого дѣла. На крайнемъ сѣверо-востокѣ, въ штатахъ Мэнѣ, Вермонтѣ и Нью-Гампшайрѣ, ихъ замѣняетъ другая разновидность сосны, гемлокъ; на крайнемъ западѣ, въ штатахъ Вашингтонѣ, Орегонѣ и Калифорніи—красное дерево (redwood) и ель (fir). Дубъ и его многочисленныя разновидности ростутъ по всѣмъ штатамъ, съ крайняго сѣвера до крайняго юга — въ центральныхъ штатахъ, Иллинойсѣ, Охайо, Кентуки; онъ употребляется не только на всѣ подѣлки, но и на постройку зданій. Въ горахъ западной Вирджиніи, Сѣверной Каролинѣ, Кентуки и Тенесси ростутъ: орѣхъ, вишня, тополь, каштанъ, ясень; всѣ эти дорогія твердыя породы вывозятся въ Европу ежегодно въ огромныхъ количествахъ; въ настоящее время у меня большой лѣсопильный заводъ и деревообработывающая фабрика въ горахъ Сѣверной Каролины, — мы пилимъ, сушимъ и обработываемъ орѣхъ, вишню, тополь, ясень, каштанъ, кленъ и многія другія породы лѣса, названія которыхъ по-русски мнѣ неизвѣстны. Наконецъ, на самомъ югѣ, въ восточной части Сѣверной Каролины, въ Южной Каролинѣ, Джорджіи, Флоридѣ, Алабамѣ, Луизіанѣ, Миссисипи и восточной части Техаса ростутъ: желтая сосна съ длинными иглами (yellow long leaf fine), кипарисъ (cypress), красный кедръ (redcedar) и камедь (gum). Уже съ давнихъ поръ желтая сосна извѣстна на всемірномъ рынкѣ по своимъ превосходнымъ строительнымъ качествамъ, и болѣе пятидесяти лѣтъ ее вывозятъ въ Европу и въ сѣверные штаты изъ приморскихъ портовъ Мексиканскаго залива — но только въ теченіи послѣднихъ десяти лѣтъ дѣло это развилось до громадныхъ размѣровъ, и многіе лѣсопромышленники приозерныхъ штатовъ перевезли и перевозятъ въ настоящее время свои заводы съ сѣвера на югъ — и принялись за пилку вплотную; рабочій трудъ здѣсь дешевле, и заводы, благодаря теплому кли-

мату, могутъ работать круглый годъ. Кромѣ того, сообщеніе съ главными рынками—Великобританіей и центральной Америкой—дешево и относительно быстро. Желтая сосна и, въ особенности, кипарисъ ростутъ въ такихъ громадныхъ количествахъ и достигаютъ такихъ огромныхъ размѣровъ, что ихъ запасъ считается неистощимымъ; впрочемъ, то же говорилось двадцать лѣтъ тому назадъ и о лѣсахъ бѣлой сосны на сѣверѣ, хотя теперь и признаютъ за истину, что запаса этой послѣдней породы едва ли хватитъ на слѣдующія двадцать лѣтъ, даже не разсчитывая на увеличеніе производства. Несомнѣнно то, что паровая лѣсопилка въ рукахъ энергическаго лѣсопромышленника очищаетъ лѣса изумительно быстро: въ 1885 году, когда мнѣ пришлось, за множествомъ заказовъ, пилить день и ночь съ двумя смѣнами рабочихъ, я уничтожилъ 160 акровъ въ недѣлю, т.-е. квадратную милю въ мѣсяцъ.

Пиленые брусья и тесъ всѣхъ сортовъ вычисляются и продаются въ Америкѣ на квадратный футъ. Доска въ одинъ дюймъ толщины, 12 дюймовъ ширины и 12 дюймовъ длины составляетъ одинъ квадратный футъ (square foot board measure). Свыше одного дюйма толщины—считается сообразно съ толщиной: напр., доска въ $1^1/_2$ дюйма толщины, 12 дюймовъ ширины и длины содержитъ полтора фута теса; въ 2 дюйма толщины—2 фута теса и т. д. Всѣ толщины ниже одного дюйма считаются за дюймъ. Такимъ образомъ, доска въ 1 дюймъ толщины, 6 дюймовъ ширины и 12 футовъ длины содержитъ 6 футовъ теса; доска въ 2 дюйма толщины, 10 дюймовъ ширины и 12 футовъ длины содержитъ 20 футовъ тесу. При составленіи счетовъ сначала ставится число досокъ, затѣмъ толщина и ширина въ дюймахъ и наконецъ длина въ футахъ—напр.: $10-2'' \times 6 \times 12'$ значитъ 10 досокъ 2 дюйма въ толщину, 6 дюймовъ въ ширину и 12 футовъ въ длину. Такимъ образомъ разсчеты упрощаются до чрезвычайности, и всякій понимаетъ и можетъ провѣрить какой угодно счетъ. При разсчетахъ строганаго теса берутъ за единицу размѣръ до строганія—такимъ образомъ, если шестидюймовыя доски употреблены были до строганія половыхъ досокъ, говорятъ и вычисляютъ шестидюймовыя половыя доски, хотя, вслѣдствіе сушки и строганія, онѣ и уменьшились до пяти дюймовъ.

Тесъ каждой породы лѣса подлежитъ извѣстнымъ, строго опредѣленнымъ правиламъ инспекціи, которыя имѣютъ силу во всѣхъ штатахъ союза. Многіе штаты содержатъ правительственныхъ присяжныхъ инспекторовъ, которые держатъ экзаменъ и получаютъ опре-

дѣленное жалованье; расходы на ихъ содержаніе вполнѣ покрываются извѣстнымъ налогомъ на каждую тысячу футовъ, которую они инспектируютъ по просьбѣ торговцевъ лѣсомъ. Ихъ инспекція безапелляціонна, и ихъ измѣреніе и сортировка принимаются судьями за базисъ, достовѣрность котораго не можетъ быть оспариваема тяжущимися. Такимъ образомъ, всякій споръ, какъ относительно качества, такъ и количества, между отправителемъ и получателемъ—рѣшается ими, и это рѣшеніе служитъ основаніемъ для окончательныхъ разсчетовъ; даже Великобританія и центральная и южная Америка принимаютъ измѣреніе и сортировку этихъ инспекторовъ за неоспоримое основаніе для разсчетовъ. Гальвестонъ, Нью-Орлинсъ, Мобиль и Пенсакола на Мексиканскомъ заливѣ; Фернандина, Саванна, Чарльстонъ и Вильмингтонъ на южномъ, и Балтиморъ, Филадельфія, Нью-Іоркъ и Бостонъ на сѣверномъ Атлантическомъ океанѣ; Сагинау, Мильвоки и Чикаго на Великихъ озерахъ и портѣ Нью-джетъ-Соунди на Тихомъ океанѣ—вотъ центры внутренней торговли тесомъ и главные пункты экспорта за границу теса и древесныхъ издѣлій всѣхъ родовъ. Всѣ они имѣютъ достаточное число присяжныхъ инспекторовъ, а отправители изъ внутреннихъ штатовъ содержатъ своихъ, и обыкновенно крайне осторожны въ отправкѣ; недоразумѣнія и споры по этому предмету крайне рѣдки и обыкновенно бываютъ послѣдствіемъ какой-либо случайности — или задержки въ дорогѣ, или течи въ крышѣ вагона, испортившей тесъ, или крушенія поѣзда. Хорошій инспекторъ, умѣющій инспектировать различныя породы лѣса, обыкновенно получаетъ хорошее жалованье—3, 4, 5 долларовъ въ день; зато, онъ отвѣтственъ за измѣреніе и сортировку; если содержимое вагона, по инспекціи присяжнаго инспектора въ мѣстѣ разгрузки, оказывается несогласнымъ съ накладной отправителя, всякая разница заносится на счетъ отправившаго инспектора; а такъ какъ фрахтъ на различные сорта различенъ и зависитъ отъ качества теса, показаннаго въ накладной, то эта разница можетъ быть весьма значительна, и отправляющій инспекторъ, конечно, долженъ быть крайне остороженъ. Въ теченіи моей десятилѣтней дѣятельности, какъ лѣсопромышленника, я отправилъ многіе десятки милліоновъ футовъ теса, а на моей памяти нѣтъ ни одного случая спора или разногласія съ моими покупателями по этому поводу.

Цѣна на тесъ въ Америкѣ крайне разнообразна. Бѣлая сосна 1-го сорта стóитъ въ Чикаго около 40 долларовъ за тысячу футовъ;

низшіе сорта̀—отъ 12 долларовъ. Желтая сосна 1-го сорта въ Нью-Орлинсѣ, Пенсаколѣ или Саваннѣ стòитъ 15 долларовъ за тысячу, низшаго сорта—около 8; въ Нью-Іоркѣ или Бостонѣ—22 и 15 долларовъ, такъ какъ фрахтъ и издержки обходятся приблизительно въ 7 долларовъ на тысячу. Кипарисъ 1-го сорта въ Нью-Іоркѣ стòитъ 50 долларовъ; тополь и бѣлый дубъ—35; каштанъ и ясень—около 40; орѣхъ и вишня—около 110. Перевозка теса по желѣзнымъ дорогамъ стòитъ довольно дорого, такъ что производители, напр. въ горахъ Сѣверной Каролины и Тенесси, получаютъ на мѣстѣ за высшіе сорта̀ тополя и бѣлаго дуба около 25 долларовъ, за кипарисъ и ясень — около того же; они тяжелы, и перевозка ихъ обходится дороже.

Лѣсопильные заводы рѣзко раздѣляются на два рода: одни работаютъ исключительно для мѣстнаго потребленія; другіе—исключительно для отправки въ центры лѣсной торговли, для распредѣленія по потребностямъ большихъ городовъ и безлѣсныхъ мѣстностей и для экспорта за границу. Первые чрезвычайно многочисленны — каждое мѣстечко имѣетъ свой заводъ для удовлетворенія мѣстныхъ нуждъ. Эти мѣстные заводы обыкновенно переносные, съ очень легкими и дешевыми машинами; паровикъ съ машиной на колесахъ и двѣ пары муловъ свободно могутъ перевозить ихъ съ мѣста на мѣсто. Въ полъ-дня заводъ установленъ и въ полномъ ходу; пила у него всегда круглая, и все обзаведеніе стòитъ отъ полуторы до двухъ тысячъ долларовъ. Бревна обыкновенно доставляются мѣстными жителями, и заводъ, при четырехъ или пяти рабочихъ, можетъ произвести до четырехъ или пяти тысячъ футовъ въ день. Какъ только лѣсъ на полъ-мили кругомъ изрѣзанъ, заводъ переводятъ на другое мѣсто — и такой лѣсопромышленникъ вѣчно кочуетъ съ мѣста на мѣсто, смотря по тому, гдѣ есть потребность въ тесѣ; очень часто заводъ переводится для того только, чтобы нарѣзать 10 или 15 тысячъ футовъ теса для фермерскаго дома, и затѣмъ отправляютъ дальше. Расходъ на такихъ заводахъ доведенъ до minimum'а во всѣхъ отношеніяхъ: самъ владѣлецъ обыкновенно— и главный пильщикъ, и машинистъ, и главноуправляющій,—все въ одномъ лицѣ. Заводъ обыкновенно — старый, работавшій 20 или 30 лѣтъ; машины всѣ, такъ сказать, въ заплатахъ, деревянныя самодѣльныя части замѣняютъ поломанныя желѣзныя, а, между тѣмъ, работаютъ онѣ, въ большинствѣ случаевъ, безъ запинки, превосходно во всѣхъ отношеніяхъ. Происходитъ это частію потому, что всѣ ма-

шины этого сорта упрощены до-нельзя—все на виду, можно слѣдить внимательно за тѣмъ, какъ части работаютъ и, въ случаѣ поломки, легко исправить или замѣнить поломанную часть; но, главнымъ образомъ, потому, что американцы, такъ сказать, прирожденные машинисты и крайне находчивы и искусны въ этомъ дѣлѣ. Нѣтъ такого угла въ Америкѣ, нѣтъ такого захолустья, гдѣ бы не было опытныхъ и искусныхъ машинистовъ всякаго рода; они постоянно странствуютъ, постоянно передвигаются съ мѣста на мѣсто, и я очень часто открывалъ въ оборванномъ странникѣ, работавшемъ какъ простой поденщикъ, чрезвычайно искуснаго специалиста. Тотъ лѣсопильный заводъ, третью часть котораго я купилъ по моемъ прибытіи въ Америку, работалъ 30 лѣтъ до тѣхъ поръ, пока я его купилъ, что̀ было видно по году отливки машины на самой машинѣ, былъ въ двухъ пожарахъ, а все-таки работалъ 8 лѣтъ безостановочно для меня, причемъ два или три года я пилилъ на немъ день и ночь, и онъ работаетъ и до настоящей минуты; главные пильщики и рабочіе мѣнялись довольно часто, а я не помню ни одного случая, чтобы пришлось остановиться для починокъ или передѣлокъ — все это дѣлалось какъ-то само собой, и всегда оказывался подъ рукой кто-нибудь, кто могъ исправить, безъ всякихъ задержекъ или хлопотъ, случайную поломку или неисправность.

Переходною ступенью отъ этихъ маленькихъ переносныхъ заводовъ къ большимъ служатъ такіе заводы для мѣстнаго потребленія, которые присоединили къ себѣ двѣ или три строгальныя машины, машины для выдѣлки кровельной и штукатурной лучины и т. д. Такіе заводы осѣдлы — не они ѣдутъ къ лѣсу, а лѣсъ ѣдетъ къ нимъ. Тогда какъ первые рѣдко имѣютъ болѣе 15 — 20 лошадиныхъ силъ, вторые часто имѣютъ 40 и 50, даже 100; машины ихъ болѣе цѣнны и сложны, и они могутъ пилить 10, 15, даже 20 тысячъ футовъ въ день. Пила опять-таки круглая, но большого діаметра, до 72 дюймовъ и обыкновенно съ вставными зубьями, которые дороже сами по себѣ, но требуютъ меньше ухода. Такіе заводы встрѣчаются въ каждомъ городѣ съ 3 — 5 тысячами жителей, гдѣ существуетъ обезпеченный рынокъ для ихъ производства; стоятъ они часто до 20 тысячъ долларовъ и требуютъ значительнаго капитала, такъ какъ, по мѣрѣ роста мѣстечка или городка, потребности въ качествѣ матеріала увеличиваются и усложняются—приходится имѣть сухой тесъ разныхъ размѣровъ и качествъ, часто въ большомъ количествѣ, и нерѣдко такой заводъ держитъ не менѣе

3-хъ, иногда даже 5 милліоновъ футовъ теса въ запасѣ. Въ графствѣ Орэнжъ, гдѣ я началъ мою американскую работу, въ 1881 году было всего 3 маленькихъ переносныхъ лѣсопильныхъ завода и ни одной строгальной машины, а въ 1888 году было уже около 30 маленькихъ переносныхъ и 6 среднихъ, изъ которыхъ два имѣли капиталъ въ 100.000 долларовъ каждый.

Большихъ экспортныхъ лѣсопильныхъ заводовъ особенно много въ штатахъ Мичигэнѣ, Висконсинѣ, Мэнѣ, Алабамѣ, Луизіанѣ и Тексасѣ. Очень немногіе, всего два или три во всемъ союзѣ, принадлежатъ отдѣльнымъ личностямъ; они ведутся, какъ и всѣ большія предпріятія въ Америкѣ, акціонерными компаніями, обыкновенно съ большимъ капиталомъ. Двѣсти или триста тысячъ долларовъ въ настоящее время считаются недостаточнымъ капиталомъ для того, чтобы вести большое лѣсное дѣло — многія компаніи имѣютъ милліонъ и болѣе капитала, а около десяти компаній имѣютъ капиталъ въ пять милліоновъ долларовъ каждая. Онѣ обыкновенно скупаютъ прежде всего огромныя пространства лѣсныхъ земель — многія владѣютъ милліонами акровъ. Затѣмъ, если нѣтъ рѣки для сплава бревенъ, строятъ короткія желѣзнодорожныя линіи въ разныхъ направленіяхъ отъ завода для подвозки бревенъ; одна компанія въ Мичигэнѣ имѣетъ до 80 миль, или около 120 верстъ, такихъ желѣзнодорожныхъ вѣтвей, съ полной экипировкой, до десяти локомотивовъ и до 200 платформъ для возки бревенъ. Эти заводы обыкновенно строятся прочно и солидно; паровыя машины встрѣчаются въ 500 лошадиныхъ силъ; круглыя пилы почти совершенно вышли изъ употребленія и дали дорогу ленточнымъ пиламъ (band-saw), которыя устроены такъ, что безконечная лента пилы, около 6 дюймовъ ширины и обыкновенно очень тонкая, вращается на двухъ колесахъ, расположенныхъ въ прочной стальной рамѣ одно надъ другимъ. Эти ленточныя пилы составляютъ одно изъ новѣйшихъ изобрѣтеній американскаго машиннаго дѣла и быстро вытѣсняютъ круглую пилу; въ самое послѣднее время ихъ стали дѣлать и небольшого размѣра, такъ что и средней руки заводы начинаютъ вводить ихъ. Ихъ преимущества такъ значительны, что не подлежитъ сомнѣнію, что, въ самомъ близкомъ будущемъ, онѣ совершенно вытѣснятъ круглую пилу и будутъ употребляться вездѣ и всюду — даже на самыхъ маленькихъ переносныхъ заводахъ. Главное ихъ преимущество — тонкость; онѣ дѣлаютъ на двѣ трети меньше опилокъ, чѣмъ круглыя пилы, и довольно аккуратное вычисленіе доказываетъ, что, при пилкѣ дюймо-

вого теса, сохраняется около 10 процентовъ лѣса. Устройство ихъ таково, что онѣ могутъ рѣзать всякую толщину бревна—тогда какъ круглая пила не можетъ быть сдѣлана болѣе 72 дюймовъ въ діаметрѣ, такъ какъ при бо́льшемъ діаметрѣ, для сохраненія необходимой устойчивости, ей пришлось бы придать совершенно невозможную толщину. Правда, на многихъ заводахъ съ круглыми пилами отчасти устраняютъ это послѣднее неудобство тѣмъ, что сверху и спереди главной пилы прикрѣпляютъ вторую, мѐньшаго діаметра, которая разрѣзаетъ верхнюю часть бревна на одной линіи съ главной пилой, и, такимъ образомъ, дѣлается возможной распиловка бо́льшаго діаметра бревенъ;—но такого устройства машину очень трудно содержать въ порядкѣ: пилы часто попадаются неодинаковой устойчивости и неодинаковаго закала, работаютъ неровно и портятъ тесъ; кромѣ того, требуется довольно сложный и дорого стоющій механизмъ. При распиловкѣ кипариса, орѣха, вишни, тополя, и, въ особенности, краснаго дерева (особая порода кедра на берегахъ Тихаго Океана), ленточная пила незамѣнима: эти породы часто достигаютъ 7, 8, 10 и даже 12 футовъ въ діаметрѣ, и круглая пила была не въ состояніи рѣзать ихъ съ какимъ-либо успѣхомъ; работа стоила дорого, и тесъ часто получался плохого качества.

Кромѣ главной пилы, которая на большихъ заводахъ, въ видахъ экономіи времени, употребляется исключительно для разрѣзки бревна, какъ дѣлаютъ ручные пильщики въ Россіи, приспособляется цѣлая система продольныхъ и поперечныхъ меньшихъ пилъ, которыя обработываютъ тесъ и брусья со всѣхъ концовъ и сдаютъ ихъ въ складъ обрѣзанными подъ прямымъ угломъ со всѣхъ четырехъ сторонъ. Устроиваютъ весьма сложныя и остроумныя приспособленія для быстраго передвиженія теса въ самомъ заводѣ, отъ одной машины къ другой; всякая секунда рабочаго времени уэкономлена по возможности. За послѣднее время эти большіе заводы стали достигать изумительной производительности: самый большой изъ нихъ, въ штатѣ Мичигэнѣ, разрѣзаетъ до 110 тысячъ футовъ теса въ рабочій день, въ 10 часовъ, причемъ тесъ—вполнѣ совершенный во всѣхъ отношеніяхъ, а стоимость производства доведена до minimum'а.

Само собой разумѣется, что доставка бревенъ для такого завода составляетъ одну изъ главныхъ заботъ лѣсопромышленника. Заводъ работаетъ безостановочно, каждый день и цѣлый день, а въ лѣсу часто нельзя работать изъ-за дождя, бури, грязи и т. д.; требуется постоянно большой запасъ бревенъ, такъ какъ погода во всякое время

можетъ остановить подвозку. Я уже упоминалъ, что многіе заводы имѣютъ свою собственную желѣзнодорожную сѣть для подвозки бревенъ,—а для подвозки къ этой сѣти употребляются мулы въ ровныхъ и волы въ гористыхъ мѣстностяхъ. Въ сѣверныхъ штатахъ обыкновенно выпадаетъ достаточно снѣга, хотя и на короткое время, для того, чтобы успѣть подвезти массу бревенъ на саняхъ, но въ среднихъ штатахъ и на югѣ снѣга нѣтъ совсѣмъ, и бревна подвозятъ круглый годъ на колесахъ. Существуетъ много приспособленій для дешевой и скорой доставки самыхъ большихъ бревенъ; на югѣ преимущественно употребляютъ двухколесную арбу, съ колесами въ 8 и даже 10 футовъ въ діаметрѣ; къ оси, посредствомъ длиннаго рычага и системы блоковъ, подтягиваютъ бревно желѣзными крючьями, причемъ все устройство такъ удобно, что одинъ человѣкъ свободно можетъ подтянуть и подвезти къ заводу самое большое бревно. Я употреблялъ обыкновенно 4, а иногда 6, даже 8 муловъ съ однимъ погонщикомъ на двухколеску,—и такая подвода подвозила двадцать и даже тридцать бревенъ въ день, иногда въ 3 и даже въ 4 фута въ діаметрѣ и до 60 футовъ длины. Въ горахъ употребляютъ воловъ, безъ всякаго экипажа—заостриваютъ вершину, захватываютъ ее желѣзными крючьями и цѣпями и тащатъ бревно по землѣ къ заводу. Тополь, и въ особенности орѣхъ и вишня, ростутъ почти исключительно по крутымъ склонамъ горъ, и доставка этихъ породъ къ заводамъ составляетъ главный расходъ производства, такъ какъ она не только дорогà и затруднительна, но и крайне опасна — нерѣдко сорвавшееся на крутомъ склонѣ бревно убиваетъ не только воловъ, но и погонщиковъ, и только съ значительнымъ рискомъ и большой затратой труда и времени можно разсчитывать на ихъ доставку; одно хорошее орѣховое или вишневое дерево стòитъ часто 300 и даже 500 долларовъ, и мнѣ извѣстны случаи, когда цѣлый мѣсяцъ употреблялся на доставку одного дерева къ заводу.

Немедленно по распиловкѣ тесъ складывается въ правильныя кучи, по толщинамъ, длинамъ и качеству, и просушивается, смотря по погодѣ, отъ 2 до 6 мѣсяцевъ; затѣмъ отправляется или за границу, или на строгальные и обработывающіе дерево заводы разныхъ родовъ.

Строгальные заводы (planing mills) очень однообразны,—различіе заключается только въ числѣ машинъ и размѣрахъ производства. Небольшіе заводы для мѣстнаго потребленія обыкновенно соединены съ лѣсопилками, какъ я уже имѣлъ случай упомянуть выше,

и работаютъ исключительно для мѣстныхъ заказовъ; большіе расположены въ центрахъ лѣсной торговли и дѣйствуютъ какъ оптовые склады строганаго теса для внутренней и экспортной торговли. Оба рода производятъ половыя доски (flooring), доски для наружной (siding) и внутренней (ceiling) обшивки домовъ, доски разныхъ сортовъ и видовъ для внутренней и наружной отдѣлки: карнизовъ, дверныхъ и оконныхъ наличниковъ, лѣстницъ и т. д. Названія многихъ сортовъ совершенно непереводимы на русскій языкъ, такъ какъ и архитектура, и система постройки зданій въ Америкѣ совершенно различны отъ русскихъ (ниже я буду имѣть случай подробнѣе говорить объ этомъ). Кромѣ этихъ, одинаковыхъ по всему союзу, сортовъ строганаго теса, заводы эти дѣлаютъ двери, окна и всякаго рода токарную и выпильную ажурную работу изъ дерева; оба эти рода въ большомъ употребленіи въ Америкѣ, и самый дешевый домъ непремѣнно снабженъ, въ большей или мѣньшей степени, точеными колоннами и балюстрадами и выпильными украшеніями разнаго сорта.

Машины для строганія теса усовершенствованы до чрезвычайности и крайне разнообразны. Нѣтъ ни одной отрасли деревяннаго производства, для которой не существовало бы десятка или болѣе самыхъ разнообразныхъ машинъ, стремящихся облегчить и удешевить ручную работу человѣка. На моемъ настоящемъ заводѣ до 60 различныхъ машинъ, начиная отъ крошечной (pony) строгальной машины, строгающей короткія доски въ родѣ дверныхъ панелей и стоющей всего 100 долларовъ, до гиганта, строгающаго сразу всѣ четыре стороны бруса въ 12 дюймовъ толщины и ширины, вѣсящей 57 тоннъ и стоющей 3.500 долларовъ. Чтобы сдѣлать простую панельную дверь,—дерево, ее составляющее, проходитъ черезъ 12 различныхъ машинъ, и все-таки производство такъ удешевлено, что такая дверь приноситъ хорошій барышъ, хотя и продается въ розницу за одинъ долларъ. Съ цѣлью уяснить хоть нѣсколько эту машинную работу, я прослѣжу процессъ производства этой двери. Прежде всего тесъ, получаемый съ лѣсопильныхъ заводовъ, проходитъ черезъ искусственную сушильню; сушильни эти работаютъ или посредствомъ пара, или посредствомъ горячаго воздуха; онѣ доведены до высокой степени совершенства и, послѣ трехъ или четырехъ дней, выпускаютъ тесъ абсолютно сухимъ. Доски изъ сушильни поступаютъ сначала на продольную и поперечную круглыя небольшія пилы, которыя разрѣзаютъ ихъ на нужные размѣры; затѣмъ ихъ строгаютъ на машинѣ.

которая строгаетъ обѣ стороны сразу до извѣстной, необходимой толщины, послѣ чего онѣ поступаютъ на сверлильную и долбильную машины, которыя долбятъ сквозныя дыры, гдѣ онѣ необходимы для скрѣпы рамы; затѣмъ особая пазовая машина дѣлаетъ пазы въ продольныхъ брусьяхъ для пріема поперечныхъ и панелей, тогда какъ другая нарѣзаетъ шипы на поперечныхъ брускахъ съ обѣихъ сторонъ сразу, и притомъ совершенно того же размѣра, какъ дыры для ихъ принятія въ продольныхъ брускахъ. Между тѣмъ, двѣ другія машины обработываютъ панели: одна нарѣзаетъ съ обѣихъ сторонъ сразу рельефныя выпуклости для красоты, тогда какъ другая дѣлаетъ толщину краевъ какъ разъ для пазовъ въ брусьяхъ рамы. Послѣ этого всѣ части поступаютъ на пескобумажную машину, которая съ изумительной быстротой очищаетъ всѣ шероховатости и неровности углубленныхъ частей; затѣмъ руками части соединяются въ дверь, которая поступаетъ въ прессъ, охватывающій ее со всѣхъ сторонъ и пригоняющій каждую часть плотно и точно одну къ другой. Маленькая сверлильная машина, расположенная сверху надъ прессомъ, сверлитъ дырочки по всѣмъ швамъ, и клинья вколачиваются въ эти дырочки для скрѣпы двери, которая поступаетъ затѣмъ на діагональную строгальную машину, строгающую обѣ стороны сразу до требуемой толщины, и, наконецъ, на другую пескобумажную машину, которая отполировываетъ всѣ неровности и шероховатости на выдающихся частяхъ двери — и она готова. Я самъ дѣлалъ опыты на моемъ заводѣ нѣсколько разъ — и мы кончали дверь въ 40 минутъ послѣ того, какъ тесъ для нея выходилъ изъ сушильни.

Половыя доски и тесъ для наружной и внутренней обшивки, также какъ и нестроганый тесъ, раздѣляются на извѣстные сортà по качеству и подлежатъ той же инспекціи. Половыя доски дѣлаются изъ дуба, клена, бѣлой и преимущественно желтой сосны — этотъ послѣдній родъ считается лучшимъ. Обшивочный тесъ дѣлается изъ бѣлой и желтой сосны и тополя. Толщина и ширина, также какъ и качество, весьма различны: чѣмъ ўже половыя и обшивочныя доски, тѣмъ онѣ считаются лучше и цѣнятся дороже — высшіе сорта въ Нью-Іоркѣ стоятъ 60 и даже 80 долларовъ за тысячу футовъ; дубовыя и кленовыя вывозятся въ значительныхъ количествахъ въ Великобританію, для настилки корабельныхъ дековъ, и стоятъ до 100 долларовъ за тысячу футовъ. Обшивочный тесъ стòитъ дешевле, и качество его обыкновенно ниже половыхъ досокъ; на эти послѣднія обращается особенное вниманіе, и хорошій, плотный полъ, никогда

не разсыхающійся, можетъ считаться отличительной чертой громаднаго большинства американскихъ построекъ.

Кромѣ строгальныхъ заводовъ вышеописаннаго типа, по всему союзу разбросаны спеціальные деревообработывающіе заводы самаго разнообразнаго характера. Каждый изъ нихъ имѣетъ какую-нибудь спеціальность; за послѣднее время спеціальности эти съуживаются все больше и больше — и возникаютъ заводы для выдѣлки, напр., исключительно топорищъ, или метельныхъ ручекъ, или раздвижныхъ столовъ и т. д. Дѣло въ томъ, что машинное дѣло безостановочно подвигается впередъ — постоянно изобрѣтаются новыя машины, упрощающія и удешевляющія извѣстную сторону производства; заводы общаго характера не въ состояніи слѣдить за всѣми этими нововведеніями, не въ состояніи вводить ихъ, такъ какъ они обыкновенно очень дороги сначала, и, хотя и удешевляютъ производство, требуютъ для этого постоянной работы. Мебельные заводы, которые десять лѣтъ тому назадъ производили всякаго рода мебель, начиная съ дешеваго стула, цѣна котораго не превышаетъ трехъ долларовъ за дюжину, и кончая великолѣпнымъ буфетомъ, стоящимъ 3 или 4 тысячи, за послѣднее время разбились на спеціальности и производятъ только мебель извѣстнаго рода: одни дѣлаютъ исключительно стулья, другіе — кровати, третьи — столы, четвертые — шкафы, и т. д. Каждая отрасль мебельнаго дѣла обратилась въ спеціальность, требуетъ особыхъ машинъ и особыхъ рабочихъ. Число этихъ машинъ до того увеличилось, и новыя изобрѣтенія слѣдуютъ такъ быстро одно за другимъ, что несообразно громадное помѣщеніе и слишкомъ большой капиталъ потребовались бы для того, чтобы помѣстить ихъ всѣхъ подъ одною кровлей; кромѣ того, одному лицу было бы физически невозможно наблюдать за такимъ обширнымъ дѣломъ и въ то же время быть au courant всѣхъ его подробностей, — а конкуренція такъ сильна и цѣны такъ чутки ко всякому новому удешевленію производства, что только самые совершенные во всѣхъ отношеніяхъ заводы могутъ разсчитывать на успѣхъ. Чтобы иллюстрировать вышесказанное, укажу на слѣдующій фактъ: заводъ швейныхъ машинъ Зингера, производящій до полутора милліоновъ машинъ въ годъ, имѣетъ три отдѣльныхъ деревянныхъ завода: на одномъ приготовляютъ исключительно крышки машинъ, на другомъ — ящики, а на третьемъ дѣлаютъ изъ нихъ одно цѣлое; управляющіе этимъ дѣломъ разсчитали, что имъ выгоднѣе спеціализировать такимъ образомъ производство швейныхъ столовъ.

То же самое явленіе замѣчается и во всѣхъ другихъ отрасляхъ деревяннаго производства. Заводы желѣзнодорожныхъ вагоновъ, экипажные, органные и фортепіанные, школьной и церковной мебели и принадлежностей—всѣ они имѣютъ спеціальныя машины, спеціальныхъ рабочихъ, и, мало того,—часто производятъ только извѣстную часть предмета и ничего больше. Напр., въ экипажномъ дѣлѣ: колесные ободья производятся на особыхъ заводахъ, преимущественно въ штатахъ Миссури, Арканзасѣ и Тенесси; колесныя спицы — въ Индіанѣ и Охайо; ступицы—опять-таки на спеціальныхъ заводахъ въ Кентуки и Иллинойсѣ. Всѣ эти отдѣльныя части покупаются особыми заводами, которыхъ спеціальность —цѣлыя колеса; такимъ образомъ, цѣлый десятокъ заводовъ участвуетъ въ работѣ какого-нибудь дешеваго экипажа, причемъ каждая часть произведена самымъ дешевымъ образомъ, и притомъ имѣется всякое основаніе предполагать, что части эти несомнѣнно хорошаго качества, такъ какъ все вниманіе и энергія завода обращены на производство именно одной этой части.

III.

За послѣднія двадцать пять лѣтъ строительное дѣло сдѣлало въ Америкѣ гигантскіе успѣхи. Даже машинное дѣло, въ которомъ Америка безспорно занимаетъ первое мѣсто въ мірѣ, едва ли можетъ претендовать на превосходство, хотя, конечно, оно болѣе извѣстно въ другихъ частяхъ свѣта, такъ какъ машину можно перевезти куда угодно, а для того, чтобы видѣть американскія постройки, нужно переѣхать океанъ. Само собой разумѣется, что общественныя зданія разнаго рода, какъ федеральнаго правительства и отдѣльныхъ штатовъ, такъ и частныхъ корпорацій общественнаго характера, занимаютъ первое мѣсто какъ по величинѣ, такъ и по стоимости. Напр., Капитолій штата Нью-Іоркъ въ городѣ Ольбани стоитъ свыше десяти милліоновъ долларовъ. Американскіе архитекторы единогласно признаютъ, что это—самое величественное и самое дорогое зданіе во всемъ мірѣ. Новое зданіе федеральнаго суда и почтамта въ Санъ-Франциско стоитъ около 4 милліоновъ и строится исключительно изъ стали, мрамора и стекла; недавно оконченное въ томъ же городѣ зданіе для адвокатскихъ конторъ, въ 16 этажей вышины, занимаетъ около 3 десятинъ земли и стоитъ свыше 8 милліоновъ долларовъ. Новый храмъ соединенныхъ масоновъ въ Чикаго — болѣе 500 фу-

товъ вышины, т.-е. почти равенъ собору св. Петра въ Римѣ, имѣетъ 34 этажа и стóитъ около 15 милліоновъ долларовъ. Новая соединенная станція всѣхъ желѣзныхъ дорогъ въ г. Канзасъ-Сити, штатѣ Миссури, городѣ, идущемъ по стопамъ Чикаго относительно изумительно быстраго роста населенія и богатства, имѣетъ 1.800 футовъ длины, т.-е. около полуверсты, отъ 2-хъ до 15-ти этажей въ вышину и будетъ стоить свыше 6 милліоновъ долларовъ.

Всѣ эти и многое множество другихъ, имъ подобныхъ, зданій абсолютно несгараемы и построены собственно из стали, съ каменной или кирпичной облицовкой; въ каждомъ простѣнкѣ между окнами помѣщается стальная колонна, идущая съ самаго основанія зданія до его крыши и облицованная снаружи, на высотѣ первыхъ двухъ или трехъ этажей, дорогимъ мраморомъ, а затѣмъ песчаникомъ, краснымъ или бурымъ, или прессованнымъ кирпичемъ, или терракотой. Этажи раздѣляются плоскими и широкими стальными брусьями, между которыми выводятся пологія арки изъ трубчатой терракоты, скрѣпленной гидравлическимъ цементомъ, покрытыя изразцами или мозаикой изъ мрамора, замѣняющаго чистые полы. Окна и двери громадныхъ размѣровъ; первыя обыкновенно изъ цѣльнаго зеркальнаго стекла, часто больше полудюйма толщины и иногда въ 10, даже въ 14 футовъ вышины и ширины; мнѣ самому однажды пришлось вставить цѣльное стекло въ 12 футовъ вышины и 14 футовъ длины для выставочнаго окна богатаго банка. Да не подумаетъ читатель, что эти громадныя дорогія зданія встрѣчаются только въ самыхъ большихъ городахъ—постройки въ двѣсти, триста и пятьсотъ тысячъ долларовъ встрѣчаются всюду, даже въ только-что заселяющейся южной Флоридѣ, или на крайнемъ западѣ, въ пустыняхъ южной Калифорніи и на берегахъ Пюджетъ-Соунда. Только около трехъ лѣтъ тому назадъ оконченъ постройкой отель Понсе де-Ліонъ, въ г. С.-Аугустинъ, въ южной Флоридѣ, который стóитъ свыше шести милліоновъ долларовъ; выстроено это зданіе въ мавританскомъ стилѣ, и нѣсколько артистовъ прожили свыше года въ Испаніи и Алжирѣ, изучая древнія постройки на мѣстѣ и собирая матеріалъ, для воспроизведенія чудесъ мавританскихъ зодчихъ прошлаго тысячелѣтія. Въ городѣ Лосъ-Анджелесъ, центрѣ спекулятивной горячки съ землями южной Калифорніи, выросшемъ въ три года съ двухъ до семидесяти пяти тысячъ жителей, въ теченіи одного 1887 года было возведено разныхъ построекъ на сумму свыше двадцати милліоновъ долларовъ, причемъ нѣсколько зданій стоили свыше милліона каждое.

Только-что основанный лѣтомъ 1889 года на Пюджетъ-Соундѣ городъ Сіэттль (Siattle), обѣщающій, по быстрому росту, перещеголять Чикаго, выгорѣлъ до основанія; изъ составлявшихъ его 700 зданій разнаго рода осталось не болѣе 50—по самымъ окраинамъ, а черезъ два года, лѣтомъ 1891 года, стоимость построекъ вычислялась уже въ 60 милліоновъ долларовъ, причемъ около полудюжины стоили приблизительно милліонъ каждое. Наконецъ, въ томъ небольшомъ, незначительномъ городкѣ, затерянномъ въ горахъ Сѣверной Каролины, гдѣ я живу въ настоящее время, и въ которомъ, по цензу 1890 года, насчитывалось всего десять тысячъ жителей, въ теченіи нынѣшняго лѣта производилась переоцѣнка городскихъ построекъ таксаторами штата, и, хотя оцѣнка эта представляетъ приблизительно только 30% дѣйствительной стоимости, она дала сумму свыше 9 милліоновъ долларовъ, т.-е. около 30 милліоновъ дѣйствительной стоимости, причемъ два отеля оцѣнены въ 300.000 каждый, многія другія зданія—въ 100 и 200 тысячъ каждое; а зданіе федеральнаго суда и почтамта, которое я строю по контракту съ правительствомъ Соединенныхъ Штатовъ, будетъ стоить около 150 тысячъ долларовъ; въ настоящее время, кромѣ этого, находятся въ процессѣ постройки до 10 зданій, стоимость которыхъ до 30 тысячъ каждое, два будутъ стоить около 100 тысячъ каждое и одно около 300 тысячъ; а дворецъ одного изъ молодыхъ Вандербильтовъ, строящійся въ двухъ миляхъ отъ города, будетъ стоить до 6 милліоновъ долларовъ; этотъ дворецъ строился изъ тенессійскаго мрамора, и одинъ фундаментъ стóитъ уже свыше четырехъ сотъ тысячъ—за одни лѣса къ нему, мною поставленные, я получилъ уже около десяти тысячъ долларовъ.

Церкви различныхъ религіозныхъ сектъ, которыхъ такое множество въ Америкѣ, тоже, въ большинствѣ случаевъ, представляютъ собою хорошо выстроенныя и приспособленныя, часто очень дорогія, зданія. Религіозное ханжество, часто самаго дурного характера, чрезвычайно распространено въ Америкѣ, особенно въ южныхъ штатахъ. Чѣмъ отчаяннѣе спекуляторъ, чѣмъ краснорѣчивѣе земельный агентъ, чѣмъ жестокосерднѣе заводовладѣлецъ, чѣмъ лукавѣе адвокатъ,—тѣмъ болѣе принимаетъ каждый изъ нихъ наружнаго участія въ церковныхъ дѣлахъ, и тѣмъ болѣе жертвуетъ онъ на разныя церковныя нужды. Многіе приходы чрезвычайно богаты, и церковныя зданія и ихъ устройство соотвѣтствуютъ этому богатству. Не говоря уже о большихъ центрахъ, какъ городъ Нью-Іоркъ, гдѣ только-что оконченный изъ сѣраго мрамора католическій каѳедральный соборъ строил-

ся цѣлыхъ десять лѣтъ и стоитъ свыше пяти милліоновъ, каждый небольшой городъ, въ родѣ того, гдѣ я живу теперь, имѣетъ непремѣнно 10, 15 церквей, часто стоящихъ 30, 40 и даже 100 и болѣе тысячъ долларовъ. Я только-что окончилъ на моемъ заводѣ богатѣйшую внутреннюю отдѣлку для церкви въ одномъ изъ маленькихъ городковъ Вирджиніи, которая будетъ стоить около 70 тысячъ; а пока жилъ во Флоридѣ—выстроилъ по контракту около дюжины, причемъ одна изъ нихъ, въ г. С.-Аугустинѣ, стоила свыше ста тысячъ, хотя была самыхъ незначительныхъ, сравнительно, размѣровъ; богатство отдѣлки требовалось чрезвычайное, каждая часть—по оригинальнымъ рисункамъ, и деньги на всю эту роскошь ловкій пасторъ весьма умѣло выуживалъ изъ кармановъ самыхъ закоснѣлыхъ изъ своихъ прихожанъ. Наружная архитектура этихъ церквей довольно однообразна, большею частью въ старинномъ готическомъ стилѣ, съ большими конусообразными окнами, высокими башнями надъ главнымъ входомъ и крутыми крышами; но внутреннее убранство обыкновенно весьма роскошно и удобно, и стоитъ большихъ денегъ.

Только въ самыхъ большихъ восточныхъ городахъ—Нью-Іоркѣ, Филадельфіи и Балтиморѣ—существуютъ, и то въ самомъ незначительномъ числѣ, многоэтажные дома съ квартирами; по всему остальному союзу, даже въ Чикаго, гдѣ строительныя мѣста стоятъ даже дороже Нью-Іорка, каждое семейство непремѣнно живетъ въ отдѣльномъ домѣ, какъ бы малы ни были его средства къ жизни. Эти частные дома, резиденціи (residences), какъ они повсемѣстно называются въ Америкѣ, конечно бываютъ самой разнообразной стоимости и устройства, начиная съ лачужки поденщика-негра, стоящей 50 долларовъ, до палатъ Астора и Вандербильта на 5-й авеню Нью-Іорка, стоящихъ милліоны; говорятъ, что новый домъ старика Вандербильта, выстроенный имъ незадолго до смерти, обошелся ему въ семнадцать милліоновъ, а дворецъ Фэра, калифорнійскаго спекулятора серебряными рудниками, стоитъ ему и того больше.

Какъ бы бѣдна ни была лачужка, въ ней непремѣнно не менѣе двухъ комнатъ. Американецъ, какъ бы бѣденъ онъ ни былъ, ни за что не обратитъ жилой комнаты въ кухню—эта послѣдняя всегда отдѣльно. Впрочемъ, даже такихъ двухкомнатныхъ домовъ очень, очень немного, можетъ быть, не болѣе одного процента; большинство непремѣнно въ три или четыре комнаты: одна чистая, одна или двѣ спальни и кухня. Только самые бѣдные, захудалые поденщики да рабочіе хлопчатобумажныхъ фабрикъ—занятіе, оплачивающееся ниже всякаго дру-

гого въ Америкѣ,—живутъ въ такихъ домахъ. Мастеровые и приказчики разнаго рода живутъ всегда въ весьма приличныхъ коттэджахъ, въ 5—6 комнатъ, обыкновенно двухъэтажныхъ, съ разными наружными украшеніями, выкрашенныхъ и оштукатуренныхъ, часто со всѣми удобствами цивилизаціи—водой, газомъ, ваннами и ватерклозетами. Такіе коттэджи стоятъ отъ 500 до 1.500 долларовъ; они весьма удобны и если выстроены спекуляторами—приносятъ отъ 6 до 15 долларовъ ренты въ мѣсяцъ; мастеровой, получающій $2^1/_2$, 3 и даже 4 доллара въ день, свободно можетъ платить такую ренту. Коттэджи эти почти всегда деревянные, покрыты лучиной и отопляются каминами.

Люди свободныхъ профессій: адвокаты, доктора, спекулянты разнаго рода, имя которымъ въ каждомъ городѣ—легіонъ, купцы всякаго рода, заводчики, банкиры, составляющіе дѣловую часть городского населенія, живутъ обыкновенно на отдѣльныхъ отъ рабочихъ разнаго рода улицахъ, въ хорошихъ и часто роскошныхъ домахъ, стоящихъ отъ 5-ти до 30, 40 и даже 100 тысячъ долларовъ, очень красивыхъ снаружи и чрезвычайно удобныхъ внутри. Домъ, въ которомъ я живу въ настоящее время, стоитъ мнѣ свыше 30 тысячъ; теплая и холодная вода проведена во всѣ три этажа, въ каждомъ имѣется ванная; элеваторъ очень удобнаго устройства ходитъ сверху до низу, и даже ребенокъ можетъ спускаться и подниматься изъ одного этажа въ другой. Освѣщенъ весь домъ электричествомъ; отопляется онъ автоматически, горячимъ воздухомъ изъ аппарата, помѣщеннаго въ подвалѣ; телефонъ соединяетъ его съ центральной станціей и, слѣдовательно, со всѣмъ городомъ. Даже самые большіе губернскіе города въ Россіи не могутъ дать частному лицу тѣхъ удобствъ и за ту ничтожную плату, которыми пользуются въ Америкѣ самые незначительные поселки; я не думаю, чтобы во всемъ союзѣ нашелся городъ съ двумя-тремя тысячами жителей, въ которомъ не было бы полной системы сточныхъ трубъ, водопроводовъ, электрическаго освѣщенія, телефонной системы и т. д.

Дома этого сорта часто выстроены изъ тесанаго камня, прессованнаго кирпича, или же деревянные, изъ пиленаго теса; покрыты они жестью или графитомъ и отдѣланы внутри изысканно и даже роскошно — орѣхъ, дубъ, вишня самой дорогой работы, роскошные ковры и дорогая мебель. Строительныя мѣста—обыкновенно весьма большого размѣра, съ большимъ заднимъ дворомъ и часто прекраснымъ цвѣтникомъ передъ фасадомъ дома.

Самая постройка зданій всѣхъ этихъ родовъ и стоимостей доведена до изумительнаго совершенства относительно простоты и скорости. Архитекторскіе планы обыкновенно чрезвычайно точны и аккуратны—подрядчикъ можетъ вычислить весь необходимый матеріалъ до послѣдняго гвоздя въ точности. Благодаря этому, дѣлается возможной пересылка цѣлыхъ зданій по желѣзной дорогѣ или водой; мнѣ часто приходится отправлять цѣлые дома, отъ основанія до крыши, по желѣзной дорогѣ за 100, 200 и 300 миль отъ моего завода; а въ 1885 году я выстроилъ громадный 8-ми-этажный отель, съ 800 комнатами, самый большой по помѣщенію во всемъ штатѣ Флоридѣ, за двадцать миль отъ моего завода, на которомъ была выпилена и обработана всякая доска; цѣлые поѣзда были нагружены этимъ матеріаломъ, и, хотя отель этотъ стоилъ свыше милліона долларовъ, контрактъ на его постройку былъ подписанъ мною 1-го мая, а 15-го декабря того же года онъ былъ вполнѣ оконченъ и открытъ для публики. То федеральное зданіе, которое я строю въ нашемъ городѣ въ настоящее время, и о которомъ я имѣлъ уже случай упомянуть выше, строится частью изъ бураго песчаника, доставляемаго изъ каменоломенъ Южной Каролины, и прессованнаго кирпича—изъ Филадельфіи; стальныя колонны и матицы изготовлены въ Питсбургѣ, мѣдная работа—въ Чикаго, кровельный графитъ привезенъ изъ Вирджиніи, желтая сосна—изъ Алабамы, бѣлая сосна—изъ Мичигэна, мраморные полы—изъ Вермонта, терракота—изъ Индіаны, желѣзная работа—изъ Массачусетса, стекло—изъ Детройта и т. д., и т. д.; словомъ, матеріалъ для зданія собранъ со всѣхъ концовъ союза, гдѣ я могъ выгоднѣе купить его, и все это обращено въ стройное, красивое зданіе въ горахъ Сѣверной Каролины.

Упомянувъ объ общественныхъ зданіяхъ, церквахъ и частныхъ домахъ, нельзя пройти молчаніемъ и зданія учебныхъ заведеній. Эти зданія составляютъ особую категорію, и во многихъ штатахъ ихъ стоимость достигаетъ десятковъ милліоновъ долларовъ. Къ сожалѣнію, у меня нѣтъ подъ руками докладовъ школьныхъ совѣтовъ за прошлый годъ—цифры этихъ докладовъ изумительны для русскаго человѣка, и я не сомнѣваюсь, что многіе читатели сочли бы ихъ невѣроятными. Какъ бы то ни было, напримѣръ, въ городѣ Нью-Іоркѣ насчитывается до 210 общественныхъ школьныхъ зданій, стоимостью отъ 40 до 400 тысячъ долларовъ; если память мнѣ не измѣняетъ, общая ихъ стоимость превышаетъ громадную сумму въ 30 милліоновъ. Всѣ эти зданія стоятъ непремѣнно особнякомъ,

всегда очень красивой внѣшней архитектуры и чрезвычайно удобны и помѣстительны внутри: классныя комнаты не ниже 15 футовъ въ вышину, съ наилучшими, новѣйшими системами отопленія и вентиляціи.

Съ тѣхъ поръ, какъ я поселился въ Америкѣ, мнѣ пришлось по разнымъ дѣламъ побывать почти во всѣхъ значительныхъ городахъ союза, и всегда и вездѣ школьныя зданія обыкновенно бросались въ глаза. Особенно вѣрно это относительно тѣхъ большихъ университетовъ и спеціальныхъ школъ, которыми такъ богаты сѣверные и западные штаты: Харвардъ, Иэль, Принсетонъ, Колумбія, Корнелль— все это университеты, не общественные въ полномъ смыслѣ этого слова, а частные, построенные и содержимые на частныя пожертвованія и на доходы съ тѣхъ имѣній и капиталовъ, которые были въ разное время оставлены въ ихъ пользу частными лицами. Такъ какъ нѣсколько выше мнѣ пришлось, въ интересахъ истины, упомянуть въ довольно рѣзкихъ выраженіяхъ объ американскомъ религіозномъ ханжествѣ, то, въ тѣхъ же интересахъ, необходимо упомянуть и о томъ, что настолько же, и даже въ большей степени, развита здѣсь и вѣра во всемогущество образованія, и что пожертвованія на школы и университеты даже значительнѣе церковныхъ—и, чтò всего лучше, часто огромныя суммы жертвуются безъ публикованія имени жертвователя. Такъ, только нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ неизвѣстный датель завѣщалъ болѣе милліона долларовъ на новыя зданія для университета Корнелля въ Итакѣ; пожертвованіе это подало поводъ къ курьезному процессу, въ который пришлось вмѣшаться легислатурѣ штата Нью-Іоркъ, такъ какъ оказалось необходимымъ измѣнить основную хартію этого университета, не позволявшую ему имѣть капитала свыше одного милліона,— а такой капиталъ уже принадлежалъ ему издавна. Въ настоящее время въ Калифорніи строится новый Тихо-Океанскій университетъ на средства, пожертвованныя на этотъ предметъ сенаторомъ этого штата, Станфордомъ; издержано уже болѣе пяти милліоновъ, и, по всѣмъ признакамъ, университетъ этотъ будетъ чѣмъ-то еще небывалымъ въ лѣтописяхъ школьнаго дѣла, по удобству и роскоши помѣщеній и богатству и полнотѣ коллекцій и научныхъ кабинетовъ.

На югѣ нѣтъ такихъ общественночастныхъ университетовъ, если не считать устроиваемаго теперь въ Нэшвиллѣ, въ штатѣ Тенесси, университета для негровъ, на пожертвованныя Вандербильтами средства; за то на югѣ очень многочисленны университеты различныхъ

религіозныхъ сектъ. Въ 1886 году я выстроилъ по подряду зданія для университета конгрегаціоналистовъ, въ городѣ Винтеръ-Паркѣ, — зданія, стоившія около ста тысячъ долларовъ. Университетъ этотъ устроенъ по барачной системѣ, и планы для него, весьма остроумные и подходящіе къ климату и условіямъ жизни во Флоридѣ, были изготовлены извѣстнымъ бостонскимъ спеціалистомъ по предмету школьнаго дѣла.

Мой очеркъ строительнаго дѣла въ Америкѣ былъ бы далеко неполонъ и неточенъ, еслибы я не отмѣтилъ того участія, которое принимаютъ въ немъ различныя земельныя компаніи и спекуляторы разныхъ сортовъ. Несомнѣнно, что по числу — половина, а по стоимости — по крайней мѣрѣ три четверти всѣхъ зданій въ Америкѣ возводятся ими. Какъ только какое-либо поселеніе или городъ почему-либо начинаетъ подавать признаки жизни и обѣщаетъ быстрый ростъ, такъ немедленно образуются поземельныя компаніи, чтобы, по возможности, воспользоваться этимъ ростомъ и нажить деньги. Иногда частныя лица, а чаще всего акціонерныя компаніи, образованныя изъ мѣстныхъ дѣльцовъ разнаго рода, въ союзѣ съ капиталистами большихъ городовъ сѣверо-востока, скупаютъ земли кругомъ такого подающаго надежды пункта, обыкновенно по дешевой цѣнѣ, — иногда по десяти, пятнадцати долларовъ за акръ, — и начинаютъ „boom the place". Выраженіе это не переводимо на русскій языкъ, такъ какъ самаго понятія, имъ выраженнаго, не существуетъ въ Россіи, насколько мнѣ извѣстно. Значитъ оно — всякими правдами и неправдами, путемъ обѣщаній, предсказаній и предположеній, зародить въ публикѣ спекулятивную лихорадку и поднять цѣнность. Купленныя наканунѣ за безцѣнокъ земли разбиваются на строительные участки, часто самаго мизернаго размѣра, пролагаются будущія улицы, проспекты и площади, строится конка или электрическая желѣзная дорога къ новому „прибавленію" къ городу, печатаются циркуляры и брошюры самаго занимательнаго свойства — и публика начинаетъ клевать; компанія обыкновенно строитъ отель, нѣсколько коттэджей, магазины и т. д., продаетъ ихъ, покупаетъ опять назадъ по возвышенной цѣнѣ, перепродаетъ и работаетъ изо всѣхъ силъ и во всѣхъ направленіяхъ, чтобы начать правильное заселеніе новаго „добавленія"; затѣмъ, по мѣрѣ этого заселенія, возвышаетъ цѣны на мѣста, возводитъ новыя постройки и, такимъ образомъ, чисто спекулятивными способами, иногда наживаетъ огромныя деньги. Знаменитая Илайтонская поземельная компанія въ г. Бирмингэмѣ, въ штатѣ

Алабамѣ, на первоначальный капиталъ въ двѣсти тысячъ долларовъ, представлявшій собою земельную покупку, за которую было заплачено всего десять тысячъ наличными деньгами, съ 1883 года, года основанія, до 1889, въ пять лѣтъ, выплатила уже 5.570.000 долларовъ дивидендами,—и довольно аккуратное вычисленіе показываетъ, что оставшіяся въ ея владѣніи мѣста стоятъ, по теперешнимъ цѣнамъ, многіе милліоны долларовъ, такъ что есть всякое основаніе предполагать, что дивиденды эти будутъ продолжаться и въ будущемъ.

Само собой разумѣется, что на одну такую успѣшную компанію насчитываются десятки неудачныхъ, не только не приносящихъ никакого дохода, но и часто теряющихъ весь первоначально затраченный капиталъ. Въ штатахъ Сѣверо-Востока и Центра, гдѣ населеніе болѣе или менѣе осѣдлое, такого boom'а не устроишь, не будь дѣйствительно на-лицо чего-нибудь изъ ряда вонъ выходящаго, въ родѣ открытія натуральнаго газа, керосина и т. д. Тутъ цѣнности вполнѣ установившіяся, и спекулировать ими неудобно. Въ мѣстахъ новыхъ, только-что заселяющихся—дѣло другое: тамъ все можетъ случиться; вѣдь выросъ же Чикаго въ 50 лѣтъ изъ болота въ городъ съ 1.200.000 жителей; Омаха въ 30 лѣтъ — въ 350.000 жителей; Канзасъ-Сити въ 20 лѣтъ — въ 300.000 жителей; Лосъ-Анджелесъ въ 5 лѣтъ — въ 75.000, и Бирмингэмъ въ 8 лѣтъ—въ 40.000 жителей; вѣдь поднялись же цѣнности въ нихъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, въ сто тысячъ разъ! Вотъ эти-то примѣры, съ надлежащими нравоученіями, и приводятся поземельными спекуляторами—и всегда почти успѣшно. И какіе-какіе только резоны не услышишь отъ нихъ! Покупай сейчасъ, немедленно—черезъ мѣсяцъ цѣны непремѣнно удвоятся, утроятся, удесятерятся—и часто значительныя деньги платятся простаками за мѣста, не только нестоящія, но и никогда не могущія стоить ни одного цента. Много было такихъ случаевъ, что проданныя мѣста оказывались—по землемѣрному изысканію—или въ непроходимомъ болотѣ, или посреди озера, или въ рѣкѣ; нѣсколько особенно ловкихъ мошенниковъ умудрились продавать мѣста даже въ Тихомъ океанѣ, за 5 миль отъ берега, на многія сотни футовъ подъ водою. Сначала главной ареной всѣхъ этихъ продѣлокъ былъ дальній Западъ; теперь спекуляція занялась „новымъ Югомъ", и есть всякое основаніе предполагать, что въ близкомъ будущемъ какой-нибудь ловкій аферистъ оснуетъ городъ и въ водахъ Мексиканскаго залива. Жертвами обыкновенно

являются зажиточные классы богатыхъ сѣверныхъ городовъ: всякая работа тамъ хорошо оплачивается, и разсчетливые люди легко дѣлаютъ сбереженія—является стремленіе повыгоднѣе помѣстить эти сбереженія, чтобы поскорѣе нажить средства, которыя бы обезпечили безбѣдное существованіе, безъ обязательной работы. На сѣверѣ капиталъ безъ конца, проценты низкіе и цѣнности установившіяся — нельзя даже и мечтать, что сбереженные 500 или тысяча долларовъ въ одинъ годъ обратятся въ 20 или 30 тысячъ, — а почта всякій день приноситъ краснорѣчивыя описанія такихъ возможностей гдѣ-то тамъ, далеко; эти возможности описываются не только вѣроятными, но чѣмъ-то несомнѣнно вѣрнымъ—и вотъ съ трудомъ сбереженныя деньги посылаются какому-нибудь ловкому проходимцу и, въ громадномъ большинствѣ случаевъ, исчезаютъ безъ слѣда. Собственно говоря, нѣтъ предѣла дерзости и нахальству этихъ земельныхъ спекуляцій: почти всегда къ рекламѣ, описывающей какой-нибудь новый городъ, приложена карта окрестностей съ подробнымъ планомъ самаго города; географическіе факты искажены самымъ безсовѣстнымъ образомъ, физическая наружность страны измѣнена, и часто приложены фотографіи великолѣпныхъ зданій, будто бы стоящихъ въ городѣ, тогда какъ въ дѣйствительности на мѣстѣ, можетъ быть, нѣтъ ни одной лачужки.

IV.

Когда, въ 1883 году, мое лѣсное дѣло развилось настолько, что я вынужденъ былъ присоединить къ моей лѣсопилкѣ и значительный деревообработывающій заводъ, число рабочихъ въ нашемъ мѣстечкѣ сильно увеличилось, при томъ такихъ рабочихъ, которые прибыли съ сѣвера и получали хорошее жалованье, $2^1/_2$, 3 и $3^1/_2$ доллара въ день. Мѣстныя лавки не могли удовлетворить ихъ потребностямъ, и вотъ мнѣ самому пришлось открыть торговлю всякимъ товаромъ, чтобы удержать этихъ рабочихъ на мѣстѣ.

Въ каждомъ небольшомъ мѣстечкѣ Америки существуютъ лавки, торгующія всякимъ товаромъ (general merchandise): и съѣстными припасами, и краснымъ товаромъ, и мебелью, и желѣзомъ; а во Флоридѣ, которая сама абсолютно ничего не производитъ, приходится получать съ сѣвера и муку, и масло, и красный товаръ, и рѣшительно все, что необходимо для жизни. Само собой разумѣется, что я понятія не имѣлъ о торговомъ дѣлѣ, а это дѣло при такихъ усло-

віяхъ требовало спеціальныхъ знаній; необходимо было знать всѣ цѣны и знать, гдѣ и какъ купить; и вотъ я опять взялъ партнера, совершенно незнакомаго мнѣ человѣка, который былъ спеціально знакомъ именно съ общей торговлей. Не могу при этомъ не замѣтить, что компаніи и партнерства образуются въ Америкѣ изумительно быстро и часто, особенно въ новыхъ мѣстахъ. Люди, только поутру встрѣтившіе другъ друга въ первый разъ въ жизни, къ полудню дѣлаются уже компаньонами въ какомъ-нибудь предпріятіи; никому нѣтъ никакого дѣла до вашего прошлаго, кто вы такой, откуда, почему и зачѣмъ вамъ нужна помощь въ вашемъ дѣлѣ, активная или денежная, и вы сходитесь съ первымъ встрѣчнымъ, ни мало не заботясь, кто онъ такой и что̀ изъ этого выйдетъ. На сѣверѣ, для самой незначительной сдѣлки, у васъ потребуютъ рекомендацій, references; на западѣ и на югѣ вамъ вѣрятъ на̀ слово. Чужого человѣка считаютъ честнымъ гражданиномъ до тѣхъ поръ, пока онъ не окажется противнымъ.

Мой новый партнеръ былъ человѣкъ безъ всякихъ средствъ, только-что потерявшій все свое состояніе въ несчастной спекуляціи въ Вирджиніи; онъ былъ вдовецъ, съ большимъ семействомъ, очень симпатичный и добродушный человѣкъ и въ то же время весьма смышлёный купецъ. Мы сошлись съ нимъ въ четверть часа и согласились внести по полторы тысячи на открытіе торговли. У меня былъ уже къ этому времени неограниченный кредитъ. Благодаря моему лѣсному и подрядному дѣлу, я давно уже вступилъ въ непосредственныя сношенія съ Сѣверомъ, покупая прямо въ Нью-Іоркѣ, Филадельфіи, Бостонѣ все, что̀ мнѣ было нужно; мое имя значилось во всѣхъ торговыхъ агентствахъ, отчеты которыхъ, исправляемые и пополняемые каждый мѣсяцъ, заключаютъ въ себѣ какъ имена, такъ и финансовую и, такъ сказать, нравственную характеристику каждаго самостоятельнаго торговца или заводчика по всему союзу. Благодаря этому кредиту, мы, съ своими тремя тысячами, купили товара на десять и взялись за работу. Этотъ компанейскій магазинъ мы содержали до 1888 года, когда я продалъ все, что̀ имѣлъ во Флоридѣ, и, въ теченіи этихъ пяти лѣтъ, мнѣ пришлось основательно познакомиться съ системой торговли почти всякимъ товаромъ въ Америкѣ.

Девять десятыхъ, если не больше, всей американской торговли находятся въ рукахъ разныхъ коммиссіонеровъ и брукеровъ, middlemen, посредниковъ, какъ ихъ зовутъ здѣсь. Почти совершенно невозможно купить что-либо изъ первыхъ рукъ; каждый заводъ, каж-

дая фабрика обыкновенно запродаетъ весь свой продуктъ какому-нибудь фактору, который и перепродаетъ его розничнымъ торговцамъ по всему союзу. Мало того: такой факторъ, какъ только ему удалось до извѣстной степени монополизировать извѣстную отрасль производства, назначаетъ второстепенныхъ факторовъ, которые завѣдуютъ извѣстной территоріей—иногда штатомъ, иногда нѣсколькими графствами, иногда однимъ большимъ городомъ, и, въ такомъ случаѣ, совершенно безполезно стараться купить что-либо изъ первыхъ рукъ,—приходится покупать изъ третьихъ, черезъ мѣстнаго фактора, и, такимъ образомъ, платить двѣ коммиссіи. Торговля всякимъ, почему-либо выдающимся товаромъ организована именно такимъ образомъ: миннеполисская мука, калифорнійскіе фрукты въ жестянкахъ, всѣ лучшіе сорта мыла или сухихъ дрожжей, лучшія конфекты, спеціальныя сельско-хозяйственныя или другія машины, стекло, рояли и органы, сыры, лучшіе башмаки и галоши, лучшія шляпы,—на всемъ приходится платить лишки, иногда чуть не вдвое противъ дѣйствительной стоимости,—и лишки эти идутъ на содержаніе этихъ факторовъ. Даже торговля такими товарами, какъ хлопчатобумажныя и шерстяныя издѣлія всѣхъ родовъ,—несмотря на то, что производящія ихъ фабрики разбросаны рѣшительно по всему союзу,—находится въ рукахъ коммиссіонеровъ; весь продуктъ какой-нибудь хлопчато-бумажной фабрики въ Сѣверной Каролинѣ или шерстяной фабрики въ Охайо отсылается въ Нью-Іоркъ или Бостонъ, и уже оттуда ѣдетъ опять назадъ, иногда въ тотъ самый городъ, гдѣ былъ сработанъ, для того, чтобы поступить въ розничную лавку мѣстнаго торговца краснымъ товаромъ. Такое, повидимому, ненормальное положеніе торговли легко объясняется многочисленными причинами. Американскій народъ чрезвычайно богатъ; масса свободнаго капитала постоянно ищетъ помѣщенія, и потому конкуренція по всѣмъ предметамъ фабричнаго производства чрезвычайная. То въ одной, то въ другой отрасли постоянно происходитъ перепроизводство; товаръ не можетъ найти сбыта, такъ какъ спросъ не соотвѣтствуетъ производству. Главной заботой каждаго заводчика является вопросъ, какъ и гдѣ сбыть продуктъ завода; рабочій трудъ дорогъ; платить ему нужно наличными деньгами, непремѣнно каждую субботу; въ настоящее время нѣтъ почти ни одного штата во всемъ союзѣ, гдѣ бы не было закона, обязывающаго фабриканта платить сполна всѣмъ рабочимъ, по крайней мѣрѣ два раза въ мѣсяцъ, и если нѣтъ немедленнаго сбыта, необходимо имѣть двойной, часто тройной капиталъ

для того, чтобы быть въ состоянiи вести дѣло. Тутъ-то коммиссiонеръ и является спасителемъ заводчика. Всѣ они—люди съ большимъ капиталомъ, могущiе выручить заводчика въ трудную минуту; сдѣлки эти обыкновенно завершаются въ моменты застоя, когда деньги дороги и промышленность въ нихъ особенно нуждается. Такой коммиссiонеръ обыкновенно скупаетъ весь продуктъ завода, скупаетъ его по своей цѣнѣ и затѣмъ уже держитъ заводчика въ своихъ рукахъ на долгое время, диктуетъ ему, что̀ дѣлать, когда усилить, когда уменьшить производство, а когда и совсѣмъ прекратить его на время. Какой-нибудь мельникъ въ Миннеполисѣ, или шерстяной фабрикантъ въ Охайо, или лѣсопромышленникъ въ Алабамѣ вполнѣ и безусловно зависитъ отъ сдѣлокъ своего коммиссiонера въ Англiи, или Австралiи, или южной Америкѣ, и дѣлается рабомъ пертурбацiй всемiрнаго рынка и его главныхъ воротилъ. Коммиссiонеръ, съ своей стороны, само собой разумѣется, всячески старается расширить свое дѣло—средства у него обыкновенно большiя,— и вотъ начинаются всевозможныя ухищренiя для того, чтобы поскорѣе и повыгоднѣе распродать дешево прiобрѣтенный товаръ. Громадныя деньги тратятся на объявленiя всякаго рода; нигдѣ въ мiрѣ нѣтъ такой массы газетъ, которыя, въ большинствѣ случаевъ, не что̀ иное, какъ листки объявленiй; подписка на нихъ почти ничего не сто̀итъ, и добрая половина, а иногда и двѣ трети экземпляровъ, просто разсылаются даромъ,—весь расходъ оплачивается объявленiями. Кромѣ газетныхъ объявленiй, существуетъ масса другихъ способовъ: всѣ заборы, всѣ заднiя стѣны зданiй, часто крыши—расписаны саженными буквами рекламы. Многiе торговые дома имѣютъ спецiально организованные департаменты объявленiй, стоящiе ежегодно десятки тысячъ долларовъ; правительственная почта завалена циркулярами, рекламами и брошюрами этихъ предпрiимчивыхъ литераторовъ. Въ особенно часто посѣщаемыхъ публичныхъ мѣстахъ ставятся большiя доски, и мѣста на нихъ продаются по дорогой цѣнѣ; въ омнибусахъ, конножелѣзныхъ и электрическихъ вагонахъ, на желѣзнодорожныхъ станцiяхъ и т. д. всѣ потолки и стѣны расписаны этими объявленiями, часто въ богатыхъ рамахъ, съ роскошными картинами, громадными буквами, и т. д., и т. д. Мѣсяца два тому назадъ, за продававшееся съ аукцiона право написать объявленiе на одинъ годъ на стѣнѣ главнаго входа въ нью-iоркскую станцiю висячаго моста черезъ Истъ-Риверъ одинъ предпрiимчивый мыльный факторъ заплатилъ семнадцать тысячъ долларовъ; нью-iоркскiя возвышенныя желѣзныя дороги полу-

чаютъ свыше ста тысячъ долларовъ въ годъ дохода за право помѣщать объявленія на ихъ станціяхъ въ городѣ. Наконецъ, въ послѣднее время особенно остроумные спекуляторы дошли до того, что нанимаютъ особые вагоны, расписываютъ ихъ наружныя стѣны хвалами своему товару и отправляютъ ихъ странствовать по всему союзу.

Но самый дорогой, самый распространенный и самый непріятный способъ объявленія—это разсылка особыхъ людей, которыхъ здѣсь называютъ обыкновенно барабанщиками (drummer). Это всегда ловкіе, толковые, бойкіе на языкъ молодые джентльмены, обыкновенно щегольски одѣтые, съ развязными манерами и снабженные неисчерпаемымъ запасомъ остроумія и, главное, нахальства. Такой барабанщикъ снабженъ обыкновенно огромными сундуками съ образчиками продаваемыхъ имъ товаровъ, иногда онъ работаетъ на коммиссію, но чаще всего за опредѣленное жалованье, причемъ его патронъ оплачиваетъ всѣ расходы. Такой вѣчно-странствующій юноша обходится торговому дому не менѣе трехъ тысячъ въ годъ; бойкіе стоятъ и всѣ пять, а особенно выдающіеся и до пятнадцати тысячъ. Я знаю самъ многіе дома, которые содержатъ по 10, даже по 15 такихъ вояжеровъ, и знаю до десятка учрежденій, которымъ объявленія всякаго рода, включая барабанщиковъ, обходятся въ годъ свыше ста тысячъ долларовъ каждому.

Само собой разумѣется, что всѣ эти расходы сполна оплачиваются потребителями. Эти несчастные потребители и не подозрѣваютъ. какую ужасную армію, стоящую вдвое или втрое больше любой военной европейской арміи, они содержатъ на свой счетъ, и не подозрѣваютъ, что платятъ зачастую въ десять, въ пятнадцать разъ больше того, чтò бы слѣдовало.

Въ теченіи послѣднихъ десяти лѣтъ, и особенно за самое послѣднее время, весьма многія отрасли промышленности и торговли стремятся къ общей организаціи, къ обобщенію своихъ спеціальныхъ интересовъ и къ образованію громадныхъ монополій. Знаменитая Standard Oil Company, въ настоящее время безусловно контролирующая не только торговлю, но и все производство всякаго рода маслъ по всему союзу, своимъ баснословнымъ успѣхомъ положила начало этому стремленію, принимающему все болѣе и болѣе опасные размѣры, и противъ котораго напрасно, по крайней мѣрѣ до сихъ поръ, борются законодательства почти всѣхъ штатовъ. Эти такъ называемые trust'ы заключаются въ томъ, что всѣ заводы извѣстнаго рода, напр. мукомольные, овсяной крупы, зеркальнаго стекла, рафинированнаго са-

хара и т. д., капитализируются въ извѣстную цѣну каждый, по оцѣнкѣ специальной коммиссіи изъ среды самихъ заводчиковъ, затѣмъ продаются trust'у, который платитъ за нихъ паями въ общемъ дѣлѣ, и затѣмъ изъ среды пайщиковъ избирается центральная администрація, которая и завѣдуетъ всѣми внѣшними дѣлами trust'а, опредѣляетъ размѣры производства, покупаетъ сырье, назначаетъ продажныя цѣны, завѣдуетъ общими складами товара и т. д. Внутреннее управленіе каждымъ отдѣльнымъ заводомъ и мелочами производства остается въ рукахъ дѣйствительнаго владѣльца, доходы котораго, какъ пайщика общаго дѣла, зависятъ отъ общихъ успѣховъ trust'а, такъ какъ всѣ барыши и убытки несутся этимъ послѣднимъ, а не отдѣльными пайщиками. Вышеупомянутая S. O. C., благодаря желѣзной энергіи и предпріимчивости распорядителей, Роксфеллера и Флаглера, достигла изумительныхъ результатовъ. Всякая конкуренція подавляется самымъ безжалостнымъ образомъ; года два тому назадъ розничная цѣна на керосинъ, напр., была спущена до 2-хъ центовъ за фунтъ (нормально 10 и 11 центовъ) для того, чтобы убить возникшее, помимо этого trust'а, новое общество въ Охайо, и основатели этого послѣдняго, потерявъ милліонъ въ неравной борьбѣ, были уничтожены въ какихъ-нибудь двѣ недѣли, а Роксфеллеръ и Флаглеръ считаются въ числѣ самыхъ богатыхъ, если не самыми богатыми людьми въ Америкѣ: ежегодный доходъ перваго вычисляется въ 25 милліоновъ долларовъ. Въ теченіи послѣднихъ двухъ лѣтъ образовались trust'ы сахара, свинца, овсяной крупы, стекла, какъ зеркальнаго, такъ и простого, пшеничной муки, бѣлилъ, и т. д., и т. д. Громадная борьба происходитъ въ настоящую минуту между сахарнымъ trust'омъ и законодательствомъ и судами штата Нью-Іоркъ. Trust до сихъ поръ остается побѣдителемъ во всѣхъ пунктахъ, хотя судамъ и удалось сдѣлать публичными многіе факты, относящіеся къ внутреннимъ порядкамъ и, главное, барышамъ этого trust'а,— факты, до сихъ поръ тщательно скрытые отъ публики. Оказалось, между прочимъ, что желѣзная дисциплина практикуется во всѣхъ мелочахъ дѣла, и что главный воротило, Гавемейеръ, заработалъ въ теченіи одного года больше 12 милліоновъ долларовъ. Какъ законодательствамъ, такъ и судамъ весьма трудно бороться съ этими монополіями, которыя, благодаря своимъ средствамъ и дисциплинѣ, поддерживаемой баснословными барышами, съ успѣхомъ обходятъ не только букву, но и духъ закона. Такъ напр., сахарный trust, какъ только законодательство штата Нью-Іоркъ объявило его незаконнымъ, по наружности немед-

ленно распался, а въ то же время новая организація, съ тѣми же членами и на тѣхъ же основаніяхъ, была основана въ штатѣ Нью-Джерси, который, по своему географическому положенію, не что иное, какъ подгорная слобода города Нью-Іоркъ, и оплачиваетъ главную долю всѣхъ своихъ расходовъ налогами съ компаній, которымъ почему-либо невыгодно или неудобно жить офиціальною жизнью въ предѣлахъ штата Нью-Іорка. Юрисдикція штата Нью-Іоркъ не распространяется на штатъ Нью-Джерси, или какой-либо иной штатъ; они всѣ совершенно самостоятельны,—и вотъ сахарный trust продолжаетъ процвѣтать, ведя все свое дѣло въ городѣ Нью-Іоркѣ и содержа только маленькую контору, съ однимъ писцомъ, по другую сторону рѣки Гудзона. Пройдетъ нѣсколько лѣтъ, пока общественное мнѣніе штата Нью-Джерси побѣдитъ корыстолюбіе его законодателей,—трудно добровольно отказаться отъ тѣхъ милліоновъ дохода, который является послѣдствіемъ налоговъ съ этихъ компаній, платящихъ безнедоимочно и безъ всякихъ разговоровъ.

Эти trust'ы распространяются все больше и больше, съ изумительною быстротою; почти каждый день газеты приносятъ извѣстія объ образованіи новыхъ комбинацій во всѣхъ частяхъ союза и по всѣмъ отраслямъ производства и торговли. Самая безжалостная, безпощадная война объявляется ими тѣмъ фирмамъ, которыя почему-либо остаются самостоятельными: такъ, нѣсколько недѣль тому назадъ, водочный trust штата Иллинойсъ, посредствомъ нанятыхъ агентовъ, взорвалъ динамитомъ водочный заводъ въ Чикаго, который противился вступленію въ этотъ trust, секретарь и главный воротило котораго обвиняется, какъ главный зачинщикъ заговора, хотя врядъ ли судамъ удастся доказать что-либо противъ него и особенно противъ trust'а.

Какъ въ торговлѣ лѣсомъ и тесомъ, такъ и въ торговлѣ всякимъ другимъ товаромъ, существуетъ строгая классификація товара по качеству. Товаръ продается или по этой классификаціи и подлежитъ въ такомъ случаѣ правительственной инспекціи, или по образчикамъ (кружева, башмаки, шляпы), или по рисункамъ и фотографіямъ (мебель, машины, музыкальные инструменты). Американская торговля въ этомъ отношеніи абсолютно безупречна; товаръ неизмѣнно является тѣмъ, за что онъ продавался, и качество и количество его гарантируются продавцомъ во всѣхъ отношеніяхъ. Здѣсь не найдешь песку или камней въ кулѣ муки, кузнечныхъ ошварковъ—въ бочкѣ, гвоздей или картофеля—въ чухонскомъ маслѣ; каждый розничный

торговецъ знаетъ, что ему придется взять назадъ и возвратить деньги за все, что не вполнѣ соотвѣтствуетъ тому, за что онъ продавалъ. Я не хочу сказать этимъ, что въ Америкѣ не существуетъ фальсификаціи товаровъ, — и здѣсь подкрашиваютъ вино и масло, продаютъ плохо очищенный керосинъ и линючіе ситцы, но во всякомъ подобномъ случаѣ и продавецъ. и покупатель знаютъ, что это за товары, и вполнѣ согласны насчетъ его качества.

Въ тѣсной связи съ вопросомъ о торговлѣ въ Америкѣ стоитъ кредитъ, какъ частный, такъ и общественный. Какъ въ оптовой, такъ и въ розничной торговлѣ сдѣлки на наличныя деньги чрезвычайно рѣдки — все продается на срокъ, на 30, 60 дней, на 3, 4, иногда 6 и даже 12 мѣсяцевъ. Каждый родъ торговли имѣетъ свои обычаи, свои правила. Съѣстные припасы всякаго рода обыкновенно покупаются розничными торговцами у коммиссіонеровъ или оптовыхъ торговцевъ на сроки отъ 30 до 60 дней; красный товаръ, башмаки, шляпы, готовое платье—на 4 и 6 мѣсяцевъ; машины и сельско-хозяйственныя орудія—на 12 мѣсяцевъ. Въ розничной торговлѣ стараются разсчитываться разъ въ мѣсяцъ; на сѣверѣ и на западѣ это соблюдается довольно строго, но на югѣ большинство все еще не можетъ освоиться съ обязательными сроками разсчета, и система кредита находится въ довольно разстроенномъ состояніи.

Конечно, нигдѣ въ мірѣ личный кредитъ не развитъ до такой степени, какъ въ Америкѣ. Разъ человѣкъ, стоящій во главѣ какого-либо заводскаго или торговаго дѣла, сумѣлъ заслужить общественное довѣріе, его кредитъ дѣлается, собственно говоря, неограниченнымъ. Разъ его нравственный характеръ и дѣловая умѣлость отмѣчены высоко въ отчетахъ коммерческихъ агентствъ—онъ можетъ покупать въ кредитъ, на обычныхъ условіяхъ, что бы то ни было и гдѣ бы то ни было. Благодаря этому и возможны въ Америкѣ обширныя дѣла и большіе обороты съ незначительными, сравнительно, наличными средствами; благодаря этому и составляются такъ часто и такъ быстро изъ ничего громадныя состоянія. Всѣ богатѣйшіе люди настоящаго времени, за исключеніемъ Вандербильтовъ и Асторовъ, не наслѣдовали свое богатство, а сдѣлали его сами, благодаря кредиту и удачнымъ спекуляціямъ. Джэй Гульдъ, Эндрю Корнэги, Рокфеллеръ, Флаглеръ, Арморы, Фэръ, Станфордъ, Пульманы—всѣ они начали съ грошей, а теперь считаютъ свой ежегодный доходъ десятками милліоновъ. Уже выше я имѣлъ однажды случай замѣтить, что американцы, въ общемъ, чрезвычайно заражены спекулятивнымъ ду-

хомъ. Къ сожалѣнію, спекуляція не ограничивается нью-іоркскимъ Wall-street, акціями, облигаціями и поземельной собственностью,— ею заражены и отъ нея періодически страдаютъ всѣ отрасли торговли и промышленности. Цѣны на различные продукты земледѣлія и фабричнаго производства постоянно мѣняются, и мѣняются чаще отъ неожиданныхъ и необъяснимыхъ для массъ манипуляцій спекуляторовъ, чѣмъ отъ естественныхъ законовъ политической экономіи. Это повышеніе или пониженіе цѣнъ подготовляется обыкновенно чрезвычайно искусно; громадныя средства, часто десятки милліоновъ долларовъ, концентрируются въ извѣстныхъ пунктахъ, и извѣстный продуктъ въ одно прекрасное утро совершенно неожиданно исчезаетъ съ рынка, или наоборотъ, запруживаетъ его громадными количествами,—цѣны мгновенно поднимаются или понижаются,—большія деньги дѣлаются съ одной стороны и теряются съ другой въ центрахъ торговли, и эти пертурбаціи отзываются въ самыхъ отдаленныхъ уголкахъ союза. Пшеница, мука, гвозди, желѣзо, стекло, свинецъ, кофе, сахаръ, консервы всякаго рода, словомъ, всевозможные роды товара служатъ одинъ за другимъ пищею для этихъ манипуляцій, обогащая однихъ, раззоряя другихъ и требуя отъ всякаго торговца, во всѣхъ концахъ союза, напряженнаго вниманія и постоянной осторожности въ выборѣ товара, такъ какъ, благодаря мѣстнымъ газетамъ, телеграфамъ и желѣзнымъ дорогамъ, и розничный рынокъ чрезвычайно чутокъ и отзывчивъ къ колебаніямъ цѣнъ въ главныхъ центрахъ. Самъ я неоднократно наживалъ и терялъ значительныя суммы, благодаря этимъ неожиданнымъ и необъяснимымъ для провинціала колебаніямъ. Такъ напр., съ годъ тому назадъ комми-вояжеръ одного большого нью-іоркскаго дома прямо съ поѣзда зашелъ въ мою контору и продалъ мнѣ два вагона оконнаго стекла, на сумму около 3-хъ тысячъ долларовъ; стекло было мнѣ нужно, и цѣна оказалась подходящею. Прямо изъ моей конторы онъ проѣхалъ на телеграфную станцію и отправилъ заказъ, а вернувшись оттуда въ отель — нашелъ телеграмму отъ своего дома, поднимающую цѣну именно на этого рода стекло на цѣлыхъ 20%. Сдѣлка была заключена однако, и на слѣдующій день торговый домъ предложилъ мнѣ пятьсотъ долларовъ наличными, если я соглашусь отказаться отъ нея, хотя сдѣлка была на словахъ, и между нами не было никакого письменнаго договора.

Закончу эту главу нѣсколькими статистическими данными, ко-

торыя дадутъ ясное понятіе о развитіи желѣзнодорожнаго дѣла въ Америкѣ вообще.

Въ 1880 г., наканунѣ моего переселенія, въ Соединенныхъ Штатахъ было 82.146 миль протяженія желѣзныхъ дорогъ, заложенныхъ въ 2.319.489 долл., принесшихъ 525.620.577 валового дохода и выплатившихъ 61.681.470 д., въ видѣ дивиденда, акціонерамъ. А въ 1890 г., десять лѣтъ спустя, было уже 163.420 миль, заложенныхъ въ 5.105.902.025 долл., принесшихъ 1.097.847.428 валового дохода, и только 83.863.632 чистаго дохода, въ видѣ дивиденда.

V.

Весной 1883 года мой лѣсопильный заводъ былъ заваленъ заказами на тесъ. Чтобы справиться съ ними, мнѣ пришлось пилить день и ночь, съ двумя смѣнами рабочихъ. Возить бревна приходилось все дальше и дальше, и обходились они мнѣ все дороже и дороже, такъ что, наконецъ, дошло до того, что барыши сводились къ нулю; приходилось—или передвинуть заводъ ближе къ лѣсу, или какимъ-нибудь образомъ удешевить доставку бревенъ. Какъ разъ въ это время маленькая желѣзная дорога, проходившая черезъ наше мѣстечко, мѣняла рельсы—страна быстро заселялась, и тѣ мелкіе рельсы, съ которыми она была выстроена сначала, не могли выносить болѣе тяжелыхъ локомотивовъ и вагоновъ. Я купилъ очень дешево нѣсколько миль этихъ рельсовъ, маленькій локомотивъ и нѣсколько открытыхъ вагоновъ и, въ двѣ—три недѣли, выстроилъ желѣзную дорогу въ 3 мили, къ главному источнику лѣса. Мои подводы подвозили бревна къ этой дорогѣ, и затѣмъ мой маленькій поѣздъ доставлялъ ихъ къ заводу; пилки было такъ много, и цѣна на тесъ стояла настолько высокая, что въ два—три мѣсяца вся дорога была сполна оплачена. Само собою разумѣется, что постройка этой короткой желѣзнодорожной линіи, произведенная мною поденно и подъ непосредственнымъ личнымъ наблюденіемъ, дала мнѣ нѣкоторое понятіе какъ о стоимости, такъ и о другихъ условіяхъ мѣстнаго желѣзнодорожнаго дѣла, такъ что когда, чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ, одна изъ желѣзнодорожныхъ компаній на югѣ штата вызвала желающихъ взять подрядъ на укладку рельсовъ и другія работы на значительной побочной вѣтви, я могъ явиться однимъ изъ конкурентовъ, и получилъ подрядъ, на которомъ и сдѣлалъ нѣсколько тысячъ чистаго

барыша, а, главное, еще ближе ознакомился со всѣми подробностями и условіями желѣзнодорожнаго дѣла на практикѣ. До этого времени я не имѣлъ абсолютно никакой теоретической подготовки въ желѣзнодорожномъ дѣлѣ. На родинѣ, ни въ школѣ, ни въ действительной жизни, я никогда не имѣлъ случая, даже самымъ поверхностнымъ образомъ, заняться имъ; но въ Америкѣ не спрашиваютъ аттестатовъ, и часто пасторъ торгуетъ въ лавкѣ или строитъ домъ, а ученый инженеръ съ аттестатомъ работаетъ подъ его руководствомъ.

Лѣсъ, между тѣмъ, быстро исчезалъ по обѣимъ сторонамъ моей маленькой дороги. Я разсчиталъ, что какъ только приходилось возить его на подводахъ далѣе трехъ четвертей мили, такъ было выгоднѣе продолжать линію—и, такимъ образомъ, въ теченіи какихъ-нибудь шести мѣсяцевъ дорога незамѣтно выросла до 7 миль, или около 10 верстъ длины. Явились пассажиры, явились грузы — все это давало доходъ и заставляло оцѣнить дорогу и помимо бревенъ; кромѣ того, нѣсколько маленькихъ мѣстечекъ и крупныхъ землевладѣльцевъ стали предлагать довольно выгодныя для меня условія, если я продолжу дорогу къ нимъ и дамъ имъ правильныя сообщенія. Я навелъ справки относительно земель штата, которыя лежали на моемъ пути; оказалось, что около семисотъ тысячъ акровъ подлежали передачѣ первой желѣзнодорожной линіи, которая будетъ выстроена именно въ этомъ направленіи; кромѣ того, одна крупнаяпоземельная компанія, только-что купившая у штата около четырехсотъ тысячъ акровъ, предлагала одну четверть всѣхъ земель, ей принадлежавшихъ и лежавшихъ въ разстояніи 6 миль по обѣимъ сторонамъ предположенной линіи. Я съѣздилъ въ столицу штата, досталъ хартію на постройку новой линіи, заключилъ контракты съ властями штата и съ вышеупомянутой поземельной компаніей, и, чрезъ недѣлю, три отряда инженеровъ были уже въ полѣ, производя предварительныя изысканія по постройкѣ линіи отъ рѣки С.-Джонса до Мексиканскаго залива, около 150 миль длины, проходившей по новымъ, рѣдко заселеннымъ мѣстамъ и связывавшей судоходство по С.-Джонсу съ судоходствомъ залива. Предварительная смѣта показывала, что постройка и экипировка линіи должны обойтись приблизительно въ два милліона долларовъ. Наличныхъ денегъ у меня не было совсѣмъ—все, что я имѣлъ, заключалось въ землѣ, заводахъ и моемъ подрядномъ дѣлѣ. Все-таки я ни минуты не сомнѣвался въ успѣхѣ—и дѣйствительно дорога была построена, экипирована и въ полномъ

ходу черезъ полтора года послѣ того дня, какъ я получилъ хартію отъ штата на ея постройку.

Какъ и во всякомъ другомъ дѣлѣ, я прежде всего занялся образованіемъ компаніи для постройки дороги и черезъ нѣсколько дней нашелъ подходящихъ людей. Самъ я внесъ въ компанію все мое имущество, по извѣстной оцѣнкѣ. Имущество это должно было служить основаніемъ для приданія новой компаніи извѣстнаго финансоваго положенія. Мой партнеръ по магазину, о которомъ я уже говорилъ въ предъидущей главѣ, внесъ свою часть въ дѣло, опять-таки по оцѣнкѣ — и, наконецъ, два новыхъ члена (одинъ — англичанинъ, только-что продавшій серебряный рудникъ въ Невадѣ и переѣхавшій во Флориду на жительство, а другой—шведъ, жившій во Флоридѣ уже около десяти лѣтъ и успѣвшій сколотить значительное состояніе) внесли по пятнадцати тысячъ долларовъ наличными,—и съ этими-то средствами и съ имѣвшимся у меня кредитомъ я началъ и кончилъ дорогу.

Какъ только компанія была образована, я былъ выбранъ ея президентомъ и главнокомандующимъ, съ неограниченными полномочіями. Къ этому времени инженеры уже окончили около 30 миль окончательнаго расположенія линіи; немедленно около 500 человѣкъ рабочихъ было поставлено на земляную работу и на рубку шпалъ, и линія быстро подвигалась впередъ. Главною задержкою были не деньги, а многочисленныя затрудненія по опредѣленію окончательнаго расположенія, такъ какъ, въ случаѣ отсутствія добровольной уступки владѣльцами земли права на путь (right of way), приходилось обращаться къ закону объ отчужденіи этого права; землевладѣніе было по преимуществу очень мелкое, и цѣлые десятки случаевъ являлись одинъ за другимъ и задерживали работу. Нашъ компаньонъ-шведъ, вмѣстѣ съ адвокатомъ, провелъ цѣлыхъ полтора года за этой работой, и даже послѣ того, какъ дорога была окончена и въ полномъ ходу, у насъ оставалось на рукахъ около пятидесяти неразрѣшенныхъ дѣлъ, въ которыхъ намъ приходилось давать поручительства въ уплатѣ убытковъ, если таковые будутъ присуждены просителямъ; судьи давали намъ въ такомъ случаѣ разрѣшеніе на производство работы, не ожидая судебнаго разбирательства.

Тогда какъ, съ одной стороны, весьма многіе на пути старались, по возможности, сорвать съ насъ все, что могли,—или за право на путь, или за лѣсъ на шпалы, или за землю на насыпи,—съ другой стороны, весьма многіе старались помочь намъ всѣмъ, чѣмъ могли.

Многіе предлагали цѣлую половину всей земли, если мы проведемъ линію извѣстнымъ образомъ; происходила настоящая торговля относительно направленія линіи, и къ тому времени, какъ ея окончательное расположеніе было установлено, наша компанія владѣла многими десятками тысячъ акровъ земли и почти всѣми станціями. Нѣсколько новыхъ городовъ возникли на линіи: гдѣ мы рѣшали поставить станцію, тамъ немедленно выростали магазины и являлся почтамтъ, и т. д., и т. д. Я провелъ лично нѣсколько мѣсяцевъ на линіи, руководя инженерами. Каждый футъ дороги былъ мнѣ извѣстенъ, и часто приходилось перемѣнять расположеніе, благодаря крупному пожертвованію того или другого лица. На физическія препятствія мы обращали весьма мало вниманія—главною основою расположенія была будущность дороги относительно фрахтовъ и удобства эксплуатаціи. Въ одномъ мѣстѣ мы перерѣзали озеро въ двѣ мили ширины и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ до 25 футовъ глубины, а въ другомъ—прорѣзали значительную цѣпь холмовъ съ насыпями и выемками до 70 футовъ глубины; на берегу Мексиканскаго залива пересѣкли нѣсколько широкихъ морскихъ рукавовъ; въ нѣсколькихъ мѣстахъ засыпали глубокія кипарисныя болота, и вообще преодолѣли значительныя трудности. Я замѣчу при этомъ, что моимъ главнымъ инженеромъ былъ молодой человѣкъ, лѣтъ 22-хъ, до этихъ поръ служившій клеркомъ на сѣверѣ,—и землемѣрство, и инженерное искусство—все было схвачено имъ на-лету въ теченіи какихъ-нибудь шести мѣсяцевъ. Когда онъ переѣхалъ во Флориду, то поступилъ рабочимъ въ отрядъ инженеровъ, пролагавшихъ желѣзнодорожную линію для другой компаніи на югѣ штата, случайно встрѣтился со мною, произвелъ на меня благопріятное впечатлѣніе и былъ приглашенъ мною занять должность главнаго инженера, которую занимаетъ и до настоящаго времени.

Я считаю нелишнимъ дать еще нѣкоторыя подробности относительно постройки желѣзныхъ дорогъ въ Америкѣ, такъ какъ я помню очень хорошо тѣ фантастическіе разсказы, которые мнѣ случалось читать, относительно этого дѣла, на русскомъ языкѣ.

Какъ я уже имѣлъ случай упомянуть выше, я не имѣлъ рѣшительно никакого понятія объ этомъ дѣлѣ въ Россіи; поэтому я не могу сравнивать, а могу только дать описаніе того, что̀ въ дѣйствительности дѣлается въ Америкѣ въ настоящее время.

Подъемы на всѣхъ линіяхъ, исключая горныхъ участковъ въ Аллеганскихъ и Скалистыхъ горахъ, не превышаютъ одной сотой;

въ очень исключительныхъ случаяхъ, въ городахъ, или при приближеніи къ большимъ рѣкамъ или морю, допускаютъ пятнадцать тысячныхъ. На моей линіи только въ одномъ мѣстѣ, при спускѣ къ морской пристани на Мексиканскомъ заливѣ, былъ допущенъ подъемъ въ тринадцать тысячныхъ. Этотъ подъемъ считается максимальнымъ для прямой линіи — на кривыхъ онъ не долженъ превышать одной двухсотой; это правило стоило мнѣ свыше двухсотъ тысячъ долларовъ въ земляной работѣ, но зато оно чрезвычайно удешевляетъ эксплуатацію дороги. Кривыя допускаются до шести градусовъ, въ чрезвычайно рѣдкихъ случаяхъ—до восьми, и многія дороги отказываютъ въ обмѣнѣ вагоновъ, если этотъ предѣлъ преступленъ какою-либо отдѣльною линіей, такъ какъ кривыя большихъ градусовъ дѣйствуютъ чрезвычайно разрушительно на подвижной составъ. Насыпи на вершинѣ и выемки на днѣ дѣлаются въ 10 или 12 футовъ ширины, склоны — отъ одной трети до половины, смотря по грунту; въ твердой глинѣ или гранитѣ допускаются почти отвѣсные склоны. Цѣна на земляную работу стоитъ около 8 центовъ за песокъ, за кубическій ярдъ; отъ 12 до 25 центовъ за глину, смотря по плотности; около 40 центовъ за гравій и до одного доллара за ярдъ за горныя породы; при этомъ землекопы, за ту же цѣну, должны выкорчевать всѣ пни на восемнадцать дюймовъ глубины отъ поверхности полотна. Земляной работой на югѣ занимаются исключительно итальянцы и негры; на сѣверѣ и востокѣ—итальянцы и ирландцы, иногда поляки и изрѣдка венгерцы; на западѣ—китайцы. Шпалы, въ громадномъ большинствѣ случаевъ, тешутся въ 6 дюймовъ толщины, 8 дюймовъ ширины и 8 футовъ длины, и кладутся 2 фута центръ отъ центра; стоятъ онѣ около 25 центовъ за штуку, съ доставкой на полотно дороги. На югѣ употребляютъ желтую сосну и, въ послѣднее время, кипарисъ; на сѣверѣ и востокѣ—бѣлый дубъ; на западѣ—что попадется подъ руку. Въ самое послѣднее время во многихъ мѣстахъ союза начались опыты со шпалами изъ соломы, стали и стекла; по мѣрѣ истребленія лѣсовъ, шпалы дорожаютъ съ каждымъ годомъ, и многія дороги стараются замѣнить ихъ чѣмъ-нибудь болѣе прочнымъ, но до сихъ поръ, насколько мнѣ извѣстно, ни одинъ изъ субститутовъ не далъ вполнѣ удовлетворительныхъ результатовъ.

Желѣзнодорожные мосты на всѣхъ новыхъ линіяхъ, какъ постоянные, такъ и временные, отличаются легкостью и дешевизной постройки. Къ временнымъ мостамъ я отношу грубые, изъ неотесан-

ныхъ бревенъ срубы въ болотистыхъ и вообще низкихъ мѣстахъ, гдѣ нельзя достать земли близко для насыпей; на нихъ кладутъ толстыя бревна, затѣмъ укладываютъ шпалы и рельсы и засыпаютъ ихъ землей съ поѣзда до открытія правильнаго сообщенія. Срубы эти часто достигаютъ 40 и 50 футовъ вышины; они обыкновенно очень опасны, зато удешевляютъ постройку настолько, что строители всегда рискуютъ ихъ употребленіемъ; у меня разъ цѣлый рабочій поѣздъ — локомотивъ и съ десятокъ нагруженныхъ вагоновъ — слетѣлъ съ такого временного моста въ болото, и все-таки я уэкономилъ цѣлую сотню тысячъ долларовъ, благодаря ихъ употребленію.

Постоянные мосты строятся чрезвычайно однообразно; я объѣздилъ весь союзъ, всегда обращалъ вниманіе на ихъ постройку и всюду находилъ одно и то же. Само собою разумѣется, что это относится къ деревяннымъ мостамъ, которые всегда строятся сначала; послѣ нѣсколькихъ лѣтъ эксплуатаціи, когда эти первоначальныя постройки начинаютъ подгнивать, ихъ обыкновенно замѣняютъ желѣзными или стальными мостами самаго разнообразнаго устройства. Деревянные же, первоначальные мосты строятся слѣдующимъ образомъ: вбиваютъ 5 свай въ рядъ, на разстояніи 12 фут. рядъ отъ ряда, спиливаютъ верхушки по горизонтальной линіи и насаживаютъ пиленый брусъ 12×12 дюймовъ и 12 фут. длины, прикрѣпивъ его къ сваямъ желѣзными болтами; затѣмъ кладутъ пиленые продольные брусья 6×12 дюймовъ, 25 футовъ длины, кладя ихъ попарно на разстояніи 8 футовъ отъ внѣшняго до внѣшняго бруса, сращивая на концахъ съ слѣдующими, мѣняя cростки такимъ образомъ, что на каждомъ рядѣ свай расположены 2 сростка и 2 сквозные бруска; сверху на нихъ кладутъ пиленыя шпалы, 6×8×8, и эти послѣднія скрѣпляются опять продольными брусьями 6×8 сверху; затѣмъ вся постройка скрѣпляется желѣзными болтами — и мостъ готовъ. Такіе мосты очень дешевы, сравнительно, и могутъ быть построены изумительно быстро: на моей линіи было ихъ около 6 миль, и мы часто заколачивали до ста свай въ день, употребляя паровую машину на плоту, на озерахъ и рѣкахъ, и особеннаго устройства приспособленіе на каткахъ — въ оврагахъ и безводныхъ мѣстахъ.

За послѣднія десять лѣтъ желѣзные рельсы совершенно вышли изъ употребленія — стальные замѣнили ихъ вездѣ и всюду. Самымъ обыкновеннымъ рельсомъ служитъ стальной рельсъ, вѣсящій 56 англійскихъ фунтовъ на погонный ярдъ; употребляются и въ 40, 48, 60, 72 и даже 90 фунтовъ на погонный ярдъ, но первый по

количеству превышаетъ въ 10 разъ всѣ остальные, взятые вмѣстѣ. Надо замѣтить, что въ Америкѣ существуютъ два рода желѣзныхъ дорогъ: ширококолейныя, въ 4 фута и 8 дюймовъ ширины, и узкоколейныя, въ 3 фута ширины; этихъ послѣднихъ очень немного, не больше 1/40 всего количества,— и все, что я говорю, относится къ ширококолейнымъ дорогамъ. Стальные рельсы теперь стоятъ около 30 долларовъ за тонну; десять лѣтъ тому назадъ они стоили около 60 долларовъ; въ 1885 и 1886 годахъ я заплатилъ за стальные рельсы для моей линіи около 45 долларовъ за тонну; цѣна на нихъ, какъ и вообще на всѣ желѣзныя и стальныя издѣлія, падаетъ съ каждымъ годомъ, благодаря многочисленнымъ усовершенствованіямъ въ ихъ производствѣ. Укладка рельсовъ на полотно дороги производится машиной, ѣдущей на особаго устройства поѣздѣ; мнѣ случалось класть до двухъ миль въ день, а на западѣ эту быстроту иногда удвоиваютъ.

Подвижной составъ американскихъ желѣзныхъ дорогъ очень, сравнительно, дешевъ, проченъ и долговѣченъ. Заводы Больдуина въ Филадельфіи, Гранта въ Чикаго и Паттера въ Питсбургѣ выпускаютъ ежегодно отъ 500 до 700 локомотивовъ разнаго сорта. Обыкновенный пассажирскій локомотивъ, съ 4 движущими колесами, вѣсящій съ тендеромъ около 40 тоннъ, стоитъ около 8 тысячъ долларовъ, можетъ дѣлать съ поѣздомъ въ 6—7 почтовыхъ и пассажирскихъ вагоновъ отъ 30 до 40 миль въ часъ, и, при надлежащемъ уходѣ, можетъ работать 30 и 40 лѣтъ; на старыхъ дорогахъ въ штатахъ Пенсильваніи и Нью-Іоркѣ и до сихъ поръ работаютъ локомотивы, построенные 40 лѣтъ тому назадъ. Товарные локомотивы обыкновенно имѣютъ 6 и даже 8 движущихъ колесъ, вѣсятъ до 60 тоннъ (въ послѣднее время стали дѣлать даже вѣсящіе до 90 тоннъ) и обладаютъ среднею скоростью въ 15—20 миль въ часъ, съ поѣздомъ въ 30—35 товарныхъ нагруженныхъ вагоновъ. Вопросъ о средней быстротѣ движенія какъ товарныхъ, такъ и особенно почтовыхъ и пассажирскихъ поѣздовъ, имѣетъ въ Америкѣ первостепенное значеніе—каждая дорога стремится перегнать другую, конкурирующую на этомъ пунктѣ, и съ каждымъ годомъ предѣлъ максимальной быстроты все увеличивается. Можно принять за среднее, что на югѣ и западѣ почтовые поѣзда достигаютъ средней быстроты въ 30 миль въ часъ, на худшихъ—25, на лучшихъ—35; на сѣверѣ и востокѣ эта средняя быстрота достигаетъ 40 миль, причемъ лучшая дорога, New York Central, имѣетъ ежедневный поѣздъ

отъ Нью-Іорка до Буффало, на разстояніи свыше 400 миль, называемый The Empire Express, дѣлающій 52 мили въ часъ, считая остановки. Насколько мнѣ извѣстно, это самый быстрый регулярный поѣздъ въ мірѣ.

Обыкновенные пассажирскіе вагоны по всему союзу чрезвычайно однообразны: всѣ они дѣлаются 9-ти футовъ въ ширину и отъ 60 до 90 футовъ въ длину, съ дверьми на поперечныхъ стѣнахъ, безъ всякихъ перегородокъ внутри, съ проходомъ по срединѣ, съ двойными сидѣньями по бокамъ. Стоятъ они около 4.000 долларовъ за штуку. Въ Америкѣ нѣтъ классовъ; всѣ пассажиры платятъ одно и то же; единственнымъ исключеніемъ являются спальные вагоны и спеціальные эмигрантскіе поѣзда. Спальные вагоны принадлежатъ особой компаніи, эксплуатирующей ихъ на всѣхъ дорогахъ союза; проѣздъ на нихъ стоитъ около двухъ съ половиной долларовъ за сутки; стоятъ они до 10.000 долларовъ за штуку и очень удобны. За послѣднее время законодательства различныхъ штатовъ взялись за эту компанію и заставили ее спустить цѣну съ двухъ долларовъ до одного доллара за ночь,—причемъ сдѣлали ее отвѣтственной за всякую потерю пассажирскаго имущества. Эмигрантскіе поѣзда существуютъ между портами востока—Бостономъ, Нью-Іоркомъ, Филадельфіей и Балтиморой—и различными пунктами запада, преимущественно Чикаго и Омахой; идутъ они тише, перевозятъ имущество и скотъ эмигрантовъ, и проѣздъ на нихъ стоитъ не болѣе половины обыкновенныхъ пассажирскихъ поѣздовъ. Кромѣ обыкновенныхъ пассажирскихъ, спальныхъ и эмигрантскихъ вагоновъ, существуютъ еще на всѣхъ дорогахъ особые частные вагоны. Всякій богатый человѣкъ и всѣ желѣзнодорожные управляющіе имѣютъ такіе собственные вагоны. Часто это совершенные дворцы на колесахъ, со всѣми удобствами цивилизованной жизни, и стоятъ до 40 и 50 тысячъ долларовъ за штуку. Мой собственный частный вагонъ, въ которомъ я жилъ по цѣлымъ недѣлямъ, когда выѣзжалъ на линію, имѣлъ кухню, спальню, столовую, гостиную и контору, помѣщеніе для повара и прислуги и разныхъ припасовъ, былъ снабженъ водой, освѣщеніемъ и электрическими звонками.

Товарные вагоны, какъ закрытые, такъ и открытые, чрезвычайно разнообразны какъ по внѣшнему виду, такъ и по устройству и вмѣстимости. Вагоны стараго устройства, иногда еще попадающіеся, везли всего 20.000 фунтовъ; вагоны, строившіеся около десяти лѣтъ тому назадъ, везутъ 40.000 фунтовъ, а теперешніе—

везутъ 60.000 фунтовъ и вѣсятъ около 10 тоннъ. Дерево все больше и больше выходитъ изъ употребленія при ихъ постройкѣ; послѣдняя система оставила дерево только для наружной обшивки; весь скелетъ вагона и его рама дѣлаются изъ стали. Стоятъ они около 600 долларовъ за штуку—деревянные и около 1.000 долларовъ—желѣзные; каждая мало-мальски значительная линія имѣетъ обыкновенно свои собственныя мастерскія для ихъ постройки. Я строилъ не только товарные, но и почтовые и пассажирскіе вагоны въ моихъ собственныхъ мастерскихъ. За послѣднія десять лѣтъ на востокѣ, преимущественно въ Нью-Іоркѣ, завелись нѣсколько акціонерныхъ компаній для снабженія желѣзныхъ дорогъ подвижнымъ составомъ. За извѣстную ежегодную плату, опредѣленную на значительное число лѣтъ впередъ, эти компаніи снабжаютъ всѣмъ необходимымъ подвижнымъ составомъ новыя линіи, которыя обязываются содержать его въ порядкѣ, сообразно съ требованіями особыхъ инспекторовъ, состоящихъ на жалованьѣ собственниковъ. Эта система развивается очень быстро; главнымъ ея преимуществомъ считается возможность имѣть заводы въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ постройка подвижного состава обходится всего дешевле,—причемъ большое количество производства, для нѣсколькихъ линій разомъ, опять-таки значительно удешевляетъ продуктъ. Многіе значительные торговые дома имѣютъ свой собственный подвижной составъ, построенный сообразно спеціальнымъ требованіямъ ихъ дѣла. Такъ, большіе экипажные заводы Цинциннати и мебельныя фабрики Мичигана строятъ товарные вагоны очень большихъ размѣровъ для перевозки громоздкихъ экипажей и омнибусовъ и спеціальной мебели; бойни Арморовъ и Свифта въ Чикаго и Канзасъ-Сити употребляютъ свои собственные вагоны-рефриджерсторы, для перевозки свѣжаго мяса во всѣ концы союза; каменоломни Мэна и Вермонта разсылаютъ гранитъ и мраморъ на особенно тяжелыхъ желѣзныхъ платформахъ; а заводы конножелѣзныхъ и электрическихъ вагоновъ употребляютъ особенно низкіе и длинные открытые вагоны, спеціально устроенные для удобной нагрузки, перевозки и разгрузки этихъ вагоновъ. Кромѣ этого торговаго и мануфактурнаго подвижного состава, по всему союзу ѣздятъ многочисленные собственные театральные поѣзда. Театральныя труппы всякаго рода: оперныя, драматическія и балетныя, и особенно цирки, постоянно переѣзжаютъ изъ одного города въ другой, и обыкновенно на собственныхъ поѣздахъ. Существуетъ нѣсколько цирковъ, имѣющихъ собственные поѣзда въ 50, 70 и даже 120 вагоновъ; циркъ

Барнума содержитъ до 800 служащихъ, имѣетъ до 200 лошадей, массу звѣрей и экипажей и занимаетъ до 120 вагоновъ въ своихъ вѣчныхъ странствованіяхъ съ мѣста на мѣсто.

Американскіе товарные поѣзда поражаютъ европейца своимъ разнообразіемъ и пестротой. Поѣздъ въ 30 или 40 вагоновъ рѣдко содержитъ два одинаковыхъ вагона; каждая линія имѣетъ свой собственный размѣръ, окраску и наружную форму; вагоны никогда не разгружаются, а идутъ до мѣста назначенія, иногда по полотну цѣлаго десятка разныхъ дорогъ, и потому перемѣшиваются до чрезвычайности. Перевозка товара въ собственныхъ вагонахъ производится за обыкновенную тарифную цѣну, — при чемъ собственникъ кредитуется за вагонъ, обыкновенно три четверти цента за милю; то же самое одна линія платитъ другой за вагоны. Есть многія линіи, — нѣкоторыя довольно значительныя, — не имѣющія никакого собственнаго подвижного состава, исключая локомотивовъ; онѣ употребляютъ вагоны другихъ линій, платя имъ помильно за ихъ употребленіе.

Я возвращусь теперь къ финансовой сторонѣ желѣзнодорожнаго дѣла въ Америкѣ, и прежде всего сообщу, какъ я досталъ деньги на постройку моей линіи, такъ какъ весьма часто постройка эта производится при тѣхъ же условіяхъ. Я уже упомянулъ выше, что у нашей компаніи было тридцать тысячъ долларовъ наличными, около семи миль построенной дороги и затѣмъ разное недвижимое имущество, оцѣнивавшееся въ восемьдесятъ тысячъ долларовъ. Кромѣ того, было въ перспективѣ около семисотъ тысячъ акровъ земли отъ штата, около двухсотъ тысячъ акровъ отъ частныхъ лицъ и компаній, до дюжины мѣстъ, обѣщавшихъ, съ постройкой линіи, сдѣлаться городами и принести значительныя деньги; затѣмъ, контракты на поставку извѣстнаго количества даровыхъ шпалъ, рабочихъ дней и нѣсколькихъ десятковъ тысячъ долларовъ наличными; все это — если дорога будетъ построена въ извѣстномъ направленіи, и станціи установлены въ извѣстныхъ мѣстахъ. Какъ я уже сказалъ, до 500 человѣкъ рабочихъ были заняты земляной работой и рубкой и доставкой шпалъ; инженеры работали по всей линіи, и наши 30 тысячъ долларовъ таяли, какъ свѣча.

Я поѣхалъ въ Нью-Іоркъ съ неограниченными полномочіями отъ моихъ компаньоновъ на покупку рельсовъ, подвижного состава и переговоровъ относительно выпуска облигацій и акцій дороги. Предварительно я уже находился въ перепискѣ съ фирмой брукеровъ въ

Wall Street'ѣ, этомъ центрѣ денежныхъ операцій всего союза. Брукеры эти прежде всего потребовали рекомендацій; мои значительныя торговыя сношенія съ нѣсколькими нью-іоркскими фирмами, въ теченіи предшествовавшихъ пяти лѣтъ, дали мнѣ возможность вполнѣ удовлетворить этимъ требованіямъ, такъ какъ фирмы эти единогласно рекомендовали и меня лично, и мою компанію, какъ безусловно состоятельныя и надежныя. Я изложилъ подробно всѣ преимущества новой линіи, предъявилъ контракты съ властями штата и частными лицами, и затѣмъ тотчасъ купилъ рельсы для тѣхъ тридцати миль, которыя къ этому времени были почти готовы къ укладкѣ—и, кромѣ того, заключилъ условіе на продажу облигацій дороги на сумму одного милліона долларовъ. Предполагалось заложить дорогу въ эту сумму, а другой милліонъ, необходимый для ея окончанія, выручить отъ продажи акцій компаніи на эту сумму; причемъ мы, учредители, должны были получить другой милліонъ за хартію, имущество и земли компаніи. Я тотчасъ же вернулся во Флориду, объяснилъ положеніе дѣла двумъ мѣстнымъ банкамъ, занялъ у нихъ подъ мои личныя росписки пятьдесятъ тысячъ, и работа закипѣла по всей линіи. Между тѣмъ, пока наши облигаціи литографировались въ Нью-Іоркѣ, денежный рынокъ страны разстроивался больше и больше, и подготовлялась одна изъ тѣхъ періодическихъ паникъ, которыя въ Америкѣ раззоряютъ тысячи, обогащая сотни избранныхъ. Наши нью-іоркскіе брукеры писали все болѣе и болѣе неутѣшительныя вѣсти—и, наконецъ, когда облигаціи были готовы, и мнѣ пришлось ѣхать въ Нью-Іоркъ, чтобы ихъ подписать, какъ предсѣдателю компаніи, кризисъ разразился въ полной силѣ. Нельзя было и думать о продажѣ облигацій новой, неизвѣстной дороги гдѣ-то въ глуши, за двѣ тысячи миль отъ Нью-Іорка,—а, между тѣмъ, занятыя у банковъ деньги были уже издержаны, тридцать миль дороги готовы, и дальнѣйшая задержка вынудила бы насъ остановить работу. Я прожилъ недѣли двѣ въ Нью-Іоркѣ, стараясь какъ-нибудь поправить дѣло, и, наконецъ, успѣлъ заложить тѣ двѣсти тысячъ долларовъ облигацій, которыя были готовы къ продажѣ, покрывая уже законченный участокъ дороги. Благодаря этому обороту, оказалось опять около ста тысячъ свободныхъ денегъ—кредитъ нашъ укрѣпился и дома, и въ Нью-Іоркѣ, и я могъ безостановочно продолжать работу; и у меня, и у моихъ партнеровъ, и у публики появилась увѣренность, что дорога будетъ окончена. Между тѣмъ, паника въ Нью-Іоркѣ прошла—и, какъ всегда послѣ такой пертур-

баціи, капиталъ искалъ помѣщенія. Мои брукеры, которые по контракту обязались продать наши облигаціи и должны были сдѣлать на нихъ значительныя деньги, захлопотали объ ихъ продажѣ, и черезъ мѣсяцъ заложенныя двѣсти тысячъ были проданы по хорошей цѣнѣ. Работа, между тѣмъ, подвигалась съ удвоенной энергіей, и участокъ за участкомъ оказывались оконченными и давали больше и больше облигацій, готовыхъ къ продажѣ. Во время моихъ частыхъ поѣздокъ въ Нью-Іоркъ и Филадельфію, по поводу этихъ финансовыхъ операцій, я успѣлъ заинтересовать три большіе торговые дома въ моемъ предпріятіи, и въ одно прекрасное утро продалъ имъ по хорошей цѣнѣ и акціи, и облигаціи дороги. Тогда работа закипѣла въ полномъ смыслѣ слова: мы работали день и ночь; болѣе двухъ тысячъ человѣкъ были на линіи въ одно и то же время, и къ концу 1886 года вся дорога была готова—и движеніе по ней открыто.

Въ этомъ случаѣ капиталъ дороги состоялъ изъ одного милліона долларовъ облигацій и двухъ милліоновъ акцій—тогда какъ самая дорога стоила около двухъ милліоновъ. Капиталъ былъ разбавленъ водою (техническое американское выраженіе to water the stock) только на одну треть—тогда какъ обыкновенно онъ разбавляется въ пять, иногда въ десять разъ. Весьма часто дорога закладывается, т.-е. выпускаются облигаціи въ три раза больше того, что̀ она сто̀итъ; многія линіи капитализированы въ десять разъ больше ихъ дѣйствительной стоимости, причемъ учредители и строители обыкновенно заработываютъ огромныя деньги, заставляя акціонеровъ и владѣльцевъ облигацій расплачиваться за эти продѣлки. Я лично знаю нѣсколько линій, которыя были построены исключительно затѣмъ, чтобы надуть покупателей облигацій, часто европейцевъ, обыкновенно англичанъ, голландцевъ и французовъ. Поэто́му-то только весьма немногія американскія желѣзныя дороги приносятъ дивиденды—только старыя дороги востока и запада, которыя уже прошли черезъ процессъ реорганизаціи и капитализировались въ ихъ дѣйствительной стоимости. Этотъ процессъ реорганизаціи является непремѣннымъ слѣдствіемъ мошенничества учредителей и строителей; какъ только дорога построена и барыши сдѣланы, такъ они обыкновенно удаляются и оставляютъ владѣльцевъ облигацій выпутываться, какъ знаютъ. Обыкновенно начинается этотъ процессъ съ того, что дорога не платитъ сначала процентовъ по облигаціямъ; затѣмъ перестаетъ платить рабочимъ и за матеріалъ; кто-нибудь начинаетъ искъ—является шерифъ, приковываетъ вагоны и локомотивъ къ рельсамъ; тогда вмѣ-

шивается судъ, назначаетъ особое лицо, называемое пріемщикомъ (receiver) для управленія дороги и ея продажи съ аукціона. Владѣльцы облигацій являются обыкновенно покупателями; всѣ остальные кредиторы, не обезпеченные закладными, обыкновенно теряютъ все—и дорога начинаетъ новую жизнь. Навѣрное девять десятыхъ всѣхъ американскихъ дорогъ, если не больше, проходятъ раньше или позже черезъ этотъ процессъ реорганизаціи—и, только послѣ этого процесса, начинаютъ давать правильный доходъ.

Несмотря на то, что всѣ эти продѣлки были тысячу разъ обнаружены и извѣстны каждому интеллигентному американцу, богатство страны такъ велико, и страсть къ спекуляціи такъ развита, что ежегодно строятся въ союзѣ отъ 6 до 10 тысячъ миль новыхъ желѣзныхъ дорогъ; многія изъ нихъ не имѣютъ никакого будущаго, и едва-ли которая изъ нихъ будетъ приносить доходъ, а все-таки находится и будетъ находиться капиталъ и на ихъ постройку, и на тѣ громадные барыши, которые дѣлаются благодаря этой постройкѣ. Иногда желѣзная дорога, благодаря стеченію неблагопріятныхъ обстоятельствъ, не можетъ временно платить процентовъ, и тогда владѣльцы облигацій являются грабителями акціонеровъ — ихъ вымораживаютъ (to freese out, — опять-таки техническое американское выраженіе, прекрасно передающее суть дѣла). Въ первомъ случаѣ учредители и строители грабятъ владѣльцевъ облигацій, во второмъ — наоборотъ. Который-нибудь изъ этихъ процессовъ непремѣнно продѣлывается однажды, а иногда и нѣсколько разъ на каждой линіи желѣзной дороги; Вандербильты и, особенно, Джэй Гульдъ съумѣли продѣлывать это нѣсколько разъ на каждой подвластной имъ дорогѣ и, благодаря исключительно этому, нажили тѣ безчисленные милліоны, которыми они теперь владѣютъ. Состояніе Вандербильтовъ росло въ теченіи трехъ поколѣній; они хотя и грабили, когда подходилъ случай, но грабили умѣренно, и тѣ выжиманія (squeeses), въ которыхъ они принимали участіе и посредствомъ которыхъ они добывали деньги, не отличались особеннымъ безсердечіемъ; ощипывая своихъ жертвъ, они обыкновенно оставляли имъ частицу пуха; но Джэй Гульдъ съ его союзниками, Сэджемъ и Диллономъ, оцѣнивающіеся теперь втроемъ въ цѣлыхъ двѣсти-пятьдесятъ милліоновъ долларовъ, сдѣлали эти деньги въ теченіи послѣднихъ тридцати лѣтъ, благодаря цѣлому ряду самыхъ смѣлыхъ, самыхъ безсердечныхъ „вымораживаній", причемъ они всегда облегчали дочиста всѣхъ и каждаго, кто имъ подвертывался. Вымораживаніе не-

счастныхъ акціонеровъ эрійской желѣзной дороги—первый подвигъ Гульда на этомъ поприщѣ—и до настоящаго времени считается образцовымъ произведеніемъ этого рода; а троекратное вымораживаніе акціонеровъ миссурійской тихо-океанской дороги (Missouri Pacific R. R.) и различныхъ ея вѣтвей заставляетъ невольно удивляться, съ одной стороны, смѣлости и находчивости этого великаго дѣльца, а съ другой—безпечности и тупоумію его противниковъ.

Къ сожалѣнію, мнѣ самому пришлось извѣдать на опытѣ всѣ прелести „вымораживанія". Въ теченіи 1886 года мы не только сдѣлали проценты на облигаціи, но и отложили довольно крупную сумму, и дѣло дороги было въ блестящемъ положеніи и обѣщало крупные барыши въ будущемъ. Но въ 1887 году сначала страшный, небывалый во Флоридѣ, въ теченіи послѣднихъ пятидесяти лѣтъ, морозъ не только уничтожилъ весь урожай апельсиновъ и раннихъ овощей, составлявшихъ нашъ главный грузъ, но и убилъ многія рощи; а въ штатѣ прошелъ законъ, значительно урѣзавшій наши доходы и уравнявшій насъ съ другими старыми дорогами. Затѣмъ весной нахлынула желтая лихорадка, продолжавшаяся и въ 1888 году, и не только остановившая всякую эмиграцію, но и обезлюдившая многія мѣстности. Карантины были такъ строги, что около трехъ мѣсяцевъ почти всякое движеніе было остановлено—одинъ почтовый вагонъ съ локомотивомъ ѣздили по линіи. Мы не только не сдѣлали процентовъ, но и не могли оплатить дѣйствительныхъ расходовъ—къ концу года оказался дефицитъ въ семьдесятъ тысячъ долларовъ. Мои сѣверные союзники-капиталисты сейчасъ же воспользовались этимъ обстоятельствомъ и обложили акціи налогомъ на погашеніе какъ этого дефицита, такъ и процентовъ по облигаціямъ; они отлично знали, что и я, и мои компаньоны извели послѣдніе гроши на предпріятіе и не могли заплатить того, что̀ приходилось по разверсткѣ на наши акціи, тогда какъ для нихъ это была ничего незначущая сумма. Мое здоровье было окончательно разстроено; доктора объявили, что другое лѣто убьетъ меня навѣрное, и я махнулъ рукой на все и взялъ, что̀ они сочли подходящимъ дать мнѣ за мою часть.

Процессъ объединенія, выражающійся въ торговомъ и промышленномъ дѣлѣ образованіемъ trust'овъ, не оставилъ и желѣзнодорожнаго дѣла. За послѣднія десять лѣтъ десятки и даже сотни различныхъ линій, прежде конкурировавшихъ и подрывавшихъ одна другую, слились въ одно и образуютъ большія ком-

пактныя системы подъ однимъ управленіемъ. Есть системы въ 5, 6, даже 8 тысячъ миль; такія системы составляютъ страшную силу и въ политическомъ, и въ экономическомъ отношеніяхъ; они располагаютъ тысячами голосовъ и держатъ въ своихъ рукахъ благосостояніе цѣлыхъ мѣстностей, благодаря возможности, вслѣдствіе регулированія фрахтовъ, привлекать населеніе, всегда крайне подвижное и отзывчивое на всякую выгоду, въ извѣстные центры, почему-либо представляющіе особенныя выгоды для такой системы. И конгрессъ, и законодательство всѣхъ штатовъ, и самъ народъ, посредствомъ судовъ присяжныхъ, постоянно и упорно борются противъ этого порабощенія; новѣйшія хартіи прямо воспрещаютъ соединеніе новыхъ линій со старыми въ какомъ бы то ни было видѣ и подъ какимъ бы то ни было предлогомъ, опредѣляютъ максимумы помильной платы за перевозку пассажировъ и товара, и т. д., и т. д. Конгрессъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ издалъ законъ о регулированіи торговли между штатами, образовавшій особую коммиссію для преслѣдованія желѣзнодорожныхъ злоупотребленій, особенно дискриминацію въ пользу извѣстныхъ мѣстностей и городовъ; почти во всѣхъ штатахъ образованы особыя желѣзнодорожныя коммиссіи, съ правомъ утверждать и опредѣлять максимальные тарифы— но все это, какъ и въ дѣлѣ trust'овъ, обходится довольно успѣшно; желѣзнодорожники платятъ громадныя деньги своимъ адвокатамъ, захватываютъ лучшіе таланты и успѣшно воюютъ съ тѣми посредственностями, которыя обыкновенно представляютъ интересы страны. Впрочемъ, разъ только доходитъ до суда присяжныхъ, желѣзнодорожныя компаніи всегда проигрываютъ дѣло—какъ бы право оно ни было; я никогда не слыхалъ о какомъ-либо искѣ противъ желѣзнодорожной корпораціи, который бы рѣшился присяжными въ пользу этой корпораціи противъ частнаго лица; озлобленіе народа такъ сильно, что компанія всегда проигрываетъ, затѣмъ переноситъ дѣло въ апелляціонную инстанцію, затягиваетъ его всевозможными правдами и неправдами; цѣлые десятки лѣтъ такія дѣла переходятъ изъ одного суда въ другой,—причемъ суды присяжныхъ всегда и безусловно осуждаютъ компаніи. тогда какъ апеляціонные—обыкновенно отмѣняютъ эти приговоры, какъ несогласные съ обстоятельствами дѣла.

Американцы—народъ вообще чрезвычайно подвижной; я думаю, что, по крайней мѣрѣ, одна четверть населенія постоянно передвигается съ мѣста на мѣсто. Мнѣ случалось встрѣчаться съ молодыми

людьми, которые перебывали почти во всѣхъ штатахъ союза, перебывали, не путешествуя для собственнаго удовольствія, а занимаясь своимъ ремесломъ или спеціальностью. Эти номады составляютъ цѣлый классъ, ѣздящей по желѣзнымъ дорогамъ публики, едва-ли не самый многочисленный; за ними слѣдуютъ путешественники для удовольствія и здоровья. Зажиточные люди обыкновенно имѣютъ два дома: одинъ на сѣверѣ—для лѣта, другой на югѣ—для зимы. Эти послѣдніе часто замѣняются отелями и бордингъ-гаузами (boarding house). Нигдѣ въ мірѣ нѣтъ такого количества отелей для ищущихъ развлеченія и здоровья, какъ въ Америкѣ: каждый штатъ имѣетъ нѣсколько мѣстъ, почему-либо отличающихся отъ общей картины и потому привлекающихъ праздную или больную публику. Флорида, Джорджія и другіе штаты Мексиканскаго залива—на югѣ и Калифорнія—на западѣ, каждую зиму принимаютъ десятки тысячъ сѣверянъ на два, на четыре и на пять мѣсяцевъ. Южная Флорида и южная Калифорнія, отличаясь почти совершенно тропическимъ климатомъ, къ декабрю мѣсяцу наполняются обыкновенно до того, что въ отеляхъ всѣ корридоры заставляются складными кроватями на ночь. Затѣмъ ранней весной начинается обратное движеніе—публика перебирается на сѣверъ, останавливаясь на нѣсколько недѣль въ Каролинахъ, затѣмъ въ Вирджиніи, и, по мѣрѣ того, какъ жаръ усиливается, перебираясь въ штаты Новой-Англіи, Миннесоту и Канаду. Этотъ ежегодный приливъ и отливъ съ сѣвера на югъ и съ юга на сѣверъ, вмѣстѣ съ такимъ же движеніемъ съ востока на западъ и обратно, даетъ огромную работу главнымъ линіямъ желѣзныхъ дорогъ союза. Всѣ линіи, относительно пассажирскаго движенія этого рода, составляютъ какъ бы одну дорогу—въ самомъ маленькомъ городишкѣ можно купить сквозной билетъ во всякое другое мѣсто въ Соединенныхъ Штатахъ, Канадѣ и Мексикѣ, обыкновенно по сильно уменьшенной цѣнѣ. Средняя стоимость передвиженія не превышаетъ двухъ центовъ за милю на востокѣ, $2^1/_2$—на западѣ и 3—на югѣ. Сквозные билеты съ обратнымъ купономъ стоятъ не болѣе половины этого, иногда значительно менѣе.

Къ этому же разряду удешевленнаго тарифа слѣдуетъ причислить и движеніе на разныя политическія, религіозныя, общественныя и масонскія конвенціи и сборища. Въ Америкѣ существуетъ масса самыхъ разнообразныхъ обществъ: политическихъ, религіозныхъ, коммерческихъ, рабочихъ и другихъ, иногда очень страннаго состава; такъ, существуетъ общество толстяковъ, вѣсящихъ болѣе 250 англій-

скихъ фунтовъ, считающее болѣе 1.000 членовъ. Всѣ эти общества имѣютъ ежегодныя національныя собранія и штатныя собранія и съѣзды; во всякое время года, каждый день во многихъ мѣстахъ, въ разныхъ штатахъ союза засѣдаютъ эти ежегодныя конвенціи, члены которыхъ съѣзжаются со всѣхъ сторонъ. Существуютъ національныя общества мельниковъ, мебельныхъ заводчиковъ, лѣсопильныхъ заводчиковъ, банкировъ, издателей газетъ, гробовщиковъ, желѣзнодорожныхъ инженеровъ, фермеровъ, столяровъ, плотниковъ, каменьщиковъ, каменотесовъ, и т. д., и т. д.,—каждое съ правильной національной организаціей и отдѣльной организаціей въ каждомъ штатѣ; и на національныя ежегодныя собранія этихъ обществъ часто съѣзжаются цѣлыя тысячи членовъ. Самой крупной по числу членовъ организаціей считается „Великая Армія" республики, составленная изъ лицъ, принимавшихъ активное участіе на федеральной сторонѣ междоусобной войны, — лѣтомъ нынѣшняго года на національное ежегодное собраніе этой арміи въ Детрайтѣ съѣхалось болѣе тридцати тысячъ человѣкъ.

Слѣдующей по числу группой путешествующей публики въ Америкѣ слѣдуетъ признать торговыхъ „барабанщиковъ". Эти, бо̀льшею частью, путешествуютъ въ извѣстномъ районѣ и всегда покупаютъ тысячемильные билеты, которые даютъ право останавливаться гдѣ бы то ни было на какое угодно время и стоятъ обыкновенно около двухъ центовъ за милю на югѣ и около 1½ центовъ—на востокѣ и западѣ.

Вышеприведенныя цѣны на передвиженіе пассажировъ можно признать за среднія, хотя, конечно, существуетъ множество уклоненій въ ту и другую сторону. Такъ, священники почти вездѣ путешествуютъ за половинную цѣну; большія партіи рабочихъ, театральныя труппы и т. д. также часто получаютъ спеціальныя пониженія. Зато на нѣкоторыхъ небольшихъ побочныхъ вѣтвяхъ цѣна поднимается до пяти, даже 10 центовъ за милю. Товарные тарифы чрезвычайно разнообразны—вся Америка раздѣляется въ этомъ отношеніи на извѣстные районы, желѣзныя дороги которыхъ составляютъ ассоціаціи для сквозныхъ тарифовъ, которые всегда рѣзко отличаются отъ мѣстныхъ. Сплошь и рядомъ цѣна на перевозку извѣстнаго предмета на большее разстояніе ниже, чѣмъ на меньшее—эта аномалія является результатомъ конкуренціи разныхъ линій, и тѣ пункты, которые, благодаря своимъ желѣзнодорожнымъ системамъ или водяному сообщенію, имѣютъ низшіе тарифы, обыкновенно и дѣлаются оптовыми центрами торговли. Исторія желѣзнодорожныхъ тарифовъ,

какъ пассажирскихъ, такъ и товарныхъ, представляетъ много казусовъ, особенно въ смыслѣ борьбы между конкурирующими линіями; борьба эта особенно часто случается между различными линіями на западѣ, и нерѣдко цѣна на перевозку пассажира отъ Чикаго до Санъ-Луиса, 500 миль, падаетъ до одного доллара—года три тому назадъ можно было проѣхать изъ Чикаго въ С.-Поль, 470 миль, за 50 центовъ, и только въ прошломъ году бочку муки въ двѣсти фунтовъ везли изъ Минеаполиса до Нью-Іорка за 40 центовъ; само собой разумѣется, что крупные спекуляторы пользуются такими войнами и, передвигая громадныя количества товара по низкой цѣнѣ, дѣлаютъ часто большія деньги. Какъ бы то ни было, какъ уже выше я имѣлъ случай упомянуть, только весьма немногія желѣзныя дороги, самое незначительное меньшинство, платятъ дивиденды акціонерамъ. Громадное большинство акцій не приносятъ никакого дохода и имѣютъ только спекулятивную цѣнность—и за послѣднее время все чаще и чаще раздаются голоса и въ прессѣ, и въ законодательствѣ, и въ разныхъ торговыхъ и рабочихъ обществахъ въ пользу отчужденія всѣхъ желѣзныхъ дорогъ союза во владѣніе государства, и, насколько я могу судить, единственнымъ препятствіемъ къ достиженію этой цѣли является страхъ за то, что подобное прибавленіе къ числу служащихъ государству лицъ, зависящихъ отъ администраціи, дастъ страшно опасную силу той политической партіи, которая будетъ въ силѣ во время этой перемѣны.

VI.

Занявшій 4-го марта 1881 года президентское кресло генералъ Гарфильдъ, выбранный республиканской партіей, умеръ отъ раны, нанесенной ему изувѣромъ Гито, черезъ нѣсколько недѣль послѣ моего пріѣзда въ Америку. О составѣ и значеніи американскихъ политическихъ партій я имѣлъ самое смутное понятіе, хотя исторія междоусобной войны, ея причины и причины возникновенія республиканской партіи, вынесшей на своихъ плечахъ и эту войну, и освобожденіе негровъ, и сохраненіе цѣлости союза, и были мнѣ знакомы, до извѣстной степени, настолько, насколько случайный читатель можетъ познакомиться съ предметомъ такой важности въ исторіи націи изъ краткихъ газетныхъ и журнальныхъ статей и изъ немногихъ переводныхъ книгъ, которыя имѣлись на русскомъ языкѣ по этому по-

воду. Какъ извѣстно, двѣ главныя политическія партіи борются за первенство въ Соединенныхъ Штатахъ въ теченіи послѣднихъ тридцати лѣтъ. Одна изъ нихъ, демократическая, беретъ свое начало еще съ временъ войны за образованіе и независимость союза; другая, республиканская, образовалась въ 1856 году изъ обломковъ старой партіи виговъ и тѣхъ демократовъ и тори, которые придерживались аболюціонистскихъ воззрѣній; первымъ ея кандидатомъ былъ генералъ Фрисмонтъ, побитый Бухананомъ, а затѣмъ въ 1860 году ей удалось выбрать Линкольна, только благодаря раздѣленію демократической партіи по поводу вопроса о невольничествѣ, и съ тѣхъ поръ республиканцы были у кормила правленія до 1884 г., когда, благодаря случайности и мести Конклинга, Блэнъ былъ побитъ Кливелэндомъ; въ 1888 г., однако, Гаррисону удалось побить Кливелэнда, и республиканская партія вошла опять въ силу.

Въ теченіи этихъ послѣднихъ 30-ти лѣтъ возникли и погибли многія третьи и четвертыя политическія партіи; такъ, прогибиціонисты, существующіе уже около двадцати пяти лѣтъ, всякое четырехлѣтіе выставляютъ своихъ кандидатовъ, но никогда еще не были въ состояніи собрать больше полутораста тысячъ голосовъ по всему союзу, а за послѣднее десятилѣтіе число ихъ замѣтно уменьшалось съ каждымъ годомъ. Лѣтъ 15 тому назадъ, партія грэнжеровъ быстро выросла и окрѣпла до того, что захватила было два или три штата — но также быстро и скончалась навсегда. Затѣмъ пошумѣли нѣкоторое время гринбакеры—но и они теперь совсѣмъ исчезли съ политическаго горизонта. Въ прошломъ году фермерскій союзъ вдругъ быстро поднялся и захватилъ такую республиканскую твердыню, какъ Канзасъ; но этимъ и окончились его побѣды, такъ какъ на выборахъ прошедшаго года союзъ этотъ былъ почти незамѣтенъ. Партіи соціалистовъ, „народа“, „рабочихъ“ и т. д. каждый годъ выставляютъ кандидатовъ, но, по числу голосовъ, не играютъ никакой роли и, при политическихъ выкладкахъ, совсѣмъ не принимаются въ разсчетъ. Существовала даже партія женскаго владычества; ея кандидатъ—Бэлва Локвудъ—въ 1888 году получила около тысячи голосовъ по всему союзу.

Всѣ эти партіи имѣютъ свои организаціи, какъ національныя, такъ и въ отдѣльныхъ штатахъ,—ведутъ пропаганду и хлопочутъ за своихъ кандидатовъ, — но, такъ какъ онѣ не играютъ большой роли въ политической жизни Соединенныхъ Штатовъ, вслѣдствіе незначительнаго числа голосовъ, до сихъ поръ никогда не превы-

шавшихъ $5^0/_0$ для всѣхъ ихъ, вмѣстѣ взятыхъ, то я и оставлю ихъ въ сторонѣ и займусь тѣми двумя главными партіями, которыя своей борьбой и представляютъ собственно политическую жизнь союза. Сѣверъ и югъ и заселялись, и развивались различно. Тогда какъ сѣверъ заселенъ преимущественно англо-саксами, съ примѣсью тевтоновъ и скандинавовъ,—на югѣ преобладаютъ латинскія расы; первый, наравнѣ съ земледѣліемъ, занимался и мануфактурнымъ дѣломъ и никогда не зналъ невольничества; второй былъ исключительно земледѣльческой страной и ввелъ невольничество еще триста лѣтъ тому назадъ. Хотя оба они дружно возстали войной противъ англичанъ и завоевали сообща свою независимость, но, уже со времени этой революціи, разница интересовъ сѣвера и юга довольно рѣзко чувствовалась даже членами первой конвенціи, установившей конституцію, и съ тѣхъ поръ уже завязалась та борьба, которая разразилась междоусобной войной 1861—1865 гг., а, въ сущности, и до настоящаго момента составляетъ главную разницу между обѣими политическими партіями настоящаго времени. Земледѣльческій югъ, посредствомъ дарового труда рабовъ-негровъ, воздѣлывалъ хлопокъ, рисъ, табакъ, хлѣбъ и разводилъ скотъ. Земли принадлежали немногимъ богатымъ фамиліямъ и въ ихъ рукахъ было все—и власть, и деньги. Всѣ мануфактурныя издѣлія всякаго рода привозились съ сѣвера, или изъ Европы; хлопокъ везли въ штаты Новой-Англіи или въ Великобританію, обращали тамъ въ красный товаръ и затѣмъ везли обратно на рынки юга, хотя желѣзная руда самаго лучшаго качества, вмѣстѣ съ каменнымъ углемъ и известью для ея обработки, находится въ неисчерпаемыхъ количествахъ почти во всѣхъ штатахъ юга, гдѣ не было ни одного желѣзнаго завода—всѣ земледѣльческія орудія, всякій гвоздь привозились съ сѣвера. Бѣлые юга считали позорной всякую работу, а учить негровъ они боялись; оставалось только продавать сырье и ввозить мануфактуры. Само собой разумѣется, что, при такихъ условіяхъ политики, жизнь была крайне односторонняя; немногія богатыя фамиліи занимали всѣ общественныя должности въ штатѣ и управляли имъ, такъ сказать, на олигархическихъ началахъ; естественно также, что всѣ стремленія политическихъ воротилъ на югѣ были направлены въ пользу свободной торговли—они не хотѣли сами заняться мануфактурнымъ дѣломъ и не желали платить ввозныхъ пошлинъ—желали продать свои сырые продукты по наивысшей цѣнѣ и купить все, что̀ имъ было нужно по наименьшей. Они посылали свой хлѣбъ и свой скотъ, продукты труда

рабовъ, на сѣверъ, гдѣ они конкурировали съ свободнымъ трудомъ свободныхъ гражданъ; а когда эти свободные люди, занимавшіеся въ то же время мануфактурнымъ дѣломъ, требовали охраны, въ видѣ ввозныхъ пошлинъ на продукты европейской мануфактуры, дешевый трудъ которыхъ опять-таки конкурировалъ съ дорогимъ трудомъ свободныхъ гражданъ Сѣверной Америки, южане возставали противъ этого. Цѣлыхъ 70 лѣтъ, со времени образованія союза до выбора Линкольна въ 1860 году, югъ имѣлъ возможность руководить политикой и дѣлами союза; его вожаки обладали большими средствами, высшимъ интеллектуальнымъ развитіемъ, большимъ нравственнымъ вліяніемъ и всѣми преимуществами дѣйствительной аристократіи, и во всѣхъ политическихъ конвенціяхъ и на всѣхъ выборахъ всегда оказывались наверху и руководили дѣлами страны по своему усмотрѣнію и исключительно въ своихъ интересахъ. Почти всѣ президенты республики, начиная съ Вашингтона и кончая Бухананомъ, были южане; штатъ Вирджиніи и до сихъ поръ считается матерью президентовъ Соединенныхъ Штатовъ. Штаты сѣверо-востока, а затѣмъ и запада, быстро заселявшагося и сохранявшаго условія жизни сѣвера, постоянно боролись и противъ невольничества, и противъ свободы торговли; иногда имъ удавалось вырывать незначительныя уступки отъ хозяевъ союза—южанъ; но всѣ эти уступки были мѣрами палліативными, только на время отдалявшими неминуемый кризисъ. Тогда какъ югъ ревниво охранялъ свои прерогативы и обычаи, неохотно принимая эмигрантовъ какого бы то ни было рода, опасаясь ихъ вліянія на рабовъ,—сѣверъ и, въ особенности, западъ привлекали этихъ эмигрантовъ всевозможными способами, и результатомъ этого было то, что, тогда какъ бѣлое народонаселеніе юга возростало весьма медленно, народонаселеніе сѣвера и запада чуть не удвоивалось каждыя 10 лѣтъ, и, наконецъ, уже въ сороковыхъ годахъ, значительно превосходило населеніе юга, а къ концу пятидесятыхъ годовъ на семь милліоновъ бѣлыхъ юга насчитывалось уже 20 милліоновъ на сѣверѣ и западѣ. Конечно, югъ и его доктрины имѣли многихъ приверженцевъ и поклонниковъ и на сѣверѣ; партіи „ничего не знающихъ“ (know nothings) и „мѣдныхъ лбовъ“ (copperheads), особенно рѣзко выдѣлившіяся во время междоусобной войны, были проявленіями этихъ тенденцій на сѣверѣ—но все-таки главныя массы народонаселенія сѣвера и запада были и противъ невольничества, и противъ свободы торговли, и хотя, даже въ 1856 году, южанамъ опять-таки удалось выбрать своихъ людей,

для каждаго дальновиднаго наблюдателя было несомнѣнно, что такой порядокъ не можетъ существовать долго — и дѣйствительно, уже въ 1860 году, южане были побиты. Тутъ-то и выразилась та разница, которая такъ рѣзко бросается въ глаза всякому историку англо-саксонскихъ и латинскихъ расъ; вмѣсто того, чтобы подчиниться рѣшенію большинства голосовъ, какъ дѣлалъ сѣверъ много разъ передъ этимъ, когда бывалъ побитъ югомъ на выборахъ, южные штаты немедленно отдѣлились и образовали независимую конфедерацію. Пока сила была въ ихъ рукахъ, они были согласны поддерживать союзъ и управлять имъ; но какъ только большинство голосовъ высказалось противъ этого управленія, такъ они немедленно взбунтовались противъ этого большинства. Исторія республикъ центральной и южной Америки, населенныхъ латинскими расами, полна такими эпизодами — и въ ихъ-то возможности и заключается разница въ способности къ самоуправленію между современными англо-саксонскими и латинскими расами. Отдѣляясь, югъ былъ убѣжденъ, что сѣверъ не посмѣетъ вступиться за поруганную, попранную конституцію союза; но, какъ извѣстно, югъ ошибся въ своихъ разсчетахъ и страшно дорого поплатился за свою ошибку.

Война не только совершенно стерла невольничество съ лица Америки, но и дала негру право голоса. Югъ былъ уничтоженъ, раззоренъ, опустошенъ — война стоила и сѣверу сотни тысячъ человѣческихъ жизней и многихъ милліардовъ долларовъ, но союзъ былъ сохраненъ, невольничество уничтожено и конституція спасена. Ересь абсолютной самостоятельности отдѣльныхъ штатовъ, ересь противная и духу, и буквѣ конституціи, и придуманная южанами въ минуту необходимости, какъ единственное средство къ сохраненію отжившаго свой вѣкъ политическаго и экономическаго строя страны, была подрѣзана въ самомъ корнѣ; что это была только ересь и ничего больше — признается теперь самими руководителями современнаго юга; демократическая партія настоящаго времени никогда больше не заикается объ этомъ вопросѣ: онъ рѣшенъ войной окончательно и навсегда, и въ томъ именно смыслѣ, какъ понимали его авторы конституціи Соединенныхъ Штатовъ, какъ понимали его федералисты во время войны и какъ понимаетъ его все населеніе союза въ настоящее время, а именно, что эти отдѣльные штаты безусловно самостоятельны во всѣхъ внутреннихъ дѣлахъ; они зависимы отъ законныхъ ихъ представителей въ федеральномъ правительствѣ, конгрессѣ и высшемъ судѣ Соединенныхъ Штатовъ по всѣмъ вопросамъ внѣш-

ней политики, чеканки денегъ и ввозныхъ тарифовъ. Къ сожалѣнію, вопросъ объ изъятіи федеральныхъ выборовъ отъ вліяній администрацій отдѣльныхъ штатовъ остался неразрѣшеннымъ—югъ былъ такъ убитъ войной, демократическая партія такъ разстроена, что сѣверъ и не подумалъ, въ минуту безусловной побѣды, воспользоваться благопріятными обстоятельствами; теперь югъ опять окрѣпъ, демократическая партія опять усилилась и подняла голову, и вопросъ этотъ въ близкомъ будущемъ обѣщаетъ сдѣлаться не менѣе жгучимъ, чѣмъ тѣ, которые уже однажды вызвали страшную кровопролитную войну.

Да не подумаетъ читатель, что все вышеизложенное сказано мною только потому, что самъ я симпатизирую республиканской партіи и потому отношусь къ этому вопросу съ узкой, партизанской точки зрѣнія. Какъ я уже имѣлъ случай замѣтить выше, до моего пріѣзда въ Америку я имѣлъ только весьма смутное понятіе о политическихъ партіяхъ союза; если и существовало во мнѣ неопредѣленное стремленіе къ которой-либо партіи, то партія эта была, конечно, демократическая, такъ какъ, не знаю почему, еще въ Россіи и я, и люди моего кружка всегда относились къ ней, какъ къ партіи прогресса и реформы. Цѣлыхъ два года по пріѣздѣ я не принималъ никакого участія въ политикѣ—только присматривался, читалъ, учился; но первые же выборы, въ которыхъ я участвовалъ, навсегда и безвозвратно сдѣлали изъ меня приверженца республиканской партіи, а не демократической. Во всѣхъ штатахъ союза, исключая двухъ или трехъ штатовъ Новой-Англіи, законъ не требуетъ отъ выборщика быть гражданиномъ Соединенныхъ Штатовъ, — требуется только пребываніе въ извѣстномъ участкѣ въ теченіи извѣстнаго времени, въ большинствѣ случаевъ только 6 мѣсяцевъ, въ нѣкоторыхъ—годъ, въ нѣкоторыхъ—3 мѣсяца, въ нѣкоторыхъ—только 6 недѣль. Затѣмъ требуется записаться выборщикомъ въ извѣстномъ участкѣ, для чего передъ каждыми выборами открываютъ въ каждомъ участкѣ регистровыя книги выборщиковъ—и вы имѣете право голоса. Хотя графство Орэнжъ, о которомъ мнѣ уже не разъ приходилось говорить выше, и было только-что организовано, но управленіе его было прочно укрѣплено за демократической партіей; демократическое кольцо (ring), какъ здѣсь называютъ всякую политическую клику, захватило управленіе въ свои руки и завѣдывало всѣми дѣлами графства и, главное, выборами. Въ нашемъ мѣстечкѣ были и закоренѣлые южане-полковники—девять десятыхъ южанъ-демократовъ

непремѣнно полковники—и закоренѣлые янки, республиканцы съ сѣвера, и иностранцы всѣхъ націй—и русскій, вашъ покорный слуга, и англичане, и нѣмцы, и французы, и венгерцы и даже евреи. Хотя все это былъ народъ новый, только-что прибывшій, но всѣ интересовались политикой—кто (старые американцы)—по привычкѣ, кто (мы, иностранцы)—изъ любопытства. Демократы съ гордостью указывали на тотъ фактъ, что на прошлыхъ выборахъ во всемъ графствѣ было подано всего 6 республиканскихъ голосовъ, хвастались открыто, что ни одинъ негръ никогда не посмѣетъ подать здѣсь голосъ, что и въ будущемъ и графство, и штатъ безусловно вѣрно составляютъ собственность демократической партіи. Республиканцы посмѣивались, подзадоривали ихъ, выписывали негровъ для своихъ работъ и клялись, что они будутъ вотировать, несмотря на всѣ угрозы демократовъ. Когда подошли выборы, инспекторами ихъ въ нашемъ участкѣ, несмотря на законъ, требовавшій равнаго числа представителей отъ обѣихъ партій, оказались два ярыхъ демократа и одинъ неопредѣленнаго цвѣта субъектъ, съ демократомъ бывшій демократомъ, съ республиканцемъ — республиканцемъ. Регистровыя книги, только наканунѣ прибывшія изъ города, гдѣ онѣ были для просмотра совѣтомъ графства, оказались самовольно передѣланными—всѣ негры были вычеркнуты, и многіе завѣдомые бѣлые республиканцы—тоже. Въ день выборовъ нѣсколько вооруженныхъ съ ногъ до головы „полковниковъ“ окружили домъ, гдѣ происходили выборы, и оставались на стражѣ цѣлый день; всѣ протесты оставленныхъ безъ права голоса были оставлены инспекторами безъ вниманія, и участокъ прошелъ съ демократическимъ большинствомъ, хотя и мнѣ, и всѣмъ остальнымъ было совершенно ясно, что еслибы всѣ тѣ республиканцы, которые дѣйствительно имѣли право голоса, могли подать его, участокъ несомнѣнно оказался бы республиканскимъ. На другой день я узналъ, что въ сосѣднемъ участкѣ, гдѣ республиканцы были въ безусловномъ большинствѣ и пересилили демократовъ, толпа вооруженныхъ и замаскированныхъ людей наѣхала на домъ, гдѣ происходили выборы, захватила баллотировочный ящикъ, какъ разъ передъ тѣмъ, когда инспектора собирались считать голоса, и торжественно сожгли и ящикъ, и голоса. То же самое произошло и въ двухъ другихъ участкахъ графства, а въ одномъ—вооруженные демократы такъ-таки и не допустили ни одного республиканца въ домъ: въ этомъ участкѣ не оказалось ни одного республиканскаго голоса. Графство оказалось въ демократической колоннѣ съ значи-

тельнымъ большинствомъ; потомъ я узналъ, что совѣтъ графства значительно урѣзалъ даже тѣ репорты, которые онъ получилъ отъ участковыхъ инспекторовъ, и урѣзалъ ихъ исключительно въ одномъ направленіи—уменьшилъ число республиканскихъ голосовъ, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ прибавилъ число демократическихъ. Газеты, содержавшія описаніе выборовъ въ другихъ графствахъ штата и въ другихъ южныхъ штатахъ, были полны случаями, подобными тѣмъ, которые только-что были описаны выше; въ штатѣ Южной Каролинѣ, гдѣ 450.000 бѣлыхъ и 750.000 негровъ, всегда и безусловно подающихъ голоса за кандидатовъ республиканской партіи, оказалось большинство въ 50.000 голосовъ на сторонѣ демократовъ, и не только чиновники штата и законодательства, но и всѣ до одного члены конгресса оказались демократами. То же оказалось и во всѣхъ остальныхъ южныхъ штатахъ — это былъ „солидный югъ" (solid South), солидный въ демократическомъ смыслѣ, гдѣ республиканецъ не имѣетъ мѣста.

Черезъ нѣсколько дней послѣ выборовъ мнѣ случилось быть въ городѣ и случилось встрѣтиться съ главнымъ вожакомъ демократовъ, предсѣдателемъ исполнительнаго комитета графства. Онъ сіялъ и поздравилъ меня съ удачными выборами. Никому не было извѣстно, къ какой партіи я пристану, и, такъ какъ у меня было большое дѣло, и я давалъ работу больше чѣмъ сотнѣ рабочихъ, обѣ партіи старались захватить меня въ свою пользу. Я замѣтилъ, что не вполнѣ одобряю тѣ средства, къ которымъ прибѣгли демократы въ моемъ участкѣ и, какъ слышалъ, во многихъ другихъ. „Чтò прикажете дѣлать?—возразилъ мой собесѣдникъ:—вѣдь не позволить же неграмъ сѣсть намъ на шею?"—Однако,—замѣтилъ я:—вѣдь, согласно конституціи Соединенныхъ Штатовъ, которая, я полагаю, обязательна и для васъ, негры имѣютъ право голоса?

— Мало ли чтò! мы не признали этого добавленія въ конституціи. Нашъ штатъ высказался противъ него.

— Можетъ быть; но вѣдь больше двухъ третей всѣхъ штатовъ приняли это добавленіе, и потому оно обязательно для всего союза. Это законъ, можетъ быть, не совсѣмъ удобный или желательный, но все-таки законъ; я знакомъ съ его исторіей и не сомнѣваюсь, что югъ самъ его накликалъ своимъ образомъ дѣйствій какъ разъ послѣ войны.

— Мало ли какихъ законовъ не навязали намъ проклятые янки! Если исполнять эти законы, то на югѣ и жить нельзя будетъ!

— Позвольте, однако, насколько мнѣ извѣстно, янки не навязали вамъ ни одного другого закона: югъ такъ же свободенъ теперь, какъ онъ былъ и до войны, исключая того, что негры получили право на подачу голоса. И, право, многіе изъ нихъ нисколько не хуже, а даже несравненно лучше многихъ бѣлыхъ. У меня у самого работаютъ два-три негра, которымъ я довѣряю больше, чѣмъ многимъ бѣлымъ. Ваши кракеры [1]), конечно, хуже всякаго негра.

— Все это такъ, но все-таки они бѣлые, а это вѣдь негры, потомки Хама, созданные Богомъ для того, чтобы служить бѣлому. Югъ никогда не признаетъ за ними права на голосъ.

— Однако я знаю два-три случая, когда и неграмъ позволяли подавать голосъ: именно тогда, когда ваши дѣльцы сумѣли заставить ихъ вотировать за вашихъ кандидатовъ. Почему же негръ можетъ подать голосъ за демократа, и не можетъ — за республиканца?

Мой собесѣдникъ захохоталъ. „Не сидѣть же намъ сложа руки!“ — отвѣтилъ онъ и перемѣнилъ разговоръ.

Разговоръ этотъ глубоко врѣзался въ мою память, и въ настоящее время, когда я уже подробно познакомился съ политическими порядками юга и пріемами демократической партіи, я не сумѣю дать лучшаго и болѣе яркаго описанія этихъ порядковъ и пріемовъ. Уже больше двадцати пяти лѣтъ прошло со времени окончанія войны, но демократы юга и до настоящей минуты съ одной стороны—рабовладѣльцы и самые ярые аристократы въ душѣ, точная копія русскихъ крѣпостниковъ, безъ скрежета зубовнаго не могущихъ вспоминать имена Милютина и Ростовцева, а съ другой—подчиняются не закону и праву, а только силѣ. Если дать имъ полную волю, они завтра же расчленятъ союзъ и заведутъ свои порядки; ненависть къ свободнымъ идеямъ сѣвера, къ уваженію права и закона, въ нихъ такъ же сильна, какъ и тридцать лѣтъ тому назадъ.

Я не сомнѣваюсь ни минуты—и мнѣніе это было не разъ уже высказано лучшими знатоками американской жизни,—что, съумѣй конфедераты отстоять свою независимость, они скоро доигрались бы до диктатуры, или до наслѣдственной монархіи. Даже въ теченіи того короткаго времени, которое они просуществовали самостоятельно,

---

[1]) Кракерами во Флоридѣ зовутъ аборигеновъ страны, потомковъ первоначальныхъ поселенцевъ страны, испанцевъ. Они ведутъ почти дикую жизнь, поголовно безграмотны и крайне недобросовѣстны и коварны. Всѣ они—заклятые демократы.

весь югъ успѣлъ обратиться въ деспотически управляемую страну на военномъ положеніи—пресса была подвергнута строгой цензурѣ; народъ обманывался самымъ безжалостнымъ образомъ; пораженія обращались въ побѣды, незначительныя стычки—въ блестящія сраженія; пригодная для военнаго дѣла собственность отбиралась реквизиціонными органами правительства безъ всякаго вознагражденія; ничего не стоившія бумажныя деньги были объявлены равноцѣнными золоту; учреждены были всевозможныя заставы и пошлины, и т. д., и т. д. Въ то же время сѣверъ оставался такимъ же свободнымъ, какъ и всегда; газеты нападали не только на правительство, но и на военныхъ начальниковъ, часто открывали военные секреты, противились открыто военнымъ мѣрамъ конгресса, а сѣверные демократы въ самый разгаръ войны съѣзжались на свои конвенціи и, подъ носомъ и исполнительныхъ, и военныхъ властей союза, старались всячески помѣшать дѣлу сѣвера и ободрить своихъ южныхъ друзей—повстанцевъ.

Помимо вопроса о невольничествѣ, вопроса, который—что̀ бы ни говорили и какъ бы ни скрежетали зубами южные демократы—похороненъ навсегда и не принимается въ соображеніе молодымъ поколѣніемъ, не участвовавшимъ въ войнѣ,—главными, живыми, такъ сказать, различіями въ программахъ обѣихъ партій служатъ вопросы о протекціонизмѣ и свободной торговлѣ, о свободной чеканкѣ серебра и, наконецъ, о выборахъ. Реформа гражданской службы (civil service reform), которая неизмѣнно появляется въ программахъ обѣихъ партій [1]), оказалась до сихъ поръ совершеннымъ миѳомъ, и я не думаю, чтобы, при настоящей организаціи политическихъ партій, возможно было какое-либо существенное измѣненіе въ этомъ отношеніи. Правда, демократъ Груверъ Кливелэндъ былъ выбранъ президентомъ въ 1884 году благодаря тому, что съумѣлъ привлечь на свою сторону многихъ республиканцевъ, образовавшихъ особую партію мюгвюмповъ (mugwumps), требовавшую какъ неприкосновенности федеральныхъ гражданскихъ чиновъ, несмотря на ихъ принадлежность къ той или другой политической партіи, такъ и правильной системы повышеній по службѣ; но всѣ его обѣщанія по этому поводу оказались только обѣщаніями, которыхъ онъ не могъ сдержать. „To the victors belong the spoils!“ [2]) — кричали со всѣхъ сторонъ его помощники и

[1]) Изложеніе принциповъ партіи, издаваемое каждой національной и штатной конвенціями, называется «платформой», каждый отдѣльный принципъ—доской платформы (plank of the platform).

[2]) Побѣдителямъ принадлежитъ добыча.

воротилы его компаніи, и, черезъ шесть мѣсяцевъ послѣ занятія имъ президентскаго кресла, не оставалось на службѣ Соединенныхъ Штатовъ ни одного республиканца; демократы требовали мѣстъ и наградъ за свою службу, и Кливелэндъ не могъ ничего сдѣлать, если даже и былъ искрененъ въ своихъ обѣщаніяхъ передъ выборами, въ чемъ, впрочемъ, весьма позволительно сомнѣваться. Во всякомъ случаѣ, несомнѣнно то, что вопросъ о реформѣ гражданской службы, лѣтъ десять тому назадъ игравшій большую роль въ политикѣ союза, въ настоящее время совсѣмъ сошелъ со сцены: всѣмъ стало ясно, что, при настоящей организаціи политическихъ партій, онъ не имѣетъ смысла, что ни та, ни другая партія не въ силахъ провести его, и что, какъ бы искренни ни были кандидаты, они безсильны въ этомъ отношеніи, и все дѣло не можетъ не ограничиться одними пустыми, неисполнимыми обѣщаніями.

Протекціонизмъ и свобода торговли—вопросъ настолько общій, что я считаю излишнимъ касаться его въ настоящемъ очеркѣ; замѣчу только, что европейскія идеи по этому вопросу не вполнѣ примѣнимы къ Америкѣ. Здѣсь трудъ всякаго рода оплачивается вдвое, втрое и вчетверо лучше, чѣмъ гдѣ-либо въ Европѣ, а благодаря этому, и потребности, и умственное развитіе массъ народа несравненно выше, чѣмъ гдѣ-либо въ Европѣ. Не будь охранныхъ пошлинъ, продукты дешеваго труда европейскихъ мануфактуръ, по многимъ отраслямъ промышленности, совершенно убили бы американскаго производителя; никакія усовершенствованія, никакія удешевленія производства не могли бы конкурировать, съ успѣхомъ, съ нищенской заработной платой Европы, тѣмъ болѣе, что всѣ эти усовершенствованія, немедленно по ихъ изобрѣтеніи, здѣсь перенимаются европейскими заводчиками. Само собой разумѣется, что протекціонизмъ, какъ и всякая другая государственная мѣра, можетъ быть доведенъ до излишества, можетъ укоренять и укрѣплять монополіи всякаго рода, но протекціонизмъ республиканской партіи Соединенныхъ Штатовъ едва-ли можно упрекнуть въ этомъ грѣхѣ. Извѣстный билль Макъ-Кинлэя, проведенный послѣднимъ конгрессомъ, большинство котораго составляли республиканцы, и потому принимаемый за точное выраженіе республиканскихъ взглядовъ на протекціонизмъ, не только не повысилъ общую сумму ввозныхъ пошлинъ, но уменьшилъ ее на цѣлые сорокъ милліоновъ; въ то же время онъ усилилъ свободный ввозъ на цѣлыхъ 70 милліоновъ, сравнительно съ предшествовавшимъ введенію этого билля годомъ. Кромѣ того, вожаки

республиканской партіи настоящаго времени, съ знаменитымъ Блэномъ, министромъ иностранныхъ дѣлъ и премьеромъ кабинета президента Гаррисона во главѣ, соединили неразрывно съ протекціоннымъ терроромъ и вопросъ о взаимности: они согласны допустить свободный ввозъ иностранныхъ продуктовъ той страны, которая, въ свою очередь, откроетъ свои рынки свободному доступу американскихъ товаровъ. Трактаты взаимности заключены уже почти со всѣми странами центральной и южной Америки, а вопросъ о ввозѣ безъ пошлины нѣмецкаго свекловичнаго сахара заставилъ и нѣмцевъ открыть свои рынки ввозу американскихъ свиныхъ продуктовъ,—ввозу, практически совершенно прекращенному, въ теченіи послѣднихъ двадцати лѣтъ, подъ предлогомъ ихъ недоброкачественности, а въ сущности, въ видахъ охраны домашняго свиноводства. За нѣмцами должны были послѣдовать Италія и Франція, и въ настоящее время американская свинина и ея различные продукты опять составляютъ одну изъ главныхъ статей вывоза союза.

Вопросъ о биметаллоизмѣ, сведенный демократической партіей на вопросъ о свободной чеканкѣ серебра, только вслѣдствіе этой постановки и отличается нѣсколько отъ всесвѣтнаго вопроса по этому предмету. Дѣло въ томъ, что американскій серебряный долларъ въ настоящее время стòитъ въ среднемъ только около 74 центовъ, тогда какъ золотой стòитъ сто центовъ; со времени открытія неисчерпаемыхъ серебряныхъ рудниковъ въ штатѣ Невадѣ, отношеніе стоимости серебра къ стоимости золота понизилось и все еще продолжаетъ понижаться, такъ какъ и до настоящей минуты золота добывается ежегодно все меньше и меньше, тогда какъ серебра — все больше и больше. Демократы требуютъ дешевыхъ денегъ, и главнымъ, и самымъ простымъ средствомъ къ достиженію этой цѣли считаютъ введеніе свободной чеканки серебра именно настоящей стоимости, т.-е. около 75 центовъ за долларъ. Дѣйствующій законъ относительно чеканки серебра уполномочиваетъ министра финансовъ покупать по рыночной цѣнѣ серебро для монетъ, не менѣе двухъ милліоновъ долларовъ въ мѣсяцъ, и выпускать эту монету въ обращеніе по мѣрѣ надобности; демократы же требуютъ его измѣненія въ томъ смыслѣ, что правительственные монетные дворы обязаны бы были чеканить все серебро, доставляемое имъ частными лицами, въ неограниченномъ количествѣ, за дѣйствительную стоимость чеканки, употребляя только 75 центовъ его дѣйствительной, рыночной стоимости. Извѣстно, что за послѣднее двадцатипятилѣтіе многія сотни милліоновъ долларовъ се-

ребра не могутъ найти сбыта и лежатъ въ слиткахъ, ожидая лучшаго будущаго; республиканцы справедливо опасаются, что такое искусственное наводненіе денежнаго рынка дешевыми деньгами, не стоящими того, что̀ на нихъ вычеканено, подорветъ общественное довѣріе и послужитъ поводомъ къ многочисленнымъ затрудненіямъ и пертурбаціямъ, отъ которыхъ бѣдному всегда достается больше, чѣмъ богатому.

Въ теченіи послѣдняго конгресса провалились два билля: одинъ демократическій, о свободной чеканкѣ серебра, другой — республиканскій, объ охранѣ и неприкосновенности федеральныхъ выборовъ. Благодаря изумительно ловкой, чисто іезуитской тактикѣ демократовъ, предводимыхъ сенаторомъ Горманомъ, несмотря на то, что они были въ меньшинствѣ въ обѣихъ палатахъ, имъ удалось заманить нѣсколькихъ республиканскихъ сенаторовъ, которые увлеклись мѣстными выгодами своихъ штатовъ, благосостояніе которыхъ неразрывно связано съ производствомъ серебра, и съумѣли заставить ихъ вступить въ постыдную сдѣлку, послѣдствіемъ которой оказалась невозможность проведенія билля о выборахъ, а послѣ того, совершенно неожиданно для тѣхъ и для другихъ, вслѣдствіе случайности, провалился и билль о свободной чеканкѣ серебра.

Вопросъ о федеральныхъ выборахъ и охранѣ ихъ независимости и самостоятельности, благодаря вышеописаннымъ пріемамъ южныхъ и извѣстной части сѣверныхъ демократовъ, имѣетъ въ настоящее время первостепенное значеніе и занимаетъ не только конгрессъ и законодательства отдѣльныхъ штатовъ, но и массы самихъ избирателей. Почти всѣ республиканскіе штаты провели законы о принятіи австралійской системы выборовъ. Система эта вполнѣ обезпечиваетъ независимость избирателей въ томъ смыслѣ, что никто не знаетъ и не можетъ знать, за кого онъ вотировалъ. Подкупы и интимидаціи дѣлаются затруднительными и рискованными, такъ какъ приходится полагаться на совѣсть подкупаемаго — нельзя прослѣдить, вотировалъ ли онъ согласно сдѣлкѣ. Система эта практикуется во многихъ штатахъ уже нѣсколько лѣтъ, и всѣ демократическія ухищренія и подвохи ни къ чему не ведутъ: при ней невозможно руководить выборами ни посредствомъ подкупа и интимидацій всякаго рода, ни посредствомъ неправильнаго счета голосовъ послѣ выборовъ. Поэтому-то демократическая партія всегда и вездѣ противится этой системѣ всякими правдами и неправдами; ни одинъ солидно-демократическій штатъ не принялъ ее до сихъ поръ, также какъ не удалось провести

ее и въ такъ называемыхъ „сомнительныхъ“ штатахъ, гдѣ партіи равносильны; такъ, борьба за нее идетъ въ штатѣ Нью-Іоркѣ уже около десяти лѣтъ; года два тому назадъ, когда обѣ законодательныя палаты имѣли республиканское большинство, губернаторомъ былъ демократъ, и онъ три раза останавливалъ билль о выборахъ. Я уже упоминалъ выше о биллѣ для охраны федеральныхъ выборовъ, не успѣвшемъ пройти въ послѣднемъ конгрессѣ, хотя обѣ палаты и имѣли республиканское большинство; билль этотъ, не касаясь вовсе мѣстныхъ выборовъ въ штатахъ, обставлялъ федеральные выборы, т.-е выборы президента и вице-президента Соединенныхъ Штатовъ и членовъ конгресса, такими формами и условіями, что подкупы, интимидаціи и неправильный счетъ голосовъ становились невозможными. Билль прошелъ въ палатѣ представителей, причемъ республиканцы поголовно вотировали—за, а демократы—противъ, но былъ убитъ въ сенатѣ, и потому выборы эти и въ будущемъ на югѣ будутъ ни чѣмъ инымъ, какъ фарсомъ.

Демократы придумали и другой способъ извращать искусственными средствами результаты народной воли въ свою пользу. Какъ только имъ удастся захватить законодательство какого-нибудь штата, они немедленно устроиваютъ gerrymauder выборныхъ участковъ. Слово это новое на англійскомъ языкѣ и означаетъ такую кройку территоріи, которая, не обращая вниманія на естественныя географическія границы, отдаетъ образуемые ею участки въ руки демократической партіи. Для послѣднихъ выборовъ въ конгрессъ были устроены демократами многіе gerrymauder'ы; наиболѣе выдающимся былъ одинъ въ штатѣ Охайо, гдѣ изъ бывшаго компактнаго, въ географическомъ отношеніи, республиканскаго участка, въ которомъ живетъ и всегда выбирался значительнымъ большинствомъ особенно ненавистный демократамъ авторъ новаго тарифнаго закона Макъ-Кинлэй, и изъ двухъ сосѣднихъ, солидно-демократическихъ, сдѣлали три новыхъ участка, каждый въ видѣ острова Целебеса, и каждый съ демократическимъ большинствомъ, такъ что Макъ-Кинлэй былъ побитъ. Другой случай былъ въ штатѣ Алабамѣ, въ сѣверо-восточномъ углу котораго, смежномъ съ горами штата Тенесси, издавна, еще со времени войны, жило почти сплошное юніонистское и республиканское населеніе, всегда выбиравшее республиканскаго члена палаты представителей; участокъ этотъ разбили на-двое, и, чтобы сдѣлать оба новыхъ участка солидно-демократическими, растянули одинъ изъ нихъ по всей сѣверной границѣ штата, на разстояніи свыше 300 миль, и

только отъ 10 до 15 миль ширины, а другой растянули по восточной границѣ, придавъ ему такую же форму.

Организація обѣихъ партій совершенно одинакова. Національный комитетъ составляется изъ членовъ по одному отъ каждаго штата и каждой территоріи союза и выбирается на четные годы. Этотъ комитетъ выбираетъ предсѣдателя, секретаря и казначея и особый исполнительный комитетъ изъ пяти или шести членовъ. Этотъ-то національный исполнительный комитетъ и завѣдуетъ федеральными политическими компаніями союза. Онъ собираетъ деньги, назначаетъ и разсылаетъ спикеровъ въ разные штаты, назначаетъ время и мѣсто національныхъ конвенцій, и вообще орудуетъ всѣми махинаціями. Не нужно говорить, что только самые ловкіе, самые успѣшные политиканы занимаютъ мѣсто въ этихъ комитетахъ. Для такого политикана не должно существовать ничего слишкомъ низкаго, ничего слишкомъ грязнаго; онъ долженъ быть готовъ на все во всякую минуту; главнымъ правиломъ служитъ то, что въ политикѣ всякія средства позволительны. Хотя главныя массы республиканской партіи стоятъ открыто на сторонѣ честныхъ, правильныхъ выборовъ, и партія эта никогда не прибѣгала къ насилію и кражѣ баллотировочныхъ ящиковъ, но во всемъ остальномъ ея вожаки, къ сожалѣнію, едва ли чище или лучше демократовъ. Умышленная подтасовка фактовъ, извращеніе статистическихъ данныхъ, превратное толкованіе правительственныхъ мѣръ и отчетовъ, даже подлоги всякаго рода,—все это неразлучно связано съ каждой президентской компаніей. Громадное количество памфлетовъ, брошюръ и даже цѣлыхъ книгъ начинаютъ наводнять страну уже за нѣсколько мѣсяцевъ до выборовъ; въ каждомъ мѣстечкѣ, въ каждомъ городкѣ, а въ большихъ городахъ въ каждомъ участкѣ собираются митинги, адресуемые самыми ловкими, самыми краснорѣчивыми говорунами обѣихъ партій; въ теченіи каждой компаніи такая масса лжи, выдумокъ и фальсификацій сыплется на избирателей, что часто совершенно невозможно отличить, что̀ правда и что̀ неправда, особенно, если дѣло касается или цифръ и отчетовъ, или частной жизни и общественной карьеры кандидатовъ. Такъ, за двѣ недѣли до выборовъ 1880 года, когда вопросъ о воспрещеніи китайской иммиграціи особенно волновалъ западные и тихоокеанскіе штаты, демократы выпустили въ безчисленномъ количествѣ экземпляровъ и разослали въ каждый уголокъ союза фотографическую копію съ письма кандидата республиканской партіи Гарфильда къ нѣкоему Морлею, — письма, безусловно одобрявшаго допущеніе

китайской иммиграціи; но не только подпись, а и все письмо было самымъ наглымъ подлогомъ и въ дѣйствительности никогда не существовало; однако, несмотря на энергическое отрицаніе его какъ самимъ Гарфильдомъ, такъ и всей республиканской партіей, оно стоило ей потери голосовъ отъ трехъ штатовъ, куда отрицанія эти не могли поспѣть во-время. Снова, во время президентской компаніи 1884 года, частная жизнь и обстоятельства свадьбы кандидата республиканской партіи Блэна подверглись такимъ ожесточеннымъ нападкамъ со стороны демократовъ, а разныя вымышленныя исторіи, по этому поводу, возникали и замѣнялись новыми такъ скоро и распространялись такъ быстро, что не было никакой возможности слѣдить за этой грязью и опровергать ее. Въ 1888 году кандидатъ демократической партіи, Кливелэндъ, имѣвшій несчастіе во время самой ранней молодости, лѣтъ тридцать пять тому назадъ, имѣть незаконнорожденнаго сына, былъ такъ забрызганъ грязью по этому поводу, что его собственный городъ, Буффало, обыкновенно демократическій, значительнымъ большинствомъ голосовъ высказался на этотъ разъ противъ него лично.

Кромѣ національнаго комитета, каждая партія имѣетъ комитетъ штата, графства и тоуншипа въ каждомъ штатѣ, графствѣ и тоуншипѣ, организованный точно такъ же, какъ и національный комитетъ, и завѣдующій дѣлами партіи и компаніями въ своихъ территоріяхъ. Вся политическая работа подраздѣляется между этими комитетами, сфера дѣйствій которыхъ строго разграничена, такъ что пререканія и недоразумѣнія почти невозможны. Всѣ эти организаціи работаютъ дружно и одновременно, въ одномъ направленіи, подъ руководствомъ вожаковъ въ національномъ комитетѣ, дающихъ тонъ компаніи и направляющихъ какъ личныя, такъ и денежныя средства партіи на извѣстные пункты, которые почему-либо требуютъ особыхъ усилій.

Каждая компанія стóитъ странѣ громадныхъ денегъ. Само собой разумѣется, что совершенно невозможно вычислить въ долларахъ даже приблизительную ихъ стоимость; несомнѣнно то, что она чрезвычайно велика. Національные комитеты располагаютъ почти неограниченными средствами: не только всѣ служащіе облагаются извѣстнымъ процентомъ съ ихъ содержанія на эти издержки, но и всѣ частныя корпораціи и просто дѣловые люди обыкновенно не мало переплачиваютъ, особенно, если ихъ частные интересы почему-либо зависятъ отъ успѣха той или другой партіи. Фабриканты обыкновенно помогаютъ республиканцамъ, а торговцы иностранными това-

рами и спиртными напитками — демократамъ. Въ сѣверныхъ штатахъ водка и пиво, ихъ производство и торговля ими составляютъ главный оплотъ демократической партіи; всѣ кабатчики поголовно— демократы и, обладая громадными средствами и большимъ вліяніемъ на низшіе элементы народа, составляютъ страшную силу; штатъ Нью-Іоркъ все больше и больше подпадаетъ ихъ вліянію, благодаря быстрому росту его городовъ, подонки населенія которыхъ находятся всецѣло въ рукахъ водочныхъ воротилъ.

Расходы политической компаніи въ Америкѣ очень разнообразны. Особые политиканы [1]) назначаются въ каждомъ школьномъ участкѣ, получая опредѣленное жалованье и всѣ расходы: ихъ дѣло—видѣть каждаго избирателя и стремиться всѣми средствами заставить его вотировать въ интересахъ партіи; въ день выборовъ, для слабыхъ и нерѣшительныхъ людей, нанимаютъ экипажи и почти силой везутъ ихъ къ баллотировочнымъ ящикамъ. Открытая торговля идетъ обыкновенно относительно всѣхъ выборныхъ мѣстъ: если вы будете вотировать за такого-то, я буду за такого-то, и наоборотъ. Въ 1888 году, въ штатѣ Нью-Іоркѣ, хотя демократическій кандидатъ на президентство Соединенныхъ Штатовъ, Кливелэндъ, былъ побитъ 14.000 голосовъ, демократическій же кандидатъ въ губернаторы штата, Хиллъ, былъ выбранъ 25.000 голосовъ: несомнѣнно существовала самая бойкая торговля голосами, чтобы добиться такого результата. Кромѣ этихъ издержекъ, большія деньги употребляются на поддержку прессы: субсидируются не только существующія газеты, но и основываются спеціальныя, только на время компаніи, распространяемыя безплатно по всѣмъ уголкамъ извѣстной территоріи. Затѣмъ большихъ денегъ стоятъ митинги, процессіи и ораторы; въ Соединенныхъ Штатахъ насчитываются многія сотни и даже тысячи политическихъ говоруновъ, которые говорятъ въ пользу той или другой партіи въ теченіи всей компаніи; многіе изъ нихъ очень популярны, умѣютъ увлекать толпу остроумными сравненіями

[1]) Не знаю, какъ лучше перевести американское слово: politician. Это— особый классъ людей, живущихъ на счетъ политическихъ партій и занимающихся ни чѣмъ инымъ, какъ политической работой всякаго рода во время компаній. Если ихъ партія въ силѣ, они являются претендентами на общественныя мѣста, и обыкновенно получаютъ ихъ, часто въ ущербъ дѣлу; вожаки не въ состояніи побороть ихъ вліяній, и всѣ мечты о реформахъ гражданской службы такъ и останутся мечтами до тѣхъ поръ, пока политическая работа и назначенія на мѣста будутъ зависѣть отъ этихъ политикановъ.

и анекдотами и цѣнятся очень высоко: за два, за три мѣсяца компаніи, въ извѣстномъ штатѣ, они получаютъ 3, 5, иногда даже 10 тысячъ долларовъ.

Кромѣ этихъ правильныхъ, постоянныхъ политическихъ организацій, во время всякой компаніи образуются въ каждомъ мѣстечкѣ временныя политическія общества, называемыя клубами, носящими, въ честь кандидатовъ партіи, ихъ имена; клубы эти вербуютъ членовъ, имѣютъ правильныя засѣданія, на которыхъ разбираются и защищаются всѣ жгучіе вопросы дня съ точки зрѣнія партіи клуба, организуютъ митинги, процессіи и политическіе обѣды, пріемы и сборища всякаго рода, украшаютъ улицы флагами съ портретами своихъ кандидатовъ, и т. д., и т. д.

„Платформа“ партіи и назначеніе кандидатовъ на должности дѣлаются на особыхъ конвенціяхъ, составляющихся изъ членовъ партіи, выбранныхъ извѣстнымъ, строго опредѣленнымъ порядкомъ. Національные кандидаты назначаются національными конвенціями, кандидаты штата—штатными, и т. д. Списокъ кандидатовъ партіи называется тикетомъ (ticket) и, сообразно его значенію, бываетъ національнымъ, конгрессіональнымъ, штатнымъ, городскимъ, и т. д. Національные выборы бываютъ разъ въ четыре года и выбираютъ президента и вице-президента Соединенныхъ Штатовъ; конгрессіональные—разъ въ два года и выбираютъ членовъ нижней палаты; штатные—отъ ежегодныхъ въ нѣкоторыхъ штатахъ, до одного раза въ 2, 3 и 4 года, смотря по закону штата, опредѣляющему срокъ службы губернатора и другихъ чиновниковъ штата; то же самое относится и къ выборамъ городскимъ, графствъ и тоуншиповъ. Само собою разумѣется, что каждые выборы стоятъ денегъ, какъ общественнымъ классамъ графствъ, городовъ, штатовъ и націи, такъ и избирателямъ; поэтому многіе штаты свели ихъ всѣ на одинъ день, разъ въ четыре года; зато, съ другой стороны, эта экономія имѣетъ многихъ противниковъ, такъ какъ это соединеніе выборовъ даетъ полную возможность къ торговлѣ голосами, о которой я уже упоминалъ выше; тексты перечеркиваются и извращаются: если вы будете вотировать за моего кандидата въ президенты, я буду вотировать за вашего въ губернаторы, и т. д. Штаты Новой Англіи, для сохраненія чистоты выборовъ въ этомъ отношеніи, имѣютъ различные сроки для выборовъ чиновъ графства, городовъ, штата и націи, и въ настоящее время сильная агитація идетъ и во многихъ другихъ

штатахъ, чтобы раздѣлить эти различные выборы и тѣмъ урѣзать возможность торговли голосами.

Во время президентской компаніи 1888 года мнѣ пришлось нѣсколько разъ быть въ Нью-Іоркѣ, по дѣламъ, и видѣться съ бывшимъ предсѣдателемъ республиканскаго національнаго комитета, сенаторомъ штата Пенсильваніи, въ сенатѣ Соединенныхъ Штатовъ, Маттью Квэемъ — Matthew Quay. Этотъ замѣчательный организаторъ, еще за недѣлю до выборовъ, безошибочно предсказалъ ихъ результатъ. Люди, завѣдывавшіе выборами въ различныхъ штатахъ, были такъ удачно выбраны, средства партіи и ея ораторы такъ удачно распредѣлены именно тамъ, гдѣ они были наиболѣе нужны, что всѣ ухищренія и громадныя деньги, бывшія въ распоряженіи демократовъ, оказались безплодными: они были побиты на всѣхъ пунктахъ, несмотря на то, что имѣли за собой поддержку національной администраціи и ея армію служащихъ всякаго рода. За мѣсяцъ до выборовъ мнѣ случилось сидѣть въ конторѣ Квэя, съ двумя или тремя пріятелями-республиканцами. Разговоръ зашелъ о расходахъ компаніи; Квэй вычислялъ ихъ для одной республиканской партіи въ пятьдесятъ милліоновъ долларовъ однѣми деньгами; расходы же демократовъ деньгами вычислялись даже въ бо̀льшую сумму; кромѣ того, работа всей націи останавливалась на цѣлый день — словомъ, сумма въ полтораста милліоновъ долларовъ, вѣроятно, была ниже дѣйствительной стоимости этой компаніи. Я замѣтилъ имъ, что правительства европейскихъ монархій, конечно, стоятъ дешевле; на это мои собесѣдники въ одинъ голосъ заявили, что это, вѣроятно, справедливо, но что они, американцы, за эти деньги, тратимыя ими совершенно добровольно, получаютъ огромное количество „fun“ — слово непереводимое и означаетъ забаву, удовольствіе и, вообще, пріятное препровожденіе времени. И дѣйствительно, выборы въ Америкѣ составляютъ общій праздникъ: факельныя процессіи съ хорами музыки, массъ-митинги съ зажигательными рѣчами лучшихъ ораторовъ страны, юмористическія пѣсни съ похвалами своимъ и насмѣшками надъ противными кандидатами, огромныя пари на деньги и на всякіе другіе предметы, часто самаго страннаго и смѣшного характера, общая напряженность, доходящая ко дню выборовъ до самаго восторженнаго энтузіазма — все это способствуетъ тому, что выборы служатъ какъ бы національнымъ развлеченіемъ; — и почему же, разсуждаютъ здѣсь, не заплатить за такое удовольствіе, особенно, если принять въ соображеніе, что вѣдь плата эта необязательная: никто не можетъ за-

ставить васъ и платить деньги, и вотировать, если вы сами этого не желаете.

Большая часть тѣхъ десяти лѣтъ, что я прожилъ въ Америкѣ, была проведена мною въ южныхъ штатахъ, гдѣ я постоянно и ежедневно соприкасался съ главными элементами демократической партіи и знаю лично какъ весьма многихъ главныхъ вожаковъ ея, людей, направляющихъ общественное мнѣніе и руководящихъ политикой минуты, такъ и настроеніе демократическихъ массъ; въ то же время, во время моихъ частыхъ поѣздокъ на сѣверъ и западъ, въ самые центры республиканизма, я имѣлъ возможность изучить какъ стремленія его вожаковъ,—и со многими изъ нихъ былъ также знакомъ лично,—такъ и республиканскихъ массъ. Тогда какъ эти послѣдніе всегда безусловно подчинялись и подчиняются рѣшенію большинства голосовъ, и открыто, всегда и всюду, проповѣдуютъ такое подчиненіе, какъ единственную и главную охрану республиканскихъ учрежденій,—демократы, не касаясь открыто самаго принципа, и обыкновенно обходя его молчаніемъ, подчиняются рѣшеніямъ большинства голосовъ только тогда, когда знаютъ, что сила противъ нихъ—и, въ такихъ случаяхъ, всегда стараются затормазить всячески противныя имъ рѣшенія. Этотъ-то обструкціонизмъ, во всѣхъ формахъ, начиная съ сессіи 1861 года и ея послѣдствій и кончая самыми мелочными, самыми недостойными уловками и продѣлками парламентаризма, это-то нежеланіе и неумѣніе пожертвовать собственными взглядами и убѣжденіями противному большинству и составляютъ, по моему мнѣнію, самое существенное отличіе демократической партіи отъ республиканской. Вся исторія союза, и особенно исторія конгресса со времени его основанія, повидимому, безусловно доказываетъ это. Послѣдній конгрессъ, имѣвшій значительное республиканское большинство въ обѣихъ палатахъ, не былъ въ состояніи провести почти ни одной мѣры, которой почему-либо противились демократы. Обструкціонизмъ былъ доведенъ до небывалыхъ размѣровъ; а такъ какъ парламентаризмъ имѣетъ свои слабыя стороны, то демократы и пользовались ими съ изумительною находчивостью и настойчиво.

Я долженъ упомянуть еще объ одномъ различіи между двумя партіями, на этотъ разъ какъ принципіальномъ, такъ и личномъ. Растраты общественныхъ суммъ въ штатахъ сѣвера и запада, управляемыхъ большею частью республиканцами, совершенно неизвѣстны; въ теченіи тѣхъ десяти лѣтъ, что я прожилъ здѣсь, насколько помню,

на сѣверѣ былъ только одинъ крупный фактъ растраты казначеемъ города Филадельфіи. На югѣ же, наоборотъ, эти растраты составляютъ хроническое явленіе; въ настоящее время нѣтъ ни одного южнаго штата, въ которомъ не было бы значительной растраты какъ въ суммахъ штата, такъ и отдѣльныхъ городовъ. Кромѣ того, растраты эти, въ громадномъ большинствѣ случаевъ, остаются совершенно безнаказанными; суммы эти, частію, идутъ на покрытіе расходовъ по выборамъ и въ пользу демократическихъ комитетовъ, частію въ карманы вожаковъ, и мнѣ лично не разъ приходилось слышать отъ этихъ вожаковъ, людей иногда безукоризненно честныхъ въ частной ихъ жизни, безусловное оправданіе этихъ растратъ. То правило, что въ политикѣ всѣ средства дозволительны, примѣняется въ этомъ случаѣ въ самыхъ широкихъ размѣрахъ.

Въ теченіи первыхъ двадцатипяти лѣтъ, по окончаніи войны, республиканская партія была въ такомъ большинствѣ, что ея побѣды на національныхъ выборахъ не подлежали сомнѣнію; но за послѣднія десять лѣтъ силы партій опять уравновѣсились, и въ настоящую минуту онѣ настолько равносильны, что невозможно разсчитывать на исходъ какихъ бы то ни было выборовъ—они зависятъ, большею частію, отъ случайностей и совершенства организаціи партій. Югъ солиденъ на демократической сторонѣ; хотя, при вычисленіи представительства штатовъ для національныхъ и конгрессіональныхъ выборовъ, негритянское населеніе принимается въ разсчетъ, но въ дѣйствительности негры или совсѣмъ не вотируютъ, или же голоса ихъ не считаются; на сѣверѣ же и западѣ большіе города, съ ихъ громаднымъ демократическимъ населеніемъ, уравновѣшиваютъ республиканское большинство страны. Такъ городъ Нью-Іоркъ даетъ ежегодно демократическое большинство въ 80 и даже 100 тысячъ голосовъ; Бруклинъ—въ 40 тысячъ, Буффало—въ 20 тысячъ и т. д.; а весь штатъ Нью-Іоркъ, въ которомъ находятся всѣ эти города, въ теченіи послѣднихъ 30 лѣтъ, на національныхъ выборахъ всегда давалъ республиканское большинство, хотя и незначительное. Эти демократическія большинства большихъ городовъ составляются изъ безграмотныхъ европейцевъ-эмигрантовъ, преимущественно ирландцевъ, итальянцевъ и поляковъ, осѣдающихъ по большей части въ городахъ, и низшихъ элементовъ самаго американскаго народа, состоящихъ въ безусловномъ распоряженіи кабальной силы; эти два контингента составляютъ главный оплотъ демократовъ во всѣхъ сѣверныхъ штатахъ; не будь ихъ, они ни въ какомъ случаѣ не могли бы даже разсчиты-

вать на побѣду. Ежегодно появляются и въ законодательствахъ отдѣльныхъ штатовъ, и въ конгрессѣ, предложенія объ измѣненіи существующихъ законовъ относительно права голоса безграмотныхъ эмигрантовъ, не имѣющихъ ни малѣйшаго понятія о томъ, за кого и за что они вотируютъ; но до сихъ поръ всѣ эти предложенія встрѣчали упорный отпоръ со стороны демократовъ, и, при настоящемъ равновѣсіи партій, едва ли можно разсчитывать на какое-либо существенное улучшеніе въ этомъ отношеніи.

Наконецъ, я не могу пройти молчаніемъ самую могучую, самую опасную политическую организацію Соединенныхъ Штатовъ настоящаго времени—это демократическое общество Таммани-Холлъ (Tammany Hall) города Нью-Іорка. Оно было основано около 40 лѣтъ тому назадъ, а во времена знаменитаго разбойника Твида, бывшаго много лѣтъ мэромъ города Нью-Іорка и ограбившаго и этотъ городъ, и весь штатъ на многіе милліоны долларовъ, развратившаго при этомъ до невозможныхъ размѣровъ и администрацію, и суды, и штаты, и города,—достигло огромнаго вліянія; затѣмъ, съ паденіемъ и бѣгствомъ Твида, оно на время утратило свое значеніе, а теперь опять вошло въ силу и располагаетъ политическими судьбами не только города Нью-Іорка, но и всего союза. Это общество избрало на ноябрьскихъ выборахъ 1891 года своего кандидата въ губернаторы штата Нью-Іоркъ и оказалось настолько всемогущимъ, что его же представитель былъ выбранъ въ спикеры національной палаты представителей въ Вашингтонѣ. Есть большое основаніе предполагать, что этому обществу удастся, наконецъ, навязать демократической партіи въ національной конвенціи также своего кандидата въ президенты, нынѣшняго губернатора штата Нью-Іоркъ, Дэвида Беннета-Хилла, представителя дурныхъ интересовъ и всего мало достойнаго въ политикѣ союза, но чрезвычайно хитраго и умѣлаго политика и организатора: онъ сумѣлъ завоевать почти неограниченное вліяніе на самые худшіе, и, вмѣстѣ, самые многочисленные элементы демократической партіи и штата Нью-Іоркъ—и всего союза.

VII.

Вопросъ о народномъ образованіи въ Соединенныхъ Штатахъ приходится разсматривать нѣсколько отлично отъ того же вопроса въ европейскихъ государствахъ. Здѣсь нѣтъ федеральнаго, націо-

нальнаго министерства народнаго просвѣщенія; въ завѣдываніи федеральнаго правительства находится только военная школа въ Вестъ-Пойнтѣ и морская—въ Аннаполисѣ. Школы эти учреждены вскорѣ послѣ образованія Союза, содержатся на счетъ министерствъ военнаго и морского, безплатны, и обѣ—съ четырехлѣтнимъ спеціальнымъ курсомъ. Вакансіи въ штатѣ учащихся въ этихъ школахъ пополняются изъ разныхъ штатовъ по очереди, сообразно съ ихъ населеніемъ, и для окончившихъ въ нихъ курсъ служба необязательна, а такъ какъ офицерское жалованье весьма незначительно, производство же чрезвычайно медленно, то весьма многіе молодые офицеры и выходятъ въ отставку вскорѣ по окончаніи курса. Вступительные экзамены, какъ по естествовѣдѣнію, такъ и въ прочихъ наукахъ, весьма строги, и ученики въ обѣихъ этихъ школахъ представляютъ собою цвѣтъ американской молодежи во всѣхъ отношеніяхъ.

Каждый штатъ союза имѣетъ свои собственные законы относительно народнаго образованія, и законы эти довольно разнообразны, какъ разнообразны и системы воспитанія, программы, условія выпуска, и т. п. Штаты Новой Англіи, Сѣвера, Сѣверо-Запада и Запада составляютъ одну группу, и далеко ушли отъ штатовъ Юга и Юго-Запада; нѣкоторые изъ послѣднихъ и до сихъ поръ имѣютъ, сравнительно съ первыми, весьма несовершенныя системы народнаго образованія. Такъ, штатъ Сѣверная Каролина насчитываетъ 21% неграмотныхъ, — самый высокій процентъ неграмотности во всемъ союзѣ; надъ нимъ стоятъ: Южная Каролина, Миссисипи и Луизіана. Жалованье учителей сравнительно низко, — упадаетъ до 30 долларовъ въ мѣсяцъ; періодъ обученія коротокъ, иногда ниже пяти мѣсяцевъ въ году; школьныя зданія, исключая городскихъ, не такъ бросаются въ глаза и бѣднѣе снабжены школьными пособіями. Вообще Югу нечѣмъ похвалиться въ этомъ отношеніи; и до сихъ поръ всѣ зажиточные люди посылаютъ своихъ дѣтей въ частныя школы, а народная школа находится въ сравнительномъ забросѣ. Переѣзжающіе на югъ сѣверяне почти всѣ отправляютъ своихъ дѣтей на сѣверъ, и только въ тѣхъ штатахъ, гдѣ сѣверная эмиграція значительна, какъ, напримѣръ, въ Тексасѣ и Флоридѣ, встрѣчаются и въ сельскихъ округахъ хорошія школьныя зданія и дѣльное, осмысленное отношеніе къ народной школѣ. Городскія школы и на югѣ очень хороши, а духовные университеты и высшія академіи, значительное большинство которыхъ расположено въ южныхъ штатахъ, очень богаты и даютъ обыкновенно, кромѣ спеціально-теологиче-

скаго, и общее высшее образованіе, а потому большинство кончающихъ въ нихъ курсы не принимаютъ духовнаго званія.

Въ большинствѣ штатовъ союза, за послѣднее время и Югъ началъ слѣдовать въ этомъ отношеніи за Сѣверомъ, гдѣ полный курсъ народной школы обнимаетъ девять классовъ и девять лѣтъ. Курсъ этотъ, по большинству предметовъ, равняется русскому гимназическому курсу, въ нѣсколько сжатомъ видѣ. Проходятъ: англійскій и латинскій языки, ариѳметику, алгебру, геометрію, исторію, географію, естественныя науки, включая анатомію и физіологію, физику, бухгалтерію, черченіе и рисованіе. Далеко не всѣ школы имѣютъ всѣ девять классовъ, многія имѣютъ только 5 или 6, но всѣ стремятся къ девятилѣтнему курсу, и во многихъ мѣстностяхъ на двѣ, на три и на четыре пяти- и шести-классныя школы имѣется одна девятиклассная. Само собой разумѣется, что не всѣ ученики кончаютъ полный девятилѣтній курсъ, и потому программы пяти- и шестилѣтнихъ школъ иногда нѣсколько различествуютъ отъ девятилѣтнихъ, стараясь дать по возможности законченное, хотя и неполное образованіе тѣмъ ученикамъ, которые почему-либо не могутъ продолжать курса. Нужно замѣтить, что при многихъ школахъ, особенно въ городахъ, имѣются такъ называемые „дѣтскіе сады“ для начинающихъ; въ нѣкоторыхъ штатахъ эти дѣтскіе сады содержатся частными обществами или лицами на частныя средства, а въ нѣкоторыхъ на общественныя, и составляютъ неотъемлемую принадлежность школы. По окончаніи курса въ такихъ девятилѣтнихъ школахъ, ученики переходятъ въ высшія школы (high school). Курсъ въ этихъ высшихъ школахъ обыкновенно трехлѣтній, — обнимаетъ тригонометрію, астрономію, греческій языкъ, химію, ботанику, физіологію и другія естественныя науки, и т. д.; его трудно приравнять къ чему-либо существующему въ Россіи. Высшее спеціальное образованіе получается въ университетѣ, и каждый штатъ, какъ бы малъ онъ ни былъ, содержитъ такой университетъ, а иногда и нѣсколько, обыкновенно съ четырехлѣтнимъ курсомъ, иногда съ трехлѣтнимъ, и съ двумя, тремя, и болѣе, факультетами; при описаніи отдѣльныхъ штатовъ я еще вернусь къ этому предмету. Какъ обученіе, такъ и всѣ школьныя пособія въ этихъ университетахъ даровыя и, за немногими исключеніями, открыты для учащихся обоего пола, безъ различія.

Школьное управленіе довольно однообразно во всѣхъ штатахъ и состоитъ изъ управляющаго школами штата (State Superintendent

of Public instruction), выбираемаго, вмѣстѣ съ остальными чиновниками штата, однажды въ годъ, въ 2, 3 или 4 года, смотря по тому, какъ часто производятся такіе выборы въ штатѣ; и затѣмъ изъ управляющихъ школами графствъ, выбираемыхъ этими графствами вмѣстѣ съ остальными чиновниками; большіе города имѣютъ своихъ, спеціальныхъ управляющихъ, выбираемыхъ ими самими. Въ нѣкоторыхъ штатахъ и во многихъ графствахъ этими управляющими выбраны женщины. Кромѣ этихъ управляющихъ, которые обыкновенно получаютъ хорошее жалованье, отъ двухъ до восьми тысячъ долларовъ въ годъ, — въ каждомъ штатѣ, въ каждомъ графствѣ и въ каждомъ городѣ имѣются особые школьные совѣты (Board of Public Education), составляемые обыкновенно частію изъ предсѣдателей высшихъ учебныхъ заведеній штата, частію изъ извѣстныхъ выборныхъ чиновъ штата ex officio, какъ, напримѣръ, губернатора, предсѣдателей сената и палаты представителей, частію изъ выборныхъ лицъ отъ штата и графствъ, извѣстныхъ или по ихъ занятіямъ, или по ихъ любви къ дѣлу, и частію изъ лицъ, основавшихъ на свои средства общественныя учебныя заведенія или поддерживающихъ ихъ своими пожертвованіями. Университеты вообще, а на сѣверѣ и на западѣ въ особенности, чрезвычайно богаты, и въ большинствѣ случаевъ поддерживаются на свои собственныя средства, получаемыя съ пожертвованныхъ въ ихъ пользу капиталовъ; огромныя, цѣнныя имѣнія и многіе милліоны наличными деньгами принадлежатъ этимъ заведеніямъ и даютъ имъ возможность не только давать даровое образованіе и всѣ научныя пособія многимъ тысячамъ студентовъ, но и содержать значительную часть ихъ въ продолженіе всего курса.

Опасаясь говорить общими мѣстами, и предпочитая имъ безспорные факты, я сдѣлаю выборки и приведу статистическія данныя изъ отчетовъ управляющихъ народными школами штатовъ Калифорніи. Колорадо, Охайо, Сѣверной-Дакоты и Массачузетса. Я выбралъ именно эти штаты, по одному изъ каждой группы, на которыя обыкновенно раздѣляютъ Соединенные Штаты, чтобы дать понятіе о самыхъ разнообразныхъ мѣстностяхъ союза, и весьма сожалѣю, что недостатокъ времени и мѣста не позволяетъ мнѣ привести нѣкоторыя мѣста изъ этихъ отчетовъ цѣликомъ—такъ они поучительны и такъ далеко оставляютъ за собою все, что̀ въ этомъ отношеніи доступно и понятно русскому человѣку.

Начну съ штата Калифорніи. Послѣдній отчетъ относится къ 1889 и 1890 годамъ; отчетъ за 1891 и 1892 года появится только

въ началѣ 1893 года. По федеральной переписи 1890 года, всѣхъ дѣтей въ школьномъ возрастѣ (отъ 5 до 17 лѣтъ) во всемъ штатѣ 280.882; изъ нихъ посѣщали публичныя школы 221.756 и частныя школы 21.460, всего 243.216. Такимъ образомъ, только 37.666 не посѣщали никакихъ школъ. Такъ какъ въ Калифорніи уже нѣсколько лѣтъ какъ введенъ законъ объ обязательномъ образованіи, то цифра эта объясняется тѣмъ, что многія дѣти не начинаютъ ходить въ школу до 6 и даже до 7 лѣтъ, многія кончаютъ 14, 15 и 16 лѣтъ, и, наконецъ, нѣкоторыя дѣти отправляются родителями въ учебныя заведенія восточныхъ штатовъ и даже въ Европу. Кромѣ того, китайскія и индійскія дѣти включены въ перепись, а 3.424 изъ нихъ не посѣщали никакой школы. Для образованія этихъ дѣтей существовало въ 1890 году 24 высшихъ школы, съ 1.6% всего числа учащихся, 1.685 девятиклассныхъ, съ 24.14%, и 2.858 шестиклассныхъ, съ 73.26%. Только въ 53 школахъ школьный годъ продолжался менѣе 6 мѣсяцевъ; въ 723 — отъ 6 до 8, и во всѣхъ остальныхъ — свыше 8 мѣсяцевъ, съ среднимъ для всего штата въ 8.02 мѣсяца. Во всѣхъ этихъ школахъ было 1.162 учителя, съ среднимъ жалованьемъ въ $ 80.70 въ мѣсяцъ, и 4.272 учительницы, съ среднимъ жалованьемъ въ $ 66.20 въ мѣсяцъ. На содержаніе этихъ школъ (университеты, нормальныя школы и спеціальныя учебныя заведенія содержатся на особыя средства) поступило въ 1890 году изъ всѣхъ источниковъ $ 6.118.412, издержано всего $ 5.119.096.68, осталось къ 1891 году $ 999.316. Стоимость школьнаго имущества (опять-таки исключая университеты etc.) простиралась до $ 13.624.143, въ томъ числѣ $ 579.659 составляли стоимость школьныхъ библіотекъ, $ 298.176 — стоимость школьныхъ пособій, и $ 12.746.308 — стоимость зданій и мебели. Такимъ образомъ, оказывается, что на каждаго ребенка въ школьномъ возрастѣ было ассигновано $ 21.78, а въ дѣйствительности издержано на каждаго ребенка, посѣщавшаго народную школу, $ 19.91. Кромѣ того, на содержаніе трехъ нормальныхъ школъ было издержано всего $ 208.250; эти нормальныя школы соотвѣтствуютъ русскимъ учительскимъ семинаріямъ, занимаются исключительно подготовкою учителей, даютъ даровое образованіе съ трехлѣтнимъ курсомъ, и для поступленія въ нихъ требуется окончаніе курса въ высшей народной школѣ. Наконецъ, каждое графство расходуетъ ежегодно значительныя суммы на учительскіе съѣзды; отъ $ 200.00 до $ 3.000 ассигнуется ежегодно на этотъ предметъ каждымъ графствомъ, и всѣ

издержки учителей и учительницъ, сопряженныя съ этими съѣздами, сполна оплачиваются изъ этихъ суммъ. Въ теченіи 1890 года 4.995 изъ всего числа 5.434 учителей и учительницъ принимали участіе въ этихъ съѣздахъ, и управляющій школами штата въ своемъ отчетѣ настоятельно требуетъ немедленнаго введенія особой должности кондукторовъ учительскихъ съѣздовъ, лицъ, которыя могли бы слѣдить, въ теченіи школьнаго періода, за успѣхами педагогическаго дѣла въ другихъ штатахъ союза, а затѣмъ лѣтомъ завѣдывали бы учительскими съѣздами штата. Отчетъ этотъ, между прочимъ, требуетъ также немедленнаго введенія безплатныхъ книгъ для всѣхъ учащихся. Въ настоящее время штатомъ Калифорніей содержится особая типографія, принадлежащая штату и стоящая $ 315.000, въ которой печатаются всѣ учебники и затѣмъ продаются учащимся согласно ихъ дѣйствительной стоимости; отчетъ идетъ далѣе и требуетъ безусловно безплатной раздачи всѣхъ необходимыхъ книгъ, ссылаясь на благотворные результаты этой системы въ штатахъ Массачузетсѣ и Мичиганѣ, а также во всѣхъ большихъ городахъ Новой-Англіи, Нью-Іорка и Пенсильваніи.

Университетъ штата Калифорніи имѣетъ факультеты: словесный, раздѣленный на три отдѣленія, земледѣльческій, горный, инженерный, юридическій, медицинскій и фармацевтическій; кромѣ того, въ его же завѣдываніи находится астрономическая обсерваторія Лика [1]). Для поступленія нужно окончить курсъ въ высшихъ школахъ штата; курсъ въ немъ четырехлѣтній; образованіе даровое и открыто для обоихъ половъ на всѣхъ факультетахъ. Профессоровъ и инструкторовъ 194, студентовъ 918. Имущество университета оцѣнивается въ $ 6.953.779, въ томъ числѣ недвижимыя имѣнія, зданія и аппараты— $ 2.899.954, наличные капиталы, приносящіе проценты,— $ 2.005.134, и капитализація вѣчнаго фонда отъ штата Калифорніи— $ 2.048.690. Доходъ университета отъ его собственности въ 1890 г. простирался до $ 229.987. Университетъ раздѣленъ на три части, хозяйственное управленіе которыми совершенно самостоятельно, такъ какъ четыре факультета расположены въ мѣстечкѣ Берклэй, въ сорока миляхъ отъ г. Санъ-Франциско, три факультета въ городѣ

---

[1]) Обсерваторія эта была выстроена и поднесена въ даръ штату Калифорніи Ликомъ (Lick), который издержалъ на ея устройство $ 700.000. Она снабжена, между прочими чрезвычайно цѣнными аппаратами, самымъ большимъ телескопомъ въ мірѣ, съ экваторіальнымъ стекломъ въ 36 дюймовъ. Тѣло Лика, по его смерти, было погребено подъ фундаментомъ этого телескопа.

Санъ-Франциско, а обсерваторія Лика на горѣ Гамильтонъ, въ графствѣ Санта-Клара. Къ сожалѣнію, я не могъ достать общаго итога расходовъ, а получилъ только расходы по четыремъ факультетамъ въ Беркелэѣ, простирающіеся до $ 220.000 въ годъ. Какъ громадное имѣніе въ Беркелэѣ, со всѣми зданіями и принадлежащими къ нему доходными статьями, такъ и весь наличный капиталъ пожертвованы въ разное время частными лицами.

Въ 1884 году сенаторъ Соединенныхъ Штатовъ, штата Калифорніи, Леландъ Станфордъ, одинъ изъ самыхъ богатыхъ людей тихоокеанскаго побережья, въ память единственнаго сына, умершаго въ молодыхъ лѣтахъ, поднесъ въ даръ штату Калифорніи три самыхъ большихъ и самыхъ цѣнныхъ имѣнія во всемъ штатѣ. На одномъ изъ нихъ, Пало-Альто, въ 33 миляхъ отъ г. Санъ-Франциско, онъ построилъ зданіе университета; два другихъ—одно въ 55, другое въ 22 тысячи акровъ—предназначены имъ на содержаніе этого заведенія. Ферма Пало-Альто, давно извѣстная по всему союзу, какъ разсадникъ лучшихъ лошадей въ Соединенныхъ Штатахъ, заключаетъ въ себѣ пространство въ 13 квадратныхъ миль и, какъ нельзя лучше, соотвѣтствуетъ своему назначенію — вмѣщать въ себѣ одно изъ величайшихъ и наилучше экипированныхъ высшихъ учебныхъ заведеній міра. На ней есть и высокія горы съ рудниками, и дремучіе лѣса, и богатыя долины, и ровныя плодородныя степи, и, въ то же время, она находится всего въ часѣ ѣзды отъ метрополіи всего тихо-океанскаго побережья города Санъ-Франциско. Остальныя два имѣнія приносятъ вѣрный и постоянный громадный доходъ, будучи центромъ лучшей земледѣльческой части Калифорніи; каждый клочекъ на нихъ ежегодно воздѣлывается, и на одной—разведенъ виноградникъ въ 4.000 акровъ. Довольно трудно опредѣлить, даже приблизительную, стоимость этихъ имѣній; во всякомъ случаѣ, она превышаетъ многіе милліоны долларовъ.

Наличныя деньги, какъ на подготовку грунта въ Пало-Альто, такъ и на постройку всѣхъ зданій и на покупку всѣхъ научныхъ аппаратовъ, были пожертвованы также Станфордомъ. Итогъ всѣхъ этихъ расходовъ неизвѣстенъ. Исполнительная часть дѣла находилась и находится въ рукахъ совѣта изъ 24-хъ лицъ, первоначально назначенныхъ, пожизненно, самимъ Станфордомъ изъ числа людей, наиболѣе извѣстныхъ по всему тихо-океанскому побережью по своему образованію и высокимъ нравственнымъ качествамъ. Совѣтъ этотъ увѣковѣченъ особымъ закономъ и пополняется, по смерти одного изъ

членовъ, назначеніемъ самого совѣта. Лучшіе архитекторы всего міра были созваны, для подготовки плановъ; все, что только было послѣднимъ словомъ науки въ дѣлѣ аппаратовъ и пособій, какъ въ Европѣ, такъ и въ Америкѣ, было свезено въ Пало-Альто, для пополненія кабинетовъ и лабораторій; на издержки не обращалось никакого вниманія. Содержаніе профессоровъ назначено такое, что новый университетъ былъ въ состояніи сразу обезпечить себя величайшими свѣтилами науки на американскомъ континентѣ, и вотъ, послѣ семи лѣтъ непрерывной работы, 1-го октября 1891 года, университетъ Леланда Станфорда былъ открытъ, съ 40 профессорами и 480 студентами. По своему богатству, устройству и отдѣлкѣ помѣщеній, и полнотѣ и роскоши научныхъ пособій, это, несомнѣнно, первый университетъ міра; Калифорнія надѣется, что, въ близкомъ будущемъ, онъ займетъ надлежащее мѣсто и какъ разсадникъ науки.

Отчетъ управляющаго народнымъ образованіемъ въ штатѣ Колорадо за 1889—1890 года очень интересенъ, по его смѣлымъ требованіямъ и ихъ тону; очевидно, управляющій жалуется въ немъ легислатурѣ на исполнительныя власти штата. Онъ недоволенъ настоящимъ закономъ объ обязательномъ образованіи, находитъ, что законъ этотъ легко обходится, и требуетъ существенныхъ его измѣненій, которыя, по его мнѣнію, сдѣлаютъ его болѣе дѣйствительнымъ. Онъ требуетъ также безплатныхъ учебниковъ, учрежденія высшихъ школъ въ каждомъ графствѣ, большаго общенія между учителями, посредствомъ учительскихъ ассоціацій съ мѣсячными съѣздами, съѣздовъ управляющихъ школами графствъ и болѣе значительнаго представительства лицъ съ педагогическими познаніями въ совѣтахъ высшихъ учебныхъ заведеній. Штатъ Колорадо богатъ этими учрежденіями: кромѣ университета штата, онъ содержитъ горный институтъ, нормальную школу, двѣ ремесленныя школы, для мужчинъ и женщинъ, и земледѣльческую академію. По цензу 1890 года, въ немъ оказалось 72.483 дѣтей въ возрастѣ отъ 6 до 16 лѣтъ, и изъ нихъ 65.490 посѣщали народныя школы. На содержаніе этихъ школъ (опять-таки исключая университетъ и всѣ другія высшія заведенія, содержимыя на особыя средства) было получено изъ всѣхъ источниковъ $ 2.596.948 и израсходовано $ 1.944.807; въ школахъ этихъ были 622 учителя, съ среднимъ ежемѣсячнымъ жалованьемъ въ $ 74.32, и 1.753 учительницы—съ $ 53.63. Издержано per capita школьнаго населенія, отъ 6-ти до 16-ти лѣтъ, $ 26.83; per capita дѣйствительно посѣщавшихъ школы—

$ 29.69. Стоимость школьнаго имущества въ штатѣ равняется $ 4.387.809.

Отчетъ управляющаго народнымъ образованіемъ въ штатѣ Охайо за 1890 годъ даетъ слѣдующія цифры: населеніе въ школьномъ возрастѣ, отъ 6 лѣтъ до 21 года, 1.123.895; процентъ посѣщающихъ народныя школы—83%. Учителей 10.841, съ среднимъ жалованьемъ въ 80 долларовъ въ мѣсяцъ; учительницъ 14.315—съ 60 долларами. Поступило на содержаніе школъ, въ теченіи года (исключая расходы на высшія учебныя заведенія), $ 11.649.992, израсходовано $ 11.407.499. Стоимость школьнаго имущества $ 32.631.549. Получено на учительскіе съѣзды $ 25.496, издержано $ 23.352. Число высшихъ учебныхъ заведеній въ штатѣ 29, студентовъ въ нихъ 3.963. Содержаніе ихъ, въ добавокъ къ ихъ собственнымъ доходамъ и добровольнымъ пожертвованіямъ, обошлось штату въ $ 474.9.528; стоимость ихъ имущества опредѣляется въ $ 7.884.099. Число нормальныхъ школъ 11, студентовъ въ нихъ 6.068; такъ какъ школы эти, въ финансовомъ отношеніи, находятся въ завѣдываніи особаго совѣта, отчета котораго у меня нѣтъ подъ рукою, то я и не могу привести данныхъ объ ихъ издержкахъ и стоимости ихъ имущества.

Законъ объ обязательномъ образованіи былъ введенъ въ штатѣ Охайо, сравнительно, давно. Управляющій школами штата въ своемъ отчетѣ, между прочимъ, упоминаетъ о циркулярѣ, посланномъ имъ ко всѣмъ 96 управляющимъ школами графствъ штата, циркуляра, въ которомъ, между прочимъ, спрашивалось, насколько удовлетворительно соблюденіе закона объ обязательномъ образованіи. Одни, а именно 57 управляющихъ, отвѣчаютъ, что оно вполнѣ удовлетворительно, причемъ большинство высказывается очень положительно, утверждая, что не только каждый ребенокъ въ школьномъ возрастѣ посѣщаетъ школы, но и что случайныя неявки очень рѣдки; 6—что результаты только отчасти удовлетворительны; 7—что ихъ графства такъ счастливы, что совсѣмъ не нуждались въ этомъ законѣ, такъ какъ каждый ребенокъ и до его введенія уже посѣщалъ школы,—и только два отвѣтили, что примѣненіе закона неудовлетворительно. Остальные или не высказались достаточно опредѣленно, или совсѣмъ не отвѣтили на вопросъ. На вопросъ: какъ относится населеніе къ закону?—75 изъ 96 отвѣтили, что отношеніе вообще весьма благопріятное; 7—никакого отношенія, такъ какъ къ нимъ законъ никогда не былъ примѣненъ; остальные высказываютъ кое-

какія причины къ недовольству, но не самимъ закономъ, а способами его примѣненія. Главное недовольство выражается заводчиками и мануфактуристами, такъ какъ имъ пришлось замѣнить дешевый дѣтскій трудъ болѣе дорогимъ трудомъ взрослыхъ.

Самымъ важнымъ пунктомъ отчета, по моему мнѣнію, является рекомендація сконцентрировать, до извѣстной степени, всѣ высшія учебныя заведенія штата. Въ настоящее время каждое изъ нихъ имѣетъ свои факультеты, свои кабинеты, своего президента, и, въ сущности, совершенно самостоятельно, какъ относительно программъ и курсовъ, такъ и относительно условій и требованій пріема и выпуска студентовъ. Въ Охайо только 5—6 значительныхъ городовъ, и всѣ эти высшія учебныя заведенія распредѣлены между ними, по нѣскольку въ каждомъ. Управляющій рекомендуетъ ихъ соединеніе подъ руководствомъ одного совѣта для всѣхъ и введеніе однообразныхъ требованій относительно программъ и условій пріема и выпуска; онъ рекомендуетъ также, такъ сказать, спеціализацію этихъ заведеній, концентрированіе извѣстныхъ факультетовъ въ одномъ заведеніи, другихъ—въ другомъ, и т. д., чѣмъ достигнется какъ соединеніе, а слѣдовательно, и бо́льшая полнота научныхъ кабинетовъ и коллекцій, такъ и бо́льшее представительство научныхъ факультетскихъ силъ.

Я перейду теперь къ штату Сѣверная Дакота, штату особенно интересному для русскихъ читателей, такъ какъ земледѣльческія и климатическія свойства его вполнѣ однообразны со всей центральной, земледѣльческой полосой Россіи. Штатъ этотъ принятъ въ союзъ только 2-го ноября 1889 года, очень рѣдко населенъ, такъ какъ на 70.195 кв. миль имѣлъ, по цензу 1890 г., всего 182.719 жителей, и, за исключеніемъ небольшой части по восточной границѣ, въ долинѣ Красной Рѣки Сѣвера, населенной уже лѣтъ 25, представляетъ страну совершенно новую, и потому бѣдную и, по всѣмъ наружнымъ признакамъ, не устроенную. Оказывается, что, въ теченіи двухъ лѣтъ со времени образованія штата (отчетъ управляющаго обнимаетъ оба года), штатъ Сѣверная Дакота устроилъ университетъ, съ четырьмя факультетами, 11 профессорами и 110 студентами, земледѣльческую академію, горный и лѣсной институты и 2 нормальныхъ школы. Всѣ эти высшія учебныя заведенія надѣлены вѣчнымъ фондомъ на ихъ содержаніе; кромѣ того, одинъ центъ со всякой сотни долларовъ оцѣнки подлежащаго налогу имущества въ штатѣ отчисляется въ ихъ пользу. Народныхъ школъ соб-

ственно насчитывается 1682, съ 557 учителями и 1425 учительницами, и изъ числа 43.153 дѣтей въ школьномъ возрастѣ посѣщаютъ народныя школы 35.543. Стоимость школьнаго имущества опредѣляется въ $ 1.515.601; и на ихъ содержаніе въ 1890 году издержано $ 635.141.

Само собой разумѣется, что образованіе новаго штата, особенно съ такой значительной территоріей и съ такимъ рѣдкимъ населеніемъ, не могло обойтись безъ хлопотъ, недоразумѣній, задержекъ и т. д. Отчетъ управляющаго, по моему мнѣнію, крайне наивенъ; онъ все время какъ бы оправдывается, что то и то не сдѣлано, то и то не закончено, свѣдѣнія не вполнѣ совершенны и т. д., а въ то же время говоритъ, что, до самаго выхода въ свѣтъ отчета, многія школы были открыты и содержались частными лицами на частныя средства, въ ожиданіи ассигновокъ отъ штата, задержанныхъ благодаря техническимъ недоразумѣніямъ и ошибкамъ первой легислатуры!

55-й годовой отчетъ совѣта народнаго образованія (Board of Public Instruction) штата Массачузетса обнимаетъ собою 1890—1891 учебный годъ и состоитъ изъ прекрасно изданнаго тома въ CL и 414 страницъ, съ роскошными фотографіями и массой цѣннаго матеріала. Штатъ этотъ, одинъ изъ самыхъ старыхъ по времени организаціи, считается однимъ изъ самыхъ богатыхъ и передовыхъ штатовъ всего союза — а городъ Бостонъ, его столица, почитается американскими Аѳинами. Предполагаемая ученость жителей этого города, особенно синихъ чулковъ между прекраснымъ поломъ, составляетъ постоянный предметъ добродушныхъ насмѣшекъ и любимую тему каррикатурныхъ изданій Запада, олицетворяемую обыкновенно въ формѣ разговора между бостонской ученой дѣвицей и простой дѣвой новаго Запада, причемъ одна задаетъ самые головоломные отвлеченные вопросы, а другая ловко парируетъ ихъ своей повседневной житейской мудростью. Тѣмъ не менѣе, Западъ уважаетъ Бостонъ и, въ дѣлѣ народнаго образованія, считаетъ его серьезнымъ авторитетомъ, достойнымъ изученія и подражанія; и такъ какъ народная школа штата Массачузетса въ ея настоящемъ положеніи составляетъ, такъ сказать, идеалъ школьнаго дѣла въ Америкѣ, къ которому стремится и которому подражаетъ громадное большинство, то я и займусь вышеупомянутымъ отчетомъ съ большею подробностью.

Первымъ пунктомъ отчета является рекомендація усиленнаго спеціальнаго надзора надъ школами. Совѣтъ полагаетъ, что хотя

надзоръ мѣстныхъ совѣтовъ и вліяетъ весьма благотворно на матеріальное положеніе школъ,—но, въ дѣлѣ системы и частностей преподаванія, онъ и не можетъ имѣть должнаго авторитета, и не имѣетъ необходимой спеціальной подготовки. Члены мѣстныхъ совѣтовъ не спеціалисты-педагоги; они просто граждане, призванные или по своему оффиціальному положенію, или по извѣстному, для мѣстнаго населенія, ихъ благопріятному отношенію къ дѣлу народнаго образованія. По мнѣнію совѣта, необходимъ болѣе однообразный, научно-спеціальный надзоръ надъ учителями; управляющіе же школами графствъ такъ завалены дѣломъ, что не въ состояніи удѣлить необходимое для этого время, такъ какъ школъ въ каждомъ графствѣ слишкомъ много не только для одного, но и для десяти человѣкъ. Совѣтъ съ особеннымъ сочувствіемъ относится къ тѣмъ мѣстностямъ, которыя, не ожидая почина штата, на свои собственныя средства наняли себѣ такихъ спеціалистовъ, указываетъ на благія послѣдствія и рекомендуетъ всяческое усиленіе и распространеніе этого надзора.

Самымъ важнымъ пунктомъ отчета является, по моему мнѣнію, краткое, но весьма опредѣленное нападеніе на частныя школы всякаго рода. Совѣтъ рѣзко и опредѣленно высказывается противъ нихъ и говоритъ, что вопросъ объ ихъ существованіи дѣлается все болѣе и болѣе существеннымъ и даже прямо опаснымъ для благосостоянія штата. Онъ полагаетъ, что задача государства—*дать наилучшее и равномѣрное образованіе всѣмъ его дѣтямъ*; а задача эта неисполнима при существованіи частныхъ школъ, отвлекающихъ значительную долю дѣтей школьнаго возраста отъ общаго уровня и ставящихъ ихъ подъ вліяніе совершенно различныхъ условій и обстановки.

Затѣмъ совѣтъ обращаетъ вниманіе на необходимость спеціальной подготовки для учителей высшихъ школъ. Онъ полагаетъ, что наука педагогіи, исторіи и философіи разрослась за послѣднее время до такихъ грандіозныхъ размѣровъ, что тѣ требованія, которыя предъявляются учителямъ народныхъ школъ вообще, уже не соотвѣтствуютъ потребностямъ времени относительно учителей высшихъ школъ; эти послѣдніе должны имѣть болѣе широкую подготовку, для того, чтобы быть вполнѣ пригодными для своего дѣла, и потому государство должно дать имъ возможность пріобрѣсти эту подготовку и затѣмъ усилить свои требованія отъ претендентовъ на эти мѣста.

Обращаясь затѣмъ къ учительскимъ съѣздамъ, совѣтъ рекомендуетъ не только возможное ихъ учащеніе для самихъ учителей, но и предлагаетъ немедленно принять должныя мѣры къ тому, чтобы заинтересовать въ нихъ и гражданъ вообще и заручиться посѣщеніемъ ихъ какъ можно большимъ количествомъ лицъ, такъ какъ распространеніе здравыхъ педагогическихъ понятій между населеніемъ само по себѣ значительно способствуетъ дѣлу народнаго образованія.

Законъ объ обязательномъ образованіи въ штатѣ Массачузетсѣ требуетъ непремѣннаго и правильнаго посѣщенія народныхъ школъ каждымъ ребенкомъ въ возрастѣ отъ 8 до 14 лѣтъ, по крайней мѣрѣ, въ теченіи 6 мѣсяцевъ въ году. Общины и города имѣютъ на своемъ попеченіи сиротъ и дѣтей совершенно неимущихъ родителей (truant children) и обязаны не только давать имъ образованіе, но и давать имъ содержаніе, для того, чтобы имѣть возможность достичь точнаго исполненія этого закона. Совѣтъ рекомендуетъ немедленное принятіе всѣхъ этихъ пансіоновъ, существующихъ въ настоящее время въ разныхъ мѣстностяхъ, на счетъ штата, дабы получилась возможность ввести одинаковыя правила и условія обстановки и уравновѣсить расходы.

Признавая за физическимъ развитіемъ дѣтей особенную важность и замѣчая самостоятельныя попытки разныхъ городовъ и общинъ улучшить эту сторону, совѣтъ, стремясь къ достиженію наилучшихъ результатовъ въ этомъ отношеніи, рекомендуетъ учрежденіе особой нормальной школы, для подготовленія такихъ лицъ, которыя могли бы посвятить себя спеціально этой отрасли народнаго образованія; совѣтъ полагаетъ, что было бы неразумно возлагать и эту обязанность на настоящихъ учителей, такъ какъ у нихъ и безъ того полны руки,—а, между тѣмъ, важность предмета непремѣнно требуетъ особеннаго вниманія.

Затѣмъ совѣтъ обращаетъ вниманіе на недостаточность интереса къ преподаванію черченія въ западныхъ мѣстностяхъ штата, результатъ ихъ отдаленности отъ тѣхъ средствъ къ его изученію, которыми пользуются восточныя мѣстности, и рекомендуетъ немедленное назначеніе особаго спеціалиста, который посвятилъ бы все свое время на поднятіе уровня этого искусства въ западныхъ школахъ.

Совѣтъ оканчиваетъ свой отчетъ энергичнымъ требованіемъ значительной ассигновки на полное представительство школьнаго дѣла штата Массачузетса на будущей всемірной выставкѣ въ Чикаго; онъ полагаетъ, что такъ какъ штатъ этотъ считается стоящимъ во главѣ

дѣла народнаго образованія въ союзѣ, то его непремѣннымъ долгомъ будетъ доказать всему міру, что онъ достоинъ этого похвальнаго отличія, и что дѣйствительно у него есть чему поучиться, въ этомъ отношеніи, даже старымъ государствамъ Европы; нѣкоторыя изъ нихъ и до сихъ поръ глухи и слѣпы относительно дѣйствительнаго прогресса великой республики Новаго Свѣта.

За этимъ общимъ, такъ сказать, введеніемъ слѣдуютъ отчеты и доклады по разнымъ отдѣламъ народнаго образованія въ штатѣ. На первомъ мѣстѣ стоятъ отчеты о нормальныхъ школахъ, сдѣланные уполномоченными легислатурою особыми лицами и представляющіе результаты ихъ ревизіи. Первая изъ такихъ школъ была основана еще въ 1840 году; теперь ихъ пять, и въ отчетномъ году для двухъ изъ нихъ были построены новыя зданія, стоившія полтораста тысячъ долларовъ каждое. Курсъ въ нихъ чисто спеціальный, двухгодичный;—впрочемъ, завѣдующій ими спеціальный агентъ совѣта рекомендуетъ немедленное расширеніе курса, съ прибавкой лишняго семестра. Въ нихъ 1.204 студента, и на нихъ издержано $ 79.540. Кромѣ того, существуетъ спеціальная нормальная школа для подготовленія учителей искусствъ (State Normal Art School): рисованія, черченія, живописи и скульптуры, съ 225 студентами, содержаніе которой обошлось въ $ 17.980. Здѣсь не лишнимъ будетъ упомянуть о томъ способѣ, который практикуется не только въ нормальныхъ школахъ Массачузетса, но и во всѣхъ остальныхъ штатахъ союза, и который даетъ возможность недостаточнымъ студентамъ оканчивать въ нихъ курсъ, а именно: послѣ перваго года ихъ назначаютъ учителями въ низшія школы на одинъ или два года, и, такимъ образомъ, даютъ возможность заработать и скопить достаточно денегъ для того, чтобы содержать себя до окончанія курса. Американецъ вообще чрезвычайно гордъ и не приметъ подачки, въ видѣ стипендіи или какого бы то ни было вспомоществованія, если имѣется какая-либо возможность обойтись безъ нихъ—и вотъ вышеупомянутый способъ образовался и привился основательно и прочно. Онъ имѣетъ еще и то преимущество, что даетъ возможность студенту посвящать все свое время на свои занятія по курсу, не отвлекая его отъ нихъ къ весьма существенному вопросу о насущномъ хлѣбѣ, въ то время, когда вся его энергія и способности нужны ему для этихъ занятій.

Отчеты двухъ изъ нормальныхъ школъ даютъ распредѣленіе студентовъ, по занятіямъ ихъ отцовъ, и такъ какъ распредѣленіе это можетъ служить существеннымъ доказательствомъ того дѣйстви-

тельнаго равенства массъ американскаго народа, о которомъ мнѣ придется подробно говорить въ одной изъ послѣдующихъ главъ, то я и приведу его здѣсь. Оказывается, что изъ числа 557 студентовъ, отцы семействъ 163—ремесленники (mechanics), 126—фермеры, 81—люди свободныхъ профессій, включая духовенство, 71—купцы, 34—мануфактуристы и заводчики, 15—поденщики, 42—разныхъ другихъ спеціальностей, не включенныхъ выше, и 22—неизвѣстны.

За отчетомъ о нормальныхъ школахъ слѣдуетъ докладъ секретаря совѣта, съ сопровождающими его статистическими таблицами всякаго рода. Всѣхъ народныхъ школъ въ штатѣ Массачузетсѣ насчитывается 7.239, съ 376.986 учащимися. Всѣхъ дѣтей отъ 5 до 15 лѣтъ въ штатѣ, по цензу, 376.491. Изъ числа учащихся 3.129 моложе 5 лѣтъ и 33.904 старше 15 лѣтъ. Въ этихъ школахъ 1.016 учителей и 9.630 учительницъ; среднее ежемѣсячное жалованье первыхъ $ 118, вторыхъ $ 48. Средняя продолжительность учебнаго года для всѣхъ школъ 8 мѣсяцевъ и 9 дней. Число высшихъ школъ 244; учителей въ нихъ 875, учащихся 26.294. Число вечернихъ школъ, содержимыхъ 55 городами, 266; учащихъ въ нихъ 1.018, учащихся мужчинъ 21.131, женщинъ 7.322. Число спеціальныхъ заведеній, кромѣ нормальныхъ школъ, 93; учащихся въ нихъ 16.483. Издержано на народныя школы въ отчетномъ году $ 554.545, или на каждаго ребенка, въ возрастѣ отъ 5 до 15 лѣтъ, $ 22; въ томъ числѣ, на постройку новыхъ школьныхъ зданій $ 1.026.032, на снабженіе учащихся книгами и учебными пособіями $ 494.545, и на содержаніе всего управленія всѣми школами $ 135.124, или всего немного болѣе $1^1/_2$% всего расхода.

Докладъ приводитъ сравнительныя таблицы, по всѣмъ отраслямъ, за послѣднее десятилѣтіе и, посредствомъ статистическихъ данныхъ, собранныхъ чрезвычайно тщательно, изъ всевозможныхъ источниковъ, какъ общественныхъ, такъ и частныхъ, доказываетъ неопровержимо, что каждый ребенокъ штата Массачузетса, находящійся въ школьномъ возрастѣ, посѣщалъ какую-нибудь школу въ теченіи всего этого періода. Ежегодное возростаніе числа учащихся безусловно соотвѣтствуетъ возростанію народонаселенія въ штатѣ; остальные отдѣлы быстро идутъ впередъ, прогрессируютъ скорѣе возростанія народонаселенія. Такъ, средній процентъ правильности посѣщеній школъ дѣтьми возросъ съ 88 до 90.45%, причемъ maximum возросъ съ 94 до 97%, а minimum—съ 65 до 73%, и

только 11 дистриктовъ стоятъ ниже 80, тогда какъ 212 стоятъ выше 90%. Среднее мѣсячное жалованье учителей возросло съ $ 102 до $ 118, учительницъ—съ $ 32 до $ 48. Среднее число учащихся на одного учащаго упало до 33, не включая тѣхъ учащихъ, которые находятся на испытаніи, хотя они обыкновенно и занимаютъ отдѣльные классы. Квалификація учителей тоже значительно поднялась: въ отчетномъ году уже 27% изъ нихъ были изъ числа окончившихъ полный курсъ спеціальныхъ школъ и 35%—прошедшихъ часть полнаго курса. Достигнута также большая равномѣрность продолжительности школьнаго года; въ отчетномъ году изъ всѣхъ 7.239 школъ только въ 43-хъ эта продолжительность упала ниже 6 мѣсяцевъ. Отношеніе числа учащихся въ высшихъ школахъ къ общему числу также поднялось на 1.1%, съ 5,8 до 6,9%. Законъ обязываетъ каждый округъ, съ 2.000 жителей и выше, содержать высшую школу и, по докладу,—94.7% всего населенія штата пользуются такими школами; для остальныхъ, 30-го апрѣля 1891 года, легислатура издала новый законъ, который я приведу цѣликомъ: «Дистрикты, не обязапные, по закону, содержать въ своихъ предѣлахъ высшую школу и не содержащіе таковыхъ, обязываются платить за содержаніе и издержки каждаго ученика изъ среды ихъ населенія, посѣщающаго высшую школу другой мѣстности, если такой ученикъ удостоился рекомендаціи школьнаго комитета своей школы». Само собой разумѣется, что подобное положеніе дѣла даетъ полную возможность рѣшительно каждому ребенку въ штатѣ получить высшее образованіе.

Число вечернихъ школъ за послѣднее десятилѣтіе также возросло съ 107 до 266; число учащихся въ нихъ—съ 11.214 до 28.453, и издержки на нихъ—съ $ 56.626 до $ 151.279. Докладъ недоволенъ процентомъ правильности посѣщеній, который держится, въ среднемъ, на 52%, приписываетъ это долгимъ часамъ и, признавая особую важность этихъ школъ, рекомендуетъ уменьшеніе числа учебныхъ часовъ и соотвѣтственное увеличеніе числа учителей.

Издержки штата на народное образованіе также прогрессируютъ съ каждымъ годомъ; дѣйствительный расходъ на каждаго ребенка, въ возрастѣ отъ 5 до 15 лѣтъ, возросъ, въ теченіи десятилѣтія, съ $ 15 до $ 22, или на цѣлую треть, и отношеніе расходовъ на народное образованіе къ цѣнности облагаемаго налогами имущества въ штатѣ возросло съ 0035 до 00397%.

Законъ штата Массачузетса обязываетъ школу снабжать каждаго учащагося даромъ всѣми необходимыми учебными книгами и пособіями. Докладъ рекомендуетъ, чтобъ книги эти были оставляемы въ полную собственность ученика, по мѣрѣ того, какъ онѣ становятся ему ненужными или по окончаніи имъ курса, такъ какъ считаетъ весьма полезнымъ и желательнымъ снабженіе каждаго семейства, опять-таки въ виду существенной пользы дѣлу народнаго образованія вообще, такими необходимыми предметами, какъ энциклопедія Вебстера или географическій атласъ. Расходъ на безплатное снабженіе дѣтей книгами также возросъ за десятилѣтіе съ $ 1.06 до $ 1.60 на ученика.

Наконецъ, на перевозку дѣтей въ школу и обратно домой показанъ расходъ въ $ 30.648. Десять лѣтъ тому назадъ, расхода этого не существовало вовсе, и вызванъ онъ стремленіемъ дать лучшія школьныя условія рѣдко населеннымъ мѣстностямъ, не могущимъ поддерживать хорошихъ школъ за недостаточнымъ числомъ дѣтей. Дешевле возить ребенка каждый день, чѣмъ содержать хорошую школу для двухъ-трехъ человѣкъ. Докладъ особенно рекомендуетъ производительность этого расхода и ратуетъ противъ стремленія многихъ родителей предпочитать плохую школу, да близкую, хорошей, но болѣе отдаленной.

Образованіе глухонѣмыхъ, слѣпыхъ и идіотовъ штата Массачузетса также лежитъ на обязанности совѣта народнаго образованія; въ отчетномъ году издержано на образованіе глухонѣмыхъ въ трехъ спеціальныхъ школахъ $ 35.337; на слѣпыхъ—въ одной школѣ $ 95.267 и идіотовъ—въ одной школѣ $ 153.529. Суммы эти были покрыты изъ особыхъ источниковъ, большею частію частными пожертвованіями и завѣщаніями въ ихъ пользу, и не включены въ цифры расходовъ на народное образованіе, приведенныя выше.

Докладъ секретаря заключается статистическими данными о частныхъ и духовныхъ школахъ штата; всѣ эти школы, безъ какихъ бы то ни было исключеній, обязаны особымъ закономъ представлять совѣту подробный отчетъ объ ихъ состояніи, программахъ, числѣ учениковъ, ихъ издержкахъ и т. д. Даннымъ этимъ секретарь предпосылаетъ обстоятельное сравненіе между народными и частными школами всякаго рода и рѣзко высказывается не только въ пользу первыхъ, но и доказываетъ вредъ и опасность послѣднихъ. Между прочимъ, онъ приводитъ слѣдующія положенія: „Разница между народными и частными школами не заключается непремѣнно въ ихъ

качествѣ, но въ ихъ учрежденіи, содержаніи и контролѣ. Въ частной школѣ родители имѣютъ полный контроль надъ своими дѣтьми, относительно регулярности посѣщенія, программы образованія и его способовъ и методовъ. Въ общественной школѣ государство устанавливаетъ всѣ эти условія и ожидаетъ отъ ребенка ихъ исполненія. Предполагаемое право—избирать или образованіе въ частной школѣ, или никакого—основано на предположеніи, что родители имѣютъ исключительное право контролировать физическое, умственное и нравственное развитіе своихъ дѣтей, по своему собственному усмотрѣнію. Право и обязанность *государства* устанавливать условія народнаго образованія и подчинять весь народъ этимъ условіямъ основано на томъ принципѣ, что безпрерывное существованіе государства необходимо, какъ естественнаго охранителя человѣческихъ правъ и какъ единственнаго установленія, способнаго поддерживать вѣчное развитіе человѣческаго общества. Вліянія общественнаго образованія необходимы для того, чтобы отдѣльныя личности могли составлять націю. Такія вліянія имѣютъ тенденцію развивать въ отдѣльныхъ личностяхъ то состояніе духа, которое дѣлаетъ возможнымъ общее соглашеніе, относительно фундаментальныхъ принциповъ и формъ гражданскаго самоуправленія. Необходимъ авторитетъ государства для того, чтобы достичь регулярнаго посѣщенія школъ всѣми дѣтьми въ школьномъ возрастѣ. Государство же является единственной силой, которая въ состояніи сдѣлать обязательной извѣстную программу образованія. Примѣненіе этого авторитета, въ дѣлѣ обязательнаго образованія и его условій, является единственнымъ дѣйствительнымъ средствомъ въ рукахъ государства для того, чтобы увѣковѣчить его собственное существованіе и достичь полнаго и успѣшнаго отправленія всѣхъ его функцій. Вслѣдствіе сознанія этихъ-то истинъ, государство и признавало всегда народную школу однимъ изъ главныхъ источниковъ гражданской жизни страны. Частныя школы существовали въ теченіи всей нашей исторіи, нѣкоторыя изъ нихъ пользуются заслуженною извѣстностью; но было неоднократно доказано, что мы не можемъ положиться на это учрежденіе, какъ для общаго образованія, такъ и для выработки того состоянія духа, который подготовляетъ извѣстную личность къ занятію положенія интеллигентнаго и вѣрнаго гражданина республиканской общины. Назначеніе общественной школы состоитъ въ томъ, чтобы организовать ея членовъ-дѣтей въ общину личностей, въ которой должны соблюдаться всѣ взаимныя отношенія настоящаго гражданства. Опыты школьной жизни

будутъ, въ такомъ случаѣ, имѣть непосредственное вліяніе на гражданское развитіе дѣтей. Въ общественной школѣ ученики обязаны законами государства проходить общіе для всѣхъ курсы, изученіе которыхъ дастъ имъ *одинаковое знаніе и одинаковое умственное развитіе*, тождественное въ его общихъ послѣдствіяхъ. Какъ результатъ такого порядка вещей, будутъ созданы въ умахъ народа та общая интеллигентность и то единство чувствъ и стремленій, которыя составляютъ единственное солидное основаніе для успѣшнаго существованія республиканской общины".

Штатъ Массачузетсъ можетъ смѣло гордиться тѣмъ, что ученики его школъ не забываютъ, что эти-то именно школы и положили основаніе ихъ успѣхамъ въ жизни. Каждый годъ приноситъ громадныя деньги, въ видѣ добровольныхъ пожертвованій, въ пользу народныхъ школъ. Такъ, въ теченіи 1890 — 1891 учебнаго года, были приняты штатомъ отъ жертвователей, между прочимъ, три школьныя зданія. Первое изъ нихъ было выстроено для высшей школы города Фоллъ-Ривера, господиномъ Дюрфи, въ память его покойнаго сына; отчетъ не даетъ стоимости мѣста, зданія и аппаратовъ, но, судя по описанію зданія и фотографіи его, приложенной къ отчету, оно должно было стоить не менѣе полумилліона долларовъ, снабжено астрономической обсерваторіей съ восьми-дюймовымъ экваторіальнымъ стекломъ, машинными мастерскими, физическимъ кабинетомъ и химической лабораторіей, а также пятидесятью тысячами наличнаго капитала для ихъ будущаго совершенства. Второе построено г. Роджерсомъ въ Фэръ-Хавенѣ и стóитъ свыше ста тысячъ долларовъ; единственнымъ условіемъ жертвователь ставитъ вѣчную свободу вѣроисповѣданія учащихся. Третье пожертвовано городу Винчендону Эфраимомъ Мюрдокомъ, стóитъ сто двадцать пять тысячъ долларовъ и снабжено имъ наличнымъ капиталомъ въ двѣсти пятьдесятъ тысячъ — „дабы дать школѣ возможность стоять на высотѣ требованій современной науки относительно учебныхъ аппаратовъ и пособій".

Такіе царственные подарки въ одинъ годъ, въ одномъ штатѣ, совсѣмъ не составляютъ исключительнаго явленія въ Америкѣ. Такъ, нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, нью-іоркскій фабрикантъ кожаныхъ издѣлій, Фэрвэтеръ (Fairweather), завѣщалъ все свое имущество, оцѣниваемое приблизительно въ сумму между полутора и двумя милліонами долларовъ, въ пользу учебныхъ заведеній штата Нью-Іорка. Завѣщаніе это обратило на себя всеобщее вниманіе не по сво-

ему размѣру, а потому, что онъ всегда находился въ наилучшихъ отношеніяхъ съ своей женой и дѣтьми и, при жизни, никогда не отличался благотворительностью,—однако, оставилъ законнымъ наслѣдникамъ только относительно весьма незначительную сумму—„достаточно для того, чтобъ дѣтямъ начать жизнь“—enough to start with,—какъ самъ онъ выразился въ завѣщаніи. Дѣти уважили желаніе отца, для нихъ совершенно неожиданное и трудно объяснимое,—и безпрекословно разстались съ богатствомъ.

За докладомъ секретаря въ отчетѣ слѣдуетъ изложеніе школьныхъ законовъ штата Массачузетса, со всѣми позднѣйшими дополненіями и измѣненіями и съ комментаріями составителей, затѣмъ, годичные доклады шести специальныхъ агентовъ совѣта, изъ которыхъ каждый имѣетъ свой опредѣленный округъ и свое поле изслѣдованій и наблюденій разныхъ сторонъ школьнаго дѣла. Недостатокъ мѣста не позволяетъ мнѣ сдѣлать изъ нихъ извлеченій, чего они вполнѣ заслуживаютъ, и я, съ сожалѣніемъ, разстаюсь съ отчетомъ, напомнивъ читателю, что штатъ Массачузетсъ, по послѣднему цензу, имѣетъ только 2.238.043 жителя обоего пола, при территоріи въ 8.040 кв. англійскихъ миль, а по климатическимъ и почвеннымъ условіямъ едва ли сколько-нибудь отличается отъ московской и смежныхъ съ нею губерній Россіи.

Отъ отчетовъ отдѣльныхъ штатовъ я перейду къ отчету федеральнаго бюро народнаго образованія Соединенныхъ Штатовъ, дѣятельность котораго ограничивается статистикой, и, хотя цифры и могутъ показаться утомительными, я, тѣмъ не менѣе, не могу отъ нихъ отказаться, такъ какъ онѣ кажутся мнѣ чрезвычайно поучительными.

Оказывается, что на 62.622.250 жителей въ союзѣ, по переписи 1890 года, включая негровъ, индѣйцевъ, китайцевъ и дикарей Аляски, въ этомъ году издержано на народное образованіе (исключая высшія учебныя заведенія) всего $ 140.277.484, или $ 2,24 per capita населенія. Процентъ этотъ колебался отъ 0,41 per capita въ Южной Каролинѣ, 0,44 въ Сѣверной Каролинѣ, 0,53 въ Джорджіи и 0,57 въ Алабамѣ, до $ 3,65 въ Южной Дакотѣ, $ 3,70 въ Массачузетсѣ, $ 4,08 въ Колорадо и $ 4,29 въ Калифорніи. Штаты юга и юго-запада издержали, въ среднемъ, 0,96 per capita; штаты Новой Англіи и сѣверо-востока $ 2,76; штаты центральнаго сѣвера $ 2,81 и штаты запада $ 3,35.

Переходя затѣмъ къ высшимъ учебнымъ заведеніямъ, содержи-

нымъ на счетъ штатовъ, находимъ, что ихъ во всемъ союзѣ 415, съ 7.918 профессорами и 118.581 учащимися, что заведенія эти владѣютъ имуществомъ, оцѣниваемымъ въ $ 146.965.144, въ томъ числѣ, $ 74.070.415 процентными бумагами, что ихъ доходъ отъ этого имущества простирался въ 1890 году до $ 10.801.918, и что добровольныя пожертвованія, въ ихъ пользу, въ томъ же году простирались до $ 6.006.474, и что ихъ библіотеки заключали въ себѣ 4.152.053 томовъ. Самымъ значительнымъ, по числу студентовъ, университетомъ оказывается Харвардъ въ штатѣ Массачузетсѣ, съ 2.660 студентами, затѣмъ университетъ штата Мичигана, съ 2.640; 15 университетовъ съ одной тысячей и выше, и 41—съ 500 и выше, до одной тысячи студентовъ.

Какъ и въ дѣлѣ народной школы, южные штаты оказываются далеко позади, хотя они содержатъ свыше одной трети всего населенія; число студентовъ въ нихъ ниже одной четверти всего ихъ числа, а издержки меньше одной шестой части, такъ что образованіе каждаго студента обходится вдвое дешевле, чѣмъ на сѣверѣ; само собой разумѣется, что достигается это въ ущербъ образованію.

На меня лично какъ школы, такъ и учителя и обстановка ихъ всегда и вездѣ производили самое благопріятное впечатлѣніе. Школьныя зданія всегда являются самыми замѣтными, самыми крупными зданіями въ городѣ; — впрочемъ, я уже имѣлъ случай говорить объ ихъ архитектурѣ и особенностяхъ въ одной изъ предъидущихъ главъ. Здѣсь прибавлю только, что всѣ штаты имѣютъ особыя строительныя коммиссіи, которыя завѣдуютъ постройкой, изучаютъ планы, назначаютъ конкурсы для разрѣшенія разныхъ деталей и т. д. Смѣло можно думать, что нигдѣ въ мірѣ не обращаютъ такого вниманія на отопленіе, вентиляцію, удобства размѣщенія и, въ особенности, на школьную мебель и учебныя пособія. Не разъ даже въ лѣсахъ Флориды, въ отдаленныхъ преріяхъ Дакоты и въ пустыняхъ Аризоны я находилъ школьную мебель самаго послѣдняго, самаго дорогого устройства; а подобными школьными пособіями я самъ никогда не имѣлъ возможности пользоваться, хотя и учился въ одной изъ петербургскихъ гимназій.

VIII.

Меньше чѣмъ тридцать лѣтъ тому назадъ, восточные штаты Сѣверо-Американскаго союза были совершенно отдѣлены отъ западнаго тихо-океанскаго побережья. Путешествіе сухимъ путемъ, черезъ Ве-

дикую пустыню и хребты скалистыхъ горъ, было сопряжено съ чрезвычайными трудностями и опасностями и требовало иногда цѣлаго года времени. Открытіе золотыхъ пріисковъ въ Калифорніи въ 1849 году, а затѣмъ завоеваніе и присоединеніе къ союзу всего западнаго берега, отъ границъ англійскихъ владѣній до нижней Калифорніи, вызвали сильную эмиграцію съ востока на западъ; исторія „золотой горячки“, которая охватила всѣ штаты союза въ 1849, 1850 и послѣдующихъ годахъ, вплоть до междоусобной войны, и до сихъ поръ служитъ предметомъ изумленія даже для самихъ американцевъ, народа вообще чрезвычайно предпріимчиваго и подвижного. Въ теченіи трехсотъ лѣтъ испанскаго—а впослѣдствіи мексиканскаго—владычества, Калифорнія спала непробуднымъ сномъ; католическое духовенство было единственнымъ руководителемъ индѣйскаго населенія и тѣхъ немногихъ коронныхъ чиновниковъ, которые отъ времени до времени присылались метрополіей для номинальнаго управленія страной. Все бѣлое населеніе тихо-океанскаго побережья не превышало, вѣроятно, десяти тысячъ, когда авантюристъ Фримонтъ, хотя и состоявшій на государственной службѣ союза, но не имѣвшій ни положительныхъ инструкцій, ни полномочій, — съ помощью союзнаго флота и нѣсколькихъ сотенъ драгуновъ и волонтеровъ, провозгласилъ присоединеніе Калифорніи къ Соединеннымъ Штатамъ. Въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ послѣ этой смѣлой выходки, какъ границы на сѣверѣ—отъ британскихъ владѣній, и на югѣ—отъ Мексики, такъ и внутреннее управленіе, были въ самомъ неопредѣленномъ состояніи, и никакого правильнаго сообщенія съ востокомъ союза не существовало, пока баснословные барыши, дѣлаемые купцами Санъ-Франциско какъ на золотѣ, такъ и на всевозможныхъ товарахъ, не вызвали цѣлаго флота парусныхъ судовъ, обогнувшихъ мысъ Горнъ, а затѣмъ и пароходовъ чрезъ Мексиканскій заливъ, съ сухопутнымъ транзитомъ пассажировъ и товаровъ черезъ Панамскій перешеекъ. Парусныя суда требовали отъ 4 до 6 мѣсяцевъ, а иногда и болѣе, отъ Нью-Іорка до Санъ-Франциско; пароходы черезъ Панаму—иногда до двухъ мѣсяцевъ, причемъ цѣны за переѣздъ достигали пяти и шестисотъ долларовъ за пассажира; часто не было возможности достать какого-либо мѣста на пароходѣ за какую-либо цѣну. Вандербильты положили основаніе своему колоссальному богатству именно перевозкой пассажировъ пароходами въ теченіи „золотой горячки“. Само собой разумѣется, что только люди болѣе или менѣе состоятельные могли затрачивать такія суммы; громадное большинство эмигрантовъ доби-

ралось всевозможными путями до западныхъ границъ Миссури и Канзаса—въ то время крайнихъ предѣловъ заселенія съ востока — и оттуда пускались въ путь, черезъ 2.000 миль пустыни и горныхъ хребтовъ, въ повозкахъ. Десятки тысячъ этихъ смѣльчаковъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ съ женщинами и дѣтьми, погибли на этомъ пути; дороги того времени усѣяны ихъ костями, и многіе караваны погибли цѣликомъ—были уничтожены индѣйцами, засыпаны снѣгомъ въ горахъ или умерли отъ голода и жажды. Тѣмъ не менѣе, наплывъ былъ такъ великъ, что уже въ 1860 году Калифорнія насчитывала около 400.000 жителей, а весь берегъ Тихаго океана—около полумилліона, и страна, кромѣ драгоцѣнныхъ металловъ, начала производить пшеницу и разные другіе земледѣльческіе продукты въ такихъ размѣрахъ, что восточные штаты стали сознавать необходимость прямого и вѣрнаго сообщенія съ этимъ новымъ рынкомъ, для сбыта ихъ мануфактуръ. Громче и громче стали раздаваться голоса въ пользу правительственной помощи первой желѣзной дорогѣ, которая пересѣчетъ пустыню и горы и соединитъ востокъ съ новыми землями запада. Конгрессъ занялся этимъ вопросомъ, и, уже въ началѣ семидесятыхъ годовъ, съ неимовѣрными трудностями и подъ прикрытіемъ сильныхъ вооруженныхъ отрядовъ регулярной арміи, съ знаменитымъ генераломъ Шерманомъ во главѣ, была открыта первая желѣзнодорожная линія, пересѣкшая штатъ Небраску, территорію Юта (Utah) штата Вайомингъ, Айдахо, Неваду и Калифорнію и соединившая порты Атлантическаго океана съ Санъ-Франциско. Около десяти лѣтъ эта линія была единственной и могла существовать, только благодаря значительнымъ ежегоднымъ правительственнымъ субсидіямъ; издержки эксплуатаціи были такъ велики, что долго сомнѣвались въ возможности когда-либо обратить эту линію въ исключительно частное предпріятіе. Какъ первоначальная помощь, въ видѣ земельнаго и денежнаго гранта, такъ и послѣдующія ежегодныя субсидіи въ пользу этой дороги, въ теченіи многихъ лѣтъ, служили могучимъ орудіемъ въ рукахъ демократическихъ политикановъ союза въ ихъ нападеніяхъ противъ республиканской партіи; факты и цифры были извращены и манипулированы до безконечности, и все дѣло вызвало изслѣдованіе особой конгрессіонной коммиссіей всѣхъ дѣловыхъ и финансовыхъ сношеній федеральнаго правительства съ компаніей дороги. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что часть субсидій, — правда, весьма незначительная,—была украдена; первоначальный грантъ, особенно земельный, также какъ-то необыкновенно быстро

улетучился въ пространство, оставя только весьма слабый слѣдъ въ казначействѣ компаніи; тѣмъ не менѣе, какъ ни сильны были партизанскія нападки нѣкоторыхъ членовъ коммиссіи, было доказано неопровержимо, что сама дорога не могла бы быть никогда построена безъ правительственной помощи и несомнѣнно принесла громадную пользу какъ всей странѣ, такъ и федеральному правительству въ особенности, въ дѣлѣ сбереженій на перевозку почтъ и, въ особенности, войскъ и ихъ провіанта и предметовъ снабженія; индѣйскія войны семидесятыхъ и восьмидесятыхъ годовъ какъ въ сѣверо-западныхъ территоріяхъ, такъ и на пространствѣ великой американской пустыни, были бы немыслимы безъ этой дороги. Наконецъ, всѣ опасенія, относительно неоплатности долговъ дороги, оказались совершенно неосновательными: уже въ 1880 году населеніе штатовъ, принадлежащихъ къ району этой дороги, возросло до полутора милліоновъ, и она не только стала справляться успѣшно съ своими текущими расходами, но и начала медленно, но вѣрно расплачиваться съ своими правительственными долгами и дала поводъ къ постройкѣ другихъ, дополняющихъ линій—и, въ теченіи восьмидесятыхъ годовъ, четыре новыхъ линіи пересѣкли континентъ Америки отъ океана до океана; въ настоящее время пять отдѣльныхъ системъ соединяютъ порты Атлантическаго океана съ портами Тихаго, и, насколько можно судить по ихъ годовымъ отчетамъ, всѣ онѣ не только оплачиваютъ издержки эксплуатаціи, но и платятъ дивиденды акціонерамъ; населеніе же принадлежащей имъ территоріи возросло свыше трехъ милліоновъ и ростетъ пропорціонально быстрѣе, чѣмъ какая-либо другая часть союза.

Исходными пунктами трансконтинентальнаго транзита на востокѣ служатъ въ настоящее время города Эль-Пазо на границѣ Техаса и Мексико, Альбукернъ въ территоріи Нью-Мексико, Денверъ въ Колорадо, Сольтъ-Лэкъ-Сити въ Юта, Чайеннъ въ Вайомингѣ, Фарго въ Сѣверной Дакотѣ и Виннипегъ въ британской провинціи Манитоба. Отъ Атлантическаго побережья до этихъ пунктовъ путешественникъ можетъ выбрать любую изъ нѣсколькихъ десятковъ дорогъ, концентрирующихся въ этихъ пунктахъ, но далѣе на западъ онъ долженъ ѣхать по одной изъ пяти трансконтинентальныхъ линій. Самой сѣверной является канадская тихо-океанская желѣзная дорога (Canadian Pacific R. R.), начинающаяся въ Виннипегѣ и идущая до городовъ Викторіи и Ванкувера на заливѣ Ванкуверъ въ Тихомъ океанѣ. Дорога эта окончена и открыта всего четыре года тому на-

задъ, но, въ финансовомъ отношеніи, стоитъ едва ли не лучше всѣхъ ея старѣйшихъ американскихъ соперниковъ, благодаря относительной прямизнѣ и короткости линіи, замѣчательному плодородію почвы, лѣсному, пушному и минеральному богатству принадлежащей ей территоріи и, главное, преобладанію англійскаго торговаго флота на Тихомъ океанѣ. Съ открытіемъ этой дороги, двѣ трети трансконтинентальной транзитной торговли какъ Соединенныхъ Штатовъ, такъ и Европы съ Китаемъ, Японіей, островами Тихаго океана и даже Австраліей—перешли безвозвратно въ руки этой дороги, благодаря щедрымъ субсидіямъ британской имперіи, парусному и, въ особенности, пароходному судоходству Тихаго океана. Города Виннипегъ, Викторія и Ванкуверъ, исходные пункты, выросли какъ бы волшебствомъ; страна быстро заселяется, особенно выходцами изъ восточныхъ провинцій англійской Канады, гдѣ нетерпимость и распри мѣстныхъ партій, за послѣдніе года, дошли до грандіозныхъ размѣровъ и грозятъ открытымъ разрывомъ; многочисленныя побочныя вѣтви строятся каждое лѣто, проникая все дальше на сѣверъ по чрезвычайно плодороднымъ, богатымъ долинамъ рѣкъ сѣверной Канады, и главная линія уже и въ настоящее время справляется съ трудомъ съ той массой груза, которую ей приходится передвигать, и которая ростетъ неудержимо съ каждымъ годомъ.

Самая сѣверная изъ трансконтинентальныхъ линій Соединенныхъ Штатовъ, сѣверная тихо-океанская желѣзная дорога (Northern Pacific R. R.), начинается тремя отдѣльными вѣтвями: одной—въ Чикаго, другой—въ городѣ Дюлютсѣ (Duluth), самомъ западномъ портѣ Верхняго озера, и третьей—въ Виннипегѣ, въ провинціи Манитоба. Эта линія пересѣкаетъ штаты Висконсинъ, Миннесоту, Сѣверную Дакоту, Монтану и Айдахо и кончается въ штатѣ Вашингтонѣ портами Сіэттль (Seattle) и Такота на Пюджетъ-Соундѣ, и въ штатѣ Орегонѣ — портомъ Портлэндъ на рѣкѣ Колумбіи. Дорога эта на границахъ штатовъ Миннесоты и Сѣверной Дакоты пересѣкаетъ долину Красной Рѣки Сѣвера (Red River of the North), въ которой она имѣетъ многочисленныя побочныя вѣтви, и которая въ настоящее время считается житницей Соединенныхъ Штатовъ и, по качеству пшеницы и по количеству урожая, стоитъ безпорно во главѣ всѣхъ другихъ частей союза. Штаты Миннесота, Сѣверная Дакота и Монтана весьма быстро заселяются; они болѣе чѣмъ удвоили свое народонаселеніе, въ теченіи прошлаго десятилѣтія, главнымъ образомъ, благодаря массѣ нѣмецкихъ и скандинавскихъ эмигрантовъ-зем-

ледѣльцевъ, и производство пшеницы въ нихъ съ каждымъ годомъ быстро возрастаетъ. Знаменитыя фермы Дальримпля, Стиля и ихъ послѣдователей, съ десятками тысячъ обработываемыхъ акровъ, съ паровыми плугами и всѣми послѣдними нововведеніями машинно-парового земледѣлія, находятся на линіи этой дороги; я имѣлъ случай посѣтить нѣкоторыя изъ нихъ, и, вникнувъ въ детали и стоимость производства, не могъ никоимъ образомъ понять, какъ можетъ русская пшеница успѣшно конкурировать съ американской, и гдѣ же секретъ того, что она все еще занимаетъ довольно важное мѣсто на всемірномъ рынкѣ? Въ дешевомъ трудѣ или въ хроническихъ убыткахъ земледѣльца, покрывающаго эти убытки изъ другихъ источниковъ?

За послѣднее время производство пшеницы получило значительный толчокъ впередъ, благодаря удешевленію перевозки, послѣдствію усовершенствованій судоходства на Великихъ озерахъ и соединяющихъ ихъ съ Атлантическимъ океаномъ каналовъ; съ прорытіемъ новаго Велландскаго канала, между озерами Эри и Онтаріо, и съ уничтоженіемъ пороговъ на рѣкѣ св. Лаврентія, громадныя количества пшеницы доставляются съ безконечныхъ полей Дакоты по сѣверной тихо-океанской желѣзной дорогѣ въ порты Чикаго и, особенно, Дюлютса и, съ одной только перегрузкой въ китоподобные пароходы (whaleback steamers), передвигаются во всѣ порты Европы и всего міра. Городъ Дюлютсъ и его сосѣдъ, городъ Сюпиріоръ, отдѣленный отъ него только незначительной рѣчкой, за послѣднее десятилѣтіе выросли изъ небольшихъ деревушекъ въ города, съ шестидесятитысячнымъ населеніемъ и перегнали Чикаго въ дѣлѣ отправки пшеницы; а судоходство города Детройта, въ штатѣ Мичиганѣ, стоящаго на проливѣ, соединяющемъ озера Гуронъ и Эри, въ которомъ обязаны регистроваться всѣ суда, работающія на Великихъ озерахъ, за послѣдній годъ превысило судоходство Лондона и Ливерпуля, взятыхъ вмѣстѣ, какъ по числу судовъ, такъ и по количеству тоннъ груза.

Сѣверная тихо-океанская желѣзная дорога и въ настоящее уже время перевозитъ болѣе пшеницы, чѣмъ какая-либо другая линія во всемъ союзѣ; и хотя ея основатель, знаменитый въ лѣтописяхъ американской спекуляціи Джей Кукъ (Jay Cook), умеръ банкротомъ, и его паденіе въ 1873 году вызвало самый острый и самый тяжелый финансовый кризисъ, который когда-либо разражался въ Америкѣ, раззорившая его дорога давно раздѣлалась съ неоплатными, казалось,

долгами и, за самое послѣднее время, даже начала платить небольшіе дивиденды. Кромѣ усиленія производства пшеницы, небывалаго даже въ лѣтописяхъ Америки, этой счастливой перемѣнѣ много способствовало учрежденіе на верховьяхъ рѣки Миссури „Іеллоустонскаго Національнаго Парка“ (Yeelowstone National Park), привлекающаго каждое лѣто десятки тысячъ туристовъ со всѣхъ концовъ союза. Паркъ этотъ учрежденъ особымъ актомъ конгресса, заключаетъ въ себѣ значительную территорію, замѣчательную по дикой красотѣ мѣстности и многимъ цѣлебнымъ ключамъ и гейзерамъ; въ немъ построено нѣсколько громадныхъ отелей со всѣми удобствами цивилизаціи, и, въ теченіи лѣтняго сезона, онъ всегда биткомъ набитъ туристами и больными.

Пшеница составляетъ главный грузъ восточной половины дороги—западная живетъ скотоводствомъ и, главное, лѣснымъ дѣломъ. Вся центральная полоса сѣверо-американскаго континента, начинающаяся отъ границъ Мексико на югѣ и включающая западныя части штата Тексаса, индѣйскую территорію, территоріи Аризону, Нью-Мексико и Юта, части штатовъ Канзаса, Колорадо и Невады, штаты Вайомингъ, Айдахо и Монтану до границъ британскихъ владѣній на сѣверѣ, занимается скотоводствомъ и овцеводствомъ, въ большихъ размѣрахъ, и снабжаетъ мясомъ не только всѣ большіе города союза, но и посылаетъ его, въ разныхъ видахъ, чуть ли не во всѣ концы земного шара. Громадныя стада мясного скота пасутся тамъ, гдѣ, еще только двадцать пять лѣтъ тому назадъ, блуждалъ только дикій бизонъ, теперь окончательно исчезнувшій и составляющій зоологическую рѣдкость, изрѣдка встрѣчаемую только въ самыхъ отдаленныхъ долинахъ сѣверной Канады. Скотъ этотъ пасется круглый годъ, подвигаясь, сообразно съ временами года, изъ долинъ въ горы и обратно; десятки и сотни тысячъ погибаютъ ежегодно отъ снѣговъ и бурь на сѣверѣ и отъ недостатка воды и корма лѣтомъ на югѣ—но все-таки скотоводство оплачивается хорошо, благодаря тому, что всѣ расходы сводятся къ наблюденію за скотомъ и къ доставкѣ его на мѣсто сбыта. Пастбище, въ сущности, не ограничено — скотъ иногда дѣлаетъ большіе переходы, и пастухи (cowboys), собственно говоря, не имѣютъ осѣдлости, а перекочевываютъ съ мѣста на мѣсто, смотря по состоянію корма и воды. Каждая скотина заклеймена клеймомъ владѣльца, и уничтоженіе или измѣненіе такого клейма считается преступленіемъ, равносильнымъ воровству и грабежу, и, еще въ самое недавнее время, наказывалось судомъ Линча; и теперь

эти коубои, или пастухи, составляютъ самый грубый классъ американскаго населенія; послѣдній сохранившійся типъ бывшихъ пограничныхъ бравð Америки, которые, отвоевавъ весь западъ отъ индѣйца, сдѣлали свое дѣло и теперь быстро исчезаютъ съ горизонта, уступивъ свое мѣсто мирному земледѣльцу. Въ извѣстное время года, смотря по мѣстности, когда скотъ наиболѣе тученъ, его сгоняютъ къ желѣзнымъ дорогамъ и отправляютъ на скотобойни городовъ Канзасъ-Сити, Омахи и Чикаго, въ которыхъ расположены самыя значительныя мясныя фабрики союза. Цѣна скоту всегда дѣлается по его живому вѣсу; скотопромышленники горько жалуются въ послѣднее время на то, что цѣна на скотъ очень низка, благодаря мясному trust'у, какъ говорятъ они; члены же trust'а, обнимающаго всѣ сколько-нибудь значительныя скотобойни и мясныя фабрики, говорятъ, что виной тому—перепроизводство и плохое качество скота, результатъ недостатка пастбищъ; полагать надобно, что обѣ стороны правы до извѣстной степени.

Западная половина штата Монтаны и штаты Вашингтонъ и Орегонъ производятъ въ настоящее время громадныя количества теса разнаго рода; лѣса ели, сосны, ясени и, въ особенности, краснаго дерева, или секвои, тянутся на большія пространства и отличаются замѣчательной густотой и размѣрами растительности. Во многихъ мѣстахъ построены лѣсопильными заводами желѣзнодорожныя вѣтви, для подвозки бревенъ, и количество ежедневно отправляемаго теса, особенно въ лѣтніе мѣсяцы, достигаетъ огромныхъ размѣровъ. Пюджетъ-Соундъ, этотъ рукавъ Тихаго океана, далеко врѣзывающійся въ материкъ, считается наилучшимъ и наибðльшимъ рейдомъ во всемъ мірѣ, и сотни кораблей нагружаются тесомъ въ его портахъ и развозятъ его во всѣ концы міра. Экспортная торговля тесомъ портовъ Пюджетъ-Соунда за послѣдніе года догнала и перегнала, по количеству и цѣнности матеріала, всѣ остальные нункты союза и все еще продолжаетъ рости. Города Сіэттль, Такома и Портлэндъ, главные порты сѣверной части тихо-океанскаго побережья и центры его внутренней и внѣшней торговли, ростутъ чрезвычайно быстро, и изученіе ихъ развитія и внутренняго устройства даетъ путешественнику наилучшее понятіе о тѣхъ могучихъ силахъ, которыя, какъ бы по волшебству, создаютъ въ Америкѣ, въ теченіи баснословно короткихъ промежутковъ времени, цвѣтущіе города, съ десятками и сотнями тысячъ жителей, наслаждающихся всѣми послѣдними благами цивилизаціи.

На разстояніи отъ трехсотъ до пятисотъ миль къ югу отъ сѣверной тихо-океанской дороги идетъ старѣйшая трансконтинентальная американская линія, построенная, при помощи федеральнаго правительства, о которой я уже имѣлъ случай говорить выше, и составленная изъ двухъ самостоятельныхъ дорогъ: союзной тихоокеанской (Union Pacific), на востокѣ, и центральной тихо-океанской (Central Pacific),—на западѣ. Контроль надъ этой послѣдней принадлежитъ въ настоящее время южной тихо-океанской дорогѣ (Southern Pacific R. R.),—о которой я буду подробно говорить ниже, такъ какъ она владѣетъ также отдѣльной трансконтинентальной линіей. Союзная тихо-океанская желѣзная дорога отъ города Чайенна (Cheyenne), въ штатѣ Вайомингѣ, развѣтвляется на многочисленныя побочныя линіи, достигающія многихъ центральныхъ пунктовъ въ штатахъ Колорадо, Небраскѣ и Канзасѣ. Города Денверъ, Омаха и Канзасъ-Сити составляютъ ея главные исходные пункты на востокѣ, и такъ какъ линія эта и до сихъ поръ составляетъ кратчайшій и скорѣйшій путь между Санъ-Франциско и почти всѣми значительными городами среднихъ и восточныхъ штатовъ, благодаря сравнительной прямизнѣ линіи и ея центральному положенію, то и до сихъ поръ она служитъ главнымъ путемъ пассажирскаго трансконтинентальнаго движенія въ Соединенныхъ Штатахъ. Время переѣзда между Санъ-Франциско и Нью-Іоркомъ сокращается съ каждымъ годомъ; въ послѣднее время его довели до 4-хъ сутокъ, а нѣсколько экстренныхъ поѣздовъ успѣли сдѣлать его въ $3^1/_2$ сутокъ; надѣются, что, къ концу настоящаго года, это время будетъ достаточнымъ для обыкновенныхъ пассажирскихъ поѣздовъ. Впрочемъ какъ эта линія, такъ и обѣ предъидущія, въ теченіи зимнихъ мѣсяцевъ, особенно февраля и марта, ежегодно страдаютъ отъ снѣжныхъ заносовъ, которые иногда совсѣмъ останавливаютъ всякое движеніе на недѣлю, на двѣ и даже долѣе. Въ горахъ снѣговыя бури зимой очень часты и сильны и иногда заносятъ полотно дороги въ глубокихъ выемкахъ на цѣлые 20 футовъ. Самыя разнообразныя приспособленія, стоящія большихъ денегъ, употребляются на всѣхъ этихъ дорогахъ; но бури иногда оказываются сильнѣе всего, что̀ человѣкъ изобрѣлъ до сихъ поръ въ этомъ отношеніи, и нерѣдко приходится отрывать цѣлые поѣзда, остановленные снѣгомъ между станціями. Паровые снѣговые плуги, иногда десять въ одномъ поѣздѣ, бываютъ безсильны подвинуться на одинъ дюймъ, и тысячи рабочихъ употребляются для очистки пути руками.

Центральная тихо-океанская желѣзная дорога, которая составляетъ западную половину этой линіи, въ Санъ-Франциско раздвояется: одна вѣтвь идетъ на сѣверъ до Портлэнда, въ Орегонѣ, другая—на югъ до города Лосъ-Анжелеса, гдѣ она и соединяется съ южной тихо-океанской желѣзной дорогой, которая, какъ я уже имѣлъ случай упомянуть выше, контролируетъ ее и, такимъ образомъ, является единственной желѣзно-дорожной системой, для всего тихо-океанскаго побережья, на югъ отъ Портлэнда и на сѣверъ отъ Лосъ-Анжелеса, на разстояніи болѣе тысячи англійскихъ миль. Многочисленныя вѣтви идутъ отъ нея во всѣхъ направленіяхъ, соединяя, съ одной стороны, прибрежные города и земледѣльческія мѣстности западной части, а съ другой—долины горныхъ рѣчекъ Скалистыхъ горъ и ихъ многочисленные рудники съ главной линіей. Весь южный Орегонъ и вся Калифорнія, исключая г. Лосъ-Анжелесъ и прилегающую къ нему территорію на крайнемъ южномъ концѣ штата, находятся въ рукахъ этой системы; громадная торговля города Санъ-Франциско сдавлена ею со всѣхъ сторонъ, и, благодаря тому факту, что всѣ доступы къ этому городу принадлежатъ южной тихо-океанской дорогѣ, весьма сомнительно, чтобы, по крайней мѣрѣ, въ близкомъ будущемъ положеніе дѣла измѣнилось къ лучшему. Какъ извѣстно, городъ Санъ-Франциско расположенъ на длинномъ и узкомъ полуостровѣ, отдѣленномъ отъ континента заливомъ океана, составляющимъ его портъ; южная тихо-океанская дорога владѣетъ не только всѣмъ перешейкомъ этого полуострова, но и всѣмъ берегомъ залива, такъ что никакая другая дорога не можетъ взойти въ городъ, безъ ея согласія; завладѣла она этой поземельной собственностью, когда земля была дешева, а теперь цѣны на нее поднялись до такихъ баснословныхъ размѣровъ, что экспропріація права на путь будетъ стоить неслыханныхъ суммъ и, до сихъ поръ по крайней мѣрѣ, запугивала всѣ тѣ новыя компаніи, которыя стремились достичь Санъ-Франциско съ востока; легче выстроить цѣлую новую трансконтинентальную линію до Денвера или Сольтъ-Лэкъ-Сити, полторы тысячи миль по горамъ и пустынѣ, чѣмъ войти въ предѣлы Санъ-Франциско, и потому ростъ этого города, за послѣднее время, замѣтно замедлился; несмотря на его превосходное географическое положеніе, несмотря на его несравненный портъ, Портлэндъ на сѣверѣ и Лосъ-Анжелесъ на югѣ медленно, но вѣрно захватываютъ, одну за другой, многочисленныя отрасли его торговли и промышленности и ростутъ, пропорціонально, гораздо быстрѣе, чѣмъ Санъ-Франциско.

Начинаясь многочисленными вѣтвями въ штатахъ Тексасѣ, Арканзасѣ, Миссури, Иллинойсѣ, Эйоуэ, Канзасѣ, Небраскѣ и Колорадо, идетъ самая значительная, по числу эксплуатируемыхъ ею миль (9.316 миль къ началу текущаго 1892 года), желѣзнодорожная система въ Соединенныхъ Штатахъ, Этчисонъ, Топика и Санта Фе (Atchison, Topeka & Santa Fè), Эль-Пазо на границѣ Тексаса и Мексико, Гальвестонъ на берегу Мексиканскаго залива на югѣ, Чикаго и Санъ-Луисъ на востокѣ, Омаха, Денверъ и Сольтъ-Лэкъ-Сити на сѣверѣ—всѣ эти торговые и промышленные центры служатъ исходными пунктами этой многомильной системы, соединяясь въ г. Альбукеркѣ, въ территоріи Нью-Мексико, откуда собственно и начинается трансконтинентальная линія этой системы, пересѣкающая территоріи Нью-Мексико и Аризону и кончающаяся въ штатѣ Калифорніи нѣсколькими вѣтвями, отъ города Лосъ-Анжелеса идущими къ различнымъ южнымъ портамъ, покуда еще весьма незначительнымъ, такъ какъ вся южная Калифорнія, и до сихъ поръ, страна еще совершенно новая, только, въ теченіи послѣднихъ десяти лѣтъ, начавшая быстро заселяться.

Отъ г. Альбукерка до западныхъ исходныхъ пунктовъ линія эта была выстроена лѣтъ десять тому назадъ, какъ самостоятельная дорога, подъ названіемъ атлантической и тихо-океанской желѣзной дороги (Atlantic & Pacific R. R.), и только недавно была поглощена А. Т. & С. Ф. системой, такъ какъ самостоятельное существованіе, безъ связей на востокѣ, оказалось невозможнымъ. Проходитъ она на цѣлыя полторы тысячи миль по абсолютнымъ пустынямъ Нью-Мексико, Аризоны и Восточной Калифорніи, и, хотя на ея пути и нѣтъ тѣхъ горныхъ хребтовъ и снѣжныхъ заносовъ, съ которыми борются три сѣверныя линіи, эксплуатація ея едва ли обходится дешевле, такъ какъ поддержка пути по совершеннымъ пустынямъ, часто на цѣлыя сотни миль не имѣющимъ ни одного жителя, а, главное, снабженіе подвижного состава водою, стóитъ огромныхъ денегъ. Великая американская пустыня, обнимающая собою все центральное платó союза, возвышающееся до 5 и 6 тысячъ футовъ надъ поверхностью моря и перерѣзанное во всѣхъ направленіяхъ горными хребтами, представляетъ собою волнистую сплошную возвышенность съ самою незначительною растительностью и съ весьма немногими, на большихъ разстояніяхъ одинъ отъ другого, потоками, которые часто теряются въ пескахъ и лѣтомъ почти всѣ совершенно пересыхаютъ. Почва—чрезвычайно непривлекательный на видъ красно-

ватый или желтоватый песокъ,—чрезвычайно производительна, если только возможно правильное орошеніе, и потому ирригація всевозможныхъ родовъ составляетъ главную заботу не только немногихъ жителей, но и желѣзнодорожныхъ и рудокопныхъ компаній, и правительства какъ отдѣльныхъ штатовъ и территорій, такъ и всего союза. Уже нѣсколько лѣтъ какъ изданъ конгрессомъ особый законъ „о пустынныхъ земляхъ“ (arid lands), законъ, по которому всякая компанія или частное лицо получаетъ въ полную собственность, безъ всякой платы, все то количество пустынной земли, которое, посредствомъ искусственной ирригаціи, сдѣлано способнымъ къ воздѣлыванію; сотни милліоновъ акровъ принадлежатъ правительству въ великой американской пустынѣ, и всѣ эти земли подлежатъ этому закону. Здѣсь я кстати упомяну, что такой же законъ существуетъ, относительно осушенія болотъ, во многихъ южныхъ штатахъ; компанія Диссуона во Флоридѣ осушила и пріобрѣла два милліона акровъ, засадила ихъ сахарнымъ тростникомъ и въ настоящее время оперируетъ одинъ изъ самыхъ большихъ сахарныхъ заводовъ союза. Такой же законъ встрѣчаемъ и на преріяхъ сѣвера, гдѣ можно безплатно пріобрѣсти въ собственность землю, засаженную лѣсомъ, съ тѣмъ только исключеніемъ, что каждое отдѣльное лицо можетъ засадить не болѣе 160 акровъ; въ дѣлѣ ирригаціи и осушенія болотъ нѣтъ предѣла, и все орошенное или осушенное пространство дѣлается собственностью улучшателя, сколько бы въ немъ ни было акровъ.

Земля въ пустынѣ, безъ ирригаціи, не стóитъ абсолютно ничего; съ правильной ирригаціей цѣна на нее доходитъ до баснословныхъ размѣровъ, часто до пятисотъ долларовъ за акръ; поэтому каждый, самый незначительный ручей утилизируется до послѣдней возможности; во многихъ мѣстахъ роютъ, съ большими расходами, артезіанскіе колодцы, проводятъ воду желѣзными трубами отъ горныхъ ключей въ долины на многія мили и т. д., и т. д. За послѣднее время англійскіе капиталисты обратили особенное вниманіе на территоріи Нью-Мексико и Аризону. Нѣсколько компаній, съ громадными капиталами, строятъ нѣсколько гигантскихъ плотинъ, стоящихъ милліоны долларовъ и остановившихъ рѣки въ искусственныхъ резервуарахъ, образующихъ цѣлыя озера и правильно орошающихъ, въ теченіи сухого періода, обширныя плантаціи; высчитываютъ, что, со времени изданія вышеприведеннаго закона объ ирригаціи, около 18 милліоновъ акровъ были, такимъ образомъ, от-

воеваны отъ пустыни и присоединены къ числу обработываемыхъ земель.

Какъ на самый блестящій примѣръ успѣховъ ирригаціи, указываютъ на городъ Эди, въ юго-восточной части территоріи Нью-Мексико. Пять лѣтъ тому назадъ вся мѣстность была не что иное, какъ голая пустыня; странствовавшій по ней янки, съ слабыми легкими, увлекся мѣстностью, которая показалась ему особенно полезной для его здоровья, и рѣшилъ сдѣлать эксперименты съ задержаніемъ водъ небольшого горнаго потока. У него были деньги и друзья съ деньгами—опытъ оказался необыкновенно удачнымъ, климатъ—особенно пригоднымъ для чахоточныхъ; была построена желѣзнодорожная вѣтвь въ 160 миль, чтобъ связать этотъ уголокъ съ цивилизованнымъ міромъ, и черезъ пять лѣтъ получилась цвѣтущая община съ тридцатью тысячами жителей, роскошными фруктовыми садами и виноградниками, быстро ростущая, и съ такимъ блестящимъ будущимъ, что посѣтившій прошлой зимою Эдди знаменитый желѣзнодорожникъ Джэй Гульдъ въ два слова купилъ желѣзнодорожную вѣтвь,—а этотъ дѣлецъ не купитъ ничего, что не обѣщало бы большихъ барышей.

На нѣкоторыхъ дивизіяхъ атлантической и тихо-океанской желѣзной дороги воды нѣтъ совсѣмъ, и каждый поѣздъ беретъ съ собою нѣсколько водяныхъ вагоновъ, состоящихъ изъ огромныхъ желѣзныхъ или деревянныхъ чановъ, соединенныхъ съ локомотивомъ гуттаперчевыми трубками; служащіе и рабочіе на линіи на этихъ дивизіяхъ снабжаются водою изъ этихъ же чановъ, и сохраненіе воды является довольно затруднительной задачей, такъ какъ испареніе въ этихъ пустыняхъ необыкновенно сильно, особенно, когда дуютъ южные вѣтры, подымающіе настоящія песчаныя бури и высушивающіе цѣлые резервуары въ баснословно-короткое время. Станціи и жилища служащихъ на этихъ дивизіяхъ строятся съ двойными стѣнами и крышами; удушающая сила вѣтра и разрушительныя способности гонимаго имъ песку такъ велики, что служащіе носятъ, въ теченіи лѣта, особыя маски, а дерево пробивается пескомъ насквозь; телеграфные столбы, напр., мѣняются каждые четыре мѣсяца, такъ какъ ихъ нижнія части перетираются пескомъ пополамъ.

Несмотря на всѣ эти препятствія, клочки пустыни отвоевываются человѣкомъ каждый годъ и обращаются въ цвѣтущіе оазисы. Какъ только правильное орошеніе дѣлается возможнымъ, такъ производительная сила почвы и климатъ берутъ свое—голая пустыня,

въ необыкновенно короткое время, обращается въ фруктовые сады, и качество фруктовъ такъ высоко, что они приносятъ хорошія цѣны на рынкахъ большихъ восточныхъ городовъ союза и быстро обогащаютъ владѣльцевъ. Груши, яблоки, сливы, абрикосы, миндаль, орѣхи, оливки и, въ особенности, виноградъ пустыни—превосходны; за послѣднее время стали дѣлать не только обыкновенныя столовыя вина, но и шампанское, которое, говорятъ, мало уступаетъ французскому.

Все, что сказано мною выше о великой американской пустынѣ, относится и къ территоріи самой южной американской трансконтинентальной линіи—южной тихо-океанской желѣзной дороги, о которой я уже не разъ упоминалъ выше. Дорога эта начинается нѣсколькими вѣтвями въ штатахъ Тексасѣ и Луизіанѣ, причемъ главными исходными пунктами служатъ города Нью-Орлеансъ или Новый-Орлеанъ, Гальвестонъ и Санъ-Антоніо. Идетъ она по южнымъ частямъ Тексаса, территорій Нью-Мексико и Аризоны, почти все время совершенно параллельно съ границей Мексико, и всего въ нѣсколькихъ миляхъ разстоянія отъ нея пересѣкаетъ рѣку Колорадо, почти при впаденіи ея въ Калифорнскій заливъ, и затѣмъ въ штатѣ Калифорніи и въ городѣ Лосъ-Анжелесѣ соединяется центральной тихо-океанской желѣзной дорогой.

На линіи этой дороги началось съ прошлаго лѣта и продолжается и до сихъ поръ замѣчательное физическое явленіе, до сихъ поръ не объясненное удовлетворительнымъ путемъ. Миляхъ въ 30-ти къ востоку отъ рѣки Колорадо полотно дороги идетъ на многія мили по глубокой долинѣ, очевидно, служившей когда-то морскимъ дномъ; лежитъ эта долина на нѣсколько сотъ футовъ ниже уровня океана и занимаетъ нѣсколько квадратныхъ миль; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ на ней существуютъ соляныя залежи, и довольно значительный заводъ уже нѣсколько лѣтъ занимался ихъ разработкою. Въ одно прекрасное утро прошлымъ лѣтомъ, въ самые ужасные жары, доходившіе до 130° Фаренгейта, долина вдругъ оказалась наполненной водою на нѣсколько футовъ глубины, и полотно желѣзной дороги оказалось на многія мили подъ водою. Сначала думали, что рѣка Колорадо почему-либо вдругъ измѣнила свое русло и залила долину—но количество воды въ рѣкѣ не уменьшилось, да и наполнилась долина слишкомъ быстро: стояло сухое время года, и количество воды въ рѣкѣ было не настолько значительно, чтобы наполнить эту площадь. Несмотря на страшныя массы воды, поглощаемыя

испареніемъ, вода въ новомъ морѣ все поднималась, разрушила соляной заводъ, надѣлала тьму хлопотъ желѣзнодорожной компаніи и стоитъ въ томъ же положеніи и теперь. Я проѣзжалъ мимо въ прошломъ мартѣ мѣсяцѣ и видѣлъ собственными глазами это новое водохранилище, неизвѣстно, откуда появившееся. Геологи и спеціалисты всякаго рода и до сихъ поръ ломаютъ надъ этимъ голову, а мѣстные индѣйцы утверждаютъ, что вода исчезнетъ такъ же внезапно, какъ появилась, и что много лѣтъ тому назадъ произошелъ совершенно такой же казусъ.

Вся торговля тихо-океанскаго побережья съ югомъ союза и странами, прилежащими къ Мексиканскому заливу, находится въ рукахъ южной тихо-океанской желѣзной дороги, тѣмъ болѣе, что всѣ пароходныя линіи, между портами восточныхъ штатовъ и Новымъ-Орлеаномъ, Гальвестономъ и портами Мексико и Центральной Америки, съ одной стороны, и портами Панамскаго перешейка и Мексико и тихо-океанскимъ побережьемъ, съ другой, принадлежатъ ей же. Трудно преувеличить ту абсолютную зависимость отъ этой системы, въ которой находится въ настоящее время не только Санъ-Франциско, но и вся Калифорнія. Каждый годъ то въ томъ, то въ другомъ мѣстѣ образуются компаніи, для того, чтобы избавиться отъ этой крѣпостной зависимости, но всѣ онѣ обыкновенно попадаютъ въ лапы агентовъ желѣзной дороги и поглощаются ею такъ или иначе. Попытка контролировать тарифы, посредствомъ желѣзнодорожной коммиссіи, совершенно не удалась, такъ какъ опять-таки желѣзная дорога позаботилась заблаговременно относительно состава легислатуры, имѣвшей назначить членовъ этой коммиссіи, и она сразу оказалась не чѣмъ инымъ, какъ послушнымъ орудіемъ въ рукахъ президента дороги, знаменитаго С. П. Хюнтингтона.

По цензу 1890 года, штаты и территоріи района четырехъ сѣверо-американскихъ трансконтинентальныхъ дорогъ представляли территорію въ 1.142.101 кв. англ. милю, съ 2.798.134 жителями. Эта территорія обнимаетъ собою всѣ штаты тихо-океанскаго побережья, всю центральную полосу и штатъ Сѣверную Дакоту—всего 10 штатовъ и территорій. Словомъ, весь дальній западъ и сѣверо-западъ союза. Для удовлетворенія нуждъ этого крайне незначительнаго, по европейскимъ понятіямъ, народонаселенія, разбросаннаго на такомъ огромномъ пространствѣ, были выстроены и эксплуатируются, съ сравнительнымъ успѣхомъ, 16.611 миль желѣзныхъ дорогъ. Принимая въ соображеніе характеръ страны, крайне неблаго-

пріятный какъ для постройки, такъ и для эксплуатаціи желѣзныхъ путей, я буду, вѣроятно, весьма близокъ къ истинѣ, если предположу, что стоимость постройки и экипировки должна была обойтись не менѣе сорока тысячъ долларовъ на милю; американскіе спеціалисты высчитываютъ, что на западѣ отъ рѣки Миссисипи, въ среднемъ, всѣ желѣзныя дороги стоили около этой суммы. Такимъ образомъ, получимъ громадную сумму въ $ 664.440.000, издержанную на устройство желѣзнодорожныхъ путей сообщенія, для 2.798.134, жителей, или $ 237 на каждаго мужчину, женщину и ребенка. Читатель можетъ самъ придти къ заключенію, и безъ моей помощи, относительно оцѣнки производительности страны и энергіи ея жителей, потребовавшихъ такихъ затратъ и дѣлающихъ возможною ихъ успѣшную и даже выгодную эксплуатацію. Если восточные штаты своими туристами и помогаютъ этому до извѣстной степени, то, съ другой стороны, слѣдуетъ принять въ соображеніе, что торговля и промышленность района пользуются также Тихимъ океаномъ, какъ средствомъ къ сообщенію какъ между собою, такъ и съ остальнымъ міромъ, такъ что, вѣроятно, эти два фактора уравновѣшиваютъ одинъ другого, и можно, безъ большихъ ошибокъ, разсчитывать, что желѣзныя дороги поддерживаются мѣстнымъ населеніемъ. Мало того, населеніе это самымъ энергичнымъ образомъ утверждаетъ, что настоящихъ путей сообщенія для него недостаточно, что развитіе его задерживается самымъ чувствительнымъ образомъ отсутствіемъ болѣе дешевыхъ путей сообщенія съ востокомъ союза и Европой, и всячески старается о скорѣйшемъ окончаніи Никарагвскаго канала, этого гигантскаго предпріятія, смѣнившаго остановившуюся работу и совершенно раззорившуюся французскую компанію Лессепса по постройкѣ Панамскаго канала.

IX

Я нахожу не лишнимъ дать подробное описаніе Никарагвскаго канала; хотя онъ и строится внѣ территоріи союза, но является предпріятіемъ чисто американскимъ, и осуществленіе его несомнѣнно повліяетъ не только на положеніе торговли и промышленности союза, но и на относительное положеніе всемірныхъ торговыхъ рынковъ. Я лично знакомъ съ президентомъ никарагвской компаніи, бывшимъ сенаторомъ Соединенныхъ Штатовъ отъ штата Нью-Іорка, Варкеромъ Миллеромъ; одинъ изъ инженеровъ канала работалъ со мною

во Флоридѣ нѣсколько лѣтъ, и я могу безусловно поручиться за точность сообщаемыхъ мною свѣдѣній, хотя лично я и не былъ никогда въ Никарагвѣ.

Приведенное выше, хотя и краткое, описаніе трансконтинентальныхъ желѣзнодорожныхъ линій, указывая на неизбѣжную дороговизну ихъ эксплуатаціи и поддержки, даетъ нѣкоторое понятіе о высотѣ фрахтовъ, во многихъ случаяхъ совершенно запретительныхъ. Необходимъ болѣе дешевый способъ перевозки, а океанъ всегда и вездѣ является наилучшимъ способомъ. Знаменитый инженеръ В. Ж. Макъ Альпинъ (Mac Alpine), неоспоримый авторитетъ по этому предмету, высчитываетъ, что отношеніе стоимости перевозки миле-тонны морскимъ путемъ, при длинныхъ переѣздахъ, къ стоимости перевозки по желѣзнымъ дорогамъ равняется въ среднемъ отношеніи 1 къ 10; на дорогахъ, съ благопріятными условіями, оно падаетъ до отношенія 1 къ 8; съ неблагопріятными—поднимается до отношенія 1 къ 15. Съ тѣми усовершенствованіями, которыя, въ теченіи послѣднихъ десяти лѣтъ, были сдѣланы въ паровыхъ машинахъ и вообще въ конструкціи океанскихъ пароходовъ, отношенія эти все болѣе и болѣе измѣняются въ пользу морского пути. Такъ, новый товарный пароходъ „Куфикъ“ (Cufic) перевозитъ 6.100 тоннъ, черезъ Атлантическій океанъ, въ $11^1/_2$ дней, потребляя всего 33 тонны угля въ день; а „Номадикъ“ (Nomadic), съ емкостью въ 6.800 тоннъ, и того меньше. Пароходы эти могутъ конкурировать съ успѣхомъ не только съ такими желѣзными дорогами, какъ американскія трансконтинентальныя, но и съ парусными судами, и, особенно при короткихъ переѣздахъ, вытѣсняютъ эти послѣднія совершенно. Для уясненія сокращенія морскихъ путей съ прорытіемъ Никарагвскаго канала приведу слѣдующую таблицу:

	Черезъ мысъ Горнъ.	Ч. Никарагвскій каналъ.	Сокращеніе:
	Морскихъ миль.		
Нью-Іоркъ до Санъ-Франциско	14.840	4.946	9.894
» » Вальпарайзо, Чили . . .	9.750	4.688	5.062
» » Каллао, Перу	10.689	3.701	6.988
» » Гонгъ-Конгъ, Китай . . .	18.180	11.038	7.152
» » Мельбурнъ, Австралія . .	13 502	10.000	3.502
Новый - Орлеанъ до Санъ-Франциско . . .	15.052	4.047	11.105
» » Вальпарайзо	9.962	3.987	5.975
» » Каллао	10.901	2.988	7.913
Ливерпуль до Санъ-Франциско	14.690	7.694	6.996
» » Каллао	10.539	6.449	4.090
» » Іокагамы, Японія	17.529	12.111	5.418
Гамбургъ до Мазатланъ, Мексико	13.931	6.880	7.051

Какъ читатель можетъ усмотрѣть изъ этой таблицы, разстоянія уменьшатся во многихъ случаяхъ больше, чѣмъ на половину, и многіе громоздкіе и дешевые предметы торговли, до сихъ поръ совершенно пропадающіе за невозможностью ихъ перевозки, вслѣдствіе дороговизны, пріобрѣтутъ торговую цѣнность; есть всякое основаніе предполагать, что установившіяся въ настоящее время на всемірномъ рынкѣ цѣны на подобные предметы должны будутъ совершенно измѣниться, какъ только каналъ будетъ открытъ. Кромѣ того, каналъ этотъ будетъ имѣть великую важность въ военномъ отношеніи, особенно для Соединенныхъ Штатовъ. „Дядя" самъ шибко побаивается Джонъ-Буля; они конкурируютъ во всѣхъ концахъ міра, постоянно сталкиваются и спорятъ, а въ случаѣ разрыва, который, по мнѣнію всѣхъ выдающихся государственныхъ людей Америки, можетъ случиться, по самому ничтожному поводу, во всякій моментъ, Англія въ нѣсколько дней сосредоточитъ свою тихо-океанскую броненосную эскадру, всегда чрезвычайно сильную, на тихо-океанскомъ побережьѣ союза, прежде чѣмъ этотъ послѣдній будетъ въ состояніи сдѣлать что-либо для защиты его портовъ. Джонъ-Буль не зѣвалъ за послѣднее время—онъ имѣетъ и свою собственную трансконтинентальную линію, и громадный морской арсеналъ въ Ванкуверѣ, и всегда держитъ на-готовѣ, на разныхъ станціяхъ Тихаго океана, сильный и многочисленный флотъ. Поэтому-то Блэнъ и называетъ Никарагвскій каналъ ни чѣмъ инымъ, какъ продолженіемъ береговой линіи Соединенныхъ Штатовъ; поэтому-то союзъ такъ и остался глухъ и нѣмъ ко всѣмъ призывамъ Лессепса и компаніи Панамскаго канала, даже, по всей вѣроятности, всячески, хотя и тайно, мѣшалъ этому предпріятію: вѣдь оно принадлежало Франціи, а страна эта, по его окончаніи, конечно, не преминула бы создать изъ него второй Гибралтаръ. Въ настоящее время нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что Никарагвскій каналъ будетъ и останется предпріятіемъ чисто американскимъ,—если, благодаря, съ одной стороны, могучей оппозиціи трансконтинентальныхъ желѣзныхъ дорогъ, а съ другой, постоянной борьбѣ политическихъ партій, боящихся высказаться открыто, по поводу федеральной помощи каналу, наканунѣ президентской компаніи. конгрессъ и не принялъ еще до сихъ поръ никакихъ рѣшительныхъ мѣръ, въ формѣ или субсидіи, или гарантіи облигацій никарагвской компаніи, — тѣмъ не менѣе, несомнѣненъ тотъ фактъ, что европейскія державы никогда и ни въ какомъ случаѣ не завладѣютъ предпріятіемъ. Общественное мнѣніе этого не допуститъ;

допущеніе Панамскаго канала до того пункта, до котораго онъ дошелъ въ то время, когда на немъ прекратились работы, признается открыто колоссальной ошибкой, и мнѣ сдается, что паденіе Лессепса было значительно ускорено давленіемъ этого американскаго общественнаго мнѣнія. Американская дипломатія вообще очень искусна; мексиканская экспедиція, Панамскій каналъ, бразильская республика, чилійская междоусобная война, кубанскія возстанія, распри другихъ вестъ-индскихъ острововъ — все это носитъ на себѣ неизгладимые слѣды работы этой дипломатіи. Она зорко и ревниво сторожитъ весь американскій континентъ — и, не вмѣшиваясь ни подъ какимъ предлогомъ въ европейскія столкновенія, въ то же время коротко и энергично заявляетъ всему міру: „hands off!“ — какъ только дѣло касается чисто американскихъ интересовъ.

Какъ извѣстно, Скалистыя горы идутъ по всему западному берегу американскаго континента, отъ Аляски до мыса Горна; на всемъ этомъ протяженіи онѣ очень высоки, исключая нѣсколькихъ проходовъ на Панамскомъ перешейкѣ. Первымъ съ сѣвера и самымъ низкимъ, 153 фута надъ уровнемъ моря, является проходъ, по которому идетъ Никарагвскій каналъ; на его пути лежатъ два большія озера, Никарагва и Манагва, 110 футовъ надъ уровнемъ моря, изъ которыхъ текутъ рѣки въ обѣ стороны: одна — въ Атлантическій, другая — въ Тихій океаны. Слѣдующій проходъ — Панамскій, съ вершиной въ 295 футовъ надъ уровнемъ моря, затѣмъ Санъ-Блазъ въ 1.145 ф. и всего въ 30 миль ширины, Тегуантепекъ въ 755, Каледонія-Тирайасъ въ 800, Атрато-Напина въ 778, Атрато-Тюйра въ 800 и Атрато Трюандо въ 950 футовъ вышины. Всѣ эти послѣдніе, по своей, сравнительно, значительной вышинѣ, само собой разумѣется, не особенно пригодны для корабельнаго канала; Панамскій переходъ занятъ развалинами канала Лессепса, и потому Никарагвскій оставался единственнымъ открытымъ путемъ для американской предпріимчивости.

Еще въ 1550 году испанскій изслѣдователь Антоніо Гальвао указалъ на удобства Никарагвскаго прохода для между-океанскаго пути. Начиная съ 1825 года, предметъ этотъ неоднократно представлялся съ разныхъ сторонъ правительствамъ Соединенныхъ Штатовъ и Никарагвы. Въ 1844 г. донъ Франциско Кастеллонъ, гражданинъ Никарагвы, посѣтилъ Францію и обратилъ вниманіе принца Людовика-Наполеона, впослѣдствіи императора французовъ, на этотъ проектъ; тотъ написалъ и издалъ брошюру по поводу канала, но ни-

чего положительнаго не вышло изъ этой попытки. Въ 1849 г. Корнеліусъ Вандербильтъ и Комп. достали отъ никарагвскаго правительства концессію на постройку корабельнаго канала, и полковникъ Чайльдсъ, филадельфійскій инженеръ, произвелъ первое мѣстное изслѣдованіе и составилъ для нихъ проектъ канала, который былъ признанъ удобоисполнимымъ правительственными инженерами Соединенныхъ Штатовъ. Но компанія предпочла заняться перевозкой калифорнійскихъ эмигрантовъ, которые оказались синицей въ рукахъ; журавля же въ небѣ—концессію на каналъ—она оставила въ сторонѣ, и концессія была отъ нихъ отобрана. Съ 1852 года начался цѣлый рядъ инженерныхъ изслѣдованій, покрывшихъ весь перешеекъ,—изслѣдованій, предпринятыхъ, частію, частными лицами, но преимущественно правительствомъ Соединенныхъ Штатовъ. Изслѣдованія эти были завершены въ 1872 и 1873 годахъ особой коммиссіей, подъ главнымъ начальствомъ командора союзнаго флота Лулля (Lull) съ А.-Ж. Менокалемъ, какъ главнымъ инженеромъ. Эта коммиссія занялась преимущественно Панамскимъ и Никарагвскимъ проходами, и результатомъ ея работы былъ подробный и обстоятельный докладъ, отдававшій рѣшительное преимущество никарагвскому пути, со шлюзами и озерами, какъ вершиннымъ уровнемъ. Докладъ призналъ возможность и Панамскаго канала, подъ условіемъ шлюзовой системы, но съ большими расходами и съ вершиннымъ уровнемъ на 14 футовъ выше Никарагвскаго, и доказалъ безусловную невозможность канала съ морскимъ уровнемъ, именно то, что̀ впослѣдствіи предприняли французы.

Въ 1879 году Лессепсъ созвалъ интернаціональный канальный конгрессъ въ Парижѣ, будто бы съ цѣлью совѣщанія по предмету выбора пути. Правительство Соединенныхъ Штатовъ назначило своими делегатами контръ-адмирала флота Даніэля Аммена и вышеупомянутаго инженера А.-Ж. Менокаля. Такъ какъ, въ теченіи преній, выяснилось, что конгрессъ вполнѣ контролируется лицами, уже получившими концессію на сооруженіе Панамскаго канала, и которымъ свободное и безпристрастное обсужденіе предмета было крайне нежелательнымъ, делегаты союза уклонились отъ голосованія. Впослѣдствіи выяснилось, что французскій синдикатъ, съ Лессепсомъ во главѣ, не успѣвъ получить концессіи отъ никарагвскаго правительства (вѣроятно вслѣдствіе тайнаго соглашенія этого послѣдняго съ американскимъ правительствомъ), пріобрѣлъ концессію Вайра отъ колумбійскаго правительства на постройку Панамскаго канала. Успѣй

Лессепсъ въ первомъ—онъ, можетъ быть, и докончилъ бы свое предпріятіе, такъ какъ одной трети тѣхъ денегъ, которыя онъ израсходовалъ на Панамскій каналъ, было бы вполнѣ достаточно для того, чтобы совершенно окончить Никарагвскій. Весьма многіе, и въ особенности раззоренные имъ его соотечественники, обвиняютъ его въ нечестности, но я думаю, что это обвиненіе неосновательно и несправедливо. Онъ построилъ каналъ съ морскимъ уровнемъ въ Суэцѣ, встрѣтивъ только политическія препятсвія, и потому полагалъ, что можетъ сдѣлать то же самое и въ Панамѣ, при совершенно другихъ условіяхъ относительно количества ежегодно выпадающаго дохода, стока водъ и топографіи страны вообще. Онъ былъ самолюбивъ и тщеславенъ. Его инженеры, уничтоживъ естественныя водохранилища на вершинахъ восточнаго склона, сдѣлали шлюзовую систему невозможною, прежде чѣмъ должны были признать неисполнимою систему канала съ морскимъ уровнемъ, надъ которымъ они проработали пять лѣтъ и на который убили свыше трехсотъ милліоновъ долларовъ. Легкость, съ которой Лессепсъ доставалъ деньги, казалась волшебною всему финансовому міру. Онъ обладалъ полнымъ довѣріемъ среднихъ классовъ французскаго народа, которые, безъ всякихъ колебаній, ввѣряли ему свои сбереженія. „Онъ успѣлъ въ Суэцѣ, онъ успѣетъ и въ Панамѣ"; таковъ былъ приговоръ этихъ несчастныхъ, большинство которыхъ потеряли безвозвратно все, чтò имѣли.

Въ 1880 году было образовано въ Нью-Іоркѣ общество между-океанскаго канала, съ генералами Грантомъ и Макъ-Клемаяомъ и адмираломъ Амменомъ во главѣ. Покойный Грантъ, говорятъ, былъ обстоятельно знакомъ со всѣми деталями обоихъ предпріятій; извѣстно, что онъ не разъ публично высказывалъ то мнѣніе, что Панамскій каналъ съ морскимъ уровнемъ немыслимъ, и что панамскіе акціонеры потеряютъ свои гроши. Въ маѣ мѣсяцѣ того же года общество это достало концессію отъ никарагвскаго правительства, и въ декабрѣ 1881 года былъ внесенъ въ сенатъ Соединенныхъ Штатовъ билль о сооруженіи Никарагвскаго канала, подъ контролемъ союзнаго правительства. Несмотря на жестокую оппозицію приверженцевъ и агентовъ Панамскаго канала, находившагося тогда въ апогеѣ своей славы, трансконтинентальныхъ желѣзныхъ дорогъ, и, главное, знаменитаго капитана Идса (Eads), представившаго въ конгрессъ и защищавшаго свой проектъ между-океанской корабельной желѣзной дороги,—билль былъ принятъ сенатомъ, но не могъ добыть необходимыхъ двухъ третей голосовъ въ палатѣ представите-

лей, хотя и получилъ въ ней значительное большинство, и, такимъ образомъ, былъ безвозвратно убитъ. Между тѣмъ, администрація президента Артюра вела секретные переговоры съ никарагвскимъ правительствомъ о постройкѣ канала на правительственный счетъ, съ обоюдными правами на управленіе каналомъ и на укрѣпленіе его исходныхъ пунктовъ. Этотъ трактатъ былъ ратификованъ сенатомъ Никарагвы, и былъ бы несомнѣнно ратификованъ и сенатомъ Соединенныхъ Штатовъ, когда занявшій, между тѣмъ, президентское кресло союза Кливелэндъ поспѣшно отозвалъ его изъ сената, подъ предлогомъ опасенія интернаціональныхъ столкновеній, которыя будто бы были вызваны его осуществленіемъ; республиканцы утверждаютъ, что бездарность его статсъ-секретаря и премьера Баярда и демократическая трусость вообще были единственными причинами того. Друзья предпріятія, однакоже, не потеряли вѣры въ него; потребность въ каналѣ увеличивается съ теченіемъ времени, а возможность и сравнительная легкость его сооруженія были неоднократно доказаны какъ вышеупомянутыми изслѣдованіями, такъ и позднѣйшими дополнительными, произведенными тѣмъ же Меноколемъ въ 1876 и 1877 и 1884 и 1885 годахъ, опять-таки по порученію и на счетъ федеральнаго правительства.

Въ 1886 году была организована ассоціація Никарагвскаго канала; другая концессія была получена ею отъ правительствъ Никарагвы и Коста-Рики, и опять начались подробныя изслѣдованія, съ цѣлью найти наилучшій путь и, по возможности, больше воспользоваться мѣстными удобствами; затѣмъ были заключены контракты на постройку канала со всѣми необходимыми сооруженіями, и по настоящее время свыше пяти милліоновъ долларовъ издержано на производство работъ. Въ январѣ 1888 года былъ внесенъ въ конгрессъ билль объ инкорпораціи морской никарагвской канальной компаніи. Билль этотъ не даетъ компаніи никакихъ преимуществъ или гарантій, а только—моральную поддержку правительства Соединенныхъ Штатовъ, и былъ принятъ обѣими палатами, безъ всякой оппозиціи. Наконецъ, 10-го января 1891 г., сенаторъ Шерманъ внесъ въ союзный сенатъ билль, уполномочивающій правительство гарантировать четыре процента на сто милліоновъ долларовъ облигацій канала, имѣющихъ быть выпущенными, по мѣрѣ издержекъ, на сооруженіе, и по свидѣтельствамъ пяти правительственныхъ инженеровъ, назначенныхъ президентомъ союза; компанія же обязывается оставить въ залогъ у министерства финансовъ семь-де-

сятыхъ всего акціонернаго капитала, каковую часть правительство имѣетъ право купить, по заранѣе опредѣленной цѣнѣ, въ теченіи всего времени, пока вышеупомянутыя облигаціи не будутъ сполна погашены, а до тѣхъ поръ правительству предоставляется право вотировать эти акціи на собраніяхъ общества и назначать шесть директоровъ, или безусловное большинство, въ совѣтъ собранія. Билль этотъ былъ внесенъ въ сенатъ не по представленіямъ компаніи, но зародился въ самомъ сенатѣ; тѣмъ не менѣе, вслѣдствіе различныхъ соображеній, онъ былъ отозванъ и опять внесенъ въ настоящій уже конгрессъ, съ настоятельной рекомендаціей президента Гаррисона, изложенной въ его посланіи конгрессу въ началѣ декабрьской сессіи 1891 года.

Еще со временъ Филибустера Вокера (Walker), въ 1856 году, республика Никарагвы наслаждается миромъ и хорошимъ правительствомъ. У нея нѣтъ долга, а ежегодный излишекъ въ доходахъ употребляется на постройку желѣзныхъ дорогъ, принадлежащихъ государству и оперируемыхъ только для покрытія расходовъ, по ихъ эксплуатаціи. Страна раздѣлена на девять департаментовъ, управляемыхъ префектами; во всемъ остальномъ форма правленія похожа на американскую. Настоящій президентъ, докторъ Роберто Саказа, пользуется общимъ уваженіемъ и считается мудрымъ и патріотическимъ правителемъ. Значительнѣйшими городами являются Леонъ, съ 35.000 жителей, Гранада—съ 15.000, Чинандаго—съ 12.000, Манагва, столица республики, съ 10.000, и Марайя—съ 18.000. Дороги въ странѣ плохи, и транспортъ товаровъ дорогъ и медленъ. Большинство населеній расположено на западномъ берегу; на восточномъ или Атлантическомъ разведеніе банановъ и кокосовыхъ орѣховъ ведется съ большимъ успѣхомъ, и для перевозки ихъ существуетъ недѣльное правильное пароходное сообщеніе между такъ называемымъ Москито-берегомъ и Новымъ-Орлеаномъ. Восточный берегъ низменъ, покрытъ дремучими лѣсами, и ежегодное выпаденіе дождя на немъ очень велико. Между Атлантическимъ берегомъ и озеромъ Никарагва находятся богатые минеральные округа, съ разработываемыми золотыми и серебряными рудниками; акціи двухъ изъ нихъ котируются на лондонской биржѣ. Западная часть республики занимается преимущественно скотоводствомъ.

Никарагвскій корабельный путь нельзя собственно назвать каналомъ; это—цѣлая судоходная система; разстояніе отъ Санъ-Жуанъ-дель-Норте, Атлантическаго терминуса, до Брито, тихо-океан-

скаго, равняется $169^1/_2$ милямъ, и изъ этого числа навигація на разстояніи $142^2/_3$ миль будетъ производиться по озеру, рѣкамъ и бассейнамъ, и только $26^3/_4$ миль — по искусственнымъ каналамъ. Весь путь раздѣляется на четыре дивизіи: восточную, Санъ-Франциско, озерно-рѣчную и западную. Первая изъ нихъ, длиной въ $18^7/_8$ миль, заключаетъ въ себѣ шлюзы восточнаго склона, простирается отъ Санъ-Жуана-дель-Норте до бассейна Санъ-Франциско, и отъ океана до шлюза № 1 вода будетъ держаться на морскомъ уровнѣ, съ шириной дна 120 футъ, поверхности въ 280 ф. и съ наименьшей глубиной въ 28 футъ. Площадь поперечнаго сѣченія равняется 5.712 квадратнымъ футамъ, тогда какъ Суэцкій каналъ имѣетъ только 3.700. Эта часть, въ сущности, будетъ продолженіемъ гавани; грунтъ вездѣ наносный, и выемка уже производится черпальными машинами Славена. Шлюзъ № 1 — съ подъемомъ въ 31 футъ и, какъ и всѣ остальные, въ 650 футовъ длины и 80 футовъ ширины — размѣры совершенно достаточные для одновременнаго пропуска двухъ судовъ, въ 2.500 тоннъ каждое. Дно этого шлюза состоитъ изъ твердой глины; онъ, какъ и всѣ остальные, будетъ построенъ изъ желѣза и конкрета. Шлюзъ № 2 отстоитъ на $1^1/_4$ мили отъ № 1. Между ними теперь течетъ небольшая рѣчка Дезеадо. Плотина, соединенная со шлюзомъ № 1, подниметъ воду на 20 футовъ выше дна долины, и по этому-то бассейну будетъ проходить каналъ, только частію въ выемкѣ, до шлюза № 2, съ подъемомъ въ 30 футовъ и съ гранитнымъ дномъ; такимъ образомъ, уровень канала будетъ поднятъ на 61 футъ выше уровня моря. Шлюзъ № 3, съ подъемомъ 45 футовъ, находится на разстояніи $12^3/_4$ миль отъ Атлантическаго терминуса и почти двухъ миль отъ шлюза № 2. И между шлюзами №№ 2 и 3, и надъ шлюзомъ № 3 рѣчку Дезеадо предполагается обнести каменными берегами, образовавъ искусственные бассейны; надъ шлюзомъ № 3 стѣны эти, на протяженіи $1^1/_3$ мили, будутъ, въ среднемъ, около 21 фута вышины, а искусственная выемка понадобится, въ общемъ, только на протяженіи $^1/_3$ мили, и, посредствомъ этой работы, получится искусственное озеро слишкомъ въ 3 мили длины и отъ 30 до 70 футовъ глубины. Уровень этого бассейна будетъ 106 футовъ выше уровня моря. Такимъ образомъ, непосредственно надъ каждымъ шлюзомъ будетъ находиться обширный водный бассейнъ, который будетъ въ состояніи доставлять необходимое количество воды, безъ ущерба для уровня канала.

Въ трехъ миляхъ отъ шлюза № 3 начинается выемка восточнаго

водораздѣла. Отрогъ Кордильеровъ въ 2,09 мили ширины составляетъ этотъ водораздѣлъ и потребуетъ выемки, въ среднемъ, въ 141 футъ глубины до дна канала. Матеріалъ въ этой выемкѣ, по большей части, твердый гранитъ, допускающій минимальную глубину и отвѣсные склоны. Гранитъ этотъ будетъ употребленъ на постройку плотинъ, мола на Атлантическомъ терминусѣ и на облицовку канала въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ грунтъ мягокъ и требуетъ такой облицовки. По обѣимъ сторонамъ выемки находятся значительныя водяныя силы, снабженныя горными потоками, которые предполагается утилизировать, для приведенія въ движеніе выемочныхъ машинъ и для освѣщенія работъ. Время, необходимое для окончанія этой выемки, и служитъ мѣриломъ времени, необходимаго для окончанія канала, такъ какъ во всѣхъ остальныхъ мѣстахъ работу можно производить одновременно. Подрядчики гарантируютъ окончаніе этой выемки въ четыре года.

Дивизія Санъ-Франциско начинается отъ гребня этого водораздѣла и кончается плотиной Очоа (Ochoa), разстояніе $12^1/_2$ миль. Вблизи гребня водораздѣла, какъ разъ на пути канала, берутъ свое начало двѣ рѣчки, Дезеадо и Лимпіо, текущія въ противоположныхъ направленіяхъ. Посредствомъ утилизаціи ихъ руселъ, работа ихъ соединенія значительно упрощается и удешевляется. На протяженіи $^3/_4$ мили отъ гребня, русло р. Лимпіо будетъ углублено, въ среднемъ, на 16 футовъ, для того, чтобы достичь глубины, необходимой для дна канала. Плотина Очоа, въ 1.900 футовъ длины и въ 70 футовъ максимальной вышины, подниметъ уровень рѣки Санъ-Жуана на четыре фута ниже уровня озера Никарагва. Между гребнемъ водораздѣла и плотиной Очоа, на протяженіи, въ общемъ, около трехъ миль, и съ максимальной вышиной въ 60 футовъ, необходимы будутъ искусственные берега или насыпи, такъ какъ мѣстность не вездѣ поднимается до необходимаго уровня. Изъ всей дивизіи Санъ-Франциско $8^2/_3$ миль будетъ въ этихъ искусственныхъ бассейнахъ, образованныхъ затопленными долинами, значительной глубиной и шириной, и только $2^1/_2$ мили частію и $1^1/_4$ мили совершенно — въ искусственной выемкѣ.

Озерно-рѣчная дивизія начинается плотиной Очоа, которая поднимаетъ воды рѣки Санъ-Жуана на 106 футовъ надъ поверхностью океана, въ уровень съ бассейномъ надъ шлюзомъ № 3. Уровень озера Никарагва на 110 футовъ выше уровня моря, и разница въ 4 фута, между уровнями плотины и озера, дастъ склонъ

въ $^3/_4$ дюйма на милю, на протяженіи 64 миль навигаціи по рѣкѣ, для свободнаго стока водъ озера и рѣки, составляющихъ около 20.000 кубическихъ футовъ воды въ секунду, и допускающій быстроту теченія около $^3/_4$ мили въ часъ. Эта плотина доставитъ свободную навигацію по всей рѣкѣ до озера, съ проходомъ около тысячи футовъ въ ширину, исключая 28 миль выше пороговъ Торо, и съ глубиной отъ 28 до 130 футовъ. Очистка русла рѣки на среднюю глубину въ $4^1/_2$ фута будетъ необходима на протяженіи 28 миль выше пороговъ Торо; съ этой очисткой каналъ будетъ имѣть не менѣе 125 футовъ ширины на днѣ, и отъ 500 до 1.500 футовъ ширины на поверхности. Въ трехъ мѣстахъ будетъ необходимо выпрямленіе русла, такъ какъ настоящіе изгибы рѣки слишкомъ круты для удобнаго прохода большихъ судовъ.

Для полученія судоходнаго канала въ 30 футовъ глубины, необходимо будетъ очищеніе дна озера Никарагва на протяженіи первыхъ 14 миль отъ восточнаго берега, на среднюю глубину въ 10 футовъ, въ мягкомъ илистомъ грунтѣ. Озеро это имѣетъ овальную форму, 110 миль въ длину и 45 въ ширину, съ средней глубиной отъ 130 до 150 футовъ по срединѣ [1]). Отъ форта Санъ-Карлоса, при истокѣ рѣки Санъ-Жуана изъ озера, до устьевъ рѣчки Лажаса, гдѣ каналъ оставляетъ озеро на своемъ пути къ Тихому океану, разстояніе по озеру равняется $56^1/_2$ милямъ. Западный берегъ озера состоитъ изъ горныхъ породъ, и вода мелка на 1.400 футовъ отъ устья канала; необходимо будетъ углубленіе русла на этомъ протяженіи и на этой сторонѣ.

Западная дивизія начинается истокомъ канала изъ озера и идетъ до Тихаго океана,—разстояніе 17,04 мили. Изъ этого числа $11^1/_2$ миль будутъ состоять изъ искусственной выемки, а $5^1/_2$—будутъ находиться въ бассейнѣ Тола (Tola). Искусственная выемка, имѣющая соединить озеро съ этимъ бассейномъ, имѣетъ 9 миль длины, и самая глубокая ея часть, пересѣкающая гребень водораздѣла между озеромъ и Тихимъ оксаномъ, потребуетъ выемки въ 43 фута отъ поверхности канала, находясь на 153 фута выше уровня океана и давая высшую точку Никарагвскаго прохода. На разстояніи $1^1/_2$ мили отъ озера, дно канала будетъ въ 120, а поверхность въ 210 ф. ширины; затѣмъ, на разстояніи 5 миль, въ самомъ

[1]) Озеро Никарагва и рѣка Санъ-Жуанъ полны морскими акулами, которыя вполнѣ аклиматизировались здѣсь, хотя вода и озера и рѣки совершенно прѣсная.

глубокомъ мѣстѣ выемки, дно будетъ въ 80 футовъ ширины. Выйдя изъ выемки, каналъ послѣдуетъ по руслу рѣчки Ріо-Гранде, съ шириной дна въ 80 и поверхности въ 184 фута. Бассейнъ Тола будетъ въ $5^1/_2$ миль длины, и $4^1/_2$ изъ нихъ не потребуютъ никакой работы, а плотина Ля-Флоръ, въ 1.800 футовъ длины и 70 футовъ вышины, затопитъ 4.000 акровъ луговъ и лѣсовъ. Средняя ширина бассейна будетъ около мили, а глубина—отъ 30 до 70 футовъ. Между бассейномъ Тола и Тихимъ океаномъ будутъ находиться шлюзы № 4 и 5, съ подъемомъ въ $42^1/_2$ фута каждый, и шлюзъ № 6, съ подъемомъ сообразно съ приливомъ и отливомъ океана, и отъ него, на разстояніи $1^1/_4$ мили, уровень канала будетъ на уровнѣ океана, съ шириной дна въ 120 и поверхности въ 288 футовъ, такъ что, въ сущности, онъ будетъ представлять собою продолженіе гавани, которую, впрочемъ, предстоитъ еще создать. Предполагается построить молъ въ 900 футовъ длины съ одной стороны, и въ 825 ф. съ другой, оставя проходъ въ 800 ф. ширины и отвоевавъ, такимъ образомъ, отъ океана около 100 акровъ гавани, которая, въ связи съ частью канала отъ шлюза № 6 до океана, будетъ совершенно достаточной для близкаго будущаго.

Портъ Санъ-Жуанъ-дель-Норте, атлантическій терминусъ канала, былъ прекрасной гаванью 35 лѣтъ тому назадъ, но за послѣднее время значительно обмелѣлъ. Его возстановленіе будетъ стоить около двухъ милліоновъ долларовъ. Молъ въ 3.000 футовъ длины необходимъ для огражденія гавани отъ наносныхъ песковъ съ океана, и каналъ долженъ быть углубленъ, въ среднемъ, на 15 футовъ; 1.100 футовъ мола уже построены, и углубленіе гавани идетъ въ настоящее время. Портъ Санъ-Жуанъ-дель-Норте иногда называется Грэйтоуномъ, но имя это ненавистно мѣстнымъ жителямъ, такъ какъ оно дано было порту англичанами, когда они захватили его и назначили его военнымъ губернаторомъ сэра Джорджа Грея. Англичане принуждены были очистить восточный берегъ Никарагвы послѣ ратификаціи трактата Клэйтонъ-Бульвера съ Соединенными Штатами; нѣкоторые пункты его оспариваются и до сихъ поръ правительствами обѣихъ сторонъ.

Время, потребное для прохода канала отдѣльнымъ судномъ, опредѣляется въ 28 часовъ, и онъ будетъ въ состояніи пропускать 20.440.000 тоннъ въ 24 часа, а удвоивши шлюзы—можетъ удвоить эту работу. Суэцкій каналъ въ 1890 г. пропустилъ 9.000.000

тоннъ и заработалъ 19% дивиденда на свой капиталъ; его акціи стоятъ теперь 500 за 100.

Смѣты стоимости сооруженія Никарагвскаго канала были приготовлены три раза: однажды Менокалемъ, исчислившимъ ихъ въ $ 65.084.176; затѣмъ коммиссіей англійскихъ инженеровъ, превысившихъ смѣту Менокаля на $ 600.000, и, наконецъ, совѣтомъ инженеровъ американскаго правительства, требовавшихъ $ 87.799.570. Всѣ эти смѣты не отчисляли ничего на банкирскія коммиссіи и расходы на проценты на все время производства работъ.

X.

Заканчивая настоящіе очерки, я не могу при этомъ не попытаться дать краткое описаніе тѣхъ особенностей и отличительныхъ чертъ американскаго народа, которыя являются непосредственнымъ результатомъ его учрежденій, законовъ и нравовъ. Проживъ въ разныхъ мѣстностяхъ союза десять лѣтъ, и не празднымъ туристомъ, а добывающимъ свой насущный хлѣбъ рабочимъ, я не опасаюсь впасть въ грубыя ошибки, подобно тому путешественнику, который, выйдя въ Россіи въ морозное утро на улицу, утверждалъ потомъ, что въ этой странѣ всѣ собаки отвязаны, а всѣ палки и камни привязаны къ землѣ; въ то же время многія черты американскаго характера и нравовъ такъ чужды и непонятны русскому человѣку, что съ нѣкоторыми изъ нихъ и самъ я до сихъ поръ не могу вполнѣ освоиться и примириться.

Изъ всѣхъ описаній Америки иностранцами въ русскомъ переводѣ и до настоящаго времени наиболѣе вѣрнымъ и безпристрастнымъ, по моему мнѣнію, остается знаменитая книга Токвиля: „Демократія въ Америкѣ". Несмотря на то, что слишкомъ 50 лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ книга эта была написана; несмотря на то, что великая междоусобная война, со всѣми ея неисчислимыми результатами, разыгралась съ тѣхъ поръ; несмотря на то, что населеніе союза утроилось, и богатство страны удесятерилось — но и до сихъ поръ основныя черты, такъ удачно намѣченныя этимъ неподражаемымъ нравоописателемъ, остаются во всей ихъ неприкосновенности. Его положеніе, что — *хотя запасъ знаній въ Америкѣ и не великъ, но онъ распространенъ равномѣрно между всѣмъ населеніемъ*, — и до сихъ поръ должно бросаться въ глаза всякому наблюдательному европейцу. За исключеніемъ семи или восьми южныхъ штатовъ, —

царства хлопка, — гдѣ и до сихъ поръ солидное образованіе доступно только, сравнительно, состоятельнымъ людямъ, — вся остальная масса американскаго народа, несмотря на разницу положенія и матеріальныхъ условій, находится, относительно, на одномъ уровнѣ умственнаго развитія. Само собой разумѣется, что это не слѣдуетъ понимать въ буквальномъ смыслѣ, и что въ каждомъ городѣ, въ каждой мѣстности существуютъ и очень образованные люди, и невѣжды; но исключенія эти еще рельефнѣе обрисовываютъ главную массу народа, можетъ быть, цѣлыхъ 90 процентовъ всего населенія. Сыновья бѣднаго поденщика-неудачника и богатаго банкира или купца ходятъ въ одну и ту же школу въ теченіи 5, иногда 10 лѣтъ — такъ сказать, ростутъ и развиваются умственно подъ одними и тѣми же вліяніями, въ одной и той же атмосферѣ, какъ бы ни были различны условія ихъ домашней жизни и обстановки. Одинъ, можетъ быть, принужденъ будетъ закончить шестиклассной народной школой; другой пойдетъ въ университетъ, даже поѣдетъ, можетъ быть, на два, на три года въ Европу — но, въ громадномъ большинствѣ случаевъ, ихъ нравственная и умственная жизнь сложится подъ вліяніемъ народной школы, и тотъ духъ равенства и взаимнаго уваженія, съ которымъ они освоятся въ этой школѣ, останется неприкосновеннымъ до смерти. Одинъ сдѣлается купцомъ или мануфактуристомъ, или членомъ свободныхъ профессій съ большимъ доходомъ; другой останется наемнымъ ремесленникомъ, но они будутъ постоянно сталкиваться, будутъ читать тѣ же газеты и журналы, будутъ посѣщать тѣ же общественныя собранія, будутъ принимать участіе въ тѣхъ же публичныхъ митингахъ, будутъ принадлежать къ той же масонской ложѣ, будутъ ходить въ ту же церковь — словомъ, будутъ жить одной и той же умственной жизнью, несмотря на разницу въ матеріальномъ положеніи. Пресса страны играетъ въ этомъ отношеніи огромную роль; газеты и журналы такъ дешевы и такъ распространены, что я не думаю, чтобы во всемъ союзѣ было хоть одно семейство, которое не получало бы одного, а чаще — двухъ и трехъ изданій.

Въ отчетѣ Д. П. Роуэлла и К°, торговой нью-іоркской фирмы, занимающейся исключительно помѣщеніемъ объявленій, показано за 1891 годъ во всемъ союзѣ 19.373 періодическихъ изданія; изъ нихъ еженедѣльныхъ 14.000, ежемѣсячныхъ 2.625 и ежедневныхъ 1.791; остальныя выходятъ дважды и трижды въ недѣлю, въ мѣсяцъ и т. д. Распространеніе нѣкоторыхъ просто изумительно:

такъ, ежемѣсячный журналъ „Century“ издается въ 550.000 экземплярахъ; ежедневный „World“—въ 316.000; еженедѣльный „World“—въ 2.215.787, и въ 1891 году на его печатаніе было употреблено 20.236.741 англ. фунтовъ бумаги. Всѣ эти періодическія изданія, во-первыхъ, сравнительно, очень дешевы; ежемѣсячные журналы, всегда великолѣпно изданные и обыкновенно роскошно иллюстрированные, стоятъ отъ 3-хъ до 4-хъ долларовъ въ годъ; самыя большія ежедневныя газеты—отъ 8-ми до 10-ти; ежедневныя газеты провинціальныхъ городовъ — обыкновенно отъ 4-хъ до 6-ти, а еженедѣльныя—отъ 50-ти центовъ до 2-хъ долларовъ въ годъ; во-вторыхъ, разсылаются онѣ издателями во всѣ концы и закоулки союза и продаются въ розницу во всякой бумажной лавкѣ страны; во всякой табачной лавочкѣ, на всякой станціи — всюду можно купить нумеръ любой газеты или журнала въ розницу, не подписываясь на изданіе. Я читаю регулярно болѣе десятка разныхъ журналовъ, а подписываюсь только на большую нью-іоркскую политическую газету да на мѣстную ежедневную — все остальное всегда покупаю по мѣрѣ выхода, въ розницу—стоитъ то же, что и при подпискѣ. Во всемъ союзѣ, по цензу 1890 года, считалось всего 439 городовъ, съ населеніемъ свыше 8.000; изъ нихъ 50—свыше 50.000 жителей; въ большихъ городахъ издается обыкновенно 3—4, въ Нью-Іоркѣ до 25 ежедневныхъ газетъ, въ городахъ средней величины обыкновенно 2, одна республиканская, другая демократическая, — и хотя у меня и нѣтъ положительныхъ свѣдѣній подъ рукою, но я думаю, что не буду далеко отъ истины, если предположу, что не менѣе 500 ежедневныхъ газетъ издается въ городахъ съ населеніемъ меньше чѣмъ въ 8.000 жителей. Самыя незначительныя ежедневныя газеты даютъ всѣ европейскія и всесвѣтныя телеграммы международной ассоціаціи прессы; само собой разумѣется, что американскія извѣстія печатаются во всей ихъ полнотѣ. Самый незначительный городокъ, самое незначительное мѣстечко, съ двумя-тремя стами жителей, непремѣнно имѣетъ свою еженедѣльную газету, въ которой, на ряду со всѣми выдающимися событіями во всемъ мірѣ, за послѣднюю недѣлю сообщаются всѣ мѣстныя новости, свадьбы, крестины, прибывшіе и отбывшіе и т. д. Само собой разумѣется, что поддерживаются эти газеты не подписной платой, а объявленіями и частными заказами, иногда субсидіями мѣстныхъ воротилъ, и преимущественно поземельныхъ агентовъ. Такая газета въ каждомъ нумерѣ восхваляетъ какія-нибудь мѣстныя

особенности, приманиваетъ всячески новыхъ поселенцевъ, но, въ то же время, ни одно особенно выдающееся событіе въ политическомъ или торговомъ мірѣ, ни одно значительное изобрѣтеніе не ускользнутъ отъ ея вниманія, и потому самый незначительный мѣстный поденщикъ непремѣнно знакомъ съ ними и въ состояніи составить себѣ довольно ясное о нихъ понятіе.

Во время политическихъ компаній, особенно президентскихъ, обѣ главныя партіи издаютъ временныя газеты, разсылаемыя даромъ; эти изданія, хотя обыкновенно самаго яраго партизанскаго характера, все-таки способствуютъ распространенію принциповъ партій и выясняютъ всѣ спорные вопросы настолько, что каждый избиратель имѣетъ полную возможность взвѣсить и обсудить противоположныя „платформы", безъ всякаго расхода для себя, если, конечно, съумѣетъ хладнокровно отнестись къ дѣлу и разобраться осмысленно съ той массой матеріала, которою наводняетъ страну всякая политическая компанія.

Кромѣ того, всякая американская газета вообще, а большія ежедневныя газеты въ особенности, считаютъ своимъ долгомъ вступиться въ каждое почему-либо выдающееся событіе какъ въ общественной, такъ и въ частной жизни мѣстнаго населенія; отъ нихъ ничто не укроется; зачастую газетные репортеры отрываютъ и раскапываютъ всѣ подробности уголовныхъ преступленій; не только публичная, но и семейная жизнь, религіозныя вѣрованія, привычки и т. д. каждаго кандидата на какую-либо публичную должность провѣтриваются ими до невозможности; многія газеты содержатъ цѣлыя арміи сыщиковъ, и каждое пятно, каждый неудачный шагъ публичныхъ дѣятелей неизмѣнно будутъ подхвачены и изслѣдованы до мельчайшихъ подробностей. Само собой разумѣется, что нерѣдко и репортеры, и газеты, такъ сказать, зарываются и позволяютъ себѣ больше, чѣмъ слѣдуетъ; самые разнообразные иски за убытки (libel domage suit) составляютъ довольно обыденное явленіе и служатъ наилучшимъ доказательствомъ того, что газеты постоянно преступаютъ границы. Зато, съ другой стороны, шантажъ здѣсь неизвѣстенъ—и общественное мнѣніе, и суды безжалостно уничтожили бы любую газету, зарвавшуюся въ этомъ направленіи, хотя къ безкорыстному провѣтриванію частной жизни они относятся обыкновенно довольно хладнокровно.

Другимъ могучимъ рычагомъ объединенія и постояннаго общенія массъ американскаго народа служатъ церкви. По послѣднему

цензу, въ союзѣ насчитывается до 97 различныхъ сектъ. Къ сожалѣнію, отчеты этого ценза не вполнѣ опубликованы; свѣдѣнія полны относительно 45.640 церковныхъ организацій, съ 9.400.000 членовъ, владѣющихъ имуществомъ въ $ 233.626.251.000, и не вполнѣ обработаны относительно 127.647 организацій, съ 11.526.556 членами. Церкви эти поддерживаютъ 108.939 воскресныхъ школъ, съ 1.151.340 учителями и 8.649.131 учащимися. Какъ извѣстно, законъ Божій, въ томъ смыслѣ, какъ онъ понимается обыкновенно, совершенно исключенъ изъ всѣхъ народныхъ и высшихъ школъ союза, поддерживаемыхъ на общественныя деньги; каждая церковь, каждая секта имѣетъ свои собственные воскресныя школы и университеты, поддерживаемые на церковныя деньги и не имѣющіе ничего общаго съ народнымъ образованіемъ въ тѣсномъ смыслѣ этого выраженія. Конституція Соединенныхъ Штатовъ, повтореніе которой, съ самыми незначительными измѣненіями, составляютъ также конституціи всѣхъ отдѣльныхъ штатовъ, объявляетъ навсегда полную свободу вѣроисповѣданія; гражданинъ союза имѣетъ право поклоняться кому и чему угодно, разъ его вѣрованія не идутъ въ разрѣзъ съ основными законами союза, какъ, напр., въ случаѣ мормонизма и полигамическихъ ученій. Въ числѣ вышеупомянутыхъ 97 сектъ заключаются 31 съ коммунистическими ученіями, въ томъ числѣ шэкеры, гармоніанцы, сепаратисты, альтруисты и т. д. Каждый годъ приноситъ и уноситъ многія новыя ученія, новыя секты; нѣкоторыя изъ нихъ принимаютъ практическую форму, основываютъ колоніи и общежитія; до сихъ поръ удержались, съ нѣкоторою прочностью, только одни шэкеры, да и число колоній этихъ послѣднихъ уменьшается съ каждымъ годомъ, такъ что въ настоящее время ихъ насчитывается всего 15, тогда какъ въ 1880 году ихъ было свыше 40.

Католики составляютъ немного меньше одной четверти какъ церковныхъ организацій, такъ и членовъ церкви всего союза. Остальныя три четверти распредѣлены между различными протестантскими церквами, съ баптистами и методистами во главѣ. Католики имѣютъ ту же организацію, что и во всемъ остальномъ католическомъ мірѣ; союзъ имѣетъ уже двухъ кардиналовъ и, кажется, вскорѣ получитъ и третьяго. Организація протестантскихъ церквей чрезвычайно разнообразна—только такъ называемые миссіонерскіе приходы имѣютъ священниковъ, по назначенію отъ синодовъ штата и на опредѣленномъ жалованьѣ; во всѣхъ же остальныхъ случаяхъ приходы заключаютъ частныя сдѣлки съ священниками, и въ большихъ городахъ и

богатыхъ приходахъ часто платятъ имъ огромное жалованье—5, 6, 10, даже 25 тысячъ долларовъ (1 долл. = 5 фр. 30 сант.) въ годъ, смотря по тому, насколько популяренъ священникъ и насколько онъ съумѣетъ сдѣлаться необходимымъ для своей паствы. Такъ какъ американскій народъ вообще, а протестантскія секты въ особенности, отличаются крайне широкою вѣротерпимостью, то прихожане вообще и не особенно стѣсняются, какую именно церковь они посѣщаютъ, и церкви дѣлаютъ всевозможныя усилія для того, чтобы привлечь какъ можно болѣе посѣтителей, а потому въ городахъ существуетъ довольно сильная конкуренція въ этомъ отношеніи: заводятъ дорогіе органы, поддерживаютъ прекрасные хоры, часто съ большимъ жалованьемъ профессіональнымъ пѣвчимъ; за послѣднее время завелись хоры мальчиковъ, часто къ 40, даже въ 60 голосовъ. Церкви, такъ сказать, входятъ въ моду и выходятъ изъ моды; наплывъ посѣтителей, а съ нимъ и доходы то поднимаются, то опускаются, и, сообразно съ этимъ наплывомъ, то одна, то другая секта одерживаетъ верхъ въ извѣстной мѣстности. Я долженъ отдать справедливость американскому духовенству вообще—я сталкивался со многими священниками разныхъ сектъ, и огромное большинство ихъ—люди глубоко убѣжденные и вѣрующіе, съ хорошимъ образованіемъ и умѣньемъ не только заинтересовать своихъ слушателей дѣльнымъ отношеніемъ къ религіознымъ вопросамъ, но и подать дѣйствительную помощь бѣднымъ и несчастнымъ ихъ приходовъ. Приходская благотворительность составляетъ живое и крайне полезное дѣло въ Америкѣ; проявляется она въ самыхъ разнообразныхъ формахъ, обыкновенно или въ видѣ обществъ для распространенія полезныхъ знаній, или для распредѣленія вспомоществованій бѣднымъ. Въ связи съ первымъ нельзя не упомянуть объ ассоціаціяхъ христіанскихъ молодыхъ людей (Young men Christian Association) и женщинъ, имѣющихъ общенаціональную и штатныя организаціи, располагающихъ значительными средствами; онѣ дѣлаютъ массу добра своими лекціями, читальнями, гимнастическими залами и, главнымъ образомъ, руководствомъ и нравственнымъ надзоромъ надъ своими членами. Во многихъ приходахъ существуютъ самостоятельныя общества, выбирающія центромъ своей дѣятельности бѣднѣйшія части города, гдѣ они нанимаютъ квартиры, меблируютъ ихъ, или учатъ окрестныхъ дѣвочекъ кройкѣ и шитью, или объясняютъ мальчикамъ разныя прикладныя искусства, или просто согрѣваютъ и кормятъ голодныхъ и холодныхъ. Дѣйствительной работой помощи занимаются обыкно-

венно женщины, подъ руководствомъ приходскихъ священниковъ; деньги собираются съ мужскихъ членовъ церкви: ханжество и тщеславное желаніе блеснуть благотворительностью часто являются наилучшими помощниками дѣла; лица дѣловыхъ кружковъ и свободныхъ профессій, старательно фигурирующія въ церковныхъ дѣлахъ, обыкновенно пользуются неблаговидной дѣловой репутаціей, хотя, конечно, это нисколько не уменьшаетъ важности и полезности дѣла вспомоществованія; надо отдать полную справедливость какъ священникамъ, такъ и женщинамъ церковныхъ благотворительныхъ обществъ, что помощь, ими подаваемая, обыкновенно крайне дѣйствительна и цѣлесообразна.

Масонскія ложи разныхъ наименованій также играютъ немаловажную роль въ общественной жизни Америки. Масоны сохранили всѣ принадлежности и наружныя формы и обряды прошлаго столѣтія; но главною ихъ задачею сдѣлалось вспомоществованіе сочленамъ и страхованіе ихъ жизни и заработковъ. Они владѣютъ громаднымъ недвижимымъ имуществомъ и капиталами; самое дорогое и самое высокое зданіе въ мірѣ, недавно оконченное постройкою въ Чикаго, принадлежитъ масонскому ордену „Чудаковъ“ (Odd Fellows), насчитывающему 672.148 членовъ и израсходовавшему въ 1890 году громадную сумму, въ $ 2.917.688, на вспомоществованіе почему-либо пострадавшимъ сочленамъ. Орденъ свободныхъ каменьщиковъ (Free massons) имѣетъ 673.643 члена, состоитъ въ непосредственной связи съ орденами того же имени въ Англіи и Германіи и признаетъ принца Валлійскаго своимъ великимъ магистромъ. Общее число членовъ масонскихъ ложъ въ Америкѣ достигаетъ 2.835.275, распредѣленныхъ между 28 орденами, изъ которыхъ два вышеупомянутые являются главными какъ по числу членовъ, такъ и по богатству и вліянію.

Литературные, музыкальные, пѣвческіе, читальные, состязательные и т. п. общества и клубы крайне многочисленны и разнообразны. Въ каждомъ мѣстечкѣ, съ самымъ небольшимъ числомъ жителей, непремѣнно имѣются нѣсколько такихъ обществъ; въ густо населенныхъ земледѣльческихъ мѣстностяхъ каждый житель также непремѣнно принадлежитъ къ двумъ-тремъ изъ нихъ. Самымъ главнымъ является общество „Чатауква“ (Chautauqua Literary and Scientific Circle), основанное въ 1878 году, имѣющее около 50 отдѣльныхъ собраній въ разныхъ штатахъ и насчитывающее болѣе полумилліона дѣйствительныхъ членовъ. Его цѣли: распространять

привычку къ чтенію и изученію природы, наукъ и искусствъ, въ связи съ рутиной ежедневной жизни; давать окончившимъ образованіе возможность репетировать когда-то пройденные курсы; дать возможность лицамъ съ ограниченнымъ образованіемъ расширить свой кругозоръ и усвоить ширину взглядовъ на жизнь людей, воспользовавшихся высшимъ образованіемъ. Всѣ эти цѣли предполагается достигать посредствомъ, во-первыхъ, мѣстныхъ кружковъ, а во-вторыхъ, посредствомъ письменныхъ сношеній членовъ съ центральнымъ управленіемъ, считающимъ въ своей средѣ многія свѣтила науки и доставляющимъ книги, производящимъ письменные экзамены, задающимъ письменныя темы и задачи, и т. д. Лѣтъ десять тому назадъ на эту идею набросились какъ на новинку—общество чрезвычайно быстро разрослось и насчитывало нѣсколько милліоновъ дѣйствительныхъ членовъ, но впослѣдствіи весь тотъ матеріалъ, который не имѣлъ серьезныхъ намѣреній, отсталъ мало-по-малу, и общество въ настоящее время, хотя и съ значительно уменьшеннымъ числомъ членовъ, ведетъ настоящую живую работу, несомнѣнно достигающую цѣли; въ прошломъ году ежегодное собраніе членовъ привлекло ихъ свыше 4 тысячъ со всѣхъ концовъ союза, пренія собранія печатались во всѣхъ мало-мальски распространенныхъ періодическихъ изданіяхъ и отличались особеннымъ интересомъ.

Литературные и такъ называемые читальные клубы (reading clubs) обыкновенно выбираютъ какого-нибудь классическаго писателя и изучаютъ его со всѣхъ сторонъ подробно и обстоятельно. Я часто удивлялся той послѣдовательности, той усидчивости, такъ сказать (трудно съ точностью перевести англійское слово: tenacity), съ которой клубы эти занимаются обыкновенно своимъ дѣломъ. Кажется, нѣкоторыя произведенія всѣмъ и каждому извѣстны—и они непремѣнно начнутъ съ начала, подвигаются впередъ медленно, основательно и добросовѣстно разбираютъ и комментируютъ каждую главу, иногда каждую фразу; зато, когда извѣстное произведеніе окончено,—несомнѣнно, что каждый членъ не только вполнѣ понимаетъ всѣ его тонкости, но и можетъ съ успѣхомъ объяснить всякое темное мѣсто, всякую загадочную почему-либо фразу. Состязательныя общества (debating societies) обыкновенно выбираютъ какую-нибудь тему для будущаго засѣданія, иногда чисто-отвлеченную, иногда въ связи съ какимъ-нибудь выдающимся мѣстнымъ событіемъ или вопросомъ, назначаютъ оратора (leading speaker), и затѣмъ, въ слѣдующемъ засѣданіи, по окончаніи его рѣчи, всякій членъ имѣетъ право разбирать вопросъ

со всѣхъ сторонъ и возражать ему. Иногда назначаютъ двухъ ораторовъ, одного—за, другого—противъ, и, въ такомъ случаѣ, только эти два лица и имѣютъ право на слово. Уставы и правила всѣхъ этихъ обществъ ясны и опредѣленны, всѣ условія парламентаризма строго и неуклонно соблюдаются, и лично меня, когда-то имѣвшаго возможность искуситься въ россійскихъ словопреніяхъ, всегда поражало замѣчательное умѣнье владѣть собой при всякихъ обстоятельствахъ, которое всегда проявляется американцами во всѣхъ общественныхъ собраніяхъ. Пренія часто принимаютъ горячій, иногда страстный характеръ, но никогда не слыхалъ я въ нихъ ничего личнаго, никогда не случалось мнѣ видѣть порядокъ и наружныя приличія нарушенными въ какомъ бы то ни было отношеніи. Я считаю эту способность американца—точно, послѣдовательно и толково обсудить самый жгучій вопросъ—одною изъ его самыхъ симпатичныхъ, самыхъ завидныхъ русскому человѣку, особенностей; она дѣлается еще болѣе существенной, если замѣтить, что во всѣхъ этихъ обществахъ принимаютъ дѣйствительное и дѣятельное участіе обыкновенные рабочіе-ремесленники—такъ, въ томъ обществѣ, въ Сѣверной Каролинѣ, членомъ котораго я состоялъ болѣе двухъ лѣтъ, однимъ изъ самыхъ дѣятельныхъ членовъ и говоруновъ былъ рабочій моей фабрики, хорошій мастеръ своего дѣла, получившій весьма незавидное образованіе и писавшій съ значительными орѳографическими ошибками; онъ читалъ очень много и умѣлъ не только относиться толково и осмысленно ко всякому вопросу, но—и говорить о немъ въ публикѣ ясно и убѣдительно.

Не малую роль въ американской общественной жизни играютъ и различные такъ называемые спорты и атлетическія учрежденія всевозможныхъ родовъ. Конскіе бѣга, яхтъ-клубы, охотничьи и рыболовныя общества, стрѣлковые клубы, лоунъ-теннисъ-клубы, крикетъ-клубы, билліардныя и шахматныя общества—да всего и не перечтешь. Каждое мѣстечко, каждый городъ опять-таки непремѣнно имѣютъ нѣсколько такихъ обществъ, смотря по мѣстнымъ условіямъ и сообразно характеру населенія. „Бэзъ-болль (base ball), игра въ мячъ, нѣчто въ родѣ русской лапты, считается національною игрою и обходится ежегодно американскому народу во многіе милліоны долларовъ. Эта игра давно уже возведена въ степень искусства; о разныхъ ея тонкостяхъ написаны цѣлые томы, завелась цѣлая литература предмета, и то въ одномъ, то въ другомъ концѣ союза постоянно засѣдаютъ коммиссіи, разсуждающія о различныхъ деталяхъ, воз-

бужденныхъ тонкостями игры. Всѣ большіе города союза содержатъ профессіональные клубы; хорошіе игроки получаютъ большое жалованье, часто 5, 6, иногда даже 8 тысячъ долларовъ за сезонъ, продолжающійся около пяти мѣсяцевъ. Такъ какъ требуются двѣ стороны, по 9 человѣкъ каждая, то нѣсколько городовъ, обыкновенно 8, иногда 12 или 4, соединяются въ лигу, и клубы переѣзжаютъ изъ одного города въ другой, въ теченіи всего сезона, и сражаются изъ-за „пенанта“ (penant), награды, назначаемой побѣдителямъ. Пенантъ этотъ обыкновенно состоитъ изъ дорогого знамени и цѣнится очень высоко; членамъ побѣдившаго клуба, при возвращеніи въ свой городъ, устроиваются роскошныя встрѣчи и всякія оваціи — и на слѣдующій сезонъ они обыкновенно заламываютъ и получаютъ высокое жалованье. Игры эти обыкновенно устроиваются вечеромъ, когда всѣ свободны и могутъ посѣщать ихъ, безъ ущерба для своихъ постоянныхъ занятій; впрочемъ, бываютъ случаи, когда всѣ дѣловыя конторы, банки, магазины и т. д. закрываются на извѣстное время, только для того, чтобы дать возможность служащимъ присутствовать на этихъ играхъ. Собираются на нихъ огромныя толпы, иногда 10, 12, 15, даже 20 тысячъ человѣкъ; за входъ вездѣ берутъ полдоллара, и такъ какъ каждый день, въ теченіи всего сезона, въ каждомъ значительномъ городѣ непремѣнно происходитъ игра, то читатель и можетъ себѣ самъ представить, какихъ денегъ игра эта стóитъ американскому народу. Всѣ эти профессіональные клубы принадлежатъ мѣстнымъ акціонернымъ обществамъ, общій капиталъ которыхъ по всей странѣ достигаетъ баснословныхъ размѣровъ; всѣ они даютъ хорошіе дивиденды, и многіе пролетаріи сдѣлались милліонерами, благодаря этой игрѣ.

Впечатлительность и отзывчивость американской натуры и ея спекулятивная горячность нигдѣ не высказываются шире и лучше, какъ на этихъ играхъ; на нихъ же всего нагляднѣе обрисовываются и крайняя демократичность, и дѣйствительное равенство всѣхъ. Цѣна на мѣста одинакова для всѣхъ — нѣтъ никакихъ отдѣльныхъ, запретныхъ мѣстъ. Кто пришелъ прежде, тотъ и сидитъ ближе — ни деньги, ни платье, ни общественное положеніе, ничто не принимается въ разсчетъ. Губернаторъ штата или его верховный судья сидитъ рядомъ съ поденщикомъ, и самый изысканный дэнди — рядомъ съ мальчишкой-разносчикомъ газетъ; всѣ принимаютъ самое горячее участіе въ игрѣ и самымъ открытымъ, самымъ безцеремоннымъ образомъ выражаютъ свои симпатіи и свои антипатіи; бывали случаи,

что послѣ особенно удачнаго пріема, когда блестящій ударъ или трудный оборотъ спасали игру, толпа вскакивала со скамеекъ, запруживала арену и съ торжествомъ носила побѣдителей на плечахъ— крики, топотъ и шумъ доходятъ тогда до самыхъ невѣроятныхъ размѣровъ, все перемѣшивается — и, кажется, самые солидные, пожилые люди теряютъ голову. Всякая игра непремѣнно вызываетъ многочисленныя пари, доходящія до значительныхъ суммъ; спекулятивная натура не можетъ пропустить случая побиться объ закладъ, гдѣ бы онъ ни представился. Скачки также всегда привлекаютъ огромныя толпы и вызываютъ многочисленныя и разнообразныя пари. Скаковыя лошади въ Америкѣ доведены до совершенства: въ настоящее время насчитывается въ странѣ болѣе десятка лошадей съ record'омъ англійской мили, ниже чѣмъ въ 2′ 10″—знаменитыя кобылы Модъ S (Maud S) и Сюнолъ (Sunol) понизили этотъ record до 2′ $8^1/_4$″. Лошадей здѣсь начинаютъ наѣзжать съ самаго ранняго возраста; однолѣтки и двулѣтки уже выступаютъ на бѣгахъ и часто за нихъ платятъ бѣшеныя деньги. Въ теченіи прошлаго года были въ газетахъ случаи продажи лошадей за 50, 60, даже 150 тысячъ долларовъ. Извѣстный жеребецъ Акстеллъ (Axtell) былъ оцѣненъ таксаторами штата въ сто тысячъ долларовъ и платитъ налогъ съ этой суммы.

Самое горячее соперничество существуетъ между яхтъ-клубами, какъ парусными, такъ и паровыми. Такихъ клубовъ насчитывается во всемъ союзѣ болѣе 150, съ 20.000 членовъ и 5.000 разныхъ судовъ. Ежегодно устроиваются гонки съ англійскими клубами и судами; строители особенно быстрыхъ судовъ пользуются извѣстной долей знаменитости, и пари, относительно результата гонокъ въ Нью-Іоркѣ или Бостонѣ, заключаются по всему пространству Соединенныхъ Штатовъ, иногда между людьми, никогда не видавшими океана.

Любители всевозможныхъ тѣлесныхъ упражненій составляютъ особые атлетическіе клубы, имя которымъ—легіонъ. Клубы эти устроиваютъ общественныя состязанія всякаго рода—для ходоковъ, для бѣгуновъ, для прыгуновъ вверхъ и въ ширину, и т. д., и т. д. Ведутся подробные протоколы всѣхъ этихъ состязаній: каждый родъ тѣлеснаго упражненія имѣетъ свои правила, свои условія состязаній, и championship, или первенство, въ каждомъ изъ нихъ цѣнится очень высоко. Ѣздоки на велосипедахъ, пловцы, стрѣлки составляютъ опять-таки особые клубы; каждый изъ нихъ, по своей спеціальности, устроиваетъ состязанія, и всѣ они непремѣнно вызываютъ

ту же разнородную толпу, возбуждаютъ тотъ же энтузіазмъ, вызываютъ тѣ же пари и всѣ тѣ проявленія, о которыхъ я говорилъ выше. Въ Нью-Іоркѣ существуетъ даже общество прыгуновъ съ мостовъ, насчитывающее около сотни членовъ; знаменитый висячій мостъ черезъ Истъ-Риверъ, соединяющій Нью-Іоркъ съ Бруклиномъ, и мостъ надъ Ніагарскимъ водопадомъ привлекаютъ ихъ къ себѣ въ особенности; одинъ смѣльчакъ, нѣкто Стивъ Броди, прыгалъ съ висячаго моста уже нѣсколько разъ, всегда благополучно, и признается въ настоящее время champion'омъ прыгуновъ въ союзѣ.

Необыкновенная подвижность американскаго народа и страсть къ перемѣнѣ мѣста жительства, о которыхъ я уже имѣлъ случай упоминать выше въ главѣ о желѣзныхъ дорогахъ, также въ сильной степени способствуетъ какъ распространенію духа общаго равенства, такъ и равномѣрному распредѣленію умственнаго развитія. Десятки тысячъ народа, преимущественно ремесленниковъ, постоянно передвигаются по всему союзу, и въ дорогѣ, вслѣдствіе чрезвычайной сообщительности націи, и на новыхъ мѣстахъ они постоянно сталкиваются съ новыми людьми, съ новыми идеями и съ новыми впечатлѣніями, которыя усвоиваются ими весьма быстро и содѣйствуютъ весьма существенно къ распространенію запаса знаній въ странѣ. Мнѣ много разъ приходилось дивиться разносторонности и познаніямъ моихъ собственныхъ рабочихъ: гдѣ они только не перебывали, чего не дѣлали, въ какихъ положеніяхъ не находились; казалось, не существуетъ ничего на свѣтѣ, о чемъ бы они не слыхали или чего бы они не видали. У меня всегда работало нѣсколько нѣмцевъ и англичанъ—хотя они отличные мастеровые и, можетъ быть, по чистотѣ и тонкости работы, превосходятъ американскихъ мастеровъ, зато уступаютъ имъ несомнѣнно во всѣхъ другихъ отношеніяхъ: тяжелы на подъемъ, крайне консервативны въ пріемахъ работы и всегда чрезвычайно спеціальны; знаетъ онъ извѣстный отдѣлъ, извѣстную спеціальность, не интересуется ничѣмъ инымъ и, въ громадномъ большинствѣ случаевъ,нисколько не совершенствуется: какимъ вышелъ изъ ученья, такимъ и умретъ. Они никогда не принимаютъ прямого участія въ общественныхъ дѣлахъ, живутъ особнякомъ, и въ нихъ-то и заключается секретъ успѣха демократической партіи во всѣхъ большихъ городахъ союза.

Въ дѣлѣ распространенія знаній и возвышенія уровня умственнаго развитія американскихъ рабочихъ могучимъ орудіемъ являются также рабочіе союзы. Первой попыткой организаціи труда была

стачка матросовъ въ городѣ Нью-Іоркѣ въ 1803 году. Съ тѣхъ поръ медленно, но неудержимо совершалось по всему союзу объединеніе ремеслъ и мастерствъ разнаго рода. Сначала различныя общества дѣйствовали самостоятельно и разрозненно, но уже въ 1866 году состоялся первый національный конгрессъ представителей различныхъ организацій труда въ Бальтиморѣ, и съ тѣхъ поръ организаціи эти сплочивались все больше и больше; въ 1869 году было организовано національное общество „Рыцарей труда" (Knights of labor), насчитывающее въ настоящее время свыше 200.000 членовъ, а въ 1886 году образовалась національная американская федерація труда, заключающая въ себѣ 74 отдѣльныхъ союза, съ 675.117 членами. Эти двѣ національныя организаціи представляютъ собою въ настоящее время организованный трудъ Американскаго Союза; вліяніе ихъ сказывается все больше и больше во внутренней жизни страны; до сихъ поръ онѣ уклонялись отъ политики, но близко то время, когда онѣ несомнѣнно будутъ вовлечены въ нее, и теперь уже обѣ политическія партіи страны кокетничаютъ съ ними, хотя и высказываются весьма осторожно въ своихъ публичныхъ „платформахъ", но, въ то же время, секретно ведутъ переговоры съ вожаками рабочаго движенія. Паудерли (T. V. Pawderly), „великій мастеръ-работникъ", или президентъ рыцарей труда, и Гомперсъ (S. Gompers), предсѣдатель федераціи, уже держатъ въ своихъ рукахъ въ настоящее время балансъ силы въ нѣкоторыхъ штатахъ. Многія изъ отдѣльныхъ организацій очень сильны, богаты и вліятельны въ сферѣ ихъ дѣятельности. По прочности организаціи и силѣ дисциплины братство локомотивныхъ инженеровъ стоитъ во главѣ; по числу членовъ и богатству—братство плотниковъ и столяровъ; союзъ каменьщиковъ и союзъ каменотесовъ выдѣляются изъ общей массы и добились наилучшихъ результатовъ. Само собой разумѣется, что число рабочихъ часовъ и задѣльная плата составляютъ главные пункты борьбы труда съ капиталомъ. Борьба эта въ семидесятыхъ и, въ особенности, восьмидесятыхъ годахъ приняла такіе размѣры, столкновенія сдѣлались такъ частыми и серьезными, что федеральное правительство, наконецъ, должно было обратить на нее вниманіе, и уже въ 1884 году было учреждено конгрессомъ „Національное бюро труда", обращенное въ 1886 году въ самостоятельный департаментъ федеральнаго правительства. Многіе отдѣльные штаты также учредили коммиссіонеровъ труда, обязанность которыхъ — слѣдить за этими столкновеніями, стараться предотвращать или умиротворять

ихъ и вообще заниматься рабочимъ вопросомъ теоретически и практически. Отчеты коммиссіонера труда штата Нью-Іорка крайне интересны, какъ по массѣ статистическихъ данныхъ, такъ и по тѣмъ разумнымъ, спокойнымъ совѣтамъ, которые онъ даетъ обѣимъ сторонамъ, какъ результатъ этихъ данныхъ и всесторонняго изученія вопроса. Я не боюсь впасть въ ошибку, если заявлю положительно, что бо̀льшее число столкновеній и упорнѣйшая борьба происходятъ по вопросу о числѣ рабочихъ часовъ, чѣмъ по всѣмъ остальнымъ, взятымъ вмѣстѣ. Вопросъ этотъ принимаетъ все болѣе и болѣе острый характеръ. Рабочіе утверждаютъ, что долгіе рабочіе часы дѣлаютъ изъ нихъ скотовъ, а не разумныя существа, призванныя къ участію въ управленіи огромной и богатой страпой; они говорятъ, что человѣкъ, добросовѣстно проработавшій десять часовъ, не въ состояніи заняться ничѣмъ по окончаніи работы, кромѣ ѣды и спанья; что имъ необходимо каждый день имѣть свободное время для самоусовершенствованія, и притомъ, при условіяхъ сохраненія извѣстнаго запаса силъ, такъ какъ иначе физическое утомленіе беретъ верхъ надъ духомъ. Я не буду повторять возраженій ихъ противниковъ: полагаю, что они — одни и тѣ же повсюду, гдѣ капиталъ и трудъ встрѣчаются какъ противники. Какъ бы то ни было, и конгрессъ Соединенныхъ Штатовъ, и легислатуры многихъ штатовъ уже приняли особыми законами восемь часовъ за максимумъ рабочаго дня, для всѣхъ общественныхъ работъ; во многихъ большихъ городахъ всѣ ремесла, обнимаемыя строительнымъ дѣломъ, работаютъ только 8 часовъ, въ другихъ—9; десятичасовой день, до начала прошлаго десятилѣтія бывшій повсемѣстнымъ по всему союзу, безъ всякихъ исключеній, медленно, но неудержимо уступаетъ мѣсто болѣе короткому и во многихъ другихъ мѣстностяхъ и городахъ, по разнымъ мастерствамъ и ремесламъ. Съ величайшимъ удовольствіемъ я могу констатировать тотъ фактъ, что за послѣднее время арбитрація, при посредствѣ вышеупомянутыхъ коммиссіонеровъ труда, практикуется все болѣе и болѣе во всѣхъ этихъ столкновеніяхъ; многіе „бойкоты“ и стачки были не только устранены, но и предотвращены ею; въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ не замѣшаны личныя страсти вожаковъ одной или обѣихъ сторонъ, и положеніе дѣла можетъ быть хладнокровно и покойно обсуждено, арбитрація всегда увѣнчивается успѣхомъ.

Нѣкоторыя производства, какъ, напримѣръ, стекольное, сталелитейное, въ значительной степени каменно-угольное, въ теченіи послѣднихъ десяти лѣтъ, достигли того, что представители обѣихъ сто-

ронъ, капитала и труда, за нѣсколько недѣль до новаго года, сходятся вмѣстѣ и обсуждаютъ какъ положеніе производства на рынкѣ, такъ и соотвѣтствующее число рабочихъ часовъ и задѣльную плату, иногда на весь слѣдующій годъ, иногда на 6 мѣсяцевъ, и т. д. Когда рынокъ запруженъ и слѣдуетъ опасаться перепроизводства, какъ, напримѣръ, случилось въ 1889 году съ каменно-угольнымъ рынкомъ, вслѣдствіе исключительно теплой зимы, рѣшаютъ работать только $^3/_4$, иногда даже $^1/_2$ полнаго времени, — такимъ образомъ, всѣ имѣютъ работу, хотя и неполную, и избѣгается относительное довольство однихъ и полная голодовка другихъ. Иногда заработная плата понижается, иногда повышается съ обоюднаго согласія; нѣкоторыя мануфактурныя мѣстности никогда не знали стачекъ или враждебныхъ столкновеній, такъ какъ всѣ недоразумѣнія улаживались посредствомъ взаимныхъ уступокъ и соглашеній. Въ то же время самыя упорныя, раззорительныя стачки, сопровождавшіяся иногда уличными бунтами, поджогами и разрушеніемъ цѣннаго имущества, какъ, напримѣръ, во время извѣстнаго питтсбургскаго возстанія рабочихъ 1877 г., довольно часто потрясали многія мѣстности и иногда совершенно подрывали ихъ благосостояніе. Американцы вообще настойчивы и упрямы; въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Новой-Англіи слѣды этихъ національныхъ чертъ попадаются въ видѣ оставленныхъ фабричныхъ зданій и запустѣлыхъ мѣстечекъ; хозяева и рабочіе заспорили, не умѣли сойтись, и вотъ фабрика переведена въ другой городъ, часто въ другой штатъ — и хозяева раззорились, и рабочіе были принуждены оставить родину и дома и разбрестись въ разныя стороны. Если стачка упорная, рабочіе обыкновенно не только не работаютъ сами, но и не допускаютъ привести рабочихъ со стороны, чтобы занять ихъ мѣста, и когда особенно настойчивый заводчикъ добьется своего, приведетъ новыхъ людей, подъ защитой полиціи и даже милиціи штата, тогда начинается борьба между старыми и новыми рабочими, борьба иногда съ оружіемъ въ рукахъ; бывали случаи, что новые рабочіе, въ теченіи мѣсяца, даже трехъ, вынуждены были жить въ фабричныхъ зданіяхъ, подъ постоянной защитой полиціи, и когда защита эта снималась, то немедленно опять начиналась правильная осада завода прежними рабочими.

Въ большинствѣ ремеслъ всѣ мастера принадлежатъ къ рабочимъ союзамъ, и, въ такомъ случаѣ, невозможно достать новыхъ рабочихъ, такъ какъ ни одинъ членъ союза не станетъ работать на хозяина, противъ котораго объявлена стачка. Нѣсколько лѣтъ тому

назадъ, многіе заводчики, какъ только рабочіе начинали волноваться, немедленно посылали своихъ агентовъ въ фабричные центры Европы и привозили на свой счетъ полные комплекты новыхъ рабочихъ; многія стачки были разбиты этимъ путемъ, и рабочіе окончательно раззорены. Тогда началась агитація противъ законтрактованнаго привознаго рабочаго труда; агитація эта вскорѣ приняла такіе размѣры, что конгрессъ принужденъ былъ издать законъ, запрещающій, подъ страхомъ долгаго тюремнаго заключенія и тяжелыхъ денежныхъ пень, привозъ изъ-за границы союза какого бы то ни было законтрактованнаго труда. Законъ этотъ въ настоящее время примѣняется чрезвычайно строго; во всѣхъ портахъ, куда прибываютъ эмигранты, учреждены особыя федеральныя коммиссіи, которыя изслѣдуютъ, самымъ обстоятельнымъ образомъ, всякаго новоприбывшаго—и очень рѣдко удается законтрактованному рабочему проскользнуть незамѣченнымъ. Рабочіе союзы, черезъ особыхъ представителей, и сами слѣдятъ за точнымъ и неуклоннымъ исполненіемъ этого закона; иногда происходятъ довольно потѣшныя столкновенія: такъ, напримѣръ, одному изъ англоманіаковъ не позволяли высадить вывезеннаго имъ изъ Англіи грума; одной, извѣстной своими эксцентричностями, звѣздѣ нью-іоркскаго большого свѣта — парижскую горничную; вернули также приглашеннаго руководить бостонскимъ городскимъ оркестромъ венгерскаго капельмейстера; говорятъ, что маэстро этотъ былъ въ отчаяніи, такъ какъ онъ ѣхалъ на двѣсти долларовъ мѣсячнаго жалованья, тогда какъ въ своемъ собственномъ городкѣ онъ, вѣроятно, сидѣлъ безъ хлѣба.

Какъ читатель уже, вѣроятно, успѣлъ самъ замѣтить, и конгрессъ, и легислатуры отдѣльныхъ штатовъ вообще чрезвычайно чутки къ потребностямъ массъ — да оно и не можетъ быть иначе, такъ какъ во всѣхъ почти штатахъ легислатуры выбираются на одну только сессію: не отзовись легислатура на серьезное требованіе, ея членовъ непремѣнно похоронятъ политически, безъ всякой церемоніи. Когда требуемое законодательство почему-либо оказывается спорнымъ, кандидатовъ еще до выборовъ заставляютъ публично высказаться за или противъ—и, такимъ образомъ, участь извѣстныхъ требованій на новые законы опредѣляется навѣрняка самими выборами; выбраннымъ не остается ничего иного, какъ вотировать за или противъ извѣстнаго билля, согласно тому, на какой „платформѣ“ они были выбраны.

Однимъ изъ средствъ, въ борьбѣ капитала съ трудомъ, на сто-

ронѣ капитала было blacklisting, т.-е. занесеніе неудобныхъ рабочихъ въ особые списки, которые сообщались всѣмъ нанимателямъ, по извѣстному ремеслу; со стороны труда—boycotting, т.-е. запрещеніе имѣть дѣловыя сношенія съ извѣстнымъ лицомъ. Средства эти употреблялись и все еще употребляются съ большими настойчивостью и послѣдовательностью: съ одной стороны, они доводили человѣка до совершенной невозможности заработывать свой хлѣбъ, съ другой—окончательно раззоряли цѣлыя предпріятія. И въ этомъ случаѣ дѣло въ нѣкоторыхъ штатахъ дошло до того, что легислатуры должны были въ него вмѣшаться; такъ, штаты Иллинойсъ и Висконсинъ рѣшительно воспретили оба способа подъ страхомъ тяжелыхъ наказаній; многіе другіе, какъ, напримѣръ; Индіана, Нью-Іоркъ, Мичиганъ, воспретили ихъ подъ страхомъ денежныхъ пень. Штаты юга и въ этомъ отношеніи стоятъ далеко позади своихъ сѣверныхъ и западныхъ собратовъ, хотя организація труда въ нихъ еще находится въ зачаточномъ, такъ сказать, состояніи; нѣкоторые изъ нихъ, какъ, напримѣръ, Джорджія, заблаговременно высказались противъ бойкота, не упоминая о „черныхъ спискахъ“; бывшіе рабовладѣльцы такъ же тщательно охраняютъ свои прерогативы, какъ и во времена невольничества.

Стараясь, по возможности, выяснить ту высокую степень равенства массъ, которая замѣчается въ Америкѣ, я не могу не упомянуть и о тѣхъ попыткахъ къ образованію родовой и денежной аристократіи, которыя иногда проявляются наружу, хотя, для всякаго мало-мальски знакомаго съ исторіей страны человѣка, онѣ всегда были и будутъ казаться ни чѣмъ инымъ, какъ мертворожденными дѣтищами отжившихъ стремленій и тенденцій. Конституціи какъ союза, такъ и всѣхъ отдѣльныхъ штатовъ, безусловно и на вѣчныя времена воспрещаютъ всякіе титулы и отличія, а имущественные законы всѣхъ штатовъ воспрещаютъ какіе-либо майораты или закрѣпленія имущества за частными лицами. Попытки обойти эти законы, посредствомъ хитро-сплетенныхъ завѣщаній, всегда разрушались немедленно по смерти завѣщателя; даже малѣйшаго намека на нѣчто въ родѣ майората всегда считалось достаточнымъ, въ глазахъ американскихъ присяжныхъ, для того, чтобы уничтожить завѣщаніе и раздѣлить оставленное имущество согласно законамъ. Гордившіеся своимъ происхожденіемъ потомки первыхъ переселенцевъ, особенно прибывшихъ на кораблѣ „Mayflower“, когда-то составлявшіе аристократію Новой-Англіи, разбрелись безслѣдно по всему союзу — о нихъ ничего

больше не слышно въ настоящее время. Потомки голландскихъ фамилій, основавшихъ Новый-Амстердамъ, впослѣдствіи обратившійся въ современный Нью-Іоркъ, долгое время стремились къ обособленію, но и они поддались законамъ поглощенія слабѣйшей расы сильнѣйшею и въ настоящее время совершенно слились съ нею; никербокеры, или коротко-панталонники, названіе, подъ которымъ они думали увѣковѣчить свое превосходство, теперь является пустымъ звукомъ, безъ значенія. Наконецъ, гордые и властные вирджинцы и каролинцы, мечтавшіе навсегда утвердить олигархію на югѣ и не отступившіе передъ кровавой междоусобной войной для ея осуществленія, должны были уступить неотразимой силѣ демократическаго духа націи, и молодое поколѣніе ихъ потомковъ уже теперь начинаетъ смѣяться надъ ихъ безумными затѣями.

Денежная аристократія союза никогда не дѣлала организованной попытки къ обособленію. Состоянія наживаются и проживаются въ Америкѣ чрезвычайно быстро. До сихъ поръ, за самыми незначительными исключеніями, въ лицѣ нью-іоркскихъ Асторовъ и двухъ или трехъ другихъ семействъ, второе и третье поколѣнія обыкновенно проматывали состояніе отцовъ. Жизнь безъ работы, на доходъ съ имущества, оставленнаго предками, какъ-то не прививается въ Америкѣ, чужда ея духу и учрежденіямъ.

Конечно, попадаются чудаки, которые заражаются, напр., англійскими тенденціями: не имѣя за собой историческаго значенія и подготовки англійской аристократіи, они подражаютъ наружнымъ формамъ, и, само собой разумѣется, только смѣшны и нисколько не опасны. Англоманіаки встрѣчаются по всему земному шару — въ Америкѣ они особенно неумѣстны и особенно бросаются въ глаза. Вліять на кого-либо, или на что-либо, они рѣшительно не могутъ — громадное большинство вполнѣ способно оцѣнить ихъ по достоинству. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, нѣкто Макъ Алистеръ, одинъ изъ вожаковъ нью-іоркскаго „бомонда“ и свѣтской золотой молодежи, вздумалъ-было составить списокъ аристократіи Нью-Іорка, включивъ въ него имена 400 семействъ. Онъ даже написалъ книгу, въ которой стремился доказать, что только эти люди и могутъ называться истинными джентльменами и лэди Америки, что все, къ нимъ не принадлежащее — не что иное, какъ canaille. Не существуетъ словъ и выраженій, достаточныхъ для того, чтобы дать должное понятіе о томъ гомерическомъ смѣхѣ, который поднялся по всей Америкѣ. Всякая газета, въ особенности каррикатурныя, занялись злосчаст-

нымъ самодѣльнымъ аристократомъ: его портретъ, его платье, его трость, его шляпа—все это намозолило глаза всѣмъ и каждому, и, въ то же время, было до того удачно опошлено и осмѣяно со всѣхъ сторонъ, до мельчайшихъ подробностей, что и до сихъ поръ его имя служитъ по всей странѣ синонимомъ всего смѣшного и дрянного. Впрочемъ, какъ этотъ эпизодъ, такъ и англоманіаки вообще составляютъ не болѣе какъ исключенія — въ общемъ богатые люди Америки и не стремятся къ обособленію. Милліонеры Калифорніи, напримѣръ, всѣ безъ исключенія, остались вѣрными привычкамъ молодости; многіе изъ нихъ повыстроили роскошныя резиденціи, завели дорогую обстановку, возили свои семьи по всѣмъ столицамъ Европы и навезли съ собой массу дорогихъ картинъ, статуй и всего, что̀ деньги могли купить, — и, въ то же время, сами остались тѣми же демократическими, безцеремонными рудокопами, а иногда игроками, какими ихъ товарищи помнили ихъ въ молодости. Я лично встрѣчался и имѣлъ дѣла со многими очень богатыми людьми Америки, напр., съ Дрекселями, Арморами, Флаглеромъ и т. д. Арморъ, который въ настоящее время считается однимъ изъ богатѣйшихъ людей Америки, началъ жизнь пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ деревенскимъ мясникомъ въ Висконсинѣ и много разъ разсказывалъ публично, въ моемъ присутствіи, о своихъ раннихъ похожденіяхъ и суровой жизни, не только не стыдясь ихъ, но, очевидно, гордясь и своимъ началомъ, и своимъ успѣхомъ. Ни въ немъ, ни въ другихъ милліонерахъ мнѣ никогда не случалось замѣтить даже малѣйшаго стремленія отличиться отъ другихъ, выдвинуться — они такъ же вѣжливы съ простыми поденщиками, какъ и съ своими собратами по милліонамъ. Я никогда не забуду того случая, когда, ѣдучи однажды съ Арморомъ въ спальномъ вагонѣ на сѣверѣ, мы вышли съ нимъ завтракать на станціи, и когда негръ-по̀ртэръ вагона, только-что вычистившій наши сапоги, усѣлся за однимъ столомъ съ нами, я очень удивился тому—а Арморъ преспокойно заговорилъ съ этимъ негромъ и очень предупредительно передалъ ему соль или что-то такое, что̀ ему понадобилось.

Бюрократическая аристократія совершенно немыслима въ Америкѣ. Единственный городъ, въ которомъ чиновники всякаго рода играютъ какую-либо роль, есть Вашингтонъ,—да и тамъ они такъ быстро мѣняются, что еслибы и существовало въ какой-либо извѣстной кликѣ поползновеніе къ тенденціямъ этого рода, она не могла бы укорениться. Американецъ любитъ мѣнять своихъ чиновниковъ:

шестилѣтній срокъ сенаторовъ сената Соединенныхъ Штатовъ и четырехлѣтній президента республики считаются слишкомъ длинными, и, въ громадномъ большинствѣ штатовъ, выборы всѣхъ чиновъ производятся каждые два года, а въ нѣкоторыхъ — и ежегодно. Американецъ полагаетъ, что новая метла всегда мететъ чище, и потому никому не дастъ засидѣться на мѣстѣ до того, чтобы забыть, кто его туда посадилъ и зачѣмъ именно. Въ этомъ отношеніи чрезвычайно характерно и интересно письмо покойнаго генерала Гранта, недавно опубликованное въ первый разъ, написанное имъ покойному Конклингу, по поводу требованія извѣстной фракціи республиканской партіи назначить его, Гранта, кандидатомъ партіи въ президенты союза въ 1880 году, на третій термъ. Старый солдатъ говорилъ прямо и откровенно, что подобное назначеніе будетъ противно какъ духу, традиціямъ и потребностямъ націи, такъ и его личнымъ чувствамъ и желаніямъ, что свѣжіе люди необходимы для того, чтобы быть въ состояніи вѣрно оцѣнивать потребности времени и чутко и во-время отзываться на тѣ неясные признаки, которыми обыкновенно проявляется стремленіе вѣчно прогрессирующаго человѣчества идти впередъ въ извѣстномъ направленіи.

Какъ, съ одной стороны, незначительны и незамѣтны высшіе классы и аристократія какого бы то ни было рода или наименованія, такъ, съ другой, незначительны и незамѣтны пауперизмъ и нищенство. Тогда какъ на 37.740.569 жителей Великобританіи, включая Ирландію, по цензу 1890 года было показано 974.421 лицо, существовавшихъ на счетъ государственной и общественной благотворительности; по цензу того же года, въ Соединенныхъ Штатахъ на 62.622.250 жителей насчитывалось всего 73.045 такихъ лицъ, причемъ только 21.519 изъ нихъ были уроженцами союза. Другими словами, тогда какъ въ Великобританіи изъ каждыхъ 39 жителей одинъ былъ нищимъ, въ Америкѣ былъ такимъ только одинъ изъ каждыхъ 857, т.-е. пауперизмъ распространенъ въ Великобританіи въ 22 раза сильнѣе, чѣмъ въ Америкѣ. Мнѣ кажется излишнимъ прибавлять что-либо къ этимъ поучительнымъ цифрамъ—онѣ говорятъ сами за себя; но я воспользуюсь этимъ случаемъ, чтобы сказать нѣсколько словъ объ европейской эмиграціи, которая снабжаетъ союзъ какъ разъ двумя третями всѣхъ его нищихъ, и за послѣднее время обратила на себя серьезное вниманіе и политическихъ партій, и прессы, и всѣхъ государственныхъ людей Америки.

За десятилѣтіе, 1871—1880 г., союзъ принялъ всего 2.944.695

эмигрантовъ; за послѣднее же десятилѣтіе, 1881— 1890, всего 5.238.728. Число эмигрантовъ почти удвоилось; мало того, качество ихъ сильно измѣнилось и продолжаетъ измѣняться къ худшему все сильнѣе и сильнѣе съ каждымъ годомъ,—и это-то обстоятельство и заботитъ болѣе всего американскихъ дѣятелей настоящаго времени. Русскіе и польскіе евреи, десять лѣтъ тому назадъ совершенно неизвѣстные въ Америкѣ, за 1891 годъ составили чуть не цѣлую треть всѣхъ эмигрантовъ; итальянцы съ острова Сициліи и южныхъ провинцій Италіи дошли до 100.000 въ годъ; наконецъ, ирландцы значительно превысили своимъ числомъ англичанъ и шотландцевъ, тогда какъ число этихъ послѣднихъ, нѣмцевъ и скандинавовъ, всегда считавшихся самыми желательными элементами европейской эмиграціи, нисколько не увеличивается и даже какъ будто уменьшается. О русскихъ и польскихъ евреяхъ мнѣ, конечно, распространяться нечего; скажу только, что американцамъ съ ними хлопотъ много всюду, куда они ни проникли; всего нѣсколько недѣль тому назадъ въ Чикаго полиція не знала, что̀ съ ними дѣлать, или, вѣрнѣе, какъ отъ нихъ отдѣлаться. Итальянцы, если возможно, еще менѣе желательны. Все это—народъ совершенно безграмотный, крайне невѣжественный и суевѣрный, и непремѣнно съ стилетомъ за голенищемъ сапога; они пріѣзжаютъ въ Америку безъ семействъ, только на время, чтобъ заработать извѣстную сумму денегъ и затѣмъ вернуться на родину, а потому и не помышляютъ объ изученіи языка или усвоеніи нравовъ и обычаевъ страны. Нанимаются они сотнями и тысячами на постройку желѣзныхъ дорогъ, каналовъ и тому подобныхъ сооруженій, словомъ, замѣняютъ негровъ на югѣ и китайцевъ на западѣ, принадлежатъ поголовно къ итальянскимъ тайнымъ обществамъ [1]) и задаютъ массу работы и полиціи и судамъ. У меня на желѣзныхъ дорогахъ во Флоридѣ постоянно работало нѣсколько сотъ итальянцевъ, имѣвшихъ вожаками преимущественно грековъ, обиравшихъ ихъ самымъ безцеремоннымъ образомъ; жили они всегда въ самодѣльныхъ землянкахъ, работали какъ волы, всегда брали

[1]) Одно изъ нихъ, Мафія, только съ годъ тому назадъ объявило войну полиціи въ Новомъ-Орлеанѣ, совершило нѣсколько тайныхъ убійствъ, въ томъ числѣ убійство начальника ново-орлеанской полиціи Генесси, вызвавшее уличное возмущеніе и убійство толпой болѣе десяти итальянцевъ, арестованныхъ по подозрѣнію; о политическомъ столкновеніи Италіи съ Соединенными Штатами по этому поводу, только-что устраненному, читатели, вѣроятно, знаютъ изъ политическихъ телеграммъ того времени.

подрядную, а не поденную работу, ходили чуть не нагишомъ и питались, чѣмъ Богъ послалъ: черепахами, рыбой, зайцами и т. д., сберегали каждый грошъ и доставляли огромное количество хлопотъ и своимъ крайнимъ тупоуміемъ, и мстительнымъ, злобнымъ нравомъ.

Ирландцы-эмигранты всего лучше характеризуются слѣдующей карикатурой „Puck'a“: огромный, мордастый, моськоподобный ирландецъ стоитъ и съ восхищеніемъ любуется на новое зданіе нью-іоркской муниципальной тюрьмы. „Это *мы* ее построили“,—замѣчаетъ онъ съ гордостью стоящему съ нимъ рядомъ полисмэну.—„А кто въ ней сидитъ?“—спрашиваетъ не безъ лукавства полисмэнъ.—„Да *мы* же“,—отвѣчаетъ, безъ запинки и безъ всякаго смущенія, ирландецъ. Впрочемъ, какъ ни нежелательно первое поколѣніе ирландцевъ-эмигрантовъ, все-таки нужно замѣтить, что переселяются они всегда съ семьями, съ намѣреніемъ сдѣлать Америку вторымъ отечествомъ,—и дѣти ихъ быстро всасываются окружающимъ ихъ населеніемъ; уже во второмъ и третьемъ поколѣніяхъ они совершенно теряютъ свои національныя особенности.

Эти-то сотни тысячъ безграмотныхъ эмигрантовъ и составляютъ силу демократической партіи на сѣверѣ. Они высаживаются и осѣдаютъ, хоть на время, въ большихъ городахъ востока, особенно въ Нью-Іоркѣ, и поголовно вербуются демократическими политиканами. Забитые, невѣжественные, безъ всякаго понятія о государственныхъ учрежденіяхъ Америки и объ ихъ значеніи, они продаютъ свои голоса, какъ продаютъ свой трудъ, тому, кто больше наобѣщаетъ или кто больше заплатитъ. Я самъ не разъ видалъ, какъ они вотируютъ—цѣлымъ стадомъ, подъ руководствомъ ловкаго представителя нью-іоркскаго Таммани Голла.

Кромѣ этой эмиграціи, какъ ни нежелательной, но все-таки добровольной, существуетъ, или, по крайней мѣрѣ, существовала, до самаго послѣдняго времени и эмиграція недобровольная. Многія государства Европы, въ особенности мелкія нѣмецкія и Австрія, прямо потворствуютъ своимъ преступникамъ всякаго рода и позволяютъ имъ удаляться въ Америку, чтобы избѣжать расходовъ на ихъ содержаніе въ тюрьмѣ; кромѣ того, они же пересылаютъ сюда на счетъ общинъ и профессіональныхъ нищихъ, часто неизлечимыхъ больныхъ всякаго рода и даже сумасшедшихъ и идіотовъ. Само собой разумѣется, что довольно трудно прослѣдить и доказать такіе случаи; но такъ какъ общественное мнѣніе безусловно вѣрило въ ихъ существованіе и желало, во чтò бы то ни стало, отъ нихъ отдѣлаться, то

конгрессъ, вскорѣ по изданіи закона о контрактномъ трудѣ, о которомъ я говорилъ выше, издалъ и законъ о недозволеніи высаживаться тѣмъ эмигрантамъ, которые не имѣютъ видимыхъ средствъ и не могутъ убѣдить федеральнаго чиновника въ своей способности зарабатывать средства къ существованію. Всѣ трансатлантическія пароходныя общества, занимающіяся перевозкой эмигрантовъ, обязаны внести залогъ и дать подписку въ томъ, что они не преступятъ этого закона; кромѣ того, на ихъ же отвѣтственность возлагается и возвращеніе во-свояси всѣхътѣхъ лицъ, которыя почему-либо признаны подлежащими этому закону. За послѣднее время законъ этотъ примѣняется особенно строго: изъ каждаго эмигранта, при высадкѣ, непремѣнно выворотятъ всю душу, и постоянно попадаются въ газетахъ извѣстія, что десятки и даже сотни такихъ забракованныхъ переселенцевъ отправляются назадъ на тѣхъ же пароходахъ, которые ихъ доставили въ Нью-Іоркъ. Германская и скандинавская добровольныя эмиграціи считаются очень желательными и состоятъ, частію, изъ ремесленниковъ всякаго рода, но преимущественно изъ земледѣльцевъ. Нѣмцы, шведы и норвежцы не останавливаются въ восточныхъ портовыхъ городахъ, а ѣдутъ прямо на западъ, гдѣ ихъ встрѣчаютъ переселившіеся раньше родственники и знакомые, и селятся на государственныхъ земляхъ, пользуясь правомъ homestead. Штаты Висконсинъ, Миннесота, Небраска и обѣ Дакоты заселены преимущественно изъ этого источника. Когда-то нѣмцы мечтали о сохраненіи своей національности, ревниво оберегали свои обычаи, одежду и языкъ— многія мѣстности, особенно въ Висконсинѣ, были заселены исключительно ими, и, лѣтъ пятнадцать тому назадъ, высказывалось опасеніе, что эта обособленность можетъ повести къ серьезнымъ результатамъ. Однако время показало, что эти опасенія были совершенно неосновательны: способность американскаго народа ассимилировать чужестранные элементы, ограниченность поля дѣйствія въ случаѣ незнанія англійскаго языка и трудность поддерживать національные костюмы и обычаи посреди превосходной расы—все это работало такъ настойчиво въ одномъ и томъ же направленіи, что мало-по-малу, незамѣтно для самихъ себя, нѣмцы сливались съ окрестными американцами, и слѣдующее поколѣніе начинало забывать родной языкъ, а съ нимъ и свои особенности. Въ настоящее время всѣ стремленія къ обособленію оставлены; и нѣмцы, также какъ и другія расы, въ погонѣ за житейскими преимуществами, стараются какъ можно скорѣе объамериканиться.

Громадное большинство англичанъ-эмигрантовъ отличается весьма существенно отъ всѣхъ остальныхъ переселенцевъ. Обладая значительнымъ преимуществомъ въ знаніи языка, большинство ихъ, въ то же время, обладаетъ значительными средствами, такъ какъ состоитъ или изъ младшихъ сыновей провинціальнаго англійскаго джэнтри, или изъ купцовъ и лицъ свободныхъ профессій, составившихъ себѣ извѣстное состояніе и удалившихся отъ дѣлъ. Я сталкивался въ Америкѣ съ сотнями представителей обоихъ этихъ классовъ—всѣ они утверждаютъ поголовно, что жизнь въ Англіи такъ дорога, требованія общества такъ значительны, а обыкновенные проценты на капиталъ такъ ничтожны, что они не въ состояніи жить респектабельно въ Англіи на свои средства, а потому и переѣзжаютъ въ Америку, въ новозаселяющіяся мѣстности, гдѣ сумма въ пятьдесятъ или сорокъ тысячъ долларовъ составляетъ громадный капиталъ, процентами съ котораго можно жить съ большими удобствами. Надо замѣтить, что, въ общемъ, американцы терпѣть не могутъ англичанъ—старая революціонная вражда, отношенія Англіи къ конфедераціи во время междоусобной войны и частыя современныя столкновенія, по многимъ вопросамъ, поддерживаютъ эту непріязненность, и потому англичанамъ въ Америкѣ приходится держать ухо востро; существуетъ даже спеціальное выраженіе, которое мнѣ случалось слышать во всѣхъ частяхъ союза: „to fleece an Englishman“, буквально: „стричь англичанина“—которое примѣняется ко всѣмъ дѣловымъ сношеніямъ американца къ англичанамъ. Ихъ обираютъ безъ зазрѣнія совѣсти: то, что̀ позволительно относительно англичанина, непозволительно относительно американца или эмигранта какой-либо другой національности. Кромѣ вышеупомянутыхъ историческихъ и политическихъ причинъ и національной антипатіи вообще, этому много способствуетъ и поведеніе самихъ англичанъ въ Америкѣ. Они обыкновенно относятся свысока ко всему американскому, крайне надменны и непріятны въ своихъ сношеніяхъ, непомѣрно заражены своею британскою гордостью и предразсудками, все знаютъ, обо всемъ слыхали и всегда настаиваютъ на веденіи своихъ дѣлъ не по-американски, а по-англійски; само собой разумѣется, что имъ же и приходится расплачиваться за подобное самомнѣніе. Какъ на югѣ, напр. во Флоридѣ, такъ и на всемъ западѣ, въ каждомъ городѣ существуютъ цѣлыя англійскія колоніи, иногда образующія свои собственныя акціонерныя компаніи, занимающіяся отдачей денегъ за проценты и скупающія все то, что̀, по ихъ мнѣнію, дешево продается. Обыкно-

венно ихъ жестоко надуваютъ при всякой сдѣлкѣ—ихъ нежеланье и неумѣнье освоиться и примириться съ мѣстными условіями дорого имъ обходится. Я лично знаю десятки случаевъ, когда англичане теряли значительныя состоянія необыкновенно быстро—а, кажется, дѣйствовали они осторожно и осмотрительно, постоянно толковали о томъ, что необходимо тщательно изслѣдовать всякое дѣло, прежде чѣмъ вложить въ него свои деньги—и въ концѣ концовъ всегда оказывалось, что ихъ „стригли" чрезвычайно успѣшно, такъ что они оставались неизмѣнно въ накладѣ и часто принуждены были возвращаться на родину безъ гроша.

Тѣмъ не менѣе, англійскіе капиталы такъ велики и англійскіе синдикаты всевозможныхъ родовъ такъ многочисленны въ Америкѣ, что они даютъ себя чувствовать во многихъ мѣстностяхъ, особенно, когда находятся въ завѣдываніи мѣстныхъ дѣльцовъ изъ кровныхъ американцевъ. Эти умѣютъ вести дѣло на американскій манеръ и иногда захватываютъ такіе куски и такъ безжалостно пользуются силой денегъ, что общественному мнѣнію опять-таки приходится вступаться въ дѣло. Англичанинъ безсиленъ, когда дѣйствуетъ одиноко и самостоятельно; всемогущъ, когда организуется въ корпораціи съ американскимъ управленіемъ. Въ южномъ Иллинойсѣ есть обширная земледѣльческая мѣстность, которая сплошь принадлежитъ одному англійскому синдикату, и въ которой всѣ фермеры—арендаторы на англійскій манеръ; въ штатахъ Монтанѣ, Небраскѣ и обѣихъ Дакотахъ цѣлыя сотни квадратныхъ миль степей огорожены проволокой подъ пастбища мясного скота англійскихъ владѣльцевъ, причемъ въ огороженномъ пространствѣ захвачены и многія секціи правительственной земли, подлежащей праву занятія homestead; въ Аризонѣ и Нью-Мексико громадныя пространства отвоеваны отъ пустыни и заняты по закону объ ирригаціи; въ Монтанѣ и Айдахо цѣлыя рудокопныя мѣстности захвачены ими же. Всѣ эти факты подняли, наконецъ, прессу, общественное мнѣніе и легислатуры различныхъ штатовъ, а затѣмъ и конгрессъ; въ настоящее время обсуждается въ немъ новый законъ, alien law, которымъ предполагается положить предѣлъ царству иностраннаго, преимущественно англійскаго капитала и воспретить чужеземцамъ, не живущимъ въ Америкѣ, и въ особенности иностраннымъ корпораціямъ, владѣть въ ней землями или другимъ недвижимымъ имуществомъ.

Ровно десять лѣтъ тому назадъ конгрессъ воспретилъ эмиграцію китайцевъ, за весьма незначительными исключеніями, въ лицѣ извѣ-

стнаго класса купцовъ; законъ этотъ былъ изданъ на десять лѣтъ, и только еще на дняхъ былъ продолженъ конгрессомъ и на слѣдующія десять лѣтъ. Китайцы начали переселяться въ Америку сравнительно недавно. Золотая горячка въ Калифорніи, а затѣмъ быстрое развитіе тихо-океанскаго побережья и вызванный имъ спросъ на трудъ подняли въ немъ заработную плату до небывалыхъ даже въ Соединенныхъ Штатахъ размѣровъ: обыкновенный поденщикъ требовалъ семь, восемь долларовъ въ день, плотникъ и каменьщикъ—пятнадцать, и такъ какъ золотыя розсыпи и серебряные рудники платили эти деньги своимъ рабочимъ, безъ всякихъ разговоровъ, и все-таки заработывали огромныя деньги своимъ владѣльцамъ, а доступъ новыхъ эмигрантовъ, въ виду отсутствія путей сообщенія, былъ очень ограниченъ, то и оказалось весьма скоро, что мѣстное земледѣліе и мѣстная промышленность не могли конкуррировать съ востокомъ, безъ болѣе дешеваго труда. Тогда-то и явились китайцы, сначала понемногу, небольшими партіями, а затѣмъ и десятками тысячъ, такъ что къ 1880 году ихъ уже насчитывалось до двухсотъ тысячъ, почти исключительно мужчинъ въ рабочемъ возрастѣ, и они понизили заработную плату до того, что мѣстное общественное мнѣніе и заставило конгрессъ провести вышеупомянутый законъ.

На всемъ тихо-океанскомъ побережьѣ китайцы и до настоящаго времени справляютъ всякую черную работу. Они и работаютъ на желѣзныхъ дорогахъ, они и садовники, и земледѣльцы, и повара, и прачки; но, со времени воспрещенія ихъ эмиграціи, заработная плата поддерживается, сравнительно, на одномъ уровнѣ и все-таки далеко выше на тихо-океанскомъ побережьѣ, чѣмъ во всѣхъ остальныхъ частяхъ союза. Китайская эмиграція во многихъ отношеніяхъ—то же, что и итальянская: сыны Небесной Имперіи пріѣзжали въ Америку также, чтобы заработать извѣстную сумму денегъ, а затѣмъ вернуться на родину. Они сохраняютъ свой костюмъ, свою косу и свои обычаи; только самый незначительный процентъ ихъ переходитъ въ христіанство и разсчитываетъ сдѣлать союзъ своимъ вторымъ отечествомъ.

Несмотря на самое строгое примѣненіе закона объ ихъ исключеніи, китайцы все-таки ухитряются постоянно пробираться въ предѣлы союза въ значительномъ числѣ. Они переѣзжаютъ въ Мексико и въ Канаду, и оттуда, по ночамъ, переходятъ границу въ пустыняхъ юга или лѣсахъ сѣвера. Они вообще искусные контрабан-

дисты и часто успѣваютъ побѣждать бдительность американской пограничной стражи.

Казалось бы, что такой постоянный и громадный наплывъ эмигрантовъ-рабочихъ долженъ бы былъ понизить заработную плату, но развитіе страны и увеличеніе ея богатства идутъ такъ быстро, что, въ среднемъ, заработная плата не только не понижается, но, напротивъ, медленно, но вѣрно повышается по всѣмъ отраслямъ человѣческой работы, за весьма немногими, временными, исключеніями, вызываемыми или перепроизводствомъ, съ которымъ иногда приходится бороться въ той или другой сферѣ промышленности, или какими-нибудь мѣстными временными условіями, какъ, напр., вліяніемъ особенно теплой зимы на каменно-угольное дѣло. Пониженіе числа рабочихъ часовъ, о которомъ я подробно говорилъ выше, само по себѣ уже составляетъ повышеніе заработной платы, но, и помимо этого, заработная плата сама по себѣ, въ долларахъ и центахъ, постоянно повышается. Это повышеніе, само по себѣ, не имѣло бы значенія и вліянія на общее благосостояніе массъ, еслибы, сообразно съ нимъ, поднимались и жизненные расходы; но этого послѣдняго не замѣчается,—напротивъ, цѣнность предметовъ первой необходимости безусловно понижается, а расходы по существованію уменьшаются. Только-что изданныя нью-іоркскою общинною палатою таблицы цѣнностей за послѣднія тридцать лѣтъ доказываютъ безусловно, что предметы первой необходимости и ренты понизились въ цѣнѣ за этотъ періодъ весьма чувствительно. Мука, сахаръ, соль, мясо, керосинъ, уголь, желѣзо всѣхъ родовъ, хлопчато-бумажныя издѣлія [1])—

[1]) Хлопчато-бумажныя издѣлія особенно дешевы—ихъ цѣнность упала на 50 и даже 60%. Цѣна хлопка съ 12 центовъ за фунтъ, десять лѣтъ тому назадъ, упала до 6; конкуренціи Египта, Индіи и Средней Азіи сказываются чрезвычайно сильно, и американское «царство хлопка» начинаетъ опасаться подрыва монополіи, которою оно пользовалось чуть не сто лѣтъ. Пониженіе же цѣнъ на мануфактурныя издѣлія всякаго рода, совершенно, повидимому, неестественное въ виду повышенія заработной платы, я объясняю спеціализаціей всякаго производства и его, такъ сказать, концентрированіемъ именно тамъ, гдѣ продуктъ можетъ быть произведенъ наиболѣе дешево, съ одной стороны, и примѣненіемъ машинной работы до ея возможнаго maximum'а къ каждому производству—съ другой. Выше, въ главѣ о лѣсномъ дѣлѣ въ Америкѣ, говоря о деревянномъ производствѣ вообще и о мебельномъ дѣлѣ въ особенности, я уже имѣлъ случай указать на эти факторы; теперь прибавлю только, что они тождественны и во всѣхъ другихъ производствахъ и постоянно работаютъ въ направленіи пониженія цѣнъ на предметы необходимости въ обыденной жизни.

все это понизилось въ цѣнѣ отъ 15 до 40 процентовъ. Между тѣмъ, заработная плата, не принимая въ соображеніе пониженія числа рабочихъ часовъ, увеличилась почти въ той же пропорціи. Результатомъ явились сберегательныя кассы, развивающіяся изумительно быстро по всей странѣ. Штатъ Массачузетсъ показываетъ за 1889 годъ 1.029.694 вкладчиковъ, съ громадной суммой вкладовъ въ $ 332.723.688; крошечный штатъ Родъ-Айлендъ, съ населеніемъ всего въ 345.506, показываетъ 127.898 вкладчиковъ, съ суммой вкладовъ въ $ 60.479.707, или $ 472 на каждаго вкладчика. Весь союзъ показываетъ 4.258.623 вкладчика и общую сумму вкладовъ въ баснословную сумму $ 1.524.844.506; средній вкладъ на каждаго $ 358. Югъ опять-таки портитъ общія цифры—въ немъ вкладчики сберегательныхъ банковъ считаются десятками, и вклады не превышаютъ $ 60, въ среднемъ, на вкладчика, а въ нѣкоторыхъ изъ нихъ ихъ и совсѣмъ нѣтъ. Цифры эти оффиціальныя, сообщены мнѣ контролеромъ казначейства Соединенныхъ Штатовъ и ниже дѣйствительности; онѣ сами по себѣ даютъ такое понятіе объ общемъ благосостояніи, что я не могъ не помѣстить ихъ; никакія разглагольствованія или описанія не могутъ быть краснорѣчивѣе этихъ цифръ, и если читатель сравнитъ ихъ съ цифрами, представляемыми въ этомъ отношеніи государствами Европы, то разница въ положеніи рабочаго будетъ очевидна.

Говоря о заработной платѣ, прежде всего необходимо обратить вниманіе на то обстоятельство, что если и существуетъ въ Соединенныхъ Штатахъ разница въ платѣ за физическій и умственный трудъ, то въ общемъ она гораздо незначительнѣе, чѣмъ гдѣ-либо на земномъ шарѣ. Я лично думаю, что эта разница въ общемъ, за немногими исключеніями, сводится къ нулю. Особенно выдающійся писатель или адвокатъ, особенно ловкій дѣлецъ, знаменитый ораторъ или докторъ, конечно, заработываютъ иногда большія деньги, и ихъ трудъ цѣнится очень высоко—но, вѣдь, это исключительные случаи, которые встрѣчаются иногда и въ сферѣ физическаго труда: особенно искусный рѣзчикъ, ювелиръ или машинистъ также иногда заработываютъ значительные куши; я лично знаю спеціалиста-машиниста по электричеству, съ самымъ небольшимъ образованіемъ, который выдвинулся изъ простыхъ рабочихъ и получаетъ десять тысячъ долларовъ въ годъ. Я говорю о народѣ вообще, о массахъ его, живущихъ по всему пространству союза: хорошій столяръ получаетъ то же, что̀ хорошій учитель; хорошій локомотивный инженеръ—то же, что̀ хорошій докторъ или

судья; искусный маляръ — не меньше шерифа графства или его казначея; кассиръ банка — не больше хорошаго закройщика и т. д. Не надобно забывать, что такъ называемой черной работы, поденщиковъ, въ Америкѣ несравненно меньше, относительно, чѣмъ, напр., въ Россіи или въ другихъ государствахъ Европы. Машины замѣнили собою этотъ ручной трудъ въ значительной степени: вмѣсто многихъ чернорабочихъ требуется одинъ или нѣсколько машинистовъ, трудъ которыхъ оплачивается какъ трудъ ремесленниковъ, skilled labor, какъ трудъ этого рода обыкновенно классифицируется въ Америкѣ. Только весьма рѣдко можно встрѣтить бѣлаго уроженца Америки въ ряду чернорабочихъ. Это будетъ или хроническій неудачникъ, или ремесленникъ, временно опустившійся, вслѣдствіе стеченія неблагопріятныхъ обстоятельствъ или несчастнаго случая, и не могущій въ данной мѣстности найти работу по своей спеціальности. Массу чернорабочихъ доставляютъ негры, итальянцы, венгерцы, поляки, ирландцы, китайцы, иногда нѣмцы, скандинавы и — на югѣ-западѣ — мексиканцы.

Заработная плата на югѣ вообще ниже, чѣмъ на сѣверѣ и, въ особенности, на западѣ. Чернорабочій всякаго рода получаетъ отъ доллара до доллара съ четвертью за десятичасовой день работы на югѣ, полтора доллара за девятичасовой, въ среднемъ, день на сѣверѣ, и два доллара — на западѣ. На тихо-океанскомъ побережьѣ она никогда не спускалась ниже двухъ долларовъ. Колебанія, сравнительно, незначительны. Цѣна на югѣ, въ черныхъ дистриктахъ, гдѣ негровъ безъ конца, спускается до 75 центовъ въ день — на западѣ, особенно въ рудокопныхъ мѣстностяхъ территорій, поднимается до пяти долларовъ въ день. Такъ, послѣдняя легислатура территоріи Аризоны издала законъ, по которому трудъ рудокопа долженъ оплачиваться не менѣе четырехъ долларовъ въ день, состоящій изъ восьми часовъ. Легислатура штата Нью-Іоркъ обязала власти штата платить каждому рабочему на какой бы то ни было работѣ, для штата и для его муниципальныхъ единицъ (городовъ, графствъ и т. д.), два доллара за восемь часовъ работы; но эта плата выше рыночной, и законъ былъ проведенъ демократической партіей для того, чтобы завербовать извѣстное количество голосовъ для выборовъ.

Заработная плата ремесленниковъ, въ среднемъ, болѣе чѣмъ вдвое выше платы чернорабочихъ. Плотники и столяры на югѣ получаютъ отъ двухъ до трехъ съ половиной долларовъ въ день; на

сѣверѣ—отъ 3-хъ до $4^1/_2$, на западѣ—отъ 3 до 6. Каменьщики, каменотесы и штукатуры—отъ одного до двухъ долларовъ въ день болѣе чѣмъ плотники; маляры—то же, что плотники; кузнецы и машинисты всякаго рода—отъ 3 до 7 и 8 долларовъ въ день. Цѣны эти иногда понижаются, иногда повышаются; иной разъ можно достать хорошаго плотника за два доллара въ день на югѣ, а иногда приходится платить и 6. и 8. Если въ городѣ или мѣстности приключится boom, о которыхъ я говорилъ въ одной изъ предъидущихъ главъ, цѣны на трудъ мгновенно повышаются—а послѣ такого boom'а—обыкновенно понижаются; во всякомъ случаѣ, эти пониженія и повышенія только случайны и временны, такъ какъ ремесленное населеніе страны постоянно передвигается съ мѣста на мѣсто, и спросъ и предложеніе, въ большинствѣ случаевъ, регулируются этими переѣздами весьма быстро. Хроническіе недостатки въ работѣ, столь обыкновенные въ разныхъ производствахъ въ Европѣ, въ особенности въ Англіи, неизвѣстны въ Америкѣ; по крайней мѣрѣ, за десять лѣтъ моего пребыванія здѣсь, я никогда не слыхалъ, не читалъ объ нихъ—а такой фактъ едва ли могъ пройти незамѣченнымъ прессой, особенно партизанской, которая, конечно, не упустила бы случая сдѣлать политическое орудіе изъ такого факта.

Жалованье выборныхъ чиновниковъ, за исключеніемъ федеральныхъ, чиновниковъ штата и самыхъ большихъ городовъ, обыкновенно равняется заработной платѣ ремесленника—отъ 50 до 125 долларовъ въ мѣсяцъ. Должность шерифа графства считается вездѣ самой отвѣтственной и безпокойной и приноситъ обыкновенно около полуторы тысячи въ годъ; окружные судьи получаютъ отъ двухъ до трехъ тысячъ, полицейскіе судьи—отъ 600 до полуторы тысячи. О среднемъ жалованьѣ учителей я уже подробно говорилъ выше. Клерки, бухгалтеры и вообще служащіе въ частныхъ конторахъ получаютъ то же, что̀ и ремесленники—отъ 50 до 125 долларовъ въ мѣсяцъ. То же самое замѣчается и во всѣхъ остальныхъ отрасляхъ труда; локомотивный инженеръ заработываетъ не менѣе пассажирскаго желѣзнодорожнаго агента; кочегаръ—не менѣе станціоннаго начальника, а хорошій машинистъ въ желѣзнодорожной мастерской—не менѣе аудитора или бухгалтера въ главной конторѣ дороги.

Кромѣ этого относительнаго равенства массъ народа и въ матеріальномъ отношеніи, отсутствію той рѣзкой разницы между физическимъ и умственнымъ трудомъ, которая замѣчается, напр., въ Россіи, чрезвычайно способствуетъ и та легкость, съ которой мѣняются

роды занятій въ Америкѣ вообще. Я самъ лично знаю сотни людей, которые перемѣнили, въ теченіи ихъ жизни, десятки разныхъ занятій. Постоянно встрѣчаешь людей съ спеціальнымъ образованіемъ или спеціальными практическими познаніями, занимающихся торговлей, фермерствомъ, подрядами; ремесленниковъ, изучающихъ право или готовящихся въ священники, въ то же время работающихъ по своему ремеслу; купцовъ, перемѣнившихъ лавку на ремесло или земледѣліе. Благодаря этому, не существуетъ и классныхъ предубѣжденій; всякое занятіе благородно и уважается, и кузнецъ или кочегаръ пользуется совершенно тѣмъ же соціальнымъ положеніемъ, что и адвокатъ или докторъ.

Вся американская исторія полна примѣрами и доказательствами безусловной справедливости этого чрезвычайно важнаго положенія. Линкольнъ, одинъ изъ величайшихъ людей XIX-го столѣтія, былъ и дровосѣкомъ, и лодочникомъ, и учителемъ, и адвокатомъ, и законодателемъ своего штата, а когда, благодаря неожиданной случайности, сдѣлался президентомъ союза, съумѣлъ не только завоевать безусловное довѣріе и уваженіе своихъ современниковъ, но и написалъ свое имя огненными буквами на скрижаляхъ всемірной исторіи, на удивленіе и въ примѣръ грядущимъ поколѣніямъ. Президентъ Джонсонъ былъ деревенскимъ портнымъ и выучился грамотѣ на 21-мъ году отъ рожденія; Грантъ, компаніи котораго входятъ въ учебники военной исторіи всего міра и который причисленъ уже исторіей къ числу немногихъ великихъ генераловъ и государственныхъ людей нашего столѣтія, нѣсколько лѣтъ разводилъ картофель въ Калифорніи, рубилъ и возилъ дрова въ Санъ-Луисѣ, а передъ самымъ началомъ войны продавалъ за прилавкомъ деревенской лавчонки кожевенный товаръ, состоя приказчикомъ у брата; Шермонъ, второй послѣ Гранта генералъ междоусобной войны, былъ и учителемъ, и поземельнымъ агентомъ, и адвокатомъ, банкиромъ, и, наконецъ, управляющимъ конножелѣзной дорогой. Блэнъ, имя котораго неразрывно связано со всѣми выдающимися моментами исторіи страны за послѣднія 30 лѣтъ, и которое произносится съуваженіемъ по всему союзу, началъ свою карьеру учителемъ народной школы въ одной изъ самыхъ отдаленныхъ горныхъ деревушекъ штата Кентуки. Біографіи всѣхъ почти, безъ исключенія, выдающихся людей Америки на всѣхъ поприщахъ, политическомъ, торговомъ и промышленномъ, обыкновенно начинаются или на отдаленной фермѣ какого-нибудь захолустья, или продажей газетъ или спичекъ по улицамъ большихъ

городовъ, или тяжелой борьбой за существованіе въ семьѣ простого рабочаго. Такъ, изъ 84 сенаторовъ и 422 членовъ нижней палаты американскаго конгресса только 11 получили образованіе выше народной школы, и только 2—въ частныхъ школахъ, всѣ остальные—плоть отъ плоти и кровь отъ крови массъ народа, начавшіе свою карьеру съ самыхъ нижнихъ ступеней общественнаго положенія, какъ это понимается въ Европѣ.

Ломоносовъ и Сперанскій являются блестящими исключеніями въ лѣтописяхъ русской исторіи, а въ Америкѣ они были бы общимъ правиломъ,—и я лично не могу назвать ни одного лица, играющаго роль въ политикѣ или общественной жизни страны въ настоящее время, которое начало бы жизнь при благопріятныхъ обстоятельствахъ рожденія и состоянія: всѣ они выдвинулись изъ среды массъ народа, составляютъ его частицу, не обособляясь ни на минуту, и готовы вернуться въ его ряды, когда страна перестанетъ въ нихъ нуждаться.

XI.

Одною изъ главныхъ особенностей Америки является сравнительное отсутствіе регулярной арміи и всего съ нею связаннаго. Какъ извѣстно, военныя силы Соединенныхъ Штатовъ не превышаютъ пятнадцати тысячъ человѣкъ, считая всѣхъ и все. Да и эти силы расположены исключительно по окраинамъ, въ отдаленныхъ фортахъ отдаленныхъ территорій—на границахъ Мексико, вблизи значительныхъ индѣйскихъ резервацій, и на границахъ Канады. Я прожилъ въ союзѣ болѣе десяти лѣтъ, и не помню, когда видѣлъ регулярнаго солдата; въ Нью-Іоркѣ расположены двѣ или три артиллерійскія батареи и, кажется, батальонъ пѣхоты, но мнѣ никогда не пришлось встрѣтить солдата въ формѣ. Въ этомъ отношеніи улицы большихъ американскихъ городовъ рѣзко отличаются отъ европейскихъ—тамъ чуть-ли не каждый первый встрѣчный или совсѣмъ военный, или одѣтъ въ какой-нибудь мундиръ па военный манеръ, тогда какъ здѣсь никогда не увидишь какой бы то ни было формы, исключая синихъ пиджаковъ полицейскихъ и желѣзнодорожныхъ кондукторовъ, да и тѣ гражданскаго покроя разныхъ сортовъ.

Тѣмъ не менѣе, весь союзъ покрытъ военными организаціями гражданъ,—милиціей штатовъ. Каждый городъ, съ двумя или тремя тысячами жителей, имѣетъ роту такой милиціи, большіе—двѣ или

три, а значительные города—цѣлые полки и бригады. Составляются онѣ изъ волонтеровъ — молодыхъ людей города, которые выбираютъ изъ своей среды капитана—командира роты и двухъ лейтенантовъ, получаютъ оружіе отъ штата, а обмундировываются и содержатся па собственный счетъ, или, правильнѣе, по подпискѣ. Города чрезвычайно соперничаютъ между собою относительно красоты обмундировки и военной выправки своихъ ротъ, щедро подписываются на содержаніе манежей, обмундировку и другіе расходы, и чѣмъ чуднѣе и театральнѣе обмундировка, чѣмъ полнѣе ряды ротъ, тѣмъ довольнѣе жители и тѣмъ болѣе гордятся своей милиціей. Нѣтъ, кажется, такого фантастическаго театральнаго костюма, которому не подражали бы роты милиціи союза; мнѣ приходилось видѣть и французскихъ зуавовъ, и русскихъ гренадеръ дворцовой роты, и бѣлыхъ съ ногъ до головы австрійскихъ гвардейцевъ, и красныхъ британскихъ пѣхотинцевъ, и папскихъ тѣлохранителей—и чего только, чего не увидишь на этихъ солдатахъ-гражданахъ. Въ Вашингтонѣ мнѣ разъ пришлось встрѣтить роту милиціи въ коричневыхъ штиблетахъ, широкихъ ярко-красныхъ шароварахъ, бѣлыхъ мундирахъ-фракахъ, расшитыхъ золотомъ спереди и сзади, и громадныхъ медвѣжьихъ шапкахъ самой необыкновенной формы: это—знаменитый 7-ой нью-іоркскій полкъ, составившій себѣ неувядаемую славу во время междоусобной войны; недавно онъ одѣлся въ прусскую форму съ головы до ногъ, отъ сапогъ до касокъ.

Собираются эти роты въ свои манежи на ученье разъ въ недѣлю, иногда разъ въ мѣсяцъ, на два, на три часа, затѣмъ отправляются на недѣлю въ годъ въ лагери, единственное время, когда штатъ принимаетъ на себя долю расходовъ и обыкновенно платитъ членамъ милиціи по доллару въ день за то время, которое они проведутъ въ этомъ лагерѣ. Нѣсколько ротъ, иногда 5, иногда 10, въ этихъ лагеряхъ организуются въ полкъ; полковые и бригадные офицеры назначаются губернаторомъ, который, согласно конституціи, считается главнокомандующимъ всѣми военными силами штата. Въ тѣхъ штатахъ, гдѣ имѣются большіе, богатые города, эта милиція довольно многочисленна; штаты Нью-Іоркъ и Массачузетсъ, напр., поддерживаютъ кадры многихъ полковъ, особенно отличавшихся въ теченіи междоусобной войны. Инструкторами назначаются военнымъ министромъ союза офицеры регулярной арміи, командируемые въ распоряженіе губернаторовъ штатовъ; само собой разумѣется, что обученіе, въ большинствѣ случаевъ, чрезвычайно поверхностное, и

милиція обыкновенно кажется смѣшной настоящимъ солдатамъ. Мнѣ, бывшему когда-то офицеру первой гвардейской пѣхотной дивизіи въ Петербургѣ, и странно, и смѣшно бываетъ всегда видѣть смотры и парады этихъ скороспѣлыхъ войскъ; тѣмъ не менѣе, я никогда не забывалъ, что такія-то именно войска и вынесли на своихъ плечахъ всю междоусобную войну; что такіе-то скороспѣлые офицеры и солдаты дрались и подъ Шило, и подъ Геттисбургомъ, и подъ Ричмондомъ и Питерсбургомъ, гдѣ десятки тысячъ ихъ легли костьми и дали великій урокъ военной исторіи міра.

Трудно писать что-либо объ Америкѣ и не натыкаться почти постоянно на эту междоусобную войну, а, наткнувшись на нее, нельзя обойти молчаніемъ и американскаго солдата. Онъ неуклюжъ и смѣшонъ въ своемъ театральномъ костюмѣ, для европейскаго глаза, но въ немъ есть то, чего мало въ европейскихъ арміяхъ—нравственное развитіе гражданина и понятія свободнаго человѣка. Будучи захваченъ врасплохъ отпаденіемъ юга, онъ изъ ничего создалъ въ изумительно короткое время милліонную армію, которая не только могла дѣлать невѣроятные переходы и самые сложные маневры, но и давать самыя упорныя сраженія. Какъ по абсолютному числу убитыхъ и раненыхъ, такъ и по ихъ отношенію къ общему числу сражавшихся, битвы подъ Спотсильваніей, въ Вильдернисѣ, подъ Геттисбургомъ, и первый штурмъ Фридриксбурга навсегда останутся однѣми изъ самыхъ кровавыхъ битвъ всемірной исторіи; наконецъ, когда, послѣ окончанія войны, обѣ арміи, восточная — Гранта и западная—Шермана, проходили на парадѣ въ Вашингтонѣ мимо эстрады президента Джонсона, всѣ военные уполномоченные европейскихъ державъ были поражены изумленіемъ: это была великая армія, въ полномъ смыслѣ этого слова, ничѣмъ рѣшительно не уступавшая лучшимъ европейскимъ арміямъ по выдержкѣ, дисциплинѣ и военному духу и, конечно, превосходившая ихъ во много разъ по высотѣ умственнаго и нравственнаго развитія. Черезъ мѣсяцъ послѣ этого смотра, милліонъ этихъ солдатъ былъ распущенъ по домамъ, заниматься добываніемъ насущнаго хлѣба, и также мирно и быстро опять превратился въ граждамъ, какъ четыре года передъ тѣмъ, охотой, въ отвѣтъ на прокламацію своего президента, создалъ эту великую армію.

Духъ и традиціи этой арміи свято поддерживаются въ американскомъ народѣ и по настоящую минуту. Различныя организаціи военнаго времени, полки, бригады, дивизіи, корпуса, арміи,—по

окончаніи войны, составили общества съ постоянными организаціями, которыя на своихъ годичныхъ собраніяхъ, продолжающихся по недѣлѣ и болѣе, стоятъ въ лагерѣ, поддерживаютъ рутину военнаго времени и за бивачными кострами вспоминаютъ старину. Всѣ эти отдѣльныя общества, кромѣ своихъ самостоятельныхъ организацій, принадлежатъ и къ національному обществу дѣйствительныхъ участниковъ войны на сторонѣ союза, называемому Великою Арміею Республики, насчитывающему около четырехъ сотъ тысячъ членовъ и имѣющему свои развѣтвленія въ формѣ отдѣльныхъ постовъ во всѣхъ закоулкахъ союза. Такъ какъ война кончилась двадцать семь лѣтъ тому назадъ, и самыми молодыми ея участниками могли быть только барабанщики лѣтъ 12-ти или 13-ти, то самому молодому члену этой организаціи въ настоящее время не менѣе сорока лѣтъ, и такъ какъ пополниться ей неоткуда, то ряды ея и рѣдѣютъ съ каждымъ годомъ; слѣдующія 40 лѣтъ, вѣроятно, увидятъ совершенное ея вымираніе. И теперь уже ежегодныя собранія этого общества представляютъ разительное зрѣлище: громадное большинство участниковъ — сѣдые старики, пережившіе періодъ активной дѣятельности и начинающіе уже жить своимъ прошедшимъ. Общество не имѣетъ особой формы, кромѣ широкополыхъ черныхъ мягкихъ шляпъ съ золотыми снурками вокругъ тульи и тросточекъ въ рукахъ; на парадахъ, которые каждый постъ даетъ нѣсколько разъ въ годъ, ряды этихъ ветерановъ представляютъ чрезвычайно внушительное зрѣлище. Главной задачей общества служитъ вспомоществованіе нуждающимся сочленамъ; внѣшними же проявленіями жизни служатъ его годичныя собранія, штатныя и, въ особенности, національныя, мѣняющія городъ каждый годъ, и на которыя собирается большое число членовъ со всѣхъ концовъ союза (такъ, въ прошломъ году въ городѣ Детройтѣ присутствовало свыше тридцати тысячъ членовъ); на нихъ выбирается центральное управленіе общества на слѣдующій годъ и совершается празднество украшенія могилъ павшихъ на войнѣ, называемое „Decoration day», празднуемое 30-го мая. Въ этотъ день города союза убираются въ трауръ, и ряды ветерановъ, предшествуемые дѣтьми, несущими цвѣты, и послѣдуемые обыкновенно всѣмъ населеніемъ города, маршируютъ съ музыкой на кладбище и украшаютъ цвѣтами могилы своихъ павшихъ собратовъ по оружію — процедура всегда чрезвычайно торжественная, сопровождаемая спичами, музыкой и полной остановкой всякой работы и всей дѣловой дѣятельности въ городѣ.

Американцы вообще относятся съ чрезвычайнымъ уваженіемъ къ покойнымъ. Всякое сколько-нибудь состоятельное семейство непремѣнно владѣетъ своимъ собственнымъ мѣстомъ на кладбищѣ, и тѣла членовъ семьи, гдѣ бы имъ не случилось умереть, непремѣнно пересылаются по экспрессу, для погребенія на такомъ мѣстѣ; американецъ заложитъ послѣднюю рубашку, если это необходимо, а похоронитъ тѣло родственника прилично, и непремѣнно на фамильномъ мѣстѣ. Федеральное правительство, въ виду этой національной особенности, скупило всѣ мѣста, гдѣ были похоронены жертвы войны, и образовало изъ нихъ національныя кладбища, содержимыя на федеральный счетъ въ величайшемъ порядкѣ; все поле битвы подъ Чикамаюгой, напримѣръ, нѣсколько миль на югъ отъ города Чаттануги, въ штатѣ Теннеси, куплено правительствомъ и обращено въ великолѣпный національный паркъ. Списки убитыхъ и умершихъ отъ ранъ и болѣзней тщательно велись и во время самой войны, и, въ теченіи цѣлыхъ двадцати-пяти лѣтъ, по ея окончаніи особой коммиссіей, только недавно закрытой; эта коммиссія перерыла всѣ архивы, допросила сотни тысячъ свидѣтелей, посѣтила всѣ поля сраженій и мѣста расположенія военныхъ лазаретовъ, и была закрыта только, когда федеральныя власти вполнѣ убѣдились, что все, что̀ могло быть сдѣлано въ этомъ отношеніи, было сдѣлано.

Въ теченіи послѣднихъ трехъ-четырехъ лѣтъ солдаты конфедераціи тоже составили нѣчто въ родѣ національнаго общества, и во многихъ мѣстностяхъ юга образовались общества ветерановъ конфедераціи. Нужно замѣтить, что, хотя вражда между политическими, гражданскими, такъ сказать, элементами сѣвера и юга все еще стоитъ на точкѣ кипѣнія, солдаты обѣихъ сторонъ давно примирились. Года два тому назадъ, въ первый разъ постъ ветерановъ города Бостона ѣздилъ въ гости въ Вирджинію, къ своимъ бывшимъ противникамъ на Геттисбургскомъ полѣ, остаткамъ знаменитой конфедератской дивизіи Пикетта; тѣ возвратили визитъ, и оба посѣщенія отличались полнымъ радушіемъ и забвеніемъ старой вражды. Съ тѣхъ поръ взаимные визиты сдѣлались очень частыми; прошлымъ лѣтомъ въ праздновании годовщины Геттисбургской битвы участвовали представители обѣихъ сторонъ на самомъ полѣ. Ребята въ синемъ и ребята въ сѣромъ—boys in blue и boys in grey—какъ здѣсь зовутъ обыкновенно защитниковъ союза и конфедератовъ — встрѣтились друзьями и братски обнимались и цѣловались на томъ самомъ полѣ,

гдѣ 28 лѣтъ тому назадъ почти сорокъ тысячъ человѣкъ были уложены бичомъ войны.

Я не юристъ, имѣю только весьма смутное представленіе о правѣ и законахъ вообще, и въ Америкѣ мнѣ никогда не приходилось судиться въ какомъ бы то ни было судѣ. Само собою разумѣется, что, въ теченіи моей дѣловой дѣятельности, здѣсь у меня случалось не мало разнообразныхъ столкновеній и спорныхъ дѣлъ съ разными людьми, по разнымъ случаямъ—я часто обращался къ адвокатамъ, но дѣло никогда не доходило до суда, всегда кончалось полюбовными сдѣлками и взаимными уступками между адвокатами. Это торгашество, причемъ адвокаты являются посредниками сторонъ, чрезвычайно распространено въ Америкѣ, и не только по гражданскимъ, но и по уголовнымъ дѣламъ. Прокуроръ здѣсь зачастую вступаетъ въ сдѣлку и съ судомъ, и съ защитой обвиняемаго, не только по незначительнымъ закононарушеніямъ, но и по дѣламъ о преднамѣренномъ убійствѣ. Не знаю, насколько эта торговля согласна съ принципами уголовнаго права—мнѣ лично всегда казалось, что достоинство суда страдаетъ отъ этой торговли; мнѣ иногда приходилось почему-либо присутствовать на засѣданіяхъ уголовнаго суда, и я получалъ крайне непріятное впечатлѣніе, когда чрезвычайно торжественное начало—въ Америкѣ всѣ уголовныя дѣла ведутся отъ имени народа штата или союза—сводились къ торгу и полюбовному соглашенію между прокуроромъ и защитой,—торгу, въ которомъ иногда принималъ участіе и судья. Если дѣло темное, прокуроръ не увѣренъ ни въ себѣ, ни въ своихъ доказательствахъ, а защита тоже почему-либо не совсѣмъ тверда или опасается какихъ-нибудь разоблаченій, и обвиняемый согласенъ на извѣстное, сравнительно легкое, наказаніе—все дѣло кончается въ нѣсколько минутъ, безъ судебнаго слѣдствія или преній. У меня нѣтъ никакихъ данныхъ, ни статистическихъ, ни опытныхъ, но мнѣ всегда казалось, что, по крайней мѣрѣ, треть уголовныхъ дѣлъ никогда не доходитъ до присяжныхъ, а кончается именно этимъ торгашескимъ способомъ. Это посредничество, это торгашество, которымъ, къ сожалѣнію, проникнуто рѣшительно все въ Америкѣ, и съ которымъ сталкиваешься вездѣ и на каждомъ шагу, лично на меня производило особенно тяжелое впечатлѣніе, именно въ американскихъ судахъ, хотя и въ обыденной жизни я и до сихъ поръ не съумѣлъ съ нимъ освоиться въ надлежащей степени, да и проживи я здѣсь еще двадцать или трид-

цать лѣтъ, едва ли я когда-либо буду въ состояніи объамериканиться до того, чтобы совершенно съ этимъ примириться.

Однимъ изъ самыхъ знаменитыхъ, и, въ то же время, однимъ изъ самыхъ характерныхъ уголовныхъ дѣлъ, когда-либо разбиравшихся въ американскихъ судахъ, было, надѣлавшее по всему союзу огромнаго шума, дѣло о полумилліонной взяткѣ, полученной 13-ью членами нью-іоркскаго муниципальнаго совѣта отъ строителя броадуэйской конки, Джэкоба Шарпа съ товарищами. Дѣло это разбиралось нѣсколько лѣтъ, было начато чрезвычайно искусно молодымъ товарищемъ прокурора Николемъ и, несмотря на относительно неблагопріятный исходъ, принесло значительную пользу, такъ какъ показало всему союзу многія чрезвычайно нежелательныя стороны уголовнаго судопроизводства. Всякую взятку, а въ особенности полумилліонную, доказать крайне хитро; но Николь добился того, что перваго изъ обвиняемыхъ, ольдэрмэна Джэни, присяжные признали безусловно виновнымъ и засадили на десять лѣтъ въ пенитенціарную тюрьму. Тогда-то и началась та война между обвиненіемъ и защитой, которая затянула дѣло до безконечности и довела его до нуля. Хотя и обвиненіе, и доказательства, и свидѣтели—все было одно и то же относительно всѣхъ остальныхъ подсудимыхъ, дѣло о второмъ изъ нихъ слушалось три раза и всякій разъ кончалось разногласіемъ присяжныхъ. Защита тянула дѣло до того, напр., что во второмъ дѣлѣ потребовалось 40 дней для того, чтобы выбрать присяжныхъ—а послѣ трехъ дѣлъ, во всемъ графствѣ Нью-Іоркъ не оказалось ни одного человѣка, который почему-либо не былъ прикосновененъ къ дѣлу или къ прежнимъ разбирательствамъ и годился бы въ присяжные. Тогда дѣло перевели въ одинъ изъ провинціальныхъ округовъ, но и тамъ судъ, послѣ шести недѣль напрасныхъ поисковъ за составомъ присяжныхъ, долженъ былъ отложить дѣло. Между тѣмъ, прошло три или четыре года—нѣкоторые свидѣтели умерли, нѣкоторые были удалены защитой, имѣвшей за собою и вліяніе, и деньги Таммани Голла; самъ Николь былъ смѣненъ другимъ товарищемъ прокурора, который, наконецъ, категорически заявилъ суду, что онъ не можетъ надѣяться на обвиненіе, и потому принужденъ отъ него отказаться; за всѣхъ 13 обвиняемыхъ расплатился одинъ Джэни, а всѣ остальные такъ и избѣжали тюрьмы, хотя это, вѣроятно, и стоило имъ вдвое и втрое противъ того, что они получили—американскіе адвокаты не шутятъ и очень успѣшно оберутъ, какъ липку, всякаго кліента, котораго имъ удастся отвоевать отъ пенитенціарной тюрьмы.

Только предсѣдатель и члены верховнаго суда Соединенныхъ Штатовъ (Supreme Court of the United States) надѣваютъ на публичныя засѣданія нѣчто въ родѣ тоги изъ черпаго шелка; всѣ остальные судьи союза и штатовъ, также какъ и адвокаты и прислужники суда, не только не носятъ никакой опредѣленной формы, но и никогда не употребляютъ даже фраковъ. Судопроизводство вообще чрезвычайно просто, безъ всякихъ формальностей и церемоній. Судья сидитъ на небольшой эстрадѣ за каѳедрой; прокуроръ, адвокаты и присяжные, правда, обыкновенно отдѣлены отъ публики низкой рѣшеткой, но рѣшетка эта существуетъ больше для вида, такъ какъ публика безпрепятственно пробирается за нее и часто наполняетъ все пространство. Тѣмъ не менѣе, несмотря на отсутствіе всякой помпы и на эти внѣшніе, несущественные признаки какъ бы неуваженія къ суду, я глубоко убѣжденъ, что каждый американецъ ставитъ его чрезвычайно высоко и готовъ во всякую минуту положить свою жизнь въ его защиту и во исполненіе его рѣшеній. Съ судомъ въ Америкѣ плохія шутки; самые смѣлые пограничные разбойники, самые отчаянные преступники никогда не рѣшались оскорблять его—они знали, чувствовали всѣмъ своимъ существомъ, что зрители растерзали бы ихъ въ куски на мѣстѣ за неуваженіе къ суду. Это опять-таки одна изъ коренныхъ, въ высшей степени симпатичныхъ особенностей американскаго народа: онъ можетъ ошибиться, можетъ посадить недостойнаго человѣка въ судьи, и внѣ суда, на улицѣ, заушить его не хуже кого другого—но въ судѣ онъ требуетъ безусловнаго ему подчиненія, также какъ и безусловнаго исполненія его рѣшеній. Лѣтъ двадцать тому назадъ, нѣкто Слэдъ (Slade), человѣкъ изумительной рѣшимости и силы воли, терроризировалъ всю территорію Монтану—онъ разбойничалъ безнаказанно по всему ея пространству, убилъ собственными руками въ разное время свыше двадцати человѣкъ, и шайка его была такъ сильна своей численностью, сплоченностью и организаціей, что слабыя мѣстныя власти ничего не могли съ нимъ подѣлать, въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ, хотя и многократно привлекали его къ суду. Человѣкъ этотъ самъ свилъ себѣ веревку, когда, наконецъ, забылся до того, что въ гнѣвѣ, съ страшными клятвами, изорвалъ въ клочки и истопталъ ногами повѣстку судьи. Немногіе свидѣтели, не принадлежавшіе къ его шайкѣ, немедленно схватили его и, черезъ нѣсколько часовъ, повѣсили безъ суда; цѣлая сотня его товарищей, вооруженныхъ съ ногъ до головы, со слезами на глазахъ присутствовали при его экзекуціи, не посмѣвъ вступиться за своего

вожака—онъ могъ безнаказанно убить человѣка, но не могъ безнаказанно оскорбить установленный судъ страны, даже въ такой беззаконной общинѣ, какою, несомнѣнно, была Монтана въ тѣ времена.

Едва-ли возможно говорить о безпристрастіи и неподкупности судовъ въ какой-либо странѣ въ общихъ чертахъ—я полагаю, что и въ Америкѣ въ судахъ дѣлается то же самое, что̀ и во всемъ остальномъ мірѣ; но я не могу не указать на ту разницу, которая и въ этомъ отношеніи ощущается между Сѣверомъ и Западомъ съ одной стороны, и Югомъ—съ другой. Всякому читателю, вѣроятно, извѣстно, что̀ такое судъ Линча. Судъ этотъ, лѣтъ двадцать тому назадъ, еще до постройки трансконтинентальныхъ желѣзнодорожныхъ линій и ихъ побочныхъ вѣтвей, былъ единственнымъ средствомъ къ самосохраненію въ тѣхъ общинахъ крайняго Запада, которыя, оставивъ за собою цивилизацію и всякое государственное устройство, отвоевывали отъ индѣйцевъ и природы разные углы обширныхъ территорій. Страна была совершенно безъ всякой законной организаціи; не было ни судовъ, ни судей, ни полиціи, никакихъ установленныхъ властей; между тѣмъ, большинство піонеровъ были люди, за голову которыхъ была объявлена награда въ штатахъ—люди, можетъ быть, не всегда преступные и развращенные, но несомнѣнно съ крутымъ нравомъ и тяжелой рукой. Вотъ эти-то форпосты цивилизаціи, слѣдовавшіе всегда впереди земледѣльца и промышленника, въ извѣстныхъ случаяхъ и прибѣгали къ суду Линча: преступника, обыкновенно убійцу, изъ-за угла схватывали, доказывали его виновность и затѣмъ, безъ дальнѣйшихъ церемоній, вѣшали на первомъ попавшемся деревѣ. Территоріи Запада съ тѣхъ поръ заселились и организовались; нѣтъ теперь такого угла въ союзѣ, гдѣ бы сильная рука законнаго суда не могла достать преступника и наказать его по закону; судъ Линча сдѣлался анахронизмомъ и только, сравнительно рѣдко, примѣняется на Западѣ. Но онъ нашелъ себѣ другое пристанище—Югъ, другую жертву—негра. Статистика насильственныхъ убійствъ, называемыхъ судомъ Линча, за 1891 годъ даетъ 195 случаевъ, изъ нихъ 169—въ 9-ти южныхъ штатахъ надъ 121 негромъ и 48 бѣлыми; остальные—надъ бѣлыми, мексиканцами и индѣйцами въ штатахъ и территоріяхъ Запада и тихо-океанскаго побережья. Двадцать лѣтъ тому назадъ, цифры эти были въ обратномъ порядкѣ, и я долженъ сказать, что, хотя число случаевъ суда Линча быстро уменьшается съ каждымъ годомъ на Западѣ,—оно еще быстрѣе увеличивается на Югѣ. Южный полковникъ не можетъ

примириться съ мыслью, что негръ — полноправный гражданинъ Соединенныхъ Штатовъ, и что за всякое преступленіе его слѣдуетъ судить правильнымъ, законнымъ установленнымъ судомъ—онъ предпочитаетъ собственную расправу, особенно, если дѣло темное и неизвѣстно, кто правъ и кто виноватъ. Негръ всегда виноватъ на Югѣ— и истый южанинъ не довѣряетъ даже своимъ судамъ, имъ самимъ установленнымъ, разъ дѣло касается негра. Я много разъ добивался объясненія этого самоуправства и всегда получалъ одинъ и тотъ же отвѣтъ: „помилуйте, да вѣдь судъ могъ его оправдать—нельзя и не слѣдуетъ полагаться на нашъ судъ". На Западѣ отвѣтъ получается совсѣмъ другой—тамъ не инсинуируютъ на судъ, а прямо говорятъ, что вина подсудимаго была доказана безусловно, и немедленная экзекуція спасала графство отъ излишнихъ расходовъ на судъ человѣка, который завѣдомо принадлежалъ висѣлицѣ.

Смертная казнь существуетъ въ большинствѣ штатовъ; только четыре или пять—отмѣнили ее въ видѣ опыта. Висѣлица принята вездѣ способомъ преданія смертной казни; но штатъ Нью-Іоркъ, съ годъ тому назадъ, ввелъ электричество, какъ средство отдѣлываться отъ своихъ преступниковъ. Особый аппаратъ былъ приспособленъ для этой цѣли: онъ убиваетъ человѣка мгновенно, безъ всякой боли, и, вѣроятно, замѣнитъ висѣлицу и въ остальныхъ штатахъ, послѣ того, какъ Нью-Іоркъ убѣдился въ его цѣлесообразности; тѣ экзекуціи, которыя были произведены имъ въ теченіи прошлаго года, были признаны спеціальной коммиссіей присутствовавшихъ на нихъ врачей-экспертовъ чрезвычайно удачными во всѣхъ отношеніяхъ.

Законы о наслѣдствахъ, семейные, имущественные, бракоразводные, о корпораціяхъ, долговыхъ документахъ, торговомъ и промышленномъ правѣ—словомъ, почти всѣ гражданскіе законы, чрезвычайно разнообразны въ различныхъ штатахъ и, вдобавокъ, существенно мѣняются довольно часто. Сорокъ-двѣ легислатуры засѣдаютъ, по крайней мѣрѣ, разъ въ два года; я уже имѣлъ случай замѣтить выше, какъ отзывчивы онѣ обыкновенно къ потребностямъ народа; кромѣ того, онѣ часто бываютъ вынуждены законодательствовать подъ впечатлѣніемъ минуты. Самыми живыми, наиболѣе часто затрагиваемыми вопросами, являются вопросы о корпораціяхъ, о trust'ахъ и объ отношеніяхъ труда къ капиталу. Всѣмъ штатамъ пришлось за послѣднее время считаться болѣе или менѣе съ этими вопросами— относительно ихъ было издано многое множество законовъ; нѣкоторые изъ нихъ оказались не чѣмъ инымъ, какъ довольно неудачными экс-

периментами. Тѣмъ не менѣе, вопросы эти разработываются законодательнымъ путемъ болѣе и болѣе, глубже и глубже, и каждая сессія вноситъ что-нибудь поучительное и достойное подражанія. Законодательство въ Америкѣ является дѣломъ безусловно живымъ; полная и безусловная свобода слова и печати даютъ возможность выяснить всякую сторону вопроса, даютъ возможность всѣмъ и каждому высказаться въ той или другой формѣ, и крайняя разница въ извѣстныхъ законоположеніяхъ заставляетъ только удивляться безконечному разнообразію человѣческихъ идей и взглядовъ на одинъ и тотъ же предметъ. Такъ, разводъ почти невозможенъ въ штатѣ Нью-Іоркѣ и большинствѣ штатовъ Юга; а на Западѣ, и въ особенности въ штатѣ Южной-Дакотѣ, для полученія безусловнаго развода, требуется только соблюденіе самыхъ незначительныхъ, сравнительно, формальностей. Суды этого штата завалены дѣлами о разводѣ лицъ со всѣхъ концовъ союза — между тѣмъ, какъ число разводовъ между его собственными жителями чрезвычайно незначительно. Штатъ Вайомингъ даровалъ своимъ женщинамъ право голоса на всѣхъ выборахъ, и притомъ единогласнымъ рѣшеніемъ легислатуры. Штатъ Канзасъ имѣетъ нѣсколькихъ женщинъ „майоровъ" и цѣлые женскіе муниципальные совѣты, дѣйствующіе, говорятъ, весьма мудро и осмотрительно, хотя и вызывающіе массу каррикатуръ, — а попытки провести нѣчто подобное, хотя и съ значительными урѣзками поля дѣятельности, въ нѣкоторыхъ штатахъ Новой-Англіи были во всѣхъ случаяхъ разбиты подавляющимъ большинствомъ. Права женщины, какъ наслѣдственныя, такъ и имущественныя, вообще гораздо шире и полнѣе на Сѣверѣ и, въ особенности, на Западѣ, чѣмъ на Югѣ; въ нѣкоторыхъ штатахъ Запада женщина не только полноправна, но и владѣетъ многими преимуществами передъ мужчиной—на Югѣ ее все еще находятъ необходимымъ опекать во многихъ отношеніяхъ. Узаконенія, по взысканію долговъ всякаго рода, на Югѣ весьма строги, хотя, вслѣдствіе сложности процедуры и, въ особенности, медленности судовъ, взыскать что-либо крайне трудно; на Западѣ каждое семейство, сравнительно, обезпечено изъятіемъ отъ насильственной продажи за долги — или фермы, на которой оно живетъ, со всѣмъ необходимымъ для ея обработки, или дома, съ мѣстомъ и всѣмъ внутреннимъ убранствомъ въ городѣ; нельзя также продать за долги ничего, чѣмъ лицо свободныхъ профессій, рабочій или ремесленникъ добываетъ себѣ средства къ существованію —его лошадь и экипажъ, если онъ занимается из-

возомъ, его инструменты, если онъ столяръ или землемѣръ, его библіотеку, если онъ адвокатъ. Законы, стремящіеся къ огражденію должниковъ, иногда вдаются въ крайности: такъ, года два тому назадъ, легислатура штата Канзаса, въ которой случилось значительное большинство голосовъ членовъ фермерскаго союза, безусловно воспретили на десять лѣтъ продажу какого бы то ни было имущества, особенно поземельнаго, по закладнымъ всякаго рода. Банки и частные капиталисты немедленно стакнулись и остановили всякіе займы подъ залогъ фермерскаго имущества и по векселямъ купцовъ, имѣвшихъ сношенія съ фермерами, чѣмъ почти совсѣмъ остановили какія бы то ни было торговыя сдѣлки во всемъ штатѣ. Губернаторъ вынужденъ былъ созвать экстренную сессію, которая и отмѣнила несообразный законъ,—а результатомъ этого эпизода было совершенное уничтоженіе вліянія фермерскаго союза въ штатѣ.

XII.

Американцы вообще — народъ чрезвычайно сообщительный. Я не думаю, чтобы въ какой-либо другой странѣ люди сходились такъ быстро и такъ безцеремонно, какъ они сходятся и вступаютъ въ дѣловыя сношенія въ Соединенныхъ-Штатахъ. Нерѣдко короткое знакомство въ желѣзно-дорожномъ вагонѣ или въ общей пріемной отеля кончается дѣловымъ партнерствомъ; самыя разнообразныя предпріятія, часто огромныхъ размѣровъ, начинаются именно такимъ образомъ. На крайнемъ Сѣверо-востокѣ, въ штатахъ Новой-Англіи, эта сообщительность не такъ замѣтна — вѣроятно, потому, что этотъ уголъ союза имѣетъ болѣе осѣдлое населеніе, въ европейскомъ смыслѣ слова, чѣмъ всѣ остальныя его части. Новая-Англія заселилась прежде всего, и притомъ заселилась преимущественно религіозными изгнанниками Европы XVI-го и XVII-го столѣтій, привезшими съ собой ту обособленность, которой они были подвержены въ Европѣ до переселенія; потомство этихъ изгнанниковъ долгое время держалось этой обособленности, которая, благодаря семейнымъ традиціямъ въ связи съ религіозными особенностями, породила пуританизмъ и квакерство, а съ ними и извѣстную степень замкнутости. Впрочемъ, эти особенности въ настоящее время быстро исчезаютъ; тѣмъ не менѣе, особенная сообщительность американцевъ начинаетъ рѣзко бросаться въ глаза европейцу только послѣ того, какъ онъ

переберется въ западныя части штатовъ Нью-Іорка и Пенсильваніи; чѣмъ дальше онъ будетъ подвигаться на западъ, тѣмъ рѣзче она становится. Не только мужчины, но и женщины нерѣдко первыя заговаривали со мной въ желѣзно-дорожныхъ вагонахъ, безъ всякой принужденности, и безъ всякой необходимости, просто для препровожденія времени. Вечеромъ, въ пріемной западнаго отеля, всѣ гости, какъ въ Америкѣ зовутъ постояльцевъ гостинницы, съѣхавшіеся съ разныхъ концовъ союза, сходятся вмѣстѣ — точно они вѣкъ знали другъ друга — устроиваются музыка, пѣніе, даже танцы; вообще непринужденность во всѣхъ отношеніяхъ полнѣйшая.

Наивная, добродушно-грубая сообщительность американца особенно проявляется въ отношеніяхъ сосѣдей въ извѣстномъ районѣ между собою. Въ Америкѣ не новопріѣзжій дѣлаетъ первые визиты сосѣдямъ, а эти сосѣди, — все равно, желаютъ ли новопріѣзжіе заводить знакомства, или нѣтъ. Въ Петербургѣ можно прожить двадцать лѣтъ на одной лѣстницѣ и не знать даже имени сосѣда — въ Америкѣ это немыслимо: все сосѣдство непремѣнно знакомо между собою. Гдѣ бы ни пришлось новопріѣзжимъ остановиться, въ городѣ или на фермѣ, сосѣди цѣлаго околотка сейчасъ же познакомятся съ ними, и мѣстный священникъ обыкновенно является однимъ изъ первыхъ, стараясь привлечь новопріѣзжихъ въ свою церковь, а дѣтей, если таковыя имѣются, въ свою воскресную школу. Церковныя конгрегаціи тоже составляютъ довольно сплоченные кружки; такъ какъ церкви поддерживаются исключительно на добровольныя пожертвованія, то какъ для ихъ поддержки, такъ и для извѣстныхъ улучшеній и нововведеній, постоянно происходятъ добровольные сборы, или устроиваются базары, вечера, пикники и т. д., на которыхъ молодыя дѣвушки конгрегаціи дѣйствуютъ какъ продавщицы или какъ хозяева; часто значительныя суммы собираются такимъ путемъ — и пріобрѣтаются новые органы, колокола, и т. д. Такъ какъ всѣ американскія школы, исключая чисто теологическихъ, какъ низшія, такъ и высшія, смѣшаны для обоихъ половъ, то свобода отношеній между ними полная — молодые люди съ дѣтства привыкаютъ другъ къ другу, и не существуетъ никакого надзора надъ дѣвушками, столь обыкновеннаго во многихъ европейскихъ странахъ. Хотя эта свобода и дика русскому человѣку, воспитанному въ традиціяхъ добраго стараго времени, тѣмъ не менѣе, я долженъ сознаться, что мнѣ лично никогда не приходилось наблюдать злоупотребленія ею въ какомъ бы то ни было отношеніи — американскіе нравы сохранили замѣча-

тельную чистоту, и распущенность ихъ, составляющая язву многихъ современныхъ европейскихъ обществъ, здѣсь — явленіе рѣдкое и исключительное.

Уличная жизнь въ Америкѣ распространена болѣе, чѣмъ гдѣ-либо въ Европѣ, даже болѣе, чѣмъ въ Парижѣ. Настоящій американецъ живетъ на улицѣ. Въ дѣловой части города каждый уголъ занятъ или сигарной лавкой, или аптекой, или цирульной; всѣ эти заведенія служатъ общественными мѣстами сбора, и каждый уголъ непремѣнно вмѣщаетъ толпу народа. Тротуары, особенно въ новыхъ городахъ, обыкновенно очень широкіе; и вся, такъ сказать, общественная жизнь города проявляется, и многія дѣловыя сдѣлки заключаются на этихъ углахъ. „To go on the street“ — „идти на улицу“ —значитъ идти заниматься дѣломъ. Во время политическихъ компаній, во время выборовъ, въ случаѣ какихъ-либо особенно выдающихся событій, биржевыхъ потрясеній, особенно горячей спекуляціи, тротуары города биткомъ набиты пародомъ; всюду отдѣльныя группы, громко, не стѣсняясь, съ жестикуляціей, обсуждаютъ положеніе дѣлъ. На улицахъ формируется общественное мнѣніе, на улицахъ же кристаллизуются рѣшенія; американецъ идетъ подъ крышу только, чтобъ формулировать ихъ, такъ какъ форма играетъ здѣсь весьма важную роль. Всякія рѣшенія, постановленія, резолюціи обсуждаются со всѣхъ сторонъ и облекаются въ чрезвычайно короткую и опредѣленную форму; англійскій языкъ, какъ извѣстно, особенно пригоденъ для этого, и знаменитыя „Декларація Независимости“ и „Конституція Соединенныхъ Штатовъ“, конечно, служатъ блестящими примѣрами этихъ краткости и опредѣленности и останутся на всѣ времена образцовыми произведеніями этого рода. Мнѣ много разъ приходилось, до извѣстной степени, участвовать въ этихъ проявленіяхъ общественной жизни; иной разъ цѣлый день, иногда два, три дня, смотря по обстоятельствамъ, „great excitement prevails“— стереотипная фраза, употребляемая повсемѣстно въ Америкѣ, для выраженія общественнаго возбужденія, и значащая въ буквальномъ переводѣ: „великое возбужденіе первенствуетъ“,—происходитъ въ городѣ; событіе, его вызывающее, занимаетъ всѣхъ и все; мало-помалу изъ хаоса выработывается извѣстное рѣшеніе, организуется правильный митингъ, часто на открытомъ воздухѣ, и затѣмъ уже, особой коммиссіей, рѣшеніе это облекается въ форму—всегда рѣзкую и опредѣленную, такъ что не можетъ быть никакого сомнѣнія относительно точнаго смысла. Русскій языкъ, несравненно болѣе богатый

и образный, чѣмъ англійскій, въ то же время далеко уступаетъ ему въ рѣзкости, точности и, особенно, краткости; я много разъ пытался переводить нѣкоторыя резолюціи и положенія, привлекавшія меня красотой и мощью слога, —но нерѣдко долженъ былъ бросать начатое, какъ безусловно неблагодарный трудъ.

Всѣ американскіе города, и въ особенности новые, рѣзко раздѣляются на двѣ части—дѣловую и резиденцію. Въ дѣловыхъ улицахъ нижніе этажи заняты магазинами, а верхніе—складами, мастерскими, или дѣловыми конторами. Американецъ никогда не занимается дѣломъ, какого бы то ни было рода, у себя на дому—непремѣнно въ отдѣльной конторѣ, въ дѣловой части города. Всякій докторъ, всякій адвокатъ, всякій поземельный или страховой агентъ, имѣетъ такую контору (office), въ которой, или на улицѣ, они и проводятъ свой дѣловой день. Очень рѣдко, только въ самыхъ маленькихъ мѣстечкахъ, встрѣчается докторъ, адвокатъ или агентъ какого бы то ни было рода, который бы занимался своей профессіей одинъ—обыкновенно бываетъ два, часто три или четыре партнера. Одинъ ведетъ контору, и его всегда можно застать въ ней; другой, или остальные, смотря по числу членовъ фирмы, проводятъ свои дни на улицахъ и въ другихъ публичныхъ мѣстахъ, визитируя больныхъ, занимаясь дѣломъ въ судахъ, изслѣдуя настроеніе публики, колебанія цѣнъ и т. д., смотря по роду занятій. Эти-то „outside members of the firm“, или наружные члены фирмъ, и составляютъ изъ себя обыкновенную уличную толпу американскихъ городскихъ перекрестковъ; они-то и манипулируютъ всѣми торговыми спекуляціями, подаютъ прежде всѣхъ голосъ во всѣхъ общественныхъ событіяхъ и, до извѣстной степени, руководятъ общественнымъ мнѣніемъ. Дѣловыя улицы города оживлены въ теченіи всего дѣлового дня, который начинается рано и кончается рано: всѣ магазины обыкновенно открыты съ семи часовъ утра, а конторы и банки—съ 8 и 9 часовъ; банки закрываются въ 3, дѣловыя конторы—въ 4 и 5, и всѣ магазины—въ 6 часовъ вечера, когда дѣловыя улицы обыкновенно пустѣютъ, и городская жизнь переходитъ въ резиденцію. Чѣмъ больше городъ, тѣмъ пустѣе его дѣловой центръ по вечерамъ; въ громадныхъ дѣловыхъ зданіяхъ живутъ только сторожа и необходимая прислуга.

Стремленіе укоротить рабочій день такъ же сильно въ дѣловыхъ сферахъ, какъ и между ремеслами; въ настоящее время нѣтъ ни одного мало-мальски значительнаго города въ союзѣ, гдѣ приказ-

чики магазиновъ и клерки дѣловыхъ конторъ не были бы организованы въ компактныя общества, всѣми силами агитирующія въ пользу болѣе короткаго рабочаго дня; во многихъ мѣстахъ они достигли цѣли, а въ Нью-Іоркѣ, напр., добились того, что всякая дѣятельность круглый годъ прекращается въ полдень въ субботу, и въ полдень же по средамъ, въ теченіи лѣтнихъ мѣсяцевъ. Магазины закрываются все раньше и раньше: еще только десять лѣтъ тому назадъ они были открыты до 8, до 9 часовъ вечера—теперь громадное большинство закрывается въ 6 часовъ и даже раньше. Только по субботамъ, когда всѣ ремесленники и остальной рабочій людъ обыкновенно получаютъ недѣльную плату, магазины открыты до поздняго вечера, и дѣловыя улицы оживлены цѣлый день до глубокой ночи.

Американцы убиваютъ массу денегъ на объявленія всякаго рода. Дѣловыя улицы и фасады магазиновъ испещрены самыми разнообразными вывѣсками, часто весьма затѣйливыми и дорогими. Исполинскіе башмаки, часы, перчатки, шляпы, ружья подвѣшиваются надъ входными дверями; разноцвѣтные фонари, расписанные столбы и саженныя буквы на тротуарахъ попадаются на каждомъ шагу и невольно бьютъ въ глаза. Кромѣ того, по улицамъ ходятъ ходячія объявленія всевозможныхъ сортовъ; часто возятъ исполинскіе башмаки, бочки и т. д. на четверкѣ или шестеркѣ разукрашенныхъ перьями и золотомъ лошадей, нерѣдко въ сопровожденіи омнибуса, съ цѣлымъ оркестромъ музыки. Наконецъ, рѣзко бросаются въ глаза продавцы разныхъ патентованныхъ лекарствъ; въ нашемъ городѣ недавно цѣлыхъ двѣ недѣли разъѣзжалъ по всѣмъ улицамъ такой артистъ, на громадномъ золоченомъ омнибусѣ, заключавшемъ въ себѣ въ передней части большой духовой органъ, а въ задней—эстраду, на которой засѣдалъ самъ магикъ, мужчина громаднаго размѣра въ самомъ фантастическомъ восточномъ костюмѣ. Омнибусъ возила четверка отличныхъ сѣрыхъ лошадей, въ перьяхъ и золотѣ; послѣ того, какъ этотъ удивительный экипажъ съ музыкой, заглушавшей обычный уличный шумъ, объѣзжалъ всѣ главныя дѣловыя улицы города, онъ сворачивалъ въ какое-нибудь свободное мѣсто: артистъ раскрывалъ свой сундукъ и трубоподобнымъ голосомъ начиналъ расхваливать свои лекарства; кругомъ него всегда собиралась значительная толпа, и онъ продавалъ иногда на пятьдесятъ и даже на сто долларовъ всякой дряни. Американцы очень любятъ лечиться — и нѣсколько десятковъ людей составили себѣ милліонныя состоянія, благодаря этой особенности, продавая какую-нибудь дрянь, съумѣвшую почему-либо

остановить на себѣ вниманіе публики. Пилюли разнаго сорта, обыкновенно безъ всякаго медицинскаго содержанія, пастильки, масла, мази всякаго рода, гарантируемыя саженными объявленіями вылечивать всякую болѣзнь, составляютъ большинство товара деревенскихъ аптекъ, раскупаются очень охотно и даютъ баснословные доходы ловкимъ спекуляторамъ, съумѣвшимъ удачно пустить ихъ въ ходъ.

Оживленности улицъ американскихъ городовъ много способствуютъ многочисленныя уличныя желѣзныя дороги разныхъ родовъ. Строгое раздѣленіе городовъ на дѣловую часть и резиденцію дѣлаетъ ихъ необходимыми для ежедневнаго передвиженія какъ дѣловыхъ людей и служащихъ всякаго рода, такъ и ремесленниковъ отъ ихъ жилищъ къ мѣсту занятій и обратно. Это дѣленіе является результатомъ той страсти къ собственному дому и собственному семейному очагу, о которой я уже упоминалъ въ одной изъ предъидущихъ главъ; самое бѣдное семейство стремится къ тому, чтобы жить въ своемъ собственномъ домѣ—и многоэтажные дома, со многими квартирами, совершенно неизвѣстны въ городахъ союза, исключая Нью-Іорка и Чикаго; кромѣ того, дѣловая часть города, а также и мануфактурные дистрикты обыкновенно такъ сплочены, и стоимость поземельнаго имущества и ея ренты въ нихъ такъ высоки, что даже очень богатые люди не въ состояніи выносить ихъ для цѣлей резиденціи.

Конныя уличныя желѣзныя дороги быстро исчезаютъ въ Америкѣ; удержались онѣ только въ маленькихъ, сравнительно, городахъ: электричество и кабель замѣняютъ ихъ повсюду. Въ Нью-Іоркѣ, Бруклинѣ, Чикаго, улицы вѣчно такъ наполнены людской толпой и товарными экспрессами, что на нѣкоторыхъ изъ нихъ уже нѣтъ мѣста для поверхностныхъ уличныхъ желѣзныхъ дорогъ—онѣ замѣнены поднятыми на желѣзныхъ столбахъ паровыми линіями. Вопросъ о дешевомъ, быстромъ и безопасномъ уличномъ транзитѣ дѣлается все болѣе и болѣе жгучимъ и требующимъ радикальной перемѣны на многихъ улицахъ главныхъ городовъ союза, въ особенности старыхъ, въ родѣ Бостона и Нью-Іорка; ихъ дѣловыя и мануфактурныя части, давно спертыя со всѣхъ сторонъ водами рѣкъ и земли, за послѣднее десятилѣтіе ростутъ исключительно въ вышину, надстроивая этажъ за этажемъ вверхъ. Повсемѣстное введеніе паровыхъ элеваторовъ уничтожило значеніе лѣстницъ, и дѣловыя конторы въ самыхъ верхнихъ этажахъ, вдали отъ уличнаго шума, спертаго воздуха и всевозможныхъ городскихъ запаховъ, предпочитаются въ настоящее время конторамъ въ нижнихъ этажахъ, кото-

рые все болѣе и болѣе занимаются складами товаровъ и фабричными заведеніями разныхъ родовъ. Этотъ ростъ въ вышину, не прибавляя уличнаго пространства, естественно все болѣе и болѣе запруживаетъ толпой уже существующія улицы, и предѣломъ ему покуда служатъ только установленія страховыхъ отъ огня обществъ; впрочемъ, въ Бостонѣ недавно и городское управленіе вступилось за права жильцовъ нижнихъ этажей, все болѣе и болѣе лишающихся свѣта и воздуха. Въ Нью-Іоркѣ недавно организована спеціальная коммиссія, составленная изъ людей, извѣстныхъ своею практичностью и знаніемъ условій жизни этого города, которая съ энергіей занялась изысканіемъ наиболѣе удачнаго разрѣшенія трудной задачи упрощенія, ускоренія и удешевленія уличнаго пассажирскаго транзита, въ связи съ наибольшею его безопасностью. Десятки проектовъ различныхъ компаній, съ сотнями милліоновъ долларовъ капитала, были уже ею разсмотрѣны; насколько извѣстно изъ газетъ, подземныя дороги, съ четверными путями и элеваторами на всѣхъ перекресткахъ, до сихъ поръ почитаются наиболѣе достигающими цѣли, хотя двухэтажныя дороги, съ стеклянными крышами надъ улицами, тоже имѣютъ значительное число компетентныхъ защитниковъ. Президентъ коммиссіи, Вильямъ Штейнуэй, знаменитый фортепіанный фабрикантъ и одинъ изъ наиболѣе выдающихся людей современнаго Нью-Іорка, на дняхъ вернулся изъ Европы и публично высказался въ пользу подземныхъ линій съ электричествомъ какъ моторомъ; стоимость такихъ дорогъ, по его словамъ, превзойдетъ три милліона долларовъ за милю. Теперешнія возвышенныя дороги, которыхъ въ Нью-Іоркѣ около пятидесяти миль, несмотря на громадную стоимость постройки и эксплуатаціи, дѣлаютъ большія деньги, хотя и везутъ пассажира 12 миль за 5 центовъ.

Говоря объ особенностяхъ Американскаго Союза, нельзя обойти молчаніемъ и вопроса о воскресномъ днѣ, вопроса, имѣющаго жгучее и серьезное значеніе вслѣдствіе той розни, которую онъ вызываетъ въ большинствѣ американскихъ общинъ. Строгое и, думаю, искреннее соблюденіе святости воскреснаго дня замѣчается во всѣхъ пуританскихъ и квакерскихъ общинахъ Новой-Англіи и мѣстностяхъ, гдѣ эти элементы преобладаютъ; во всѣхъ остальныхъ—законъ о воскресномъ днѣ или не соблюдается вовсе, или же соблюдается только наружно—и то только отчасти. Въ Нью-Іоркѣ, напр., общественное мнѣніе періодически занимается воскреснымъ днемъ: хотя, по закону, всѣ увеселительныя мѣста и всѣ салоны или кабаки должны быть за-

крыты съ 12 часовъ ночи въ субботу до 6 часовъ утра въ понедѣльникъ; обычное пьянство обыкновенно продолжается, такъ сказать, при закрытыхъ дверяхъ, и только во время періодическихъ гоненій полиція, для удовлетворенія извѣстныхъ элементовъ, вмѣшивается въ дѣло. Какой-нибудь пасторъ или одинъ изъ вожаковъ прогибиціонной партіи, или одинъ изъ членовъ обществъ вспоможенія пьяницамъ и падшимъ женщинамъ, время отъ времени, поднимаютъ крикъ о несоблюденіи воскреснаго закона; крикъ этотъ подхватывается прогибиціонной и религіозной прессой, и на время полиція заставляетъ дѣйствительно закрывать особенно шумные и буйные притоны на воскресенье; но это рвеніе продолжается очень недолго, такъ какъ водочные элементы безусловно преобладаютъ въ муниципальномъ совѣтѣ города Нью-Іорка и руководятъ, до извѣстной степени, его легислатурой и, въ особенности, Таммани-Голломъ (Tammany Hall). Не только въ Нью-Іоркѣ, этомъ по преимуществу космополитическомъ и чрезвычайно разгульномъ городѣ, не отличающемся въ этомъ отношеніи отъ подобныхъ ему морскихъ портовъ, гдѣ скопляются десятки тысячъ бездомныхъ матросовъ, но даже въ Бостонѣ, этомъ центрѣ американскаго пуританизма, съ годъ тому назадъ одна сенсаціонная газета занялась разоблаченіями, по поводу воскреснаго закона,—разоблаченіями, надѣлавшими большого шуму по всему союзу, такъ какъ газета не поцеремонилась назвать по именамъ цѣлые десятки банкировъ, купцовъ и разныхъ агентовъ, извѣстныхъ по всей Новой-Англіи по своимъ дѣловымъ сношеніямъ, богатству и связямъ, которые долгое время каждое воскресенье сейчасъ же послѣ церкви сами предавались самому дикому разгулу въ нѣсколькихъ модныхъ притонахъ, продолжавшемуся до самаго утра понедѣльника. На Западѣ, и въ особенности на тихо-океанскомъ побережьѣ, воскресенье соблюдается весьма мало: въ „территоріяхъ“ салоны и игорные дома никогда не закрываются, и священники, которые обыкновенно стоятъ во главѣ движенія относительно воскреснаго закона, благоразумно молчатъ. На Востокѣ и Югѣ фанатизмъ и ханжество во многихъ мѣстностяхъ сильно пересаливаютъ: не только увеселительныя мѣста, но и образовательныя учрежденія, въ родѣ музеевъ и библіотекъ, закрываются на весь день. Въ Нью-Іоркѣ вопросъ о закрытіи музеевъ поднялъ цѣлую бурю: не будучи въ силахъ одолѣть водочные элементы, ханжи набросились на музеи, и вотъ уже долгое время идетъ ожесточенная война между ними и массами народонаселенія города,—война необыкновенно упорная, продолжаю-

щаяся съ перемѣннымъ успѣхомъ и до сихъ поръ. Въ настоящее время идетъ по всему союзу необычайно сильная агитація по вопросу о закрытіи, по воскреснымъ днямъ, всемірной выставки въ Чикаго; конгрессъ, которому принадлежитъ исключительная юрисдикція въ этомъ случаѣ, заваленъ петиціями со всѣхъ концовъ союза за и противъ открытія—и неизвѣстно еще, которая сторона одолѣетъ, хотя вопросъ этотъ и успѣлъ уже вызвать сильную горечь, а его разрѣшеніе въ томъ или другомъ смыслѣ обѣщаетъ, до извѣстной степени, повліять на общій успѣхъ выставки.

Идея празднованія четырехсотлѣтія открытія Америки чѣмъ-нибудь изъ ряда вонъ выходящимъ уже нѣсколько лѣтъ занимала и прессу, и весь народъ союза. Всемірная выставка въ Чикаго является только, такъ сказать, аксессуаромъ этого празднованія, которое обѣщаетъ быть чѣмъ-то грандіознымъ, превосходящимъ все, что практиковалось до сихъ поръ цивилизованными народами въ этомъ отношеніи. Городъ Чикаго, конечно, представляется самымъ подходящимъ пунктомъ для подобнаго празднованія. Лѣтописи всего міра и всѣхъ временъ не даютъ ничего подобнаго для сравненія съ ростомъ, развитіемъ и вліяніемъ этого мощнаго великана, этого достойнаго олицетворенія прогресса величайшей республики XIX-го столѣтія. Еще живы люди, присутствовавшіе при его зарожденіи и помнящіе бывшую на его мѣстѣ безотрадную болотистую прерію, окаймлявшую берега озера Мичигана,—прерію, по наружному виду, до чрезвычайности схожую съ болотистыми низменностями, окружающими Петербургъ. Современный Чикаго весь стоитъ на искусственномъ грунтѣ. Частыя наводненія и ихъ послѣдствіе, сильная болѣзненность, еще въ шестидесятыхъ годахъ заставили жителей начать постепенное поднятіе цѣлыхъ улицъ, нѣкоторыхъ изъ нихъ на цѣлые пятнадцать футовъ вышины. Въ семидесятыхъ годахъ это подниманіе дошло до такихъ размѣровъ, что инженерныя трудности, имъ представлявшіяся и побѣдоносно обойденныя мѣстными строителями, въ первый разъ обратили на этотъ городъ особенное вниманіе всѣхъ остальныхъ частей союза. Громадныя шести-и восьми-этажныя зданія, каменныя и кирпичныя, съ глубокими подвалами, поднимались цѣликомъ и даже передвигались изъ одного квартала въ другой, безъ выселенія жителей и безъ малѣйшихъ трещинъ въ штукатуркѣ. Въ 1873 году цѣлыхъ три-четверти города сгорѣло до тла; пожаръ продолжался цѣлыхъ 28 часовъ, при страшной бурѣ, и, начавшись какъ разъ около водопроводныхъ сооруженій, прежде

всего уничтожилъ ихъ и тѣмъ совершенно парализовалъ пожарныя команды города. Сотни милліоновъ долларовъ погибли въ этомъ пожарѣ; многіе богачи сдѣлались нищими, но все-таки городъ гордо отказался отъ всякой внѣшней помощи [1]), предложенной ему со всѣхъ сторонъ, самымъ успѣшнымъ образомъ обезпечилъ своихъ холодныхъ и голодныхъ, и съ изумительной энергіей и быстротой выстроили городъ зaново. Со времени этого пожара и возрожденія ростъ Чикаго далеко превзошелъ все, что было извѣстно въ этомъ отношеніи даже въ Америкѣ, и въ настоящее время городъ этотъ стоитъ вторымъ по числу жителей въ союзѣ, въ теченіи послѣдняго десятилѣтія перегнавъ Филадельфію и считая въ своихъ предѣлахъ около 1.100.000 жителей.

Чикаго—первый въ союзѣ городъ по своему судоходству. Этотъ фактъ можетъ показаться страннымъ, такъ какъ онъ стоитъ на внутреннемъ озерѣ; тѣмъ не менѣе, Нью-Іоркъ, уже нѣсколько лѣтъ тому назадъ, долженъ былъ уступить ему первенство въ этомъ отношеніи, какъ и во многихъ другихъ. Какъ по числу судовъ, такъ и по ихъ вмѣстимости—Чикаго величайшій портъ всего міра. Судоходство на Великихъ озерахъ, какъ я уже имѣлъ случай замѣтить въ одной изъ предъидущихъ главъ, получило сильный толчокъ, съ улучшеніемъ канадскихъ каналовъ; но американцы не желаютъ быть въ зависимости отъ своего сильнѣйшаго соперника, и въ настоящее время конгрессъ разсматриваетъ билль, рѣшающій углубленіе Эрійскаго канала, соединяющаго озеро Эріо съ рѣкой Гудзономъ, до 21 фута глубины. Каналъ этотъ будетъ стоить, по смѣтамъ, тридцать милліоновъ долларовъ, но зато допуститъ самыя большія океанскія суда до Чикаго и еще болѣе подниметъ значеніе и вліяніе этого города. Работы по соединенію Великихъ озеръ и Чикаго съ бассейномъ рѣки Мисси-

[1]) Американцы въ этомъ отношеніи чрезвычайно чувствительны и самолюбивы. Какъ бы ни пострадалъ городъ или извѣстная мѣстность отъ какого-либо несчастія—пожара, наводненія, циклона, землетрясенія — они никогда не примутъ посторонней помощи и всегда съумѣютъ обезпечить своихъ неимущихъ согражданъ. За все время моего пребыванія въ союзѣ мнѣ извѣстны только два случая, когда мѣстныя власти обратились за помощью къ націи: въ 1884 г., когда трехлѣтняя засуха окончательно раззорила нѣсколько графствъ въ Южной-Дакотѣ, и въ 1887 году, когда желтая лихорадка обезлюдила Флориду. Въ обоихъ случаяхъ, въ теченіи первыхъ же 30 дней по выпускѣ прокламаціи мѣстнымъ губернаторомъ, присланныя со всѣхъ концовъ союза пособія были такъ значительны, что уничтожили нужду, и подписка была закрыта.

сипи, посредствомъ корабельнаго канала въ 20 футовъ глубины, идутъ чрезвычайно быстро, и каналъ можетъ считаться совершившимся фактомъ, такъ какъ всѣ необходимыя средства, для его окончанія, ассигнованы конгрессомъ, и открытіе его является только вопросомъ времени. Когда весь этотъ великій внутренній водный путь будетъ оконченъ, Чикаго будетъ метрополіей долины рѣки Миссисипи, а съ этимъ и всего американскаго народа, такъ какъ центръ народонаселенія союза, съ каждымъ десятилѣтіемъ, быстро подвигается къ западу; согласно даннымъ послѣдняго ценза, онъ уже подвинулся къ западной границѣ штата Индіаны, находясь въ 20 миляхъ на востокъ отъ города Колумбуса, и начало XX-го столѣтія, вѣроятно, застанетъ его уже на берегахъ Миссисипи, или, во всякомъ случаѣ, весьма близко къ нимъ.

Будучи первымъ портомъ міра, Чикаго, въ то же время, является и первымъ желѣзнодорожнымъ центромъ міра, какъ по числу входящихъ въ него отдѣльныхъ линій, такъ и по числу оперируемыхъ ими миль желѣзной дороги. Болѣе 60 отдѣльныхъ линій, оперирующихъ свыше 70.000 миль желѣзныхъ дорогъ, концентрируются въ этомъ городѣ.

Чикаго можетъ также похвастаться самой совершенной и самой обильной водопроводной системой въ мірѣ. Послѣ пожара городъ рѣшилъ получать свою воду изъ нѣдръ озера Мичигана. Водопроводныя сооруженія построены на искусственномъ островѣ, въ 15 миляхъ отъ города и берега, и на 300 футахъ глубины. Всѣ машины расположены на этомъ островѣ, и вода гонится въ городъ по громадному подводному акведуку, открывающемуся на глубинѣ 250 футовъ отъ поверхности озера,—неизсякаемый источникъ безусловно чистой и замѣчательно здоровой воды. Смертность Чикаго, со времени поднятія города и открытія этого водопровода, упала до 20½ на тысячу, и въ этомъ отношеніи Чикаго далеко ушелъ отъ всѣхъ остальныхъ большихъ городовъ міра.

Америка не имѣетъ столицы въ томъ смыслѣ, какъ имѣютъ ихъ европейскія государства. Правда, Вашингтонъ служитъ мѣстопребываніемъ федеральнаго правительства и потому считается столицею союза; но такъ какъ федеральное правительство далеко не играетъ той роли въ Америкѣ, которую играютъ правительства централизованной до невозможности Европы, то и значеніе этого города въ этомъ смыслѣ соотвѣтственно стушевывается. Всѣ штаты, какъ извѣстно, безусловно самостоятельны во всѣхъ своихъ внутреннихъ

дѣлахъ—централизація нигдѣ въ мірѣ такъ не слаба, какъ въ Соединенныхъ Штатахъ; и культурные, и торговые, и промышленные интересы гораздо важнѣе и существеннѣе политическихъ, а потому и вліяніе городовъ на общественную жизнь союза соразмѣряется сообразно ихъ значенію въ этихъ отношеніяхъ. Нью-Іоркъ несомнѣнно до сихъ поръ остается метрополіей союза относительно внѣшней торговли, какъ экспортной, такъ и импортной; Бостонъ справедливо гордился своимъ значеніемъ умственнаго центра страны; но Чикаго быстро догоняетъ Нью-Іоркъ по своему значенію въ внѣшней торговлѣ, и въ особенности въ мануфактурномъ отношеніи, и перегоняетъ его въ значеніи относительно внутренней торговли, становясь оптовымъ центромъ для все большаго и большаго района. Текущее десятилѣтіе, вѣроятно, увидитъ этотъ городъ во главѣ всей оптовой внутренней торговли страны; уже давно Чикаго стоитъ первымъ въ союзѣ городомъ по лѣсному дѣлу, также какъ и по производству и торговлѣ мѣстными продуктами.

Чикаго не безъ большихъ хлопотъ и расходовъ заручился своимъ выборомъ въ конгрессѣ, какъ центральнаго пункта празднованія четырехсотлѣтней годовщины открытія Америки. Когда вопросъ о томъ, что празднованіе это, между прочимъ, обниметъ и всемірную выставку, былъ рѣшенъ конгрессомъ утвердительно, онъ прежде всего остановился на тѣхъ финансовыхъ требованіяхъ, которыя будутъ предъявлены тому городу, который будетъ выбранъ. Требованія эти опредѣлились, во-первыхъ, въ безусловномъ пожертвованіи пяти милліоновъ на расходы по выставкѣ; во-вторыхъ, въ обезпеченіи другихъ пяти милліоновъ на постройки. Около десятка городовъ мгновенно собрали эти суммы и послали цѣлые комитеты изъ своихъ представителей, составленные изъ наиболѣе выдающихся и извѣстныхъ почему-либо всей націи людей, въ Вашингтонъ къ тому времени, которое было назначено конгрессомъ для обсужденія и рѣшенія вопроса о выборѣ пункта. Нью-Іоркъ, Бостонъ, Чикаго, Санъ-Луисъ и Цинциннати были наиболѣе выдающимися конкурентами; баллотировка продолжалась цѣлыхъ два дня, такъ какъ каждый изъ этихъ городовъ имѣлъ своихъ горячихъ защитниковъ и сторонниковъ,—но центральное положеніе и торговое и промышленное значеніе Чикаго, наконецъ, восторжествовали, и громадный, по американскимъ понятіямъ, призъ достался западному великану.

Національныя сборища и празднества всякаго рода, начиная съ національныхъ политическихъ конвенцій и кончая годичными со-

браніями различныхъ національныхъ обществъ и ассоціацій, ежегодно мѣняютъ мѣста сбора и, въ сущности, отдаютъ ихъ съ аукціоннаго торга. Различные города союза конкурирують между собою, иногда самымъ горячимъ образомъ, для того, чтобы привлечь то или другое собраніе или національное сборище, и часто платятъ большія деньги и входятъ въ значительные расходы, для того, чтобы заручиться ими. Такъ, городъ Миннеаполисъ не только выстроилъ великолѣпную специальную аудиторію, вмѣщающую 12.000 человѣкъ и стоившую свыше полумилліона долларовъ, но и принялъ на себя всѣ расходы, по размѣщенію делегатовъ, для того, чтобы заманить національную республиканскую конвенцію 1892 года. Я уже говорилъ о томъ, чтò сдѣлалъ Чикаго для того, чтобы привлечь всемірную выставку; городъ Санъ-Франциско не только принялъ на себя всѣ расходы по размѣщенію, но и по полному содержанію делегатовъ національной ассоціаціи редакторовъ періодической прессы союза, во все время сессіи годичнаго собранія 1892 года; наконецъ, тотъ маленькій городокъ Сѣверной Каролины, въ которомъ я жилъ въ прошломъ году, въ 24 часа собралъ десять тысячъ долларовъ наличными для того, чтобы привлечь въ свою среду годичное собраніе эмиграціоннаго общества Юга.

Само собой разумѣется, что всѣ эти расходы и хлопоты принимаются городами на себя въ видахъ рекламы; делегатовъ угощаютъ, показываютъ имъ все, чтò есть интереснаго или замѣчательнаго въ городѣ и его окрестностяхъ, стараются всячески занять и увеселить, и все для того, чтобъ они развезли по союзу благопріятныя вѣсти объ оказавшемъ имъ гостепріимство городѣ. Кромѣ того, протоколы этихъ собраній обыкновенно печатаются во всѣхъ распространенныхъ изданіяхъ и жадно читаются публикой; такимъ образомъ, мѣсто сбора постоянно находится на глазахъ у̀ всѣхъ и, само собой разумѣется, пріобрѣтаетъ извѣстность. Необходимо, впрочемъ, замѣтить, что на всѣ подобные расходы деньги никогда не ассигнуются изъ городского казначейства, а всегда собираются по подпискѣ, такъ что только люди со средствами расплачиваются за нихъ.

Кромѣ этого соперничества, существуетъ въ Соединенныхъ Штатахъ и соперничество между городами въ ново - организуемыхъ штатахъ и графствахъ относительно того, которому изъ нихъ выпадетъ на долю быть столицею штата или графства. Соперничество это часто доходитъ до невѣроятныхъ, непонятныхъ русскому человѣку размѣровъ. Такъ, лѣтъ тридцать тому назадъ, когда организовался штатъ Мичиганъ, соперничество разныхъ городовъ дошло

до ожесточенной борьбы, причемъ долгое время ни одно мѣсто не могло привлечь требуемаго закономъ большинства голосовъ, такъ какъ рѣшеніе подобныхъ вопросовъ всегда подлежитъ всеобщей подачѣ голосовъ. Были произведены многочисленные выборы, стоившіе большихъ денегъ и неизмѣнно кончавшіеся полной неудачей—дѣло тянулось нѣсколько лѣтъ, и не было въ виду возможности покончить его полюбовно, такъ какъ ни одинъ изъ конкурировавшихъ городовъ не хотѣлъ уступить другому, и всѣ они имѣли извѣстное число защитниковъ и сторонниковъ, раздѣлявшихъ полный вотумъ штата такимъ образомъ, что ни одинъ пунктъ не имѣлъ безусловнаго большинства всѣхъ голосовъ. Тогда штатъ поднялся почти поголовно, выбросилъ за бортъ всѣхъ претендентовъ и разрѣшилъ вопросъ чрезвычайно своеобразно; вся территорія штата была обращена въ геометрическую фигуру, найденъ ея математическій центръ, и капитолій штата заложенъ на этомъ центрѣ. Кругомъ его выросъ новый городъ, Лансингъ, признанный столицей штата и насчитывающій уже около 15.000 жителей, хотя онъ и былъ основанъ въ глухомъ лѣсу мало заселенной, непривлекательной мѣстности.

Въ 1889 году территорія Дакота [1]) была раздѣлена конгрессомъ на двѣ части, и каждая принята въ союзъ какъ отдѣльный штатъ. Борьба за выборъ столицы въ обѣихъ продолжалась болѣе полугода и окончилась только тогда, когда выбранные условно пункты обязались выстроить на свой собственный счетъ капитоліи и всѣ остальныя необходимыя постройки, для помѣщенія правительства штата. Въ штатахъ Канзасѣ и Тексасѣ, въ новыхъ графствахъ и организуемыхъ ежегодно въ западныхъ ихъ частяхъ, по мѣрѣ ихъ заселенія, всегда идетъ ожесточенная война, по поводу вопроса о выборѣ пункта для столицы графства. Въ прошломъ году въ Канзасѣ дѣло доходило до огнестрѣльнаго оружія въ двухъ случаяхъ: соперничествовавшія мѣстечки получили равное число голосовъ на выборахъ, и граждане ихъ

---

[1]) Территорія Дакота съ самой организаціи обладала сильнымъ, безнадежнымъ, для демократовъ, республиканскимъ большинствомъ, и хотя, по числу жителей и богатству, давно имѣла право на принятіе въ число штатовъ, но не могла этого добиться до 1889 года, пока обѣ палаты и президентство республики были захвачены республиканцами; до тѣхъ поръ одна изъ этихъ вѣтвей правительства принадлежала демократамъ, и они, изъ-за чисто партизанскихъ цѣлей, всегда разбивали всѣ попытки населенія этой территоріи въ этомъ отношеніи. То же самое можно сказать и о территоріяхъ Вашингтонѣ, Идахо, Монтанѣ и Вайомингѣ, принятыхъ въ союзъ только въ 1889 году.

дошли до открытой войны, причемъ архивы и документы новыхъ графствъ, вкупѣ съ ихъ чиновниками и, въ одномъ случаѣ, со зданіемъ, ихъ заключавшимъ, отбивались неоднократно вооруженной силой и перевозились съ мѣста на мѣсто нѣсколько разъ, пока, наконецъ, губернаторъ штата не вмѣшался въ дѣло, приславъ милицію унять безпокойныхъ boomer'овъ.

Процентъ отношенія городского населенія къ сельскому ростетъ въ Соединенныхъ Штатахъ чрезвычайно быстро. Тогда какъ тридцать лѣтъ тому назадъ этотъ процентъ не превосходилъ 7%, по послѣднему цензу 1890 года онъ почти дошелъ до 28%. Несмотря на это, значеніе страны въ земледѣльческомъ и скотоводственномъ отношеніяхъ нисколько не уменьшается, а, напротивъ, ростетъ, хотя и не такъ быстро, какъ въ промышленномъ и торговомъ отношеніяхъ. Объясняется это все бо̀льшимъ и бо̀льшимъ употребленіемъ и упрощеніемъ сельско-хозяйственныхъ машинъ и концентрированіемъ методовъ хозяйства; такъ, гдѣ тридцать лѣтъ тому назадъ требовалось десять рабочихъ для того, чтобы управляться съ успѣхомъ съ хозяйствомъ извѣстной фермы, въ настоящее время достаточно двухъ; а потребности населенія въ фабричныхъ издѣліяхъ ростутъ быстрѣе роста самаго населенія, такъ какъ общее благосостояніе увеличивается и потребленіе усиливается — и то, что̀ тридцать лѣтъ тому назадъ считалось предметомъ роскоши, теперь стало необходимостью, а бюджетъ каждаго семейства соотвѣтственно увеличился. Поэтому-то городское населеніе, производящее продукты мануфактуръ, и ростетъ несравненно быстрѣе сельскаго, при американскихъ условіяхъ жизни, когда каждый гражданинъ можетъ занимать и получать въ собственность 160 акровъ правительственной земли; сотни милліоновъ акровъ ея еще свободны и подлежатъ праву homestead, такъ что безработный городской пролетаріатъ совершенно немыслимъ и неизвѣстенъ; отношеніе этихъ двухъ родовъ населенія между собою можетъ служить, по моему мнѣнію, отличнымъ мѣриломъ для оцѣнки общей цивилизаціи и благосостоянія страны.

Я закончу краткимъ описаніемъ всемірной выставки въ Чикаго, которую предполагали открыть, съ большими церемоніями, 12-го октября 1892 года; работы, по ея сооруженію, быстро подвигались впередъ, нѣкоторыя зданія давно уже окончены, и она съ самаго начала обѣщала затмить собою всѣ предшествовавшія всемірныя выставки. Ея площадь, 666 акровъ, ровно въ девять разъ больше площади по-

слѣдней парижской всемірной выставки 1889 г.; всѣ ея постройки займутъ значительно бо́льшую площадь, чѣмъ площадь всей выставки 1889 года. На приспособленіе двухъ городскихъ парковъ на берегу озера Мичигана, отведенныхъ городомъ Чикаго подъ выставку, уже издержано $ 4.733.890; на издержки администраціи, поддержку приспособленій, содержаніе состава служащихъ и на награды издержано и предполагается издержать $ 11.230.453; на главныя, общія постройки издержано и предполагается издержать $ 7.295.000. Городъ Чикаго внесъ 10.000.000; отдѣльные штаты союза ассигновали на свои зданія и общія издержки свыше $ 5.000.000; южно-американскія республики — около этой же суммы; Европа — около $ 3.000.000, и предполагается, что конгрессъ ассигнуетъ $ 5.000.000. Такимъ образомъ, цѣлыхъ 28 милліоновъ долларовъ давно уже издержаны или ассигнованы; подписка на акціи выставки все еще продолжается, и акціонерный капиталъ предполагается довести до десяти милліоновъ, такъ что въ общемъ издержки по выставкѣ, кромѣ стоимости экспонатовъ и ихъ транспортаціи, превзойдутъ громадную сумму въ тридцать милліоновъ долларовъ.

Главной постройкой служитъ зданіе мануфактуръ и искусствъ, покрывающее 31 акръ, 787 футовъ въ ширину и 1.687 въ длину, съ крышей изъ желѣза и стекла; гребень ея отстоитъ на 150 футовъ отъ полу. Галереи, въ 50 футовъ ширины, образуютъ какъ бы второй этажъ кругомъ всего зданія, а средина будетъ составлять одно цѣлое, съ стеклянной крышей вмѣсто потолка. По срединѣ каждаго фасада — главные входы въ видѣ тріумфальныхъ сложныхъ арокъ, съ выдающимися порталами; центральныя арки въ 40 футовъ ширины и 80 футовъ вышины. На каждомъ углу зданія павильоны со входами, тоже въ формѣ арокъ, соотвѣтственно главнымъ входамъ. Галереи, о которыхъ я упоминалъ выше, предполагалось занять ресторанами и кафе всѣхъ націй, принимающихъ участіе въ выставкѣ. Зданіе это, по площади и по размѣрамъ, будетъ наибольшимъ зданіемъ міра.

Кромѣ этого главнаго зданія, воздвигнуты слѣдующія спеціальныя общія постройки: горное и рудокопное, 350′×700′; гортикультурное, 250×1100′, съ центральнымъ куполомъ въ 187 футовъ въ діаметрѣ и 113 футовъ въ вышину; зданіе электрической выставки, 114′×115′, замѣчательно своеобразное по архитектурѣ, и въ которомъ предполагается устроить освѣщеніе небывалой силы, для ночныхъ иллюминацій всей площади выставки; зданіе женщинъ (Woman's building), проектированное и исполняемое подъ надзоромъ женщины-

архитектора, миссъ Гайденъ изъ Бостона; зданіе путей сообщенія, 250′×960′, съ особымъ придѣломъ, для громоздкихъ экспонатовъ, покрывающимъ площадь въ 9 акровъ; зданіе федеральнаго правительства Соединенныхъ Штатовъ, чрезвычайно остроумно приспособленное и своеобразное въ архитектурномъ отношеніи, 350′×420′; однимъ изъ наиболѣе интересныхъ предметовъ выставки въ немъ будетъ рельефная карта Соединенныхъ Штатовъ, приготовляемая геодезическимъ отдѣленіемъ министерства финансовъ, 400 футовъ въ квадратѣ, съ стеклянной платформой надъ всей картой, по которой посѣтители могутъ ходить сверху и изучать топографію союза. Затѣмъ слѣдуетъ зданіе рыбоводства, 200′×1100′, съ громадными аквріумами прѣсной и морской воды, которую, въ сжатомъ, концентрированномъ видѣ, предполагается доставлять, для ежедневной перемѣны, по желѣзной дорогѣ изъ Атлантическаго океана; зданіе агрикультуры, 500′×800′, увѣнчанное пятью стеклянными куполами; зданія скотоводства, молочнаго и лѣсного дѣлъ, машинный голлъ, 500′×1400′, и, наконецъ, дворецъ изящныхъ искусствъ, 320′×500′.

Кромѣ этихъ общихъ зданій, каждый штатъ и каждая территорія союза—а ихъ 48—воздвигаютъ свои собственныя спеціальныя зданія; наконецъ, южно-американскія и европейскія государства уже начали сооруженіе 31 зданія; ожидается, что къ этому числу прибавится еще около 15 зданій.

Я началъ писать эти очерки около года тому назадъ, когда жилъ въ горахъ штата Сѣверной Каролины—кончаю въ южной Калифорніи, на берегахъ Тихаго океана. Городъ, въ которомъ я жилъ, пережилъ сильный искусственный „boom“ и прошлой осенью началъ жестоко страдать отъ реакціи, которая всегда неизбѣжно слѣдуетъ за всякимъ boom'омъ этого рода въ Америкѣ. Реакція эта проявляется прежде всего прекращеніемъ поземельныхъ сдѣлокъ, затѣмъ остановкой роста города и всякихъ построекъ, слѣдующимъ за нимъ отливомъ оставшихся безъ работы ремесленниковъ и, наконецъ, застоемъ въ торговлѣ. Банки и частные капиталисты не только зажимаютъ деньги и перестаютъ дѣлать займы подъ залогъ недвижимаго имущества и учитывать торговые векселя, но и неохотно отсрочиваютъ прежніе долги, настойчиво требуя ихъ уплаты; спекуляторы разнаго рода, слетающіеся на каждый boom съ разныхъ сторонъ, считаютъ свои барыши и убытки, укладываютъ свои чемоданы и отправляются во свояси; цѣны на поземельную собственность, поднимавшіяся быстрыми

скачками чуть не каждый день въ продолженіе boom'а, вдругъ останавливаются на извѣстной точкѣ, стоятъ на ней нѣкоторое время, а затѣмъ неудержимо обращаются вспять, падая еще быстрѣе, чѣмъ когда-то возвышались. Улицы, сравнительно съ прежнимъ, пустѣютъ, и вѣчный праздникъ обращается въ скучныя, сумрачныя будни. Главною причиною этой коллизіи въ томъ именно городѣ, гдѣ я жилъ, была, во-первыхъ, ненастная, сравнительно очень суровая зима, убившая на нѣкоторое время его репутацію, какъ зимняго убѣжища для сѣверянъ; туристы, пріѣзжавшіе сюда, находили такую слякоть, такую сырость, такую мерзость, что немедленно уѣзжали далѣе на югъ, отели опустѣли, теряли деньги, вмѣсто того, чтобы дѣлать ихъ, а съ ними и вся та часть населенія, которая обыкновенно живетъ доходами разнаго рода отъ этихъ туристовъ. Во-вторыхъ, приключились неожиданно крайне неудачные муниципальные выборы: водочные элементы одолѣли оппозицію, захватили власть и успѣли навалить на городъ долгъ въ шестьсотъ тысячъ долларовъ на улучшеніе улицъ, сточныхъ трубъ и т. д.; консервативные дѣловые люди утверждаютъ, что это въ пять разъ больше того, что̀ было дѣйствительно нужно, и что деньги эти будутъ нецѣлесообразно издержаны и увеличатъ городскіе налоги, и безъ того тяжелые, до того, что они сдѣлаются слишкомъ высокими и будутъ крайне неблагопріятно вліять на общее благосостояніе города. Всѣ съ нетерпѣніемъ ожидали прошлой зимы, думая, что свѣжій приливъ туристовъ принесетъ съ собою опять желанный золотой потокъ — но, къ сожалѣнію, надежды такъ и остались надеждами, такъ какъ туристы, очевидно, помнили прошлую зиму и тщательно обѣгали городъ. Между тѣмъ, семья моя плохо переносила, сравнительно, суровый горный климатъ города; восьмилѣтнее пребываніе во Флоридѣ пріучило насъ къ равномѣрному теплу — и вотъ я, закончивъ всѣ свои подряды, продалъ фабрику, заводы, домъ и переѣхалъ въ Калифорнію, штатъ, который еще въ Россіи очень интересовалъ меня во многихъ отношеніяхъ.

Южная Калифорнія, еще какихъ-нибудь 15 лѣтъ тому назадъ, была голой пустыней — теперь это роскошный, цвѣтущій садъ, съ десятками тысячъ акровъ и многими милліонами апельсинныхъ и лимонныхъ деревъ, а также абрикосовыхъ, орѣховыхъ и оливковыхъ садовъ. Заселеніе ея началось сравнительно, очень недавно, но въ настоящую минуту шесть самыхъ южныхъ графствъ, пограничныхъ съ Мексико, насчитываютъ уже свыше 250.000 жителей, а ея торговая и промышленная столица, городъ Лосъ-Анжелесъ, около 75.000

жителей; климатъ считается однимъ изъ самыхъ совершенныхъ на всемъ земномъ шарѣ. Я устроился очень удобно, но перемѣнилъ родъ занятій, купивъ долю въ паровой прачешной, очищающей свыше пятисотъ долларовъ въ мѣсяцъ; въ одной со мною конторѣ, въ центрѣ города, помѣщается страховая фирма, состоящая изъ двухъ товарищей, типичныхъ американцевъ во многихъ отношеніяхъ, людей уже за сорокъ лѣтъ. Одинъ изъ нихъ получилъ медицинское образованіе въ Бостонѣ, по окончаніи курса сначала скитался по городамъ Востока, занимаясь своей профессіей, затѣмъ перебрался въ Аризону, гдѣ долгое время работалъ въ серебряныхъ рудникахъ, затѣмъ сплавлялъ и пилилъ лѣсъ на рѣкѣ Колумбіи въ штатѣ Орегонѣ, потомъ занялся экспортной торговлей въ Санъ-Франциско, откуда, наконецъ, переѣхалъ сюда и открылъ страховую контору. Другой—выросъ на маленькой, бѣдной фермѣ въ сѣверной Калифорніи, и когда подросъ, сначала пасъ лошадей, а затѣмъ сдѣлался кучеромъ почтовыхъ дилижансовъ, затѣмъ желѣзнодорожнымъ кондукторомъ, и, наконецъ, очутился въ Лосъ-Анжелесъ членомъ страховой фирмы, недавно выбранъ ольдэрмэномъ и разсчитываетъ попасть въ „майоры" на слѣдующихъ выборахъ. Мой собственный товарищъ, по прачешной, выросъ въ штатѣ Массачузетсѣ, ушелъ оттуда пятнадцатилѣтнимъ мальчикомъ, пѣшкомъ, въ Калифорнію, служилъ матросомъ на парусномъ суднѣ въ Тихомъ океанѣ, попалъ случайно на Сандвичевы острова, гдѣ и пробылъ пять лѣтъ на большой сахарной плантаціи, затѣмъ перебрался въ Санъ-Франциско, гдѣ прожилъ 15 лѣтъ, занимаясь самыми разнообразными дѣлами, случайно заѣхалъ въ Лосъ-Анжелесъ—и вотъ уже пять лѣтъ до меня возится съ паровой прачешной. Человѣкъ, у котораго я купилъ мою долю, имѣлъ еще болѣе разнообразную карьеру—былъ солдатомъ, музыкантомъ, владѣльцемъ самаго большого фортепьяннаго магазина въ Санъ-Франциско, содержалъ и теперь содержитъ скаковую конюшню и заводъ шотландскихъ пони, за которыми самъ ѣздилъ нѣсколько разъ въ Шотландію, имѣетъ нѣсколько фермъ, и лѣтъ пять уже спекулируетъ поземельной собственностью въ Южной Калифорніи, наживалъ и терялъ нѣсколько разъ значительныя состоянія, и теперь, продавъ прачешную, собирается опять открыть фортепьянный магазинъ, какъ только найдетъ подходящаго товарища. Самъ я, какъ только освоюсь съ прачешнымъ дѣломъ и установлю его на прочномъ основаніи, собираюсь съѣздить на Сандвичевы острова, которые отсюда рукой подать, и всмотрѣться въ тамошнее лѣсное дѣло, которое, по всѣмъ имѣющимся у меня свѣдѣніямъ, должно оказаться чрезвычайно выгоднымъ.

ПРЕЗИДЕНТСКАЯ КАМПАНІЯ 1892 Г.

I.

Президентская кампанія 1892 г. была полна характерными неожиданностями съ начала до конца, и неожиданностями не только для массъ, но и для вожаковъ партій. Ранней весной 1892 года самыя ярыя демократическія газеты не смѣли даже мечтать объ успѣхѣ. Администрація Гаррисона была замѣчательно чиста отъ какихъ бы то ни было скандаловъ; цѣлые три года прошли безъ всякихъ пертурбацій, и самые ярые партизаны оппозиціи должны были признать, что администрація была и безусловно честна, и очень способна. Кабинетъ, какъ цѣлое, представлялъ собою комбинацію чрезвычайно дѣятельныхъ, популярныхъ и способныхъ государственныхъ людей; между ними былъ только одинъ политиканъ по профессіи: это премьеръ кабинета и министръ иностранныхъ дѣлъ, Джэмсъ Джиллеспи Блэнъ (James G. Blaine),—всѣ остальные были дѣловые люди, относившіеся къ своимъ министерскимъ портфелямъ не какъ къ профессіи, а какъ къ долгу, исполнить который они были призваны родиной. Генералъ почтмейстеръ Ванаемэкеръ (Wannamaker) пользовался національной репутаціей, какъ замѣчательно-энергичный, прозорливый и успѣшный дѣлецъ; министръ финансовъ Виндомъ (Windom), въ теченіи цѣлыхъ сорока лѣтъ, былъ извѣстенъ націи, какъ непоколебимо-честный, прямой, серьезный финансистъ; морской министръ Трэси (Tracy) завоевалъ себѣ почетное имя, какъ энергическій преобразователь пришедшихъ-было въ совершенный упадокъ морскихъ силъ и, въ особенности, военныхъ судовъ флота Союза; министръ земледѣлія, Джерри Рюскъ (Jerry Rusk), крайне оригинальный представитель лучшей части фермерскаго населенія дальняго Запада, съумѣлъ поставить свое новое, только-что учрежденное министерство на дѣловую ногу, безъ всякаго формализма, — къ сожалѣнію, давно уже пробившаго себѣ дорогу во всѣ остальные департаменты федеральнаго правительства,—и пользовался обширной, заслуженной популярностью среди фермерскихъ массъ. Иностранная политика, за вялое и неискусное веденіе которой нація

была особенно недовольна предшествовавшей администраціею Кливелэнда и его премьера Баярда, въ умѣлыхъ, энергичныхъ рукахъ Блэна совершенно переродилась: отношенія между Соединенными Штатами и республиками центральной и южной Америки, дотолѣ индифферентныя и, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, даже натянутыя, были не только постепенно и радикально улучшены, но и скрѣплены торговыми трактатами первостепенной важности, результатомъ созваннаго Блэномъ пан-американскаго конгресса; интриги Англіи, постоянно и упорно соперничествующей на всемъ американскомъ континентѣ съ Соединенными Штатами относительно политическихъ и, главное, торговыхъ вліяній, были успѣшно парированы во всѣхъ направленіяхъ, и совершенно-было упавшая экспортная торговля Союза опять оживилась и медленно, но вѣрно стала захватывать важнѣйшіе рынки центральной и южной Америки. Притязанія Англіи на морскіе промыслы Берингова моря, и Франціи—на рыбныя ловли великихъ отмелей Атлантическаго океана, притязанія, тянувшіяся цѣлыя десятилѣтія и вызвавшія почти совершенное уничтоженіе морскихъ промысловъ Союза, были, наконецъ, встрѣчены съ такой твердостью, что обѣ эти державы принуждены были, послѣ упорной дипломатической борьбы, въ которой принялъ участіе даже верховный судъ Союза, отказаться отъ многихъ изъ своихъ притязаній въ пользу Союза, и эта дипломатическая кампанія, за которой съ затаеннымъ дыханіемъ слѣдилъ весь американскій народъ, была закончена соглашеніемъ на третейскій судъ, посреди всеобщихъ рукоплесканій въ честь Блэна и его несокрушимаго стоицизма, разъ дѣло касалось существенныхъ интересовъ его родины.

Лѣто 1891 года было чрезвычайно благопріятно въ экономическомъ отношеніи. Хлопокъ, пшеница и кукуруза, эти три главные продукта земледѣлія Союза, дали отличный, давно небывалый урожай, а общій неурожай въ Европѣ поднялъ цѣны, такъ что Союзъ не только продалъ весь свой излишекъ, но и продалъ его по высокой, давно небывалой цѣнѣ; экспортъ этихъ продуктовъ былъ слишкомъ на четыреста милліоновъ долларовъ выше средняго. Общее благосостояніе страны было особенно высоко въ теченіи зимы 1891—92 года и, само собой разумѣется, отразилось немедленно па всѣхъ отрасляхъ фабричной и заводской промышленности: мануфактурныя заведенія работали на всѣхъ парахъ, торговые обороты достигли огромныхъ, небывалыхъ размѣровъ, и вся страна находилась въ возбужденномъ, лихорадочно-энергичномъ настроеніи. Новый протекціон-

ный тарифъ, выраженный знаменитымъ биллемъ Макъ-Кинлея [1]), былъ въ дѣйствіи уже больше года; безпошлинный ввозъ усилился на цѣлые 70 милліоновъ долларовъ, тогда какъ общая сумма взысканныхъ ввозныхъ пошлинъ упала на сорокъ милліоновъ, сравнительно съ предшествовавшимъ, до введенія новаго тарифа, годомъ. Отчеты рабочихъ бюро, особыхъ учрежденій, введенныхъ во многихъ штатахъ для изслѣдованія рабочаго вопроса, отношеній труда къ капиталу и, главное, для разбора недоразумѣній и столкновеній между ними, были также крайне благопріятны. Число стачекъ значительно упало, сравнительно съ предшествовавшими годами: заработная плата замѣтно увеличилась во всѣхъ штатахъ, число рабочихъ часовъ уменьшилось. Особенное вниманіе возбудилъ отчетъ „коммиссіонера труда" штата Нью-Іорка, Пека (Peck), извѣстнаго по всему Союзу за завзятаго демократа и яраго партизана съ одной стороны, и за чрезвычайно талантливаго и умѣлаго статистика—съ другой; отчетъ этотъ указывалъ на небывалое благосостояніе и на поднятіе заработной платы по всѣмъ почти, безъ исключенія, отраслямъ труда. Въ то же время отчетъ коммерческой палаты города Нью-Іорка доказывалъ безусловно, что цѣнность всѣхъ, почти безъ исключенія, необходимыхъ предметовъ для жизни понизилась—въ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ случаяхъ, какъ напр. сахара, на цѣлыхъ 40%. Данныя всеобщаго десятилѣтняго ценза 1890 года, мало-помалу выдаваемыя публикѣ въ теченіи 1891 года, указывали на громадный, небывалый дотолѣ прогрессъ націи по всѣмъ, безъ исключенія, отдѣламъ. Цѣнность облагаемаго налогомъ имущества во многихъ штатахъ удвоилась, въ нѣкоторыхъ—утроилась и даже учетверилась; государственный долгъ уменьшился до того, что отношеніе per capita было въ тридцать и даже сорокъ разъ меньше отношенія почти всѣхъ европейскихъ государствъ; большинство штатовъ оказалось совершенно свободнымъ отъ какихъ бы то ни было долговъ, и только немногіе штаты Юга все еще возились съ долгами, созданными междоусобной войной. Общее благосостояніе и, какъ неизбѣжный его результатъ, общее довольство казались неоспоримыми.

Фермерскій союзъ (Farmers Alliance), на предшествовавшихъ выборахъ надѣлавшій большого шуму и все еще шумѣвшій какъ въ нѣкоторыхъ западныхъ, такъ и почти во всѣхъ южныхъ штатахъ,

---

[1]) Билль Макъ-Кинлея—республиканскій тарифъ, проведенный конгрессомъ 1891 года.

ослабляя на западѣ и сѣверо-западѣ республиканскую партію, въ то же время ослаблялъ на югѣ и демократическую. На выборахъ 1890 года союзъ этотъ побилъ регулярныхъ демократовъ въ Южной Каролинѣ и успѣлъ выбрать значительнымъ большинствомъ не только весь свой штатный составъ, но и легислатуру, такъ что послалъ въ сенатъ Соединенныхъ Штатовъ не Вэда Гемптона, состоявшаго уже двадцать лѣтъ сенаторомъ отъ Южной Каролины, знаменитаго конфедератскаго кавалерійскаго генерала, а одного изъ молодыхъ своихъ представителей, заклятаго врага демократовъ-бурбоновъ—Ирби (Irby). Въ то же время фермерскій союзъ проявилъ значительную силу и въ штатахъ Джорджіи, Алабамѣ и Сѣверной Каролинѣ, а регулярные демократы въ этихъ штатахъ должны были прибѣгнуть къ своей обычной тактикѣ относительно республиканцевъ; но на этотъ разъ, уже не противъ этихъ послѣднихъ, а противъ фермерскаго союза, и только благодаря этой тактикѣ, т.-е. интимидаціи избирателей и неправильному счету голосовъ, успѣли удержать за собою эти штаты, особенно Джорджію и Алабаму. На сѣверѣ начинала уже проявляться кое-гдѣ надежда, что, наконецъ, благодаря этому союзу, нераздѣльный Югъ будетъ, наконецъ, разрозненъ. Но надеждѣ этой не суждено было сбыться, такъ какъ фермерскій союзъ, почуявъ свою силу, дѣлалъ ошибку за ошибкой; въ теченіи 1891 года были созваны двѣ національныя конвенціи, — одна въ Санъ-Луисѣ, въ штатѣ Миссури, другая въ г. Окалѣ, въ штатѣ Флорида,—и программы этихъ конвенцій, принятыя большинствомъ послѣ горячихъ и долгихъ преній, окончательно убили фермерскій союзъ на востокѣ и сѣверо-востокѣ, значительно ослабили его на западѣ и сѣверозападѣ и породили рознь на югѣ. Камнемъ преткновенія явились, главнымъ образомъ, вопросы о свободной чеканкѣ серебра и объ учрежденіи федеральныхъ казначействъ въ земледѣльческихъ мѣстностяхъ, для доставленія фермеру дешеваго кредита. По обоимъ этимъ вопросамъ союзъ, тщательно заботившійся о томъ, чтобы не допустить въ число своихъ членовъ никого, кромѣ дѣйствительныхъ фермеровъ, и потому не имѣвшій никакой подготовки по государственнымъ финансамъ, вдался въ несообразности и крайности, требуя исключительныхъ, такъ сказать, кастовыхъ законовъ въ свою пользу,— и тѣмъ окончательно оттолкнулъ отъ себя симпатизировавшіе-было ему рабочіе классы и всѣхъ тѣхъ дѣловыхъ и профессіональныхъ людей, которые дотолѣ были склонны со вниманіемъ относиться къ требованіямъ земледѣльческаго класса. И тѣ и другіе не могли не

замѣтить, что фермерскій союзъ стремится къ обособленію своихъ интересовъ, во вредъ всѣмъ остальнымъ классамъ народа, — а на програмѣ съ поползновеніями подобнаго рода въ Соединенныхъ Штатахъ Сѣверной Америки далеко не уѣдешь; между тѣмъ, платформы (т.-е. програмы) Санъ-Луисской, а въ особенности Окальской національныхъ конвенцій союза не оставляли никакого сомнѣнія въ томъ, что онъ пошелъ по стопамъ блаженной памяти „грэнжеровъ" и „гринбакеровъ," [1]) только въ другомъ видѣ и подъ другимъ названіемъ, и съ этого момента участь союза была рѣшена. Недовольные элементы республиканской и демократической партій, съ живымъ интересомъ слѣдившіе за преніями Окальской конвенціи, какъ только ея резолюціи и програма были обнародованы, сразу и круто отвернулись отъ союза и немедленно принялись за образованіе новой политической партіи, подъ именемъ партіи народа—People's party. Фермерскій союзъ Запада, побитый въ Окалѣ представителями Юга, почти цѣликомъ перешелъ въ ряды новой партіи; въ штатахъ Канзасѣ, Минесотѣ, Небраскѣ и обѣихъ Дакотахъ онъ прямо перемѣнилъ имя, усилившись всѣмъ тѣмъ, что̀ было недовольно почему-либо двумя господствовавшими партіями. Новая партія весьма искусно переговаривалась съ сторонниками свободной чеканки серебра въ нѣкоторыхъ штатахъ Запада, какъ напр. Колорадо, Невадѣ и Айдахо, составлявшими неоспоримое, огромное большинство; вожакъ этихъ послѣднихъ, сенаторъ Соединенныхъ Штатовъ отъ штата Колорадо, Вольkоттъ (Wolcott), выбранный какъ республиканецъ, всегда вотировавшій въ сенатѣ съ этой партіей, заявилъ публично, что какъ самъ онъ, такъ и его штатъ и всѣ остальные штаты и территоріи, заинтересованные въ вопросѣ о серебрѣ, примкнутъ безусловно къ какой-либо партіи, лишь бы партія эта открыто высказалась за свободную чеканку серебра. Тѣмъ временемъ финансовые центры Сѣверо-востока успѣли уже настолько возстановить прессу, а за нею и общественное мнѣніе, противъ этой чеканки, что не только демократы, еще только за годъ до весны 1892 года поголовно стоявшіе за эту чеканку, но и новая „партія народа" почуяла, что открыто стоять за эту чеканку значило потерять всякую надежду на успѣхъ на востокѣ и въ штатахъ Нью-Іоркѣ и Нью-Джерсеѣ, и во всемъ центрѣ; поэтому, хотя вожаки партіи народа

[1]) Грэнжеры и гринбакеры два названія, которыя фермерскій союзъ принималъ въ 70-хъ и 80-хъ годахъ и подъ которыми онъ тогда произвелъ значительныя тревоги въ политическихъ дѣлахъ Америки.

и продолжали еще переговариваться съ Волькоттомъ и его сторонниками, стараясь выяснить свои шансы и выиграть время, эксъ-президентъ Кливелэндъ, считавшійся массами народа за представителя регулярныхъ демократовъ, опубликовалъ письмо, въ которомъ становился безусловно на сторону противниковъ дешевыхъ денегъ и свободной чеканки, несмотря на то, что его партія была въ сущности связана своей національной „платформой“ предшествовавшаго года, и этимъ мастерскимъ, съ политической точки зрѣнія, шагомъ спасъ престижъ партіи на востокѣ и зародилъ въ ней надежду на успѣхъ. Въ томъ же направленіи, хотя и не такъ рѣзко и опредѣленно, какъ Кливелэндъ, высказался и другой наиболѣе видный представитель демократовъ, губернаторъ штата Нью-Іорка, Давидъ Беннетъ Гилль (David Bennett Hill), человѣкъ безъ правилъ или принциповъ, но изумительно ловкій политиканъ и способный организаторъ; въ теченіи президентства Гаррисона, онъ цѣлымъ рядомъ самыхъ мастерскихъ, иногда замѣчательно-тонкихъ, иногда тяжело-грубыхъ политическихъ пріемовъ съумѣлъ крѣпко-на̀-крѣпко захватить бразды правленія въ штатѣ Нью-Іоркѣ, и организовалъ и сдерживалъ своимъ вліяніемъ такое надежное большинство во всѣхъ большихъ городахъ штата, что никому другому не оставалось ни малѣйшаго шанса на успѣхъ. Гиллю апплодировалъ весь Югъ—онъ былъ тамъ особенно популяренъ, и его поѣздка по южнымъ штатамъ, въ теченіи зимы 1891—92 годовъ, была настоящимъ тріумфальнымъ шествіемъ. Поѣздка эта была устроена какъ разъ послѣ того, какъ ему удалось захватить сенатъ штата Нью-Іорка,—легислатура этого штата, въ теченіи послѣднихъ тридцати лѣтъ, была всегда въ рукахъ республиканской партіи и, только благодаря сверхъестественнымъ усиліямъ и цѣлому ряду самыхъ грубыхъ политическихъ злоупотребленій, покрытыхъ губернаторской властью Гилля, демократамъ удался этотъ фокусъ,—они захватили легислатуру большинствомъ одного голоса, сейчасъ же перекроили штатъ для слѣдующихъ выборовъ и прежде всего выбрали самого Гилля сенаторомъ отъ штата Нью-Іорка въ сенатъ Союза. Смѣлость и безстыдство пріемовъ, употребленныхъ Гиллемъ и его сподвижниками, для достиженія этихъ результатовъ, были таковы, что множество демократовъ, во всѣхъ концахъ штата, не только высказались открыто противъ нихъ, но и образовали особую лигу въ средѣ самой демократической партіи для того, чтобы противодѣйствовать этимъ беззаконіямъ. Югъ же, нераздѣльный Югъ. рукоплескалъ,—пріемы Гилля были именно тѣ пріемы, которые упо-

треблялись вездѣ и всегда демократами, — бурбонами Юга, и они безусловно одобряли все, что̀ вело къ униженію республиканской партіи, не смотря на то, какими бы путями цѣль эта ни была достигнута. Побѣды Гилля имѣли особенное значеніе потому, что вліяли на политическую судьбу именно штата Нью-Іорка. Штатъ этотъ, самый значительный, по населенію и богатству, во всемъ Союзѣ, посылаетъ 36 избирателей въ національный колледжъ, выбирающій президента, и до сихъ поръ успѣхъ демократовъ, безъ этихъ голосовъ, считался совершенно невозможнымъ,—все населеніе было убѣждено, что и на президентскихъ выборахъ 1892 года, безъ этого штата, демократы не могутъ имѣть ни малѣйшаго шанса на успѣхъ. Гилль, между тѣмъ, открыто являлся претендентомъ на кандидатуру въ президенты; мало того, его приверженцы открыто проповѣдовали, что или онъ, или никто, и ужъ во всякомъ случаѣ не Кливелэндъ, съ которымъ Гилль былъ всегда на ножахъ. Между тѣмъ, массы демократической партіи на западѣ, на сѣверо-западѣ, на тихо-океанскомъ побережьѣ и на юго-западѣ были поголовно за Кливелэнда, и слышать не хотѣли о Гиллѣ.

Такимъ образомъ, ранней весной 1892 года полный, казалось, непримиримый расколъ царствовалъ въ средѣ демократической партіи; фермерскій союзъ былъ почти стертъ съ лица земли, а замѣнившая его партія народа все еще возилась съ вопросомъ о свободной чеканкѣ серебра, кокетничала, по этому поводу, съ его сторонниками и не рѣшалась издать ничего, въ родѣ національной „платформы“. Казалось, что республиканской партіи, имѣвшей на своей сторонѣ федеральную администрацію, дорога была открыта, но вышло иначе, и выборы 1892 года навсегда останутся примѣромъ того, что въ американской политикѣ никакъ нельзя разсчитывать на конечный исходъ, какъ бы ни благопріятны были шансы на успѣхъ той или другой партіи.

Хотя честность и вообще личный характеръ президента Гаррисона и были выше какихъ бы то ни было подозрѣній и даже инсинуацій политикановъ, хотя и самъ онъ лично, и его кабинетъ были безусловно способны и работали неутомимо и энергично въ пользу страны, не отличаясь интенсивно партизанскимъ характеромъ предшествовавшихъ администрацій, тѣмъ не менѣе лично, самъ по себѣ, Гаррисонъ не пользовался популярностью, даже въ средѣ самой республиканской партіи. Его назначеніе кандидатомъ на президентство національной конвенціи этой партіи въ Чикаго, четыре года тому на-

задъ, было чистой случайностью. Массы партіи желали и надѣялись, что будетъ назначенъ Блэнъ, — но приверженцы эксъ-президента Артюра, преимущественно федеральные чиновники имъ же назначенные, оказались настолько сильными въ конвенціи, что вожакамъ движенія въ пользу Блэна пришлось пойти на компромиссы, чтобы побѣдить вторичную кандидатуру Артюра, — и назначеніе Гаррисона явилось неожиданнымъ для партіи результатомъ этихъ сдѣлокъ. Во время этого назначенія Гаррисонъ былъ адвокатомъ въ столицѣ штата Индіаны, Индіанополисѣ, и, хотя и отличился до извѣстной степени въ теченіи междоусобной войны 1861—1865 г. и занималъ послѣ нея нѣкоторыя общественныя должности, былъ мало знакомъ массамъ народа чѣмъ-либо выдающимся, исключая того, что приходился роднымъ внукомъ по прямой линіи президенту Гаррисону, умершему неожиданно въ Бѣломъ Домѣ въ сороковыхъ годахъ, черезъ мѣсяцъ послѣ занятія должности. Это родство впослѣдствіи сильно повредило ему. Американскій народъ не только крайне подозрителенъ ко всякой наслѣдственности, но и интенсивно ненавидитъ ее, въ какой бы формѣ она ни проявилась. Онъ инстинктивно боится кабалы—ему нужна новая сила, новые люди, новая кровь въ тѣхъ, кому онъ временно поручаетъ управленіе своими интересами. Гаррисонъ былъ выбранъ,— но только благодаря стеченію крайне благопріятныхъ обстоятельствъ. Штатъ Нью-Іоркъ рѣшилъ этотъ выборъ своими 36 голосами, хотя, въ то же время, выбралъ губернаторомъ демократа Гилля, съ разницей въ слишкомъ 40.000 голосовъ. Бывшій предсѣдатель демократическаго національнаго комитета Брайсъ (Brice), крайній оптимистъ, былъ такъ увѣренъ въ успѣхѣ демократовъ въ этомъ штатѣ, что, въ сущности, даже не допускалъ сомнѣній и не принималъ его въ соображеніе въ своихъ выкладкахъ, и Квэй (Quay), предсѣдатель республиканскаго національнаго комитета, воспользовался этимъ оптимизмомъ, и, давъ полный ходъ своимъ, по истинѣ, замѣчательнымъ организаторскимъ способностямъ, побилъ своего противника и выбралъ Гаррисона. Благодаря ошибкамъ Брайса, штаты Вирджинія, Сѣверная Каролина и западная Вирджинія, принадлежащіе къ нераздѣльному Югу, и находящіеся въ безусловномъ распоряженіи демократовъ-бурбоновъ Юга, на этотъ разъ едва-едва не ускользнули изъ ихъ рукъ—демократическое большинство въ нихъ, несмотря на всевозможныя нападки, не превышало тысячи голосовъ въ каждомъ, а въ штатѣ западной Виржиніи большинство представителей въ конгрессѣ оказалось республиканскимъ, и кандидатъ той же партіи

въ губернаторы, Гоффъ, былъ тоже несомнѣнно избранъ, хотя его и не допустили до занятія этой должности, такъ какъ, послѣ долгой и упорной борьбы въ судахъ штата, состоявшимися рѣшеніями мѣсто это было присуждено его демократическому противнику. Послѣ выборовъ и водворенія Гаррисона въ Бѣломъ Домѣ, демократы по всему Союзу взялись за его наслѣдственность,—особенно доставалось его дѣдовской шляпѣ, которую онъ имѣлъ неосторожность носить: всѣ каррикатурные журналы взялись за эту шляпу и, въ теченіи цѣлыхъ четырехъ лѣтъ, издѣвались и надъ ней, и надъ будто бы наслѣдственно-аристократическими тенденціями президента. Благодаря этимъ постояннымъ нападкамъ, общественное мнѣніе страны усиленно слѣдило за его образомъ жизни и привычками,—и несомнѣнно, что въ этомъ отношеніи Гаррисонъ сдѣлалъ не мало промаховъ, незначительныхъ, мелкихъ въ сущности, но тѣмъ не менѣе пріобрѣвшихъ извѣстное значеніе въ виду этихъ обвиненій. Дѣло въ томъ, что должность президента Соединенныхъ Штатовъ требуетъ отъ занимающаго ее лица чрезвычайнаго, особеннаго такта. Американцы крайне демократичны и чувствительны къ тому, какъ держатъ себя въ публикѣ ихъ чиновники; со времени введенія конституціи и избранія Вашингтона, Бѣлый Домъ былъ открытъ для всякаго гражданина, кто бы онъ ни былъ, сперва постоянно, потомъ по извѣстнымъ днямъ;—толпы просителей, а большею частью просто любопытныхъ, по цѣлымъ часамъ осаждаютъ президента, и каждый считаетъ своимъ правомъ требовать, чтобы онъ пожалъ ему руку и сказалъ нѣсколько привѣтливыхъ словъ. Съ теченіемъ времени, по мѣрѣ роста народонаселенія Союза, увеличивалась и работа президентовъ; дѣло дошло до того, что имъ пришлось работать по ночамъ, для того, чтобы успѣвать въ теченіи дня принять всѣхъ посѣтителей. Тѣмъ не менѣе, они не рѣшились тронуть освященнаго временемъ обычая.—Гаррисонъ былъ первымъ президентомъ, рѣшившимся положить до извѣстной степени предѣлъ этимъ требованіямъ: онъ значительно урѣзалъ установленные до него часы для публичныхъ пріемовъ и, будучи по природѣ человѣкомъ чрезвычайно сосредоточеннымъ и несообщительнымъ, внесъ новый элементъ въ эти пріемы, элементъ, какъ казалось посѣтителямъ, особенно демократамъ-партизанамъ, холодный и презрительно-аристократическій. Затѣмъ, были введены извѣстныя требованія отъ посѣтителей: рукопожатія, такъ популярныя въ средѣ американскаго народа, были до извѣстной степени изгнаны; въ нѣкоторыхъ случаяхъ любопытныхъ прямо просили не утруждать пре-

зидента лишними разспросами. Съ просителями разнаго рода Гаррисонъ былъ до чрезвычайности кратокъ — прямо ставилъ вопросъ ребромъ и рѣшительно отказывался убивать время на любезности. Всѣ эти нововведенія, въ сущности не только незначительныя, но и прямо необходимыя въ виду измѣнившихся съ теченіемъ времени условій, тѣмъ не менѣе ставились ему въ вину и разносились тысячами посѣтителей Бѣлаго Дома по всему Союзу; мало-по-малу, президентъ сдѣлалъ себѣ репутацію холоднаго, непроницаемаго аристократа, рѣшительно не понимающаго духа націи. Этому взгляду на президента, мало-по-малу укоренившемуся въ общественномъ мнѣніи страны, не мало способствовали искатели разныхъ должностей и окладовъ, политиканы-республиканцы. Гаррисонъ былъ тѣмъ, что называется на американскомъ политическомъ жаргонѣ dark horse, т.-е. неожиданнымъ кандидатомъ, результатомъ обстоятельствъ минуты, не связаннымъ никакими политическими обѣщаніями; еще за сутки до его назначенія никто о немъ и не помышлялъ, какъ о возможномъ кандидатѣ, и потому, по занятіи должности, онъ считалъ себя безусловно свободнымъ въ своихъ назначеніяхъ на разные мѣста и оклады. Надо отдать ему полную справедливость въ этомъ отношеніи: онъ мало обращалъ вниманія на вопли вожаковъ-политикановъ въ разныхъ штатахъ и держался чрезвычайно осторожно выбора своихъ чиновниковъ; онъ обыкновенно прежде всего принималъ въ соображеніе личныя качества назначаемаго, а не тѣ услуги, которыя были имъ оказаны во время кампаніи тому или другому лицу. Мало того, онъ распространилъ дѣйствіе закона о гражданской службѣ,— закона, составлявшаго главное основаніе успѣха Кливелэнда въ 1882 году и потомъ заброшеннаго имъ послѣ выборовъ, — на многіе департаменты федеральныхъ учрежденій, дотолѣ не подлежавшіе этому закону; политиканы-республиканцы вопили, но Гаррисонъ упорно отказывался смѣстить дѣльныхъ чиновниковъ только потому, что они были демократы. Можно смѣло сказать, что, въ теченіи четырехлѣтней администраціи Гаррисона, законъ о гражданской службѣ, въ теченіи многихъ лѣтъ составлявшій и въ настоящее время составляющій безусловно самое больное мѣсто американскихъ учрежденій вообще, исполнялся точнѣе, чѣмъ когда-либо прежде; я не хочу этимъ сказать, чтобы онъ исполнялся вполнѣ, какъ требуютъ этого его духъ и буква, такъ какъ это, по всей вѣроятности, недостижимо при настоящей организаціи политическихъ партій въ Соединенныхъ Штатахъ,—тѣмъ не менѣе, онъ принимался болѣе или менѣе въ сообра-

женіе почти при всякомъ назначеніи и исполнялся во всякомъ случаѣ больше, чѣмъ когда-либо прежде.

Само собою разумѣется, что такая неумѣстная и непонятная политиканамъ гражданская доблесть не замедлила вызвать недовольное броженіе въ ихъ средѣ; первымъ и самымъ непосредственнымъ ея результатомъ была отставка Кларксона, правой руки Квэя въ президентской кампаніи 1888 года, занимавшаго должность перваго помощника генералъ-почтмейстера Ваннамэкера, и завѣдывавшаго всѣми назначеніями по почтовой части, а потому прежде всѣхъ другихъ успѣвшаго столкнуться съ президентомъ по поводу этихъ назначеній. Самъ Квэй, между тѣмъ, вскорѣ послѣ занятія Гаррисономъ должности президента, отказался отъ званія предсѣдателя республиканскаго національнаго комитета, такъ какъ не могъ поладить съ нимъ относительно федеральныхъ назначеній въ штатѣ Пенсильваніи, сенаторомъ которой онъ состоитъ въ сенатѣ Соединенныхъ Штатовъ, и въ распредѣленіи назначеній въ которой онъ разсчитывалъ быть безусловнымъ, полнымъ хозяиномъ. Вышедшій въ отставку, обиженный, Кларксонъ былъ немедленно выбранъ на его мѣсто — и тогда уже, меньше чѣмъ черезъ годъ послѣ выборовъ, участь Гаррисона была, въ сущности, рѣшена, хотя массы народа и не вполнѣ понимали эти быстрыя перемѣны въ составѣ высшихъ руководителей республиканской партіи.

Непопулярности Гаррисона не мало также посодѣйствовалъ и его единственный сынъ, Руссель, молодой человѣкъ, занимавшійся изданіемъ самой вліятельной республиканской газеты въ штатѣ Монтанѣ. Этотъ юноша не обладаетъ особеннымъ тактомъ; онъ запутался въ своихъ денежныхъ дѣлахъ и, какъ утверждали противники президента, часто пользовался, или пытался пользоваться политическимъ возвышеніемъ своего отца. Хотя въ Америкѣ вообще и несравненно меньше холопства и идолопоклонства, чѣмъ гдѣ бы то ни было на земномъ шарѣ, тѣмъ не менѣе, оно существуетъ, особенно въ штатахъ и территоріяхъ Сѣверо-запада, почти на три четверти заселенныхъ европейскими эмигрантами, — и качества эти не разъ доставляли медвѣжьи услуги молодому Русселю, а съ нимъ и президенту, услуги, которыя немедленно комментировались демократической прессой, не упускавшей ни малѣйшаго случая инсинуировать на всевозможные лады объ аристократически-наслѣдственныхъ поползновеніяхъ Гаррисона, какъ будто бы заблаговременно принимавшаго мѣры къ тому, чтобы передать дѣдовскую шляпу и безпутному мальчишкѣ-сыну.

Всѣ эти, сами по себѣ незначительныя, въ сущности не имѣвшія никакого отношенія къ дѣлу, обстоятельства, вмѣстѣ взятыя, мало-по-малу начали оказывать вліяніе на оцѣнку президента въ глазахъ націи. Какъ уже выше было замѣчено, онъ и съ самаго начала не пользовался популярностью; у него не было и не могло быть того престижа, который имѣли за собой Линкольнъ, Грантъ, Гарфильдъ—и тѣ немногіе люди, которые знакомы со всѣми сторонами американской политики, стали высказывать сомнѣніе въ будущности республиканской партіи еще съ 1890 года, когда конгрессіонные выборы дали демократамъ громадное, неожиданное большинство (226 демократовъ на 88 республиканцевъ) и опять отдали имъ въ руки нижнюю палату конгресса.

Осенью 1891 года, по совѣту друзей, начинавшихъ понимать общественное настроеніе, Гаррисонъ предпринялъ путешествіе по Соединеннымъ Штатамъ. Онъ объѣхалъ весь Югъ, Юго-западъ, тихоокеанское побережье и штаты Запада. Во всѣхъ городахъ по пути, въ которыхъ онъ останавливался, ему устроивали общественныя встрѣчи съ торжественной обстановкой; но нельзя было не замѣтить, что тотъ энтузіазмъ, то возбужденіе, которые всегда въ Америкѣ сопровождаютъ популярныхъ общественныхъ дѣятелей, безусловно отсутствовали въ этомъ случаѣ. Тѣ маленькіе спичи, которыми президентъ отвѣчалъ на привѣтствія, находили дѣланными и неискренними, его манеру—холодною, его привычки и отношеніе къ народу—недостаточно демократичными. Едва-ли это путешествіе послужило ему въ пользу,—напротивъ, оно, вѣроятно, только подтвердило предшествовавшую ему молву.

Въ виду всего вышеизложеннаго, не мудрено, что весной 1892 года громадное большинство республиканской партіи и не допускало возможности вторичнаго назначенія Гаррисона кандидатомъ партіи на президентство. Имя Блэна было у всѣхъ на умѣ и вездѣ въ печати. Блэнъ долженъ быть кандидатомъ, и никто другой; тѣмъ болѣе, что и не отрицаемый самыми ярыми партизанами-демократами четырехлѣтній успѣхъ администраціи Гаррисона приписывался не ему самому, а исключительно его премьеру.

Джемсъ Блэнъ, умершій 27-го января текущаго года, въ теченіи цѣлыхъ тридцати лѣтъ, за исключеніемъ, можетъ быть, Линкольна, былъ самой выдающейся фигурой американской политики. Начавъ жизнь школьнымъ учителемъ въ одной изъ самыхъ захолустныхъ школъ штата Кентукки, онъ скоро сдѣлался издателемъ поли-

тической газеты, затѣмъ политиканомъ, былъ выбранъ въ члены нижней палаты конгресса, и въ ней съумѣлъ чрезвычайно быстро привлечь къ себѣ общественное вниманіе не только города Вашингтона, но и всей націи. Въ теченіи многихъ лѣтъ онъ безсмѣнно выбирался спикеромъ палаты и, хотя выбранъ былъ въ первый разъ еще будучи совсѣмъ молодымъ человѣкомъ, едва достигшимъ тридцатилѣтняго возраста, сразу завоевалъ себѣ уваженіе не только своихъ политическихъ единомышленниковъ, но и членовъ противной партіи. Это былъ умъ замѣчательно гибкій и блестящій, съ обширной начитанностью, съ изумительнымъ знаніемъ не только политической исторіи страны во всѣхъ ея мельчайшихъ деталяхъ, но и условій и прецедентовъ парламентаризма во всѣхъ ея тонкостяхъ. Надо замѣтить, что время его спикерства совпало какъ разъ съ самымъ тяжелымъ, но въ то же время и съ самымъ блестящимъ періодомъ исторіи американскаго конгресса, періодомъ, начинавшимся концомъ междоусобной войны 1861—1865 годовъ и обнимавшимъ собою переустройство Юга, возбудившее страсти, можетъ быть, даже глубже, чѣмъ самая война. Блэнъ съ удивительнымъ мастерствомъ обуздывалъ разъяренныхъ защитниковъ Юга, съ безпримѣрнымъ въ лѣтописяхъ американскаго парламентаризма безпристрастіемъ руководилъ преніями, несмотря на всю энергію своей страстной, удивительно самостоятельной натуры, и довелъ до конца дѣло переустройства, несмотря на почти невозможныя трудности. Обаяніе этой замѣчательной во всѣхъ отношеніяхъ личности было необыкновенно; но, вмѣстѣ съ массой друзей, раскиданныхъ по всему Союзу и готовыхъ лѣзть, по одному знаку Блэна, и въ огонь, и въ воду, онъ нажилъ и многочисленныхъ враговъ, особенно среди почему-либо считавшихъ себя обиженными политикановъ его собственной, республиканской партіи.

Я лично имѣлъ случай встрѣтиться съ Блэномъ три раза: дважды во время президентской кампаніи 1888 года, при чемъ одинъ разъ ѣхалъ съ нимъ цѣлыя сутки въ одномъ вагонѣ, и затѣмъ въ 1890 году, когда онъ былъ министромъ иностранныхъ дѣлъ въ кабинетѣ Гаррисона. Ни одинъ человѣкъ, нигдѣ, никогда не производилъ на меня ничего подобнаго тому впечатлѣнію, которое произвелъ этотъ послѣдній великій представитель великой американской республики. Его рессурсы, по всѣмъ отраслямъ человѣческаго знанія, были неисчерпаемы,—и онъ умѣлъ такъ группировать факты и такъ освѣщать ихъ своимъ нескончаемымъ остроуміемъ, что превосходство его натуры чувствовалось собесѣдникомъ отъ перваго до послѣдняго слова. Въ

то же время онъ былъ очень воспріимчивъ и умѣлъ быстро уловить всякія личныя особенности людей, съ которыми онъ встрѣчался въ первый разъ, быстро приспособлялся къ этимъ особенностямъ и заставлялъ васъ, въ разговорѣ съ нимъ, чувствовать себя, какъ дома. Въ вагонѣ я пробесѣдовалъ съ нимъ, почти безъ перерывовъ, цѣлый день, преимущественно по вопросамъ исторіи и политики Соединенныхъ Штатовъ; ему, казалось, было крайне интересно узнать, какимъ образомъ я, взрощенный и возмужалый на русской почвѣ, приспособлялся къ американскимъ порядкамъ, и мои флоридскія впечатлѣнія; тѣ причины, которыя побудили меня примкнуть къ республиканской партіи, казались ему очень поучительными и для коренныхъ янки. Я никогда не забуду этого разговора,—обаяніе этой могучей личности, по всей вѣроятности, останется нетронутымъ, какъ бы долго мнѣ ни пришлось еще прожить.

Уже въ 1876 году Блэнъ явился самымъ вліятельнымъ кандидатомъ на президентство, получивъ на первомъ голосованіи республиканской національной конвенціи этого года наибольшее изъ всѣхъ остальныхъ кандидатовъ число голосовъ; но противные ему элементы были настолько сильны, что, путемъ компромиссовъ, назначенъ былъ, совершенно неожиданно и для самой конвенціи, и для націи, Рутерфордъ Гейесъ. Въ 1880 году повторилась совершенно та же исторія: послѣ 35 голосованій,—при чемъ Блэнъ былъ большею частію во главѣ,—назначенъ и выбранъ былъ Гарфильдъ, погибшій такой трагической смертью черезъ нѣсколько мѣсяцевъ по своемъ водвореніи въ Бѣломъ Домѣ. Наконецъ, въ 1884 году, требованіе націи было настолько неудержимо и сильно, что, несмотря на ту же тактику его враговъ, несмотря на гигантскія ихъ усилія и всевозможныя ухищренія, онъ былъ-таки назначенъ кандидатомъ, но на выборахъ былъ побитъ Кливелэндомъ, благодаря измѣнѣ сенатора штата Нью-Іорка въ сенатѣ Соединенныхъ Штатовъ, Конклинга, чрезвычайно талантливаго и блестящаго адвоката, который никогда не могъ простить Блэну того, что тотъ однажды въ публичномъ засѣданіи сената назвалъ его индѣйскимъ пѣтухомъ, назвалъ за дѣло и при такихъ обстоятельствахъ, что не было никакой возможности отплатить ему тою же монетою. Штатъ Нью-Іоркъ на этихъ выборахъ оказался въ демократической колоннѣ большинствомъ всего 1.100 голосовъ, чѣмъ и рѣшенъ былъ выборъ Кливелэнда; графство Онондага, гдѣ Конклингъ имѣлъ неограниченное вліяніе, вмѣсто обычнаго республиканскаго большинства въ 3.000 голосовъ, дало

2.000 противъ Блэна, и такимъ образомъ рѣшило его пораженіе. Я уже говорилъ выше о тѣхъ условіяхъ конвенціи 1888 года, благодаря которымъ былъ назначенъ Гаррисонъ.

Такимъ образомъ, Блэнъ, въ теченіи цѣлыхъ шестнадцати лѣтъ, неизмѣнно являлся самымъ виднымъ, самымъ, такъ сказать, естественнымъ кандидатомъ республиканской партіи на президентство Соединенныхъ Штатовъ—и ни разу не успѣлъ занять этого мѣста. Къ сожалѣнію, то же повторилось и въ 1892 году—и на этотъ разъ республиканской партіи пришлось жестоко поплатиться за распри своихъ вожаковъ.

II.

Первый эпизодъ президентской кампаніи 1892 года произошелъ неожиданно рано, еще въ февралѣ мѣсяцѣ, когда губернаторъ—сенаторъ Гилль—и его присные внезапно созвали конвенцію штата Нью-Іорка, для выбора делегатовъ на національную демократическую конвенцію. Эти штатныя конвенціи никогда не созываются раньше мая и даже іюня; но Гилль, только-что успѣвшій, какъ уже упомянуто было выше, захватить законодательное собраніе штата Нью-Іорка, и быть выбраннымъ въ сенаторы Соединенныхъ Штатовъ, и вернуться изъ своего тріумфальнаго путешествія по югу, рѣшилъ ковать желѣзо, пока оно было горячо, и пока энтузіазмъ его поклонниковъ, возбужденный его побѣдами, не остылъ, тѣмъ болѣе, что приверженцы Кливелэнда начинали поднимать голову и свирѣпо протестовать противъ его пріемовъ. Конвенція собралась и, подавляющимъ большинствомъ, не только выбрала исключительно приверженцевъ Гилля, но и связала ихъ резолюціей вотировать не иначе, какъ цѣликомъ, единицей. Горячіе протесты немногихъ друзей Кливелэнда, успѣвшихъ кое-гдѣ проскользнуть въ число членовъ этой конвенціи, были не только вполнѣ игнорированы массой ея, но и мало того, къ нимъ отнеслись съ самымъ высокомѣрнымъ презрѣніемъ, и жестоко, непримиримо ихъ обидѣли; русское слово „презрѣніе“ не вполнѣ передаетъ значеніе англійскаго слова contempt, означающаго смѣсь презрѣнія и гадливости,—а именно этимъ словомъ и было охарактеризовано отношеніе февральской конвенціи штата Нью-Іорка къ Кливелэнду и его приверженцамъ. Политиканы всей націи съ затаеннымъ дыханіемъ слѣдили за каждымъ движе-

ніемъ этой конвенціи,—обѣ предшествовавшія президентскія кампаніи были рѣшены голосами штата Нью-Іоркъ,—нація полагала, что безъ этихъ голосовъ демократамъ невозможно разсчитывать на успѣхъ, и потому такъ смѣло и рѣзко поставленная кандидатура Гилля, подкрѣпленная, какъ казалось въ то время и ему, и его приверженцамъ, непобѣдимымъ аргументомъ въ видѣ единогласной делегаціи штата въ его пользу, вызвала самый горячій, самый непримиримый протестъ со всѣхъ сторонъ. Американскій народъ, въ особенности Сѣверъ и Западъ, не выноситъ никакихъ coup d'état, никакихъ диктатуръ—и мастерской, какъ казалось сначала, политическій пріемъ Гилля и его подтасованной конвенціи оказался первой и единственной, но въ то же время непростительной политической ошибкой этого замѣчательнаго интригана. Все болѣе или менѣе независимое отъ демократическаго политическаго „кольца" или машины въ самомъ штатѣ Нью-Іоркѣ возстало поголовно; лучшіе люди демократической партіи заговорили публично противъ узурпатора, съ невыносимымъ нахальствомъ навязывавшаго себя націи; многія вліятельныя демократическія газеты, доселѣ поддерживавшія Гилля, вдругъ повернулись къ нему спиной,—пресса Соединенныхъ Штатовъ неизбѣжно крайне чутка къ порывамъ общественнаго мнѣнія,—самый распространенный юмористическій журналъ „Puck", уже много лѣтъ издаваемый въ интересахъ демократовъ, выступилъ открыто противъ Гилля цѣлымъ рядомъ самыхъ остроумныхъ, самыхъ злыхъ каррикатуръ. Приверженцы Кливелэнда, ободренные такимъ единодушнымъ и неожиданнымъ взрывомъ общественнаго негодованія, немедленно созвали свою собственную штатную конвенцію—дѣло небывалое въ лѣтописяхъ политики Сѣвера, хотя и весьма обычное на Югѣ,—и хотя, съ формальной точки зрѣнія, постановленія этой конвенціи не имѣли значенія, и избранные ею делегаты не были допущены къ участію въ національной конвенціи, тѣмъ не менѣе, уже самый фактъ ея созванія и то сочувствіе, съ которымъ массы народа отнеслись къ нему, имѣли рѣшающее вліяніе на судьбу кампаніи. Весь Востокъ, Сѣверъ и Западъ присоединились къ резолюціямъ этой неформальной конвенціи, и хотя на югѣ многочисленные приверженцы Гилля и продолжали работать неустанно въ его пользу, тѣмъ не менѣе, его участь, какъ кандидата въ президенты, была рѣшена. Кливелэндъ весьма ловко воспользовался промахами своего главнаго противника, его приверженцы ожили по всему Союзу, и демократическія штатныя конвенціи, одна за другой, высказывались или прямо

за Кливелэнда, или, во всякомъ случаѣ, противъ Гилля; этотъ послѣдній, когда результатъ всѣхъ демократическихъ штатныхъ конвенцій сдѣлался извѣстенъ, кромѣ нераздѣльной делегаціи штата Нью-Іорка, могъ разсчитывать только на нѣсколько разбросанныхъ тамъ и сямъ голосовъ, преимущественно на югѣ. Такимъ образомъ, оказалось, что этотъ образецъ американскаго политиканства, въ самую рѣшительную минуту своей карьеры, зашелъ слишкомъ далеко въ своихъ махинаціяхъ и промахнулся грубо, рѣшительно, безвозвратно; но промахъ этотъ, погубившій Гилля, сослужилъ великую службу демократической партіи Соединенныхъ Штатовъ: разрозненная и разъединенная въ февралѣ, она оказалась нераздѣльной и сплоченной на выборахъ въ ноябрѣ.

Второстепенные кандидаты на назначеніе демократической конвенціи, какъ Баярдъ изъ Делавэра, Грэй изъ Индіаны, Камбелль изъ Огайо, Пальмеръ изъ Иллинойса, Рюссель изъ Массачузетса, стушевывались одинъ за другимъ, въ виду опасности для демократической партіи, что нація окажется въ рукахъ Гилля и нью-іоркскаго „Таммани Голла“, — и Кливелэндъ являлся единственнымъ человѣкомъ, сплотясь вокругъ котораго демократы могли осилить ихъ. Уже за мѣсяцъ до демократической національной конвенціи для всякаго дальновиднаго человѣка было очевидно, что Кливелэндъ будетъ несомнѣнно назначенъ, и притомъ подавляющимъ большинствомъ.

Пока, такимъ образомъ, совершалось объединеніе демократической партіи и залечивалась та рознь, которая была занесена въ нее маневрами Гилля и нью-іоркскаго „Таммани Голла“, республиканская партія, благодаря цѣлому ряду неблагопріятныхъ обстоятельствъ совершенно случайныхъ, но тѣмъ не менѣе, вѣскихъ, теряла почву съ каждымъ днемъ. Первымъ изъ неблагопріятныхъ обстоятельствъ, какъ по времени, такъ и по важности результатовъ, была стачка рабочихъ на сталелитейныхъ и желѣзодѣлательныхъ заводахъ Карнэги въ Питтсбургѣ и его окрестностяхъ. Заводы эти всегда завалены работой, даютъ работу 3.800 рабочихъ всякаго рода и платятъ имъ, сравнительно, больше, чѣмъ какое-либо другое фабричное заведеніе этого рода въ Америкѣ или Европѣ; пониженіе цѣны на сталь, идущее въ Соединенныхъ Штатахъ за послѣднія двадцать лѣтъ весьма равномѣрно, и введеніе новыхъ машинъ, измѣнившихъ отношеніе стоимости производства въ различныхъ его фазисахъ, заставило заводы весной 1892 г. понизить заработную плату въ одномъ изъ отдѣловъ, гдѣ рабочіе до тѣхъ поръ, благодаря этимъ новымъ маши-

намъ, получали, несоразмѣрно съ другими, высокую плату—отъ 8 до 16 долларовъ за восьми-часовой рабочій день, и повысить ее въ другихъ, такъ что, въ общемъ, задѣльная плата была въ сущности повышена на 18 центовъ въ часъ, хотя въ вышеупомянутомъ отдѣлѣ она и понизилась на 29 центовъ въ часъ. Пониженіе это совсѣмъ не коснулось главной массы рабочихъ; только около 260 человѣкъ, изъ общаго числа 3.800, работали въ этомъ отдѣлѣ, и ихъ плата была понижена на 12°/о: тѣ, которые заработывали около 250 долларовъ въ мѣсяцъ, стали бы получать около 220; притомъ, только тѣ, которые получали 6¹/₂ долларовъ въ день и выше, подлежали этому пониженію. Конгрессіональное слѣдствіе, назначенное федеральной палатой представителей, немедленно послѣ усмиренія вызваннаго стачкой бунта, выяснило, что на всѣхъ заводахъ не было ни одного чернорабочаго, который получалъ бы менѣе 3 долларовъ и 40 центовъ за 8-часовой рабочій день; что мастера заработывали не менѣе 6 долларовъ въ день, и что плата эта повышалась, сообразно искусству мастера, даже до 22 долларовъ въ день; словомъ, что рабочіе заводовъ Карнэги получали бо́льшую заработную плату, чѣмъ какіе-либо другіе рабочіе во всѣхъ Соединенныхъ Штатахъ. Случилось такъ, что вожаками союза рабочихъ на заводахъ были именно люди, подвергавшіеся пониженію заработной платы, и вотъ это пониженіе вызвало самую упорную, самую ожесточенную стачку; забастовали не только тѣ, плата которыхъ была понижена, но и, всѣ до одного, остальные рабочіе всѣхъ отдѣловъ и всѣхъ заводовъ; и не только забастовали сами, но и рѣшительно заявили, что не допустятъ работать на этихъ заводахъ никого другого, кромѣ ихъ самихъ. Заводы имѣли срочные заказы и терпѣли страшные убытки; неоднократно обращались они къ властямъ, требуя защиты права собственности и охраны для новыхъ рабочихъ, которые, между тѣмъ, стекались со всѣхъ концовъ Союза; но губернаторомъ штата Пенсильваніи былъ демократъ Паттисонъ, находившійся подъ безусловнымъ вліяніемъ демократическаго національнаго комитета, а для этого послѣдняго стачка являлась манной небесной, и онъ рѣшился извлечь изъ нея все, что только было возможно въ политическомъ отношеніи, и потому сдерживалъ Паттисона. Управленіе заводовъ вынуждено было, наконецъ, обратиться къ агентству Пинкертона въ Чикаго, снабжающему частныхъ лицъ вооруженной и дисциплинированной стражей, и когда отрядъ этой стражи прибылъ къ главному заводу, расположенному въ мѣстечкѣ Homestead, приключилось настоящее сраженіе

между нимъ и забастовавшими рабочими, сраженіе, съ убитыми и ранеными съ обѣихъ сторонъ, возбудившее страшное волненіе не только въ Пенсильваніи, но и по всему Союзу. Только послѣ этого взрыва была вызвана губернаторомъ милиція штата, которая заняла заводы и подъ защитою которой они опять начали работать съ новымъ составомъ рабочихъ. Стачка была проиграна, заводы наотрѣзъ отказались принять старыхъ рабочихъ на какихъ-бы то ни было условіяхъ,—были десятки убитыхъ и раненыхъ, рабочіе были раззорены, заводы понесли убытки на пять милліоновъ долларовъ, созывъ и содержаніе милиціи стоилъ штату болѣе милліона. Паттисонъ былъ забаллотированъ на слѣдующихъ выборахъ большинствомъ пятидесяти тысячъ голосовъ, но демократическая партія вообще воспользовалась какъ нельзя лучше этой стачкой, какъ могучимъ орудіемъ для своихъ аргументовъ противъ республиканскаго режима, и десятки тысячъ голосовъ по всему Союзу были ею выиграны, благодаря этой стачкѣ.

Непосредственно за этимъ кровавымъ эпизодомъ, потрясшимъ всю страну отъ Атлантическаго до Тихаго океана и отъ Канады до Мексико, послѣдовала стачка желѣзно-дорожныхъ рабочихъ въ городѣ Буффало, въ штатѣ Нью-Іоркъ. Нѣсколько главныхъ желѣзно-дорожныхъ артерій Союза сосредоточиваются въ этомъ городѣ, гавань котораго служитъ исходнымъ пунктомъ Востока для судоходства по великимъ озерамъ; забастовали рабочіе на соединительныхъ станціяхъ, такъ называемые switchmen, и въ нѣсколько дней не только парализовали и судоходство, и желѣзно-дорожное движеніе, но и сожгли и уничтожили на нѣсколько милліоновъ долларовъ желѣзно-дорожнаго имущества. И въ этомъ случаѣ милиція штата съ трудомъ возстановила порядокъ, и штату Нью-Іоркъ пришлось заплатить громадные убытки за неумѣнье его властей защитить частную собственность. Въ Питтсбургѣ заводы старались оградить свою собственность; въ Буффало желѣзно-дорожныя власти мгновенно стали на легальную почву, заявили мѣстному начальству объ охранѣ имущества и хладнокровно смотрѣли на пожаръ и уничтоженіе, приготовляя счеты для предъявленія въ судъ иска противъ штата [1]).

Въ то же время въ штатѣ Айдахо произошло кровавое столкно-

[1]) Штатъ отвѣтственъ за уничтоженное возстаніемъ имущество, т.-е. его полиція должна охранять имущества гражданъ, и если оно уничтожено, потерпѣвшіе предъявляютъ искъ по представленнымъ счетамъ противъ штата въ судъ, который и присуждаетъ, по разборѣ дѣла и доказательствъ, штатъ къ уплатѣ.

веніе между рудокопами, членами рудокопнаго союза и вольными рабочими. Какъ въ этомъ штатѣ, такъ и вообще во всемъ районѣ серебряныхъ рудниковъ союза, рудокопы, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, образовали рудокопный союзъ, имѣвшій громадную силу и, въ сущности, диктовавшій свою собственную политику владѣльцамъ рудниковъ; цѣна на трудъ, установляемая этимъ союзомъ, поднималась все выше и выше, а цѣна на серебро опускалась все ниже и ниже,— а когда, лѣтомъ 1892 года, политическіе вожаки и партіи высказались, одни за другими, противъ свободной чеканки серебра, цѣна эта вдругъ, кромѣ того, сдѣлала значительный скачокъ внизъ, и многіе рудники, не особенно богатые, принуждены были остановить работу, такъ какъ продуктъ пересталъ окупать издержки. Рудокопный союзъ настаивалъ на той же заработной платѣ, которая существовала годъ тому назадъ, когда серебро было на 20% дороже, и вотъ неминуемый кризисъ разразился прежде всего въ штатѣ Айдахо, гдѣ владѣльцы одного серебрянаго рудника рѣшили ввезти рабочихъ съ востока, согласившихся работать за половину установленной рудокопнымъ союзомъ поденной платы. Оставшіеся, благодаря этому маневру, безъ работы члены рудокопнаго союза сожгли рудникъ, остановили желѣзно-дорожное движеніе по возившей руду дорогѣ и, напавъ на пришельцевъ, дали имъ регулярное сраженіе, убили и ранили многихъ, и не только изгнали остальныхъ изъ округа, но и настолько напугали мѣстныя власти и владѣльцевъ рудника, что тѣ бросили все и спаслись бѣгствомъ. Въ этомъ случаѣ вызванная губернаторомъ милиція штата оказалась недостаточной для возстановленія порядка, и только созваннымъ особой прокламаціей президента Гаррисона съ разныхъ концовъ союза нѣсколькимъ полкамъ регулярной арміи удалось, послѣ долгаго и упорнаго сопротивленія, осилить рабочихъ и водворить спокойствіе.

Одновременно съ этими волненіями въ штатахъ Пенсильваніи, Нью-Іоркѣ и Айдахо произошло и серьезное возстаніе каменноугольныхъ рабочихъ въ штатѣ Теннесси, также окончившееся кровопролитіемъ и уничтоженіемъ милліоновъ цѣннаго имущества. Въ нѣкоторыхъ штатахъ Юга—между прочимъ и въ Теннесси—до сихъ поръ уголовныхъ преступниковъ, присужденныхъ на долгіе сроки, сопряженные съ тяжелой работой, правительство штата отдаетъ въ наймы по контрактамъ разнымъ подрядчикамъ; въ данномъ случаѣ владѣльцы каменноугольныхъ рудниковъ въ восточной половинѣ штата нашли болѣе выгоднымъ замѣнить вольнонаемный трудъ ка-

торжнымъ, заключили соотвѣтственные контракты съ властями, и пенитенціарная тюрьма штата Теннесси была переведена въ каменноугольные районы восточной части. Оставшіеся безъ работы рудокопы поголовно возстали, сожгли зданія тюрьмы, освободили и распустили каторжниковъ и заняли рудники. Милиція штата съ боя—и опять съ убитыми и ранеными съ обѣихъ сторонъ—отняла рудники у возставшихъ и возстановила тюрьму на ея прежнемъ мѣстѣ; губернаторъ штата публично поклялся, что онъ возстановитъ порядокъ и заставитъ рудокоповъ уважать законъ, но только-что войска были удалены, новыя зданія были опять сожжены и каторжные опять распущены. Война эта продолжалась, съ перемѣннымъ успѣхомъ, цѣлое лѣто, стоила обѣимъ сторонамъ огромныхъ денегъ и окончилась только тогда, когда владѣльцы рудниковъ отказались отъ контракта и вернулись къ вольнонаемному труду.

Хотя каждый изъ этихъ случаевъ несомнѣнно имѣлъ глубокое общественное значеніе, и вызывалъ какъ печать, такъ и общественное мнѣніе на всестороннее обсужденіе его причинъ и послѣдствій, тѣмъ не менѣе, стачка на заводахъ Карнэги монополизировала вниманіе публики въ теченіи всего лѣта 1892 г. Стачка эта сначала вызвала ужасный взрывъ общественнаго негодованія противъ владѣльцевъ заводовъ, акціонерной компаніи подъ предсѣдательствомъ Фрика (Frick), молодого человѣка, представлявшаго собою интересы самого Карнэги, давно уже удалившагося отъ активнаго участія въ дѣлахъ и живущаго въ великолѣпномъ замкѣ въ Шотландіи, его родинѣ, откуда 50 лѣтъ тому назадъ онъ прибылъ босоногимъ мальчишкой-эмигрантомъ. Нашелся даже горячій юноша, стрѣлявшій по Фрику,—но, съ теченіемъ времени, по мѣрѣ того, какъ дѣйствительные факты относительно причинъ стачки дѣлались мало-по-малу извѣстными публикѣ, и сами рабочіе стали представляться въ несовсѣмъ благопріятномъ свѣтѣ. Сначала всѣ рабочіе союзы страны посылали имъ денежную поддержку и обѣщали помощь въ борьбѣ съ капиталомъ, затѣмъ помощь эта была мало-по-малу остановлена, и если управлявшіе заводами и не выиграли въ общественномъ мнѣніи, то и рабочіе несомнѣнно потеряли многое, что̀ уже было завоевано ими прежде. Судебное слѣдствіе открыло, что они были поголовно вооружены; мало того, что ими запасенъ былъ въ значительномъ количествѣ динамитъ, для того, чтобы взорвать и уничтожить всѣ заводы; наконецъ многіе изъ новыхъ рабочихъ были систематически отравляемы успѣвшими, по разнымъ предлогамъ, пробраться на заводы агентами

забастовавшихъ, состоявшими на жалованьѣ сталелитейнаго рабочаго союза. Американскій народъ симпатизировалъ стачкѣ, отнесся индифферентно къ участи убитыхъ агентовъ Пинкертона, но не одобрилъ динамита и безусловно осудилъ ядъ. Воротилы заговора были привлечены къ уголовной отвѣтственности, и цѣлый десятокъ или болѣе осужденъ присяжными. Какъ это судебное, такъ и конгрессіональное слѣдствіе, назначенное демократической палатой представителей федеральнаго конгресса немедленно по взрывѣ, въ надеждѣ откопать компрометирующіе республиканскій режимъ факты, открыли глаза публикѣ. Подобныя слѣдствія производятся въ Соединенныхъ Штатахъ чрезвычайно гласно—представители печати допускаются всюду, и потому вся подноготная стачки была скоро вполнѣ раскрыта. Отношеніе труда къ капиталу и рабочій вопросъ и до лѣта 1892 года составляли самое чувствительное, самое больное мѣсто американскаго государственнаго механизма; взрывы этого лѣта, если возможно, обострили еще болѣе эти вопросы. Не только пресса и муниципалитеты большихъ городовъ, какъ Буффало и Питтсбургъ, непосредственно заинтересованныхъ въ этихъ волненіяхъ, но и легислатуры всѣхъ штатовъ должны были усиленно заняться этими вопросами. Земледѣльческій классъ, въ особенности фермеры Запада, усердно подливали масла въ огонь; страна и понятія не имѣла о томъ, до чего высока была задѣльная плата рабочихъ этихъ заводовъ, и дѣйствительные факты въ этомъ отношеніи, добытые слѣдствіемъ, возмутили фермеровъ до крайности. Какъ, они работаютъ по 12, по 14 часовъ въ сутки и принуждены довольствоваться какими-нибудь двумя долларами въ день, а тутъ нашлись люди, работающіе всего 8 часовъ въ день и получающіе 15, даже 20 долларовъ въ день, и даже недовольные и такой платой! Очевидно, что-нибудь да неладно! Чего смотрятъ губернаторы, конгрессъ, президентъ? Очевидно, пора перемѣнить всю систему, встряхнуть все до дна. Всѣ земледѣльческіе органы печати—а имя имъ легіонъ—усердно вопили на эту тему и подтачивали принципы протекціонизма, а съ ними и республиканской партіи во всѣхъ земледѣльческихъ мѣстностяхъ, доселѣ служившихъ всегда ея твердынями.

Съ другой стороны, и городское населеніе, болѣе интеллигентное и болѣе отзывчивое, занялось обстоятельно рабочимъ вопросомъ. Для всѣхъ стало ясно, что существующіе порядки начинаютъ старѣть, что тѣ формы, которыя началъ принимать капиталъ за послѣднее время, грозятъ болѣе и болѣе общественному спокойствію и начи-

наютъ подрывать въ корнѣ принципъ собственности. Дѣло въ томъ, что, за послѣднее десятилѣтіе, навѣрное девять десятыхъ, если не болѣе, всѣхъ торговыхъ и промышленныхъ предпріятій Соединенныхъ Штатовъ обратились изъ личныхъ въ корпораціонныя; легислатуры, съ одной стороны, преслѣдуя собственниковъ уголовнымъ порядкомъ за всякое нарушеніе закона, съ другой—освобождали ихъ отъ этой отвѣтственности, выдавая хартіи на учрежденія корпорацій и, такимъ образомъ, освобождая собственника-капиталиста отъ личной уголовной отвѣтственности. Такъ, напр., въ дѣлѣ питтсбургскихъ заводовъ Карнэги, самъ онъ, владѣющій девятью десятыми дѣла, живетъ круглый годъ въ Шотландіи и въ усъ себѣ не дуетъ,—а за него отвѣчаютъ подставные представители корпораціи, прикрывающіе дѣйствительнаго собственника и сами по себѣ безотвѣтственные. Въ стачкѣ желѣзно-дорожныхъ рабочихъ въ Буффало то же самое: дѣйствительные владѣльцы Lake Shore R. R., на которой началась стачка, акціонеры, преимущественно англичане, хотя и являются несомнѣнными виновниками стачки, живутъ внѣ вліянія законовъ страны, и нелѣпо было бы преслѣдовать уголовнымъ порядкомъ ихъ нанятыхъ служащихъ, дѣйствующихъ не самостоятельно, а сообразно инструкціямъ своихъ принципаловъ. Эти стачки стоили: питтсбургская—штату Пенсильваніи свыше милліона, а буффалоская—штату Нью-Іорку свыше пяти милліоновъ долларовъ. Само собой разумѣется, что поземельной собственности, составляющей $^3/_4$ облагаемаго налогами имущества, пришлось тяжело поплатиться за эти убытки,—убытки, въ глазахъ массъ народа, особенно фермеровъ, вызванные жадностью или неумѣлостью лицъ, стоявшихъ во главѣ этихъ предпріятій съ одной стороны, и неразумными требованіями рабочихъ союзовъ съ другой. Дилемма представлялась крайне затруднительная—и голоса въ пользу государственнаго вмѣшательства и контроля всѣхъ акціонерныхъ предпріятій, а въ особенности желѣзнодорожныхъ, каменноугольныхъ, экспрессныхъ и телеграфныхъ, стали раздаваться все громче и упорнѣе. Дѣло сводилось къ тому, что—разъ государство санкціонируетъ безотвѣтственное массированіе капитала, съ одной стороны, и допускаетъ вооруженную организацію труда, съ другой—оно же обязано и регулировать отношенія между ними настолько, насколько это необходимо для того, чтобы остальные классы населенія не страдали отъ ненормальностей и несообразностей въ этомъ направленіи. Другими словами, собственность, представляемая бездушными и безличными корпораціями и почему-либо

соприкасающаяся съ трудомъ, должна подлежать другимъ законамъ, чѣмъ собственность, принадлежащая отдѣльнымъ лицамъ и не соприкасающаяся съ трудомъ. Даже самые консервативные органы печати, завѣдомо контролируемые капиталомъ, должны были высказаться въ этомъ направленіи: человѣчество идетъ впередъ, его идеи мѣняются сообразно требованіямъ времени, и то, что было истиной для большинства тридцать лѣтъ тому назадъ, теперь стало абсурдомъ для такого же большинства. Организованный трудъ, олицетворяемый рабочими союзами, еще только пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ совершенно не существовалъ въ Соединенныхъ Штатахъ; лѣтомъ 1892 г. онъ сталъ такимъ неотразимымъ факторомъ, что краеугольный камень современнаго человѣческаго общества—понятіе о собственности—должно было не только поступиться своей непогрѣшимостью, но и открыто признать право труда на значительную долю вмѣшательства въ дѣйствительномъ его распоряженіи. Тотъ принципъ, что рабочій, прилагающій свой трудъ къ извѣстнаго рода собственности, кромѣ извѣстнаго, опредѣленнаго вознагражденія, пріобрѣтаетъ этимъ трудомъ и извѣстныя права на эту собственность,—принципъ, казавшійся безусловно дикимъ еще только двадцать лѣтъ тому назадъ,—утратилъ безвозвратно свою дикость, въ виду событій лѣта 1892 года, и хладнокровно обсуждался не только самими рабочими, но и капиталистами-владѣльцами этой собственности, и споръ между ними шелъ уже не о самомъ принципѣ, а о способахъ его приложенія. Также были они согласны и въ томъ, что государство не только имѣетъ право, но и обязано опредѣлить и регулировать это право труда на собственность извѣстнаго рода и при извѣстныхъ условіяхъ, возникающую благодаря труду.

Земледѣльческая агитація, съ одной стороны, и усилія демократической партіи, съ другой, всюду открыто проповѣдовали, что всѣ эти печальныя, тяжелыя событія были прямымъ послѣдствіемъ республиканскаго режима. Общее благосостояніе, наплывъ иностраннаго золота, лихорадочная дѣятельность по всѣмъ отраслямъ производства—все это игнорировалось въ виду этихъ кровавыхъ, неожиданныхъ взрывовъ. Національныя конвенціи были созваны—республиканская—на 7-е іюня, демократическая—тремя недѣлями позже посреди всеобщаго напряженнаго ожиданія. Чувствовалось, что отъ назначеній этихъ конвенцій будетъ зависѣть исходъ выборовъ. Партіи были, сравнительно, уравновѣшены; все то, что было выиграно республиканцами за истекшіе четыре года, благодаря неожиданнымъ

событіямъ весны и лѣта 1892 года, было не только опять потеряно, но и едва-ли не давало перевѣса ловко воспользовавшимся этими событіями демократамъ.

III.

Республиканская національная конвенція, состоявшаяся 7 іюня въ городѣ Миннеаполисѣ, въ штатѣ Минесотѣ, въ особой, спеціально для этой конвенціи выстроенной аудиторіи, отличалась многочисленностью делегатовъ, краснорѣчіемъ ораторовъ, крайнимъ энтузіазмомъ до рѣшительной минуты и апатіей послѣ нея. Интимно знавшимъ Блэна вожакамъ было извѣстно, что, во-первыхъ, здоровье его было безнадежно разстроено, а во-вторыхъ, что онъ дѣйствительно не желалъ являться кандидатомъ на назначеніе.

Еще въ февралѣ мѣсяцѣ Блэнъ опубликовалъ письмо, въ которомъ онъ безусловно и окончательно отказывался отъ кандидатуры, но впечатлѣніе этого письма уже изгладилось ко времени конвенціи, и друзья его постоянно инсинуировали, что онъ приметъ назначеніе, несмотря на это письмо, если назначеніе это будетъ предложено ему единогласно. Гаррисонъ являлся открытымъ кандидатомъ—и вся демократическая пресса, вполнѣ къ этому времени уяснившая себѣ его непопулярность въ рядахъ самой республиканской партіи, всячески хлопотала о томъ, чтобы помочь его кандидатурѣ—въ сущности, онъ и былъ единственнымъ дѣйствительнымъ кандидатомъ, такъ какъ Блэнъ несомнѣнно отказался бы отъ назначенія, и его именемъ пользовались только для того, чтобы, по возможности, организовать оппозицію Гаррисону и затѣмъ, въ рѣшительную минуту, выдвинуть кандидатуру какого-либо третьяго лица; такими возможностями были сенаторъ Шерманъ и губернаторъ Макъ-Кинлей изъ штата Огайо и эксъ-спикеръ палаты представителей Ридъ изъ штата Мэна. Такое ненормальное положеніе вещей, при которомъ единственнымъ возможнымъ кандидатомъ являлся непопулярный въ рядахъ своей собственной партіи президентъ, оказалось возможнымъ, благодаря стеченію цѣлаго ряда неблагопріятныхъ обстоятельствъ. Всѣ делегаты Юга оказались поголовно за Гаррисона. Дѣло въ томъ, что на Югѣ республиканцы не имѣютъ рѣшительно никакихъ шансовъ. До конгрессіональной сессіи 1890 года они питали слабую надежду, что билль Кабота Лоджа, болѣе извѣстный въ союзѣ подъ именемъ Force

bill, сдѣлается закономъ и дастъ хоть какую-нибудь возможность добиваться права голоса и правильнаго счета голосовъ и на Югѣ; но съ погибелью этого билля большинство южныхъ республиканцевъ опустили руки и прямо уклонились отъ голосованія; во многихъ штатахъ Юга они даже отказались отъ назначенія республиканскихъ тикетовъ. Поэтому всѣ республиканцы по убѣжденіямъ, не заинтересованные лично въ мѣстахъ и окладахъ, прямо устранились отъ участія въ штатныхъ конвенціяхъ Юга, и онѣ были составлены почти исключительно изъ мѣстныхъ федеральныхъ чиновниковъ, само собой разумѣется, въ интересахъ Гаррисона, и послали въ національную конвенцію единогласныя депутаціи въ его пользу. Общее число делегатовъ въ конвенціи было 904; необходимо для назначенія 453 голоса; Югъ прислалъ всего-на-все 263 делегата, которые, съ самаго перваго дня конвенціи, считались безусловно принадлежащими Гаррисону нераздѣльно и безъ всякой надежды на перемѣну; и пресса, и оппозиція справедливо окрестили эту фалангу непобѣдимой федеральной бригадой. Такимъ образомъ, Гаррисону нужно было завербовать всего 190 голосовъ изъ числа остальныхъ 641 делегата, для того, чтобы получить назначеніе. Само собой разумѣется, что было легче подобрать это число къ извѣстному опредѣленному ядру, составлявшему съ самаго начала почти цѣлую треть конвенціи, чѣмъ захватить больше двухъ третей всего остававшагося свободнаго числа делегатовъ; и потому оппозиція Гаррисону, съ самаго начала конвенціи, была поставлена въ крайне затруднительное положеніе. Оппозиція эта заключала въ себѣ почти всѣхъ выдающихся людей республиканской партіи и представляла собою именно тѣ штаты, которые считались несомнѣнно республиканскими и на голоса которыхъ назначенный конвенціей кандидатъ долженъ былъ разсчитывать для того, чтобы быть выбраннымъ. Вышеупомянутые Квэй и Кларксонъ изъ Пенсильваніи, самые умѣлые организаторы и дѣльцы республиканской партіи, Волькотъ изъ Колорадо, представлявшій собою серебряные штаты (Колорадо, Неваду, Айдехо), Платтъ и Миллеръ изъ Нью-Іорка, самые вліятельные политиканы въ этомъ штатѣ, Юнгъ изъ Калифорніи и многіе другіе открыто высказались противъ Гаррисона, предсказывая, что его назначеніе неминуемо повлечетъ за собою пораженіе республиканской партіи на выборахъ. Делегація штата Огайо, предводимая губернаторомъ, знаменитымъ Макъ-Кинлеемъ, и эксъ-губернаторомъ, Форэкеромъ, двумя заклятыми врагами въ дѣлахъ мѣстной политики, тоже едино-

гласно высказались на предварительныхъ совѣщаніяхъ противъ президента; но такъ какъ друзья Гаррисона упрекали самого Макъ-Кинлея въ поползновеніяхъ на назначеніе, этотъ послѣдній, выбранный въ предсѣдатели конвенціи, высказался публично за Гаррисона и отказался отъ кандидатуры, что̀, впрочемъ, больше повредило. чѣмъ помогло президенту. Макъ-Кинлей несомнѣнно былъ самой выдающейся фигурой конвенціи—онъ пользуется громадной популярностью, и то умѣнье, тотъ тактъ, съ которыми онъ провелъ свой билль о тарифѣ въ палатѣ представителей въ 1889 году, заслужили ему всеобщее уваженіе; а его личныя качества, добродушіе, краснорѣчіе, изумительная энергія и способность работать долго и усидчиво, а главное, умѣнье угодить демократическимъ вкусамъ страны — дѣлали его всеобщимъ фаворитомъ. Онъ прибылъ на конвенцію безъ всякихъ надеждъ на назначеніе, будучи только-что выбранъ въ губернаторы штата Огайо и побивъ самаго популярнаго демократа, Камбелля, уже два трехлѣтія бывшаго губернаторомъ, и своими административными способностями, заслужившаго не только всеобщее уваженіе своего штата, но и добившагося національной репутаціи.

Гаррисоновская федеральная бригада, между тѣмъ, не дремала. Между южными делегатами не было рѣшительно ни одного выдающагося человѣка, но они заблаговременно признали своимъ вожакомъ личнаго друга президента, Дипью (Depew), главнаго воротилу Вандербильтовскихъ желѣзныхъ дорогъ, знаменитаго краснобая и застольнаго оратора, и, въ то же время, одного изъ самыхъ вліятельныхъ политикановъ штата Нью-Іорка и политическаго врага Платта и Миллера. Дипью взялся за дѣло самымъ систематическимъ образомъ. Онъ занялся прежде всего „платформой“ партіи—и документъ этотъ, гладкій, краснорѣчивый, отдѣланный и отполированный до чрезвычайности, въ то же время оказался безцвѣтнымъ и, по самому главному вопросу,—вопросу о федеральныхъ выборахъ—неяснымъ и неопредѣленнымъ. Дипью хотѣлъ, по возможности, залечить ту рознь, которую вызвалъ въ странѣ билль Лоджа, болѣе извѣстный какъ Force bill, —и, какъ при всякомъ другомъ двуличіи въ публичныхъ дѣлахъ, не только не успѣлъ въ этомъ, но и, оттолкнувши отъ платформы всѣхъ дѣйствительныхъ защитниковъ честнаго голосованія, въ то же время далъ поводъ демократамъ-бурбонамъ кричать вовсеуслышаніе о федеральныхъ штыкахъ, негритянскомъ перевѣсѣ и всякихъ другихъ ужасахъ. Платформа оказалась общимъ мѣстомъ, не способнымъ возбудить энтузіазмъ съ одной стороны, но дававшая опасное оружіе

противникамъ своей неясностью и неопредѣленностью. Покончивъ съ платформой, вызвавшей осужденіе многихъ вожаковъ, но принятой большинствомъ, Дипью на слѣдующемъ же засѣданіи конвенціи добился того, что территоріальнымъ делегатамъ было дано право голоса; —до сихъ поръ делегаты территорій участвовали въ національныхъ конвенціяхъ только съ правомъ совѣщательнаго голоса, такъ какъ, по конституціи Соединенныхъ Штатовъ, территоріи не пользуются правомъ голоса въ президентскихъ выборахъ. Делегаты эти, числомъ 16, душой и тѣломъ принадлежали къ федеральной бригадѣ и усилили ея ряды до 279 голосовъ. Затѣмъ, самая систематическая работа была произведена во всѣхъ сомнительныхъ штатахъ; первымъ изъ нихъ явился Индіана, со своими 30-ью голосами, штатъ, бывшій родиной президента и естественно клонившійся въ его пользу; такимъ образомъ, число вѣрныхъ голосовъ увеличилось до 309. Затѣмъ, въ каждомъ почти изъ остальныхъ штатовъ были делегатами по нѣскольку федеральныхъ чиновниковъ, которые, само собой разумѣется, были на сторонѣ президента; делегація штата Нью-Іоркъ раздѣлилась, сообразно вліяніямъ Платта и Миллера съ одной стороны, и Дипью съ другой, и къ тому моменту, когда долженъ былъ произойти первый баллотъ, сторонники Гаррисона были безусловно увѣрены въ побѣдѣ. Вожаки оппозиціи, какъ оказалось впослѣдствіи, отлично знали, что, при обыкновенныхъ обстоятельствахъ, у нихъ не было ни малѣйшей надежды; и потому всѣ ихъ старанія были сведены къ тому, чтобы, по возможности, затянуть конвенцію, а, между тѣмъ, всячески дѣйствовать на общественное мнѣніе. Ни одна національная конвенція, до конвенціи 1892 года, не привлекала такой массы публики. Цѣлые политическіе клубы, въ 200 и 300 членовъ, явились въ Миннеаполисъ, чтобы, своимъ присутствіемъ и публичными демонстраціями въ пользу своихъ кандидатовъ, вліять на делегатовъ; масса политикановъ всякаго рода, сорта и наименованія слѣдовали за этими организаціями, и самый умѣренный консервативный разсчетъ насчитывалъ болѣе сорока тысячъ вліятельныхъ членовъ республиканской партіи, пріѣхавшихъ для того, чтобы присутствовать на конвенціи. Девять десятыхъ всей этой посторонней публики были въ пользу Блэна; сотни и тысячи телеграммъ со всѣхъ концовъ союза получались делегатами постоянно въ его же пользу; публичныя процессіи, оваціи делегатамъ, завѣдомымъ друзьямъ Блэна, митинги въ его пользу, все это было пущено въ ходъ, и общественное настроеніе было доведено до самой по-

слѣдней степени напряженія. Когда въ конвенціи въ первый разъ было произнесено его имя, произошелъ такой взрывъ апплодисментовъ и криковъ въ его пользу, что, въ теченіи цѣлаго получаса, предсѣдатель не могъ возстановить порядка и продолжать засѣданіе; то же случалось и, всякій разъ, въ теченіи всей конвенціи, когда имя Блэна произносилось кѣмъ-либо на эстрадѣ. Имя Гаррисона тоже встрѣчали рукоплесканіями, но это имя не могло возбудить и десятой доли того энтузіазма, который возбуждалъ его главный соперникъ, и, еслибы дѣло могло быть рѣшено оваціями и шумомъ, Блэнъ, конечно, долженъ бы былъ получить назначеніе [1]). Все происходившее въ конвенціи доносилось по телеграфу въ Бѣлый Домъ—Гаррисонъ встревожился и, говорятъ, высказалъ Блэну недовѣріе въ искренности его февральскаго письма. Тотъ, оскорбленный подобнымъ недовѣріемъ, подалъ въ отставку, какъ разъ наканунѣ голосованія,—и это подало надежду его друзьямъ, что онъ не откажется отъ назначенія, хотя никто не былъ уполномоченъ заявить публично, что его неожиданная отставка имѣла именно это значеніе. Оппозиція сдѣлала все, что только было возможно для того, чтобы протянуть конвенцію, такъ какъ предполагалось, что то давленіе, которое оказывалось на делегатовъ извнѣ, и миннеаполисской публикой, и республиканскими клубами, и, главное, телеграммами избирателей, поколеблетъ, наконецъ, ихъ рѣшимость въ пользу Гаррисона,—но федеральная бригада держалась стойко и упорно, и значительная ея часть высказалась въ томъ направленіи, что если даже и окажется, что президентъ не можетъ получить назначенія, они, во всякомъ случаѣ, не будутъ вотировать за Блэна. Тогда оппозиція пустилась на поиски за такимъ человѣкомъ, который могъ бы получить и голоса друзей Блэна, и всѣхъ другихъ оппонентовъ Гаррисона. Такимъ человѣкомъ казался Макъ-Кинлей—популярность его росла съ каждымъ днемъ, и на немъ-то и сосредоточились-было надежды оппозиціи; къ сожалѣнію, онъ дѣйствительно былъ связанъ, какъ уже было сказано выше, и рѣшительно не соглашался на открытую кандидатуру. Такимъ образомъ, когда дѣло, наконецъ, дошло до голосованія, вотировали за трехъ кандидатовъ—за Гаррисона, Блэна и Макъ-Кинлея—и на первомъ же баллотѣ Гаррисонъ получилъ 535 голосовъ, Блэнъ 182, Макъ-Кинлей 182, Ридъ 4 и Линкольнъ 1.

---

[1]) Въ Америкѣ всѣ выборныя лица назначаются кандидатами на должность особыми конвенціями.

Телеграфъ мгновенно разнесъ эту новость по союзу; республиканская партія отвѣтила на назначеніе гробовымъ молчаніемъ. Для всѣхъ было ясно, что политиканы и федеральные чиновники навязали партіи нежелательнаго, невозможнаго кандидата. Самыя вліятельныя, самыя распространенныя республиканскія газеты высказались въ этомъ смыслѣ на другой же день, и притомъ безъ всякихъ обиняковъ; нѣкоторыя прямо отказались поддерживать Гаррисона. Внимательный разборъ голосованія указывалъ на то, что Гаррисонъ былъ назначенъ почти исключительно штатами, которые никоимъ образомъ не могли дать ему большинства на выборахъ. Въ нераздѣльномъ Югѣ республиканская партія на выборахъ не можетъ разсчитывать ни на одинъ голосъ; территоріи не вотируютъ; штаты Нью-Іоркъ, Индіана, Коннектикутъ всегда считались сомнительными; въ вѣрныхъ же, на республиканской сторонѣ, штатахъ Гаррисонъ получилъ самое незначительное число голосовъ. Востокъ и Западъ, также какъ и Сѣверо-западъ, вотировали почти единогласно за Блэна и Макъ-Кинлея. Опытные политиканы, въ родѣ Квэя и Кларксона, не обинуясь, заявили о томъ, что у республиканской партіи не можетъ быть и надежды на успѣхъ при подобномъ назначеніи. Послѣдствія безусловно ихъ оправдали.

При назначеніи кандидатовъ въ вице-президенты, у конвенціи не осталось уже ни малѣйшаго интереса. Вожаки считали сраженіе проиграннымъ, а потому совершенно устранились отъ дѣятельнаго участія въ концѣ конвенціи. Побѣдители—федеральная бригада съ Дипью во главѣ — сдѣлали другую, не менѣе фатальную ошибку. Дипью требовалъ награды за поддержку штата Нью-Іоркъ—и ему отдали вице-президентство въ лицѣ Рида, издателя-редактора нью-іоркской газеты „The Tribune“, еще со временъ Гораса Грили считающейся самымъ выдающимся органомъ республиканской партіи; Ридъ былъ посломъ въ Парижѣ, не успѣлъ отличиться никакими особенными достоинствами, кромѣ того, что умѣло велъ свою газету, и былъ крайне непопуляренъ въ рабочихъ массахъ, такъ какъ съ годъ тому назадъ, одна изъ самыхъ упорныхъ и продолжительныхъ стачекъ печатниковъ разыгралась въ типографіи „The Tribune“, при чемъ рабочіе безусловно проиграли, главнымъ образомъ, благодаря ловкому управленію самого Рида и его громадному богатству. Назначеніе Рида отняло у республиканской партіи штатъ Нью-Іоркъ, такъ какъ десятки тысячъ рабочихъ всякаго рода въ этомъ штатѣ

еще до „конвенціи“ заявили публично, что ни въ какомъ случаѣ не будутъ вотировать за списокъ, въ которомъ появится имя Рида.

Демократическая національная конвенція собралась въ Чикаго тремя недѣлями позже республиканской; по принятому издавна въ Соединенныхъ Штатахъ обычаю, конвенція господствующей партіи всегда собирается раньше оппозиціи. Назначеніе Гаррисона ободрило демократовъ по всему союзу. То очевидное безучастіе, съ которымъ были приняты публикой кандидаты *республиканской* партіи, оказало должное вліяніе. Страна не хотѣла Гаррисона, и демократы это чувствовали и понимали.

Конвенція организовалась выборомъ въ предсѣдатели Вильсена изъ западной Вирджиніи. На президентскихъ выборахъ 1888 года штатъ этотъ чуть-чуть не ускользнулъ отъ демократовъ; въ немъ живетъ несомнѣнное республиканское большинство, но оно всегда подавлялось методами демократовъ, и выборъ конвенціи остановился на Вильсенѣ не потому, что онъ лично этого заслуживалъ, а въ виду того, чтобы этой честью поднять угасающую энергію демократовъ въ этомъ штатѣ [1]). Вопросъ о делегаціи отъ штата Нью-Іоркъ вызвалъ цѣлую бурю. Выбранные независимой конвенціей приверженцы Кливелэнда требовали допущенія, оспаривая правильность февральской конвенціи Гилля,—но эти послѣдніе одолѣли, хотя и съ трудомъ и проигравъ свой престижъ, такъ какъ самое присутствіе независимой делегаціи свидѣтельствовало безусловно, что штатъ Нью-Іоркъ далеко не былъ такъ единогласенъ въ предпочтеніи Гилля, какъ пытались-было установить его делегаты. Вопросъ о „платформѣ“ также вызвалъ не только крайне непріятныя для демократовъ пренія, но и весьма рѣдкое въ національныхъ конвенціяхъ явленіе: заготовленная особой коммиссіей платформа была забракована и большинствомъ голосовъ измѣнена въ томъ смыслѣ, что статья, касающаяся тарифа, изложенная коммиссіей въ крайне консервативномъ духѣ, была вычеркнута, а, вмѣсто нея, внесено крайне рѣзкое и опредѣленное требованіе безусловно свободной торговли, при чемъ

---

[1]) Необходимо замѣтить, что національныя и всякія другія конвенціи всегда крайне осторожны во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ, и каждый шагъ взвѣшивается самымъ внимательнымъ образомъ на неформенныхъ секретныхъ совѣщаніяхъ; всякій выборъ, всякое назначеніе, до самыхъ, сравнительно, незначительныхъ, всегда имѣетъ особое значеніе, и равновѣсіе вліянія и участія отдѣльныхъ штатовъ обыкновенно достигается чрезвычайное.

всякій тарифъ былъ прямо названъ мошенничествомъ (fraud) и противоконституціоннымъ.

„Платформа“ эта круто высказалась противъ свободной чеканки серебра, несмотря на то, что только за два года передъ тѣмъ національная платформа демократической партіи стояла за эту чеканку, и билль Бланда по этому вопросу поддерживался въ федеральной палатѣ представителей исключительно демократами. Демократамъ незачѣмъ было дольше носить маску въ этомъ отношеніи. Сдѣланный платформой 1890 года по этому вопросу расколъ въ средѣ республиканской партіи былъ уже такъ глубокъ и незалечимъ, серебряные штаты такъ рѣшительно отъ нея откололись, что демократамъ уже незачѣмъ было ласкать ихъ надеждами на лучшее будущее при ихъ помощи.

Оба эти радикальныя заявленія были проведены приверженцами Кливелэнда, наперекоръ всей соединенной противъ него оппозиціи; пренія эти выяснили, что за него были, по крайней мѣрѣ, $^3/_4$ всѣхъ делегатовъ. Послѣднее его посланіе къ конгрессу, передъ тѣмъ, какъ четыре года тому назадъ онъ уступилъ свое мѣсто Гаррисону, было чисто-на-чисто фритрэдерскимъ документомъ; а его опубликованное весной 1892 года письмо рѣзко высказывалось и противъ свободной чеканки серебра. Его друзья въ конвенціи настаивали, что успѣхъ партіи заключается въ одномъ Кливелэндѣ, и что потому необходимо подладить платформу партіи къ его заявленіямъ и положенію въ политическомъ мірѣ. Едва-ли возможно сомнѣваться въ томъ, что въ принципѣ большинство конвенціи было противъ обоихъ этихъ положеній, но оно приняло и включило ихъ въ оффиціальную и національную платформу демократической партіи, какъ нѣчто необходимое для того, чтобы, во-первыхъ, какъ утверждали уполномоченные друзья Кливелэнда, получить его согласіе на кандидатуру, а во-вторыхъ, для того, чтобы успѣть на выборахъ.

Затѣмъ, самое упорное, самое жестокое нападеніе было сдѣлано на платформу республиканской партіи по вопросу о федеральныхъ выборахъ. Неопредѣленность этой статьи и желаніе увернуться отъ прямого отвѣта, о которыхъ я уже говорилъ выше, дали поводъ къ предреканію самыхъ неизобразимыхъ ужасовъ для Юга, если побѣда останется за республиканской партіей. Демократы-бурбоны не боялись за то, что республиканцы одолѣютъ ихъ въ штатахъ Юга, но они боялись, что фермерскій союзъ и популисты, соединясь, отхватятъ два или три изъ нихъ, въ особенности Алабаму, Джорджію

и Сѣверную Каролину, и, такимъ образомъ, лишатъ ихъ какой бы то ни было надежды на успѣхъ. Необходимо было to fire the southern heart, въ буквальномъ смыслѣ—зажечь южное сердце, а въ переводѣ на политическій жаргонъ — устрашить бѣлое населеніе Юга ужасами негритянско-федеральнаго режима, для того, чтобы созвать заблудшихъ овецъ подъ знамена бурбонской демократіи.

Представитель Кливелэнда въ конвенціи, морской эксъ-министръ его первой администраціи, Витней (Whitney), проявилъ изумительную энергію и съ неподражаемымъ искусствомъ руководилъ всѣми махинаціями въ его пользу; съ самаго начала все ему удавалось, и дѣло шло какъ по маслу. Витней очень богатъ и очень самолюбивъ— и теперь уже открыто признано всѣми, что онъ, своей работой въ національной демократической конвенціи 1892 г., проложилъ себѣ дорогу на назначеніе въ президенты по демократической конвенціи 1892 года; Кливелэндъ не можетъ быть назначенъ на третій срокъ и, говорятъ, публично выскажется передъ конвенціей 1896 года въ пользу Витнея, и этимъ отплатитъ за услугу.

Делегація штата Нью-Іоркъ, предводимая блестящимъ и талантливымъ Кокрэномъ (Cochran), дѣлала гигантскія усилія для того, чтобы остановить успѣхи друзей Кливелэнда; къ ней присоединился Ваттерсонъ (Watterson), издатель „Луисвильскаго Курьера", самой вліятельной демократической газеты на всемъ Югѣ, и рѣчи этихъ двухъ вожаковъ, особенно перваго изъ нихъ, были мастерствомъ силы и краснорѣчія. Кокрэнъ нѣсколько разъ повторилъ, что Кливелэндъ будетъ неизбѣжно побитъ въ Штатѣ Нью-Іоркъ, и что внѣ Гилля нѣтъ спасенія. Ваттерсонъ былъ противъ Кливелэнда, но и не за Гилля — онъ требовалъ какого-нибудь третьяго лица, для того, чтобы сохранить единодушіе партіи. Такое третье лицо нашлось въ лицѣ губернатора штата Эйоуэ, Бойеса (Boies), человѣка очень популярнаго на Западѣ, державшагося въ сторонѣ отъ вопроса о свободной чеканкѣ серебра, и потому имѣвшаго поддержку всѣхъ серебряныхъ штатовъ, которые предпочитали неизвѣстную величину опредѣленному положенію остальныхъ кандидатовъ. Тѣмъ не менѣе, когда дѣло дошло до баллота, Кливелэндъ получилъ 616 голосовъ, противъ 112, поданныхъ въ пользу Гилля (изъ нихъ 72 отъ штата Нью-Іоркъ) и 107 въ пользу Бойеса.

Какъ въ республиканской конвенціи главнымъ факторомъ назначенія Гаррисона явилась федеральная бригада, такъ и въ назначеніи Кливелэнда первую роль играли бывшіе федеральные чи-

новники его администраціи 1884—1888 годовъ. Никогда прежде на національныхъ конвенціяхъ главныхъ партій чиновническій элементъ не игралъ такой выдающейся роли. Кромѣ того, въ первый же разъ галереи, то-есть публика, имѣли извѣстное вліяніе на рѣшенія конвенцій. Это особенно рѣзко проявилось въ демократической конвенціи: огромная аудиторія, вмѣщавшая 20.000 зрителей, была биткомъ набита приверженцами Кливелэнда, который имѣлъ на своей сторонѣ національный исполнительный комитетъ, располагавшій раздачей входныхъ билетовъ и тщательно слѣдившій за интересами своего кандидата. Предсѣдатель конвенціи, Вильсонъ, оказался ниже всякой критики и не умѣлъ поддерживать порядка въ засѣданіяхъ; невообразимый шумъ и гвалтъ заглушали рѣчи ораторовъ и нерѣдко доводили любителей порядка до отчаянія. Демократическая національная конвенція 1892 года надолго останется блестящимъ исключеніемъ въ лѣтописяхъ американскаго парламентаризма по своему хаотическому, безобразному характеру.

Въ дѣлѣ назначенія кандидата на вице - президентство демократы оказались гораздо дальновиднѣе республиканцевъ. Кливелэндъ удовлетворялъ мюгвюмповъ, отщепенцевъ - республиканцевъ, прежде всего ставившихъ реформу гражданской службы, обѣщаніе которой, четыре года тому назадъ, вызвало ихъ организацію, и въ 1888 году выбравшихъ Кливелэнда. Всѣ теоретики-демократы, демократы по принципу, также были имъ довольны. Необходимо было удовлетворить и демократовъ - политикановъ, не особенно заботящихся о принципахъ, а стремящихся исключительно къ тому, что̀ помягче, и вѣрящихъ въ то, что to the victors belond the spoils. Самымъ виднымъ представителемъ этой группы, представляющей собою въ Соединенныхъ Штатахъ добрую половину всякой политической партіи, являлся Стивенсонъ изъ Иллинойса, бывшій, во время первой администраціи Кливелэнда, первымъ помощникомъ генералъ - почтмейстера и выгнавшій и замѣстившій демократами около 30.000 республиканскихъ почтмейстеровъ. Группа эта не разговариваетъ, не произноситъ рѣчей, не споритъ объ абстрактныхъ предметахъ, а прямо добирается до сути дѣла, въ видѣ многочисленныхъ федеральныхъ мѣстъ и окладовъ. Говорятъ, что Витней заключилъ сдѣлку съ этой группой еще до назначенія Кливелэнда, въ томъ смыслѣ, что, въ награду за помощь въ этомъ назначеніи, онъ и его друзья обязуются вотировать за кого бы то ни было въ вице-президенты, по указанію этой группы. Согласно этой про-

граммѣ, Стивенсонъ и былъ назначенъ почти единогласно. Его назначеніе имѣло еще то значеніе, что онъ принадлежалъ къ штату Иллинойсъ, который за послѣднее время сдѣлался спорнымъ; нѣмцы, до сихъ поръ всегда единогласно вотировавшіе республиканскій списокъ, вдругъ перешли массами на сторону демократовъ, какъ въ Иллинойсѣ, такъ и въ Висконсинѣ и Минесотѣ, благодаря спорному вопросу о положеніи ихъ школъ и духовенства, вопросу, вызванному римско-католическими прелатами, по поводу назначеній изъ Рима на архіепископскія и епископскія мѣста и политики этихъ епископовъ. Демократы ловко воспользовались этимъ споромъ, стакнулись съ духовенствомъ и, такимъ образомъ, захватили десятки тысячъ нѣмецкихъ голосовъ въ этихъ штатахъ. Назначеніе Стивенсона, державшаго въ своихъ рукахъ всѣ нити этой интриги, было поэтому весьма ловкимъ политическимъ маневромъ и въ этомъ отношеніи, въ то же время совершенно успокоивая демократовъ-практиковъ, питавшихъ къ нему неограниченное довѣріе.

Назначенія эти вызвали всеобщее одобреніе демократовъ по всему Союзу. Правда, „Таммани-Голлъ“ и приверженцы Гилля дулись-было сначала, но они и сами не могли не видѣть, что Гилль былъ совершенно невозможенъ, какъ кандидатъ, благодаря составу конвенціи, а потому и должны были примириться съ положеніемъ дѣлъ, тѣмъ болѣе, что друзья Кливелэнда, чувствуя свою силу, прямо бросили имъ въ лицо обвиненіе въ измѣнѣ партіи и угрозу, что въ случаѣ, если въ штатѣ Нью-Іоркъ повторится исторія выборовъ 1888 года, „Таммани-Голлъ“ будетъ, безъ всякихъ церемоній, выброшенъ за бортъ національной демократіей. Имъ ничего не оставалось дѣлать, какъ проглотить горькую пилюлю и приняться за работу въ пользу хоть и ненавистнаго, но, въ то же время, единственно-возможнаго кандидата.

Основное различіе между главными элементами республиканской и демократической партій какъ нельзя лучше высказалось по поводу этихъ назначеній. Республиканцы, по принципу не одобрявшіе назначенія Гаррисона, просто устранились отъ голосованія. Они не вѣрили въ навязанныхъ партіи ея же слугами людей. Демократы же, напротивъ, не только всѣ вотировали, но и работали съ усиленной энергіей: тотъ упрекъ, который республиканская партія постоянно бросаетъ въ лицо демократамъ, а именно, что, если конвенціей будетъ назначенъ даже осиновый столбъ, они все-таки будутъ поголовно вотировать, оказался совершенно справедливымъ.

Національная конвенція популистовъ собралась въ городѣ Омахѣ (Omaha), въ штатѣ Небраскѣ, черезъ двѣ недѣли послѣ демократической конвенціи. Ея члены разсчитывали, что назначеніе будетъ принято судьей Грэшамомъ (Gresham) изъ Индіаны, человѣкомъ съ замѣчательно чистымъ для американскаго политикана прошлымъ, популярнымъ и уважаемымъ націей; онъ всю жизнь былъ республиканцемъ, даже дважды министромъ республиканскихъ предшествовавшихъ администрацій, но за послѣднее время нѣсколько разъ публично высказывался въ пользу третьей партіи, въ виду того, что, по его мнѣнію, методы обѣихъ старыхъ партій не могли быть исправлены безъ полнаго ихъ пораженія новыми людьми. Имѣя Грэшама въ виду, конвенція занялась прежде всего платформой партіи. Американскій народъ привыкъ къ документамъ этого рода: краткимъ, точнымъ, яснымъ, опредѣленнымъ; онъ не охотникъ до длинныхъ теоретическихъ разсужденій и высокопарныхъ ненужностей; политическая исторія Соединенныхъ Штатовъ полна примѣрами того, что какъ бы ни хороши были намѣренія и тезисы составителей, разъ они не съумѣли облечь ихъ въ короткую, ясную, общепонятную форму, массы народа не станутъ ихъ читать. Составители платформы „популистовъ“, къ сожалѣнію, совсѣмъ упустили это изъ виду, и, въ погонѣ за исчисленіемъ всего того, что̀, по ихъ мнѣнію, требовало немедленной передѣлки, ударились въ общія мѣста, занялись чуть-ли не самыми мелкими деталями всевозможныхъ государственныхъ вопросовъ, и, въ концѣ концовъ, получилась совершенно невозможная, недостижимая платформа. Задайся они полудюжиной самыхъ важныхъ, самыхъ животрепещущихъ вопросовъ, въ родѣ рабочаго вопроса, о комбинаціяхъ и трюстахъ, о правительственномъ контролѣ желѣзныхъ дорогъ и телеграфовъ, и т. д., они могли бы дать своимъ послѣдователямъ и массамъ народа програму достижимую и интересную, изъ-за которой стоило бы работать и за которую стоило бы вотировать,—но они пустились въ исчисленіе всѣхъ золъ всякаго существующаго государственнаго организма, и, вмѣсто того, чтобы дать нѣчто точное и возможное, дали неразумно длинное и довольно темное разсужденіе о всевозможныхъ предметахъ. Грэшамъ слѣдилъ за работой конвенціи и, когда ея платформа была принята, безусловно отказался отъ назначенія. Въ настоящее время, когда онъ принялъ премьерство и портфель иностранныхъ дѣлъ въ кабинетѣ Кливелэнда, явились инсинуирующія, неясныя обвиненія, что онъ дѣйствовалъ сообща съ этимъ по-

слѣднимъ, и, выторговавъ себѣ премьерство, не только выбросилъ популистовъ за бортъ, но и открыто явился сторонникомъ Кливелэнда, немедленно послѣ конвенціи въ Омахѣ. Трудно сказать, насколько это вѣрно—и хотя, съ одной стороны, безобразная страсть американскаго народа къ торговлѣ такого рода и безусловная ея санкція общественнымъ мнѣніемъ и допускаетъ возможность справедливости этихъ обвиненій, тѣмъ не менѣе, личность Грэшама до сихъ поръ всегда считалась исключительной и безусловно выше подобной торговли. По всей вѣроятности, правда никогда не будетъ извѣстна, такъ какъ оба участника, и Кливелэндъ, и Грэшамъ, съумѣютъ держать языкъ за зубами относительно всего, что произошло между ними по этому поводу.

Получивъ безусловный отказъ Грэшама, конвенція была поставлена въ крайне затруднительное положеніе. Ея платформа, затронувъ вопросъ о серебрѣ, утопила его въ многословіи и, высказавшись въ пользу свободной чеканки серебра, въ то же время ограничила его опредѣленнымъ отношеніемъ серебра къ золоту (1 : 16), и, слѣдовательно, на практикѣ дѣлала такую чеканку невозможною, ибо отношеніе это постоянно понижается. Ни одинъ изъ ярыхъ представителей серебра въ конвенціи не рѣшился бы принять назначенія на такой платформѣ, да и конвенція не могла бы назначить своимъ кандидатомъ открытаго сторонника безусловной свободной чеканки серебра, такъ какъ для многихъ, весьма существенныхъ ея элементовъ, это было бы совершенно неперевариимой пилюлей. Исключая Грэшама, никогда, впрочемъ, не принимавшаго прямого, непосредственнаго участія въ организаціи третьей партіи, единственнымъ человѣкомъ, съ національной репутаціей, былъ генералъ Виверъ (Weaver), всю свою жизнь возившійся съ третьими партіями и уже однажды имѣвшій назначеніе въ президенты на платформѣ блаженной памяти гринбакеровъ; на немъ конвенція и остановилась и, чтобы хотя нѣсколько пособитъ своему списку и на Югѣ, назначила кандидатомъ въ вице-президенты конфедератскаго генерала Фильда (Field), изъ штата Вирджиніи.

Виверъ, хотя и добившійся во время междоусобной войны генеральскаго чина, не успѣлъ отличиться воинскими доблестями: его противники утверждали, что онъ занимался во время войны исключительно коммиссаріатско-провіантскими дѣлами, никогда не бывалъ въ дѣйствительномъ сраженіи и однажды въ штатѣ Теннесси чрезвычайно безцеремонно распорядился съ конфедератскимъ горо-

домъ и плѣнными, которые до его пріѣзда на мѣсто захвачены были съ боя федеральными войсками; его упрекали въ жестокости и даже въ открытомъ грабежѣ.

Такимъ образомъ, популисты, своимъ назначеніемъ, съиграли прямо въ руку демократамъ; эти послѣдніе и сами не могли бы придумать ничего лучшаго. Тогда какъ серебряные штаты и всѣ недовольные республиканскимъ режимомъ на Западѣ элементы неминуемо должны были примкнуть къ популистамъ, Югъ не могъ вотировать за кандидата, съ прошлымъ Вивера, и потому долженъ былъ остаться нераздѣльнымъ на сторонѣ демократовъ. Республиканцы неминуемо должны были потерять на Западѣ, тогда какъ демократы имѣли всѣ шансы на сохраненіе Юга нераздѣльнымъ.

Почти одновременно съ конвенціей популистовъ происходила въ городѣ Цинциннати, въ штатѣ Огайо, и національная конвенція прогибиціонной партіи. Хотя двадцати-пяти-лѣтній опытъ и долженъ бы, кажется, безусловно доказать этой партіи, какъ безнадежно строить политику шестидесяти - милліонной націи исключительно на прогибиціонномъ принципѣ, тѣмъ не менѣе, и на этотъ разъ партія эта осталась вѣрна традиціямъ своего прошлаго. Были, правда, многочисленныя попытки къ тому, чтобы соединить силы прогибиціонной партіи съ силами популистовъ; обѣ конвенціи были задержаны этими попытками на нѣсколько дней, но всѣ онѣ разбились объ упорное сопротивленіе прогибиціонистовъ, и слышать не хотѣвшихъ о какомъ-либо разумномъ соглашеніи. Они назначили свой собственный тикетъ, состоявшій изъ генерала Бидуэлля изъ Калифорніи и священника Кронфилля изъ Тексаса, но не играли никакой самостоятельной роли въ компаніи, а, по обыкновенію, только ослабляли республиканскую партію, такъ какъ не бывало еще примѣра, чтобы хоть одинъ демократъ-бурбонъ вотировалъ съ прогибиціонистами.

IV.

Когда, такимъ образомъ, всѣ четыре національныхъ конвенціи окончили свое дѣло, и всѣ четыре платформы и тикеты были опубликованы, страна стала готовиться къ выборной компаніи. Ни одинъ изъ тикетовъ не возбудилъ энтузіазма; республиканскій, какъ уже было замѣчено выше, былъ встрѣченъ очень холодно, демократическій былъ принятъ какъ нѣчто само собою разумѣвшееся, подго-

товленное интригами Гилля въ пользу его оппонента. Обыкновенно выборная кампанія начинается въ августѣ, даже въ іюлѣ—на этотъ разъ ни та, ни другая партіи не сдѣлали ничего до половины и даже до конца сентября. Республиканскій національный комитетъ былъ совершенно дезорганизованъ. Немедленно по назначеніи Гаррисона, Кларксонъ вышелъ въ отставку, и президентъ долгое время не могъ найти подходящаго человѣка: всѣ выдающіеся почему-либо члены партіи отказывались одинъ за другимъ, и, только послѣ долгихъ, неуспѣшныхъ поисковъ, выборъ остановился на Картерѣ, изъ штата Монтаны, ловкомъ и умѣломъ политиканѣ, но человѣкѣ сравнительно мало извѣстномъ внѣ своего штата и не имѣвшемъ необходимаго для успѣха престижа. Демократы избрали Гаррити изъ штата Пенсильваніи, молодого человѣка, сдѣлавшаго себѣ національную репутацію выборомъ Паттисона губернаторомъ этого штата въ 1890 году.

Кампанія разыгрывалась очень туго, и въ первый разъ на памяти старожиловъ не было того интереса въ массахъ народа, который обыкновенно вызывается президентской кампаніей въ Соединенныхъ Штатахъ. Во-первыхъ, кандидаты были тѣ же самые, что и четыре года тому назадъ; во-вторыхъ, и пресса, и общественное мнѣніе, еще до назначеній, единогласно высказались противъ того личнаго элемента, которымъ до сихъ поръ всегда полны были президентскія кампаніи; обѣ партіи безмолвно согласились въ томъ, что оба кандидата были люди почтенные, респектабельные, что ихъ личное прошлое было выше всякаго упрека, и что не слѣдуетъ вносить грязь, вражду и ненависть въ политическую кампанію. Въ этомъ отношеніи 1892 годъ былъ блестящимъ, образцовымъ исключеніемъ и сдѣлалъ многое къ искорененію тѣхъ грязныхъ и недостойныхъ методовъ, которыми отличались всѣ предшествовавшія кампаніи, и въ особенности кампанія 1884 года, когда и Блэнъ, и Кливелэндъ были до того забрызганы незаслуженной грязью, что оставалось только удивляться, какимъ образомъ могло случиться, что шестидесяти-милліонный свободный народъ могъ назначить представителями своихъ двухъ господствующихъ партій наиболѣе порочныхъ, наиболѣе недостойныхъ своихъ гражданъ. Нужно надѣяться, что и въ будущемъ личный элементъ, до сихъ поръ игравшій такую незавидную роль въ президентскихъ кампаніяхъ американскаго народа, будетъ игнорироваться обѣими партіями. Благодаря кампаніи 1892 года, Союзъ убѣдился въ томъ, что элементъ этотъ

можетъ быть исключенъ безъ всякаго ущерба дѣлу. Я не хочу этимъ сказать, что американцы отказались отъ своего права продергивать своихъ кандидатовъ; нѣтъ, и въ 1892 году каррикатурныя изданія были полны каррикатурами Гаррисона и Кливелэнда, и въ 1892 году появилось нескончаемое количество комическихъ пѣсенокъ по ихъ поводу; но все это было въ мирномъ, игриво-насмѣшливомъ тонѣ, for fun — не было ничего грязнаго, унизительнаго, не докапывались до скандаловъ въ ихъ частной жизни, не разыскивали скелетовъ въ ихъ домашнемъ быту, не было тѣхъ безконечныхъ клеветъ, вымысловъ и опроверженій, которыми были полны предшествовавшія кампаніи отъ начала до конца.

Республиканская пресса и ораторы занимались исключительно тарифомъ и протекціонной системой, въ связи съ принципами взаимности. Статистика страны несомнѣнно давала имъ богатую, благодарную почву въ этомъ отношеніи. Развитіе промышленности и торговли, колоссальныя сбереженія рабочаго народа, достигшія многихъ милліардовъ долларовъ, быстрое развитіе экспортной торговли съ южными и центрально-американскими государствами, благодаря трактатамъ взаимности, небывалое уменьшеніе государственнаго долга, всеобщее, безспорное, для всѣхъ очевидное благосостояніе — все это справедливо приписывалось республиканскому режиму. Не нужно было прибѣгать къ натяжкамъ для того, чтобы доказать все это интеллигентному избирателю. Всякій, кто только мало-мальски слѣдилъ за развитіемъ страны, зналъ и понималъ это и безъ всякой посторонней помощи. Тѣмъ не менѣе, митинги республиканской партіи не отличались особеннымъ энтузіазмомъ. Девяти десятымъ избирателей былъ нуженъ Блэнъ; и девять десятыхъ всѣхъ политическихъ статей и рѣчей начинались словами, которыя стали, наконецъ, стереотипными: „хотя назначенія миннеаполисской конвенціи и не соотвѣтствуютъ нашимъ задушевнымъ желаніямъ, тѣмъ не менѣе“... Само собой разумѣется, что подобныя прелюдіи, несомнѣнно выражавшія настроеніе массъ, не особенно способствовали вербовкѣ голосовъ; на всѣ тѣ элементы, которые почему-либо находились въ недоумѣніи, прелюдіи эти дѣйствовали, какъ души холодной воды: нельзя было разсчитывать, чтобы они пристали къ той партіи, которая не могла сказать слова безъ того, чтобы прежде всего не извиниться за своихъ кандидатовъ [1]).

[1]) Какъ разъ, когда кампанія начинала разгораться, жена президента Гарри-

Демократы, наоборотъ, дѣйствовали, какъ и всегда, дружно и рѣшительно. Сѣверо-западъ и тихо-океанское побережье они предоставили популистамъ. Во многихъ штатахъ были даже заключены тайные договоры между вожаками этихъ партій. Во всѣхъ этихъ штатахъ республиканцы были или въ безусловномъ, или въ относительномъ большинствѣ [1]); въ этомъ послѣднемъ случаѣ демократы, соединясь съ популистами и работая сообща, могли легко ихъ осилить. Во многихъ случаяхъ демократы совсѣмъ не назначали отдѣльныхъ тикетовъ, а открыто вотировали съ популистами и давали имъ, благодаря этой тактикѣ, безусловное большинство, ослабляя, такимъ образомъ, республиканцевъ. На Югѣ же демократы вступили съ популистами въ открытую борьбу; тамъ на республиканцевъ они не обращали ни малѣйшаго вниманія,—у тѣхъ, все равно, не было ни малѣйшаго шанса на успѣхъ. Еще въ августѣ мѣсяцѣ было отпечатано безчисленное количество саженныхъ каррикатуръ кандидата популистовъ Вивера, въ генеральскомъ мундирѣ, бѣгущаго изъ виднѣющагося вдали южнаго поселка, съ курами подъ мышками и съ мѣшками разнаго добра за плечами; этимъ олицетворяли его карьеру, какъ федеральнаго генерала въ междоусобной войнѣ, и предрекали Югу ту же участь въ случаѣ его избранія. Каррикатурами этими, отпечатанными яркими красками, просто залили весь Югъ и, въ особенности, штаты Сѣверную и Южную Каролины, Джорджію и Алабаму, гдѣ популисты были особенно сильны; ни одинъ уголъ, ни одинъ перекрестокъ не былъ оставленъ—генералъ съ курами подъ мышкой мозолилъ глаза вездѣ и всюду. Затѣмъ, когда кампанія разъигралась, и Виверъ началъ личный объѣздъ южныхъ штатовъ въ интересахъ своей партіи, было организовано правильное его преслѣдованіе: ему не давали говорить, на его

сона заболѣла смертельною болѣзнью. Болѣе двухъ мѣсяцевъ ея жизнь висѣла на волоскѣ, и она скончалась за три дня до выборовъ. Гаррисонъ всегда былъ примѣрнымъ семьяниномъ; онъ не отходилъ отъ кровати жены въ теченіе всей ея болѣзни и, конечно, не могъ слѣдить за кампаніей, какъ этого требовали обстоятельства. Многіе детали остались незаконченными, многія депеши неотвѣченными, и эта болѣзнь несомнѣнно отозвалась, до извѣстной степени, на результатахъ кампаніи.

[1]) Въ Соединенныхъ Штатахъ признается два рода большинства: одно безусловное, называемое majority, когда одна партія имѣетъ бо́льшее число голосовъ, чѣмъ всѣ остальныя, вмѣстѣ взятыя, и другое—относительное, называемое plurality, когда одна партія имѣетъ больше голосовъ, чѣмъ всякая другая, отдѣльно взятая, но меньше, чѣмъ всѣ остальныя, взятыя вмѣстѣ.

митингахъ заводили шумъ, гамъ и даже драку, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ забрасывали его прямо на эстрадѣ дохлыми курами и гнилыми яйцами—словомъ, очень скоро довели злосчастнаго кандидата до того, что онъ долженъ былъ отказаться отъ личнаго участія въ кампаніи и уѣхать на Сѣверъ.

Демократическая пресса и ораторы, особенно на Сѣверѣ, въ теченіе всей кампаніи чрезвычайно осторожно относились къ тарифу. Какъ республиканцы начинали свои рѣчи извиненіями за своихъ кандидатовъ, такъ демократы начинали ихъ не то чтобы извиненіями, а смягченіями своей платформы. „Хотя,—говорили они,—наша національная платформа и высказалась рѣшительно за свободу торговли, тѣмъ не менѣе это совсѣмъ не значитъ, что мы намѣреваемся уничтожить сразу всякіе тарифы. Протекціонизмъ, до извѣстной степени, необходимъ для нашего благосостоянія, и мы разсчитываемъ передѣлать существующій тарифъ понемножку, по частямъ, послѣдовательно и не торопясь“. Этими неопредѣленными обѣщаніями обыкновенно и исчерпывался вопросъ о протекціонизмѣ: всѣ вызовы республиканцевъ въ этомъ направленіи обыкновенно оставались безъ отвѣта.

Зато демократы особенно налегали на билль Лоджа и на ту неопредѣленность республиканской платформы по вопросу о выборахъ, о которой уже не разъ было упомянуто выше. Опять-таки саженная каррикатура, изображавшая южнаго бѣлаго избирателя, шедшаго къ баллотировочному ящику между двумя рядами вооруженныхъ съ ногъ до головы федеральныхъ солдатъ-негровъ, была отпечатана въ несмѣтномъ количествѣ экземпляровъ и наводнила весь Союзъ. Одна изъ самыхъ вліятельныхъ демократическихъ газетъ Союза, обладающая громаднымъ распространеніемъ, „The New York Sun“, до конвенціи въ Чикаго свирѣпо поддерживавшая Гилля, вдругъ круто перемѣнила фронтъ, и, оставивъ личности кандидатовъ и вопросы о тарифѣ и серебрѣ въ сторонѣ, провозгласила, что вопросъ о выборахъ и предполагаемыхъ республиканцами федеральныхъ насиліяхъ составляетъ единственную дѣйствительную рознь между партіями, и громила билль Лоджа каждый день и на каждой страницѣ. Совмѣстные дебаты, такъ популярные четыре и восемь лѣтъ тому назадъ, когда вопросъ о тарифѣ обсуждался обѣими сторонами на общихъ митингахъ, были большою рѣдкостью въ теченіе кампаніи 1892 года; республиканцы были снова готовы обсуждать тарифъ, но демократы махали на него рукой и неизмѣнно переходили

на вопросъ о выборахъ и на Force bill. Напрасно старались республиканцы поправить главную ошибку своей платформы—демократы смѣялись имъ въ лицо и справедливо говорили, что имѣютъ полное право предполагать всевозможные ужасы подъ тѣмъ неопредѣленнымъ, неяснымъ заявленіемъ, которое несомнѣнно существовало въ національной республиканской платформѣ. Они говорили, что его толкованіе будетъ вполнѣ зависѣть отъ исполнительной власти, а разъ она получитъ санкцію народа, кто поручится, что ужасы реконструкціи и военнаго занятія Юга не послѣдуютъ немедленно послѣ выборовъ?

Исключая Force bill и вопросъ о выборахъ, единственнымъ интереснымъ предметомъ, котораго не избѣгали до извѣстной степени демократы, былъ предметъ государственной экономіи и необходимость урѣзать государственныя издержки. Въ теченіе 1888—1890 годовъ, когда и исполнительная власть, и обѣ палаты конгресса были въ рукахъ республиканской партіи, федеральныя издержки Сѣверо-Американскаго Союза дошли до билліона долларовъ. Конгрессъ этого періода, 51-й по счету, былъ окрещенъ билліоннымъ конгрессомъ: демократы подняли страшный гвалтъ, утверждая, что безумная расточительность республиканскаго режима въ самомъ непродолжительномъ времени неминуемо приведетъ націю къ банкротству. Республиканцы хладнокровно отвѣчали, что Сѣверо-Американскій Союзъ—билліонная страна, для которой необходимъ и билліонный бюджетъ, что страна быстро ростетъ, и что ея доходы превышаютъ ея расходы въ той же пропорціи, что и прежде, когда эти расходы не достигали и половины настоящей цифры. Подробное разсмотрѣніе этого билліоннаго бюджета завело бы меня слишкомъ далеко и потребовало бы слишкомъ много мѣста; поэтому я ограничусь тѣмъ объясненіемъ, что хотя федеральные расходы дѣйствительно возростали чрезвычайно быстро, особенно по статьямъ по улучшенію внутреннихъ водяныхъ путей сообщенія и морскихъ гаваней, но несомнѣнно было и то, что и доходы возростали соотвѣственно этимъ расходамъ, благодаря замѣчательному общему благосостоянію страны, и что не будь этихъ расходовъ—золото скоплялось бы въ государственномъ казначействѣ слишкомъ быстро и вскорѣ поглотило бы всѣ деньги страны, какъ ни странно подобное заявленіе звучитъ для русскаго человѣка, привыкшаго слышать о милліонныхъ ежегодныхъ дефицитахъ бюджета. Какъ бы то ни было, угрозы и предостереженія демократовъ въ этомъ направленіи повліяли на кон-

грессіонные выборы 1890 года до того, что нижняя палата, выбранная въ этомъ году, оказалась на $^3/_4$ демократической, и въ теченіе сессіи 1891—92 годовъ это демократическое большинство, самымъ усиленнымъ образомъ, по крайней мѣрѣ наружно, хлопотало объ экономіи; тѣмъ не менѣе, когда бюджетъ за эти годы былъ сведенъ, оказалось, что онъ былъ на цѣлые пятьдесятъ милліоновъ выше предшествовавшаго. Будучи экономны въ мелочахъ, демократы увеличили назначенія по многимъ статьямъ, хотя, повидимому, и старались объ экономіи—нерѣдко два-три дня уходило въ преніяхъ по поводу сокращенія какой-нибудь статьи на какія-нибудь десять или даже пять тысячъ долларовъ, точно отъ этихъ немногихъ тысячъ зависѣло спасеніе всей страны. Въ кампаніи 1892 года демократы оказались въ самомъ незавидномъ положеніи относительно государственнаго бюджета—съ большинствомъ въ $^3/_4$ голосовъ они не только не уменьшили, но и значительно увеличили федеральныя издержки. Они оправдывались тѣмъ, что сенатъ былъ республиканскимъ и потому, до извѣстной степени, тормозилъ ихъ экономныя стремленія; это, конечно, было невѣрно, такъ какъ ни одинъ долларъ не можетъ быть истраченъ изъ федеральныхъ суммъ безъ согласія нижней палаты, тѣмъ не менѣе, въ теченіе всей кампаніи они утверждали это и просили націю довѣрить имъ управленіе по всѣмъ отраслямъ, обязуясь, что въ такомъ случаѣ они докажутъ, что они дѣйствительно экономнѣе республиканцевъ. Чтобы достичь этихъ результатовъ, огромныя усилія были употреблены на то, чтобы захватить не только президентство и конгрессіонные округи, то-есть нижнюю палату, но и мѣстныя легислатуры, по конституціи Соединенныхъ Штатовъ выбирающія сенаторовъ или членовъ верхней палаты конгресса Союза.

Какъ четыре года тому назадъ всѣ случайности кампаніи обращались въ пользу республиканцевъ, такъ въ 1892 году все, казалось, шло именно наоборотъ. Стачка въ Питтсбургѣ, о которой я подробно говорилъ выше, въ сентябрѣ мѣсяцѣ дошла до своего апогея — и, несмотря на умышленные промахи демократа-губернатора, сильно повредила республиканцамъ, особенно въ земледѣльческихъ округахъ, никакъ не могшихъ переварить высокой заработной платы [1]) сталелитейныхъ рабочихъ и приписывавшихъ ее исклю-

[1]) Въ дѣйствительности эта несомнѣнно несоразмѣрно-высокая плата есть прямой результатъ того совершенства, до котораго доведены новѣйшія американскія приспособленія въ сталелитейномъ и желѣзномъ дѣлѣ. Цѣна на сталь

чительно протекціонному тарифу. Докладъ комиссіонера работы штата Нью-Іоркъ, Пека, былъ немедленно окрещенъ демократами, какъ самая наглая фальсификація дѣйствительнаго положенія дѣла; Пека не только съ позоромъ выгнали, но и предали суду, — хотя этотъ судъ, уже послѣ выборовъ, безусловно оправдалъ его по всѣмъ пунктамъ и далъ ему основаніе къ громадному иску за убытки противъ штата Нью-Іоркъ. Тѣмъ не менѣе, цѣль была временно достигнута; отчетъ этотъ, дававшій самое блестящее доказательство удивительныхъ успѣховъ рабочаго вопроса и благосостоянія рабочихъ за послѣднее время, былъ обращенъ противъ республиканцевъ нападками на его подлинность и инсинуаціями, что онъ въ дѣйствительности былъ не чѣмъ инымъ, какъ результатомъ самаго наглаго подкупа со стороны республиканской партіи и фальсификаціи со стороны Пека. Въ штатѣ Нью-Іоркъ Таммани-Голлъ, поставленный въ безвыходное положеніе угрозой національнаго комитета безвозвратно исключить эту организацію изъ лона національной демократической партіи, въ случаѣ неуспѣха Кливелэнда, съ несказанной энергіей взялся за работу, чтобы отвратить даже подозрѣніе въ измѣнѣ; никогда еще, говорятъ, не было въ этомъ штатѣ сдѣлано ни одной политической партіей такихъ гигантскихъ усилій выиграть день, какія были сдѣланы Таммани-Голломъ во время кампаніи 1892 года — и отщепенство Гилля, и угрозы его приверженцевъ во время національной конвенціи обратились противъ нихъ самихъ и помогли успѣху демократической партіи вообще, и Кливелэнда въ особенности, больше, чѣмъ что-либо другое.

Такимъ образомъ, кампанія мало-по-малу приблизилась къ концу; республиканцы работали безъ энтузіазма, спустя рукава; демократы же дѣлались все энергичнѣе и самонадѣяннѣе. Въ общемъ кампанія была довольно безцвѣтная, не отличаясь ни страстностью кампаніи 1884 года, ни разсудительною, методичною послѣдовательностью компаніи 1888 года. Единственнымъ выдавшимся изъ общей монотонности эпизодомъ явились приключенія популиста Вивера въ юж-

---

и стальныя издѣлія въ настоящее время нисколько не выше въ Америкѣ, чѣмъ въ Англіи, даже ниже по нѣкоторымъ отраслямъ: такъ, напр., стальные рельсы стоятъ въ Соединенныхъ Штатахъ не болѣе 28 долларовъ за тонну — ихъ нельзя купить въ Англіи дешевле 29 и даже 30 долларовъ; проволочные гвозди американскаго издѣлія стоятъ всего $ 1.60 и $ 1.80 за сто фунтовъ, а въ Англіи $ 1.80 и $ 2.00 за тѣ же сорта; за послѣднее время Америка начала вывозить ихъ въ Англію.

ныхъ штатахъ, да и ихъ глубокій смыслъ и серьезное значеніе были совершенно ослаблены тѣмъ комическимъ колоритомъ, который имъ съумѣла придать партизанская демократическая пресса.

8-го ноября произошли самые выборы. Когда, послѣ нѣсколькихъ дней томительнаго для всей націи ожиданія, голоса были, наконецъ, подсчитаны, оказалось, что президентская избирательная коллегія будетъ состоять изъ 277 голосовъ за Кливелэнда, 145 за Гаррисона и 22 за Вивера. Большинство штатныхъ легислатуръ тоже оказалось демократическимъ: слѣдующій сенатъ Соединенныхъ Штатовъ будетъ состоять изъ 47 демократовъ, 39 республиканцевъ, и 3 популистовъ; нижняя палата конгресса—изъ 220 демократовъ, 126 республиканцевъ, и 8 популистовъ. Такимъ образомъ, въ первый разъ послѣ 33-лѣтняго промежутка демократы одержали полную побѣду, и исполнительная и законодательная власти Соединенныхъ Штатовъ находятся опять въ ихъ рукахъ.

Тѣмъ не менѣе, внимательное изученіе деталей голосованія не особенно радуетъ демократовъ. Результатъ выборовъ оказался въ ихъ пользу не потому, что они составляютъ дѣйствительно большинство націи, а потому, что, во-первыхъ, ихъ противники раздѣлились, а во-вторыхъ, цѣлыхъ полтора милліона избирателей или воздержались совсѣмъ отъ голосованія, или же не были допущены до него въ южныхъ штатахъ. Общее число поданнымъ по всему Союзу голосовъ оказалось 12.154.542; изъ нихъ за Кливелэнда было подано 5.556.533, за Гаррисона—5.175.577, за Вивера—1.122.045, за прогибиціонистовъ и соціалъ-демократовъ вмѣстѣ—300.382. Сравнивая эти цифры съ цифрами 1888 года, оказывается, что демократы выиграли всего 18.300, голосовъ, тогда какъ республиканцы потеряли 264.639; зато популисты, неимѣвшіе тикета въ 1888 году, въ 1892 подали 1.122.045 голосовъ. Принимая во вниманіе, что девять-десятыхъ этихъ послѣднихъ не что иное, какъ недовольные или назначеніемъ Гаррисона, или положеніемъ партіи по вопросу о серебрѣ республиканцы, побѣда демократовъ является не особенно блестящею, тѣмъ болѣе, что почти всѣ штаты Юга совсѣмъ не выставили республиканскихъ тикетовъ, и цѣлый милліонъ голосовъ въ нихъ остался неподаннымъ. Разборъ голосовъ по отдѣльнымъ штатамъ какъ нельзя лучше подтверждаетъ это положеніе. Положительно повсюду процентное отношеніе числа демократическихъ къ общему числу голосовъ понизилось, въ нѣкоторыхъ штатахъ весьма значительно. Такъ, въ штатѣ Индіанѣ оно понизи-

лось съ 49,04 до 47,43; въ Калифорніи—съ 46,84 до 43,88; въ Сѣверной Каролинѣ—съ 51,82 до 47,37; въ Тексасѣ—съ 65,69 до 56,61; въ Алабамѣ—съ 67,38 до 58,85: въ Джорджіи—съ 70,32 до 57,76; въ Южной Дакотѣ—съ 30,52 до 12,84; въ Орегонѣ—съ 40,25 до 18,14; въ Небраскѣ—съ 33,31 до 12,46, и въ Невадѣ—съ 42,44 до 6,56. Въ то же время общее число голосовъ во всѣхъ южныхъ штатахъ, гдѣ не было совсѣмъ республиканскаго тикета, значительно упало, хотя народонаселеніе въ нихъ и увеличилось; такъ, въ Луизіанѣ оно упало съ 174.646 до 114.485, во Флоридѣ съ 66,641 до 35,461 и въ Миссиссипи съ 115.807 до 52.809. Въ этихъ штатахъ всѣ бѣлые республиканцы и всѣ негры были въ сущности лишены права голоса. Наконецъ, штатъ Нью-Іоркъ, несмотря на гигантскія усилія Таммани-Голла, хотя и далъ Кливелэнду относительное большинство въ 45,518 голосовъ, тѣмъ не менѣе, понизилъ демократическій процентъ въ общемъ числѣ голосовъ съ 48,16 до 47,92, и притомъ побѣда была одержана исключительно благодаря подонкамъ населенія городовъ Нью-Іорка и Бруклина, давшихъ небывалое прежде демократическое большинство въ 107.000 голосовъ. Штаты Иллинойсъ и Висконсинъ, въ первый разъ со времени ихъ основанія, дали также относительное демократическое большинство, хотя и очень незначительное, главнымъ образомъ, потому, что, во-первыхъ, многіе республиканцы совсѣмъ устранились отъ голосованія, а, во-вторыхъ, нѣмецкое ихъ населеніе поголовно вотировало демократическій тикетъ по поводу мѣстныхъ религіозныхъ распрей.

„Популисты" проявили совершенно неожиданную силу. До извѣстной степени это явленіе объясняется, во-первыхъ, неудачнымъ назначеніемъ республиканской партіи, а во-вторыхъ, постояннымъ пониженіемъ цѣнъ на серебро, добываніе котораго составляетъ главную, а во многихъ случаяхъ и единственную поддержку цѣлыхъ мѣстностей въ штатахъ Скалистыхъ Горъ. Они захватили цѣликомъ штаты Колорадо, Неваду, Айдахо и Канзасъ и по одному избирателю въ штатахъ Сѣверной Дакотѣ и Орегонѣ; всѣ эти штаты безъ исключенія всегда были безусловно республиканскими. На Югѣ, какъ уже было упомянуто выше, демократы обратили всѣ свои усилія на то, чтобы подорвать ихъ значеніе,—и имъ это вполнѣ удалось на этотъ разъ. Трудно сказать, чѣмъ движеніе это разъиграется въ будущемъ—во всякомъ случаѣ, не подлежитъ сомнѣнію, что до тѣхъ поръ, пока вопросъ о серебрѣ не будетъ разрѣшенъ окончательно и

сколько-нибудь удовлетворительно для серебряных штатовъ, ни республиканцы, ни демократы не могутъ разсчитывать на нихъ въ будущемъ; на Югѣ же вѣроятно движенiе это будетъ подавлено демократически-бурбонскими методами этой части Союза. Какъ бы то ни было, демократы въ настоящую минуту располагаютъ безусловнымъ контролемъ государственнаго организма Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ. Передъ ними нелегкая задача. Фритрэдеры Юга настойчиво требуютъ исполненiя нацiональной платформы 1892 года,—а вожаки партiи на Сѣверѣ очевидно боятся затронуть этотъ вопросъ. До выборовъ они обѣщали, что, въ случаѣ полной побѣды, они немедленно созовутъ экстренную сессiю конгресса, отмѣнятъ билль Макъ-Кинлея и введутъ свободу торговли. Послѣ выборовъ не было и рѣчи о такой экстренной сессiи, хотя даже возможность ея уже подрѣзала въ самомъ корнѣ нѣкоторыя производства, какъ, напр., жестяное и сахарное. Какъ выпутаются демократы изъ этого положенiя, въ которое они сами себя поставили, покажетъ будущее; покуда же захватъ ими власти ограничился только поголовнымъ изгнанiемъ федеральныхъ чиновниковъ-республиканцевъ во всѣхъ департаментахъ и по всѣмъ отраслямъ федеральнаго управленiя.

Въ дѣлѣ этихъ новыхъ назначенiй замѣчается странное явленiе. Нераздѣльный Югъ, выбравшiй Кливелэнда своими голосами, насчитываетъ въ своихъ предѣлахъ, включая негровъ, немного меньше одной трети всего населенiя Соединенныхъ Штатовъ, не считая негровъ—меньше одной пятой. Тѣмъ не менѣе, возрождающееся влiянiе южныхъ демократовъ даетъ себя чувствовать настолько сильно, что изъ 36 важнѣйшихъ дипломатическихъ назначенiй, уже сдѣланныхъ Кливелэндомъ, Югъ получилъ 19, а Сѣверъ только 17, причемъ важнѣйшiе посты за границей, въ Лондонѣ и Парижѣ, достались южанамъ. Югъ же располагаетъ большинствомъ кабинета.

Хотя сѣверные приверженцы президента и протестуютъ громко противъ этихъ вѣянiй, онъ очевидно безсиленъ — демократы-бурбоны захватили его въ свои лапы, и безпристрастные люди Сѣвера начинаютъ покачивать головами: южане слишкомъ любятъ власть, и слишкомъ высокомѣрны и настойчивы, когда добьются ея—трудно предвидѣть, чѣмъ окончится это новое явленiе.

Перемѣна президентовъ 4-го марта произошла съ обычнымъ порядкомъ и помпой; Гаррисонъ сдѣлался частнымъ человѣкомъ, и принялъ каѳедру международнаго права въ новомъ университетѣ въ Калифорнiи.

МОЯ ЖИЗНЬ ВЪ АМЕРИКѢ.

МОЯ ЖИЗНЬ ВЪ АМЕРИКѢ.

Когда я писалъ мои „Десять лѣтъ въ Америкѣ“, я старался исключить, насколько то было возможно, личный элементъ и сообщить только общія мои впечатлѣнія и выводы; стараясь быть безпристрастнымъ, я выдѣлилъ все, въ чемъ не былъ совершенно увѣренъ, и избѣгалъ упоминать о томъ, что̀ особенно дѣйствовало на меня лично. Другими словами, я старался о томъ, чтобы занять положеніе безпристрастнаго посторонняго наблюдателя, отбросившаго въ сторону свои личныя симпатіи и антипатіи; я разсказывалъ о томъ, что̀ видѣлъ и испыталъ, „не мудрствуя лукаво“ и не окрашивая въ свой индивидуальный цвѣтъ всего видѣннаго и слышаннаго. Не знаю, насколько я въ томъ успѣлъ—предоставляю читателю судить о томъ,—но думаю, что до извѣстной степени мнѣ это удалось, такъ какъ всѣ письма, полученныя мною по поводу этихъ очерковъ отъ знакомыхъ и незнакомыхъ людей на родинѣ, неизмѣнно спрашиваютъ: „А какъ вы лично перенесли все это? Какимъ образомъ эта рѣзкая перемѣна жизни, привычекъ, всей обстановки, отозвалась на васъ? Не устали ли вы? Не растеряли ли вы по дорогѣ всего того, чѣмъ вы были, когда пріѣхали, и не сдѣлались ли другимъ человѣкомъ, а не тѣмъ, чѣмъ были?“ Многія изъ этихъ писемъ—громадное большинство этихъ корреспондентовъ мнѣ совершенно неизвѣстно—дышутъ такимъ искреннимъ интересомъ, такимъ сочувствіемъ и такимъ затаеннымъ любопытствомъ, и въ то же время такъ неизмѣнно спрашиваютъ объ одномъ и томъ же, что я невольно пришелъ къ тому заключенію, что эта личная сторона тоже можетъ имѣть свой интересъ,—и результатомъ такого заключенія является настоящій очеркъ, въ которомъ я попытаюсь дать отвѣтъ на эти вопросы.

Когда, двѣнадцать лѣтъ тому назадъ, я пріѣхалъ въ Союзъ, мнѣ было ровно тридцать лѣтъ; я обладалъ крѣпкими мускулами и надежнымъ физическимъ сложеніемъ, но и безобразно

разбитыми, измученными нервами,—результатомъ тѣхъ камней преткновенія, которые такъ обильно встрѣчались въ то время въ Россіи на жизненномъ пути многихъ. Мнѣ лично какъ-то особенно не повезло, — самъ ли я никуда не годился, обстоятельства ли складывались исключительно неудачно—не знаю,—думаю, что то̀ и другое вмѣстѣ. Вѣрно одно, что изъ самаго розоваго оптимиста въ ранней юности я постепенно сдѣлался самымъ мрачнымъ пессимистомъ—и ѣхалъ въ Америку, какъ въ послѣднее убѣжище, разсчитывая сдѣлаться тамъ заурядным фермеромъ, пахать лично землю и физическимъ трудомъ переработать изломанную нравственно натуру. Средства у меня тогда были порядочныя — я былъ въ юности гвардейскимъ офицеромъ, потомъ много лѣтъ дворянскимъ предводителемъ; я не умѣлъ даже снять съ себя сапогъ, и если мнѣ нуженъ былъ носовой платокъ или стаканъ воды, то обыкновенно шумѣлъ и кричалъ, пока требуемое не появлялось, но не шелъ за нимъ самъ и даже не думалъ о томъ, что въ десять разъ легче было бы подняться самому, чѣмъ дожидаться и шумѣть на весь домъ. Я родился въ деревнѣ, во времена крѣпостного права, выросъ въ огромномъ каменномъ домѣ стариннаго „дворянскаго гнѣзда“, хозяинъ котораго былъ предводителемъ чуть не двадцать лѣтъ, и въ которомъ было обыкновенно не менѣе тридцати человѣкъ прислуги, нянекъ, мамокъ, лакеевъ, гувернантокъ и надзирателей всякаго рода, сорта и наименованія; никогда я не зналъ родительской власти, оставшись круглымъ сиротой и наслѣдникомъ, еще будучи четырехълѣтнимъ ребенкомъ, и, само собой разумѣется, весь ядъ тогдашнихъ условій крѣпко привился къ моей натурѣ. Семнадцати лѣтъ я уже былъ полновластнымъ хозяиномъ и самого себя, и своихъ имѣній, облеченный въ красивый гвардейскій мундиръ, съ деньгами въ карманѣ и съ выкупными ссудами, лѣсными дачами и всякими другими прелестями въ перспективѣ. Я увлекся сельскимъ хозяйствомъ, вышелъ въ отставку, работалъ усердно цѣлыя десять лѣтъ,— и выкупныя ссуды, лѣсныя дачи, и всякія другія угодья уходили одни за другими на улучшенія, а въ концѣ концовъ получилось полнѣйшее разочарованіе и пустой карманъ. Оглядываясь теперь назадъ трезво и хладнокровно, я думаю, что и въ Россіи я могъ работать долго и усидчиво; кромѣ того, у меня были и молодая энергія, и молодой задоръ, которые теперь, съ сѣдыми волосами, конечно, ослабѣли,—тѣмъ не менѣе, какъ я уже замѣтилъ выше, мнѣ не везло, и я сжегъ свои корабли и прямо изъ предводительскаго

мундира переодѣлся въ то время въ overalls[1])—лѣсопильнаго работника во Флоридѣ. Настоящіе владѣльцы моихъ родительскихъ усадьбъ, вѣроятно, теперь уже знаютъ по опыту, насколько я ихъ улучшилъ,—но за этимъ улучшеніемъ, звонкой монеты у меня оставалось самое незначительное количество, и когда мы кое-какъ устроились во Флоридѣ, у насъ оставалось ровно сорокъ долларовъ—а одна пища, только чтобы держать духъ въ тѣлѣ, требовала, по крайней мѣрѣ, десять долларовъ въ недѣлю. Прислуги у насъ, конечно, не было; зато было четверо дѣтей: старшей дѣвочкѣ 8 лѣтъ, а младшей 6 мѣсяцевъ—„ни папеньки, ни маменьки, ни старшаго братца“, какъ, бывало, припѣвала надъ моей колыбелью ходившая за мною въ дѣтствѣ крѣпостная нянька; ни знакомыхъ, никого рѣшительно, къ кому бы можно было обратиться за помощью въ случаѣ неудачи;—оставалось разсчитывать исключительно на самого себя, и, право, теперь,—когда я могу спокойно оборотиться назадъ, сидя въ моемъ изящномъ, удобномъ, даже дорогомъ кабинетѣ, который одинъ стоитъ гораздо болѣе, чѣмъ всѣ когда-то привезенныя мною изъ Россіи средства,—я думаю, что эта безнадежность и поставила меня частью на ноги. Нѣкогда было заниматься нервами, нѣкогда было думать, нѣкогда было разсматривать и охать надъ мозолями на рукахъ—нужно было отгонять волка отъ дверей и работать, работать, работать...

На моей первой флоридской фермѣ была только крошечная лачужка примитивной постройки, изъ молоденькихъ сосенъ, обшитая ручной дранью, съ щитами вмѣсто оконъ, состоявшая изъ двухъ маленькихъ комнатъ, съ крышей вмѣсто потолка; въ этой лачужкѣ мы прожили цѣлый годъ. Жена готовила кушанье, какъ умѣла и могла, стирала бѣлье, возилась съ ребятишками, учила ихъ, мыла и обшивала,—а я работалъ сначала на фермѣ, а потомъ на лѣсопилкѣ. Ферма эта дала мнѣ первый вкусъ физическаго труда; нужно было очистить отъ лѣса десять акровъ—я нанялъ нѣсколькихъ человѣкъ, назначилъ одного изъ нихъ старшимъ, такъ какъ самъ рѣшительно ничего не понималъ, и работалъ вмѣстѣ съ остальными подъ его же командой. Былъ августъ мѣсяцъ; стояла ужасная флоридская жара—въ шесть часовъ утра уже нельзя было пошевельнуться безъ того, чтобы потъ не проступилъ по всему тѣлу круп-

[1]) Overalls—это особый костюмъ американскаго рабочаго, состоящій изъ куртки и штановъ, сшитыхъ вмѣстѣ и надѣваемыхъ поверхъ другого, обыкновеннаго платья, какъ только начинается работа.

ными каплями,—а мы работали съ 7 часовъ утра до 6 вечера, рубя лѣсъ и убирая его въ костры. По утрамъ особенно трудно было вставать—все тѣло ломило и зудило, но я вставалъ, приносилъ воды и дровъ, закусывалъ на скорую руку и шелъ работать, поклявшись, что выстою наравнѣ съ другими. Часа черезъ два мозгъ совершенно переставалъ работать—я дѣйствовалъ руками и ногами механически, и выстоявъ до обѣда, до полудня, обыкновенно доходилъ до полнаго, безусловнаго физическаго изнеможенія. Часъ за обѣдомъ опять нѣсколько успокаивалъ тѣло—и я работалъ до 6 вечера, когда еле-еле добирался до своей лачужки, а послѣ ужина немедленно заваливался спать, довольный и счастливый—думать я рѣшительно не могъ, и думать въ то время было для меня совершенной египетской казнью. Черезъ двѣ, три недѣли я уже обтерпѣлся до того, что оканчивалъ дневную работу безъ клятвъ, и могъ уже часъ, другой вечеромъ послѣ ужина просидѣть на крылечкѣ, закинувши ноги на перила, покуривая глиняную трубочку и философски поплевывая куда попало, къ величайшему ужасу жены. Нервовъ моихъ, съ которыми я такъ возился въ Россіи, и о которыхъ даже нѣсколько разъ ѣздилъ совѣтоваться съ свѣтилами науки въ Петербургѣ,—какъ не бывало, точно ихъ повыталкалъ кто изъ моего тѣла—оставались только мускулы да кости, которые, правда, побаливали, но крѣпли съ каждымъ днемъ. Когда мои десять акровъ были вычищены, и молодой апельсинный садъ посаженъ, я уже пересталъ бояться—я зналъ, что могу работать и что не умру съ голода.

Въ русской литературѣ есть не мало попытокъ описать, какъ упорный физическій трудъ дѣйствуетъ на непривычнаго „интеллигента“. Если хотите знать правду, читатель, прочтите въ „Аннѣ Карениной“ тѣ страницы, гдѣ Константинъ Левинъ коситъ Машкинъ-Верхъ. Я знаю эти вдохновенныя страницы наизусть, и жалѣю о томъ, что великій художникъ остановился на первомъ днѣ—ему бы слѣдовало дать цѣлую недѣлю или двѣ—тогда бы онъ создалъ картину, которая дѣйствительно дала бы художественное описаніе этихъ чрезвычайно характерныхъ ощущеній. Я не художникъ—я помню, что̀ чувствовалъ, но не могу передать вамъ всего того гнета, всей той страшной напряженности, которые привелось пережить за этой работой—картина передъ моими умственными глазами, но красокъ у меня не хватаетъ для того, чтобы передать ее, какъ слѣдуетъ, на бумагѣ.

За лѣсопильнымъ, затѣмъ подряднымъ и желѣзнодорожнымъ дѣлами я проработалъ восемь лѣтъ—сначала простымъ рабочимъ, потомъ отправщикомъ тёса, нагрузчикомъ на вагоны, затѣмъ главноуправляющимъ въ конторѣ, гдѣ физическій трудъ больше не требовался,—и такъ я дошелъ до того, что сталъ заработывать больше головой, чѣмъ руками. Работа на лѣсопилкѣ была легче съ самаго начала: во-первыхъ, работа въ тѣни; во-вторыхъ, только въ извѣстные моменты,—тогда какъ на фермѣ, при уборкѣ лѣса, приходилось работать не переставая—рубишь ли дерево, перерубаешь ли его на куски, скатываешь ли эти куски въ кучу—мускулы напряжены все время, безъ отдыха, цѣлые пять часовъ, а всякая остановка будетъ отлыниваніемъ отъ работы. Читателю, вѣроятно, не безъизвѣстно, что русскій мужикъ работаетъ въ страду восемнадцать часовъ въ сутки,—могу васъ увѣрить по опыту, что и десять слишкомъ много. Десять часовъ лошадинаго физическаго труда, на фермѣ ли, на лѣсопилкѣ ли, въ кэбѣ ли желѣзнодорожнаго машиниста, въ мастерской ли деревообработывающаго завода, въ паровой ли прачешной—я лично перепробовалъ всѣ эти прелести—слишкомъ много для того, чтобы сохранить въ полнотѣ всѣ человѣческія способности. Человѣкъ—не лошадь; во мнѣ девять вершковъ, я вѣшу 185 англійскихъ фунтовъ, благодаря родителямъ—здоровъ и силенъ, и втянулся въ работу,—а десять часовъ, воля ваша, слишкомъ много. Я—отъявленный защитникъ восьмичасового рабочаго дня, хотя давно перешелъ изъ рабочихъ въ нанимателя, и всюду, гдѣ только возможно, проповѣдую эту истину. Я самъ перепробовалъ и 10, и 8 часовъ, и знаю, о чемъ говорю. Я не могу сравнить русскую работу съ американской — здѣшняя работа интенсивнѣе, энергичнѣе, напряженнѣе,—вы никогда не увидите здѣсь рабочаго за дѣломъ съ трубкой въ зубахъ или жующаго кусокъ хлѣба, или какимъ бы то ни было образомъ отлынивающаго; но вѣдь и ѣстъ онъ лучше и сытнѣе, и работаетъ только 8 или 10 часовъ, а не 13 и не 18, какъ мнѣ самому приходилось наблюдать во время оно на родинѣ. Правда, здѣшній рабочій интеллигентнѣе и либеральнѣе русскаго мужика,—онъ не такъ строго консервативенъ въ своихъ пріемахъ, приспособливается быстрѣе и работаетъ энергичнѣе; онъ работаетъ не только мускулами, но и мозгомъ, сохраняетъ свою силу по возможности, а не беретъ лбомъ и вѣсомъ—зато, конечно, и устаетъ скорѣе, и требуетъ болѣе короткаго дня.

Года три тому назадъ, союзъ плотниковъ и столяровъ того го-

рода Сѣверной Каролины, гдѣ я жилъ въ то время и членомъ котораго состоялъ, назначилъ меня ораторомъ въ засѣданіе городского состязательнаго клуба по вопросу объ укороченіи рабочаго дня, который въ то время началъ занимать всѣ умы. Я былъ владѣльцемъ самаго значительнаго мануфактурнаго дѣла въ городѣ, но моя рѣчь служила защитой короткаго рабочаго дня, дала рѣзкіе, неопровержимые аргументы въ его пользу и произвела цѣлый переворотъ: на другой день—всѣ рабочіе забастовали, и нашъ городъ былъ первымъ въ штатѣ Сѣверной Каролины, урѣзавшимъ десятичасовой день до девяти часовъ, а моя фабрика—первой въ городѣ, хотя это и значило, повидимому, десять процентовъ прибавки къ заработной платѣ.

Первыя недѣли моей работы на лѣсопилкѣ я работалъ какъ простой поденщикъ, за долларъ съ четвертью въ день, и перепробовалъ всего—и отвозку тёса отъ пилы, и отвозку опилокъ, и накатыванье бревенъ, и топилъ паровикъ, и подвозилъ бревна. Работа мнѣ давалась все легче и легче; потомъ, когда меня назначили управляющимъ, я сводилъ счеты, отпускалъ тёсъ на подводы, нагружалъ его на вагоны и вообще наблюдалъ только за дѣломъ, занимая мѣсто дѣйствительныхъ рабочихъ только по временамъ, вслѣдствіе неожиданной неявки или отлучки, или болѣзни кого-либо изъ нихъ, и получалъ уже три доллара въ день, то-есть, болѣе чѣмъ достаточно для того, чтобы прожить безбѣдно. Въ то же время заводъ сталъ приносить чистый доходъ, сначала нѣсколько долларовъ въ день, потомъ все больше и больше, пока я не довелъ его до того, что онъ давалъ до 40 и 50 долларовъ чистаго барыша въ день, и я не только былъ обезпеченъ, но и быстро дѣлалъ деньги. Послѣ того какъ я выкупилъ моихъ компаньоновъ—они проживали свои доходы немедленно по полученіи (мы дѣлили ихъ каждую недѣлю), а я ихъ откладывалъ—мои финансы пошли въ гору еще быстрѣе: я пилилъ день и ночь, чтобы справиться съ заказами, а иногда работалъ самъ по 15 и 18 часовъ въ день. Наша мѣстность быстро заселялась; города росли какъ грибы; мой заводъ пользовался репутаціей безусловной точности и аккуратности, и я загребалъ деньги лопатами,—нѣкоторое время дѣлалъ слишкомъ по тысячѣ долларовъ въ мѣсяцъ. Въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ условія были настолько благопріятны, что—имѣй я свободныя деньги, тысячъ пятьдесятъ—я бы могъ нажить огромное состояніе на пилкѣ; но такихъ денегъ у меня не было: я все еще не могъ отдѣлаться отъ россійскаго заблужденія относительно „улучшеній" своей усадьбы

и все улучшалъ ее, то-есть закапывалъ всякій свободный грошъ въ землю. Моя лѣсопилка была старой конструкціи, побывала въ двухъ пожарахъ, прежде чѣмъ я ее купилъ, ея ремонтъ стоилъ дорого, и она не была такъ прибыльна, какъ бы слѣдовало; тѣмъ не менѣе, мои ресурсы расширялись съ каждымъ годомъ, и такъ какъ я никогда не спекулировалъ, состояніе мое сначала постоянно увеличивалось. Я построилъ себѣ новый, удобный домъ, купилъ рояль, обставился болѣе или менѣе комфортабельно, могъ послать двухъ старшихъ дѣвочекъ учиться во французскій монастырь въ Джаксонвилѣ, что̀ стоило мнѣ свыше пятисотъ долларовъ въ годъ, — словомъ, суровая жизнь перваго времени мало-по-малу уступила мѣсто болѣе комфортабельной. Въ теченіе первыхъ трехъ лѣтъ мы совсѣмъ не держали прислуги и справляли сами всю домашнюю работу—жили исключительно физической жизнью, уставая къ вечеру до безобразія и ожидая воскресенья съ нетерпѣніемъ лѣнивыхъ школьниковъ. Сосѣдей у насъ было мало, да и тѣ—люди неинтересные, также боровшіеся съ нуждой, какъ и мы. Первые годы поселенца во Флоридѣ, стремящагося къ тому, чтобы вырастить апельсинную рощу, усѣяны терніями и не даютъ времени на то, чтобы думать о чемъ-либо другомъ, кромѣ работы—и работы въ разнообразныхъ, обыкновенно очень тяжелыхъ, формахъ. Всѣ интересы были съужены на то, сколько футовъ тёса было выпилено, сколько продано, сколько долларовъ очищено. Я не читалъ почти ничего. Вся жизнь проходила на радіусѣ одной мили; ферма и лѣсопилка были единственнымъ доступнымъ горизонтомъ. Я никого не видѣлъ, кромѣ такихъ же рабочихъ, какъ и я самъ, никуда не ѣздилъ, мало съ кѣмъ говорилъ, а если говорилъ, то исключительно о лѣсопильныхъ и фермерскихъ дѣлахъ. Необходимость обезпечить семью была на первомъ планѣ—ни о чемъ больше не было ни охоты, ни возможности думать или говорить. Переходъ отъ сравнительнаго деревенски-усадебнаго довольства къ суровой жизни пограничнаго піонера на апельсинной плантаціи былъ, конечно, рѣзокъ. Питаться приходилось чѣмъ Богъ послалъ,—мясо было рѣдко, и то плохого качества,—мы жили преимущественно на консервахъ всякаго рода. Завели-было куръ для яицъ, но онѣ или не клали, или клали гдѣ-то, гдѣ мы не могли найти яицъ; купили-было двухъ мѣстныхъ коровъ, но доить ихъ приходилось самимъ, животныя были сравнительно дикія, и отъ молока пришлось отказаться послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ постоянныхъ сраженій съ этими коровами,—

*

сраженій, изъ которыхъ онѣ обыкновенно выходили рѣшительными побѣдительницами.

Первымъ дѣйствительнымъ шагомъ къ расширенію дѣятельности и благосостоянію былъ мой первый подрядъ на постройку дома и магазина для богатаго янки, переѣхавшаго въ мое сосѣдство для здоровья и рѣшившаго открыть торговлю всякимъ товаромъ на своемъ мѣстѣ. Окрестность быстро заселялась, преимущественно людьми съ сѣвера, съ хорошими средствами; хорошихъ ремесленниковъ было мало; я построилъ мой новый домъ поденно, съ помощью двухъ-трехъ сосѣдей, и впервые на его постройкѣ познакомился съ пріемами американскихъ строителей. Домъ удался, и вышеупомянутый сосѣдъ, уѣзжая на сѣверъ за товаромъ, поручилъ мнѣ выпилить тёсъ и построить ему домъ. На этихъ двухъ постройкахъ я выучился высчитывать стоимость построекъ, слѣдилъ за ними во всѣхъ деталяхъ и познакомился съ дѣломъ настолько, что рѣшилъ заняться подрядами. Поле было широкое; страна быстро застроивалась, и черезъ полгода у меня было уже съ полдюжины небольшихъ подрядовъ въ разныхъ мѣстахъ. Съ этого времени я уже не былъ такъ привязанъ къ лѣсопилкѣ, ѣздилъ по окрестностямъ, знакомился съ людьми и вообще нѣсколько поразвернулся; подряды оканчивались удачно; я дѣлалъ деньги, и дѣло расширялось само собой. Къ лѣсопилкѣ я присоединилъ и строгательный, обработывающій дерево, заводъ вообще; машины купилъ въ Филадельфіи, частію въ кредитъ, благодаря рекомендательнымъ письмамъ нѣкоторыхъ сосѣдей; могъ утилизировать каждую щепку и мало-по-малу получилъ возможность не только съ успѣхомъ конкурировать съ моими соперниками по подрядамъ, но и, при меньшей цѣнѣ, дѣлать больше денегъ на извѣстной постройкѣ. Все дерево я поставлялъ самъ, съ своихъ собственныхъ заводовъ, тогда какъ остальные подрядчики должны были покупать матеріалъ у меня же; гвоздь, краску, кирпичъ покупалъ оптомъ, опять-таки дешевле, при чемъ досталъ исключительныя агентуры нѣкоторыхъ особенно необходимыхъ матеріаловъ, какъ, напр., асфальтовой крыши, единственно прочной при климатѣ Флориды, особыхъ красокъ, приспособленныхъ опять-таки къ ея климату, и т. д. Въ теченіе этого періода мнѣ пришлось работать особенно интенсивно, иногда по пятнадцати часовъ въ день, сплошь и рядомъ; проводя цѣлый день на лѣсопилкѣ, я сейчасъ же послѣ ужина опять уходилъ въ контору и работалъ за счетами до поздней ночи, а иногда сейчасъ же

садился въ „богги“ и ѣхалъ ночью куда-нибудь за пятнадцать-двадцать миль, на какой-нибудь подрядъ, чтобы съэкономить время. Года черезъ три по моемъ пріѣздѣ, около моихъ фабрикъ выросъ цѣлый городокъ; у меня работало до ста и болѣе ремесленниковъ всякаго рода, и какъ только городокъ этотъ сложился въ особый муниципалитетъ, я былъ выбранъ его первымъ „мэйоромъ“. Это свело меня болѣе или менѣе съ общественной жизнью; еще послѣ конгрессіональныхъ выборовъ 1882 года, я прочно присталъ къ республиканской партіи, и партія эта на выборахъ 1884 года назначила меня своимъ кандидатомъ въ сенаторы штата отъ нашего графства. Въ теченіе этого года я впервые принялъ дѣятельное участіе въ политической кампаніи. Я уже съ годъ какъ служилъ „мэйоромъ“, при чемъ, послѣ долгой и усиленной борьбы, мнѣ удалось закрыть кабакъ въ нашемъ мѣстечкѣ и разбросать шайку пьяницъ, сдѣлавшихъ-было его своимъ главнымъ пристанищемъ. Мэйоръ въ американскихъ небольшихъ городахъ, гдѣ еще нѣтъ особыхъ полицейскихъ судей, занимаетъ и должность судьи, слѣдящаго за исполненіемъ всѣхъ постановленій городского совѣта, который имѣетъ по закону право издавать обязательныя постановленія по многимъ предметамъ. Нашъ городъ лежалъ на границѣ заселенныхъ цивилизованныхъ странъ; только къ югу отъ насъ была дикая глушь, кое-гдѣ занятая квакерами-аборигенами—скотоводами Флориды, являвшимися по субботамъ цѣлыми ватагами въ городъ, жестоко напивавшимися и всячески нарушавшими порядокъ. Въ одинъ прекрасный субботній вечеръ я захватилъ цѣлую дюжину этихъ головорѣзовъ, отобралъ у нихъ оружіе, заперъ ихъ на все воскресенье въ пустой амбаръ подъ сильнымъ вооруженнымъ карауломъ маршала и его помощниковъ, и въ понедѣльникъ, разобравши дѣло, посадилъ ихъ въ тюрьму, безъ всякаго милосердія, на долгіе сроки. Они было-грозили снести все мѣстечко и подстрѣлить меня какъ куропатку изъ-за угла, но моя полиція была отлично вооружена, установленъ былъ особый ночной караулъ, и все обошлось благополучно; кабакъ долженъ былъ закрыться, и всякое безобразіе совершенно прекратилось. Я никогда больше не встрѣчалъ этой шайки,—она обѣгала нашъ городокъ и никогда болѣе не пыталась утвердиться въ немъ. Мое назначеніе въ кандидаты не понравилось демократамъ—и первый митингъ кампаніи былъ назначенъ въ нашемъ городѣ, въ большой залѣ клуба. Ораторы занимали сцену, а зала была биткомъ набита любопытными, преимущественно моими рабо-

чими, между которыми находился и я. Главный ораторъ, поговоривъ о тарифѣ, круто повернулъ на меня лично и сказалъ, между прочимъ, слѣдующее: „И зачѣмъ этому человѣку соваться въ политику? Онъ занятъ, ведетъ большое дѣло, дѣлаетъ деньги—нѣтъ, надо лѣзть куда не слѣдуетъ". Меня это задѣло, и когда ораторъ кончилъ, публика потребовала меня. Я въ то время еще сравнительно плохо говорилъ по-англійски,— но, будучи раздраженъ безцеремоннымъ личнымъ нападеніемъ, необычнымъ вообще относительно присутствующихъ и сдѣланнымъ, конечно, только потому, что ораторъ былъ увѣренъ, что я не съумѣю отвѣчать, плохо владѣя языкомъ; но я взошелъ на платформу и въ первый разъ въ жизни сказалъ политическій спичъ. Послѣ этого случая я принималъ активное участіе въ каждой политической кампаніи, вошелъ во вкусъ, такъ сказать, и теперь безъ всякаго смущенія говорю въ публикѣ. Съ англійскимъ языкомъ я справился послѣ довольно легко; конечно, по моему выговору можно и теперь замѣтить, что я иностранецъ, но я говорю и пишу совершенно свободно, и словъ у меня теперь хватаетъ—не приходится мямлить по цѣлымъ минутамъ, подъискивая нужное слово, вспоминая его сначала по-французски, потомъ по-нѣмецки, даже по-латыни, и не находя въ своей памяти именно того, что̀ нужно.

Больше всего втянули меня въ американскую жизнь и больше всего объамериканили желѣзнодорожные подряды и желѣзнодорожная дѣятельность. Въ 1885 году мой годовой оборотъ дошелъ до громадной суммы, въ два съ половиною милліона долларовъ, т.-е. около пяти милліоновъ рублей; но какъ этотъ годъ, такъ и послѣдующіе, до 1888 включительно, были самыми тяжелыми и изнурительными. У меня работало до трехсотъ ремесленниковъ и до трехъ тысячъ чернорабочихъ, негровъ и итальянцевъ. Я не оставлялъ своихъ строительныхъ подрядовъ, своей лѣсопилки и обработывающаго дерево завода все время, пока жилъ во Флоридѣ, не смотря на желѣзнодорожное дѣло; въ 1886 году я строилъ въ одно время церковь въ Санъ-Августинѣ, отель и университетъ въ Винтеръ-Паркѣ, отель въ Саразотѣ, на самомъ южномъ концѣ Флориды, миль около шестисотъ отъ Санъ-Августина, и, кромѣ того, семнадцать другихъ построекъ въ разныхъ мѣстахъ штата, при чемъ самая дешевая стоила семнадцать тысячъ долларовъ. Въ то же время у меня были два значительные желѣзнодорожные подряда, кромѣ своей собственной дороги. Само собой разумѣется, что къ

этому времени у меня уже образовался извѣстный кругъ помощниковъ по разнымъ отраслямъ моего дѣла; тѣмъ не менѣе, самому мнѣ приходилось работать все больше и больше, тѣмъ болѣе, что въ то время я еще не успѣлъ вполнѣ освоиться съ американской системой веденія большихъ дѣлъ—передачи извѣстныхъ деталей извѣстной отрасли отвѣтственнымъ лицамъ, — отвѣтственнымъ за точное исполненіе полученныхъ отъ принципала приказаній. Сначала на лѣсопилкѣ, затѣмъ на первыхъ мелкихъ подрядахъ, я лично слѣдилъ за каждой мелочью, за каждымъ гвоздемъ, привыкъ къ этому, и потомъ мнѣ трудно было отдѣлаться отъ этой привычки, хотя дѣло и разрослось до того, что этотъ трудъ оказывался физически невозможнымъ. Еслибы не эта пагубная привычка и неумѣнье во-время отъ нея отдѣлаться, дѣло мое разрослось бы, по всей вѣроятности, еще больше, я дѣлалъ бы больше денегъ и менѣе бы утомлялся; но, видно, всего не схватишь сразу, и, хотя я и не могъ ежедневно не замѣчать этого важнаго недостатка, тѣмъ не менѣе, все-таки увлекался деталями и упускалъ многія существенныя вещи. Желѣзнодорожные подряды — дѣло чрезвычайно утомительное, требующее постоянной энергіи, вѣрнаго взгляда, быстраго соображенія; ничто, мнѣ кажется, быстрѣе не изнашиваетъ человѣка, какъ именно это дѣло. Я провозился съ нимъ ровно пять лѣтъ, и оно состарило и утомило меня больше всего остального, взятаго вмѣстѣ. Сначала—изысканіе и опредѣленіе окончательнаго расположенія линіи; мои инженеры въ полѣ проведутъ, бывало, пять, иногда цѣлыхъ десять предварительныхъ линій между двумя извѣстными пунктами—приходилось сначала изучить эти линіи на бумагѣ, затѣмъ выбрать наиболѣе подходящую и изслѣдовать ее на мѣстѣ. Больше ста миль этой дороги шло по совершенно дикимъ, незаселеннымъ мѣстамъ—по цѣлымъ недѣлямъ приходилось жить въ лѣсу, ночевать иногда въ палаткѣ, иногда подъ открытымъ небомъ, исходить иной день пѣшкомъ миль сорокъ, и все за тѣмъ, чтобы забраковать линію и начать все сначала. У меня были три самостоятельныхъ отряда инженеровъ, работавшихъ на пространствѣ полутораста миль, т.-е. двухсотъ двадцати-пяти верстъ, и я переѣзжалъ отъ одного къ другому, не имѣя, конечно, ни минуты отдыха. Смѣло могу сказать, что эти два-три мѣсяца были самыми тяжелыми въ теченіе всей моей дѣятельности въ Америкѣ. Нужно было торопиться, такъ какъ работа была срочная: контракты и съ властями штата, и съ частными обществами и лицами относи-

тельно земельныхъ уступокъ, были на срокъ, т.-е. еслибы дорога не была выстроена къ извѣстному числу, контракты эти оказались бы недѣйствительными, а потому приходилось и спѣшить съ расположеніемъ, и въ то же время торопить постройку. На одной части дороги я работалъ поденно, на другихъ работа была сдана мелкимъ подрядчикамъ, и за обѣими приходилось слѣдить зорко и постоянно, особенно за тѣми участками, гдѣ работали итальянцы, которые пользовались всякимъ удобнымъ случаемъ, чтобы навалить хворосту въ насыпи, не выкорчевать пней, и т. д. Нѣтъ, кажется, на свѣтѣ народа непріятнѣе, подозрительнѣе и въ то же время измѣнчивѣе и коварнѣе,—они вѣчно ссорились и между собою, и со всѣми надсмотрщиками и ревизорами; мнѣ самому не разъ приходилось ихъ усмирять.

Въ теченіе послѣднихъ двухъ-трехъ мѣсяцевъ, когда пришлось класть рельсы, мы работали днемъ и ночью. Лунныя ночи во Флоридѣ почти такъ же свѣтлы, какъ петербургскія лѣтнія, а въ темныя—мы зажигали смолистую сосну, освѣщавшую дорогу на большое разстояніе. Къ концу постройки я совсѣмъ выбился изъ силъ; въ тотъ же день, когда былъ положенъ послѣдній рельсъ, за нѣсколько дней до срока, я проспалъ безъ просыпу чуть не цѣлыя сутки и долго потомъ не могъ окончательно поправиться.

Въ теченіе этого періода я не только познакомился основательно со всѣмъ штатомъ Флоридой, но и со всѣми финансовыми центрами Союза. Нужно было добыть свыше двухъ милліоновъ долларовъ, и, само собой разумѣется, они дались не легко на постройку желѣзной дороги въ пустынныхъ лѣсахъ южной Флориды—конца свѣта для огромнаго большинства. Мнѣ много разъ пришлось съѣздить въ Нью-Іоркъ, Бостонъ, Филадельфію, Вашингтонъ, Бальтиморъ; приходилось жить тамъ по недѣлямъ. Справившись съ окончательнымъ расположеніемъ извѣстнаго участка, поставивъ рабочихъ и направивъ инженеровъ дальше, я уѣзжалъ на Сѣверъ и оставался тамъ, пока докучливый телеграфъ не отзывалъ меня назадъ. На линіи приходилось спать на землѣ и питаться чѣмъ Богъ послалъ, обыкновенно консервами, — на Сѣверѣ необходимо было останавливаться въ лучшихъ отеляхъ, такъ какъ приходилось возиться съ денежными людьми, которые обращаютъ вниманіе на малѣйшія детали. Финансовые дѣльцы Сѣвера, и въ особенности Wall-Street'а въ Нью-Іоркѣ, живутъ чрезвычайно роскошно; система взаимныхъ угощеній между ними распространена до чрезвычайности;

являются они въ свои конторы поздно и уѣзжаютъ рано, завалены дѣломъ и самыя успѣшныя сдѣлки заключаютъ въ ресторанахъ за полдникомъ, lunch. Не разъ мнѣ приходилось платить двадцать-тридцать долларовъ за lunch вдвоемъ, втроемъ; рестораторы 5-th Avenue Hotel, Hoffman Hause, Union Square Hotel, или рестораторы down town, какъ называютъ окрестности Wall-Street, умѣютъ кормить публику дѣйствительно отборными яствами, но и умѣютъ подводить счетà. Во время этихъ поѣздокъ я и отъѣдался, и отдыхалъ,—приходилось иногда ждать справокъ, бумагъ, и цѣлые дни проводились мною въ изученіи городовъ и ихъ особенностей. Знакомыхъ, и въ финансовомъ, и въ политическомъ мірѣ, у меня завелось множество, и я все болѣе ознакомлялся и съ жизнью, и съ нравами, и съ обычаями сѣверо-американскаго народа.

Со времени окончанія постройки и до весны 1889 года, когда я продалъ мою часть въ ней, ровно три года, я былъ главноуправляющимъ всей системы. Работать приходилось по прежнему безъ конца, но работать уже при лучшихъ условіяхъ—не было тѣхъ физическихъ лишеній и утомленія, которыя такъ одолѣвали меня при постройкѣ. У меня былъ собственный вагонъ со всѣми удобствами цивилизованной квартиры, и я выѣзжалъ не иначе какъ въ немъ; средства расширились; мнѣ, кромѣ моихъ личныхъ доходовъ, платили хорошее жалованье, и кампанія оплачивала всѣ расходы, какъ только я выѣзжалъ куда-либо. Мы уже постоянно держали прислугу; въ городѣ завелся порядочный клубъ, гдѣ давали танцовальные вечера и балы; знакомство наше расширилось, и мы встрѣчались ежедневно съ болѣе или менѣе интересными людьми. Физическая жизнь была вполнѣ обезпечена, и тотъ завѣтъ, что „не хлѣбомъ единымъ живъ бываетъ человѣкъ“,—давалъ себя знать все больше и больше. Тѣмъ не менѣе, и самъ я, и жена до того втянулись въ ежедневную работу, до того пріучили себя къ ней, что, во все время пребыванія нашего во Флоридѣ, какое-либо существенное измѣненіе нашихъ привычекъ было немыслимо, и я такъ же вставалъ въ пять часовъ утра, работалъ безъ устали до шести вечера и ложился спать въ девять и никакъ не позже десяти.

Въ это время я владѣлъ третьей частью всего акціонернаго капитала дороги и строительной кампаніи, выстроившей дорогу и владѣвшей всѣми землями, полученными отъ штата и частныхъ лицъ, всего около семисотъ тысячъ акровъ. Въ 1887 году Флорида была въ апогеѣ boom'а; цѣна на земли все повышалась, и

въ одинъ прекрасный день англійскій синдикатъ—съ покойнымъ уже теперь лордомъ Соутерлэндомъ во главѣ—предложилъ намъ по пяти долларовъ за акръ за всю эту землю, т.-е. около трехъ съ половиною милліоновъ. Это была цѣна спекулятивная, гораздо выше дѣйствительной, такъ какъ значительная часть нашихъ земель не стоила рѣшительно ничего, состоя изъ болотъ и flat woods, никуда негодныхъ равнинъ, затопляемыхъ во время ежегодныхъ дождей. Тѣмъ не менѣе, boom все расширялся, и спекуляція въ томъ году особенно занялась Флоридой; означенное предложеніе, въ формальномъ видѣ, съ залогомъ въ сто тысячъ долларовъ, было мнѣ сдѣлано главнымъ воротилой синдиката. Я уцѣпился за него обѣими руками; перспектива выручить слишкомъ милліонъ долларовъ золотомъ за восемь лѣтъ работы на первоначальныя три тысячи—все, чтò у меня было при началѣ—конечно, была очень заманчива. Но деньги въ этомъ году были очень дешевы въ Союзѣ—финансисты не знали, чтò съ ними дѣлать; мои сѣверные союзники ожидали еще бòльшаго возвышенія цѣнъ и наотрѣзъ отказались продать; они были въ большинствѣ, владѣя двумя третями предпріятія, и я вынужденъ былъ отказаться отъ предложенія, а черезъ годъ налетѣла желтая горячка, и мой милліонъ испарился въ пространство. А счастье было такъ возможно, такъ близко!

Я боролся съ желтой горячкой въ теченіе двухъ лѣтъ, не покинувъ своего поста, хотя всѣ остальные, безъ всякаго исключенія, главноуправляющіе другими желѣзнодорожными системами штата бѣжали на Сѣверъ. Это было особенно тяжелое время. Работа на дорогѣ падала съ каждымъ днемъ, скоро дошло до того, что она не могла покрыть текущихъ расходовъ. Всѣ подряды кончились; моя лѣсопилка съ фабрикой стояли безъ дѣла. Карантины остановили даже отправку тёса на Сѣверъ, къ которой я обратился, когда закрылся мѣстный рынокъ. Къ веснѣ 1889 года я окончательно выбился изъ силъ—продалъ все и переѣхалъ въ Сѣверную Каролину.

Климатъ Флориды вообще чрезвычайно разрушительно дѣйствуетъ на сѣвернаго человѣка. Семь мѣсяцевъ, начиная съ апрѣля и кончая октябремъ, стоитъ невыносимая тропическая жара и днемъ, и ночью. Температура мѣняется на 4 и 5 градусовъ Фаренгейта въ теченіе всего этого времени. Цѣлыя недѣли стоятъ ночью 90—92, днемъ 94—96. Въ сухомъ климатѣ это бы еще ничего, но во Флоридѣ сырость царитъ круглый годъ, а лѣтомъ стоитъ дождливая погода, rainy season, не только не уничтожающая жару,

но и усиливающая ее. Человѣкъ теряетъ аппетитъ, дѣлается вялымъ, безжизненнымъ, краска съ лица пропадаетъ, оно желтѣетъ, подъ глазами являются черные круги, и всякая энергія и сила воли въ немъ постепенно улетучиваются. Аборигены страны, краккеры, замѣчательно вялы, безцвѣтны и стоятъ на очень низкой ступени развитія. Какъ-то странно дѣйствуетъ мысль, что это природные американцы,—они больше похожи на полудикихъ корелъ нашихъ сѣверныхъ губерній. Я самъ никогда не былъ боленъ во Флоридѣ, т.-е. ни одного дня не лежалъ въ постели, но спалъ съ тѣла, вѣсилъ весной 1889 года всего 140 англійскихъ фунтовъ при 6 футахъ роста, пищевареніе стало вялымъ, и я несомнѣнно чувствовалъ себя весьма плохо; нужно было или бросить Флориду, или готовиться къ худшему. Впрочемъ, вѣроятно, я самъ себя доканалъ больше, чѣмъ климатъ; нельзя непривычному человѣку безъ отдыха работать такъ интенсивно и такъ долго, какъ работалъ я. Кромѣ того, управленіе желѣзнодорожной системой, особенно съ громаднымъ пассажирскимъ движеніемъ, каково было у насъ по зимамъ, когда тысячи человѣческихъ жизней зависѣли отъ управляющихъ, способно разстроить нервы и не особенно слабаго субъекта. Я подъ конецъ дошелъ до того, что совсѣмъ не могъ спать по ночамъ. Локомотивы своимъ свистомъ или звономъ колокола неизмѣнно будили меня, и сонъ отлеталъ до утра. За послѣднее время намъ пришлось усиленно экономить—и, конечно, это до извѣстной степени увеличивало рискъ. Наша дорога имѣла исключительный record въ томъ смыслѣ, что, въ теченіе всей постройки и эксплуатаціи до весны 1889 года, у насъ не было абсолютно ни одного несчастнаго случая какого бы то ни было рода съ пассажирами—само собой разумѣется, что мнѣ не хотѣлось портить этотъ record, а только при дѣйствительно неусыпномъ наблюденіи за всѣми частями дѣла можно было этого достигнуть.

Все лѣто 1889 г. я отдыхалъ въ горахъ Сѣверной Каролины, и здоровье мое быстро поправлялось. Не было ни заботъ, ни тревогъ—я вполнѣ вѣрилъ въ свои силы, и средства наши были уже въ такомъ положеніи, что мы могли съ успѣхомъ отдыхать послѣ восьмилѣтней напряженной до maximum'а дѣятельности.

Когда я остановился на городѣ Ашвилѣ, какъ мѣстѣ постояннаго пребыванія въ будущемъ, мы прежде всего построили себѣ удобный домъ со всѣми новѣйшими приспособленіями, держали четырехъ человѣкъ прислуги, лошадей, коляску и т. д. Дѣло мое

процвѣтало и здѣсь, но жилось не особенно весело, такъ какъ мы оказались среди исключительно южнаго населенія, со всѣми его разительными недостатками и традиціями добраго стараго, до-реформеннаго времени.

Во Флоридѣ населеніе было чрезвычайно смѣшанное — страна была совершенно новая, со всѣми характерными признаками новыхъ территорій. Въ Сѣверной Каролинѣ, наоборотъ, населеніе было старое, осѣдлое; главными дѣльцами города были люди, сражавшіеся на конфедератской сторонѣ во время междоусобной войны, и новые элементы, особенно принадлежавшіе къ республиканской партіи, не пользовались популярностью. Разоренные „южные бароны“, бывшіе рабовладѣльцы, никакъ не могли освоиться съ новыми условіями жизни; негръ считался скотомъ, котораго не грѣшно было повѣсить безъ суда при случаѣ, и хотя въ погонѣ за наживой многіе и старались усвоить сѣверные пріемы, тѣмъ не менѣе, это имъ плохо удавалось и обыкновенно оканчивалось неудачами. Коварная, измѣнчивая натура южанина сказывалась на всякомъ шагу. Лучшей характеристикой этой натуры можетъ служить отношеніе всѣхъ южныхъ штатовъ къ своимъ долгамъ,—отношеніе, извѣстное по всему Союзу подъ именемъ repudiation,—буквально: отказъ, отрицаніе. Извѣстно, что однимъ изъ первыхъ актовъ конфедератскаго конгресса, послѣ отпаденія 1861 года, былъ актъ разрѣшенія южанамъ не платить долговъ сѣверянамъ, чтобы наказать этихъ послѣднихъ за то, что они осмѣлились вступиться за конституцію Союза и съ оружіемъ въ рукахъ защищать ее; Югъ, посредствомъ выборнаго представительнаго собранія, послѣ долгаго, всесторонняго обсужденія, единогласно постановляетъ, что отнынѣ и впредь сѣверянинъ не можетъ взыскивать долгъ съ южанина, и что Югъ свободенъ отъ всѣхъ долговъ Сѣверу; даже деньги, уже взысканныя ко времени обнародованія этого акта, находившіяся въ рукахъ судовъ и адвокатовъ, были секвестрованы. Этотъ актъ впослѣдствіи сдѣлалъ больше для подрыва кредита Юга вообще и его купцовъ и заводчиковъ въ особенности, чѣмъ что-либо другое. Послѣ войны опять-таки всѣ штаты отказались платить свои долги, заключенные во время войны; извѣстно, что сами южане, откуда-либо получавшіе наличныя деньги во время войны, отправляли ихъ на Сѣверъ, такъ какъ сами они не довѣряли своимъ собственнымъ законамъ и учрежденіямъ. Дѣло о repudiation штата Вирджиніи всѣхъ своихъ долговъ дошло до международнаго столкновенія Соединенныхъ Шта-

товъ съ европейскими капиталистами, которое и до сихъ поръ не окончено удовлетворительно для этихъ послѣднихъ, такъ какъ федеральное правительство безсильно на Югѣ, а мѣстные суды и мѣстное общественное мнѣніе чуть не единогласно на сторонѣ этого repudiation, и говорить открыто противъ него не всегда безопасно.

Въ томъ же духѣ дѣйствуютъ и отдѣльные города, и отдѣльныя общины, и частныя лица. Ресурсы Юга, въ сущности, безконечны; климатъ, въ общемъ, превосходный; минеральное богатство изумительно, почва богатая;—кажется, существуетъ все для того, чтобы неудержимо прогрессировать, а въ дѣйствительности Югъ отсталъ на цѣлое полстолѣтіе отъ Сѣвера, и всѣ попытки къ тому, чтобы развить эти натуральныя богатства, до сихъ поръ такъ и остаются попытками. Дѣло въ томъ, что политика repudiation въѣлась въ кровь и плоть коренного южнаго населенія, и оно обращается къ ней, какъ только противная сторона дастъ ему поводъ къ тому. Такъ, чтобы привлечь сѣверныхъ мануфактуристовъ и заводчиковъ, многіе города публиковали, что всякое такое предпріятіе, съ извѣстнымъ капиталомъ, будетъ изъято—на десять, въ нѣкоторыхъ случаяхъ на двадцать лѣтъ—отъ городскихъ налоговъ. Во многихъ случаяхъ были заключены формальные договоры сѣверными людьми съ муниципальными властями—и всюду договоры эти были немедленно нарушены этими властями, какъ только заводы были выстроены и пущены въ ходъ. Въ томъ городѣ, гдѣ я жилъ, было основано въ 1889 и 1890 годахъ больше полдюжины такихъ заводовъ, между прочимъ и мой, — и какъ только они были увѣрены, что наши капиталы были твердо вложены, такъ наши договоры были объявлены недѣйствительными, и съ меня, напримѣръ, взыскали слишкомъ 600 долларовъ въ пользу города.

Само собой разумѣется, что поддѣть людей такимъ образомъ можетъ удаться только одинъ разъ—такъ случилось и тутъ. Всѣ заводчики, поддерживавшіе своими заводами сотни семействъ ремесленниковъ, оживлявшихъ городъ, возстали; трое немедленно закрыли свои заводы и перенесли ихъ въ другія мѣстности. Многія мѣстности штатовъ Алабамы и Теннеси, въ которыхъ минеральное богатство просто неисчерпаемо, пережили въ теченіе послѣдняго десятилѣтія чрезвычайно острые boom'ы, неизмѣнно оканчивавшіеся разореніемъ и прекращеніемъ мануфактурной дѣятельности; янки упрямы, и какъ только откроютъ, что попались на удочку, уби-

раются во-свояси, хотя бы и теряли при этомъ три четверти своего состоянія. Западъ, на время, бывъ частью оставленъ переселенцами Востока и Центра, въ виду дѣйствительныхъ богатствъ Юга, опять сдѣлался исключительнымъ пунктомъ переселенія. Югъ опять предоставили собственному населенію, и его развитіе, въ американскомъ смыслѣ слова, едва ли будетъ подвигаться въ будущемъ; сѣверяне горькимъ опытомъ познали всю ненадежность южныхъ обѣщаній, и едва ли Югу удастся въ ближайшемъ будущемъ повторить тѣ эксперименты, которые продѣлывались въ немъ въ теченіе восьмидесятыхъ годовъ,—эксперименты, разорившіе тысячи сѣверянъ и не давшіе Югу ничего солиднаго—онъ воспользовался обстоятельствами слишкомъ поспѣшно, слишкомъ безцеремонно, и убилъ птицу, несшую золотыя яйца. Города Бирмингэмъ, Бессемеръ, Аннистонъ, Тускумбія, Шеффильдъ и многіе другіе въ Алабамѣ, Чатануга, Флуренсъ, Колумбія и другіе въ Теннеси, въ теченіе восьмидесятыхъ годовъ, носили на себѣ всѣ наружные признаки быстро ростущихъ городовъ Запада, но въ нихъ не было западной закваски, не было западной устойчивости и добросовѣстности, и вызвавшая ихъ къ жизни сѣверная энергія скоро разбилась о южный индифферентизмъ и, что̀ еще хуже, о южную измѣнчивость и недобросовѣстность. Города эти въ плачевномъ положеніи—многіе заводы закрыты, желѣзные рудники оставлены, и тамъ, гдѣ работали тысячи, оживляя край и увеличивая его богатство, теперь пасется скотъ. Города эти, и Югъ вообще, какъ нельзя лучше доказываютъ, что естественныя богатства, счастливыя топографическія условія, производительность почвы—все это ничто безъ людей, что люди и составляютъ главный факторъ въ благосостояніи страны; южане же далеко отстали отъ сѣверянъ во всѣхъ тѣхъ характеристическихъ особенностяхъ, которыя такъ толкаютъ впередъ всѣ остальныя части Союза. Почти всѣ штаты Юга разительно напоминаютъ своею внѣшностью бывшія богатыя помѣщичьи русскія губерніи. Проѣзжая по странѣ,—а я исколесилъ всѣ безъ исключенія южные штаты во всѣхъ направленіяхъ—черезъ каждыя десять-двадцать миль вы натолкнетесь на огромныя запущенныя плантаціи, съ большими, роскошными, давно заколоченными домами и заглохшими садами. Обширныя поля частью заросли негоднымъ прутнякомъ, частью воздѣлываются небольшими участками, разбросанными по всему Югу, неграми. Цѣна на хлопокъ упала до того, что его возможно воздѣлывать съ успѣхомъ только при крайне благопріят-

ныхъ, исключительныхъ условіяхъ; табакъ, на который-было жадно набросились послѣ войны, истощилъ окончательно многія мѣстности и сдѣлалъ ихъ никуда негодными на долгій періодъ времени, самая земля раздается владѣльцами по клочкамъ неграмъ изъ-полу, изъ-трети и такъ далѣе, и все болѣе и болѣе истощается; кое-гдѣ негры покупаютъ себѣ землю и болѣе или менѣе заботятся о ней, но, въ громадномъ большинствѣ случаевъ, арендуютъ ее отъ своихъ прежнихъ владѣльцевъ изъ части урожая. Мелкихъ бѣлыхъ фермеровъ сравнительно очень немного—это потомки бывшихъ надсмотрщиковъ южныхъ плантацій, и они представляютъ собою жалкую, забитую расу, рѣшительно ничѣмъ не напоминающую массы американскаго народа, съ непривлекательными, грязными обычаями, низкой моралью, повальной почти безграмотностью и всякимъ отсутствіемъ американской предпріимчивости и энергіи. Кракеры Флориды, Джорджіи, Алабамы и обѣихъ Каролинъ вошли въ пословицу по всему Союзу, какъ лѣнивая, грязная, коварная раса, составляющая какъ бы особую націю, довольно близко напоминающую современнаго мексиканца и жителя центральной Америки.

Бывшіе крупные плантаторы, когда-то жившіе въ неизобразимой роскоши и довольствѣ, на трудѣ своихъ бывшихъ негровъ-рабовъ, со всѣмъ развратомъ и другими аттрибутами средневѣковой европейской аристократіи, послѣ войны разбрелись кое-куда и доживаютъ свой вѣкъ среди скрежета зубовнаго и непримиримой ненависти къ новымъ условіямъ. Почти во всѣхъ южныхъ штатахъ они еще достаточно сильны для того, чтобы контролировать вполнѣ весь ходъ общественныхъ дѣлъ. Эти бывшіе государственные дѣятели, генералы и полковники конфедераціи—„die very hard“: техническое американское выраженіе, значащее въ сущности, что они вымираютъ съ большимъ трудомъ, цѣпляясь за свое блестящее прошлое и задерживая, по возможности, неотвратимое будущее. Молодое поколѣніе, при всѣхъ неизбѣжныхъ недостаткахъ рожденія и воспитанія, само собой разумѣется, болѣе способно уживаться съ настоящими порядками, и во многихъ случаяхъ уже берется за живое дѣло, за работу, но все это плохо клеится, плохо соотвѣтствуетъ ихъ гордому, аристократическому духу, и нравы Юга и до настоящаго момента рѣзко отличаются отъ нравовъ Сѣвера и въ особенности Запада. Нерѣдки дуэли, даже правильныя войны между соперничающими семействами извѣстной мѣстности—first families, f. f., какъ они здѣсь называются. Взглядъ общественнаго мнѣнія на трудъ,

на работу всякаго рода хотя и измѣняется медленно, въ виду абсолютной необходимости ѣсть, пить и одѣваться, тѣмъ не менѣе, все ёще далеко не установился: настоящій южанинъ не будетъ работать, если можетъ этого избѣжать какимъ-либо образомъ, тогда какъ люди Сѣвера и Запада работаютъ и тогда, когда это вовсе не необходимо въ матеріальномъ отношеніи. Южанинъ предпочтетъ служить какимъ-нибудь констэблемъ, почтмейстеромъ йли разсыльнымъ суда, перебиваться впроголодь со дня на день, оставить своихъ дѣтей безъ всякаго образованія, прежде чѣмъ займется самостоятельной работой, которая могла бы въ десять разъ лучше обезпечить его во всѣхъ отношеніяхъ.

Сообразно этимъ переходнымъ, временнымъ условіямъ, все болѣе и болѣе, все быстрѣе и быстрѣе поддающимися требованіямъ настоящей минуты, сложилась и вся общественная и соціальная жизнь Юга. Негры, въ большинствѣ южныхъ штатовъ составляющіе бо̀льшую половину всего населенія и размножающіеся быстрѣе бѣлыхъ, живутъ совершенно особо, отдѣльно отъ этихъ послѣднихъ, соприкасаясь съ ними только въ качествѣ презираемаго, ненавистнаго, но въ то же время необходимаго и неизбѣжнаго рабочаго. Самые дикіе проекты поголовнаго, насильственнаго выселенія негровъ постоянно волнуютъ воображеніе южныхъ полковниковъ. Хотя они, конечно, не могутъ не сознавать, что безъ негра они окончательно пропали, такъ какъ громадное ихъ большинство и до настоящей минуты ухитряется всякими правдами и неправдами прозябать на бѣломъ свѣтѣ, исключительно благодаря работѣ негра, тѣмъ не менѣе, они не могутъ отказать себѣ въ удовольствіи помечтать и публично, и въ прессѣ, о томъ, какая благодать заведется на Югѣ, если выгнать всѣхъ негровъ въ Мексику, въ Ямайку, въ Либерію и т. п. Эти толки, то возобновляющіеся, то утихающіе, само собой разумѣется, до извѣстной степени волнуютъ и самихъ негровъ, которые и до сихъ поръ, особенно въ глухихъ земледѣльческихъ мѣстностяхъ, относятся къ бѣлымъ съ извѣстной долей суевѣрнаго страха. У нихъ свои церкви, свои школы, свои митинги, свои общественныя увеселенія. свои праздники; на Югѣ они нигдѣ и никогда не смѣшиваются съ бѣлыми ни при какихъ обстоятельствахъ. Они не принимаютъ ни малѣйшаго участія въ управленіи, никогда не допускаются ни къ какимъ общественнымъ должностямъ и, въ громадномъ большинствѣ случаевъ, даже не пользуются правомъ голоса; вся машина управленія находится въ рукахъ южныхъ полковниковъ, отъ самыхъ верх-

нихъ до самыхъ нижнихъ ея ступеней, и они ревниво оберегаютъ ее какъ отъ негровъ, такъ и отъ людей Сѣвера, со времени окончанія международной войны начавшихъ-было селиться на Югѣ.

Эти сѣверяне, частію выписанные и все еще выписываемые самими южными плантаторами для веденія разныхъ предпріятій и разработки естественныхъ богатствъ, частію пріѣзжающіе сюда для поправленія здоровья, разстроеннаго суровымъ климатомъ Сѣвера, и до сихъ поръ держатся какъ-то особнякомъ и не смѣшиваются ни съ плантаторами-аристократами, съ одной стороны, ни съ кракерами,—съ другой. Относительно негровъ имъ тоже приходится держаться весьма осторожно, такъ какъ панибратство съ ними и принятіе особеннаго въ нихъ участія подвергаетъ ихъ немедленному остракизму. Они не считаютъ Юга своимъ домомъ, своимъ home—обыкновенно посылаютъ дѣтей на Сѣверъ для полученія образованія и мало вмѣшиваются въ общественныя дѣла. Они сдѣлаютъ деньги и затѣмъ возвращаются на Сѣверъ. Югъ и до сихъ поръ изолированъ до извѣстной степени.

Въ теченіе моей жизни въ Сѣверной Каролинѣ я часто возставалъ публично противъ этой косности, противъ этого неумѣнья и нежеланія идти впередъ и выбраться изъ-подъ обломковъ разбитаго, уничтоженнаго на вѣки порядка вещей. Республиканцу на Югѣ не всегда безопасно и всегда невыгодно проповѣдывать свои идеи. Южный полковникъ очень консервативенъ, безконечно косенъ. Междоусобная война совершенно радикально измѣнила всѣ условія, всю обстановку. Земледѣльческіе ресурсы Юга потерпѣли совершенный упадокъ. Хлопокъ, наполнявшій южные сундуки золотомъ Сѣвера и Европы въ теченіе цѣлаго столѣтія, даетъ ежегодно чистый убытокъ. Табакъ пересталъ рости. Сахаръ невозможенъ безъ правительственныхъ субсидій. Между тѣмъ, нѣдра Юга биткомъ набиты желѣзной рудой самаго лучшаго качества, каменнымъ углемъ, известью, фосфатами, огнеупорной и фаянсовой глиной, всяческими минералами и металлами; его лѣса и болота поросли почти неприступной чащей самыхъ дорогихъ, самыхъ необходимыхъ человѣчеству древесныхъ породъ. Его климатъ позволяетъ работать на открытомъ воздухѣ круглый годъ безъ остановки за грязью, снѣгомъ, холодомъ, непогодой; онъ окруженъ со всѣхъ сторонъ океаномъ, съ текущими въ немъ со всѣхъ сторонъ судоходными рѣками, дающими скорые, дешевые самые лучшіе пути сообщенія. Тѣмъ не менѣе, во всемъ Югѣ и до сихъ поръ нѣтъ ни одного завода паровыхъ машинъ, ни одного за-

вода электрическихъ аппаратовъ, этихъ самыхъ могучихъ современныхъ помощниковъ въ человѣческой работѣ, ни одной значительной мебельной или экипажной фабрики. Даже огнеупорный кирпичъ до сихъ поръ везется съ Сѣвера. Не думаю, чтобы все это измѣнилось къ лучшему въ близкомъ будущемъ. До тѣхъ поръ, пока Югъ будетъ держаться своей излюбленной политики repudiation,—о которой я подробно говорилъ выше,—едва-ли фабрики, заводы, горнопромышленная производительность будутъ развиваться. Въ теченіе восьмидесятыхъ годовъ сѣверный капиталъ, сѣверная энергія попробовали-было взяться за дѣло, но должны были отступиться съ огромнымъ убыткомъ, такъ какъ условія для ихъ развитія все еще слишкомъ неблагопріятны, традиціи рабовладѣльцевъ-плантаторовъ все еще слишкомъ сильны и живучи.

Я не могу сказать, чтобы, въ теченіе нашего почти трехлѣтняго пребыванія въ Сѣверной Каролинѣ, намъ жилось очень весело или удобно. Домъ у насъ былъ прекрасный, образцовый, стоившій мнѣ свыше тридцати тысячъ долларовъ; жизнь и прислуга стоили дешево, — едва-ли была какая-нибудь разница въ этомъ отношеніи между Ашвилемъ и любымъ русскимъ уѣзднымъ городомъ. Проживая около трехсотъ долларовъ въ мѣсяцъ, мы жили съ такими удобствами, какихъ и за двойную сумму не достанешь, напр., въ южной Флоридѣ или Калифорніи, да и вообще гдѣ бы то ни было въ Соединенныхъ Штатахъ, исключая бывшаго царства хлопка. Послѣ нашихъ флоридскихъ лишеній и суровой жизни, условія Сѣверной Каролины казались особенно благопріятными. Тѣмъ не менѣе, жилось намъ, какъ я уже упомянулъ выше, не особенно весело. Во-первыхъ, школьныя условія были нехороши, а дѣти мои подростали— мой старшій сынъ, тогда мальчикъ лѣтъ 14-ти— кончилъ курсъ въ единственной публичной школѣ города, и я долженъ былъ послать его на Сѣверъ въ частную школу, такъ какъ ничего иного въ городѣ не имѣлось, хотя въ немъ и было свыше десяти тысячъ жителей, и онъ былъ особенно богатъ, такъ какъ, благодаря своему горному климату, считался — по зимамъ для сѣверянъ, а лѣтомъ для южанъ—курортомъ для здоровья и веселаго времяпрепровожденія. Югъ вообще далеко отсталъ въ дѣлѣ народнаго образованія, а штаты Сѣверная и Южная Каролина въ особенности. Въ нихъ не только мало школъ абсолютно, но и качество имѣющихся, сравнительно, неудовлетворительно. Программы и уровень требованій гораздо ниже, чѣмъ на Сѣверѣ или Западѣ. Такъ, дипломъ школы, притомъ восьми-

классной, а не девятиклассной, какъ въ громадномъ большинствѣ штатовъ Союза, даетъ доступъ безъ экзамена въ университетъ штата, всего съ трехлѣтнимъ курсомъ—тогда какъ па Сѣверѣ и на Западѣ дипломъ девятиклассной общественной школы даетъ только право на поступленіе въ высшую школу съ трехлѣтнимъ курсомъ, служащую переходной ступенью къ поступленію въ университетъ съ четырехлѣтнимъ курсомъ — слѣдовательно, университетскій дипломъ на Западѣ требуетъ отъ студента четырехъ лишнихъ лѣтъ. Кромѣ того, университетъ Сѣверной Каролины не допускаетъ женщинъ— такимъ образомъ, эти послѣднія, если не имѣютъ частныхъ средствъ, должны довольствоваться восьмиклассной общественной народной школой. Правда, Сѣверная и Южная Каролины особенно отстали; въ нихъ коренные южные элементы особенно сильны; послѣдній штатъ былъ колыбелью конфедераціи и всегда служилъ очагомъ бурбонско-плантаторскаго демократическаго аристократизма; въ штатахъ Вирджинія, Кентуки, Теннеси, даже Алабамѣ и Луизіанѣ, уже существуютъ лучшія условія, и они съ каждымъ годомъ стремятся все больше и больше къ достиженію высшаго уровня. Тѣмъ не менѣе, намъ, жившимъ въ Ашвилѣ, было отъ этого нисколько не легче. Публичныя школы въ Ашвилѣ помѣщались въ очень хорошихъ дорогихъ зданіяхъ, имѣли роскошныя учебныя пособія и давали сносный составъ учителей, но онѣ не пользовались общественнымъ вниманіемъ, не имѣли вліянія на мѣстную жизнь, и большинство людей со средствами, вся бывшая мѣстная аристократія, пользовались частными школами. Мнѣ, самому прожившему въ Россіи переходную эпоху и близко знакомому съ разными типами захудалаго дворянства, было особенно любопытно сравнить эти типы и ихъ стремленія съ южнымъ захудалымъ плантаторствомъ. Странно бы, кажется: Россія и Америка—что между ними общаго? а, между тѣмъ, типы эти до поразительности схожи,—конечно, не въ наружныхъ признакахъ, а въ ихъ внутреннемъ содержаніи. Одинаковыя условія породили и одинаковые типы, и одинаковый скрежетъ, и одинаковыя проклятія, и одинаковую ненависть. Человѣческія страсти и человѣческія заблужденія и побужденія вездѣ одни и тѣ же— въ тверской губерніи и въ штатѣ Сѣверной Каролины.

Общественная жизнь города Ашвиля сложилась соотвѣтственно этимъ переходнымъ, ненормальнымъ условіямъ. Всѣ банкиры, купцы, адвокаты, дѣльцы,—не говоря уже объ общественныхъ чиновникахъ,—словомъ, все дѣловое населеніе города—были ярыми при-

верженцами стараго режима. Нѣсколько фабрикантовъ-сѣверянъ держались въ сторонѣ, занимались исключительно своими личными дѣлами и не вмѣшивались ни въ публичную, ни въ соціальную жизнь города. Въ городѣ было нѣсколько клубовъ, нѣсколько debating societies и reading clubs, также отрасли всевозможныхъ національныхъ обществъ по всѣмъ сферамъ общественной жизни, начиная съ масонскихъ ложъ и великой арміи республики и кончая цѣлыми тремя клубами стрѣлковъ. Тѣмъ не менѣе, глубокая рознь, царившая въ обществѣ, проглядывала и во всѣхъ этихъ учрежденіяхъ. Сѣверъ и Югъ спорили всюду, гдѣ они встрѣчались: въ выборахъ чиновниковъ всѣхъ этихъ частныхъ обществъ, въ публичныхъ дебатахъ, въ публичныхъ дѣлахъ—всегда и вездѣ непремѣнно проглядывали рознь и антагонизмъ. Я, по своему нравственному и умственному складу, былъ, понятно, на сторонѣ Сѣвера и потому плохо ладилъ съ громаднымъ большинствомъ, и, само собою разумѣется, мои личные частные интересы нерѣдко страдали отъ этого разлада. Во Флоридѣ тѣ же бурбоны-демократы держали въ своихъ рукахъ выборы, но тамъ ихъ вліяніе этимъ и оканчивалось; населеніе было самое разнообразное, терпимость во всѣхъ другихъ дѣлахъ была полная, и люди съ самостоятельнымъ взглядомъ на вещи не страдали отъ этого взгляда—ихъ было слишкомъ много для того, и ихъ денежныя и нравственныя силы имѣли серьезное значеніе. Въ Ашвилѣ приходилось или быть на сторонѣ большинства, нетерпимаго и самовластнаго, или совсѣмъ оставаться въ тѣни. Я не хочу этимъ сказать, что нельзя было свободно высказываться; нѣтъ—между вопросами, обсуждавшимися въ debating societies, напримѣръ, бывали и самые жгучіе, самые наболѣвшіе, такъ сказать, предметы—въ родѣ протекціонизма и свободы торговли, методовъ господствующихъ политическихъ партій, и т. д., и всегда находились люди, самымъ радикальнымъ образомъ высказывавшіеся противъ господствовавшихъ мнѣній; ихъ выслушивали, имъ слегка возражали, но, тѣмъ не менѣе, чувствовалось, что все это были одни слова, что всѣ ихъ аргументы и доводы были бисеромъ, разметаннымъ передъ свиньями: презрѣніе къ свободнымъ доктринамъ Сѣвера чуялось и въ этихъ возраженіяхъ, и въ той легкости, съ которой громадное большинство къ нимъ относилось. Эта-то презрительная манера, это-то нежеланіе даже спорить, эта-то непогрѣшимость давно разбитаго, давно отжившаго общественнаго строя и всего съ нимъ связаннаго и бѣсили сѣверянъ больше

всего, заставляли ихъ молчать и уклоняться отъ всякихъ публичныхъ собраній. Дѣло сводилось на вкусъ и привычки какого-нибудь конфедерата-полковника; всѣ они, надо отдать имъ полную справедливость, хорошіе говоруны, краснобаи перваго сорта; вставая съ мѣста, они величественно осматриваютъ собраніе, и вмѣсто того, чтобы разбирать предметъ по существу, вмѣсто того, чтобы отвѣчать на аргументы противника, переходятъ на Джефферсона и Джаксона, немилосердно извращаютъ факты и топятъ суть дѣла въ великолѣпныхъ фразахъ о быломъ величіи Юга и его представителей. Негръ, его легендарное происхожденіе отъ библейскаго Хама, его будто бы неспособность къ совершенствованію, его развращенные нравы—все это неизмѣнно выводилось на сцену въ самыхъ разнообразныхъ видахъ и формахъ; брезгливость, какъ бы невольное естественное отвращеніе, какъ къ пауку или жабѣ, звучали обыкновенно совершенно искренне въ этихъ рѣчахъ.

Нельзя отрицать, что во многихъ мѣстностяхъ и по настоящую минуту негры на Югѣ стоятъ на чрезвычайно низкой ступени развитія, но обстоятельства складываются для нихъ чрезвычайно неблагопріятно, и ихъ, въ сущности, совсѣмъ нельзя винить въ этомъ. Что они, какъ раса, совершенно способны къ воспріятію высшей цивилизаціи—не можетъ подлежать ни малѣйшему сомнѣнію. Они это безусловно доказали. Между ними есть очень искусные доктора, ловкіе адвокаты, краснорѣчивые проповѣдники—даже дипломаты, въ родѣ Фреда Дугласа, съумѣвшаго добиться національной репутаціи своими дипломатическими успѣхами на Вестъ-Индскихъ островахъ; а Крюсъ, Ревельсъ, Рэниръ, Линчъ, Рэпей и другіе оставили свои слѣды и въ федеральномъ конгрессѣ. На Сѣверѣ, при благопріятныхъ условіяхъ, негръ совсѣмъ не смотритъ рабомъ;—между неграми попадаются очень богатые люди съ безукоризненнымъ прошлымъ, хорошо образованные и умѣющіе держать себя нисколько не хуже своихъ прежнихъ господъ, даже съ большей сдержанностью и хладнокровіемъ при случаѣ. У меня цѣлые года работали цѣлыя сотни и тысячи негровъ—многимъ изъ нихъ я довѣрялся безусловно, не дѣлая ни малѣйшей разницы между ними и бѣлыми; одинъ былъ даже, въ теченіе многихъ лѣтъ, участковымъ начальникомъ на моей желѣзной дорогѣ, и участокъ его всегда былъ однимъ изъ лучшихъ. Правда, цвѣтъ кожи и то глубокое, неодолимое предубѣжденіе, съ которымъ относилось къ негру все окружающее, до извѣстной степени дѣйствовали и на меня, но

когда это невольное чувство овладѣвало мной, я всегда, къ счастію, вспоминалъ одну мою старуху-родственницу, умершую вскорѣ послѣ 19-го февраля; она до самой смерти никакъ не могла примириться съ положеніемъ, никогда не звала своихъ бывшихъ крѣпостныхъ иначе какъ „хамы“ и „холопы“, и чрезвычайно сильно дѣйствовала своимъ удивительнымъ упорствомъ даже на меня, тогда еще ребенка. Воспоминаніе объ этой покойницѣ всегда наводило меня на умъ и помогало пересиливать неразумное предубѣжденіе.

Хотя мое дѣло и въ Ашвилѣ разросталось весьма быстро—у меня было нѣсколько очень большихъ подрядовъ, моя лѣсопилка рѣзала около милліона футовъ въ мѣсяцъ самыхъ дорогихъ древесныхъ породъ, въ родѣ орѣха, вишни, бѣлаго дуба, каштана и т. д., а моя деревообработывающая фабрика была завалена заказами, тѣмъ не менѣе, я уже работалъ несравненно меньше и далеко не съ такимъ интересомъ, какъ во Флоридѣ. Лихорадка работы съ меня соскочила,—а я уже имѣлъ тогда увѣренность въ своихъ силахъ и нисколько не боялся ни за настоящее, ни за будущее. Во-первыхъ, я зналъ свое дѣло въ подробности, практически и теоретически, зналъ его нисколько не хуже моихъ конкурентовъ, и, вѣроятно, едва ли уступалъ имъ и въ общемъ человѣческомъ развитіи. Во-вторыхъ, я успѣлъ уже достаточно объамериканиться, то-есть, не дѣлалъ ошибокъ въ пониманіи мѣстныхъ условій и обычаевъ,—ошибокъ, за которыя мнѣ нерѣдко шибко доставалось въ мои первые годы пребыванія въ Америкѣ. Ко многому, что мнѣ казалось ужасно дикимъ и несообразнымъ сначала, я уже успѣлъ привыкнуть. Такъ, напримѣръ, безцеремонность и даже назойливость американскаго торгаша очень поражаютъ старающагося соблюдать свое достоинство иностранца. Представьте себѣ совершеннаго незнакомца, вваливающагося въ вашу контору, безъ зова, безъ спросу, не снимающаго шляпы, называющаго скороговоркой свое имя, которое вы не разслышали и до котораго вамъ нѣтъ никакого дѣла, сующаго вамъ свою руку и начинающаго краснорѣчиво объяснять и доказывать достоинства или какого-нибудь пластыря, или какой-нибудь пилюли, или какого-либо журнала. Незнакомецъ прекрасно одѣтъ, у него очень изящныя манеры, онъ говоритъ красно и языкомъ образованнаго человѣка. Вы заняты, время вамъ дорого, вамъ совсѣмъ не нуженъ тотъ предметъ, который прекрасный незнакомецъ вамъ навязываетъ, но вы стѣснены, вамъ неловко. Вы чуете нахальство, но стѣсняетесь съ нимъ расправиться—отговариваетесь,

отказываетесь—незнакомецъ настаиваетъ все сильнѣе, все упорнѣе, и чтобы отъ него отвязаться, вы покупаете какую-нибудь совершенно вамъ ненужную дрянь. Еще хуже, еще неудобнѣе, если такимъ незнакомцемъ окажется хорошенькая, изящная женщина. Я много лѣтъ не умѣлъ справляться съ этими нежданными, непрошенными гостями, а ихъ каждый день въ каждой конторѣ перебываетъ непремѣнно нѣсколько. Теперь я самымъ хладнокровнымъ образомъ останавливаю такого незнакомца на второмъ словѣ, не дослушавъ даже его имя и фамилію, и самымъ рѣшительнымъ образомъ заявляю, что мнѣ ничего не нужно, что время мое дорого, и затѣмъ, безъ всякой церемоніи, отворачиваюсь отъ посѣтителя. Многихъ, впрочемъ, и этимъ не проймешь—онъ будетъ сидѣть и висѣть у васъ на душѣ, если вы рѣзко не попросите его удалиться и не мѣшать вамъ. Все это кажется невозможнымъ, безобразнымъ нахальствомъ, а американецъ къ этому привыкъ, относится къ этому хладнокровно и считаетъ это неизбѣжнымъ, обыденнымъ дѣломъ. Такъ же точно возмущаютъ васъ и всевозможныя коммиссіи и, такъ сказать, взятки за всякое посредничество; здѣсь безъ этихъ коммиссій, безъ этого посредничества ни одно дѣло не обойдется, не только между посторонними людьми, но и между близкими знакомыми, сосѣдями, друзьями, такъ сказать. Вамъ нужна лошадь; вашъ сосѣдъ знаетъ человѣка, который желаетъ продать; онъ васъ сводитъ съ нимъ и беретъ съ него коммиссію за сдѣлку. У васъ есть лишняя мебель, лишнее имущество какого бы то ни было рода—вамъ нужны деньги; опять-таки вашъ знакомый знаетъ, кому это имущество нужно или кто имѣетъ деньги,—онъ васъ сводитъ и получаетъ коммиссію съ васъ. Все это считается не только легальнымъ, но и естественнымъ, никому и въ голову не придетъ удивляться такому порядку вещей. Какъ сейчасъ помню первый фактъ такого рода, чрезвычайно сильно на меня подѣйствовавшій и заставившій меня шибко пораздуматься надъ моей собственной моралью и ея пригодностью на американской почвѣ. Владѣлецъ первой мною во Флоридѣ купленной фермы имѣлъ всего 160 акровъ земли; я купилъ только 80, такъ какъ у меня не было денегъ на всѣ 160, хотя онъ и предлагалъ мнѣ остальные 80 акровъ очень дешево, по два съ половиной доллара за акръ. Какъ разъ въ это время одинъ изъ моихъ ближайшихъ сосѣдей получилъ отъ одного пріятеля на Сѣверѣ, даже родственника, какъ потомъ оказалось, письмо съ порученіемъ купить ему именно 80 акровъ земли по сосѣдству; я сообщилъ ему о

предложеніи моего продавца, и сдѣлка между ними состоялась немедленно. Продавецъ самъ предложилъ мнѣ десять долларовъ, пять процентовъ съ продажной суммы, какъ коммиссію; я, конечно, съ неудовольствіемъ, съ обидой отказался и тѣмъ очень удивилъ ихъ обоихъ. Чистосердечно признаюсь, что у обоихъ на физіономіяхъ было написано: „простофиля же ты, почтеннѣйшій". Они и вмѣстить не могли, почему это человѣкъ отказывается отъ коммиссіи, которая ему предложена не только по закону, но и по неписанной, но серьезно соблюдаемой повседневной морали. Мало того, сосѣдъ, купившій землю по два съ половиною доллара, продалъ ее своему сѣверному пріятелю по десяти, то-есть сдѣлалъ на сдѣлкѣ шестьсотъ долларовъ. По моему онъ прямо укралъ эти деньги, а по-американски— нѣтъ, онъ имѣлъ полное право это сдѣлать, не только опять-таки легально, но и естественно, согласно существующимъ нравамъ и обычаямъ. Когда я узналъ всѣ подробности этой сдѣлки, я возгорѣлся благороднымъ негодованіемъ и прямо рѣзко высказался въ этомъ смыслѣ, и меня, нѣтъ сомнѣнія, сочли за чудака, совершенно неизвѣстно почему возмущающагося и осуждающаго совершенно правильное, законное во всѣхъ отношеніяхъ дѣло.

Какъ эти, такъ и многія другія стороны чисто американскихъ нравовъ дѣйствовали на меня, въ теченіе первыхъ лѣтъ, чрезвычайно непріятнымъ, отталкивающимъ образомъ. Мой характеръ, мой умственный и нравственный складъ сложились еще въ Россіи, при совершенно другихъ условіяхъ жизни; во мнѣ крѣпко сидѣло невольное отвращеніе къ торговымъ сдѣлкамъ, та гадливость, съ которой относится русскій „интеллигентъ" къ плутнямъ купца, къ его морали: „не обманешь, не продашь". Для меня такъ-таки и оказалось невозможнымъ сдѣлаться купцомъ, торговцемъ, хотя это одно изъ самыхъ уважаемыхъ и, сравнительно, легкихъ въ Америкѣ занятій. Правда, я былъ участникомъ въ значительной торговлѣ во Флоридѣ въ теченіе пяти лѣтъ, но никогда не принималъ въ ней непосредственнаго участія, никогда, такъ сказать, не стоялъ за прилавкомъ; мануфактурное дѣло, хотя и сопряженное съ большимъ трудомъ, съ большими хлопотами, съ самаго начала казалось мнѣ наиболѣе подходящимъ и требовавшимъ возможнаго minimum'а нравственной ломки.

Съ переѣздомъ нашимъ, года полтора тому назадъ, въ южную Калифорнію, жизнь наша опять совершенно радикально измѣнилась. Крайній западъ Америки имѣетъ свой собственный, чрезвычайно

своеобразный букетъ. Разноплеменность и разносоставность населенія Флориды здѣсь повторяются еще съ бо̀льшей силой, съ бо̀льшимъ значеніемъ, и та быстрота, съ которой это пестрое населеніе сплачивается, сростается въ чрезвычайно компактную, однородную общину со всѣми отличительными, типичными признаками американскаго народа, особенно ярко выдвигаетъ эти признаки на глаза внимательному наблюдателю.

Всѣмъ, конечно, извѣстны калифорнскіе разсказы Бретъ-Гарта. Я зачитывался ими въ русскихъ переводахъ еще во времена ранней молодости. Бретъ-Гартъ—не только великій художникъ, но и правдивый писатель. Его типы—типы живые, дѣйствительные, знакомые всѣмъ и каждому на тихоокеанскомъ побережьѣ. Конечно, времена измѣнились, въ теченіе послѣднихъ двадцати лѣтъ, съ тѣхъ поръ, какъ написаны имъ его самые лучшіе, самые характерные разсказы. Калифорнія изъ далекой, дикой окраины, до которой нужно было ѣхать цѣлые полгода, съ рѣдкимъ, разбросаннымъ населеніемъ и грубыми, первобытными нравами, обратилась въ цвѣтущій, богатѣйшій штатъ, почти съ полутора милліономъ жителей; рудники, составлявшіе въ то время единственное занятіе, давно отодвинулись на второй, даже на третій планъ, и торговля, промышленность, земледѣліе, садоводство,—словомъ, мирныя занятія мирныхъ жителей давно составляютъ самую существенную часть ея настоящаго феноменальнаго богатства. Тѣмъ не менѣе, характеры Бретъ-Гарта, измѣнивъ форму, вполнѣ сохранили и до настоящаго момента свои существенныя черты. Мелкіе рудокопные станы, состоявшіе изъ палатокъ и землянокъ, съ изумительной быстротой превратились въ богатые, пользующіеся всѣми послѣдними благами цивилизаціи города и мѣстечки; одинокія горныя тропинки, доступныя только пѣшеходу—въ великолѣпныя, роскошнѣйшимъ образомъ обставленныя желѣзныя дороги; пустыни превратились въ хлѣбородныя нивы, виноградники и апельсинныя рощи; кровныя лошади, быстрѣйшіе скакуны цивилизованнаго міра, смѣнили горныхъ пони и муловъ; лучшіе, роскошнѣйшіе во всемъ Союзѣ школы и университеты, съ шестимилліоннымъ годовымъ бюджетомъ и значительнѣйшимъ per capita расходомъ на народное образованіе во всемъ свѣтѣ, стоятъ на мѣстѣ бывшихъ игорныхъ домовъ и притоновъ разврата; грубые, симпатичные, примитивные піонеры и пограничные разбойники-игроки, не раздѣвавшіеся по мѣсяцамъ и никогда не снимавшіе пояса съ парой револьверовъ и длиннымъ

ножемъ, сдѣлались милліонерами-филантропами на самую широкую ногу. Піонеры пятидесятыхъ и шестидесятыхъ годовъ, основавшіе, сорокъ лѣтъ тому назадъ, эту новую, великолѣпную общину на берегахъ Тихаго океана и превратившіе ее изъ пустыни въ современный земной рай, и до сихъ поръ стоятъ во главѣ Калифорніи, и до сихъ поръ даютъ ей тонъ и характеризуютъ собою самые выдающіеся элементы ея населенія. Необыкновенныя условія выработали необыкновенныхъ людей. Ермакъ и Кольцо, нѣсколько столѣтій тому назадъ отправившіеся съ горстью бѣглыхъ казаковъ „заслуживать свои вины“ и завоевавшіе громадную имперію, по пространству втрое бо́льшую всей метрополіи, кажутся мнѣ самыми поэтическими личностями тысячелѣтней Русской исторіи, но они обратились уже въ легендарныхъ героевъ, полубоговъ; здѣсь, въ Калифорніи, эти герои еще живы, ихъ еще можно встрѣтить всякій день на улицахъ нашего города, и они все еще направляютъ и руководятъ общественными дѣлами. Они жили въ другомъ вѣкѣ, въ другой странѣ, и результаты ихъ жизни, ихъ дѣятельности оказались еще болѣе существенными, еще болѣе поразительными; они наслаждаются сами этими результатами, они осязаютъ ихъ, въ то же время сознавая, что они принадлежатъ безспорно къ числу тѣхъ немногихъ, которымъ суждено было создать исторію страны.

Калифорнское общество „піонеровъ 1849 года“ и до сихъ поръ насчитываетъ около шестисотъ членовъ, раскиданныхъ по всему пространству штата, и всегда и вездѣ люди эти являются первыми, разъ дѣло касается чего-либо существеннаго въ дѣлахъ Калифорніи. Они, родившіеся подъ всѣми широтами и долготами земного шара, любятъ ее больше, чѣмъ родину; нужно ихъ видѣть, говорить съ ними, сблизиться съ ними, чтобы быть въ состояніи обнять тѣ чувства любви и гордости, которыми они преисполнены относительно Калифорніи. Американецъ вообще горячій партизанъ своей мѣстности, своего города—они для него обыкновенно краше всего остального міра,—но житель дальняго Запада, и въ особенности Калифорніи, и въ этомъ отношеніи далеко ушелъ отъ своихъ собратовъ—янки. То мѣсто, которое онъ почему-либо выбралъ изъ всѣхъ другихъ для своего домашняго очага, тотъ городъ, въ которомъ онъ раскинулъ свой шатеръ, неизмѣнно кажутся ему изъ ряду вонъ выходящими, обладающими особенно притягательными свойствами; онъ во всякую минуту готовъ не только распинаться за нихъ на словахъ, но и бороться, въ случаѣ нужды, съ ору-

жіемъ въ рукахъ, съ соперниками. Никакъ нельзя объяснить это пристрастіе одними матеріальными интересами; нѣтъ, основаніе несомнѣнно лежитъ въ сантиментализмѣ, въ чувствѣ любви и гордости къ своему мѣстожительсвту. Кромѣ этого, истинный калифорніецъ гораздо менѣе индивидуаленъ, такъ сказать, гораздо болѣе способенъ и открытъ для взаимной помощи, чѣмъ житель Востока и Центра, и въ особенности Юга. Благо общины, общинный духъ, такъ сказать, въ немъ гораздо болѣе развитъ, чѣмъ гдѣ-либо въ другомъ мѣстѣ въ Союзѣ. Онъ помнитъ, что во время óно, когда бѣлыхъ было такъ мало въ странѣ, когда каждый шагъ былъ сопряженъ съ смертельной опасностью или отъ индѣйца, или отъ дикихъ звѣрей, или отъ пограничныхъ сорви-головъ, его относительная безопасность, часто его спасеніе лежали во взаимопомощи, въ коллективномъ духѣ общины — и до сихъ поръ онъ не забылъ ощущеній того времени. Въ Калифорніи индивидуальный эгоизмъ Востока замѣнился эгоизмомъ общиннымъ, городскимъ, мѣстнымъ; здѣсь каждый членъ общины, города, мѣстности стоитъ не за себя лично, а за общину, всегда готовъ на ея призывъ къ помощи, всегда щедро отзывается на всѣ ея потребности. Я не сомнѣваюсь, что какъ нигдѣ въ мірѣ нѣтъ другой такой богатой, такой всесторонне развитой общины, какъ Калифорнія, такъ нигдѣ въ мірѣ не было и такихъ громадныхъ, такихъ частыхъ, такихъ безкорыстныхъ пожертвованій отдѣльными личностями въ пользу общины, какъ въ Калифорніи. Народное образованіе, университеты, музеи, научныя учрежденія, общественные парки и мѣста увеселенія, даровыя общественныя библіотеки, даже даровыя публичныя бани, все это являлось результатомъ личныхъ пожертвованій, притомъ отъ людей, и не ожидавшихъ, и не получившихъ рѣшительно ничего взамѣнъ ихъ, такъ сказать, въ награду, кромѣ сознанія сдѣланнаго добра. Колоссальныя состоянія, достигающія десятковъ и даже сотенъ милліоновъ долларовъ, сдѣланныя въ Калифорніи бездѣтными бродягами, одно за другимъ обращаются ими на общественныя дѣла. Имена Станфорда, Лика, Сютро, Хопкинса, Макей и десятковъ другихъ піонеровъ навсегда останутся памятниками этой любви къ мѣсту, этого пристрастія къ общинѣ. Люди эти сдѣлали больше того, что̀ сдѣлали ихъ деньги, ихъ матеріальная помощь; они дали иной тонъ, иной характеръ общественной жизни Калифорніи, чѣмъ во всемъ остальномъ Союзѣ. Ихъ вліяніе не ограничилось ихъ личными пожертвованіями; они дали драгоцѣнные прецеденты для бу-

дущаго, ограничили, до извѣстной степени, личный эгоизмъ; ихъ примѣръ въѣлся въ кровь и плоть природнаго калифорнійца и сдерживаетъ и до сихъ поръ многія, самыя несимпатичныя черты кровнаго янки.

Извѣстно, что въ Америкѣ ни одному чиновнику не полагается какой бы то ни было пенсіи; онъ можетъ прослужить государству или штату весь свой вѣкъ и подъ старость остаться безъ куска хлѣба; такіе примѣры нерѣдки въ исторіи Соединенныхъ Штатовъ, и я, собственно говоря, не вижу, какимъ образомъ государство можетъ пособить этому при исключительно выборномъ началѣ въ пополненіи своего чиновничества. Калифорнія явилась единственнымъ штатомъ, въ которомъ встрѣтились блестящія исключенія,—притомъ, исключенія, оставившія основной принципъ безпенсіонности со стороны государства неприкосновеннымъ и явившіяся результатомъ частной инищіативы. Такъ, вдова генерала Фримонта, покорителя и присоединителя Калифорніи, умершаго въ бѣдности на Востокѣ послѣ блестящей, необыкновенной карьеры (онъ былъ первымъ кандидатомъ республиканской партіи въ президенты Союза въ 1856 году, затѣмъ чуть ли не диктаторомъ бассейна Миссисипи во время междоусобной войны), живетъ и до сихъ поръ въ нашемъ городѣ, въ прекрасномъ домѣ, поднесенномъ ей въ даръ, и на средства съ капиталовъ, пожертвованныхъ въ ея пользу въ виду заслугъ ея мужа. Штатъ тутъ не при чемъ, всѣ расходы были покрыты частной подпиской, безъ обозначенія именъ жертвователей. То же самое было сдѣлано и въ пользу семейства послѣдняго мексиканскаго губернатора, чрезвычайно гуманнаго, выдававшагося въ то время по своему образованію и развитію человѣка, Андрео Пико. Больше десятка другихъ, почему-либо выдѣлившихся дѣятелей перваго періода были почтены своими общинами такимъ же благороднымъ, безкорыстнымъ образомъ, не зная именъ своихъ благодѣтелей; и до сихъ поръ всякое общественное бѣдствіе, всякое изъ ряду вонъ выходящее несчастіе вызываетъ немедленную, щедрую помощь; только еще на-дняхъ въ Санъ-Франциско четверо пожарныхъ были раздавлены упавшей во время пожара стѣной, и въ три дня въ пользу семействъ ихъ была собрана громадная сумма въ семьдесятъ тысячъ долларовъ; въ прошломъ году, при праздновании 4-го іюля, разорванная двойнымъ зарядомъ гильза поранила нѣсколькихъ человѣкъ, и въ два дня было собрано въ ихъ пользу тридцать тысячъ.

Демократичность американскаго народа, его постоянное стрем-

леніе къ общему равенству, неизбѣжно замѣчаемое европейцами на востокѣ и сѣверѣ, чрезвычайно бросается въ глаза въ Калифорніи, особенно, если пріѣдешь сюда изъ южнаго царства хлопка, какъ случилось съ нами. На Югѣ, благодаря, съ одной стороны, неграмъ и кракерамъ, а съ другой—бывшимъ рабовладѣльцамъ, чувствуется постоянный диссонансъ, какое-то неестественное, не всегда уловимое, но въ то же время несомнѣнное превосходство однихъ надъ другими; въ Калифорніи разница существуетъ только между всѣмъ населеніемъ, бѣлыми и черными, и китайцами. Исключая этихъ послѣднихъ, все населеніе рѣшительно стоитъ на одномъ уровнѣ во всѣхъ отношеніяхъ. Даже самые зеленые, неграмотные эмигранты—итальянцы, словаки, венгерцы—какъ-то чрезвычайно быстро сливаются съ общей массой. Высокая заработная плата—гораздо выше, чѣмъ гдѣ-либо въ Соединенныхъ Штатахъ—даетъ рабочему хорошія средства и полную возможность жить по-человѣчески. Одинъ изъ моихъ сосѣдей по дому, чрезвычайно работящій ломовой извозчикъ, заработываетъ съ своей парой лошадей по шести и семи долларовъ въ день; двѣ его старшія дочери работаютъ у меня въ прачешной, третья сидитъ съ моей старшей дочерью на одной скамейкѣ въ высшей школѣ города, четвертая—съ младшей въ grammar school; у нихъ прекрасно отдѣланная гостиная, съ хорошимъ роялемъ, и онѣ играютъ и поютъ каждый вечеръ; на улицѣ этихъ прачекъ ни за что не отличишь отъ самыхъ изящныхъ дамъ города; конюхи той конюшни, въ которой содержатся мои лошади, ѣдятъ въ одномъ изъ лучшихъ отелей города, вмѣстѣ съ пріѣзжающими, платящими по три доллара въ сутки за постой; одинъ изъ моихъ кучеровъ состоитъ старшимъ президентомъ главной масонской ложи нашего города, носитъ въ своемъ галстукѣ брилліантъ, стоящій пятьсотъ долларовъ, и живетъ въ лучшемъ отелѣ, платя пятьдесятъ долларовъ въ мѣсяцъ за свое содержаніе; я видѣлъ его однажды вечеромъ въ одной изъ гостиныхъ отеля, играющимъ въ вистъ, и право, еслибы не зналъ, внѣ всякаго сомнѣнія, что это мой собственный Джэкъ Хиллъ, ежедневно развозящій грязное бѣлье, нисколько бы не удивился, еслибъ мнѣ сказали, что это—губернаторъ штата или президентъ самаго значительнаго нашего банка.

Домашней прислуги въ Калифорніи почти совсѣмъ нѣтъ. Только самые богатые люди могутъ содержать заправскую бѣлую кухарку или горничную—плата имъ долларовъ тридцать-тридцать пять въ мѣсяцъ, съ особой комнатой, правомъ пользоваться роялемъ и

гостиной по извѣстнымъ днямъ, правомъ отлучки по воскресеньямъ и по вечерамъ. Въ Калифорніи и до сихъ поръ—по крайней мѣрѣ до ценза 1890 года, три года тому назадъ—мужчинъ было ровно въ полтора раза больше, чѣмъ женщинъ. Всякія шведки, француженки и нѣмки, выписываемыя съ Востока, немедленно по пріѣздѣ выскакиваютъ замужъ; законы по разводу здѣсь чрезвычайно удобны для женскаго пола, и нерѣдки Афродиты, побывавшія за пятью и шестью мужьями въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ. Богатые люди держатъ прислугой китайцевъ и японцевъ, работающихъ за двадцать пять долларовъ въ мѣсяцъ. Не мало также учениц нормальной школы, живущихъ въ частныхъ домахъ и помогающихъ по домашней работѣ за свое содержаніе въ теченіе курса; бѣдныя дѣвушки всѣ проходятъ курсъ, только благодаря такому обычаю, а ихъ всегда нѣсколько сотенъ въ нашей школѣ. Лошадей, если кто ихъ и держитъ, содержатъ обыкновенно въ общественныхъ конюшняхъ, livery stables, и навѣрное, девять-десятыхъ, если не больше, всего населенія не держитъ никакой прислуги и дѣлаютъ сами всю свою домашнюю работу, которая, впрочемъ, облегчена въ значительной степени всѣми новѣйшими изобрѣтеніями домашняго обихода. Дома освѣщены или электричествомъ, или газомъ—при чемъ электрическая проволока соединяетъ каждый газовый рожокъ съ извѣстной пуговкой, пожавъ которую, можно и зажечь, и потушить его. Отопляется домъ также газомъ: открылъ кранъ, приложилъ спичку—и огонь готовъ, и очень ровный, согрѣвающій и увеселяющій. Въ кухнѣ чугунная печь, дѣйствующая тоже газомъ; всюду краны съ холодной и горячей водой; всякіе шкафчики и уголки, чрезвычайно удобно расположенные, именно тамъ, гдѣ имъ быть надлежитъ. У меня семья большая, а для обѣда никогда не требуется больше часа огня въ печи. И мясникъ, и булочникъ, и зеленщикъ, и молочникъ—словомъ, всѣ необходимые для домашняго благополучія люди привозятъ все нужное прямо въ кухню, присылаютъ ежедневно за заказами, а если что̀ позабыто, у всякаго есть телефонъ, и все, что̀ нужно, является черезъ нѣсколько минутъ—не нужно бѣгать то въ лавочку, то въ булочную, то въ мясную; кромѣ того, мясо, напримѣръ, привозятъ готовымъ—поставить прямо на плиту; захотѣлось вамъ котлетъ—привезутъ мясо изрубленное, посыпанное перцемъ и солью, совсѣмъ готовое; нуженъ ростбифъ—привезутъ кусокъ именно такой, какой вамъ нуженъ. Словомъ, домашнія невзгоды уменьшены до minimum'a; даже мести половъ не

нужно, такъ какъ всѣ рѣшительно комнаты, безъ исключенія, обтянуты коврами, и существуетъ машина для ихъ чистки; десятилѣтній ребенокъ можетъ съ успѣхомъ въ нѣсколько минутъ вымести любую комнату.

Если существуетъ гдѣ-либо на земномъ шарѣ совершенный климатъ, то, конечно, въ южной Калифорніи, она или сама имъ пользуется, или, во всякомъ случаѣ, находится въ ближайшемъ съ нимъ сосѣдствѣ. Девять мѣсяцевъ, съ апрѣля по декабрь, здѣсь нѣтъ ни капли дождя; вѣчно голубое, безоблачное небо. Въ то же время вѣтеръ постоянно каждый день и очень равномѣрно дуетъ съ океана и совершенно умѣряетъ жару. Хотя городъ Лосъ-Анжелесъ и расположенъ какъ разъ подъ 34 градусомъ широты,—въ немъ никогда не бываетъ чрезмѣрной жары, а ночи всегда не только прохладны, но и почти всегда требуютъ солиднаго байковаго одѣяла. Въ декабрѣ, иногда въ январѣ, начинаются дожди и продолжаются до марта—въ среднемъ за послѣднія 15 лѣтъ, съ тѣхъ поръ какъ начались здѣсь метеорологическія наблюденія, выпадаетъ за зиму $13^1/_2$ дюймовъ дождя, хотя бываетъ и всего 6, а иногда цѣлыхъ 28. Съ первымъ дождемъ все зеленѣетъ — горы покрываются густой, сочной травой, и весна, такимъ образомъ, начинается въ декабрѣ, а кончается маемъ, когда все начинаетъ засыхать; къ началу іюня все желтѣетъ, и такъ и стоитъ сухимъ и желтымъ до слѣдующаго декабря. При ирригаціи все цвѣтетъ и благоухаетъ цѣлый годъ; розы, жасмины, лиліи, фіалки и всякіе другіе прекрасные представители тропической флоры достигаютъ баснословныхъ размѣровъ; у нашего сосѣда весь домъ до крыши затянутъ гигантской ползучей розой, и фасадъ его совершенно закрытъ— только и видны темная зелень листвы да масса ярко-красныхъ и бѣлыхъ, огромныхъ, сильно пахучихъ прелестныхъ цвѣтовъ.

Температура зимой никогда не падаетъ ниже 40^0 по Фаренгейту ($+ 4^0$ R.), и хотя во время дождей, продолжающихся иногда три-четыре дня,—обыкновенно бываетъ, въ теченіе всей зимы, не больше пятнадцати дождливыхъ или отчасти дождливыхъ дней,— и дѣлается иногда непріятно, сыро, но озябнуть, въ нашемъ смыслѣ этого слова, едва ли возможно. Не зябнутъ даже мои дѣти, выросшія почти подъ тропиками, въ южной Флоридѣ, подъ 24-мъ градусомъ широты.

Въ г. Лосъ-Анжелесѣ намъ живется веселѣе, удобнѣе и лучше, чѣмъ гдѣ-либо до сихъ поръ въ Америкѣ. Ко времени нашего

переѣзда сюда мы уже настолько ознакомились и съ дѣловыми условіями, и съ нравами и обычаями, и съ языкомъ страны вообще, что для того, чтобы вполнѣ освоиться съ мѣстными особенностями, потребовалось всего нѣсколько недѣль. Эти мѣстныя особенности далеко оставляютъ за собой и Флориду, и, въ особенности, Сѣверную Каролину. Калифорнія неизмѣримо богаче ихъ обѣихъ во всѣхъ отношеніяхъ — въ матеріальномъ, нравственномъ и умственномъ. По послѣднему отчету всѣхъ сберегательныхъ банковъ штата, въ ней насчитывается 193.000 вкладчиковъ, съ средней суммой вклада въ $ 780^{00} на каждаго, то-есть выше, чѣмъ гдѣ-либо въ Союзѣ. Только штатъ Колорадо стоитъ выше Калифорніи относительно издержекъ per capita на народное образованіе, и то только номинально, такъ какъ онъ населенъ втрое рѣже Калифорніи по пространству, и потому его школы обходятся ему относительно дороже. По числу даровыхъ общественныхъ библіотекъ и по числу выходящихъ здѣсь періодическихъ изданій, Калифорнія уступаетъ только штату Массачузетсу, при чемъ опять-таки не слѣдуетъ упускать изъ виду, что этотъ послѣдній и населенъ въ сорокъ разъ гуще перваго, и на цѣлыхъ три столѣтія старше по времени заселенія.

Во всѣхъ своихъ дѣловыхъ сношеніяхъ калифорніецъ и до сихъ поръ придерживается наличныхъ денегъ и золота. Кредитные билеты здѣсь какъ-то не привились; золото и серебро составляютъ единственную ходячую монету. Система кредита здѣсь далеко не имѣетъ такого значенія, какъ во Флоридѣ, и въ особенности въ Сѣверной Каролинѣ, гдѣ почти совсѣмъ не существовало какихъ бы то ни было сдѣлокъ на наличныя деньги; здѣсь, напротивъ, многія дѣла ведутся исключительно на наличныя. Дѣловые порядки и обычаи, значительно рознясь отъ флоридскихъ, имѣютъ также весьма мало общаго съ сѣверно-каролинскими. Грубоватая, серьезная честность калифорнійца, составляющая основаніе всякой сдѣлки, совсѣмъ не похожа на полированную, опасную утонченность южнаго джентльмена; данное слово считается выше писаннаго контракта, и нѣтъ здѣсь тѣхъ ухищреній, тѣхъ стараній затемнить дѣло и потомъ ловить рыбу въ мутной водѣ, на которыя приходилось чуть ли не на каждомъ шагу натыкаться на Югѣ. Къ суду здѣсь обращаются гораздо рѣже, чѣмъ въ Сѣверной Каролинѣ; я не разъ слыхалъ объ арбитраціи разныхъ недоразумѣній, замѣняющей длинную легальную процедуру и стоющей гораздо меньше, чѣмъ судъ.

Общественная жизнь Лосъ-Анжелеса кипитъ, особенно зимой,

когда не только все его коренное населеніе у себя дома, но и всѣ его отели биткомъ набиты восточными туристами. Нѣтъ такой отрасли человѣческой дѣятельности, которая не была бы представлена какимъ-нибудь обществомъ. Исторія, физика, химія, геологія, математика, уголовное право, гражданское право, и т. д., съ одной стороны; литература, живопись, музыка, скульптура, архитектура — съ другой; далѣе, коннозаводство, скотоводство, свиноводство, птицеводство, пчеловодство и различныя ремесла — все это имѣетъ свои представительныя собранія и прочно организованныя общества. Четыре ежедневныя и около тридцати еженедѣльныхъ и ежемѣсячныхъ изданій составляютъ періодическую прессу. Восемнадцать банковъ, съ капиталомъ въ 10 милліоновъ долларовъ и вкладами въ 16 милліоновъ, удовлетворяютъ финансовымъ и коммерческимъ потребностямъ. Университетъ южной Калифорніи, высшая городская школа, съ 600 студентами, и нормальная школа составляютъ наши высшія учебныя заведенія. На народное образованіе, т.-е. на содержаніе городскихъ школъ, помимо университета и нормальной школы, въ настоящемъ году ассигновано городомъ около $ 290.000^{00}, вдобавокъ къ штатному фонду въ $ 136.000^{00}, такъ что собственно въ нашемъ городѣ расходъ на народное образованіе per capita доходитъ до восьми долларовъ въ годъ...

———

ПИСЬМА.

ПИСЬМО ПЕРВОЕ.

Лось-Анжелесъ (Южная Калифорнія), 3—15 мая 1893 г.

Познакомимтесь, читатель. Я васъ знаю (то-есть думаю, что знаю)—знаю во всѣхъ подробностяхъ читателя шестидесятыхъ и семидесятыхъ годовъ, и представляю себѣ тѣ фазы, которыя вы прошли въ теченіе восьмидесятыхъ и девяностыхъ, такъ какъ вотъ уже двѣнадцать лѣтъ, какъ я живу въ Соединенныхъ Штатахъ. Я самъ былъ постояннымъ читателемъ „Недѣли“ [1]) со дня ея основанія до моего переѣзда въ Америку, и въ нынѣшнемъ году мнѣ опять попались на глаза знакомыя страницы. Та же бумага, та же печать, тотъ же форматъ; но мнѣ показалось, послѣ бѣглаго обзора нѣсколькихъ мѣсяцевъ, что хронически-тоскливое недоумѣніе былыхъ годовъ какъ будто уступило мѣсто чему-то новому, для меня, много лѣтъ отрѣшившагося отъ современной вамъ, читатель, злобы дня, не вполнѣ еще уловимому. Тѣмъ не менѣе, я все-таки думаю, что знаю васъ, читатель, и рекомендуясь вамъ, скажу только, что, хотя я и значительно объамериканился, проработавъ въ величайшей республикѣ современнаго міра двѣнадцать лѣтъ, поживъ во многихъ штатахъ и побывавъ по дѣламъ почти во всѣхъ большихъ городахъ Союза, тѣмъ не менѣе жилка, тоскующе-недоумѣвающаго россійскаго интеллигента не успѣла еще во мнѣ совершенно заглохнуть, и я все еще невольно дѣлаю сравненія, сопоставленія и обобщенія. Надѣюсь, что это свойство принесетъ намъ обоюдную пользу. Англичанинъ или французъ смотрятъ на вещи съ своей собственной, англійской или французской точки зрѣнія, не всегда понятной русскому человѣку; я же, усваивая американскіе понятія и методы, всегда относился и отношусь къ нимъ съ точки зрѣнія того завѣта, который когда-то вдохнули въ меня самого достопамятные шестидесятые годы, та эпоха, которая съумѣла оставить свои неизгладимые слѣды на всѣхъ

[1]) Авторъ имѣлъ въ виду еженедѣльные номера «Недѣли».

тѣхъ, кто имѣлъ счастіе пережить ее на нашей общей родинѣ. Надѣюсь, что, благодаря этой дорогой для меня связи, мы съумѣемъ понять другъ друга, хотя цѣлыхъ двѣнадцать лѣтъ новыхъ впечатлѣній, новыхъ условій, новаго кругозора для одного изъ насъ и легли между нами.

Прежде всего сообщу, что я живу въ настоящее время на крайнемъ западѣ, въ Южной Калифорніи. Тихій океанъ въ ясную погоду виденъ изъ моихъ оконъ; вѣчное лѣто безъ холода и безъ чрезмѣрныхъ жаровъ, съ полнымъ отсутствіемъ дождя въ теченіе цѣлыхъ девяти мѣсяцевъ. составляетъ климатъ страны; сѣровато-желтый, мѣстами черный не то песокъ, не то суглинокъ, благодаря ирригаціи производящій съ изумительнымъ успѣхомъ всякую растительность, начиная съ ячменя и картофеля и кончая виноградомъ, апельсинами, лимонами, оливками и финиками, составляетъ почву; а сборище людей всѣхъ націй міра и всѣхъ штатовъ Союза— народонаселеніе. Еще только пятнадцать лѣтъ тому назадъ нашъ городъ былъ сонной мексиканской деревушкой, съ двумя-тремя тысячами жителей, безъ всякаго желѣзнодорожнаго или иного сообщенія съ остальнымъ міромъ и безъ всякаго значенія,—теперь это городъ съ семьюдесятью-пятью тысячами жителей, съ нѣсколькими десятками милліонныхъ построекъ, съ сотней миль уличныхъ электрическихъ и кабельныхъ дорогъ, съ двумя трансконтинентальными и десяткомъ мѣстныхъ желѣзнодорожныхъ линій, съ 18 банками, обладающими десятью милліонами долларовъ капитала, съ тысячами богатѣйшихъ резиденцій, роскошныхъ садовъ и великолѣпныхъ парковъ, съ городскимъ бюджетомъ около милліона долларовъ въ годъ,— городъ, составляющій коммерческій и общественный центръ цвѣтущаго, богатѣйшаго округа съ тремястами тысячъ жителей. На нѣкоторыхъ улицахъ, даже въ самомъ центрѣ, еще кое-гдѣ попадаются глиняныя первобытныя мексиканскія постройки, а рядомъ съ ними возвышаются современные желѣзно-стеклянные восьмиэтажные колоссы, съ паровыми элеваторами и всѣми приспособленіями современнаго строительнаго искусства, стоящіе милліоны долларовъ. Смуглый, почти темный мексиканецъ, съ тонкими, жесткими усиками, въ широкополой остроконечной шляпѣ, въ бархатныхъ штанахъ и непремѣнно съ большими, звенящими шпорами изъ цѣльнаго серебра, только изрѣдка попадается на глаза, и дѣловыя улицы съ утра до вечера биткомъ набиты спѣшащими мужчинами и въ пухъ и въ прахъ разряженными по послѣдней модѣ дамами.

Здѣсь нѣтъ ни военныхъ или мундировъ какого бы то ни было сорта, ни мужиковъ и бабъ—ничего, кромѣ „нѣмецкаго платья“ всевозможныхъ покроевъ и послѣднихъ парижскихъ модъ. Американка на своей улицѣ, гдѣ она живетъ, можетъ быть, и попадется вамъ иногда на глаза въ простомъ костюмѣ, но въ дѣловой части города, down town, вы ее никогда не увидите иначе, какъ разодѣтою по послѣдней модѣ. Жена или дочь послѣдняго ремесленника или поденщика, заработывающаго какіе-нибудь два доллара въ день, не пойдетъ за своими покупками безъ модной шляпки, перчатокъ и зонтика. Всякій извощикъ, всякій рабочій непремѣнно въ крахмальной рубашкѣ, въ шляпѣ дерби и куритъ свою сигару или читаетъ газету на козлахъ, чувствуя себя совершенно равнымъ богатѣйшему банкиру или купцу (начальство какого бы то ни было рода здѣсь настолько незамѣтно, что я объ немъ и не говорю); въ немъ нѣтъ ни идолопоклонства, ни подобострастія, и вы несомнѣнно чувствуете это послѣ двухминутнаго съ нимъ разговора. Передъ вами не плебей, не нѣчто низшее, не безсмысленное существо въ человѣческой формѣ, а гражданинъ великой страны; вѣдь и Линкольнъ былъ дровосѣкомъ и лодочникомъ, и Джонсонъ былъ деревенскимъ портнымъ и выучился грамотѣ отъ своей жены, будучи уже 22 лѣтъ отъ роду, и Грантъ пахалъ землю и возилъ картофель на базаръ, а потомъ завертывалъ и разносилъ свертки покупателямъ въ кожевенной лавкѣ своего брата, и Гарфильдъ продавалъ босикомъ газеты на городскихъ перекресткахъ; и этотъ извощикъ, развозящій въ настоящую минуту муку и масло, если въ немъ окажется при случаѣ то *нѣчто*, выдвигающее отдѣльныхъ людей изъ человѣческихъ массъ, можетъ быть и городскимъ головой, и сенаторомъ, и даже президентомъ. Нашъ теперешній мэйоръ когда-то чистилъ за пятачокъ сапоги прохожимъ на улицахъ Санъ-Франциско; нашъ богатѣйшій банкиръ былъ долгое время поваромъ на золотыхъ пріискахъ одного изъ самыхъ отдаленныхъ захолустьевъ штата Невады; самый богатый человѣкъ въ городѣ, владѣющій поземельнымъ имуществомъ въ его центрѣ на многіе милліоны, началъ свою карьеру сорокъ лѣтъ тому назадъ, какъ кучеръ экспрессной кампаніи. Да и оставляя въ сторонѣ эти выдающіеся случаи, вы на каждомъ шагу встрѣчаете то же самое, хотя и въ различныхъ формахъ. Такъ, мой ближайшій сосѣдъ по дому состоитъ редакторомъ самой распространенной, самой богатой ежедневной газеты нашего города, — а его старшій сынишка, мальчикъ лѣтъ 12, учащійся въ мѣстной публичной школѣ,

встаетъ въ четыре часа утра ежедневно, зиму и лѣто, и разноситъ газету въ извѣстномъ районѣ, заработывая семь долларовъ въ мѣсяцъ; сынъ другого сосѣда, состоятельнаго адвоката, въ теченіе прошлаго лѣта нанялся на ферму, гдѣ и жарился нѣсколько недѣль на солнцѣ, собирая клубнику и малину; сынъ одного моего пріятеля, съ которымъ у насъ съ полгода была общая контора, задумавъ выработать себѣ велосипедъ, цѣлую вакацію, цѣлыхъ три мѣсяца, съ 6 часовъ утра до 9 часовъ вечера, ежедневно состоялъ на посылкахъ въ мѣстной мелочной лавочкѣ. И во всѣхъ этихъ отдѣльныхъ случаяхъ, какъ мнѣ достовѣрно извѣстно, заработанныя деньги не были необходимостью, не были средствомъ къ существованію: — всѣ эти люди учились и продолжали учиться и въ то же время работали или привыкали къ работѣ. Никому и въ голову не придетъ удивляться или осуждать, что сынъ редактора разноситъ газеты, сынъ адвоката сбираетъ клубнику и доитъ коровъ, сынъ извѣстнаго, состоятельнаго дѣлового человѣка подметаетъ пыль и разноситъ свертки картофеля и яицъ изъ мелочной лавочки. Всякое занятіе почтенно, всякій трудъ одинаково уважается; нѣтъ той разницы, которая существуетъ въ старомъ свѣтѣ между умственной и физической работой, и нѣтъ всѣхъ тѣхъ ненужныхъ, подчасъ ужасныхъ страданій, которыя иногда приходится испытывать извѣстнымъ индивидуумамъ, благодаря этой разницѣ.

Однако, читатель, это совсѣмъ не то, о чемъ я хотѣлъ бесѣдовать съ вами. Третьяго дня я имѣлъ довольно продолжительную бесѣду съ здѣшнимъ унитаріанскимъ проповѣдникомъ, а вчера слушалъ его въ церкви — и вотъ объ этихъ-то живыхъ, сегодняшнихъ, такъ сказать, впечатлѣніяхъ я и хочу сообщить вамъ.

Унитаріане — нѣчто сравнительно новое на американской почвѣ. Они не имѣютъ никакого теологическаго ученія, creed, какъ здѣсь называютъ ученія различныхъ сектъ, какъ епископаловъ, пресвитеріанъ, баптистовъ, методистовъ и т. д. Они не признаютъ никакихъ обрядовъ, никакихъ внѣшнихъ отличій. На мой категоричный вопросъ, признаютъ ли они божество вообще, проповѣдникъ отвѣтилъ, что каждый членъ ихъ церкви имѣетъ полное право отвѣчать на этотъ вопросъ совершенно самостоятельно, что они не признаютъ положительно никакихъ рамокъ, даже по этому предмету; что каждый проповѣдникъ ихъ церкви воленъ говорить что ему угодно, не будучи связанъ рѣшительно ничѣмъ, кромѣ своей собственной совѣсти, и что вообще у нихъ нѣтъ ничего положи-

тельнаго, писаннаго, обязательнаго — вся литература унитаріанскаго ученія заключается въ нѣсколькихъ сборникахъ проповѣдей особенно талантливыхъ, выдавшихся людей; что онъ самъ не проповѣдуетъ своей конгрегаціи какой-либо особой религіи, а только старается удовлетворить присущую каждому интеллигентному человѣку потребность въ извѣстнаго рода духовной жизни.

Унитаріанскій проповѣдникъ, къ тому же чрезвычайно образованный и начитанный, вполнѣ au courant современной человѣческой мысли, заинтересовалъ меня своими взглядами и самой своей неопредѣленностью. Я хотѣлъ послушать его съ каѳедры, хотѣлъ хоть наружно познакомиться съ его конгрегаціей, о которой много слыхалъ и прежде, и вотъ вчера я отправился въ церковь.

И безъ того огромное зданіе было недавно вдвое увеличено боковой пристройкой, стоившей пятнадцать тысячъ долларовъ: для конгрегаціи прежнее помѣщеніе стало слишкомъ тѣсно. Въ церкви — до тысячи мѣстъ, но и ихъ не хватаетъ, и сотни стульевъ ставятся во всѣхъ проходахъ на время проповѣди. Я пришелъ рано. Воскресная школа была въ полномъ разгарѣ. Нѣсколько сотъ дѣтей разнаго возраста, въ праздничныхъ костюмахъ, сидѣли отдѣльными кучками, по десяти и двѣнадцати вмѣстѣ, въ разныхъ мѣстахъ церкви — я насчиталъ больше 35 такихъ отдѣльныхъ кружковъ. Съ большинствомъ ихъ занимались дамы, члены конгрегаціи; впрочемъ, было и нѣсколько мужчинъ. Всякій сидѣлъ и занимался какъ ему было угодно, тѣмъ не менѣе, царилъ совершенный, образцовый порядокъ: всѣ говорили вполголоса, никто не вскакивалъ и не суетился, все шло, какъ заведенная машина, въ то же время непринужденно, красиво, весело и безъ малѣйшаго смущенія или даже намека на какой-либо безпорядокъ. Въ извѣстную минуту управляющій остановилъ классы, всѣ сдвинулись къ роялю, опять-таки стройно и въ порядкѣ, и хоръ нѣсколькихъ сотъ дѣтскихъ голосовъ, руководимыхъ особымъ спеціалистомъ-инструкторомъ, пропѣлъ нѣсколько гимновъ. Одинъ изъ классовъ стоялъ съ бѣлымъ знаменемъ, съ позолотой и кистями; это знамя присуждается тому классу, ученики котораго, въ теченіе извѣстнаго терма, пропустили въ общемъ наименьшее число уроковъ, считается завидной наградой, и потому воскресная школа, въ общемъ, посѣщается весьма исправно. Кромѣ этого класснаго, коллективнаго отличія, выдаются подарки индивидуальнымъ членамъ — дѣтямъ, за исправное посѣщеніе, въ видѣ роскошно переплетенныхъ библій, картинокъ и т. д.; такимъ

образомъ, стараются заинтересовать дѣтей, сознавая сухость предмета, но понимая его общеобразовательное значеніе. Церковь несетъ всѣ расходы—нѣтъ никакой опредѣленной платы съ учениковъ; если ребенокъ не имѣетъ средствъ, это не дѣлаетъ никакой разницы. Уже съ этого возраста дѣти начинаютъ понимать и всасывать въ себя то, что не деньги дѣлаютъ человѣка, и воскресная школа своей обстановкой несомнѣнно играетъ не малую въ этомъ роль.

Пока дѣти пѣли, а потомъ расходились, церковь мало-по-малу наполнялась взрослыми членами конгрегаціи. Къ тому моменту, когда проповѣдникъ началъ свою проповѣдь, церковь оказалась биткомъ набитой. Онъ сидѣлъ за своей каѳедрой, украшенной великолѣпными цвѣтами (у насъ розы и всякіе другіе цвѣты цвѣтутъ и благоухаютъ положительно круглый годъ), въ обыкновенномъ черномъ сюртукѣ, безъ какихъ бы то ни было признаковъ своего сана; да и во всей церкви, кромѣ громаднаго органа на невысокихъ хорахъ, какъ разъ сзади каѳедры, не было рѣшительно ничего, что бы напоминало о церкви: это была просто большая аудиторія, съ покатымъ къ каѳедрѣ поломъ, какъ въ партерахъ театровъ, съ удобными сидѣньями для публики и съ небольшой каѳедрой для оратора.

Я внимательно приглядывался къ конгрегаціи. Съ тѣхъ поръ, какъ я живу въ Америкѣ, я былъ, въ общемъ, не болѣе десяти разъ въ различныхъ церквахъ разныхъ мѣстностей, видѣлъ богослуженіе епископаловъ, пресвитеріанъ, баптистовъ, методистовъ, конгрегаціоналистовъ. Всегда и вездѣ царствовали изумительные порядокъ и тишина,—и на этотъ разъ повторилось то же самое. Американецъ неизмѣнно совсѣмъ затихаетъ въ церкви: не услышишь ни одного звука, нѣтъ шопота и пересмѣиванья, всякій слушаетъ съ величайшимъ вниманіемъ все то, что происходитъ. Если вы и не вѣрующій, если вы не религіозны, это не даетъ вамъ права отвлекать вниманіе другихъ отъ того, зачѣмъ они пришли въ церковь:—уважайте другихъ, если хотите, чтобы васъ самихъ уважали. Этотъ принципъ здѣсь, на дальнемъ Западѣ, въ молодыхъ, только что сформировавшихся и не вполнѣ еще успѣвшихъ разобраться и освоиться между собою человѣческихъ общинахъ нераздѣленъ со всякимъ человѣческимъ скопищемъ, въѣлся въ ихъ плоть и кровь; здѣсь никогда и нигдѣ вы не встрѣтите и поползновенія къ тому, чтобъ перекричать, перешумѣть, пересилить кого-нибудь или какъ-нибудь. Если или самъ проповѣдникъ, или какой - либо другой

ораторъ, или его доктрины вамъ не нравятся,—не ходите ихъ слушать; а разъ вы пришли, ведите себя прилично и не мѣшайте другимъ, кому и проповѣдники и ихъ рѣчи могутъ быть интересны и симпатичны. Мнѣ лично, во всѣхъ моихъ скитаніяхъ по Союзу, причемъ я неизмѣнно посѣщалъ всякія общественныя сборища, никогда не случалось быть свидѣтелемъ какого-либо безпорядка или шума. Я долженъ исключить только политическіе митинги на крайнемъ югѣ, въ бывшемъ рабовладѣльческомъ царствѣ хлопка, гдѣ демократы-бурбоны, до сихъ поръ со скрежетомъ зубовнымъ проклинающіе Линкольна и освобожденіе, все еще не могутъ и не умѣютъ выносить хладнокровно республиканскія тенденціи.

Конгрегація оказалась чрезвычайно разнообразной по составу и чрезвычайно респектабельной по внѣшности. Рядомъ со мной сидѣлъ съ одной стороны, очевидно, мастеровой, судя по его большимъ, жесткимъ, грубымъ рукамъ, или кузнецъ, или мѣдникъ, но въ безукоризненномъ Prince Albert сюртукѣ; съ другой стороны—великолѣпная дама, одѣтая по послѣдней модѣ, съ многоэтажными кружевными украшеніями неизвѣстнаго мнѣ наименованія вокругъ шеи и съ неизмѣримыми рукавами, залитая бриллiантами. Вообще массу драгоцѣнныхъ камней видишь здѣсь повсюду: на улицахъ, во всѣхъ публичныхъ мѣстахъ, въ отеляхъ, въ желѣзнодорожныхъ вагонахъ, въ церкви. Кажется, нѣтъ женщины, у которой не было бы хоть маленькаго бриллiантика; громадное большинство мужчинъ тоже носитъ ихъ и въ галстухахъ, и на часовыхъ брелокахъ, и на запонкахъ, и на пальцахъ. Драгоцѣнные камни обратились здѣсь въ ежедневную потребность, вродѣ перчатокъ и зонтиковъ. Въ моемъ мануфактурномъ заведенiи работаютъ до сорока женщинъ и дѣвушекъ, заработывающихъ отъ девяти до двѣнадцати долларовъ въ недѣлю, и у каждой непремѣнно есть хоть одинъ, хоть маленькій, да настоящій драгоцѣнный камень, который она и носитъ не снимая. Нѣтъ также рѣшительно ни одного человѣка безъ карманныхъ часовъ и цѣпочки; еще на-дняхъ я замѣтилъ на землекопѣ, работавшемъ надъ сточной трубой изъ моего дома, часы и цѣпочку, стоившіе, по крайней мѣрѣ, двѣстипятьдесятъ долларовъ.

Однако, я все отвлекаюсь отъ моего предмета. Но если читатель не забылъ начала этого письма, онъ пойметъ, что я просто не могу обойтись безъ этихъ обобщеній, которыя невольно тѣснятся одно за другимъ.

Проповѣдникъ говорилъ долго, умно, краснорѣчиво. Красно-

рѣчіе его не было цвѣтисто, онъ не билъ на эффектъ, не прибѣгалъ къ обычнымъ, избитымъ ораторскимъ пріемамъ, — онъ говорилъ просто, безъ ненужныхъ завываній, но, тѣмъ не менѣе, краснорѣчиво и убѣдительно. У него не было ни писаной проповѣди, ни какихъ-либо замѣтокъ подъ рукой, а, между тѣмъ, онъ говорилъ больше часа, связно, обдуманно, нанизывая одну мысль на другую и дѣлая по временамъ блестящія обобщенія и заключенія. Онъ не училъ, не проповѣдовалъ въ прямомъ смыслѣ этого слова,—онъ просто разсуждалъ о разныхъ житейскихъ предметахъ и ни разу не споткнулся въ теченіе этого долгаго искуса. Онъ говорилъ, между прочимъ, о той совокупности матеріи и духа, которую мы понимаемъ подъ словомъ „жизнь", говорилъ о жизни растенія, животнаго, человѣка, указалъ на ту неполноту, на тѣ пробѣлы, которые и до сихъ поръ не позволяютъ современной наукѣ дать положительные отвѣты на эти загадочные вопросы, и хотя, очевидно, отрицалъ смерть и склонялся въ пользу безсмертія той совокупности, которую онъ подразумѣвалъ подъ словомъ „жизнь", но, коснувшись загробной жизни, отозвался абсолютнымъ незнаніемъ. Онъ говорилъ больше часа, и въ теченіе всего этого времени въ залѣ царила абсолютная тишина. Тысяча человѣческихъ существъ внимательно вслушивались въ каждое слово проповѣдника. Слушатель могъ не согласиться съ его выводами, но онъ не могъ не признать, что проповѣдникъ говорилъ горячо, искренно, не могъ не замѣтить, что онъ вѣрилъ самъ въ то, что говорилъ, и глубоко обдумалъ прежде каждое свое положеніе. Меня лично особенно заинтересовало одно мѣсто проповѣди: говоря о томъ, что человѣкъ считаетъ себя почти богомъ и, во всякомъ случаѣ, царемъ вселенной, проповѣдникъ замѣтилъ, что, само собой, выше всего должно бы быть поставлено человѣческое достоинство. Между тѣмъ, ѣдучи въ церковь по уличной электрической дорогѣ, онъ не могъ не замѣтить, что кондукторъ вагона получивъ съ него пятачекъ за проѣздъ, долженъ былъ сейчасъ же дернуть звонокъ висѣвшей у него на груди машинки для зарегистрованія пассажировъ. Это навело его на мысль, что въ этомъ случаѣ царю вселенной не вѣрили, а вѣрили дрянному, дешевому аппарату, изобрѣтенному самимъ же царемъ, и что фактъ этотъ былъ ни чѣмъ инымъ, какъ апоѳеозомъ униженія человѣческаго достоинства.

По окончаніи проповѣди прекрасный квартетъ изъ четырехъ солистовъ подъ аккомпаниментъ органа пропѣлъ какую-то пьесу, и служба кончилась.

Потомъ я узналъ, что дѣятельность унитаріанской церкви города Лосъ-Анжелеса далеко не исчерпывается этими проповѣдями. Женщины конгрегаціи образуютъ изъ себя съ десятокъ обществъ, съ разными благотворительными, образовательными и воспитательными цѣлями. Каждое общество систематически преслѣдуетъ свою спеціальную цѣль, а всѣ вмѣстѣ образуютъ общую церковную лигу; каждый отдѣлъ имѣетъ свою самостоятельную организацію и вербуетъ членовъ, сообразно ихъ личнымъ наклонностямъ. Мужчины образуютъ особый клубъ, собирающійся въ извѣстные сроки и съ каѳедры разработывающій различные вопросы дня. Когда-нибудь впослѣдствіи я подробно разскажу о дѣятельности этой лиги и клуба.

ПИСЬМО ВТОРОЕ.

10—23 мая.

Когда я перечиталъ, передъ отправкою, мое первое письмо, мнѣ пришла въ голову моя поѣздка въ Санъ-Франциско, недѣль шесть тому назадъ. Въ прошломъ октябрѣ мнѣ случилось быть въ Санъ-Франциско по дѣламъ; тамъ я узналъ, что въ городѣ имѣется православная церковь (греческая, какъ ее зовутъ здѣсь, ибо громадное большинство прихожанъ греки). Настоящихъ русскихъ, великороссовъ или малороссовъ, въ Соединенныхъ Штатахъ очень мало; въ нашемъ городѣ, Лосъ-Анжелесѣ, кромѣ моего семейства, нѣтъ ни одного, да и во все время моего пребыванія въ Союзѣ мнѣ пришлось столкнуться въ разныхъ мѣстахъ много-много съ десяткомъ соотечественниковъ. Русскихъ въ Санъ-Франциско оказалось всего два-три, исключая духовенства; зато я познакомился съ недавно присланнымъ, на смѣну отозваннаго обратно въ Россію епископа Владиміра, епископомъ Николаемъ, человѣкомъ еще молодымъ, довольно живымъ и чрезвычайно любезнымъ и внимательнымъ. Мы разговорились. Его преосвященство до посвященія былъ профессоромъ въ нѣсколькихъ духовныхъ семинаріяхъ, и у насъ нашлись бывшіе общіе знакомые—между прочими, покойный рязанскій Кошелевъ.

Въ воскресенье, когда я пріѣхалъ къ обѣднѣ, я нашелъ въ церкви разношерстную кучку людей южно-восточнаго типа, всего человѣкъ пятнадцать, грековъ, далматовъ, словаковъ—и ни одного

русскаго, исключая самихъ служащихъ. Церковь маленькая, передѣланная изъ частнаго дома, отдѣланная въ ярко-голубой цвѣтъ съ безконечной позолотой; при ней и квартира епископа. Священникъ—молодой человѣкъ, посвященный изъ причта по смерти убитаго его предмѣстника и женатый на его дочери, за которой, какъ кажется, было закрѣплено мѣсто. Епископъ Николай—человѣкъ новый, еще не успѣвшій вполнѣ оріентироваться; онъ, при прощаньи, взялъ съ меня слово, что я опять пріѣду, именно на Христову заутреню, и вотъ я и отправился съ женой къ обѣднѣ.

Нашъ городъ, Лосъ-Анжелесъ, лежитъ въ долинѣ рѣки того же имени, въ нѣсколькихъ миляхъ отъ Тихаго океана и всего на 150 футовъ надъ его уровнемъ. Въ десяткѣ миль на сѣверъ отъ него идетъ горный хребетъ Сіерра-Мадре, который пробуравленъ для полотна желѣзной дороги туннелемъ въ 8.000 футовъ длины и на 3.200 футахъ высоты надъ уровнемъ океана. За этимъ хребтомъ дорога опять круто спускается въ пустыню Мохави, которая теперь быстро заселяется, благодаря удачѣ артезіанскихъ колодцевъ, а затѣмъ опять взбирается на другой горный хребетъ, Техачепай. Инженерамъ тутъ досталась нелегкая работа (хребетъ круто поднимается до 6.000 футовъ, а туннель за толщиной невозможенъ): пришлось вести полотно дороги спиралью, образующей правильныя петли одну надъ другой. Подъемы очень тяжелые, до 300 футовъ на милю; къ поѣзду прицѣпили три громадные, девяностотонные локомотива съ семифутовыми маховыми колесами, которые часа черезъ два и втащили насъ на вершину. Внизу, въ пустынѣ, вѣчное лѣто; наверху, въ двухъ часахъ ѣзды,—вѣчная зима. Затѣмъ дорога опять круто спускается на дно центральной долины Калифорніи, съ ея безконечными виноградниками, фруктовыми садами и пшеничными полями, и идетъ по этой долинѣ до самаго Окланда, предмѣстья Санъ-Франциско на восточномъ берегу рейда. Послѣднія тридцать миль полотно дороги идетъ по берегу рѣки Сакраменто, все время мимо безчисленнаго флота купеческихъ парусныхъ судовъ, гніющихъ здѣсь за невозможностью достать обратный грузъ; нѣкоторые изъ нихъ стоятъ на якорѣ по десяти лѣтъ и, вѣроятно, никогда больше не увидятъ океана: паръ вытѣснилъ ихъ въ чистую отставку.

Мы ѣхали въ особомъ отдѣленіи спальнаго вагона, чрезвычайно удобномъ, со всѣми необходимыми принадлежностями цивилизаціи. Когда мы подъѣхали къ Фреено, городу, составляющему центръ бо-

гатѣйшаго винограднаго округа Калифорніи (здѣшній синій изюмъ, появившійся въ продажѣ лѣтъ десять тому назадъ, уже не только успѣлъ вытѣснить европейскій на американскомъ рынкѣ, но тѣснитъ его, съ большимъ успѣхомъ, и на родинѣ), одна изъ нашихъ спутницъ по вагону указала на то мѣсто, гдѣ, мѣсяца три тому назадъ, знаменитые разбойники Ивансъ и Зонтагъ остановили поѣздъ, на которомъ ей пришлось тогда ѣхать, и ограбили экспрессную компанію на 40.000 долларовъ. Этотъ грабежъ былъ произведенъ такъ быстро и ловко, что пассажиры поѣзда узнали объ немъ только, когда все было кончено, и поѣздъ опять тронулся въ путь. Не могу при этомъ не замѣтить, что грабежи желѣзнодорожныхъ поѣздовъ—дѣло весьма обыкновенное не только въ Калифорніи и на дальнемъ Западѣ вообще, но и въ центральныхъ штатахъ, вродѣ Кентуки и Миссури. Лѣтъ двадцать тому назадъ разбойники обыкновенно грабили и пассажировъ, иногда раздѣвая ихъ чуть не до нага [1]); теперь этого никогда не случается; пассажиры обыкновенно отдѣлываются страхомъ; зато достается экспресснымъ компаніямъ. Каждую недѣлю читаешь въ газетахъ, что былъ остановленъ желѣзнодорожный поѣздъ тамъ-то и тамъ-то, и что экспрессъ поплатился такими-то и такими-то суммами—нерѣдко сотнями тысячъ долларовъ (какъ-то всегда оказывается, что остановленъ былъ именно такой поѣздъ, на которомъ было особенно много золота). Грабежи и воровство у частныхъ лицъ—дѣло, сравнительно, чрезвычайно рѣдкое въ Америкѣ. Въ теченіе моего двѣнадцатилѣтняго здѣсь пребыванія у насъ никогда ничего не пропадало, хотя мы нерѣдко спали какъ убитые, съ дверями и окнами настежь, особенно когда жили во Флоридѣ, гдѣ жара лѣтомъ невыносима. Зато желѣзнодорожнымъ и экспресснымъ компаніямъ, а также и банкамъ, достается вплотную. Сконцентрированіе капитала въ корпораціяхъ, поглощающихъ частныхъ лицъ и ихъ заработки, и средства къ жизни, вызываетъ все бо́льшую и бо́льшую ненависть массъ. То, что считается совершенно непозволительнымъ

---

[1]) И до сихъ поръ вы нерѣдко услышите въ Калифорніи разсказы о томъ, что въ «доброе старое время», когда на станціи ожидался омнибусъ, служащіе обыкновенно выходили ему навстрѣчу съ одѣялами, чтобы прикрыть наготу ограбленныхъ. Мнѣ случалось слышать разсказъ и о томъ, что однажды такой омнибусъ прибылъ на станцію съ восемью пассажирами, вся одежда которыхъ состояла изъ одного газетнаго листа газеты «Alta California». Впрочемъ, разсказчикъ имѣлъ нѣкоторыя основанія предполагать, что весь разсказъ былъ изобрѣтенъ цѣликомъ въ редакціи этой газеты, съ единственной цѣлью прославить и выдвинуть именно эту газету.

относительно частнаго лица и вызвало бы поголовное осужденіе, если и не одобряется, то, во всякомъ случаѣ, допускается общественной моралью относительно корпорацій. Понятіе о правѣ собственности, этотъ краеугольный камень современнаго человѣческаго общества, какъ-то раздвоилось и несомнѣнно переживаетъ весьма серьезную для себя эпоху: одно дѣло—собственность частнаго лица и совершенно другое — собственность корпораціи. Американскій народъ ушелъ въ этомъ отношеніи гораздо дальше стараго свѣта.

Въ Санъ-Франциско мы остановились въ „Palace Hôtel", на Market street, главной улицѣ города. Американскій отель вообще— верхъ совершенства и далеко оставляетъ за собою все то, что ни есть лучшаго въ этомъ отношеніи въ Европѣ. „Palace Hôtel" занимаетъ цѣлый кварталъ, насчитываетъ 1.200 отдѣльныхъ нумеровъ, съ ваннами, ватерклозетами и т. д. въ каждомъ, и, когда полонъ гостями, его населеніе, включая служащихъ, достигаетъ 7—8 тысячъ человѣкъ. Это огромный параллелограмъ, съ внутреннимъ дворомъ, на который выходятъ колоннады съ сплошными балконами отъ всѣхъ этажей; все выкрашено въ яркій бѣлый цвѣтъ, дворъ покрытъ громаднымъ стекляннымъ куполомъ. Постройка, отдѣлка и меблировка стоятъ свыше десяти милліоновъ долларовъ; зданіе не только огнеупорно, будучи построено исключительно изъ стали, камня и стекла, но и считается недоступнымъ для землетрясеній: его фундаментъ опущенъ на сто футовъ въ землю, состоитъ изъ цѣлой системы цементныхъ арокъ, выведенныхъ одна надъ другой, и въ нихъ опущены до самаго дна основныя стальныя колонны, составляющія обвязку всего зданія. Описаніе роскоши и удобствъ каждой комнаты, каждаго угла, всѣхъ приспособленій, даже до самыхъ послѣднихъ мелочей, завело бы меня слишкомъ далеко. Ни въ Петербургѣ, ни въ Берлинѣ, ни въ Лондонѣ, ни даже въ Парижѣ (я бывалъ во всѣхъ этихъ городахъ) нѣтъ ничего подобнаго, ничего, съ чѣмъ-бы можно было сравнить этотъ отель.

Санъ-Франциско—въ одно и то же время и очень старый, и очень новый городъ. Онъ старъ потому, что несомнѣнно является старѣйшимъ городомъ Тихоокеанскаго побережья временъ американскаго владычества, и новъ, такъ какъ прошло всего 45 лѣтъ съ того времени, какъ была построена первая въ немъ лачужка, и живы, совершенно бодры люди, которые хорошо помнятъ это событіе. Его нельзя назвать красивымъ городомъ, хотя онъ и стоитъ на дѣйствительно великолѣпномъ рейдѣ; онъ грязенъ вообще, такъ какъ въ

дѣловыхъ частяхъ его плохая, сравнительно, мостовая изъ грубыхъ, неотесанныхъ гранитныхъ кубиковъ, и въ немъ нѣтъ ни одной улицы съ сплошными массами большихъ домовъ, а десяти-двѣнадцатиэтажные великаны разбросаны повсюду, вперемѣшку съ одноэтажными дрянными временными постройками. Кромѣ того, все какъ то слишкомъ скучено, какъ будто натискано одно на другое, точно мѣста не хватило. Въ теченіе первыхъ двадцати лѣтъ своего существованія городъ росъ такъ быстро, что его жителямъ все казалось, что узенькаго полуострова, на которомъ онъ расположенъ, въ самомъ непродолжительномъ времени не хватитъ,—вотъ они и громоздили постройку на постройку, оставили мѣстами очень узкія улицы и даже засыпали значительную полосу самаго залива, около полумили въ ширину и пять или шесть миль въ длину. За послѣднее десятилѣтіе ростъ города значительно замедлился, а теперь и совсѣмъ почти прекратился, и жители увидали, что они опасались попусту и что мѣста на полуостровѣ хватитъ для трехъ или четырехъ такихъ городовъ, какъ Санъ-Франциско.

Этотъ городъ во многихъ отношеніяхъ совсѣмъ особенный, не похожій на другіе города Союза, и одну изъ его наиболѣе выдающихся особенностей составляетъ китайскій кварталъ, заключенный въ особыхъ, рѣзко опредѣленныхъ границахъ, съ спертыми въ нихъ сорока тысячами китайцевъ, составляющихъ $^4/_{11}$ китайскаго населенія всего Союза. Въ общемъ этотъ китайскій кварталъ даетъ грязную, душную, отвратительную картину: узенькія улицы съ висящими съ обѣихъ сторонъ животрепещущими балкончиками, глубокіе подвалы съ извилистыми подземными ходами, развѣшанное повсюду грязное бѣлье, зловоніе, нездоровая скученность и тѣснота—все это подъ управленіемъ „шести компаній", санкціонированныхъ китайскимъ правительствомъ частныхъ обществъ, держащихъ въ самой безобразной кабалѣ всякаго китайца на американской почвѣ и, съ безпощадной жестокостью, подавляющихъ всякую попытку къ самостоятельности. Органы этихъ обществъ распространены по всему Союзу, хотя главные воротилы, какъ говорятъ, приближенные къ трону мандарины, и живутъ въ Китаѣ; ихъ представители, благодаря желѣзной дисциплинѣ, религіознымъ понятіямъ и всесилію принципаловъ дома, управляютъ американскими китайцами неограниченно. Примѣры открытаго ослушанія и непокорности крайне рѣдки и обыкновенно кончаются быстрой, неожиданной смертью ослушниковъ, хотя и неизмѣнно при обстоя-

тельствахъ, не дозволяющихъ бѣлымъ властямъ доказать преступленіе и накрыть мстящую руку; словомъ, это довольно искусно организованное государство въ государствѣ, не допускающее легальнаго вмѣшательства мѣстныхъ властей.

Китаецъ работаетъ днемъ и ночью, спитъ урывками, питается водой и рисомъ и откладываетъ всякій грошъ; его неутомимость и безусловное отсутствіе какихъ-либо потребностей цивилизованнаго человѣка дѣлаютъ его страшнымъ, непобѣдимымъ противникомъ бѣлыхъ вездѣ, гдѣ они сталкиваются на житейскомъ полѣ битвы. Почти съ самаго начала китайской эмиграціи на Тихо-океанскомъ побережьи, то тамъ, то сямъ постоянно вспыхивали волненія среди бѣлыхъ рабочихъ, направленныя противъ сыновъ Небесной Имперіи; волненія эти нерѣдко сопровождались кровавыми расправами съ ними и совершеннымъ изгнаніемъ ихъ изъ извѣстныхъ районовъ. Еще только года два тому назадъ, въ одномъ изъ рудокопныхъ округовъ штата Монтаны, около пятидесяти китайцевъ были убиты, остальные изгнаны и разорены, и ихъ кварталы сожжены; правительство Соединенныхъ Штатовъ только что уплатило китайскому триста тысячъ долларовъ за это происшествіе. Тѣмъ не менѣе, число китайцевъ въ предѣлахъ Союза все увеличивалось. Десятки тысячъ привозилось ежегодно „шестью компаніями", содержавшими привозимыхъ на оброкѣ и дѣлавшихъ на этомъ человѣческомъ скотѣ громадные барыши, тогда какъ только относительно весьма немногіе, разбогатѣвъ, возвращались обратно въ Китай. Сначала китайцы занимались исключительно стиркой, стряпней и домашнимъ услуженіемъ; но, мало-по-малу, число ихъ увеличилось до того, что этихъ занятій оказалось недостаточно, и они стали наниматься на фермерскую, желѣзнодорожную и рудокопную работы, быстро уменьшая заработную плату и тѣсня бѣлаго рабочаго все больше и больше. Общественное мнѣніе высказывалось противъ нихъ все громче и громче, и, наконецъ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ конгрессъ долженъ былъ къ нему прислушаться и издать особый законъ объ абсолютномъ воспрещеніи дальнѣйшей эмиграціи китайцевъ въ предѣлы Союза. Границы Соединенныхъ Штатовъ на сѣверѣ отъ британскихъ владѣній, на югѣ отъ Мексики, и береговая линія Тихаго океана такъ обширны, а населеніе на нихъ такъ рѣдко, что законъ этотъ обходился съ большимъ успѣхомъ съ самаго дня его изданія, и „шесть компаній" продолжали и продолжаютъ ввозить китайцевъ цѣлыми массами, какъ контрабанду, единствен-

нымъ прямымъ результатомъ этого закона оказалось увеличеніе барышей этихъ компаній, такъ какъ онѣ, пользуясь сравнительной опасностью этого дѣла для отдѣльныхъ личностей, стали насчитывать вдвое и втрое противъ прежняго барышей на эту живую контрабанду. Бѣлое населеніе, видя невозможность примѣнить законъ о воспрещеніи эмиграціи, опять заволновалось, и, года два тому назадъ. конгрессъ долженъ былъ издать новый законъ, извѣстный подъ именемъ Geary Act, по имени внесшаго его въ конгрессъ члена отъ одного изъ калифорнскихъ округовъ, требующій немедленной регистраціи всего наличнаго китайскаго населенія въ Союзѣ и обязывающій мѣстное федеральное начальство выслать на родину всякаго китайца, который послѣ послѣдняго назначеннаго для регистраціи дня окажется въ предѣлахъ Союза, безъ установленнаго свидѣтельства, сопровождаемаго его фотографіей. „Шесть компаній“ не на шутку встревожились, запретили китайцамъ регистроваться и наняли лучшихъ представителей санъ-францисканской и вашингтонской адвокатуръ для того, чтобы оспаривать конституціонность этого закона въ высшемъ судѣ Соединенныхъ Штатовъ. На-дняхъ судъ этотъ разсмотрѣлъ дѣло, призналъ актъ конституціоннымъ, и китайцу на тихо-океанскомъ побережьи, по всѣмъ видимостямъ, слѣдовало бы готовиться къ немедленному отплытію на родину. Къ сожалѣнію, въ союзѣ теперь демократическая администрація, какъ и всегда, чрезвычайно трусливая и нерѣшительная; угрозы китайскаго правительства могутъ ее устрашить, какъ бывало съ нею не разъ и прежде, по разнымъ поводамъ, и можетъ еще оказаться, въ концѣ-концовъ, что бѣлому рабочему, со всѣми потребностями цивилизованнаго человѣка, еще придется неопредѣленное время конкурировать съ трудомъ рабовъ частныхъ обществъ, могущихъ жить на четвертакъ въ недѣлю. Послѣднимъ днемъ регистраціи Geary Act назначалъ первое число минувшаго мая; согласно этому закону, всѣ незарегистрировавшіеся китайцы (а ихъ зарегистрировалось всего 3.400 изъ 110.000) должны бы быть уже высланы. Администрація Кливелэнда взяла на свою отвѣтственность подождать рѣшенія верховнаго суда, до котораго ей, въ сущности, нѣтъ никакого дѣла, такъ какъ ея обязанность, какъ исполнительной власти, исполнять законы страны; вопреки ея ожиданіямъ, рѣшеніе это оказалось за законъ, и теперь неизвѣстно, что она предприметъ, хотя органы администраціи въ печати уже и заявили, что такъ какъ ассигнованныхъ конгрессомъ денегъ на высылку китай-

цевъ будетъ недостаточно, то она, по всей вѣроятности, будетъ дожидаться слѣдующаго конгресса.

Другой оригинальной особенностью Санъ-Франциско является чрезвычайное обиліе разныхъ общественныхъ учрежденій, пожертвованныхъ ему частными лицами. Ни одинъ городъ въ Союзѣ (вѣроятно, и во всемъ мірѣ) не обладаетъ такимъ числомъ милліонеровъ, и нигдѣ они не проявили такой изумительной щедрости относительно нуждъ своего родного города. Золотая горячка 1849—1860 годовъ, послѣдовавшая за нею колоссальная спекуляція золотыми и серебряными пріисками и громадные барыши, которые дѣлались на торговлѣ и особенно на спекуляціи поземельнымъ имуществомъ, дали Калифорніи вообще и городу Санъ-Франциско въ особенности сотни милліонеровъ, пришедшихъ сюда иногда пѣшкомъ, безъ гроша въ карманѣ, съ чрезвычайными лишеніями. Эти то піонеры и ихъ позднѣйшіе послѣдователи составляютъ и до сего дня какую-то особую, рѣзко выдѣляющуюся расу, то поколѣніе, которое выдвинуло Станфорда, Фэра, Флуда, Макэя, Лика, Хопкинса, Крукера, Сютро и цѣлые десятки имъ подобныхъ и которое не имѣло и не будетъ никогда имѣть ничего себѣ подобнаго. Они начали свою карьеру безъ гроша—теперь они имѣютъ десятки и даже сотни милліоновъ долларовъ. Всѣ они, безъ единственнаго исключенія, сами прошли вначалѣ или суровую школу рудокопа-рабочаго, или поденщика, или извощика, или матроса: всѣ они съ ранней молодости, со дней лишеній и нужды, относились къ Санъ-Франциско, какъ къ желанному pia desideria, и всѣ они и до сихъ поръ гордятся этимъ городомъ и любятъ его. Еще не было примѣра, чтобъ одинъ изъ нихъ покинулъ его; они ѣздятъ на Востокъ, въ Европу, но считаютъ Санъ-Франциско своимъ home и неизмѣнно къ нему возвращаются. Эти-то люди и снабжаютъ общественныя учрежденія и Калифорніи, и Санъ-Франциско своими по-истинѣ царскими подарками. Такъ, Станфордъ пожертвовалъ свыше двадцати милліоновъ долларовъ деньгами и поземельнымъ имуществомъ на устройство и содержаніе образцоваго университета въ Пало-Альто, въ 33 миляхъ отъ Санъ-Франциско; Ликъ устроилъ знаменитую обсерваторію на горѣ Хамильтонѣ, съ 36-дюймовымъ, самымъ большимъ во всемъ мірѣ телескопомъ, учредилъ въ Санъ-Франциско даровыя публичныя бани, со всѣми послѣдними приспособленіями строительнаго и инженернаго искусствъ, и, кромѣ того, пожертвовалъ въ пользу города свой отель, въ то время бывшій лучшимъ на тихо-

океанскомъ побережьи. Около десятка этихъ милліонеровъ, сложившись, пожертвовали городу не только паркъ въ 1.000 экровъ, называемый Golden Gate Park, паркъ золотыхъ воротъ, считающійся величайшимъ по пространству городскимъ паркомъ міра, начинающійся почти въ центрѣ города и пересѣкающій весь полуостровъ до самаго Тихаго океана, но и всѣ средства, необходимыя на его устройство и поддержаніе. Хотя парку этому всего нѣсколько лѣтъ, но и теперь уже онъ является образцовымъ учрежденіемъ этого рода, наполненъ дорогими изваяніями, содержитъ прелестный ботаническій садъ, и въ немъ ежедневно, съ 2 до 4 часовъ, играетъ прекрасный оркестръ. Сютро, сдѣлавшій свое колоссальное состояніе туннелемъ, осушившимъ знаменитые рудники Комстока въ Невадѣ, устроилъ несгораемую и, говорятъ, богатѣйшую въ мірѣ, по числу томовъ и рѣдкости изданій, библіотеку и, при самомъ входѣ въ узкій проливъ, соединяющій заливъ Санъ-Франциско съ Тихимъ океаномъ и называемый Золотыми воротами, великолѣпный паркъ, въ которомъ собралъ копіи почти со всѣхъ знаменитыхъ изваяній Стараго Свѣта. Паркъ этотъ оканчивается утесами, о которые бьютъ волны океана, поддерживается въ безукоризненномъ порядкѣ и всегда открытъ для публики. Сютро же строитъ въ настоящее время, съ громадными издержками, на самомъ берегу океана, какъ разъ подъ паркомъ, колоссальныя морскія публичныя ванны; онъ уже заявилъ, что завѣщаетъ всѣ эти учрежденія городу, съ достаточными фондами для вѣчнаго ихъ поддержанія. Хопкинсъ принесъ въ даръ артистическому клубу Санъ-Франциско свою резиденцію, стоившую милліоновъ и сверху до низу набитую драгоцѣнными произведеніями искусствъ Стараго Свѣта. Имена этихъ людей и понынѣ встрѣчаются во главѣ всякаго новаго общественнаго дѣла. Они то и толкаютъ впередъ и безъ того кипучую жизнь тихоокеанскаго побережья своими именами, своимъ вліяніемъ, своими деньгами. „Palace Hôtel", о которомъ я говорилъ выше, былъ выстроенъ ими послѣ получасового совѣщанія, такъ какъ одинъ изъ нихъ, вернувшись изъ поѣздки на Востокъ, замѣтилъ, что ему кажется, что Санъ-Франциско начинаетъ отставать въ этомъ отношеніи отъ Нью-Іорка.

Однако, я, по обыкновенію, опять отвлекся отъ своего предмета—русской церкви въ Санъ-Франциско. Постараюсь добраться до нея въ слѣдующемъ письмѣ.

ПИСЬМО ТРЕТЬЕ.

17—30 мая.

Меня всегда удивляла та замѣчательная симпатія, съ какою относится американскій народъ къ намъ, русскимъ. Въ этой симпатіи сказывается что-то дѣтское, сантиментальное, и когда я старался добиться объясненія причинъ и основаній—такъ какъ я не могу не понимать и не видѣть, что, кромѣ обширности территоріи и многочисленности народонаселенія, нѣтъ двухъ другихъ цивилизованныхъ націй на земномъ шарѣ настолько діаметрально противоположныхъ по всему остальному—мнѣ почти всегда отвѣчали, что американскій народъ никогда не забудетъ, что покойный Императоръ Александръ II, въ самые мрачные моменты междоусобной войны 1861—1865 годовъ, когда ежеминутно ожидалось признаніе конфедераціи Наполеоновской Франціей и Англіей, послалъ два сильныхъ флота, одинъ въ Нью-Іоркъ, другой въ Санъ-Франциско, съ запечатанными приказами адмираламъ, имѣвшимъ открыть ихъ только въ случаѣ извѣстныхъ событій. Покойный Блэнъ, въ своей знаменитой книгѣ „Двадцать лѣтъ въ конгрессѣ", упоминаетъ объ этомъ почти забытомъ въ старомъ свѣтѣ событіи и, излагая пренія, происходившія въ нижней палатѣ конгресса въ іюлѣ 1868 года, по поводу покупки Соединенными Штатами бывшихъ русскихъ сѣверо-американскихъ владѣній, цитируетъ рѣчь генерала Банкса, сказавшаго, между прочимъ, слѣдующее: „Въ самый ужасный часъ нашей исторіи, во время возстанія юга, когда мы переживали моменты, значеніе которыхъ и до сихъ поръ еще не вполнѣ понято человѣчествомъ, когда Франція и Англія были готовы и намѣревались признать конфедерацію, весь міръ былъ потрясенъ извѣстіемъ о появленіи въ Санъ-Франциско могучаго русскаго военнаго флота, почти и одновременно съ этимъ, преднамѣренно-ли, случайно-ли, другой русскій флотъ появился и въ гавани Нью-Іорка. Кто зналъ, сколько ихъ могло быть еще на пути къ нашимъ берегамъ? Съ этого момента и Франція и Англія задумались и отступили, и наше правительство успѣло возстановить свое потрясенное величіе и могущество..."

Въ Россіи мнѣ никогда не приходилось ни слышать, ни читать объ этомъ фактѣ; услыхавъ объ немъ, по пріѣздѣ въ Америку, я, во время моихъ поѣздокъ въ Вашингтонъ по дѣламъ, нѣ-

сколько разъ старался разузнать подробности, но никогда не могъ добиться ничего опредѣленнаго. Если даже появленіе этихъ флотовъ въ американскихъ водахъ въ такую критическую минуту и было случайностью, если запечатанные приказы адмираламъ и существовали только въ области фантазіи, или если приказы эти и не имѣли отношенія къ ожидавшемуся кризису, тѣмъ не менѣе, самый фактъ появленія этихъ флотовъ именно тогда сдѣлался достояніемъ американской націи, сохранился въ ея памяти, принялъ легендарныя формы и вызвалъ то симпатичное отношеніе ко всякому русскому человѣку, о которомъ я упомянулъ выше. Къ этому отношенію я уже привыкъ и ожидаю его, какъ нѣчто должное при встрѣчахъ съ незнакомыми интеллигентными американцами; поэтому меня крайне удивило и особенно непріятно поразило то странное, необычное отношеніе мѣстныхъ жителей Санъ-Франциско,— съ которыми мнѣ пришлось столкнуться,— къ русскимъ этого города, которое я не могъ не замѣтить немедленно по пріѣздѣ туда. Очевидно было что-то неладно.

То, что мнѣ пришлось увидѣть среди русскихъ въ Санъ-Франциско, объяснило мнѣ этотъ фактъ. Эпизоды эти касаются личной жизни тѣхъ русскихъ, съ которыми мнѣ пришлось встрѣтиться въ Санъ-Франциско, поэтому нахожу неудобнымъ разсказывать о нихъ.

Мы пробыли въ Санъ-Франциско нѣсколько дней, осматривая городъ. Я, между прочими моими дѣлами, заинтересованъ и паровыми прачешными, такъ какъ состою владѣльцемъ такого учрежденія въ нашемъ городѣ. Санъ-Франциско считается передовымъ городомъ въ этомъ дѣлѣ во всемъ Союзѣ -- въ немъ пятнадцать паровыхъ прачешныхъ разнаго размѣра, изъ которыхъ четыре производятъ работы на сумму отъ четырехъ до пяти тысячъ долларовъ въ недѣлю, самая значительная имѣетъ оборотъ свыше полумилліона долларовъ, то-есть около милліона рублей въ годъ, и даетъ работу четыремъ-стамъ рабочихъ, преимущественно женщинъ и дѣвушекъ. Вся работа, съ начала до конца, производится машинами, и такъ какъ, по моему мнѣнію, это машинное дѣло составляетъ одно изъ главныхъ основаній изумительнаго для русскаго наблюдателя благосостоянія всего американскаго народа, и такъ какъ детали различныхъ производствъ, въ сущности, одинаковы, а въ настоящую минуту я нахожусь, такъ сказать, на высотѣ парового прачешнаго дѣла, то-есть знакомъ съ послѣднимъ его словомъ, то, чтобы дать понятіе о машинномъ дѣлѣ вообще, я и познакомлю

читателя со всѣми его подробностями, хотя, можетъ быть, стирка грязнаго бѣлья и можетъ сначала показаться не особенно подходящимъ предметомъ для разсказа.

По привозкѣ въ прачешную, каждая штука бѣлья прежде всего помѣчается и заносится въ особый листъ для каждаго свертка; затѣмъ сбрасывается въ общую кучу и поступаетъ на мыльную машину—washer—большой деревянный или чаще мѣдный цилиндръ, посредствомъ особаго прибора вращающійся регулярными движеніями взадъ и впередъ, причемъ въ него постоянно притекаетъ, посредствомъ особаго, чрезвычайно остроумнаго прибора, свѣжій паръ и свѣжая вода съ мыломъ и синькой. Черезъ четверть часа самая загаженная, самая грязная штука бѣлья оказывается совершенно чистой и поступаетъ на выжимательную машину—wringer. Машина эта состоитъ изъ быстро вращающагося на оси мѣднаго цилиндра съ многочисленными дырочками, основаннаго на принципѣ центробѣжной силы: быстрое вращеніе прижимаетъ бѣлье къ его стѣнкамъ и въ двѣ или три минуты сухо-на-сухо его выжимаетъ, причемъ выжимаемая вода задерживается наружнымъ чугуннымъ цилиндромъ и отводится особымъ проводомъ. Послѣ выжиманія, бѣлье разбирается; простое, то-есть постельное, столовое, носовые платки, полотенца и т. д., поступаетъ прямо на гладильную машину (mangle), состоящую изъ пустого стального цилиндра, 15 футовъ въ длину и 4 въ діаметрѣ, нагрѣваемаго изнутри паромъ и вращающагося между цѣлой системой меньшихъ, одѣтыхъ въ толстое сукно цилиндровъ, за одинъ пріемъ гладящихъ бѣлье и придающихъ ему, вслѣдствіе сильнаго давленія, особый лоскъ и блескъ, недоступный при ручной работѣ. Машинка эта работаетъ изумительно быстро и, при четырехъ оперирующихъ на ней дѣвушкахъ, можетъ выгладить до 15.000 простынь въ 10 часовъ. Простое бѣлье потомъ складывается на особыхъ столахъ и готово къ отправкѣ. Я самъ лично дѣлалъ опыты и достигалъ того, что ровно черезъ три-четверти часа послѣ того, какъ бѣлье поступало къ мѣтчику, оно было выстирано, выглажено и готово къ отправкѣ. Между тѣмъ, сложное бѣлье, какъ, напр., рубашки, юбки, лѣтнія платья и т. д., опять сортируется: то, которое требуетъ крахмала, поступаетъ на крахмальную машину, вращающійся параллелограмъ съ закругленными концами, быстро и равномѣрно вбивающій крахмалъ во всякую складку, и затѣмъ все вмѣстѣ идетъ въ паровую сушильню, нагрѣваемую посредствомъ сложной системы паровыхъ трубъ и со-

стоящую изъ стальныхъ рамъ на колесахъ, съ плотно пригнанными сплошными концами, съ правильными рядами крючьевъ, на которые бѣлье развѣшивается и вдвигается въ сушильню. Черезъ часъ оно сухо и готово къ дальнѣйшему процессу. Крахмальныя мужскія рубашки идутъ послѣ сушильни черезъ пять особыхъ машинъ: одна гладитъ ворота, другая—рукавчики, третья—грудь, четвертая—корпусъ рубашки, и, наконецъ, пятая вспрыскиваетъ и складываетъ ихъ. Отдѣльные воротнички и рукавчики проходятъ также черезъ четыре отдѣльныя машины, гладящія, сгибающія и свертывающія; всѣ онѣ нагрѣваются газомъ и работаютъ паромъ, автоматически; все дѣло рабочаго состоитъ въ томъ, чтобы to feed ихъ.—буквально: кормить, т. е. вставлять въ нихъ, не переставая, штуки бѣлья. Для чепчиковъ, юбокъ, платьевъ и другихъ принадлежностей дамскаго бѣлья опять-таки имѣются отдѣльныя, спеціальныя машины. Наконецъ, чистое и сложенное уже бѣлье опять сдается мѣтчикамъ, которые распредѣляютъ его въ отдѣльные свертки. Бѣлье, поступающее въ прачешную до 9 часовъ утра, готово къ развозкѣ въ 5 часовъ въ тотъ же день; не смотря на то, что иногда скопляется до ста тысячъ штукъ бѣлья въ одно и то же время, чрезвычайно рѣдки случаи сбивки мѣтокъ.

Весь plant, т.-е. заводъ, стóитъ отъ пятнадцати до двадцати пяти тысячъ долларовъ, не считая построекъ; такой plant, при тридцати рабочихъ, можетъ производить работы на сумму около полуторы тысячи долларовъ въ недѣлю. Нѣкоторыя прачешныя въ Санъ-Франциско стоятъ около двухсотъ тысячъ долларовъ; машины вообще очень дóроги; washer'ы стоятъ около 500 долларовъ каждый, wringer'ы—около 300; большая mangle—отъ 1.500 до 3.000 долларовъ.

Мужчины рабочіе — мѣтчики, выжимальщики, мыльщики и т. д.—получаютъ отъ 15 до 25 долларовъ въ недѣлю; женщины и дѣвушки—отъ 9 до 12; не смотря на такую высокую плату, благодаря машинамъ, цѣны на стирку гораздо ниже петербургскихъ, если память мнѣ не измѣняетъ: крахмальная рубашка стоитъ 10 центовъ, воротнички и рукавчики—$2^1/_2$, носовые платки—1 центъ, простыни—$1^1/_2$, полотенца—$^1/_2$ цента; при этомъ прачешная и собираетъ грязное, и доставляетъ чистое бѣлье безплатно. Когда количество работы достигаетъ извѣстной суммы въ недѣлю,—напримѣръ, тысячи долларовъ, какъ у меня,—собираніе и доставка бѣлья стóитъ $20^0/_0$, самая работа—$30^0/_0$, матеріалъ—вода, топливо, мыло, крахмалъ, оберточная бумага и т. д.—$20^0/_0$, и остается около

$30^0/_0$ чистаго барыша предпринимателю. Такимъ образомъ, работа мужской крахмальной рубашки стоитъ три цента—едва ли этого можно достигнуть безъ машинъ и при дешевомъ русскомъ трудѣ.

Заработная плата вообще на западѣ, и въ особенности на Тихоокеанскомъ прибрежьи гораздо выше, чѣмъ на востокѣ и въ особенности на югѣ, гдѣ негры и до сихъ поръ работаютъ за полъ-доллара въ сутки. Въ Южной Калифорніи горничная съ полнымъ содержаніемъ, причемъ она непремѣнно потребуетъ особой комнаты, а иногда и права принимать гостей, одинъ или два раза въ недѣлю, въ вашей собственной гостиной и пользоваться вашимъ роялемъ, получаетъ не менѣе 25 долларовъ въ мѣсяцъ; хорошій поваръ китаецъ—35; самый заскорузлый поденщикъ получаетъ не меньше 2-хъ долларовъ за 8-ми-часовой рабочій день; а на тяжелой работѣ, напр., землекопной или мостовой—$2^1/_2$ и 3 доллара. Плотникъ получаетъ 3, 4 и 5 долларовъ въ день, смотря по своему искусству; кузнецъ—4, 5, 6; штукатуръ и каменьщикъ 5—$7^1/_2$. Кондукторы и мотормэны на электрическихъ и кабельныхъ уличныхъ дорогахъ получаютъ 65—85 долларовъ въ мѣсяцъ; полицейскіе и пожарные 85—100. Развозящіе бѣлье въ моей прачешной кучера заработываютъ отъ 70 до 125 долларовъ въ мѣсяцъ; въ то же время полицейскій мировой судья получаетъ всего 75, секретарь городской управы и ея казначей—90 долларовъ въ мѣсяцъ; очень хорошаго бухгалтера можно нанять за 60 долларовъ, а приказчики въ магазинахъ работаютъ за 50 и даже 40 долларовъ въ мѣсяцъ.

Какъ видите, читатель, умственный трудъ оплачивается въ Америкѣ нисколько не выше, если не ниже физическаго, и оба уважаются совершенно одинаково. Я началъ здѣсь свою карьеру поденщикомъ на маленькомъ лѣсопильномъ заводѣ, и съ тѣхъ поръ и до настоящей минуты постоянно возился съ американскими рабочими всякаго рода, сорта и наименованія, занимаясь исключительно мануфактурнымъ или подряднымъ дѣломъ. Нѣсколько лѣтъ я занимался желѣзнодорожными подрядами, и у меня иногда работало до трехъ тысячъ рабочихъ въ одно время. Въ теченіе всего этого времени у меня никогда не было ни одного грубаго столкновенія съ ними, никогда не пришлось упрекнуть кого-либо въ отлынивaніи, въ недобросовѣстномъ полученіи заработной платы. Надсмотрщики и надзиратели здѣсь, въ сущности, не существуетъ—они излишни. То, что здѣсь называется foreman—въ буквальномъ пере-

водѣ: первый, передовой—нуженъ не для присмотра, а для указанія, какъ и что слѣдуетъ дѣлать. Такой foreman долженъ знать свое дѣло до тонкости: если онъ будетъ только надсматривать, рабочіе не признаютъ его авторитета, и тогда онъ сдѣлается невозможенъ. Американецъ (я говорю все это о природныхъ американцахъ, а не о европейскихъ эмигрантахъ) не выноситъ никакого начальства; онъ васъ вѣжливо выслушаетъ, если вы говорите дѣло, указываете ему что-нибудь, чего онъ самъ не зналъ или не понималъ, но не вынесетъ ни малѣйшаго поползновенія на начальственный тонъ. Вы его наниматель, вы платите ему деньги за его работу, но изъ этого еще не слѣдуетъ, что вы его начальникъ, а онъ вашъ подчиненный; нѣтъ, вы просто два совершенно равныхъ человѣка, согласившихся на извѣстныя условія, и разъ вы это забыли, американскій рабочій не упуститъ случая напомнить вамъ это. Нанимая его, вы нисколько его этимъ не обязываете: онъ настолько же нуженъ вамъ, какъ и вы ему, и онъ васъ совсѣмъ не считаетъ чѣмъ-то высшимъ и не позволитъ вамъ считать его чѣмъ-то низшимъ только потому, что вы платите ему деньги за его работу. Состоянія въ Америкѣ наживаются и проживаются чрезвычайно быстро; я самъ это испыталъ уже нѣсколько разъ въ теченіе моей здѣшней карьеры, и сегодняшній рабочій черезъ годъ можетъ очутиться во главѣ обширнаго дѣла. Эти ups and downs, какъ они здѣсь называются, то-есть восхожденія и нисхожденія по лѣстницѣ земныхъ благъ, дѣло весьма обычное и заурядное. Въ 1887 году, благодаря нѣсколькимъ желѣзнодорожнымъ подрядамъ и удачнымъ поземельнымъ спекуляціямъ, я стоилъ около милліона долларовъ и быстро выдвинулся въ передовые ряды цѣлаго обширнаго района; но налетѣла желтая горячка, именно когда почти все мое имущество заключалось въ желѣзныхъ дорогахъ, пострадавшихъ отъ нея острѣе и сильнѣе всего другого, я боролся съ рожномъ дольше, чѣмъ слѣдовало—и вышелъ изъ краха почти ни съ чѣмъ; а въ то же время и въ томъ же районѣ нѣсколько счастливцевъ, открывшихъ на своей землѣ залежи фосфатовъ, изъ неимущихъ бродягъ сдѣлались милліонерами. Примѣры эти, нерѣдкіе на востокѣ и югѣ, часты на западѣ и особенно часты на Тихоокеанскомъ побережьѣ. Они всегда, во всякомъ округѣ, во всякомъ городѣ, передъ глазами у всѣхъ и каждаго. Не существуетъ ничего задерживающаго, никакихъ привилегированныхъ кастъ или сословій—каждому воздается по дѣламъ его. Востокъ, съ его густымъ населеніемъ, ежегоднымъ громаднымъ приливомъ европейскихъ эми-

грантовъ, которыхъ онъ не успѣваетъ достаточно быстро ассимилировать, и главное, гигантскимъ сконцентрированіемъ громадныхъ денежныхъ капиталовъ, не даетъ такого простора отдѣльной личности—тамъ препятствія уже начинаютъ сказываться; югъ до сихъ поръ находится подъ игомъ демократовъ-бурбоновъ, не могущихъ окончательно распроститься съ иллюзіями до-повстанскаго періода; но западъ все еще открытъ для всѣхъ и каждаго, въ немъ все еще имѣются почти безграничныя незаселенныя пространства, и западъ этотъ и по сю пору привлекаетъ къ себѣ все независимое и энергичное, не могущее ужиться съ современными требованіями востока. Этотъ западъ до сихъ поръ неукротимъ, не улегся еще въ опредѣленныя рамки—въ немъ широкій просторъ всѣмъ и каждому. Западъ не большой охотникъ до востока и, при всякомъ удобномъ случаѣ, зло надъ нимъ подсмѣивается. Такъ, только на-дняхъ демократическая администрація президента Кливелэнда, произвольно задержавшая исполненіе акта Гири, испугавшись тревожныхъ извѣстій съ Тихоокеанскаго побережья объ ожидаемыхъ въ разныхъ мѣстахъ вспышкахъ бѣлыхъ рабочихъ по этому поводу, просила губернаторовъ тихоокеанскихъ штатовъ оффиціальными телеграммами немедленно принять необходимыя мѣры къ защитѣ китайцевъ. Губернаторъ штата Орегонъ, Пеннойеръ, коротко отвѣтилъ, что онъ, губернаторъ, знаетъ свое дѣло и безъ указаній и желалъ бы, чтобъ и Кливелэндъ также зналъ свое. Пеннойеръ—популистъ, и потому телеграмма эта, опубликованная на другой же день во всѣхъ газетахъ союза, заставила весь востокъ поморщиться, а весь западъ—лукаво улыбнуться.

ПИСЬМО ЧЕТВЕРТОЕ.

24 мая (5 іюня).

Читателю, конечно, извѣстно, что всемірная выставка въ память четырехсотъ-лѣтняго юбилея открытія Новаго Свѣта Колумбомъ была открыта въ Чикаго, съ надлежащими церемоніями, какъ-разъ въ тотъ день, который былъ назначенъ для этого три года тому назадъ, когда было впервые рѣшено отпраздновать этотъ юбилей именно всемірной выставкой (World's fair: буквально—всемірной ярмаркой). Громадная сумма денегъ въ тридцать милліоновъ

долларовъ, исключая расходовъ самихъ экспонентовъ, уже издержана на эту выставку, и, судя по описаніямъ печати и тѣхъ изъ моихъ знакомыхъ, которые уже успѣли осмотрѣть ее и вернуться домой, она, конечно, превосходитъ все то, что когда-либо и гдѣ-либо было сдѣлано прежде въ этомъ отношеніи. Американецъ не любитъ дѣлать дѣла наполовину: если онъ возьмется за что-либо въ серьезъ, онъ додѣлаетъ начатое во всѣхъ деталяхъ. Но я не хочу говорить о выставкѣ до тѣхъ поръ, пока самъ ее не увижу, а займусь однимъ изъ выдвинутыхъ ею впередъ вопросовъ, именно—женскимъ.

Прекрасный полъ въ Соединенныхъ Штатахъ рѣшилъ, что пришла пора свергнуть иго грубой половины человѣческаго рода, что рабство женщины въ различныхъ формахъ практиковалось слишкомъ долго, и что оно совершенно несовмѣстно съ современной цивилизаціей. Правда, въ большинствѣ Штатовъ, особенно на Западѣ, женщина уже давно не только равноправна съ мужчиной относительно всѣхъ имущественныхъ, семейныхъ и наслѣдственныхъ законовъ, но и имѣетъ значительныя преимущества, и только въ немногихъ штатахъ Юга, какъ, напримѣръ, Луизіанѣ и Миссисипи, гдѣ сохранились еще остатки французскихъ нравовъ и кодекса, существуютъ нѣкоторыя ограниченія. Но современной американкѣ этого недостаточно; она добивается не только права занимать всякія общественныя должности, но и права голоса во всѣхъ государственныхъ и общественныхъ дѣлахъ. Всемірные конгрессы, составляющіе существенную часть выставки въ Чикаго, начались интернаціональнымъ женскимъ конгрессомъ, и телеграфъ принесъ намъ дамскія рѣчи, произнесенныя на открытіи этого конгресса на всѣхъ европейскихъ языкахъ (къ сожалѣнію, имя прекрасной соотечественницы, говорившей на русскомъ языкѣ, осталось неупомянутымъ). Въ конгрессѣ этомъ, подъ общимъ предсѣдательствомъ г-жи Поттеръ Пальмеръ, участвуютъ нѣсколько тысячъ женщинъ, и хотя онъ и называется интернаціональнымъ, тѣмъ не менѣе, американки въ немъ, разумѣется, преобладаютъ какъ по численности, такъ и по ораторскимъ силамъ. До сихъ поръ, кромѣ ужасной давки и тѣсноты и нѣкоторой, вполнѣ, впрочемъ, естественной, неумѣлости относительно приложенія парламентарныхъ правилъ, все идетъ очень гладко, хотя, конечно, и случались небольшія недоразумѣнія по поводу оскорбленныхъ самолюбій со стороны непризнанныхъ талантовъ. Стенографическіе отчеты преній прямо указываютъ, что американскій прекрасный полъ порѣшилъ окончательно съ аргументаціей Гетевской Маргариты,

выразившей свое полное и безусловное подчиненіе Фаусту въ словахъ: „Этотъ человѣкъ знаетъ *все*“. Современная женщина не можетъ уже такъ всецѣло отдаваться мужчинѣ, и вмѣсто подобной рабской фразы, она можетъ только отвѣтить, какъ отвѣтила Нора Хильмеру: „Я должна сама разрѣшить эти задачи; я должна обсудить и рѣшить сама, правъ-ли проповѣдникъ; и, что важнѣе всего,—правъ-ли онъ относительно самой меня“. Эти американскія женщины утверждаютъ, что не только въ Америкѣ или цивилизованныхъ странахъ Европы, но даже въ Турціи и магометанскихъ земляхъ повсюду проявляется недовольство участью женщины, и что недовольство это, выросши и окрѣпнувъ, не преминетъ въ близкомъ будущемъ поднять знамя свободы, равенства и братства и для женской половины человѣческаго рода.

Я не знаю, насколько американскія женщины правы вообще, утверждая это, но думаю, что здѣсь, въ Америкѣ, онѣ не только быстро идутъ впередъ къ совершенной равноправности съ мужчиной, въ отвлеченномъ смыслѣ этого понятія, но и къ дѣйствительной самостоятельности. Мужская опека, столь сильная въ первыхъ поселенцахъ Америки, пуританахъ, гугенотахъ и другихъ религіозныхъ изгнанникахъ, несомнѣнно отодвигается на задній планъ все дальше и дальше. Въ политикѣ Америки, этой pia desideria современной американки, одна изъ партій, прогибиціонная, уже много лѣтъ требуетъ всенародно въ своихъ національныхъ платформахъ безусловнаго права голоса для женщины. Обѣ главныя политическія партіи Соединенныхъ Штатовъ, республиканская и демократическая, въ теченіе послѣднихъ тридцати лѣтъ борющіяся за первенство, до прошлаго года всегда отвергали значительнымъ большинствомъ попытки женщинъ и ихъ мужскихъ сторонниковъ въ этомъ направленіи. Тѣмъ многозначительнѣе оказались резолюціи прошлогодней національной конвенціи республиканской партіи въ Миннеаполисѣ, допустившей, безъ особенныхъ возраженій со стороны кого-либо, женщину въ свою среду. Правда, она была не прямымъ, а подставнымъ делегатомъ отъ штата Вайоминга, и такъ какъ прямой делегатъ присутствовалъ самъ, ей и не пришлось принять участіе въ работѣ конвенціи; тѣмъ не менѣе, самый фактъ ея присылки и допущенія имѣетъ огромное значеніе. Заболѣй прямой делегатъ (ему слѣдовало бы заболѣть изъ любезности)—и эта женщина несомнѣнно участвовала бы въ конвенціи. Слѣдовательно, принципъ возможности женскаго делегатства былъ безмолвно допущенъ одною

изъ двухъ главныхъ политическихъ партій Союза, хотя она и не высказалась открыто въ этомъ направленіи въ своей національной платформѣ.

Исключая 7—8 штатовъ крайняго юга, бывшаго рабовладѣльческаго царства хлопка, гдѣ женскій вопросъ все еще спитъ, всѣ положительно штаты Союза, начиная съ Мэна на крайнемъ востокѣ и кончая Калифорніей на крайнемъ западѣ, разсуждаютъ, почти при всякомъ открытіи свѣжей легислатуры, о дарованіи женщинѣ права голоса по всѣмъ вопросамъ. Правда, сторонники этой мѣры на востокѣ до сихъ поръ неизмѣнно оставались въ меньшинствѣ; но меньшинство это несомнѣнно ростетъ и крѣпнетъ съ каждымъ годомъ повсюду, гдѣ оно разъ завелось, а на западѣ меньшинство это въ нѣкоторыхъ штатахъ уже успѣло обратиться въ большинство. Штатъ Вайомингъ былъ первымъ, легислатура котораго, два года тому назадъ, единогласно даровала женщинамъ полное право голоса на всѣхъ выборахъ. Согласно современнымъ законамъ этого штата, женщина можетъ быть, по избранію, не только его губернаторомъ, но и его представителемъ въ обѣихъ палатахъ конгресса Соединенныхъ Штатовъ; правда, этого еще не случилось на практикѣ, но право женщины быть выбранной несомнѣнно существуетъ, и если однажды женщина будетъ выбрана въ конгрессъ,—нѣтъ сомнѣнія, что она будетъ допущена и къ занятію въ немъ мѣста, такъ какъ конституція Соединенныхъ Штатовъ нигдѣ не упоминаетъ о мужчинѣ и женщинѣ, а всегда употребляетъ слово person,—въ буквальномъ переводѣ: особа, личность.

Всѣ, безъ исключенія, штаты запада давно допустили право женщины быть выбранной не только въ члены школьныхъ совѣтовъ, но и управляющими школьнымъ дѣломъ въ городахъ, графствахъ и штатахъ; женщина состоитъ такимъ управляющимъ въ штатѣ Монтанѣ, и весьма многія изъ нихъ—управляющими школъ городовъ и графствъ во многихъ мѣстностяхъ. Штатъ Канзасъ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, даровалъ право своимъ женщинамъ выбирать и выбираться во всѣ муниципальныя и другія общественныя должности. Исключая штатныхъ и федеральныхъ, и многія женщины въ этомъ штатѣ состоятъ уже членами городскихъ совѣтовъ, мэйорами и клерками. Одинъ городъ, съ тремя тысячами жителей, недавно отличился, избравъ исключительно женщинъ своими чиновниками, начиная съ мэйора и кончая полицейскими дозорными и патрульными; мѣстная газета утверждаетъ, что пьянство исчезло въ этомъ городѣ. Въ настоящую минуту національная ассоціація сторонниковъ женскаго

права голоса (Assossiation of women's suffrage) начала энергичную кампанію въ этомъ штатѣ въ пользу дарованія женщинѣ права голоса и въ штатныхъ и федеральныхъ выборахъ; ея ораторы наводнили Канзасъ отъ одного конца до другого, и нѣтъ никакого сомнѣнія, что будущей осенью легислатура согласится съ ихъ доводами, и Канзасъ окажется вторымъ послѣ Вайоминга штатомъ Союза, по времени признанія полной равноправности своего населенія. Пропаганда въ этомъ направленіи энергично ведется и во всѣхъ, остальныхъ штатахъ запада; Монтана, Айдахо, Орегонъ и Сѣверная Дакота уже готовы на существенныя реформы, и я лично не сомнѣваюсь, что, еще до наступленія будущаго столѣтія, на всемъ западѣ Соединенныхъ Штатовъ женщина будетъ пользоваться абсолютнымъ равенствомъ съ мужчиной.

Американки понимаютъ, что современный женскій костюмъ въ глазахъ мужчинъ несомнѣнно вредитъ женщинѣ довольно серьезно въ ея усиліяхъ завоевать большее поле дѣятельности и сравняться въ этомъ отношеніи съ мужчиной; а тутъ, какъ на зло, парижскіе законодатели моды стращаютъ человѣчество возвращеніемъ къ кринолинамъ шестидесятыхъ годовъ. Въ Америкѣ давно уже существуетъ лига реформы женскаго костюма; эта лига воспользовалась всемірнымъ женскимъ конгрессомъ въ Чикаго, и значительная часть его занятій была посвящена, и наибольшій интересъ былъ возбужденъ именно этой реформой, такъ какъ передовыя дѣятельницы женскаго движенія чувствуютъ, что такая реформа необходима, прежде чѣмъ онѣ могутъ разсчитывать повсемѣстно на существенный успѣхъ въ своихъ стремленіяхъ къ равноправности. Были предложены нѣсколько системъ: всѣ онѣ сводятся къ просторной блузѣ съ короткой юбкой и штиблетами, съ одной стороны, и восточной шемизеткѣ съ восточной же раздвоенной широкой юбкой, съ другой. На платформахъ женскихъ аудиторій въ Чикаго сторонницы этихъ реформъ ежедневно показываютъ и доказываютъ преимущества той или другой системы, и эти сборища привлекаютъ наибольшее число посѣтительницъ; на-дняхъ онѣ даже до того набили собой одну изъ залъ, что провалилась часть пола, и около 25 женщинъ оказались изувѣченными. Чѣмъ кончатся эти стремленія и приведутъ-ли они къ какимъ-нибудь практическимъ результатамъ — неизвѣстно; я лично полагаю, что женщинѣ давно пора подумать о болѣе удобной и здоровой одеждѣ, и что удачное разрѣшеніе этого щекотливаго вопроса больше чѣмъ что-либо другое подвинетъ ихъ впередъ. До тѣхъ

поръ, пока шляпки, ботинки, рюши и трюши будутъ составлять такую существенную часть женскаго бытія, мы, грубая половина человѣческаго рода, будемъ сомнительно покачивать головами, когда женщины говорятъ намъ о равноправности, такъ какъ туалетъ и забота о немъ отнимаютъ у нихъ слишкомъ много времени и отвлекаютъ слишкомъ значительную долю ихъ вниманія.

Переходя отъ вопроса о политической равноправности, изъ-за котораго теперь, съ большой надеждой на успѣхъ, ратуютъ американки, къ современной обыденной жизни, можно сказать, что въ этой сферѣ онѣ давно уже пользуются безусловной равноправностью. Всѣ тѣ стѣсненія, какими и до сихъ поръ окружены дѣвушки современной Франціи, Испаніи, Италіи и даже Россіи, давно не существуютъ въ Америкѣ. Дѣвушка здѣсь съ ранняго дѣтскаго возраста пользуется тою же безусловною свободою, что и мальчикъ, и ей открыты тѣ же пути къ образованію и совершенствованію. Всѣ общестевственныя школы, какъ низшія, такъ и среднія и высшія, словомъ, всѣ учебныя заведенія, содержимыя на общественный счетъ, открыты для обоихъ половъ безъ какихъ-бы то ни было ограниченій. Въ частныхъ школахъ востока и юга, въ немногихъ случаяхъ, существуютъ разница и раздѣленіе, особенно въ римско-католической средѣ, но школы эти играютъ такую незначительную роль въ дѣлѣ народнаго образованія въ Америкѣ вообще, такъ немногочисленны и такъ отступаютъ на задній планъ сравнительно съ публичными школами, что это раздѣленіе не можетъ имѣть никакого общаго значенія. Государство не признаетъ абсолютно никакой разницы между полами въ дѣлѣ народнаго образованія: здѣсь не существуетъ урѣзанныхъ учебниковъ, урѣзанныхъ курсовъ, урѣзанной науки для женщины. Раздѣленіе половъ въ школьномъ дѣлѣ, такъ обычное и естественное въ Старомъ свѣтѣ, не представляло бы собой ничего особенно существеннаго, еслибъ въ то же время раздѣленіе это не сопровождалось и разницей въ системѣ и объемѣ образованія. Здѣсь, въ Америкѣ, то, что знаетъ и долженъ знать мужчина, знаетъ и должна знать и женщина; нѣтъ учебниковъ и курсовъ для мальчиковъ, и учебниковъ и курсовъ для дѣвочекъ, требующихъ того же времени, но дающихъ совершенно различные уровни знанія. Съ того момента, какъ американскій мальчикъ и дѣвочка поступаютъ въ дѣтскій садъ или въ низшіе классы публичной школы, и до того, какъ они кончаютъ университетъ, они идутъ рядомъ, сидятъ на одной скамейкѣ, слушаютъ тѣ же лекціи, читаютъ тѣ же книги; между ними не дѣлается ни малѣйшей раз-

ницы, къ нимъ предъявляются одни и тѣ же требованія, они сдаютъ одни и тѣ же экзамены, получаютъ одни и тѣ же права, и несомнѣнно стоятъ на одной и той же степени развитія и высотѣ знанія. То, что доступно мальчику, доступно и дѣвочкѣ—и, кромѣ того, и по окончаніи курса, имъ открыты тѣ же дороги, тѣ же пути на житейскомъ полѣ битвы. Женщинамъ доступна и адвокатура, и священническая каѳедра (исключая, конечно, римско-католической религіи, которая, какъ и всегда и вездѣ, крѣпко держится своихъ традицій и въ Америкѣ), и профессорство всякаго рода, и докторская практика, и архитектура, и инженерное искусство (архитекторомъ женскаго зданія на всемірной выставкѣ въ Чикаго была молодая дѣвушка изъ Бостона). Я уже не говорю о бухгалтершахъ, кассиршахъ, клеркахъ, стенографисткахъ, телеграфисткахъ. Американскія женщины давно добились всего этого, добились не безъ борьбы, не безъ временныхъ неудачъ и лишеній, но, тѣмъ не менѣе, окончательно и навсегда:—никому въ Америкѣ въ настоящее время и въ голову не придетъ говорить не только противъ права женщинъ на всѣ эти занятія, на всѣ эти профессіи, но и противъ ихъ способности заниматься всѣмъ этимъ съ успѣхомъ.

Изъ этого, однако, не слѣдуетъ, что американская женщина, очертя голову, бросаетъ семью и отдается своей профессіи;—нѣтъ, можетъ быть, нигдѣ въ мірѣ домашній очагъ не сохранилъ такого значенія, какъ въ Америкѣ; но, тѣмъ не менѣе, если, въ случаѣ исключительнаго темперамента или неблагопріятныхъ семейныхъ условій, женщина окажется одиночкой, она имѣетъ полную возможность съ успѣхомъ заниматься чѣмъ ей угодно и заработывать себѣ средства къ существованію не только тѣмъ, что заблагоразсудилъ оставить на ея долю мужчина, а всѣмъ, къ чему она способна по своему образованію и развитію. Въ нѣкоторыхъ отрасляхъ труда женщина и теперь уже положительно предпочитается мужчинѣ. Въ школьномъ и воспитательномъ дѣлѣ ея превосходство едва ли можетъ быть оспариваемо. Девяносто процентовъ всѣхъ учителей въ Америкѣ—женщины, и процентъ этотъ увеличивается съ каждымъ годомъ. Во многихъ высшихъ школахъ весь персоналъ исключительно женскій. Еще только десять лѣтъ тому назадъ, хотя уже и допускали женщинъ учителями въ высшія школы, никто бы и не подумалъ назначить ихъ начальницами;—теперь же это совершенно заурядное явленіе. Въ нашемъ городѣ начальницей высшей школы состоитъ дѣвушка (у меня самого двое старшихъ дѣтей ходятъ въ эту

школу), я не разъ встрѣчался съ нею и убѣжденъ, что она какъ нельзя лучше соотвѣтствуетъ своему мѣсту:—школа ведется превосходно во всѣхъ отношеніяхъ, и я лично, привыкшій къ тому не то покровительственному, не то добродушно-снисходительному отношенію къ синимъ чулкамъ, которое какъ-то невольно, хотя и безобразно крѣпко прививается къ нашимъ россійскимъ интеллигентамъ, долженъ былъ радикально измѣнить свои взгляды въ этомъ отношеніи.

Читателю, конечно, хорошо извѣстно безусловное осужденіе, съ которымъ обыкновенно и вообще относятся европейскіе нравоописатели Америки къ той свободѣ отношеній между молодежью обоего пола, какой отличается Новый Свѣтъ, и къ видимой незначительности авторитета родительской власти въ этомъ отношеніи. Признаюсь откровенно, меня самого, воспитаннаго въ русской дворянской семьѣ, съ запахомъ остатковъ французскихъ вліяній крѣпостного времени, и до сихъ поръ невольно коробитъ иногда и эта свобода, и это отсутствіе авторитета. Ужасно трудно отрѣшиться отъ того, что срослось съ вами съ дѣтства, что всосалось въ вашу плоть и кровь, хотя и было когда-то принято на вѣру, безъ должнаго анализа,—а нашему брату, русскому дворянскому интеллигенту, съ его безобразнымъ воспитаніемъ и отвлеченнымъ міровоззрѣніемъ, здѣсь, въ Америкѣ, положительно на каждомъ шагу приходится именно отбрасывать части самого себя то тутъ, то тамъ, то по этому случаю, то въ виду такихъ-то соображеній и условій. Само собой разумѣется, эта внутренняя ломка дается не сразу и не легко; былые завѣты крѣпко, цѣпко держатся за ваше внутреннее *я*: больно ихъ выдирать оттуда, больно ихъ отбрасывать въ сторону, какъ ненужный хламъ, больно сознаваться, что вы отстали и должны измѣниться, чтобы приноровиться къ лучшимъ, высшимъ потребностямъ другой среды. Тѣмъ не менѣе, мнѣ пришлось-таки въ концѣ-концовъ сознаться, что здѣшнія формы общежитія въ этомъ отношеніи, не смотря на свою кажущуюся имморальность, несомнѣнно выше и чище тѣхъ, которымъ я когда-то поклонялся.

Оба пола въ Америкѣ неразлучны съ самаго нѣжнаго дѣтскаго возраста. Они вмѣстѣ и въ дѣтскомъ саду, и въ публичной школѣ, и въ университетѣ—вмѣстѣ не только во время уроковъ, но вмѣстѣ постоянно, сидятъ на одной скамейкѣ, вмѣстѣ идутъ въ школу и вмѣстѣ изъ нея возвращаются. Они вмѣстѣ и въ воскресной школѣ, и въ церкви, вмѣстѣ на всѣхъ школьныхъ и церковныхъ торжествахъ, вмѣстѣ въ уличныхъ процессіяхъ и вмѣстѣ на пикникахъ и

въ поѣздкахъ. Дѣти скоро обращаются въ молодыхъ людей и молодыхъ дѣвушекъ: юность здѣсь созрѣваетъ рано; въ пятнадцать лѣтъ и мальчики, и дѣвочки совершенно самостоятельны, идутъ куда имъ угодно, занимаются чѣмъ угодно, читаютъ и смотрятъ что угодно. Само собой разумѣется, что встрѣчаются и исключительные случаи, попадаются люди съ европейскими тенденціями; но такіе люди составляютъ рѣдкое исключеніе, а я говорю объ общемъ правилѣ. Въ виду того, что дѣти, такимъ образомъ, ростутъ вмѣстѣ, и, слѣдовательно, бóльшую часть дня проводятъ вмѣстѣ безъ всякаго контроля или надзора, странно было бы ставить препятствія къ ихъ сообществу и въ свободное отъ школьныхъ занятій время. Это ни къ чему бы не повело, и всѣ это понимаютъ;—всѣмъ очевидно, что смѣшно было бы ратовать противъ этого. Поэтому-то молодые люди и гуляютъ, и катаются, и отправляются на всевозможныя сборища, театры, на пикники вмѣстѣ, безъ всякаго спеціальнаго надзора, и это никого не удивляетъ и не шокируетъ, а считается не только естественнымъ и законнымъ, но и какъ бы само-собой разумѣющимся. Тѣмъ не менѣе, случаи разврата и соблазна, случаи незаконнаго сожительства и похищеній, сравнительно, чрезвычайно рѣдки,—несомнѣнно рѣже, чѣмъ въ Старомъ свѣтѣ. Законы относительно соблазна дѣвушки чрезвычайно строги и широки; присяжные неумолимы въ этомъ отношеніи, и дѣла такого рода рѣдко доходятъ до судовъ. Законъ позволяетъ незаконному ребенку отыскивать отца и даетъ право на участіе въ наслѣдствѣ во многихъ штатахъ; обѣщаніе жениться, заявленное суду дѣвушкой и не опровергнутое мужчиной, обыкновенно оканчивается присужденіемъ дѣвушкѣ всего, чего бы она ни попросила. Еще очень недавно богатый кофейный торговецъ Нью-Іорка, извѣстный всему Союзу по своимъ безчисленнымъ объявленіямъ, былъ присужденъ къ уплатѣ ста тысячъ долларовъ своей молоденькой конторщицѣ за любезности, которыя могли быть двусмысленно перетолкованы. Положительное отсутствіе какихъ-либо сословій или кастъ, а слѣдовательно, и кастовыхъ предубѣжденій и предразсудковъ, разумѣется, дѣлаетъ невозможнымъ неравенство молодежи въ этомъ отношеніи; состояніе родителей хотя и играетъ, конечно, извѣстную роль, тѣмъ не менѣе, въ виду всеобщаго относительнаго равенства и той сравнительной легкости, съ какой эти состоянія наживаются и проживаются, не можетъ также имѣть такого рѣшающаго значенія, какъ въ Старомъ свѣтѣ; словомъ, личности молодого человѣка и молодой дѣвушки, ихъ индивидуально-

сти, такъ сказать, имѣютъ гораздо бо́льшее значеніе, чѣмъ все остальное, взятое вмѣстѣ.

Если заглянуть поглубже въ сущность этого предмета, не трудно замѣтить, что въ основаніи его лежитъ не что иное, какъ довѣріе къ человѣческой натурѣ, къ человѣческому достоинству. Отношеніе американца къ человѣку вообще, а къ дѣтямъ и молодежи въ особенности, конечно, гораздо чище, гораздо, такъ сказать, гуманнѣе, чѣмъ тѣ же отношенія въ Старомъ свѣтѣ. Онъ довѣряетъ своей молодежи, думаетъ, что разъ она имѣетъ должное пониманіе добра и зла, она можетъ быть предоставлена самой себѣ, и ея собственное чувство сознанія того, что можно и чего нельзя, что естественно и дозволительно и что неестественно и нежелательно, предохранитъ ее гораздо лучше, чѣмъ какія бы то ни было гувернантки и дуэньи.

Мнѣ не хотѣлось бы, чтобы вы, читатель, читая эти строки, приняли меня за ограниченно-слѣпого идеалиста, не видящаго дальше своего носа и утѣшающагося иллюзіями; нѣтъ, я написалъ все это послѣ глубокаго и всесторонняго обсужденія, искренно вѣрю въ то, что написалъ, и думаю, что серьезное изученіе американскихъ нравовъ и не можетъ привести къ иному выводу. Мнѣ много разъ приходилось сталкиваться лицомъ къ лицу съ фактами этого рода, и послѣ двѣнадцати-лѣтняго пребыванія здѣсь, поднявъ свою собственную семью на американской почвѣ, я смѣло утверждаю, что только близорукость и неумѣнье понять и оцѣнить эти рѣзкія особенности Новаго свѣта закрываютъ глаза тѣмъ поверхностнымъ путешественникамъ, которымъ некогда вникнуть въ сущность извѣстнаго явленія; они смотрятъ на вещи съ своей собственной узкой точки зрѣнія и обманываютъ и самихъ себя, и своихъ читателей.

ПИСЬМО ПЯТОЕ.

31 мая (12 іюня).

Въ предыдущемъ письмѣ я не успѣлъ сказать всего, что хотѣлъ объ американской женщинѣ, и потому сдѣлаю сегодня маленькій post-scriptum.

Я упомянулъ о томъ недовольствѣ своей участью, которое проповѣдуется американкой при всякомъ удобномъ случаѣ. Я не знаю, чѣмъ сказывается это „святое недовольство“ въ современной рус-

ской женщинѣ:—ваша изящная литература, читатель, какъ-то неопредѣленна, блѣдна. Не знаю, какъ вы ее находите; но мнѣ, изъ моего прекраснаго далека, она представляется именно такою. Я знаю, чѣмъ выражалось это недовольство въ шестидесятыхъ и семидесятыхъ годахъ, часто сокрушался самъ и скорбѣлъ душой по поводу многихъ несообразностей; но я глубоко вѣрилъ, что это недовольство имѣло свои основанія, и тревожно метался, когда видѣлъ, какъ пропадали лучшія силы. Здѣсь, въ Соединенныхъ Штатахъ, это недовольство проявилось въ специфическихъ, характерныхъ, свойственныхъ исключительно Америкѣ, формахъ. Американкѣ нельзя было идти въ народъ, въ деревню; нельзя было „опроститься", какъ дѣлали это когда-то вкусившія отъ плода недовольства не только своей, но и общей участью, знакомыя мнѣ русскія женскія фигуры. Здѣсь нѣтъ ни народа, ни деревни, ни дамъ, ни бабъ,—существуетъ нація и женщина, lady. Это отсутствіе подраздѣленія на дамъ и бабъ чрезвычайно характерно и чувствуется иностранцемъ съ перваго раза; когда-то во Флоридѣ работавшій вмѣстѣ со мною негръ всегда сообщалъ мнѣ по понедѣльникамъ, что „the old lady", подразумѣвая свою старуху мать, пошла въ мой домъ для того, чтобы заняться недѣльной стиркой. Тѣмъ не менѣе, „святое недовольство" охватило американку еще въ шестидесятыхъ годахъ, и она бросала свой роскошный домъ на Сѣверѣ, бросала семью и шла на Югъ учить негровъ. Мадамъ Бичеръ-Стоу положила начало этому движенію, вызвала его къ дѣйствительной жизни своимъ знаменитымъ романомъ „Хижина дяди Тома"; затѣмъ подоспѣла междоусобная война 1861—1865 годовъ, и пилигримство женщины съ Востока на Югъ, преимущественно изъ богатыхъ штатовъ Новой Англіи, достигло своего апогея по окончаніи этой войны, пока южные штаты были заняты федеральными войсками. До освобожденія, рабы—негры содержались южными баронами въ совершенномъ невѣжествѣ; учить негра чему-либо, особенно грамотѣ, было воспрещено во всѣхъ рабовладѣльческихъ штатахъ законами, грозившими висѣлицей за всякое вмѣшательство со стороны бѣлаго человѣка въ пользу негра раба. По освобожденіи, положеніе ихъ было крайне неустановившееся, жалкое, такъ какъ они не были обезпечены въ самыхъ первыхъ своихъ потребностяхъ и первые годы рѣшительно не знали, что съ собой дѣлать. Женщины Сѣвера, многія изъ нихъ (можно даже сказать, значительное большинство) изъ богатыхъ, обезпеченныхъ семей, цѣлыми сотнями ѣхали въ захолустья Юга и отдавали тамъ самихъ

себя на служеніе безпомощному, невѣжественному негру, среди враждебнаго бѣлаго населенія, со скрежетомъ зубовнымъ относившагося къ незваннымъ пришельцамъ, всячески тормозившаго имъ дорогу и платившаго имъ презрѣніемъ и ненавистью за ихъ безкорыстное служеніе въ пользу угнетеннаго раба. Пока продолжался періодъ реконструкціи, и штаты Юга управлялись федеральными чиновниками подъ защитой постоянныхъ федеральныхъ военныхъ гарнизоновъ, сѣверныя учительницы негра имѣли защиту и покровительство. Югъ былъ усмиренъ, сломленъ и не смѣлъ открыто нападать на нихъ, хотя и устилалъ ихъ дорогу невидимыми терніями. Но, по мѣрѣ того, какъ гражданское самоуправленіе возстановлялось мало-помалу, федеральные чиновники и войска постепенно отзывались, и участь сѣверныхъ учительницъ дѣлалась невыносимой. Многія изъ нихъ погибли на югѣ; были случаи, когда доктора отказывались подавать имъ помощь, аптекари отказывались отпускать лѣкарства, а купцы — продавать свой товаръ. Южане вообще мстительны и коварны, и, казалось, не существовало ничего, чего бы не допускалъ ихъ моральный кодексъ, разъ дѣло касалось этихъ ненавистныхъ освободителей и учителей. Лѣтъ черезъ десять по окончаніи войны, вѣроятно, ни одной изъ этихъ учительницъ не осталось на Югѣ,—ихъ выжили (exterminate—таково было выраженіе, которое южанинъ прилагалъ къ ихъ исчезновенію); но онѣ сдѣлали свое дѣло, такъ какъ положили прочное основаніе обученію негра. И по настоящую минуту негръ на Югѣ совершенно отдѣленъ отъ бѣлаго населенія, живетъ совершенно отдѣльно, своими собственными поселками, имѣетъ свои отдѣльныя церкви и школы; но онъ уже самостоятеленъ и до извѣстной степени окрѣпъ, имѣетъ своихъ проповѣдниковъ и учителей, и то сѣмя, которое было посѣяно самоотверженными женщинами Сѣвера почти тридцать лѣтъ тому назадъ, начинаетъ приносить обильный плодъ.

Съ закрытіемъ возможности самопожертвованія на Югѣ, „святое недовольство“ американской женщины принуждено было искать другихъ выходовъ. Выходами этими оказались бѣдные кварталы большихъ городовъ, такъ называемые „slums“. Лондонскіе проповѣдники и лондонскія женщины дали американкамъ первый толчокъ въ этомъ направленіи. Slums Нью-Іорка, Филадельфіи, Бостона, Чикаго и другихъ большихъ, особенно приморскихъ, городовъ биткомъ набиты свѣжими европейскими эмигрантами, съ массами дѣтей, обыкновенно безъ знанія языка и часто безъ малѣйшихъ средствъ къ

существованію. Ирландцы, итальянцы, венгерцы, австрійскіе славяне, поляки, а въ послѣднее время и русскіе евреи сотнями тысячъ ежегодно прибываютъ въ Новый свѣтъ, и девять-десятыхъ этой жалкой, безпомощной, нищенской эмиграціи осаживается въ большихъ городахъ Союза, кое-какъ перебиваясь со дня на день и доставляя обширное поле общественной и частной благотворительности. Въ настоящее время slums всѣхъ большихъ городовъ систематически организованы; они раздѣлены на участки и аккуратно посѣщаются женщинами-членами разныхъ благотворительныхъ, образовательныхъ и воспитательныхъ обществъ. Помощь, ими подаваемая, начинается съ грудныхъ дѣтей, собираемыхъ ежедневно въ дѣтскіе пріюты, гдѣ ихъ обмываютъ, кормятъ, одѣваютъ, и кончается дряхлыми стариками и старухами, за которыми заботливо ухаживаютъ молодыя самаритянки, за отсутствіемъ на работѣ взрослыхъ членовъ семей.

Движеніе въ этомъ направленіи крѣпнетъ съ каждымъ годомъ; завелась уже особая литература предмета, и число молодыхъ адептовъ все ростетъ и ростетъ. Въ теченіе прошлаго года одинъ изъ наиболѣе видныхъ дѣятелей на этомъ поприщѣ помѣстилъ въ иллюстрированномъ журналѣ „Harpers Monthly Magazin“ цѣлую серію статей, съ описаніемъ и иллюстраціями slums Нью-Іорка, Чикаго и другихъ большихъ городовъ. Тысячи женщинъ и дѣвушекъ (многія изъ нихъ бросили для этого дѣла свои дома и семьи) работаютъ съ утра до вечера въ этихъ slums, и сотни тысячъ долларовъ собираются и изводятся ими въ этой работѣ.

Но и помимо этого внутренняго движенія, политическаго и общественнаго, въ теченіе настоящаго года женщинамъ суждено было занимать вниманіе американскаго народа больше обыкновеннаго. Какъ читателю, вѣроятно, извѣстно, въ январѣ мѣсяцѣ, совершенно неожиданно для внѣшняго міра, произошла мирная революція на Гавайскихъ островахъ, этомъ перлѣ Тихаго океана, имѣющемъ громадное значеніе для судоходства этого океана вообще. Королева Лиліукалани была смѣщена съ престола и замѣнена временнымъ правительствомъ, немедленно послѣ переворота пославшимъ спеціальное посольство въ Соединенные Штаты съ чрезвычайными полномочіями относительно присоединенія острововъ къ Союзу. У королевы оказалось очень немного приверженцевъ: переворотъ былъ признанъ населеніемъ безъ всякаго протеста, и состоявшій въ Гонолулу посланникомъ Соединенныхъ Штатовъ Стивенсъ немедленно

занялъ правительственныя зданія моряками съ находившагося на рейдѣ американскаго крейсера, поднялъ надъ ними флагъ Соединенныхъ Штатовъ и объявилъ протекторатъ Союза надъ островами. На рейдѣ въ то время не было ни одного англійскаго военнаго судна, что вообще случается довольно рѣдко, и Джонъ Булю пришлось признать совершившійся фактъ, хотя онъ и самъ давно уже точилъ зубы на архипелагъ. Японцы, два военныхъ судна которыхъ были на рейдѣ, заартачились-было,—но все кончилось безъ особенныхъ затрудненій. Германскій и французскій консулы признали переворотъ и временное правительство, и дѣло ожидало только окончанія переговоровъ посольства съ правительствомъ Соединенныхъ Штатовъ. Республиканская администрація Гаррисона живо сошлась съ посланниками, и президентъ внесъ въ сенатъ трактатъ о присоединеніи для ратификаціи. Между тѣмъ, подошло 4-ое марта, и республиканская администрація уступила мѣсто демократической, съ Кливелэндомъ во главѣ. Онъ отозвалъ Стивенса, послалъ на острова особаго уполномоченнаго Блунта изъ Джорджіи, который на другой же день спустилъ флагъ Соединенныхъ Штатовъ и объявилъ о прекращеніи протектората. Все это сдѣлалось такъ быстро и неожиданно, что большинство не успѣло и опомниться. Кливелэндъ съ успѣхомъ повторилъ свой маневръ 1885 года, когда онъ также прежде всего отозвалъ изъ сената разсматривавшійся въ немъ трактатъ президента Артюра съ правительствомъ Никарагвы относительно Никарагвскаго канала. Между тѣмъ, пресса Соединенныхъ Штатовъ, пославшая нѣсколькихъ спеціальныхъ корреспондентовъ на Гавайскіе острова немедленно по полученіи извѣстій о революціи, мало-по-малу выяснила общественному мнѣнію Союза, что свергнутая королева не имѣетъ подъ собой никакой почвы, и что ея возстановленіе на тронѣ немыслимо; зато сдѣлался общеизвѣстнымъ и тотъ фактъ, что прямой наслѣдницей престола состоитъ молодая дѣвушка, оканчивающая свое образованіе въ Англіи и предъявившая свои права на престолъ. Говорятъ, что еще до занятія Кливелэндомъ 4-го марта президентскаго кресла онъ уже велъ переговоры съ опекунами этой дѣвушки и согласился съ ними, что она посѣтитъ Союзъ въ своихъ интересахъ немедленно по перемѣнѣ администраціи. Такъ и случилось. Княжна пріѣхала изъ Англіи въ сопровожденіи своихъ опекуновъ, прожила съ ними около недѣли въ Вашингтонѣ, причемъ велись постоянные секретные переговоры, и затѣмъ вернулась въ Англію доканчивать свое образованіе, а не-

медленно по ея отъѣздѣ, флагъ Соединенныхъ Штатовъ въ Гонолулу былъ спущенъ, и переговоры о присоединеніи объявлены прерванными на неопредѣленное время. Пріѣхавшій, между тѣмъ, въ Вашингтонъ командиръ американскаго броненосца, капитанъ Вильце, поднявшій, по приказанію посланника Стивенса, флагъ Соединенныхъ Штатовъ надъ правительственнымъ зданіемъ въ Гонолулу, умеръ и передъ смертью объявилъ, что умираетъ отъ разбитаго сердца, такъ какъ его любимый флагъ, который никогда доселѣ не былъ спущенъ, былъ въ первый разъ въ исторіи Союза спущенъ по приказанію трусливаго президента, не имѣющаго понятія о величіи націи и о томъ посрамленіи, которое слѣдовало за такимъ спускомъ. Общественное мнѣніе Соединенныхъ Штатовъ, особенно Тихоокеанскаго побережья, тѣсно связаннаго съ Сандвичевыми островами торговыми интересами, единогласно высказалось за присоединеніе и противъ интригъ съ королевскимъ домомъ и его представителями (смерть Вильце подлила масла въ огонь); тѣмъ не менѣе, администрація Кливелэнда едва ли поступится традиціями демократической партіи, въ теченіе всей исторіи Союза всегда отличавшейся трусливостью и нежеланіемъ или неумѣніемъ воспользоваться обстоятельствами, дававшими возможность усилить вліяніе и значеніе Союза. Демократическая партія Тихоокеанскаго побережья, вѣроятно, сказала свое послѣднее слово на послѣднихъ выборахъ: она быстро распадается. И по настоящую минуту актъ Гири, не смотря на рѣшеніе верховнаго суда, остается мертвой буквой; администрація не только не принимаетъ никакихъ мѣръ для его исполненія, но и объявила неоффиціально, что, опасаясь политическихъ усложненій, не предприметъ ничего до тѣхъ поръ, пока не соберется будущій конгрессъ. Сами демократы кричатъ, что президентъ заслуживаетъ преданія суду за подобное отношеніе къ законамъ страны, слѣдить за исполненіемъ которыхъ составляетъ его важнѣйшую и прямую обязанность. Нерѣшительность и неумѣлость по поводу гавайскихъ дѣлъ также вызвали острую критику со всѣхъ сторонъ; нужно думать, что къ будущимъ выборамъ у демократовъ совсѣмъ не останется почвы подъ ногами на всемъ Тихоокеанскомъ побережьи.

Въ теченіе послѣднихъ недѣль вниманіе страны было привлечено визитомъ инфанты Евлаліи, сестры покойнаго испанскаго короля Альфонса, пріѣхавшей въ Союзъ представительницей испанскаго королевскаго дома на празднествахъ въ Чикаго, по поводу юбилея Колумба, въ отвѣтъ на приглашеніе конгресса этому дому. Ей пред-

шествовалъ прямой потомокъ Колумба въ мужской линіи, герцогъ Верагва, съ семействомъ и свитой. И инфанта, и герцогъ признаны гостями націи, и всѣ расходы, по ихъ пребыванію въ Союзѣ, приняты на свой счетъ федеральнымъ правительствомъ. Визитъ инфанты чуть-было не разстроился, и она, уже достигнувъ Кубы, едва не вернулась въ Испанію, благодаря недоразумѣніямъ относительно ея пріема. Этикетъ испанскаго двора чрезвычайно строгъ, и представители инфанты настаивали на извѣстныхъ формальностяхъ со стороны президента и правительства вообще въ теченіе визита инфанты въ Вашингтонѣ. Представители царствующихъ европейскихъ домовъ не часто посѣщаютъ Новый Свѣтъ, особенно въ своемъ оффиціальномъ положеніи; прецеденты въ этомъ отношеніи очень немногочисленны, такъ какъ, въ теченіе текущаго столѣтія, только принцъ Валлійскій, Е. И. В. великій князь Алексѣй Александровичъ и императоръ Бразильскій Донъ-Педро посѣтили Союзъ, и то безъ всякой помпы и безъ всякихъ требованій или предварительныхъ переговоровъ. На этотъ разъ представители инфанты требовали королевскихъ почестей, и такъ какъ президентъ союза—простой буржуа, безъ всякаго наслѣдственнаго престижа, настаивали, чтобы онъ первый сдѣлалъ визитъ инфантѣ по ея прибытіи въ Вашингтонъ, встрѣтилъ бы ее на вокзалѣ и т. д. Говорятъ, Кливелэндъ готовъ былъ сдаться,—сдаться не королевской крови, а женщинѣ; но республиканская кровь министра иностранныхъ дѣлъ Грэшама была не согласна на такія уступки, и визитъ инфанты былъ задержанъ на нѣсколько недѣль, благодаря этимъ недоразумѣніямъ. Въ концѣ-концовъ они были улажены согласіемъ правительства Соединенныхъ Штатовъ признать королевскую кровь инфанты и согласіемъ ея представителей считать президента Соединенныхъ Штатовъ на одной линіи съ коронованными особами Европы; сообразно этому компромиссу, былъ улаженъ церемоніалъ принятія инфанты въ Вашингтонѣ, который и былъ разыгранъ, какъ по нотамъ.

Вся пресса страны была занята обсужденіемъ самыхъ мельчайшихъ подробностей этого эпизода. Американцы въ этомъ отношеніи ужасно наивны — совершенно взрослыя дѣти. Обыкновенно, они смѣются надъ церемоніалами и этикетомъ Европы; но разъ дѣло коснулось визита инфанты, они съ необыкновенной серьезностью, самымъ добросовѣстнымъ образомъ занялись изученіемъ всего того, чѣмъ сопровождаются такіе визиты въ Европѣ, обсуждали ихъ на всякіе манеры, вкривь и вкось, часто совершенно невпопадъ, и за-

валили и Кливелэнда, и Грэшама своими совѣтами, что и какъ слѣдуетъ сдѣлать. Впрочемъ, инфанта оказалась очень любезной и милой особой, съумѣвшей понять и оцѣнить демократическій духъ страны; она отложила въ сторону, на время своего визита, чопорность и натянутость испанскаго двора и уже успѣла завоевать себѣ популярность—а это великое дѣло въ Америкѣ. Можно надѣяться, что ей будетъ очень весело и что она оставитъ пріятное о себѣ воспоминаніе, чего совсѣмъ не съумѣлъ достичь принцъ Валлійскій, и что, говорятъ, и помимо традицій, сдѣлало совершенно невозможнымъ вторичный визитъ съ его стороны.

Американцы вообще не долюбливаютъ англичанъ. Читателю, конечно, извѣстны историческія причины этой непріязни, и я не буду о нихъ распространяться; напомню только, что въ междоусобную войну 1861—1865 гг. непріязнь эта чрезвычайно обострилась, и что, и до настоящей минуты, сѣверные американцы не могутъ хладнокровно говорить о положеніи, принятомъ Англіей въ теченіе этой войны. Большинство англійскаго народа и англійское правительство того времени, особенно втайнѣ, безусловно симпатизировали конфедератамъ. Англичанинъ — торгашъ по существу, прежде всего и больше всего; кромѣ того, онъ завзятый фритредеръ, и, для поддержанія жизни его биткомъ-набитаго острова, ему необходимы иностранные рынки. Американскій протекціонизмъ ему не по нутру; возстаніе Юга давало ему блестящую надежду на открытіе американскаго рынка; онъ закрывалъ глаза на вопросъ о невольничествѣ и мечталъ о томъ, что неприступная стѣна американскаго тарифа распадется сама-собой, если Югъ одолѣетъ, и потому втайнѣ всячески поощрялъ его. Возстаніе было подавлено, Союзъ возстановленъ, и мечты англичанъ разлетѣлись, какъ мыльный пузырь; кромѣ того, имъ пришлось жестоко поплатиться за свое тайное сочувствіе. Возстановленный Союзъ привлекъ ихъ къ отвѣтственности за поощреніе и помощь конфедератскимъ крейсерамъ; третейскій судъ, созванный въ Европѣ, присудилъ пятнадцать милліоновъ долларовъ убытковъ американскимъ купцамъ, нанесенныхъ однимъ изъ конфедератскихъ крейсеровъ „Алабамой", относительно котораго было доказано, что онъ былъ построенъ и снаряженъ въ англійскомъ портѣ и пущенъ въ море, не смотря на протесты союзнаго посланника. Тѣмъ не менѣе, Джонъ Булль—въ несомнѣнномъ выигрышѣ, такъ какъ, благодаря этимъ крейсерамъ, совершенно уничтожилъ купеческій флотъ Союза, захватилъ въ свои руки всемір-

ную океанскую транзитную торговлю и всѣ ея барыши, крѣпко-на-крѣпко держитъ ихъ въ своихъ рукахъ и до сихъ поръ и ехидно, хоть и исподтишка, подсмѣивается при случаѣ надъ „дядей Самомъ“, который понимаетъ въ чемъ дѣло, угрюмо ворчитъ, но безсиленъ пока возвратить потерянное.

Британскія интриги противъ американскаго протекціонизма никогда не прекращались, и британское золото даетъ себя знать на всѣхъ американскихъ выборахъ,—правда, косвенными, но, тѣмъ не менѣе, дѣйствительными путями. Сотни и тысячи милліоновъ долларовъ англійскихъ денегъ находятъ себѣ помѣщеніе въ Соединенныхъ Штатахъ. Деньги такъ дешевы въ самой Англіи и приносятъ такіе незначительные проценты, что англійскій капиталъ постоянно ищетъ болѣе выгоднаго помѣщенія, и Соединенные Штаты, съ ихъ безконечными рессурсами, представляютъ особенно удобное поле для такого помѣщенія. Нѣтъ штата въ союзѣ, нѣтъ графства, нѣтъ города, гдѣ бы не пріютилось нѣсколько англійскихъ синдикатовъ, съ громадной денежной силой позади ихъ; эти англійскіе синдикаты скупаютъ земли, городскую поземельную собственность, рудники, промышленныя предпріятія, желѣзныя дороги—словомъ, все, что попадетъ подъ руки и обѣщаетъ барышъ. Въ апельсинномъ районѣ Флориды, въ лѣсахъ желтой сосны Джорджіи и Алабамы, въ большихъ денежныхъ центрахъ Востока, въ каменоломняхъ Мэна, въ угольныхъ и керосинныхъ залежахъ Пенсильваніи, въ преріяхъ Дакоты и Небраски, въ рудникахъ Айдахо и Монтаны, на пастбищахъ Нью-Мексико и Аризоны — словомъ, всюду натыкаешься на англійскіе синдикаты, на англійскія колоніи. Они обыкновенно держатся особнякомъ, не смѣшиваются съ мѣстнымъ населеніемъ и дѣйствуютъ силой своего золота. Американцы строго отличаютъ ихъ отъ эмигрантовъ другихъ національностей, крѣпко ихъ недолюбливаютъ, и легислатуры Запада постоянно и упорно стремятся къ ограниченію распространенія ихъ вліянія. Западъ настоялъ на томъ, что конгрессъ Соединенныхъ Штатовъ вынужденъ былъ издать свой Alien law, законъ о чужеземцахъ, воспрещающій иностраннымъ подданнымъ владѣть землей въ извѣстныхъ районахъ и направленный, въ сущности, исключительно противъ англичанъ, такъ какъ они являются единственной націей, которая, при переселеніи въ Америку, все-таки стремится къ обособленію и почти всегда удерживаетъ свое подданство. Этотъ законъ заставилъ десятки тысячъ англичанъ или продать свои поземельныя владѣнія въ Союзѣ,

или принять подданство Соединенныхъ Штатовъ. Тѣмъ не менѣе, даже сдѣлавшись подданными Союза, они не перестаютъ считать себя англичанами и дѣйствовать и вотировать сообразно интересамъ своей родины. Въ теченіе президентской кампаніи 1888 года огромное впечатлѣніе на весь Союзъ произвело опубликованіе письма нѣкоего Мурчисона, натурализованнаго гражданина Союза, но бывшаго англичанина, къ тогдашнему великобританскому послу въ Вашингтонѣ, сэру Саквиллю Весту, и отвѣта этого послѣдняго. Въ этомъ письмѣ Мурчисонъ за себя лично и за цѣлую колонію единомышленниковъ-англичанъ спрашиваетъ совѣта англійскаго посла—за кого имъ вотировать, за Кливелэнда или Гаррисона? При этомъ онъ прибавилъ, что они предполагаютъ вотировать исключительно въ интересахъ своей родины—Англіи. Вестъ прямо и откровенно отвѣчаетъ, что такъ какъ Кливелэндъ представляетъ собою свободу торговли, а Гаррисонъ—протекціонизмъ, то ни одинъ благомыслящій англичанинъ не долженъ ни на секунду задумываться, за кого ему вотировать, если онъ принимаетъ въ соображеніе интересы своей родины. Переписка эта вызвала чрезвычайно острое дипломатическое столкновеніе между правительствами Англіи и Соединенныхъ Штатовъ, хотя Кливелэндъ и былъ президентомъ; столкновеніе это повело за собой немедленное отозваніе Веста и дало многія тысячи голосовъ республиканскому тикету.

Извѣстно, что въ теченіе послѣднихъ тридцати лѣтъ, въ Америку переселилось ирландцевъ больше, чѣмъ ихъ насчитывается въ настоящее время въ самой Ирландіи. Девять-десятыхъ этой огромной эмиграціи осѣло и постоянно осѣдаетъ на востокѣ: въ Нью-Іоркѣ ирландцевъ на сто тысячъ больше, чѣмъ въ Дублинѣ. Ирландцы всегда принимаютъ подданство Союза, но такъ же обособляются, какъ и англичане, и, въ теченіе нѣсколькихъ поколѣній, считаютъ себя прежде всего ирландцами. Поэтому неудивительно, что всѣ волненія въ Ирландіи отзываются чрезвычайно сильно и въ Америкѣ. Прочно организованныя ирландскія лиги здѣсь процвѣтаютъ, и не будь ихъ и ихъ денежной помощи, ирландская агитація не могла бы, по всей вѣроятности, бороться такъ успѣшно и долго противъ британскаго ига. Home rule и всѣ его подробности обсуждаются и дебатируются здѣсь съ необыкновеннымъ оживленіемъ, и весь американскій народъ принимаетъ живѣйшее участіе въ современной англійской парламентской борьбѣ. Ирландецъ вообще неуклюжъ, грубъ и, вмѣстѣ съ итальянцами и венгерцами, занимаетъ на Востокѣ мѣ-

сто негра на Югѣ и китайца на Западѣ; но онъ въ то же время упрямъ и чрезвычайно послѣдователенъ въ борьбѣ съ своимъ вѣчнымъ утѣснителемъ, англичаниномъ, и переноситъ съ собой эту борьбу и на американскую почву. Повсюду въ Союзѣ англичане и ирландцы живутъ, какъ кошка съ собакой, и симпатіи американскаго народа всегда и вездѣ—съ ирландцемъ.

ПИСЬМО ШЕСТОЕ.

14-го (26-го) іюня.

Финансовый разгромъ.

I.

Давно уже въ Америкѣ деньги не были такъ *зажаты*, какъ зажаты онѣ въ настоящее время. Tight money—спеціальное американское выраженіе, которое я нахожу нелишнимъ разъяснить подробнѣе. Въ буквальномъ переводѣ оно значитъ именно „зажатыя деньги“ и чрезвычайно характерно передаетъ значеніе выраженія. Сѣверо-Американскіе Штаты—страна крайне богатая,—богатая не только своими продуктами и произведеніями, но и деньгами, золотомъ и серебромъ. Циркуляція денежныхъ знаковъ всякаго рода въ Союзѣ въ нѣсколько разъ значительнѣе, чѣмъ въ какомъ бы то ни было европейскомъ государствѣ, такъ какъ девять-десятыхъ всѣхъ промышленныхъ предпріятій и бо́льшая половина торговыхъ представляютъ собою не индивидуальное имущество частныхъ лицъ, а собственность корпорацій, и потому являются на денежномъ рынкѣ не въ формѣ неудобныхъ къ обращенію купчихъ крѣпостей, а въ видѣ безымянныхъ акцій, обращающихся въ обыкновенное время со всѣми удобствами наличныхъ денегъ. Тѣмъ не менѣе, отношеніе собственно денежныхъ знаковъ въ дѣйствительномъ обращеніи къ цѣнностямъ всякаго другого рода должно находиться въ извѣстномъ равновѣсіи: какъ только золото начинаетъ „зажиматься“, и это естественное отношеніе нарушается, такъ всѣ другія цѣнности начинаютъ понижаться въ цѣнѣ, и наличныя деньги дѣлаются все дороже и дороже. Крайне спекулятивная натура американца, одна изъ самыхъ отличительныхъ особенностей націи, гонитъ его неустанно впередъ и впередъ, заставляетъ его закладывать одно имущество,

чтобы получить возможность принять участіе въ чемъ-нибудь новомъ; каждый дѣловой человѣкъ непремѣнно заинтересованъ въ нѣсколькихъ, иногда въ нѣсколькихъ десяткахъ предпріятій, часто въ разныхъ концахъ Союза и по самымъ разнообразнымъ отраслямъ человѣческой дѣятельности. Какой-нибудь торговецъ краснымъ товаромъ въ Чикаго или Санъ-Луисѣ, какой-нибудь докторъ или адвокатъ въ Цинциннати оказываются и пайщиками въ серебряныхъ рудникахъ Аризоны или Невады, и участниками въ какомъ-нибудь мореходномъ суднѣ, и владѣльцами фруктоваго ранча въ Калифорніи, и т. д. Вашъ покорный слуга владѣетъ и $^{3}/_{5}$ паровой прачешной, и половиной оптовой торговли земледѣльческими продуктами, и акціями въ двухъ банкахъ, акціями желѣзныхъ дорогъ во Флоридѣ, состоитъ членомъ торговой палаты своего города, членомъ ассоціаціи паровыхъ прачешныхъ Тихо-океанскаго побережья и южной Калифорніи, и т. д. и т. д. Эта общность и въ то же время разбросанность экономическихъ интересовъ связываетъ всю страну самыми существенными цѣпями, и малѣйшія пертурбаціи въ одномъ углу мгновенно отзываются во всѣхъ другихъ: разъ business, то-есть дѣла всякаго рода, застаивается въ одной мѣстности,—вызывается застой и въ другихъ. Разъ довѣріе къ существующему status quo поколеблено,—все новое останавливается, и дѣловые люди „зажимаютъ“ деньги, вмѣсто того чтобы пускать ихъ въ оборотъ, нарушая такимъ образомъ необходимое равновѣсіе.

Побѣда демократовъ на выборахъ 1892 года, выборъ Кливелэнда, признаннаго вожака фритредеровъ, національная платформа демократической партіи по поводу протекціонизма—все это, вмѣстѣ взятое, вызвало крайнюю неопредѣленность всякаго мануфактурнаго дѣла, и особенно тѣхъ, самое существованіе которыхъ зависитъ отъ тарифа, такъ какъ не будь его,—конкурренція съ дешевымъ, рабскимъ трудомъ Европы была бы совершенно немыслима. Эти причины имѣли болѣе общее вліяніе на всю страну, на всѣ ея уголки, чѣмъ что-либо другое, и потому подрывъ довѣрія оказался болѣе распространеннымъ, чѣмъ когда-либо со временъ финансоваго кризиса 1873 года, 20 лѣтъ тому назадъ. Началось дѣло съ громадныхъ консолидированныхъ промышленныхъ предпріятій, акціонеры которыхъ считаются десятками тысячъ и распредѣлены по всему Союзу. Уже въ декабрѣ мѣсяцѣ прошлаго года вызванное къ жизни биллемъ Макъ-Кинлея жестяное производство, никогда прежде не могшее основаться въ Америкѣ вслѣдствіе конкурренціи Валлиса,

было вынуждено не только сократить свое дѣло, но и совсѣмъ остановить его во многихъ мѣстностяхъ: цѣны заколебались до того, что было неблагоразумно продолжать производство при рискѣ отмѣны тарифа. За жестянымъ дѣломъ, раззорившимъ тысячи людей, послѣдовали и другія промышленныя отрасли, и въ маѣ обнаружился крахъ національной веревочной компаніи, National Cordage Co., сразу понизившій рыночную стоимость собственности, какъ этой компаніи, въ видѣ многочисленныхъ фабрикъ и товара, такъ и другихъ сродныхъ ей учрежденій, на цѣлыя 200 милліоновъ долларовъ. Этотъ крахъ немедленно вызвалъ пониженіе цѣнностей и массы другихъ промышленныхъ предпріятій, пониженіе отъ 10 до 50 и даже до 75%; а такъ какъ большая часть этихъ акцій была заложена владѣльцами въ банкахъ, то эти послѣдніе потребовали отъ заложившихъ ихъ дополнительныхъ залоговъ, по мѣрѣ того, какъ стоимость имѣвшихся у нихъ въ рукахъ уменьшалась. Деньги же были „зажаты" тѣми, кто ими располагалъ, и извлекались изъ банковъ все быстрѣе и быстрѣе, по мѣрѣ возростанія нодовѣрія. Произошло громадное волненіе, вызвавшее сотни и тысячи банкротствъ во всѣхъ концахъ Союза. Банки, не могшіе реализировать своихъ рессурсовъ, отданныхъ взаймы людямъ подъ залогъ цѣнностей, стоимость которыхъ внезапно упала, и принужденные уплачивать безсрочные вклады по предъявленіи, лопались одинъ за другимъ; въ теченіе послѣдняго мѣсяца газеты были полны извѣстіями объ этихъ банкротствахъ, во всѣхъ положительно штатахъ, иногда по цѣлой дюжинѣ и даже болѣе въ одинъ день. Вклады on call въ національные банки Союза, въ теченіе послѣднихъ трехъ мѣсяцевъ, упали на цѣлые 700 милліоновъ долларовъ. Вся эта масса денегъ „зажата" владѣльцами, не довѣряющими ни банковымъ учрежденіямъ, ни торговымъ или промышленнымъ предпріятіямъ и предпочитающими держать ее въ видѣ золотой монеты до лучшихъ временъ. Люди, бывшіе вчера богачами, оказались сегодня нищими; промышленныя предпріятія, стоившія милліоны, переходятъ ежедневно въ руки назначаемыхъ судами пріемщиковъ, закрываются и прибавляютъ свою долю къ общему застою. Въ то же время иностранные помѣстители денегъ въ Америкѣ, преимущественно англичане и голландцы, тоже испугались и пустились добывать свои деньги обратно; каждый трансатлантическій пароходъ увозитъ нѣсколько милліоновъ долларовъ золота въ Европу, и золотой резервъ казначейства Соединенныхъ Штатовъ, уже двадцать лѣтъ не спу-

скавшійся ниже 200 милліоновъ долларовъ золотой монетой, спустился въ три мѣсяца до 90 милліоновъ и все еще постоянно понижается. Еще три мѣсяца тому назадъ, президентъ Кливелэндъ, когда его вниманіе было обращено на начинавшійся уже тогда ненормальный отливъ золота въ Европу, съ самоувѣренностью, достойною лучшаго дѣла, публично заявилъ, что опасности не существуетъ до тѣхъ поръ, пока золотой резервъ казначейства Соединенныхъ Штатовъ не опустился ниже 100 милліоновъ; и такимъ образомъ самъ установилъ сигналъ опасности; въ настоящій моментъ этотъ резервъ ниже опредѣленнаго имъ самимъ предѣла на цѣлые 10 милліоновъ.

Всеобщее недовѣріе, проявившееся сначала въ Wall street, этомъ финансовомъ пульсѣ страны, распространилось мгновенно по всему Союзу. Всѣ штаты запада поддались этой паникѣ. Огайо, Индіана, Иллинойсъ, Висконсинъ, Минезона, весь сѣверо-западъ— всѣ считаютъ лопнувшіе банки десятками, и въ настоящую минуту совершенно неизвѣстно, на чемъ остановится эта финансовая пертурбація. Самыя солидныя банковыя учрежденія не въ состояніи противиться силѣ обстоятельствъ; банки съ активами, превышающими пассивы вдвое и даже втрое, лопаются, какъ мыльные пузыри, такъ какъ вкладчики требуютъ золотую монету, а должники не въ состояніи уплатить своихъ долговъ, по невозможности перезаложить свои залоги, свои цѣнности гдѣ-либо въ другомъ мѣстѣ, потому что стоимость этихъ цѣнностей сдѣлалась неопредѣленной и проблематичной. Въ моментъ такихъ паникъ, такого всеобщаго недовѣрія, только золотая монета да правительственныя облигаціи и имѣютъ опредѣленную цѣнность—все остальное обѣгается денежными людьми, и даже земельная собственность, до извѣстной степени, теряетъ свои залоговыя способности. Всякій спѣшитъ реализировать, то-есть обратить свои цѣнности въ наличныя деньги; не только спекулятивныя бумаги, имѣющія двѣ стоимости (одну дѣйствительную, другую фиктивную, продуктъ спекуляціи), но и солидныя облигаціи и акціи самыхъ лучшихъ желѣзныхъ дорогъ, телеграфовъ, газовыхъ и страховыхъ обществъ страдаютъ больше или меньше, смотря по тому, обращено на нихъ общественное вниманіе или нѣтъ. Паденіе на 10, на 20, даже на 50% въ 24 часа является обычнымъ дѣломъ. Ничто, кажется, не перемѣнилось: дѣла общества или компаніи совершенно въ томъ же положеніи, что и прежде, ихъ доходность не убавилась, все имущество то же, что было и

вчера; а цѣнность бумагъ, представляющихъ собою предпріятіе, упала наполовину, и если владѣльцы ихъ не въ состояніи заткнуть чѣмъ-нибудь другимъ образовавшуюся такимъ образомъ дыру, бумаги эти летятъ за бортъ съ аукціона и разоряютъ и банки, и владѣльцевъ.

Это паденіе цѣнностей характеризуется особымъ терминомъ—shrinkage (буквально—ссѣданіе; to shrink—ссѣдаться въ приложеніи, напримѣръ, къ сохнущему сѣну или ссѣдающейся послѣ стирки фланелевой рубашкѣ), и какъ и вообще въ англійскомъ языкѣ, слово превосходно передаетъ самое понятіе. Опытные финансисты нью-іоркской акціонерной биржи высчитываютъ, что за истекшій май мѣсяцъ стоимость обращающихся на ней бумажныхъ цѣнностей всякаго рода ссѣлась на сумму свыше билліона долларовъ; ожидаютъ, что ссѣданіе будетъ продолжаться, и такъ какъ оно идетъ скачками, перепрыгивая отъ одного рода цѣнностей къ другому, возвращаясь совершенно неожиданно и аттакуя тѣ же цѣнности нѣсколько разъ, благодаря какому-нибудь слуху или банкротству въ неожиданномъ районѣ или неожиданной отрасли, то и невозможно предвидѣть, кто и что можетъ пострадать завтра или на будущей недѣлѣ.

Само собою разумѣется, что производства, наиболѣе зависящія отъ существующаго тарифа, страдаютъ болѣе всего остального. Сахаръ пострадалъ чуть-ли не больше всего, и сахарный trust и представляющія его цѣнности уже испытали shrinkage на десятки милліоновъ долларовъ. Мало того, само производство сахара понесло уже непоправимую потерю. Билль Макъ-Кинлея, допустивъ безпошлинный привозъ необработаннаго сахара изъ странъ, заключившихъ трактаты взаимности съ Союзомъ, въ то же время назначалъ федеральную субсидію, въ два цента на фунтъ, за весь сахаръ, который будетъ произведенъ въ Союзѣ, и наложилъ совершенно запретительныя пошлины на всѣ роды обработаннаго сахара. Немедленнымъ послѣдствіемъ этого было паденіе цѣнъ на сахаръ съ 10 центовъ за фунтъ до 6 и даже 5½ въ розницу; въ то же время совершенно было упавшее производство тростниковаго сахара было возрождено субсидіей; сотни тысячъ акровъ въ штатахъ Флоридѣ и Луизіанѣ осушены изъ непроходимыхъ болотъ, и цвѣтущее производство, дающее работу сотнямъ тысячъ рукъ, возникло какъ бы по волшебству тамъ, гдѣ еще наканунѣ не было ничего, кромѣ убійственныхъ міазмовъ тропическихъ болотъ. Плантаціи и заводы

Дисстона въ южной Флоридѣ хорошо мнѣ знакомы; превращеніе озеръ и болотъ Киссими въ плодороднѣйшія земли въ мірѣ совершилось на моихъ глазахъ четыре года тому назадъ, и я же выстроилъ тамъ желѣзнодорожную линію. Кромѣ того, до введенія билля Макъ-Кинлея, существовалъ только одинъ значительный рафинадный заводъ во всѣхъ Соединенныхъ Штатахъ, именно Хавемейера въ Нью-Іоркѣ; съ его введеніемъ десятки ихъ были устроены во всѣхъ концахъ Союза. Вышеупомянутый Дисстонъ построилъ самый обширный, говорятъ, во всемъ мірѣ заводъ для тростниковаго сахара во Флоридѣ; Спекльсы, сахарные короли Союза, владѣющіе почти всѣмъ производящимъ сахаръ райономъ Гавайскихъ острововъ и вообще рафинировавшіе свои продукты въ Гонолулу, перевели свои заводы въ Балтимору и Филадельфію,—словомъ, въ какіе-нибудь три года Соединенные Штаты не только стали производить чуть-ли не цѣлую половину всего потребляемаго ими сахару, но и рафинировать его весь, и въ то же время цѣны на него для всеобщаго потребленія упали на цѣлые 45%. Свѣдущіе люди утверждаютъ, что если настоящія условія тарифа и субсидіи будутъ продолжены лѣтъ на пять,—производство и очищеніе сахара будутъ доведены до такихъ размѣровъ и совершенства, что Соединенные Штаты окажутся вполнѣ независимыми отъ другихъ странъ относительно этой, одной изъ самыхъ существенныхъ необходимостей обыденной жизни. Тѣмъ не менѣе, едва-ли на это можно разсчитывать: демократы врядъ-ли успокоятся, пока не нанесутъ смертельныхъ ранъ и этому производству.

II.

Финансовая паника дошла, наконецъ, и до Тихоокеанскаго побережья, и нашъ городъ, въ теченіе прошлой недѣли, пережилъ одну изъ самыхъ характерныхъ финансовыхъ горячекъ. Уже въ прошлый понедѣльникъ дѣловыя улицы были запружены народомъ больше обыкновеннаго. Хотя онѣ, въ теченіе дѣлового дня, ежедневно бываютъ биткомъ набиты, тѣмъ не менѣе, для опытнаго глаза было ясно необычное оживленіе, особенно около нѣкоторыхъ банковъ. Въ нашемъ городѣ восемнадцать банковъ,—десять коммерческихъ и восемь сберегательныхъ, — и къ 1-му іюня вклады въ нихъ простирались до громадной суммы въ 16 милліоновъ долларовъ. Немногія статистическія данныя будутъ теперь особенно кстати: —

онѣ дадутъ ясное понятіе о нашемъ феноменальномъ богатствѣ, о нашемъ развитіи, о нашихъ неисчерпаемыхъ рессурсахъ.

По центу 1890 года, шесть южныхъ графствъ штата Калифорніи, на югъ отъ горнаго хребта Техачеспай, составляющихъ собственно южную Калифорнію, вмѣщали 250 тысячъ жителей обоего пола, то-есть равнялись населенію нѣкоторыхъ большихъ русскихъ уѣздовъ центральной полосы. 48% этого населенія живетъ въ городахъ, 52%—на фермахъ. 36 банковъ, изъ нихъ 14 сберегательныхъ, работаютъ въ южной Калифорніи для удовлетворенія финансовыхъ потребностей этого населенія; ихъ капиталъ простирается до 15 милліоновъ, а вклады разнаго рода, срочные и безсрочные, достигаютъ громадной суммы въ 24 милліона долларовъ. Банки эти четырехъ родовъ: національные, штатные, частные и сберегательные. Національные банки Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ получаютъ свою хартію отъ федеральнаго правительства, подлежатъ однимъ и тѣмъ же правиламъ по всему Союзу и пользуются правомъ, представивъ мѣстному федеральному казначею залоги въ формѣ государственныхъ облигацій по номинальной цѣнѣ (теперь 3% стоятъ 125, 4%—170 долларовъ за сотню), выпускать ассигнаціи, которыя обращаются по всему Союзу наравнѣ съ федеральными сертификатами на звонкую монету и представляютъ собою, вмѣстѣ съ этими послѣдними, бумажныя деньги Союза, такъ-называемыя greenbacks, зеленыя спинки, по цвѣту ихъ задней стороны. Эти банки подчинены федеральному контролю; банковые ревизоры, состоящіе въ распоряженіи министра финансовъ, постоянно ѣздятъ по всему Союзу и ревизуютъ состояніе этихъ банковъ и въ извѣстные сроки, и внезапно. Національные банки обязаны всегда имѣть налицо, по крайней мѣрѣ, 25% общей суммы всѣхъ вкладовъ; кромѣ того, каждое первое число каждаго мѣсяца они должны публиковать во всѣхъ мѣстныхъ газетахъ свой балансъ, съ удостовѣреніями подъ присягой президента, кассира и двухъ директоровъ банка, что этотъ балансъ вѣренъ. Штатные банки получаютъ свою хартію отъ штата и подлежатъ штатному контролю; они не имѣютъ права выпускать ассигнацій или какихъ-либо другихъ денежныхъ знаковъ, ревизуются ревизорами штата и подлежатъ штатнымъ узаконеніямъ, чрезвычайно разнообразнымъ. Штатъ Калифорнія, напримѣръ, требуетъ отъ нихъ содержанія налицо не меньше 15% всѣхъ вкладовъ, тогда какъ штатъ Нью-Іоркъ требуетъ 25%, а штатъ Сѣверная Каролина совсѣмъ не ограничиваетъ ихъ въ этомъ отношеніи. Въ

національныхъ банкахъ директоры и акціонеры не отвѣтственны лично своимъ имуществомъ передъ вкладчиками за ихъ вклады; въ нѣкоторыхъ штатныхъ, какъ напр. въ Калифорніи, президентъ, директоры и акціонеры отвѣчаютъ всѣмъ своимъ имуществомъ за цѣлость каждаго цента вкладовъ.

Само собой разумѣется, что, съ легальной точки зрѣнія, въ штатѣ Калифорніи національные банки выгоднѣе для акціонеровъ, а штатные—для вкладчиковъ, и что, казалось бы, у національныхъ банковъ не можетъ быть шансовъ на успѣхъ; но въ дѣйствительности это далеко не такъ. Во-первыхъ, въ Америкѣ личный кредитъ, личное довѣріе ставится выше всего остальнаго, т.-е. лицо, къ которому публика имѣетъ личное довѣріе, получитъ вклады, завѣдуетъ-ли оно національнымъ банкомъ или штатнымъ, а во-вторыхъ, сношенія національныхъ банковъ съ банками другихъ штатовъ гораздо легче и удобнѣе, чѣмъ сношенія штатныхъ, особенно на дальнихъ разстояніяхъ, такъ какъ вся страна знаетъ федеральный законъ о національныхъ банкахъ и условія ихъ существованія, а штатные законы очень разнообразны, часто мѣняются легислатурами, иногда подъ впечатлѣніемъ минуты, и уставы и узаконенія, регулирующіе ихъ въ одномъ штатѣ, иногда прямо противоположны обычаямъ и освященнымъ временемъ условіямъ другого. Въ виду этого, въ нашемъ, напримѣръ, городѣ, гдѣ изъ числа коммерческихъ банковъ пять національныхъ и пять штатныхъ, публика вообще не дѣлаетъ между ними различія; и каждый изъ нихъ пользуется общественнымъ довѣріемъ исключительно сообразно популярности и личнымъ качествамъ завѣдующихъ ими людей. Частные банки все больше и больше вытѣсняются; удержались они только въ самыхъ маленькихъ городахъ, гдѣ ни національному, ни штатному банку, капиталъ которыхъ не можетъ быть меньше 50 тысячъ долларовъ, нѣтъ достаточнаго простора, или гдѣ ихъ владѣльцы пользуются почему-либо особеннымъ довѣріемъ и популярностью; ведутся они, какъ и всякое другое коммерческое предпріятіе, и держатся исключительно личнымъ кредитомъ и вліяніемъ своихъ хозяевъ.

Сберегательные банки (Savings banks) обставлены обыкновенно чрезвычайно тщательно. Они, по существу, тоже штатные банки, но требованія закона къ нимъ обыкновенно гораздо строже, чѣмъ къ коммерческимъ банкамъ, такъ какъ предполагается, что дѣловые люди, преимущественно пользующіеся коммерческими банками, могутъ гораздо успѣшнѣе сами оградить свои денежные интересы, чѣмъ

фермеры и ремесленники, для которыхъ банкъ нуженъ не какъ ежедневное учрежденіе, а только какъ вѣрный хранитель ихъ сбереженій; вклады въ нихъ всегда срочные, и размѣры процентовъ зависятъ отъ сроковъ и условій вкладовъ.

Къ концу позапрошлой недѣли финансовое напряженіе на востокѣ и въ центрѣ Союза дошло до крайнихъ предѣловъ. Отливъ золота и заграницу, и во внутренность страны все продолжался; дошло до того, что нью-іоркскіе банки вынуждены были обратиться къ выпуску сертификатовъ нью-іоркскаго Clearing house'а,—мѣра чрезвычайная, къ которой Wall street доселѣ обращался два раза со времени учрежденія Clearing house'а. Это финансовое напряженіе, быстро переходя съ востока на западъ, дошло и до Калифорніи, и на запрошлой недѣлѣ съ полдюжины банковъ въ разныхъ мѣстностяхъ штата должны были запереть свои двери. Какъ я уже сказалъ, въ понедѣльникъ на прошлой недѣлѣ возбужденіе это добралось и до нашего города. Передъ многими банками стояли цѣлыя толпы, и цѣлый день золото неудержимо текло изъ нихъ. Громадное большинство вкладчиковъ, вынимая свои деньги, не знали, что съ ними дѣлать; держать дома небезопасно, положить въ какой-нибудь другой банкъ страшно. При многихъ банкахъ существуютъ особыя учрежденія, ящики въ ихъ склепахъ, отдаваемые частнымъ лицамъ въ аренду для помѣщенія драгоцѣнностей и бумагъ; у каждаго ящика два ключа: одинъ у чиновника банка, завѣдующаго этимъ отдѣленіемъ, другой—у нанимателя. Въ теченіе понедѣльника всѣ такіе ящики во всѣхъ банкахъ, оставшіеся незанятыми, были наняты, и золото изъ банковъ полилось въ эти ящики, и такимъ образомъ вынималось изъ обращенія и „зажималось" на глазахъ у всѣхъ.

Во вторникъ дѣловыя улицы были запружены народомъ съ ранняго утра. Банки открываются здѣсь въ 10 часовъ утра и закрываются въ 3 пополудни—время это опредѣлено особымъ закономъ, и только въ эти часы дѣлаются денежныя дѣла. Ко времени открытія передъ дверями цѣлаго десятка банковъ были огромныя толпы, располагавшіяся хвостами сообразно времени прибытія каждаго. Полиція предвидѣла, что будутъ runs на многіе банки, и у дверей каждаго были 2 — 3 полисмэна, не дававшихъ толпѣ скопляться и строго слѣдившихъ за порядкомъ. Всѣ банки открылись во-время; но уже къ полудню два изъ нихъ, слабѣйшіе по рессурсамъ, вынуждены были закрыть двери. Это извѣстіе мгновенно облетѣло весь

городъ и подлило масла въ огонь. Къ часу пополудни толпы вкладчиковъ передъ полудюжиной банковъ на главной улицѣ города выросли до такихъ размѣровъ, что вся улица была сплошь запружена, и всякое сообщеніе остановилось на ней. Полиція скоро возстановила порядокъ, но банки затрещали. Страннѣе всего было то, что, главнымъ образомъ, напирали именно на сильнѣйшіе, старѣйшіе, наиболѣе солидные банки. Два изъ нихъ, съ милліонными капиталами, милліонными запасами и съ двумя-тремя милліонами вкладовъ, страдали болѣе всѣхъ другихъ. Всѣ ихъ наличныя силы, включая президентовъ и бухгалтеровъ, выдавали деньги вкладчикамъ, и десятки и сотни тысячъ долларовъ золотой монеты быстро переходили изъ ихъ рукъ въ руки толпы. Всѣ банки выдержали до 3-хъ часовъ; но, не смотря на очевидную, казалось, ихъ способность удовлетворить всѣмъ требованіямъ, не смотря на воззванія ихъ чиновниковъ къ толпѣ, она все росла и упорно требовала своихъ денегъ. Казалось, всѣ потеряли голову. Красныя, возбужденныя лица, сердитыя женщины, съ волненіемъ жестикулирующіе мужчины, всѣ съ вкладными книжками въ рукахъ, звукъ пересчитываемаго золота, глухой говоръ опасности за свои сбереженія, иногда за все состояніе—все это представляло разительную картину. Нѣсколько банковъ какъ-то остались совсѣмъ въ сторонѣ: около нихъ не было ни толпы, ни возбужденія, они просто дѣлали свое обычное ежедневное дѣло. Что личный кредитъ въ Америкѣ имѣетъ чрезвычайно важное, первостепенное значеніе во всякомъ дѣлѣ, лучше всего выяснилось именно этимъ различіемъ, которое было безсознательно сдѣлано этой возбужденной толпой. Она не ошиблась ни въ одномъ отдѣльномъ случаѣ. Нетронутыми оказались именно банки съ наиболѣе консервативнымъ, осторожнымъ управленіемъ.

Въ среду утромъ толпа на улицахъ еще увеличилась. Въ ея рядахъ замѣчалось множество фермеровъ, незамѣтныхъ вчера. До нихъ вѣсти о происходившемъ не успѣли дойти раньше вторника, и многіе изъ нихъ ѣхали цѣлую ночь, чтобы поспѣть во-время. Къ 11-ти часамъ утра еще четыре банка, одинъ за другимъ, были вынуждены закрыть свои двери; между ними—одинъ изъ самыхъ большихъ, съ рессурсами въ 4 милліона долларовъ. Этотъ банкъ къ понедѣльнику имѣлъ почти 2 милліона вкладовъ; при 2-хъ милліонахъ основного и запасного капиталовъ, у него было до 800 тысячъ долларовъ наличными, когда начался на него run, и потребовалось два дня слишкомъ для того, чтобы раздать эти деньги; но выпла-

тивъ послѣдній долларъ, онъ вынужденъ былъ закрыть свои двери, такъ какъ run все продолжался, а не было абсолютно никакой возможности реализировать наличныя деньги при настоящихъ обстоятельствахъ. Никакіе залоги, даже федеральныя облигаціи, не имѣли въ глазахъ толпы никакой цѣнности—ей нужно было золото, и она отказывалась отъ всего остального. Приэтомъ нелишнимъ считаю замѣтить, что и до настоящаго времени ассигнаціи какого бы то ни было рода не успѣли привиться на Тихоокеанскомъ побережьи; золотая монета составляетъ $^9/_{10}$, а, можетъ быть, и больше всѣхъ обращающихся у насъ денегъ.

Между тѣмъ, самый большой банкъ въ городѣ, съ рессурсами въ 6 милліоновъ и съ вкладами въ 3 милліона, съ самаго утра понедѣльника выдерживавшій настоящую бурю, выпустилъ громадный бюллетень, что цѣлый вагонъ, полмилліона долларовъ золотомъ, находится на пути изъ Санъ-Франциско подъ охраной вооруженной стражи и прибудетъ въ городъ черезъ часъ, и что другой вагонъ, также съ полумилліономъ, тоже уже выѣхалъ съ спеціальнымъ поѣздомъ и будетъ въ ночь. Дѣйствительно, ровно въ часъ пополудни громадный экспрессъ четверней, подъ прикрытіемъ вооруженной винчестеровскими винтовками стражи, подскакалъ во весь опоръ къ банку, и мѣшки золота были тотчасъ же навалены на его прилавки. Толпу точно водой окатили: вѣсть о прибытіи такой массы золота мгновенно разнеслась по городу, и черезъ полчаса толпа стала рѣдѣть и расходиться по домамъ. Банки вздохнули свободнѣе: run кончился, кончился такъ же внезапно, какъ начался; паника миновала, и улицы приняли свой обычный видъ.

Не смотря на эту трехдневную горячку, къ полудню середы дошедшую до неизобразимаго напряженія, не смотря на то, что девять-деесятыхъ этой толпы состояли изъ рабочихъ разнаго рода, прачекъ, бѣлошвеекъ, горничныхъ, кучеровъ, фермеровъ, вообще изъ того народа, который въ Европѣ называется низшими классами, несмотря на то, что вся эта толпа дрожала за все свое состояніе,—въ теченіе всей паники не было ни одного скандала, ни одного насилія какого бы то ни было рода, никто не былъ арестованъ, и полиціи рѣшительно нечего было дѣлать. Возбужденіе царствовало такое, какого я никогда нигдѣ не видывалъ, между тѣмъ, порядокъ не былъ нарушенъ ни на одну секунду. Американскій народъ умѣетъ держать себя въ извѣстныхъ предѣлахъ при всякихъ обстоятельствахъ.

Я состою акціонеромъ въ двухъ банкахъ, одномъ коммерческомъ, другомъ сберегательномъ, и, само собой разумѣется, былъ крайне заинтересованъ въ исходѣ паники и слѣдилъ за ходомъ ея съ большимъ любопытствомъ, тѣмъ болѣе, что это была первая паника, которую мнѣ когда-либо пришлось видѣть. Кто не видалъ американской возбужденной толпы, кто не знаетъ наружнаго вида американскихъ дѣловыхъ улицъ большихъ городовъ, тотъ не можетъ понять того возбужденія, которое царило на нашихъ улицахъ въ теченіе прошлой недѣли. Нужно самому видѣть эту жестикулирующую, нервную толпу, нужно самому слышать ея безсвязный, возбужденный говоръ, нужно самому быть лично заинтересованнымъ въ ея импульсахъ, чтобы получить понятіе о томъ, что такое финансовая горячка и паника въ Америкѣ.

Въ самый разгаръ run, въ среду, пришла восточная почта, принесшая послѣдній нумеръ каррикатурнаго листка „Judge“ съ громаднымъ, въ обѣ страницы, рисункомъ, изображающимъ президента Кливелэнда, спокойно удящимъ рыбу въ рѣкѣ, несущей мимо него разрушенные банки, фабрики, заводы, и тонущихъ купцовъ, фабрикантовъ, заводчиковъ, банкировъ, рабочихъ. Подъ рисункомъ стоитъ подпись: „Вотъ ужо погодите, черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, когда соберется конгрессъ, я вамъ попробую помочь“. Положеніе дѣлъ такъ вѣрно схвачено этой каррикатурой, и пришлась она такъ впору, что толпа, казалось, забыла свои треволненія: нумеръ былъ немедленно расхватанъ, причемъ за него платили въ отдѣльныхъ случаяхъ по пяти долларовъ, вмѣсто обычныхъ десяти центовъ, и проклятія по адресу демократической администраціи были всеобщими. Не нашлось защитниковъ даже между самыми ярыми демократами, и они не могли сказать ни одного слова въ защиту своего бывшаго кумира.

Въ четвергъ телеграфъ принесъ извѣстія, что во всей южной Калифорніи не осталось почти ни одного банка съ открытыми дверями. Въ городѣ Санъ-Діего закрылись всѣ пять, въ городѣ Санта-Анна—всѣ четыре, въ городѣ Санъ-Бернардино—два, и такъ далѣе. Надо замѣтить, что въ нынѣшнемъ году южная Калифорнія находится въ особенно благопріятномъ положеніи: всю зиму она была биткомъ набита туристами, оставившими здѣсь массу восточнаго золота; всѣ отели, желѣзныя дороги, конюшни сдѣлали большія деньги. Урожай плодовъ, апельсиновъ, лимоновъ, винограду, оливокъ, фигъ и всего остальнаго былъ большой, изъ ряду вонъ выходящій; цѣны

на всѣ продукты, благодаря большому наплыву туристовъ, стояли высокія; работы у всѣхъ было по горло по всѣмъ отраслямъ; всѣ рѣшительно банки (я знаю это навѣрное, благодаря моимъ связямъ и положенію въ банковомъ мірѣ) не только безусловно надежны, но и дѣлаютъ большія деньги,—и вдругъ такая безумная пертурбація! Изъ 18 банковъ нашего города закрыли свои двери 6; изъ 18 банковъ остальной южной Калифорніи осталось, кажется, всего 3. 21 изъ общаго числа 36-ти закрыты! Само собой разумѣется, ни одинъ банкъ въ мірѣ не можетъ безъ посторонней помощи выплатить въ 24 часа всѣхъ своихъ вкладовъ, какъ бы солиденъ и крѣпокъ онъ ни былъ: вклады эти отданы въ займы на сроки и не могутъ быть даже потребованы. Самый большой изъ лопнувшихъ банковъ имѣлъ налицо 43% общей суммы вкладовъ, тогда какъ законъ требуетъ всего 25%; одинъ изъ нихъ имѣлъ даже 60%, выплатилъ ихъ, но долженъ былъ закрыться, когда вкладчики продолжали требовать и остальныя деньги. Оба мои банка остались совершенно въ сторонѣ. Пока происходила горячка въ другихъ банкахъ, у насъ шло только самое обычное, ежедневное дѣло, безъ всякаго возбужденія, какъ будто никакой паники и не было въ городѣ; въ среду мы даже приняли на 20 тысячъ долларовъ больше, чѣмъ выплатили, а въ четвергъ—цѣлыя 44 тысячи. Правда, мы предвидѣли панику и еще на позапрошлой недѣлѣ стянули возможные рессурсы со всѣхъ сторонъ, и въ понедѣльникъ имѣли налицо около 65% всѣхъ вкладовъ, и еще 10% на пути изъ Санъ-Франциско. Какъ бы то ни было, насъ паника совсѣмъ не коснулись, и мы, въ общемъ, только выиграли отъ нея, такъ какъ несомнѣнно, что вкладчики лопнувшихъ банковъ, какъ только умы поуспокоятся, начнутъ искать помѣщенія для своихъ денегъ, и мы, которыхъ паника совсѣмъ не коснулась,—чѣмъ доказана самымъ блистательнымъ образомъ наша устойчивость,—можемъ съ увѣренностью разсчитывать на значительную долю новыхъ вкладовъ.

Въ четвергъ правительственные ревизоры занялись изслѣдованіемъ положенія лопнувшихъ банковъ. Въ каждомъ, безъ исключенія, случаѣ оказалось, что рессурсы ихъ, по крайней мѣрѣ, вдвое покрываютъ всѣ вклады, и что всѣ они были въ превосходномъ, безукоризненномъ положеніи. Положительно ни одинъ изъ нихъ не былъ не только въ какой-либо опасности, а напротивъ, всѣ были въ возможно наилучшемъ положеніи. Вся бѣда заключалась въ паникѣ, въ абсолютной невозможности выплатить сразу то, что роз-

дано другимъ взаймы и на срокъ и не можетъ быть собрано, пока не придетъ этотъ срокъ. Люди, вынувшіе свои вклады, образумившись, теперь сами удивляются всему совершившемуся, но поправить дѣло уже нельзя, и южная Калифорнія, благодаря этой idiotic craze, дурацкому страху, какъ выразился о паникѣ главный федеральный банковый ревизоръ, получила сильный setback, т.-е. сильно пострадала въ глазахъ всей націи. Подобныя паники не проходятъ для данной мѣстности безнаказанно; общественное мнѣніе ихъ помнитъ долго и упорно, и капиталистъ, и переселенецъ, и ремесленникъ тщательно обѣгаютъ такія мѣстности. Зато федеральной администраціи, на бездѣятельность и индифферентность которой все теперь сваливается, достается вплотную, и демократической партіи, по крайней мѣрѣ на Тихоокеанскомъ побережьи, пришелъ конецъ:—она проявила такое безсиліе, что ей уже не встать будетъ на ноги изъ-подъ того потока проклятій и угрозъ, который теперь на нее льется на всѣхъ перекресткахъ.

Паника эта, между прочимъ, указала мнѣ на чрезвычайно поучительный для васъ, многоуважаемый русскій читатель, фактъ. Въ моей паровой прачешной работаетъ всего, включая кучеровъ, 42 человѣка, въ томъ числѣ 26 женщинъ и дѣвушекъ. Въ прошлый понедѣльникъ foreman или управляющій телефонировалъ мнѣ, прося меня немедленно пріѣхать въ прачешную. Я, конечно, сейчасъ же отправился и засталъ ужасный переполохъ:—работа была остановлена, дѣвицы мои всѣ оказались въ шляпкахъ и собирались куда-то уходить. Foreman объяснилъ мнѣ, что у всѣхъ ихъ есть вклады въ банкахъ, и что онѣ боятся за нихъ и собираются за ними. Оказалось, что изъ 42 рабочихъ только у двухъ не было вкладовъ, и что общая сумма всѣхъ вкладовъ достигаетъ 15 тысячъ долларовъ, простираясь отъ 100 до 1.800 долларовъ на одно лицо. Какъ вамъ это понравится, читатель, и много ли въ какой-нибудь Казани или Самарѣ найдется прачекъ съ такими деньгами? Не забывайте при этомъ, что, сберегая такія деньги, мои прачки живутъ по-человѣчески, ѣдятъ и пьютъ по-человѣчески, одѣваются по-человѣчески, что у каждой имѣется хотя маленькій, но настоящій брилліантикъ, хоть одно, но непремѣнно шелковое или бархатное платье, и что на улицѣ, бьюсь объ закладъ, вы ни за что не отличите одну изъ этихъ прачекъ отъ великосвѣтской дамы:—и шляпка на ней модная, и лайковыя перчатки на рукахъ, и золотые часики, и модныя кофточки съ многоэтажными выкрутасами

на рукавахъ и вокругъ шеи,—и держатъ онѣ себя какъ настоящія „лэди“.

ПИСЬМО СЕДЬМОЕ.

21-го іюня (3-го іюля).

Случалось-ли вамъ, читатель, видѣть фотографіи „каравелъ“ Колумба, его адмиральскаго корабля Санта-Марія, Нины и Пинты,—и если случалось, подумали-ли вы сравнить ихъ съ современными военными судами? Всѣ наши крупныя газеты дали фотографіи и тѣхъ, и другихъ, сохранивъ ихъ относительную величину, такъ что сравненіе было сдѣлано на одной и той же страницѣ, сравненіе со всѣми тѣми современными морскими чудовищами, которыя весь свѣтъ прислалъ въ Нью-Іоркскую гавань для того, чтобы помочь Новому свѣту въ празднованіи четырехсотлѣтія его открытія. При видѣ этихъ фотографій, этихъ не то курятниковъ, не то прачешныхъ лоханей, могущихъ служить для чего угодно, только отнюдь не для океанскаго плаванія, прежде всего является мысль: какъ осмѣлились эти люди пуститься въ невѣдомое плаваніе въ такихъ скорлупкахъ? И куда дѣвается величіе Христофора Колумба, если мы представимъ его себѣ открывающимъ Америку на такой странной игрушкѣ, какъ каравела Санта-Марія? И чего, кажется, было пугаться и отъ чего трепетать индѣйцамъ при видѣ такихъ невзрачныхъ, мизерныхъ предметовъ! А вѣдь они были поражены страхомъ, какъ повѣствуетъ намъ исторія; покорены не оружіемъ, а трепетомъ отъ невиданныхъ чудесъ. Сравните-ка эту каравелу съ какимъ-нибудь современнымъ „Городомъ Парижемъ“, City of Paris, пересѣкающимъ океанъ въ пять дней, съ населеніемъ если не цѣлаго независимаго нѣмецкаго герцогства, то, во всякомъ случаѣ, его столицы со всѣми подгородными слободами включительно, прибытіе котораго въ гавань Нью-Іорка отмѣчается только одной строчкой въ спеціальной газетѣ!

Подобныя-то сравненія, выясняющія перемѣну точекъ зрѣнія на вещи, и даютъ намъ понятіе о движеніи человѣчества, о томъ, что мы, для краткости, называемъ цивилизаціей. Правда, они же порождаютъ и другія мысли. На парадѣ въ Нью-Іоркской гавани каравелы эти стояли смирнехонько, и ихъ крошечныя мѣдныя пушечки были совсѣмъ не слышны за грохотомъ орудій европейскихъ

эскадръ. Эти орудія, говорятъ, палили очень громко и внушительно, а главное, многіе единичные выстрѣлы ихъ стоили больше цѣлаго школьнаго зданія, съ достаточной при немъ библіотекой и всѣми необходимыми учебными пособіями. Оно конечно, Христофоръ Колумбъ былъ великій человѣкъ, и каравелы его, двойниковъ которыхъ чествовалъ всемірный флотъ въ Нью-Іоркской гавани, были, такъ сказать, тѣмъ яйцомъ, изъ котораго вылупился Новый свѣтъ; тѣмъ не менѣе, пушечные выстрѣлы, пожирающіе заразъ по цѣлой школѣ и всего нагляднѣе характеризующіе четырехсотлѣтнюю цивилизацію, не совсѣмъ утѣшительны и не вселяютъ того благоговѣнія, съ которымъ бы, казалось, долженъ былъ къ нимъ относиться обыкновенный смертный, смиренно платящій свою долю налоговъ для того, чтобы сдѣлать ихъ возможными. Меня эти выстрѣлы заняли больше всего. Этотъ грозный, оглушительно безобразный и въ то же время могучій голосъ грубой силы, поддерживаемый и ежедневно совершенствуемый цѣною пота и крови сотенъ милліоновъ человѣческихъ существъ,—былъ достаточно, казалось мнѣ, громокъ для того, чтобы поднять Колумба изъ его гроба и вызвать въ немъ цѣлый рой странныхъ, непонятныхъ для насъ съ вами, читатель, мыслей. Нашу цивилизацію онъ бы, конечно, замѣтилъ сразу: вмѣсто выстрѣловъ, стоившихъ какой-нибудь долларъ, палятъ цѣлыми школами;—а что касается правъ и интересовъ націй и огражденія ихъ отъ вражескихъ покушеній, онъ не замѣтилъ бы ни малѣйшаго существеннаго измѣненія. Кулачное право царствовало тогда—царствуетъ и теперь, и might is right (кто силенъ, тотъ и правъ) и понынѣ является рѣшающимъ принципомъ, ни на іоту не измѣнившимся по существу. Въ дѣлѣ кораблей и выстрѣловъ человѣчество ушло впередъ настолько, что Колумбъ едва ли могъ бы вмѣстить современную цивилизацію; въ дѣлѣ отвлеченной идеи права и справедливости онъ, до извѣстной степени, чувствовалъ бы себя дома и не имѣлъ бы основаній смущаться.

Уже болѣе ста лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ какія-либо иностранныя военныя силы парадировали гдѣ-либо въ предѣлахъ Союза. Поэтому парадъ морскихъ командъ съ иностранныхъ военныхъ судовъ на улицахъ Нью-Іорка былъ дѣйствительно невиданнымъ зрѣлищемъ для современныхъ поколѣній Соединенныхъ Штатовъ, и цѣлый милліонъ зрителей надсаживался въ крикахъ по поводу этого парада. Всего страннѣе было то обстоятельство, что эти, по наружности иностранцы, въ сущности были у себя дома.

Ихъ лица, ихъ манеры, ихъ наружность не были ничѣмъ невиданнымъ, ничѣмъ необычнымъ. Весь американскій народъ состоитъ именно изъ такихъ же лицъ, выглядитъ именно точно также. Это не нація, исторія которой теряется во мракѣ древности и о принадлежности которой къ той или другой человѣческой расѣ могутъ до безконечности спорить ученые;—нѣтъ, это просто сборище тѣхъ же англичанъ, французовъ, нѣмцевъ, испанцевъ и такъ далѣе, до безконечности. У американца нѣтъ физическихъ, расовыхъ особенностей; по наружности его можно признать и за англичанина, и француза, и за нѣмца, и за испанца, смотря по обстоятельствамъ; зато, у него есть особенности *духа*, особенности умственныя и нравственныя, которыя и составляютъ изъ него едва ли не наиболѣе рѣзко выдающуюся изъ всѣхъ остальныхъ существующихъ на земномъ шарѣ въ настоящій моментъ націю. Американскаго духа не найдешь нигдѣ въ другомъ мѣстѣ; онъ—здѣшній, принадлежитъ исключительно Союзу, и его невозможно смѣшать ни съ чѣмъ инымъ; онъ скажется и проявитъ себя всегда и всюду, какъ бы ни обманчива была наружность. Исторія и условія развитія сѣверо-американскаго народа не имѣли ничего себѣ подобнаго на всемъ земномъ шарѣ, и они создали особенную, исключительную націю, чрезвычайно разнообразную по составляющей ее крови, но компактную и крайне однообразную по духу и умственнымъ и нравственнымъ качествамъ. Единственнымъ замѣтнымъ исключеніемъ является рѣзко ограниченное, бывшее рабовладѣльческое царство хлопка; штаты, его составляющіе, были, благодаря рабству, долгое время изолированы, развивались очень односторонне и только со временъ междоусобной войны и реконструкціи начали мало-по-малу поддаваться вліяніямъ массъ американскаго народа; по всей вѣроятности, потребуется еще жизнь двухъ-трехъ поколѣній, пока штаты эти съумѣютъ отдѣлаться отъ традицій добраго стараго времени и слиться во всѣхъ отношеніяхъ съ остальной націей. Стремленіе къ обособленію и къ увѣковѣченію отжившихъ учрежденій было утоплено въ потокахъ крови. Сѣверъ не могъ потерпѣть установленія чуждыхъ его духу учрежденій въ нераздѣльно связанныхъ съ нимъ общностью всѣхъ другихъ интересовъ территоріяхъ; доктрины Юга и ихъ послѣдствіе—сепаратизмъ — не могли противостоять духу всей націи и должны были ему подчиниться. Переработка этого Юга быстро идетъ впередъ, сообразно съ вымираніемъ противныхъ элементовъ, и его полное присоединеніе не только въ политическомъ, но и въ народ-

номъ смыслѣ является теперь исключительно дѣломъ времени. Какъ одно поколѣніе не можетъ превратить водовозную клячу въ призового скакуна, такъ южные бароны не могутъ сразу сбросить то, чѣмъ жили они сами и ихъ предки, но въ то же время они безсильны противиться вліяніямъ сильнѣйшаго духа, дѣйствующаго на нихъ съ безпощадной силой и безъ всякаго перерыва; барьеры сломаны, заставы уничтожены, и остается терпѣливо ожидать неизбѣжныхъ послѣдствій.

Это временное исключеніе, по моему мнѣнію, самымъ своимъ существованіемъ чрезвычайно рѣзко доказываетъ изумительную солидарность и компактность всего остального Союза. Мнѣ приходилось по цѣлымъ недѣлямъ жить въ квакерской Филадельфіи, въ космополитическомъ Нью-Іоркѣ, въ центрѣ Новой Англіи, американскихъ Аѳинахъ — Бостонѣ, въ лѣсахъ бѣлой сосны Мичигана, между нѣмцами въ Висконсинѣ, среди шведовъ въ Миннесотѣ и Сѣверной Дакотѣ, наконецъ, между бывшими русскими меннонитами Небраски и Канзаса, между пастухами Аризоны, среди лѣсовъ Пюджетъ-Саунда, въ Санъ-Франциско, и даже на концѣ свѣта, въ Южной Калифорніи — и вездѣ, послѣ самаго короткаго знакомства съ населеніемъ, кажущееся наружное разнообразіе и дѣйствительное внутреннее единство заявляютъ о своемъ неизмѣнномъ присутствіи. Американскій духъ царитъ въ странѣ и чрезвычайно быстро ассимилируетъ всѣ чужестранные элементы, какъ бы разнообразны и сильны они ни были. Хотя, въ теченіе послѣдняго десятилѣтія, Союзъ ежегодно принималъ въ свою среду свыше полумилліона европейцевъ, съ ихъ разнообразными культурой и развитіемъ,—европейцы эти, за самыми незначительными исключеніями, совершенно незамѣтны: они—капля въ морѣ. Америка ихъ захватываетъ и перемалываетъ на свой манеръ съ изумительной быстротой и совершенствомъ. Всего рѣзче это мнѣ бросилось въ глаза въ колоніяхъ русскихъ меннонитовъ, въ среднемъ Канзасѣ.

Эти нѣмцы, до своего переселенія въ семидесятыхъ годахъ въ Америку, прожили въ Россіи болѣе ста лѣтъ, сохранивъ во всей неприкосновенности и свои обычаи, и свое платье, и свой языкъ; живя въ Россіи, они оставались нѣмцами не только по своимъ наружнымъ признакамъ, но и по духу,—если возможно, еще болѣе нѣмцами, чѣмъ въ самомъ центрѣ современной Германіи. И въ Америкѣ они поселились компактными колоніями, казалось, крѣпкими и нераздѣльными, и въ Америкѣ они занимались сначала исключи-

тельно земледѣліемъ, и сюда они привезли свой консерватизмъ и свои особенности, свою замкнутость; но прошло едва двадцать лѣтъ со времени ихъ переселенія—и отъ ихъ обособленности и замкнутости, отъ ихъ нѣмецкаго духа не осталось и слѣда. Они еще сохранили, до извѣстной степени, свой языкъ, свои нравы, свою религію, но это уже не нѣмцы, а американцы-меннониты. Они разбредаются по всему Союзу, какъ кровные янки, я встрѣчаю ихъ и на сѣверѣ, и на западѣ, и на югѣ; они уже не исключительно привязанные къ своей землѣ земледѣльцы, а такъ же свободны въ выборѣ занятія, какъ и любой американецъ. Сила американскаго духа захватила и ихъ, и они не могли ей противиться. Ихъ пасторы торгуютъ въ лавкахъ, заводятъ банки, строятъ желѣзныя дороги, и, хотя по семейной жизни и наружному облику меннониты и указываютъ ясно на свое нѣмецкое происхожденіе, тѣмъ не менѣе, они стали американцами по духу и по своей подвижности и предпріимчивости.

Еще со временъ школьной скамьи я всегда думалъ, что высшая культура, высшая цивилизація необходимы для того, чтобы одна нація могла съ успѣхомъ передѣлать на свой манеръ другую. Читатель, можетъ быть, помнитъ всѣ тѣ попытки къ „обрусѣнію", которыми полна неписанная исторія Россіи шестидесятыхъ и семидесятыхъ годовъ. Мы руссифицировали и поочередно, и вмѣстѣ Западный край, Польшу, Восточныя окраины, Кавказъ. Не знаю, кого и гдѣ руссифицируютъ сегодня и съ какимъ успѣхомъ, но хорошо помню, что всѣ формы „обрусѣнія" не отличались успѣхомъ въ то время, о которомъ у меня сохранилось ясное понятіе. Не только высшія сферы и все власть имущее хлопотало по мѣрѣ силъ и возможности (а это, при извѣстныхъ обстоятельствахъ, можетъ быть и огромной величиной), но и самое общество, или, по крайней мѣрѣ, извѣстныя его части, было заинтересовано этимъ „обрусѣніемъ", часто по искреннему убѣжденію, безъ всякихъ матеріальныхъ выгодъ, и множество усилій было потрачено въ этомъ направленіи. Повидимому, всѣ эти усилія разбивались, не производя желаннаго дѣйствія: „обрусѣніе" если и проявлялось въ чемъ-нибудь, то исключительно во внѣшности, въ наружныхъ формахъ, не касаясь духа, внутренняго строя жизни. А въ то же время казалось, что, хотя въ извѣстныхъ случаяхъ превосходство отечественной культуры и было сомнительнымъ,—въ другихъ оно, по всѣмъ видимостямъ, не должно бы было подлежать никакому сомнѣнію; а, между тѣмъ, успѣха не было. Здѣсь, въ Соединенныхъ Штатахъ, никто и не думаетъ объ

„объамериканиваньи“, никто о немъ не заботится, ни власти, ни население—а идетъ оно быстро и совершенно безъ всякихъ усилій съ чьей бы то ни было стороны, только потому, что въ борьбѣ за существованіе является для новоприбывшихъ положительной, очевидной необходимостью. Всѣ попытки къ обособленію, къ сохраненію своей національности, иногда очень серьезныя, прочно организованныя и хорошо предвидимыя (какъ, напримѣръ, нѣмецкая послѣ франкогерманской войны 1870—1871 годовъ, когда нѣмцы, чванившіеся своими побѣдами, пожелали устроить и другой притонъ милитаризма, по сю сторону океана), всегда оказывались не только безъуспѣшными, но и, въ концѣ-концовъ, неизмѣнно способствовавшими только быстрѣйшему ассимилированію. Говорятъ, что въ семидесятыхъ годахъ всесильный тогда князь Бисмаркъ принялъ личное, хотя, конечно, секретное участіе въ этихъ попыткахъ, и что нѣмецкіе штаты, вродѣ Висконсина, были одно время наводнены не только патріотически-нѣмецкою литературою, но и бисмарковскими эмиссарами и деньгами; но, повидимому, Атлантическій океанъ обладаетъ способностью охлаждать вліянія европейскихъ государственныхъ людей, даже Бисмаркова калибра, на свободную Америку, и эти вліянія оказались совершенно безъуспѣшными на этомъ берегу. Тѣмъ не менѣе, нѣмцамъ этого урока ихъ величайшему учителю оказалось недостаточнымъ, и еще не дальше, какъ въ прошломъ году, во время президентской кампаніи, нѣмецкое католическое духовенство, въ связи, говорятъ, съ австрійскимъ посломъ въ Вашингтонѣ, Кахенли, чрезвычайно упорно работало въ этомъ направленіи во многихъ западныхъ штатахъ, особенно въ штатѣ Иллинойсѣ, который имъ и удалось не только перетянуть въ демократическую колонну, но и снабдить демократическимъ губернаторомъ въ лицѣ нѣмца Ольтгельда (Altgeld), яраго послѣдователя принциповъ нѣмецкаго милитаризма. Къ счастію, оселъ, какъ и слѣдовало ожидать, не съумѣлъ надолго скрыть своихъ ушей. Уже въ теченіе выборной кампаніи было обращено вниманіе на тотъ фактъ, что кахенлисты (подъ этимъ названіемъ были извѣстны приверженцы нѣмецкаго Vaterland'а) особенно близко сошлись съ крайней, открыто анархической партіей города Чикаго. Партія эта, насчитывающая въ штатѣ Иллинойсѣ около двадцати тысячъ голосовъ, на выборахъ единогласно вотировала за Ольтгельда, открыто выбросивъ за бортъ своего собственнаго кандидата, и ея голоса посадили его въ губернаторское кресло. Занявъ его, онъ простилъ всѣхъ анархистовъ, пять лѣтъ тому назадъ

присужденныхъ къ пожизненному тюремному заключенію за участіе въ хэй-маркетскомъ бунтѣ въ Чикаго. Напомню читателю, что въ теченіе этого бунта, встревожившаго всю страну, динамитная бомба, брошенная неожиданно въ середину отряда полиціи, убила и ранила нѣсколько десятковъ полисменовъ, что слѣдствіе по поводу этихъ убійствъ неопровержимо уличило многихъ участниковъ преступленія, что судъ присяжныхъ приговорилъ единогласно пятерыхъ изъ нихъ къ повѣшенію, а остальныхъ—къ пожизненному тюремному заключенію, и что приговоръ суда былъ исполненъ въ точности, не смотря на цѣлую бурю протестовъ и угрозъ въ самыхъ разнообразныхъ формахъ. Ольтгельдъ не только безусловно простилъ осужденныхъ, на что имѣлъ полное право, какъ губернаторъ, и противъ чего едва ли кто-либо, кромѣ самыхъ ярыхъ членовъ крайней правой, сталъ бы серьезно возражать, такъ какъ самое дѣло уже полузабыто населеніемъ, а анархисты со времени этого урока неизмѣнно держали себя въ законныхъ предѣлахъ, но и въ своей прокламаціи, по поводу этого прощенія, самымъ ядовитымъ образомъ задѣлъ и полицію, и судъ, и присяжныхъ. Для исполнительной власти задѣвать судъ какимъ бы то ни было образомъ до того необычное дѣло въ Америкѣ, что полузабытое дѣло сразу было опять вызвано со всѣми малѣйшими деталями; и полиція, и предсѣдательствовавшій въ дѣлѣ судья, и обвинитель, и присяжные — всѣ немедленно энергично отозвались на этотъ крайне безтактный, чтобъ не сказать болѣе, вызовъ, и въ результатѣ оказалось, что это ужасное дѣло опять всплыло наружу и опять заняло общественное мнѣніе страны своими кровавыми, безобразными подробностями и опять разбудило уснувшіе-было страхи всѣхъ консервативныхъ элементовъ. Для всѣхъ стало ясно, какъ день, почему анархисты, имѣвшіе свой собственный тикетъ, вотировали единогласно за Ольтгельда, и на какіе элементы разсчитывали и онъ, и его союзники, кахенлисты. Читатель самъ можетъ себѣ представить, какъ эти разоблаченія подѣйствовали на массы, и насколько прочна побѣда демократовъ въ штатѣ Иллинойсѣ.

Пересматривая подробности хэй-маркетскаго дѣла, со времени прокламаціи Ольтгельда возстановленнаго періодической прессой отъ начала до конца, я невольно остановился на тѣхъ изслѣдованіяхъ состава анархистской партіи въ Соединенныхъ Штатахъ вообще и въ Чикаго въ особенности, которыя были сдѣланы обвинительною властью на предварительномъ слѣдствіи и которыя были безусловно

подтверждены судебнымъ, не смотря на всѣ старанія защиты. Оказалось, что партія эта состоитъ исключительно изъ нѣмцевъ и поляковъ: изъ дюжины подсудимыхъ только двое или трое могли говорить по-англійски. Вся литература партіи, всѣ ея прокламаціи и воззванія, особенно кровожадныя, какъ разъ передъ бунтомъ, и печатавшіяся обыкновенно на кроваво-красной бумагѣ, были на нѣмецкомъ языкѣ, и судъ долженъ былъ постоянно прибѣгать къ помощи переводчиковъ. Большинство подсудимыхъ совсѣмъ не понимали англійскаго языка и состояли изъ самыхъ зеленыхъ эмигрантовъ; между ними, какъ и между лицами, составлявшими членовъ партіи, списки которыхъ были напечатаны, не оказалось почти ни одного уроженца Соединенныхъ Штатовъ. Для всякаго внимательнаго наблюдателя было ясно, что все движеніе, весь бунтъ были взрывомъ только что перенесенныхъ изъ Европы элементовъ, въ громадномъ большинствѣ случаевъ молодыхъ людей, бѣжавшихъ отъ нѣмецкой солдатчины. Отвѣты многихъ подсудимыхъ, ихъ рѣчи на предшествовавшихъ взрыву митингахъ, ихъ аргументы въ печати— все это дышетъ нѣмецкими нравами, возстаніемъ противъ нѣмецкихъ порядковъ. Люди эти, переселившись въ Америку, очевидно не успѣли освоиться и ознакомиться съ ея условіями и продолжали воевать противъ воображаемаго непріятеля. „Suprema lex regis voluntas“, отвѣтилъ юный нѣмецкій императоръ на всеподданнѣйшее представленіе какого-то городского совѣта; и вотъ горячія нѣмецкія молодыя головы пытались своимъ хэй-маркетскимъ дѣломъ въ Чикаго протестовать противъ этого черезчуръ откровеннаго изрѣченія, несомнѣнно слишкомъ наивнаго въ конституціонной странѣ.

ПИСЬМО ВОСЬМОЕ.

28-го іюня (10-го іюля).

4-го іюля Америка отпраздновала 117-ю годовщину провозглашенія своей независимости. Этотъ день составляетъ главный и самый торжественный праздникъ Союза; вся нація участвуетъ въ его праздновании чуть не поголовно. Въ Америкѣ праздниковъ совсѣмъ нѣтъ. Правда, ежегодно въ ноябрѣ, согласно конституціи Союза, президентъ Соединенныхъ Штатовъ назначаетъ осенью день для восхваленія Всевышняго — Thanksgiving day (буквально, день

благодарности), но день этотъ обыкновенно проходитъ въ провинціи незамѣченнымъ, исключая того, что къ обѣду готовятъ индѣйку всѣ мало-мальски состоятельные люди. Legal holidays, то-есть легальныхъ праздниковъ, когда всѣ федеральныя правительственныя учрежденія закрываются, есть нѣсколько,—напр., Рождество, Новый годъ, день рожденія Вашингтона, Decoration day, Thanksgiving day; но эти праздники, исключая Рождества, не играютъ никакой роли въ народной жизни и часто проходятъ совершенно незамѣченными: всякая работа, исключая общественной, продолжается всюду, какъ и въ будни, и незамѣтно никакихъ внѣшнихъ признаковъ праздника. Воскресенье является единственнымъ днемъ, когда все закрывается, и воскресный день и понынѣ служитъ яблокомъ раздора между духовенствомъ и всѣми церковными элементами съ одной стороны и массой народа съ другой. Всѣ секты, исключая католиковъ, стремятся къ тому, чтобы сдѣлать изъ воскресенья день молитвы и отдыха; онѣ осуждаютъ не только публичныя увеселенія всякаго рода, но и невинныя занятія, вродѣ рыбной ловли и просто прогулки. Католики, которые въ Соединенныхъ Штатахъ далеко не тѣ неумолимые догматики, что въ Европѣ, какъ это ни кажется страннымъ, относятся къ воскресному дню гораздо либеральнѣе протестантовъ; они вообще ловкіе политики, понимаютъ условія и духъ времени и, въ извѣстныхъ отношеніяхъ, искусно умѣютъ подлаживаться къ публикѣ. Такъ, въ то время, когда все протестантское духовенство воевало противъ открытія всемірной выставки въ Чикаго по воскресеньямъ, кардиналъ Гиббонъ, старѣйшій католическій архіепископъ Соединенныхъ Штатовъ, публично высказался за это открытіе. Развитые люди, конечно, понимаютъ, что такая неожиданная уступка духу времени совсѣмъ не доказываетъ, чтобы католическая церковь дѣйствительно дѣлалась либеральнѣе и человѣчнѣе въ своихъ доктринахъ; но подобные coup d'état, само собой разумѣется, до извѣстной степени дѣйствуютъ на массы, особенно, когда бываютъ сопоставляемы съ такими проявленіями нетерпимости, какъ дѣло Бригса въ пресбитеріанской церкви.

Къ сожалѣнію, въ наружной, для всѣхъ очевидной борьбѣ, по поводу воскреснаго дня, противъ духовенства и церковныхъ элементовъ принимаетъ живѣйшее участіе прежде всего кабакъ и всѣ кабацкія силы и вліянія. Вопросъ о закрытіи кабаковъ по воскресеньямъ является самымъ острымъ, самымъ очевиднымъ результатомъ этой борьбы, и потому весьма многочисленные элементы, далеко

несогласные съ духовенствомъ въ принципѣ, тѣмъ не менѣе, вынуждены присоединяться къ нему на выборахъ, такъ какъ американскіе кабаки, по существу, едва-ли чѣмъ отличаются отъ отечественныхъ „распивочно и на выносъ“, хотя и обладаютъ болѣе приличной обстановкой. Въ результатѣ, американское общество, въ громадномъ большинствѣ случаевъ, по поводу воскреснаго дня раздѣлено на три лагеря: непримиримыхъ сторонниковъ его, непримиримыхъ кабатчиковъ и золотой середины, не желающей быть стѣсненной по воскресеньямъ въ способахъ времяпрепровожденія, но вотирующей съ сторонниками, потому что эти послѣдніе всегда искусно прицѣпляютъ къ общему вопросу и вопросъ о кабакахъ. Благодаря этому, на Востокѣ воскресный день обыкновенно соблюдается; единственными немногими исключеніями являются самые большіе города, вродѣ Нью-Іорка и Бруклина, гдѣ, хотя законъ и соблюдается наружно, тѣмъ не менѣе, всѣ кабаки, въ сущности, открыты съ задняго хода. Городъ Нью-Іоркъ особенно отличается разгуломъ и пьянствомъ: всѣ его власти, начиная съ мэйора и кончая послѣднимъ полисменомъ, принадлежатъ къ всемогущему демократическому обществу Таммани Холлъ, лѣтъ тридцать тому назадъ захватившему этотъ современный Вавилонъ въ полную крѣпостную зависимость и управляющему имъ въ интересахъ кабатчиковъ. На Югѣ соблюденіе воскреснаго дня зависитъ отъ мѣстныхъ условій, и чрезвычайно разнообразно; напр. въ Атлантѣ и Саванѣ оно очень строго. Въ Новомъ Орлеанѣ и Гальвестонѣ отсутствуетъ, и воскресные дни тамъ являются днями самаго безшабашнаго разгула. Чѣмъ дальше подвигаешься на Западъ, тѣмъ менѣе замѣчается и воскресный день; въ территоріяхъ кабаки и игорные дома открыты круглый годъ на самыхъ главныхъ улицахъ, и никто не пытается даже говорить противъ этого: главный элементъ населенія таковъ, что всякій понимаетъ, что это было бы безполезно. Тѣмъ не менѣе, и на крайнемъ Западѣ есть исключенія: попадаются мѣстности, гдѣ законъ этотъ соблюдается такъ же строго, какъ и въ крайнихъ пуританскихъ общинахъ Новой Англіи.

Хотя въ настоящее время народная школа Соединенныхъ Штатовъ положительно ни въ чемъ не соприкасается съ духовенствомъ какого бы то ни было рода, тѣмъ не менѣе, въ прежнія времена оно имѣло извѣстное, хотя и косвенное, на нее вліяніе, и вліяніе это выказалось въ томъ смыслѣ, что воскресенье является не днемъ рекреаціи, а днемъ отдыха, и потому всѣ учебныя заведенія Союза

закрыты по субботамъ, которая и предназначается для увеселеній учащагося юношества. Такимъ образомъ, хотя въ Америкѣ, въ теченіе года, и нѣтъ никакихъ праздниковъ, кромѣ Рождества и 4-го іюля, тѣмъ не менѣе, дѣти учатся только пять дней въ недѣлю, и эта система въ концѣ-концовъ, вѣроятно, даетъ то же число учебныхъ дней въ году, что и въ Россіи.

Рождество и 4-е іюля, являясь, въ сущности, единственными праздниками въ Соединенныхъ Штатахъ, имѣютъ дѣйствительно значеніе народныхъ празднествъ въ полномъ смыслѣ этого слова. Празднованіе Рождества не имѣетъ ничего исключительнаго, особеннаго; празднуется оно, смотря по мѣстнымъ обычаямъ и условіямъ, непремѣнно сопровождается опять-таки обѣдомъ съ индѣйкой, и къ нему все странствующее населеніе Америки собирается непремѣнно домой. Отельное дѣло въ Соединенныхъ-Штатахъ въ совершенномъ застоѣ въ теченіе рождественской недѣли, такъ какъ всѣ дрюммеры (drummer въ сущности—барабанщикъ, какъ здѣсь называютъ комми-вояжеровъ), всѣ ревизоры всякаго рода, и вообще вся путешествующая по дѣламъ часть народа непремѣнно должна въ этотъ день обѣдать за семейнымъ столомъ, дома. Зато 4-е іюля является учрежденіемъ исключительно американскимъ, празднуется чрезвычайно оригинально, по всему Союзу сравнительно однообразно, и потому я остановлюсь на немъ подробнѣе.

Еще за цѣлый мѣсяцъ до 4-го іюля въ городѣ начали поговаривать о томъ, какимъ образомъ достойно отпраздновать этотъ день. Въ прошломъ году были уличныя процессіи, уличный парадъ съ мѣстной милиціей, пожарной командой и trade display, то-есть представительствомъ разныхъ отраслей промышленности и торговли города; но главной приманкой были два фейерверка въ двухъ общественныхъ паркахъ города, изъ которыхъ одинъ, устроенный испанско-мексиканскимъ населеніемъ, кончился весьма печально, такъ какъ въ одну изъ желѣзныхъ ракетъ уличные мальчишки украдкой опустили чуть ли не четверной зарядъ; желѣзную гильзу разорвало, и убило и искалѣчило нѣсколько человѣкъ. Въ виду этого печальнаго событія, еще свѣжаго въ памяти многихъ, какой-либо общественный фейерверкъ былъ на нынѣшній годъ заранѣе забракованъ, и комиссія, завѣдывавшая сборомъ денегъ на празднество, рѣшила отпраздновать день вечернимъ парадомъ спеціально приготовленныхъ floats, то-есть огромныхъ платформъ на колесахъ, везомыхъ шестью лошадьми, съ живыми картинами извѣстныхъ со-

бытій. Такихъ floats было заготовлено больше дюжины; комиссія успѣла собрать до 10 тысячъ долларовъ на празднество, выписанъ былъ особый артистъ съ Востока, и дѣло повелось на широкую ногу, быстро и энергично. Предполагалось освѣтить главныя улицы, по которымъ должна была двигаться процессія, кромѣ обыкновенныхъ электрическаго и газоваго освѣщенія, еще постояннымъ бенгальскимъ огнемъ, — а такъ какъ подъ божественнымъ небомъ южной Калифорніи дождя не бываетъ цѣлые девять мѣсяцевъ, и на погоду всего этого сухого періода можно разсчитывать безъ ошибки, то затѣя комиссіи и обѣщала полный успѣхъ.

Въ нашемъ городѣ свыше ста миль, то-есть свыше полутораста верстъ кабельныхъ и электрическихъ желѣзныхъ уличныхъ дорогъ. Эти дороги еще съ ранняго утра прицѣпили къ своимъ поѣздамъ всевозможные вагоны, даже старые конные, давно вышедшіе изъ употребленія, для того, чтобы имѣть возможность удовлетворить требованіямъ публики. Все городское населеніе, отъ мала до велика, и все подгородное, на пятьдесятъ миль кругомъ и даже дальше, кишѣло на улицахъ съ ранняго утра. Главныя улицы и многіе дома въ резидентскихъ кварталахъ были убраны флагами и бантами, всѣ вагоны уличныхъ дорогъ тоже, причемъ управленіемъ былъ назначенъ призъ въ 50 долларовъ наличными тому вагону, который по заключенію особо назначеннаго комитета будетъ признанъ разукрашеннымъ лучше всѣхъ остальныхъ. Американецъ не жалѣетъ денегъ на украшеніе своего дома 4-го іюля; во многихъ домахъ всякая колонна, всякое окно, всякое отверстіе были разукрашены, и звѣздный флагъ Соединенныхъ Штатовъ развѣвался изъ всякаго окна по главнымъ улицамъ. Даже каждая лошадь была украшена перьями и лентами: красный, синій и бѣлый цвѣта били въ глаза всюду. Улицы были биткомъ набиты народомъ въ праздничныхъ костюмахъ; мальчишки еще наканунѣ вечеромъ начали пускать ракеты и жечь fire-cracker'ы, нѣчто вродѣ нашихъ хлопушекъ, только самыхъ разнообразныхъ размѣровъ и взрывающихся съ разнообразнымъ шумомъ, отъ треска бумажной хлопушки до пушечнаго выстрѣла включительно.

Всю ночь напролетъ на 4-е іюля поддерживался самый адскій шумъ: пускали ракеты, жгли эти хлопушки, палили изъ ружей и пистолетовъ. Подгородныя желѣзныя дороги съ 7 часовъ утра начали подвозить со всѣхъ сторонъ цѣлые поѣзда подгородной публики, и дѣловыя улицы города запруживались все больше и больше,

причемъ и шумъ шелъ все crescendo и crescendo. Уличные вагоны были набиты до чрезвычайности; въ вагонъ съ 20-ю мѣстами набивалось по 75 человѣкъ, изъ которыхъ добрая половина висѣла во всевозможныхъ положеніяхъ, прицѣпившись за что попало. Хотя я и живу въ Америкѣ цѣлыя двѣнадцать лѣтъ и насмотрѣлся на всевозможныя уличныя желѣзныя дороги, но тутъ только въ первый разъ оцѣнилъ то, до чего человѣкъ подчинилъ себѣ стихіи. Часть нашего города расположена въ равнинѣ, а часть—на холмахъ, предгоріяхъ хребта Сіерра-Мадре; на этихъ холмахъ попадаются линіи съ наклономъ въ 35°, невозможнымъ для обыкновенныхъ экипажей; а биткомъ набитый уличный вагонъ, съ человѣческимъ грузомъ въ 300 пудовъ или около, управляемый однимъ человѣкомъ, взбѣгаетъ на эти наклоны и спускается съ нихъ съ регулярностью часового механизма, посредствомъ силы, передаваемой по тонкой, едва замѣтной проволокѣ. Одно легкое движеніе рычагомъ моментально останавливаетъ эту страшную тяжесть, опять пускаетъ ее въ ходъ, опять останавливаетъ. Я стоялъ на передней платформѣ, цѣпляясь за другого пассажира, и съ любопытствомъ слѣдилъ за этими манипуляціями, причемъ воочію убѣдился, что электричество дѣйствительно страшная, могучая сила, но что она покорена человѣкомъ и работаетъ безошибочно, согласно его желаніямъ. Надо замѣтить, что никогда еще въ нашемъ городѣ не бывало несчастнаго случая на электрическихъ уличныхъ дорогахъ, хотя есть кривыя въ 45° и наклоны въ 37°, притомъ на разстояніи около 500 ярдовъ, то-есть около 200 саженъ,—пространствѣ, при которомъ momentum сбѣгающаго вагона долженъ достигать ужасной силы.

Утромъ мѣстная полиція, состоящая въ нашемъ городѣ изъ десяти ротъ пѣхоты и баттареи артиллеріи, парадировала по улицамъ. Согласно федеральному закону, всѣ военныя и морскія силы Союза должны непремѣнно парадировать 4-го іюля, и эти парады составляютъ одну изъ оригинальныхъ особенностей празднованія. Милиція нашего штата состоитъ изъ трехъ бригадъ пѣхоты, одного полка кавалеріи и бригады артиллеріи, изъ шести, кажется, баттарей. Это, въ общемъ, довольно неуклюжая военная сила, съ европейской точки зрѣнія, не отличающаяся особенной стройностью движеній, хотя и одѣтая въ красивую, дорогую форму и вооруженная отличными скорострѣлками, которыми она владѣетъ въ совершенствѣ; стрѣлки здѣсь недюжинные, и оружіемъ каждый природный кали-

форніецъ умѣетъ владѣть съ большимъ успѣхомъ. Впрочемъ, въ данномъ случаѣ парадъ этотъ не привлекъ особеннаго вниманія; всѣ дожидались вечера, когда долженъ былъ начаться общій fun.

Уже къ 7 часамъ вечера три главныя, идущія параллельно одна другой, улицы города, по которымъ должна была, согласно наканунѣ опубликованному всѣми газетами церемоніалу, двигаться процессія, были набиты народомъ отъ одного троттуара до другого. Хлопушки всякаго размѣра лопались во всѣхъ направленіяхъ; у всѣхъ, даже у самыхъ солидныхъ, пожилыхъ людей въ цилиндрахъ, всѣ карманы были набиты ими, и всякій считалъ своимъ священнымъ долгомъ палить какъ можно чаще и громче. Хлопушки эти летали повсюду; никто не стѣснялся сосѣдями, ихъ бросали прямо подъ ноги, подъ платья дамамъ, на крыши уличныхъ вагоновъ, въ сидѣнье колясокъ, въ открытыя окна и двери домовъ—словомъ, всюду. Никто не обижался; этотъ fun принимался какъ нѣчто должное, и хотя богатѣйшіе и наиболѣе выдающіеся люди города были смѣшаны съ толпой,—ни на кого не обращали ни малѣйшаго вниманія; равенство американскаго народа нигдѣ такъ не бросается въ глаза, какъ на подобныхъ народныхъ праздникахъ, на общественныхъ играхъ, скачкахъ и т. д. Эта публика праздновала освобожденіе націи; она была на этихъ улицахъ для того, чтобы шумѣть и веселиться, этимъ исключительно и занималась. Одинъ духъ царилъ въ этой толпѣ; въ ней не было мѣста ничему, кромѣ веселья, шума, смѣха, шутокъ и пѣсенъ. Абсолютно весь городъ былъ на этихъ улицахъ: сѣдые, старые люди, грудные ребята, которыхъ не съ кѣмъ было оставить дома; всюду попадались цѣлыя семейства, начиная со старухи-бабушки и кончая мѣсячнымъ baby, спавшимъ на одной рукѣ отца, который другою, свободною рукой усердно бросалъ хлопушки. Въ разныхъ мѣстахъ жгли бенгальскіе огни, пускали ракеты, звѣзды и всевозможные фейерверки, царилъ полный пандемоніумъ; казалось, за шумомъ нельзя было ничего разслышать, за сплошной толпой—ничего увидѣть, а все-таки всѣмъ было весело, и кипучее одушевленіе такъ и било повсюду въ глаза.

Часу въ девятомъ, наконецъ, двинулась процессія. Во главѣ ея ѣхалъ верхомъ начальникъ полиціи города, съ отрядомъ конныхъ и пѣшихъ полисмэновъ, за ними—великій маршалъ или главный распорядитель дня съ своими адъютантами, всѣ верхомъ на разукрашенныхъ лошадяхъ и съ лентами черезъ плечо; затѣмъ оркестръ музыки, должно быть, игравшій веселый маршъ, котораго почти со-

всѣмъ не было слышно за грохотомъ хлопушекъ; а за нимъ—floats, освѣщенные факелами изъ бенгальскихъ огней, озарившими всю улицу своимъ кровавымъ, яркимъ цвѣтомъ. Былъ тутъ и Колумбъ, съ палубы своего диковиннаго корабля открывающій Америку, и Вашингтонъ, переплывающій съ своей свитой рѣку Делаваръ, и знаменитое засѣданіе конгресса, на которомъ была подписана декларація независимости, и мельница Сюттера, на которой впервые, 44 года тому назадъ, было открыто золото на Тихоокеанскомъ побережьи, и рогъ изобилія, награждавшій Калифорнію всѣми благами земными, и великая печать штата въ лицахъ, и чего-чего тутъ не было! Всѣ группы были въ костюмахъ соотвѣтственныхъ времени изображаемому картиной, богатыхъ, вѣрныхъ и съ самымъ добросовѣстнымъ исполненіемъ всѣхъ подробностей; на нѣкоторыхъ floats было до тридцати исполнителей и исполнительницъ, изображавшихъ извѣстное происшествіе. Процессія тронулась съ мѣста именно въ назначенную минуту, прошла, согласно маршруту, въ великолѣпномъ порядкѣ, не вышло ни малѣйшей зацѣпки или заминки, все шло какъ по маслу. Надо отдать справедливость американскому народу,—онъ умѣетъ устроить все именно такъ, какъ слѣдуетъ. Все было на своемъ мѣстѣ, никто не опоздалъ, ничего не было забыто, все предусмотрѣно. Организація всякаго дѣла такова, что въ исполненіи непремѣнно все окажется въ порядкѣ до мельчайшихъ подробностей; извѣстно—на комъ лежитъ отвѣтственность за то-то и за то-то, и нѣтъ возможности все перепортить, все перемѣшать, чтобы потомъ имѣть возможность кивать значительно на Петра и Сидора и отводить душу, ругая другъ друга и всѣхъ участниковъ.

Я увѣренъ, что случись какому-нибудь иностранцу попасть на улицы Лосъ-Анжелеса вечеромъ 4-го іюля, онъ непремѣнно пришелъ бы къ тому заключенію, что вся эта стотысячная толпа внезапно сошла съ ума и бѣснуется зря. Представьте себѣ безконечный фейерверкъ и всякіе взрывчатые снаряды прямо въ толпѣ, на улицахъ, запруженныхъ народомъ отъ одной стѣны до другой. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что это дѣло опасное; вѣроятно, многіе пережглись, еще бóльшее число поплатилось платьемъ; двумъ-тремъ субъектамъ, вѣроятно, сломали руки или ноги, можетъ быть, выжгли глаза,—вѣдь этимъ фейерверкомъ, этими взрывчатыми снарядами завѣдуютъ не спеціалисты, а первый встрѣчный, всякій членъ этой самой публики и въ ея же средѣ, прямо на улицахъ. Всякій, кто идетъ на улицу въ это время (а положительно все населеніе не только самого города,

но и на пятьдесятъ миль вокругъ толпится на этихъ улицахъ), знаетъ, что именно его ожидаетъ: никто не разрядится, всякій надѣнетъ именно то платье, котораго ему не жаль, какъ дѣлаетъ мужикъ, идущій ловить рыбу бреднемъ или сушить овинъ, и всякій готовъ и принять хлопушку или ракету въ лицо или въ карманъ и запустить ее съ своей стороны сосѣду или сосѣдкѣ, кто бы они ни были. Надо именно быть самому зараженнымъ американскимъ духомъ, сжиться съ нимъ и вполнѣ понять его, чтобы не только хладнокровно относиться ко всему этому, но и находить въ немъ огромное удовольствіе. Мнѣ лично потребовалось нѣсколько лѣтъ для того только, чтобы освоиться съ этими методами празднованія. Первый годъ я все удивлялся, чего же смотритъ полиція, и какъ это позволяютъ подобныя вещи? И почему эти солидные люди, эти изящныя дамы не злятся, не обижаются? А когда я увидѣлъ, что и сами эти солидные люди, мэйоры, ольдермэны, сенаторы, генералы и банкиры пускаютъ тѣ же хлопушки и отъ души хохочутъ, когда такая хлопушка заберется въ какое-нибудь непоказанное мѣсто и произведетъ особенное опустошеніе или конфузъ, я готовъ былъ не только удивляться, но и негодовать. Теперь я отношусь къ этому иначе и, хотя еще не успѣлъ возбудить въ себѣ самомъ должной степени энтузіазма и не набиваю себѣ кармановъ хлопушками, когда иду на улицу 4-го іюля, тѣмъ не менѣе, щедро покупаю ихъ для моихъ мальчишекъ и радуюсь ихъ радости по поводу того шума, который они неустанно и непрестанно производятъ. Что дѣлать, читатель,—приходится сознаваться: я не только отпустилъ своего старшаго мальчика участвовать въ процессіи, нести факелъ и ревѣть во все горло, но и апплодировалъ ему отъ души, когда онъ проходилъ мимо меня, стоявшаго съ женой и остальными чадами и домочадцами на троттуарѣ, тискаемаго со всѣхъ сторонъ и во всѣ мѣста, и тѣмъ не менѣе, веселаго и довольнаго и этой толпой, и своимъ времяпрепровожденіемъ.

Вѣроятно, многіе соотечественники посѣтятъ Чикаго и Америку по поводу всемірной выставки текущаго года. Вѣроятно, многіе изъ нихъ захотятъ подѣлиться въ печати своими впечатлѣніями, не говоря уже о тѣхъ разсказахъ, которые они повезутъ домой. Да позволено мнѣ будетъ обратиться съ дружескимъ совѣтомъ къ тѣмъ изъ нихъ, кому попадутся на глаза эти строки. Они увидятъ въ Америкѣ много страннаго, непонятнаго, неестественнаго: если они пойдутъ дальше отелей и общаго теченія выставоч-

ной толпы, то, конечно, замѣтятъ и много такого, что покажется имъ грязнымъ, пошлымъ, необъяснимымъ въ республикѣ, гордящейся своимъ безпримѣрнымъ богатствомъ и рѣшающейся утверждать, что она-то именно и олицетворяетъ собою послѣднее слово человѣческаго прогресса. Пусть они не торопятся осуждать то, что они поверхностно такимъ образомъ замѣтятъ и чему не найдутъ подъ руками разумнаго объясненія. Американецъ, если они къ таковому обратятся за объясненіемъ, вѣроятно, съумѣетъ объяснить все въ точности; но дѣло будетъ въ томъ, что его объясненіе, даваемое съ чисто американской точки зрѣнія, не только не удовлетворитъ русскаго человѣка, но и покажется ему еще болѣе страннымъ, еще болѣе затемняющимъ вопросъ. Американецъ мыслитъ и относится къ вещамъ по-своему, по-американски, и его объясненіе, совершенно раціональное для тѣхъ, кто свыкся съ его методами мышленія, съ его міровоззрѣніемъ, окажется дикимъ и неподходящимъ россійскому интеллигенту. Я говорю это по опыту. Мало того, за послѣднее время, мнѣ какъ нарочно, попались нѣсколько книгъ и журнальныхъ статей о Россіи, написанныхъ завѣдомо добросовѣстными, дѣльными, развитыми американцами, несомнѣнно видѣвшими все то, о чемъ они пишутъ; но, Боже мой, какъ смѣшно и нелѣпо они иногда ошибаются! Какъ дико они объясняютъ извѣстныя мнѣ въ точности явленія чисто русской, народной жизни! Такъ и читаешь между строками, что извѣстный фактъ былъ объясненъ имъ какимъ-нибудь русскимъ, объясненъ вѣрно, но остался совершенно непонятымъ, такъ какъ ихъ американское мышленіе не могло и не умѣло освоиться съ этимъ объясненіемъ и поняло его на свой ладъ обыкновенно шиворотъ-навыворотъ. И вотъ пишутся вещи совершенно невѣрныя, съ нелѣпыми, безсмысленными объясненіями и комментаріями, вводящія въ заблужденіе тысячи читателей, привыкшихъ вѣрить автору на слово. Отъ подобнаго-то, по моему мнѣнію, непростительнаго образованному человѣку преступленія я бы и желалъ предостеречь моихъ соотечественниковъ. Если что-либо и покажется имъ дикимъ и страннымъ, пусть они не забываютъ, что они—русскіе, относящіеся къ окружающему съ своей собственной, русской точки зрѣнія; пусть они помнятъ, что американская жизнь сложилась и идетъ своей собственной дорогой, что условія этой жизни часто діаметрально противоположны русскимъ, и что для того, чтобы понять ихъ, недостаточно видѣть два-три города, проѣхать сутки по желѣзной дорогѣ и поболтать съ нѣсколькими десятками незнакомыхъ людей.

Русскіе люди — вообще плохіе наблюдатели; они плохо знаютъ самихъ себя, свою собственную деревню, и имъ трудно понимать такой сложный, такой своеобразный, такой чуждый ихъ духу организмъ, какъ Сѣверо-Американскіе Соединенные Штаты. Я хорошо помню ту глубокую разницу воззрѣній, то радикальное непониманіе другъ друга, какими отличались не только такъ-называемыя русскія партіи, но и цѣлые классы русскаго населенія; мы любимъ рѣшать дѣло сгоряча, съ плеча, такъ сказать; терпѣть не можемъ выслушивать возраженія, хотя бы самаго мягкаго свойства, а тутъ приходится оцѣнивать цѣлую цивилизацію, цѣлый новый міръ, съ своеобразными интересами и мотивами, выработавшійся при условіяхъ единственныхъ въ исторіи націй земного шара.

Я уже нѣсколько разъ возвращался къ этому предмету то съ той, то съ другой стороны, съ тѣхъ поръ, какъ началъ писать настоящія письма. Должно быть, вѣрно, что чтò у кого болитъ, тотъ о томъ и говоритъ. Дѣло въ томъ, что мнѣ самому пришлось переиспытать и перечувствовать многое по этому именно вопросу. Только, сравнительно, очень недавно сталъ я чувствовать себя, какъ слѣдуетъ себя чувствовать рыбѣ въ водѣ, именно дома, въ знакомой и понятной атмосферѣ. Много лѣтъ я постоянно чувствовалъ себя не по себѣ, именно потому, что никакъ не могъ освоиться съ этимъ новымъ, страннымъ міромъ. Во многомъ пришлось переломить себя, переломить насильно, и тѣ, кто знаетъ, чтò значитъ ломать упрямую, деспотическую славянскую натуру, поймутъ, легко ли мнѣ это досталось. Тѣмъ не менѣе, я несомнѣнно дошелъ до того, что считаю себя вполнѣ акклиматизированнымъ, освоившимся съ американскимъ духомъ, понялъ его методы мышленія, самъ къ нимъ нерѣдко прибѣгаю и такъ же ясно вижу ошибки иностранцевъ въ нравоописаніяхъ Америки, какъ вижу ихъ и въ нравоописаніяхъ Россіи американцами. Возьмите, напримѣръ, книгу англичанина Брайса о Соединенныхъ Штатахъ, по всѣмъ признакамъ, произведшую сильное впечатлѣніе въ Европѣ, и авторъ которой считается въ настоящее время авторитетомъ чуть ли не равнымъ Токвилю и, конечно, болѣе современнымъ и надежнымъ. Авторъ несомнѣнно добросовѣстно, методично, до тонкости изучилъ всѣ наружныя проявленія американской жизни, всѣ законы, всѣ дѣйствующія учрежденія; но меня нѣсколько разъ поражала фальшь его освѣщенія, его толкованій, хотя во многихъ случаяхъ эту фальшь и трудно ухватить какъ что-нибудь реальное и развить ее осязательно передъ читателемъ. Дѣло

въ томъ, что Брайсъ, очевидно, не вмѣстилъ многаго, и индивидуальность личностей, объяснявшихъ ему непонятныя для него самого мѣста, рѣзко чувствуется въ его толкованіяхъ. У него не было времени лично обнять все въ цѣлости такъ, чтобы быть самому въ состояніи объяснить вѣрно всякое отдѣльное явленіе; многія изъ нихъ такъ и остались имъ совершенно непонятыми, и онъ удовольствовался не тѣмъ объясненіемъ, которое должно бы явиться само собой, еслибъ онъ понялъ и вмѣстилъ американскій духъ, а случайными и потому невѣрными объясненіями другихъ людей, и эти-то факты и являются ложками дегтя въ бочкѣ меда, такъ какъ въ общемъ его книга очень хороша и заслуживаетъ всякаго вниманія.

ПИСЬМО ДЕВЯТОЕ.

16-го (28-го) іюля.

На прошлой недѣлѣ вице-президентъ Соединенныхъ Штатовъ, Адлай Стивенсонъ, посѣтилъ южную Калифорнію и ея торговый и финансовый центръ, Лосъ-Анжелесъ. Онъ объѣзжаетъ всѣ западные штаты и Тихоокеанское побережье для поправленія здоровья, — какъ говорятъ газеты и онъ самъ; а въ дѣйствительности—чтобы самолично убѣдиться въ справедливости тревожныхъ слуховъ объ общей паникѣ и застоѣ, которыми за послѣднее время полна вся страна, и которые, наконецъ, встревожили и почивавшее на лаврахъ ноябрьской побѣды демократическое федеральное правительство съ Кливелэндомъ и Стивенсономъ во главѣ.

Выраженіе „торговый и финансовый центръ" на американскомъ языкѣ имѣетъ настолько характерное значеніе, что я остановлюсь на немъ подробнѣе.

Въ финансовомъ и торговомъ отношеніяхъ весь Союзъ раздѣленъ на извѣстные районы, не имѣющіе ничего общаго съ географическими границами штатовъ, а рѣзко опредѣленные иногда мѣстными, всего чаще желѣзнодорожными и пароходными условіями. Громадное большинство американскихъ сухихъ и водяныхъ путей сообщенія соединились съ давнихъ временъ въ ассоціаціи, обнимающія извѣстные районы, сообразно удобствамъ сквозной эксплоатаціи; эти ассоціаціи поддерживаютъ сквозные и мѣстные тарифы, устанавливая извѣстные пункты за базисы. Классификація амери-

канскихъ желѣзнодорожныхъ тарифовъ—вещь чрезвычайно разнообразная и сложная, требующая спеціальнаго изученія и сама по себѣ составляющая чрезвычайно обширный, многосторонній предметъ. Я лично никогда въ жизни не занимался желѣзнодорожнымъ дѣломъ теоретически, но, пробывши четыре года главноуправляющимъ значительной желѣзнодорожной линіи, имѣлъ не разъ случай просматривать различныя европейскія системы тарифовъ, въ томъ числѣ и русскую, и смѣло могу сказать, что американская система—единственная въ мірѣ, вызываемая исключительными мѣстными условіями, главнымъ образомъ той борьбой, которая постоянно идетъ между желѣзнодорожными корпораціями и народомъ, въ лицѣ федеральнаго и штатныхъ правительствъ.

Стремленіе регулировать и уменьшить желѣзнодорожные тарифы проявилось уже давно, лѣтъ тридцать тому назадъ, когда впервые выяснилось, какое громадное значеніе въ экономической жизни Союза имѣютъ эти тарифы; стремленіе это оформилось въ видѣ штатныхъ комиссій, учрежденныхъ нѣкоторыми штатами Сѣвера еще въ семидесятыхъ годахъ, съ цѣлью обуздать жадность нѣкоторыхъ линій, просто-на-просто грабившихъ бывшее въ ихъ рукахъ населеніе. Сначала нѣсколько лѣтъ было убито на борьбу между народомъ и желѣзными дорогами, оспаривавшими всѣми правдами и неправдами конституціональность такихъ комиссій; онѣ утверждали, что, хотя легислатура штата и имѣетъ безспорное право издавать законы и опредѣлять, между прочимъ, и желѣзнодорожные тарифы, и онѣ согласны преклониться передъ ея авторитетомъ, тѣмъ не менѣе, не могутъ признать ея права передавать кому-либо свои законодательныя функціи, что̀, очевидно, имѣетъ въ виду легислатура, создавшая особыя постоянныя учрежденія, комиссіи, которымъ эти права и были переданы, такъ какъ, конечно, сама легислатура не имѣетъ ни возможности, ни времени заниматься сложной работой классификаціи тарифовъ. Самыя выдающіяся личности американской адвокатуры боролись съ обѣихъ сторонъ по этому вопросу, который, наконецъ, и былъ рѣшенъ въ пользу народа и противъ дорогъ нѣсколькими рѣшеніями верховнаго суда,—учрежденія, рѣшенія котораго никогда еще въ исторіи Союза никѣмъ не оспаривались и всегда принимались за безусловно окончательныя во всякомъ дѣлѣ. Затѣмъ прошло нѣсколько лѣтъ, пока нѣсколько этихъ комиссій въ различныхъ штатахъ организовались, добыли необходимыя предварительныя свѣдѣнія и выработали извѣстныя обязательныя для до-

рогъ постановленія относительно правилъ и тарифовъ, утвержденныя соотвѣтственными легислатурами.

Въ теченіе этого періода желѣзныя дороги дѣлали все возможное въ предѣлахъ закона, чтобы задержать и затормозить работу этихъ комиссій; у меня имѣются многіе ихъ отчеты за тѣ года, и они полны описаніями тѣхъ подводныхъ камней, которыми былъ устланъ путь этихъ злосчастныхъ комиссій. Американцы вообще чрезвычайно консервативны, медленны и разсудительны, разъ дѣло касается такихъ сложныхъ, запутанныхъ вопросовъ, такого обилія разностороннихъ интересовъ, съ которыми пришлось имѣть дѣло этимъ первымъ желѣзнодорожнымъ комиссіямъ—онѣ не дѣйствовали сплеча, не напирали силой, хотя имѣли полную возможность къ тому, а терпѣливо и внимательно старались согласовать эти интересы, придти къ компромиссамъ, пригоднымъ и для народа, который онѣ собой представляли, и для желѣзныхъ дорогъ, которыя онѣ преслѣдовали. Исторія дѣятельности этихъ комиссій даетъ одинъ изъ самыхъ разительныхъ примѣровъ терпимости, терпѣнія и въ то же время желѣзной настойчивости американскихъ властей и народа.

Какъ бы то ни было, машина была создана, настроена и пущена въ ходъ. Немедленно же оказалось, что она можетъ достичь только очень немногаго: большинство линій распространяются на нѣсколько штатовъ; каждый штатъ абсолютно самостоятеленъ въ дѣлѣ своихъ внутреннихъ законовъ, и законы и власти одного не имѣютъ рѣшительно никакой силы въ другомъ; мѣстныя условія оказались различными; штатныя комиссіи заспорили между собой и съ дорогами, и въ результатѣ получился совершенный хаосъ. Общественное мнѣніе Союза явилось на выручку. Оно внимательно слѣдило за всѣмъ дѣломъ и потребовало отъ конгресса учрежденія федеральной комиссіи, которая имѣла бы право согласовать эти споры и слѣдить за дорогами во всѣхъ штатахъ Союза.

Такая комиссія и была, наконецъ, учреждена лѣтъ десять тому назадъ; знаменитый законъ, извѣстный подъ именемъ Inter State Commerce bill, опредѣляетъ ея организацію и предѣлъ дѣятельности. И на этотъ разъ желѣзныя дороги долгое время оспаривали сначала легальность всего закона, потомъ извѣстныхъ его статей въ розницу; тѣмъ не менѣе, комиссія была учреждена, назначена, организовалась и начала свою дѣятельность въ извѣстной связи съ штатными комиссіями. Въ настоящее время имѣется уже обширная литература предмета. Благодаря дѣятельности этихъ комиссій, пу-

бликующихъ всѣ свои работы и отчеты, благодаря полемикѣ, вызванной этими отчетами, публика успѣла познакомиться съ основными понятіями желѣзнодорожнаго дѣла вообще и тарифовъ въ особенности. Настоящіе тарифы и являются результатомъ этой двадцатипятилѣтней борьбы; всюду, гдѣ только желѣзныя дороги могли такъ или иначе обойти законныя требованія комиссіи, онѣ это дѣлаютъ, и вотъ является масса несообразностей и странностей, могущихъ съ перваго раза показаться дикими и необъяснимыми, а въ сущности вполнѣ логичныхъ и понятныхъ посвященнымъ въ дѣло лицамъ. Такъ какъ географическія границы штатовъ не могли быть приняты за базисы (это не имѣло бы смысла, потому, что въ громадномъ большинствѣ случаевъ, на штатныхъ границахъ нѣтъ никакихъ поселеній), то штатнымъ комиссіямъ и пришлось пойти на компромиссы и признать за базисы извѣстные опредѣленные пункты, всегда большіе города. Тарифъ опредѣляется между двумя такими пунктами,—напримѣръ, между Нью-Іоркомъ и Цинцинати, между Нью-Іоркомъ и Чикаго, между Санъ-Луисомъ и Санъ-Франциско, между Санъ-Луисомъ и Лосъ-Анжелесъ — а всѣ промежуточные пункты являются, до извѣстной степени, жертвами желѣзнодорожной жадности.

Поясню это примѣромъ. На линіи между Санъ-Луисомъ и Лосъ-Анжелесъ приняты за базисы города Канзасъ-Сити въ штатѣ Мисури, Топика въ Канзасѣ, Альбукеркъ въ территоріи Новая Мексика, и, наконецъ, Лосъ-Анжелесъ въ Калифорніи. Города эти выбраны базисами потому, что они являются единственными на этой линіи компетирующими пунктами, то-есть такими, между которыми и исходнымъ пунктомъ существуютъ двѣ или болѣе желѣзнодорожныхъ линіи. Тарифъ въ эти пункты, въ эти базисы, принятъ такой, какой приходится согласно помильному разсчету, утвержденному федеральной комиссіею, кратчайшей между ними линіи, а всѣ промежуточные пункты, до извѣстной степени, преданы на волю желѣзной дороги, такъ какъ сквозныхъ тарифовъ до Санъ-Луиса для нихъ не существуетъ, а есть только мѣстный, до ближайшихъ базисовъ. Такимъ образомъ для всякаго мѣстечка въ территоріяхъ Нью-Мексико, Аризонѣ и штатѣ Калифорніи тарифъ отъ Санъ-Луиса будетъ сквозной: отъ Санъ-Луиса или до Альбукерка, или до Лосъ-Анжелеса, плюсъ мѣстный отъ этихъ базисовъ, смотря по тому, къ которому изъ нихъ ближе мѣстечко расположено. И выходитъ, что, хотя грузъ и идетъ прямо изъ Санъ-Луиса на мѣсто,

можетъ быть, на пятьсотъ миль ближе, чѣмъ Лосъ-Анжелесъ,— мѣстному торговцу приходится платить за провозъ полную сумму до Лосъ-Анжелеса, да еще, кромѣ того, мѣстную, отъ Лосъ-Анжелеса до него, какъ будто товаръ былъ доставленъ сначала въ Лосъ-Анжелесъ, а потомъ прибылъ назадъ до мѣста. Кромѣ того, тарифъ на цѣлый вагонъ товара одного рода (20.000 англійскихъ фунтовъ, 550 пудовъ) обыкновенно вдвое, а иногда и втрое ниже тарифа на какое бы то ни было количество меньшее цѣлаго вагона (car load и less than car load), и мелкій торговецъ въ маленькомъ мѣстечкѣ (особенно въ жаркомъ климатѣ, кишащемъ насѣкомыми, портящими всякій товаръ) не можетъ выписывать по цѣлому вагону сразу. Вотъ и оказывается, что оптовый торговецъ въ Лосъ-Анжелесѣ можетъ продавать ему товаръ дешевле, чѣмъ оптовый торговецъ въ Санъ-Луисѣ, у котораго тотъ, можетъ быть, самъ купилъ его. Желѣзнодорожный тарифъ съ системой базисовъ производитъ эту очевидную аномалію, а благодаря ей, и развиваются въ каждомъ извѣстномъ районѣ торговые и финансовые центры, до извѣстной (весьма значительной) степени контролирующіе всю розничную торговлю района.

Быть компетирующимъ пунктомъ, быть базисомъ для желѣзнодорожныхъ тарифовъ значитъ для американскаго города быть и оптовымъ центромъ. Радіусъ такихъ центровъ, а съ нимъ и торговое вліяніе чрезвычайно различны. Кромѣ того, всякая новая желѣзнодорожная линія, пересѣкающая старыя, создаетъ новые компетирующіе пункты, новые базисы, новые центры, сейчасъ же начинающіе оказывать вліяніе на значеніе старыхъ; поэтому-то города Соединенныхъ Штатовъ такъ и падки на новыя дороги, такъ и щедры на субсидіи; поэтому-то Санъ-Франциско и теряетъ съ каждымъ годомъ свое значеніе, такъ какъ и на сѣверъ, и на югъ отъ него постоянно открываются новые базисы, имѣющіе тѣ же тарифы, что и онъ, и отхватывающіе отъ него районъ за райономъ, по мѣрѣ ихъ образованія новыми желѣзнодорожными линіями.

Однако, пора вернуться и къ Адлаю, которымъ я началъ свое письмо.

Лосъ-Анжелесъ—городъ съ значительнымъ республиканскимъ большинствомъ; на прошлыхъ президентскихъ выборахъ изъ 12 слишкомъ тысячъ голосовъ демократамъ удалось захватить всего 4 тысячи, да и то около полутора тысячъ изъ этихъ четырехъ было голосовъ испанско-мексиканскихъ, вотировавшихъ по приказу

католической церкви, у которой они находятся въ крѣпостной зависимости, и которая въ прошломъ году сдѣлала гигантское усиліе въ пользу демократовъ, благодаря разнымъ осложненіямъ въ центральныхъ штатахъ. Кромѣ численнаго превосходства, республиканцы несомнѣнно обладаютъ и умственнымъ и нравственнымъ: всѣ выдающіеся почему-либо люди города—поголовно республиканцы; изъ 600 членовъ коммерческой палаты города ихъ 90%. Тѣмъ не менѣе, весь городъ высыпалъ навстрѣчу вице-президента Союза, главныя улицы были разукрашены флагами, бантами и цвѣтами, и ему было предоставлено „свободное гражданство“ города, то-есть всѣ расходы его и партіи были приняты на себя комитетомъ встрѣчи, выбраннымъ еще за нѣсколько дней до пріѣзда и успѣвшимъ собрать значительную сумму на эти расходы. Правда, особеннаго энтузіазма проявлено не было; тѣмъ не менѣе, лойяльность населенія въ отношеніи существующаго правительства, хотя оно и не по вкусу мѣстному большинству, была блистательно доказана этимъ сборищемъ, чествовавшимъ не лично Адлая, а вице-президента Соединенныхъ Штатовъ, кто бы онъ ни былъ.

Относительно этой лойяльности, этого уваженія къ представителямъ вердиктовъ большинства, республиканскія общины Сѣвера и Запада далеко ушли отъ бурбонски-демократическихъ общинъ Юга. Я хорошо помню, какъ лѣтъ десять тому назадъ, когда я былъ еще совершеннымъ новичкомъ въ Америкѣ, меня поразила та ледяная холодность, чтобы не сказать больше, съ какою былъ встрѣченъ во Флоридѣ бывшій тогда президентомъ республиканецъ Артюръ, пріѣхавшій туда для двухнедѣльнаго отдыха. Южане не съумѣли, а можетъ быть, и не захотѣли скрыть ненависти, съ которой они вообще относятся къ представителямъ республиканской партіи; въ нихъ не оказалось noblesse oblige, которое всегда проявляютъ въ такихъ случаяхъ Сѣверъ и Западъ. Даже еще два года тому назадъ, когда президентъ Гаррисонъ задумалъ-было объѣхать Союзъ, начавши съ Юга, его свита нашла нужнымъ весьма скоро измѣнить маршрутъ и выкинуть изъ него штаты солиднаго Юга, такъ какъ настроеніе первыхъ городовъ, гдѣ онъ останавливался, было далеко нежелательнымъ. Сѣверъ и Западъ, напротивъ, всегда и вездѣ встрѣчали демократа Кливелэнда съ уваженіемъ, и, хотя въ нихъ большинство и не симпатизируетъ ему, тѣмъ не менѣе, признаетъ въ немъ законнаго президента Союза и никогда не забываетъ этого. То же проявилось всюду и при встрѣчѣ

всѣмъ Западомъ Стивенсона, который считается непримиримымъ партизаномъ и не пользуется личной популярностью и какимъ бы то ни было личнымъ престижемъ.

Назначеніе Стивенсона кандидатомъ въ вице-президенты Союза національной демократической конвенціей 1892 года было чистой случайностью, прямымъ послѣдствіемъ, во-первыхъ, стремленія всякаго представительнаго собранія, по возможности, согласить между собою многочисленныя фракціи и меньшинства, а во-вторыхъ, предполагавшеюся въ то время абсолютной необходимостью захватить штатъ Иллинойсъ въ пользу демократовъ для того, чтобы дать хоть какой-нибудь шансъ успѣха національному демократическому тикету. Два самые значительные изъ такъ-называемыхъ сомнительныхъ въ политическомъ смыслѣ (doubtful) штатовъ, Нью-Іоркъ и Индіана, во время конвенціи считались потерянными для демократовъ: первый—въ виду открытой враждебности Кливелэнду Гилла и его союзниковъ, имѣвшихъ въ своемъ безусловномъ распоряженіи всю оффиціальную партійную машину, а второй—потому, что былъ родиной (home'омъ) назначеннаго республиканской конвенціей кандидата Гаррисона. Нужно было захватить что-нибудь значительное, чтобы парировать эти предполагавшіяся потери, и штаты Иллинойсъ и Висконсинъ, бывшіе, въ теченіе послѣднихъ тридцати лѣтъ, несокрушимыми республиканскими твердынями, были выбраны цѣлью. Поэтому-то вожаки и порѣшили не только отдать вице-президентство штату Иллинойсу, но и поступиться въ немъ всѣмъ для того, чтобы заручиться большинствомъ. Я уже упоминалъ въ предыдущихъ письмахъ о сдѣлкахъ съ католическимъ духовенствомъ, съ кахенлизмомъ, съ соціалъ-демократами; то же самое было сдѣлано и съ назначеніемъ Стивенсона, самаго интенсивнаго партизана и представителя spoils system въ политикѣ. Иллинойсъ имѣлъ солиднаго кандидата на назначеніе въ вице-президенты въ лицѣ престарѣлаго генерала Пальмера, особенно отличившагося въ теченіе междоусобной войны и въ настоящее время состоящаго сенаторомъ въ сенатѣ Соединенныхъ Штатовъ отъ штата Иллинойса, человѣка съ національной репутаціей и непоколебимой честности; но именно поэтому-то онъ и не годился для удовлетворенія крайнихъ элементовъ демократовъ-бурбоновъ; тогда какъ Стивенсонъ былъ именно тѣмъ, что было необходимо, чтобы заставить ихъ работать съ усиленной энергіей въ пользу тикета.

Когда телеграфъ разнесъ по странѣ вѣсть о назначеніи на-

ціональной конвенціи въ Чикаго, сначала послѣдовало общее недоумѣніе. Кто такой Стивенсонъ и что онъ собой изображаетъ? Его мало знали, и только мало-по-малу было возстановлено его прошедшее и понято все значеніе этой кандидатуры, предназначавшейся съ самаго начала для противовѣса Кливелэнду, позировавшему въ качествѣ реформатора гражданской службы. Демократическая партія опять должна была прибѣгнуть къ своему обыкновенному маневру—лѣвой рукой передѣлывать то, что сдѣлала правая. Еще со времени междоусобной войны, когда главные и, можно сказать, единственные принципы демократовъ (невольничество негровъ и абсолютная независимость штатовъ) были невозвратно похоронены, принципіальная сторона этой партіи была всегда въ какомъ-то неопредѣленномъ, странномъ положеніи. Въ то время, какъ одни ея органы высказываются за что-нибудь, другіе неизмѣнно заявляютъ себя противъ, и нѣтъ никакой возможности сказать утвердительно напередъ, какова будетъ ея политика по извѣстному вопросу.

Однимъ изъ самыхъ выдающихся и характерныхъ актовъ встрѣчи вице-президента въ нашемъ городѣ былъ обычный въ Америкѣ публичный пріемъ, public reception, который онъ устроилъ въ зданіи городской думы. Зданіе это,—одно изъ лучшихъ въ городѣ,—окончено постройкой всего годъ тому назадъ, стоитъ городу свыше полумилліона долларовъ, занято городскими учрежденіями разнаго рода, и, между прочимъ, даровой публичной библіотекой, занимающей цѣлый этажъ, заключающей въ себѣ многія сотни тысячъ томовъ и требующей особаго штата въ двѣнадцать человѣкъ служащихъ, почти исключительно молодыхъ дѣвушекъ, кончившихъ курсъ въ особомъ классѣ, учрежденномъ городомъ для приготовленія лицъ къ занятію должности библіотекаря. Всѣ города Запада, даже незначительные, всего съ двумя-тремя тысячами жителей, имѣютъ такія даровыя библіотеки, не только снабженныя очень удобными, даже роскошными кабинетами для чтенія со всей періодической прессой страны, но и выдающія книги на домъ безъ всякихъ формальностей и даже безъ залоговъ; требуется только, чтобы какое-либо лицо, значащееся въ спискахъ плательщиковъ податей города, подписало извѣстный билетъ, который и составляетъ залогъ въ возвратѣ книгъ.

Публичный пріемъ Стивенсона ничѣмъ не отличался отъ всѣхъ подобныхъ пріемовъ. Вице-президентъ стоялъ на небольшомъ воз-

вышенія, съ мэйоромъ города по правую руку и однимъ изъ выдающихся политикановъ демократической партіи въ нашемъ городѣ по лѣвую, и пожималъ руки и пріятно улыбался проходившимъ мимо него многимъ тысячамъ гражданъ, называвшихся ему по имени или мэйоромъ, или кѣмъ-либо изъ присутствовавшихъ. Второе лицо по значенію и вліянію въ Союзѣ, странѣ съ 65-ю милліонами жителей, Стивенсонъ, безъ всякой помпы, въ простомъ черномъ сюртукѣ, такъ сказать, представлялся публикѣ; всякій имѣлъ возможность пожать ему руку и привѣтствовать его сообразно своему настроенію. Не обошлось, конечно, и безъ смѣшныхъ эпизодовъ. Маленькій уличный чистильщикъ сапоговъ, bootblack, мальчишка лѣтъ девяти, когда волна публики донесла его до вице-президента, разинулъ ротъ и упорно держалъ свои ручонки въ карманахъ своихъ короткихъ штановъ. Стивенсонъ наклонился, вытащилъ правую руку мальчика изъ кармана, торжественно потрясъ ее и погладилъ его по головѣ посреди общаго дружнаго хохота толпы. Сдерживавшіе на улицѣ порядокъ полисмены, по окончаніи пріема публики, были тоже поочередно представлены, и тоже пожали руку вице-президента республики.

Финансовое разстройство Америки подвигается все глубже и глубже; созывъ конгресса на 7-е августа, мѣра, которая три мѣсяца тому назадъ, по всей вѣроятности, могла бы пособить дѣлу, оказывается теперь совершенно недѣйствительной. Недовѣріе къ будущему все ростетъ; въ теченіе мая, іюня и іюля лопнуло слишкомъ 300 національныхъ банковъ и цѣлое сонмище штатныхъ и частныхъ; финансовая паника въ нашемъ городѣ, которую я описалъ въ одномъ изъ предыдущихъ писемъ, распространилась на всю страну и перебрала всѣ большіе города. Портлэндъ, Сіэтель, Денверъ, Канзасъ-Сити, Мильвоки, Санъ-Поль, Индіанополисъ—да и не перечислишь всѣхъ городовъ, которые одинъ за другимъ испытали тѣ же пертурбаціи и въ которыхъ банки лопнули цѣлыми дюжинами, не потому, что были несостоятельны, а потому, что публика вдругъ потеряла довѣріе ко всему и потребовала сразу свои вклады, которые обращаетъ въ золото и запираетъ въ несгораемые шкафы. Прямымъ послѣдствіемъ „зажатыхъ денегъ“ являются банкротство торговыхъ и промышленныхъ предпріятій и паденіе цѣнностей всякаго рода и продуктовъ,—паденіе небывалое въ исторіи Союза. Пшеница упала до 56 центовъ за бушель; свинина—до 10 долларовъ; сало—до 6; хлопокъ—5$^1/_2$ центовъ, тогда какъ только годъ тому назадъ пше-

ница стоила долларъ, свинина—20 и сало—12. На Востокѣ фабрики разнаго рода закрываются цѣлыми десятками; въ центрѣ—желѣзное и каменноугольное дѣло упали на половину; валовой доходъ всѣхъ желѣзнодорожныхъ линій падаетъ съ каждымъ мѣсяцемъ гигантскими скачками, и строжайшая экономія въ расходахъ составляетъ motto всѣхъ большихъ предпріятій. Въ Денверѣ, столицѣ штата Колорадо, оказалось въ одинъ прекрасный день до 15.000 человѣкъ безъ работы,—явленіе невиданное въ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ; городской совѣтъ долженъ былъ принять энергичныя мѣры къ тому, чтобы часть этого празднаго народа отправить на Востокъ, а части дать занятіе на общественныхъ работахъ. Сокращеніе производствъ и всякаго рода дѣятельности таково, что многіе большіе города готовятся къ тому же. Цѣна на серебро неудержимо падаетъ съ каждымъ днемъ, и съ полдюжины серебряныхъ штатовъ громко кричатъ о совершенномъ раззореніи. Серебряный конгрессъ въ Чикаго, закрытый на-дняхъ, принялъ самыя свирѣпыя резолюціи: его прокламаціи дышатъ раздоромъ и угрозами. Въ то же время всѣ утратили вѣру въ конгрессъ; демократическое большинство его такъ разрознено, такъ безнадежно разбито на фракціи, связанныя или предыдущими обѣщаніями, или мѣстными интересами, или абсолютной бездарностью, что нація увѣрена въ томъ, что онъ неспособенъ ни на какое положительное законодательство. Министерство совсѣмъ потеряло голову, а Кливелэндъ преспокойно удитъ рыбу; уже съ мѣсяцъ, какъ онъ выѣхалъ изъ Вашингтона и наслаждается лѣтней вакаціей.

До послѣдняго времени финансовый крахъ 1873 года всегда казался чѣмъ-то небывалымъ, ужаснымъ. Онъ раззорилъ тысячи людей и обезцѣнилъ имущество на сумму до 300 милліоновъ долларовъ. Люди старые, пережившіе этотъ крахъ и все еще занимающіеся дѣлами и по настоящую минуту, единогласно признаютъ, что теперешнее угнетеніе и обезцѣненіе далеко перегнало 1873 годъ и по формѣ, и по существу. Крахъ 1873 года былъ внезапенъ и остеръ: банкротства и раззоренія были всѣ продѣланы сразу, а затѣмъ страна начала мало-по-малу освобождаться отъ гнета, и положеніе начало улучшаться почти на другой день краха. Теперь не то. Вотъ уже три мѣсяца, какъ идетъ сокращеніе дѣятельности страны; уже три мѣсяца, какъ лопаются банки, корпораціи, частные капиталы; три мѣсяца, какъ цѣны идутъ подъ-гору; обезцѣненіе уже достигло громадной суммы въ 2 милліарда долларовъ, и нѣтъ ни малѣйшей на-

дежды на то, что оно достигло конца; напротивъ, всякій день приноситъ извѣстія о новыхъ банкротствахъ, о новыхъ сокращеніяхъ, о новыхъ закрытіяхъ. Неизвѣстно, скоро-ли наступитъ конецъ, да и вообще наступитъ-ли. Консервативные дѣльцы думаютъ, что въ настоящую минуту нельзя и предвидѣть, чѣмъ разразится это небывалое положеніе. На улицахъ нашего города теперь не найдешь ни одного демократа: они мгновенно улетучиваются, какъ только заговоришь съ ними о положеніи дѣлъ и о томъ, что они о немъ думаютъ. Все чаще и чаще слышится обвиненіе, что Кливелэндъ пересталъ представлять собою демократическую партію Союза, что онъ стремится къ образованію новой партіи, имѣющей поглотить крайнія фракціи обѣихъ теперешнихъ главныхъ политическихъ партій Союза, и къ будущей президентской кампаніи выработать свою собственную платформу—платформу монометализма, абсолютной свободы торговли и реформы гражданской службы въ смыслѣ смѣняемаго только по суду чиновничества. Поживемъ—увидимъ.

ПИСЬМО ДЕСЯТОЕ.

Американская пресса.

I.

Нѣкоторые изъ читателей моихъ писемъ упрекаютъ меня въ томъ, что у меня слишкомъ много цифръ. Не знаю, можетъ быть, они и правы, такъ какъ я люблю цифры; мнѣ всегда какъ-будто совѣстно высказать извѣстное положеніе и не подкрѣпить его цифрами. То-ли дѣло, если говоришь, что здѣсь вотъ того-то много, того-то мало, и всякій разъ подкрѣпляешь свою рѣчь безспорной статистикой. Повторяю, я люблю статистику и вѣрю въ нее,—само собой разумѣется, если знаю, что собиралась она правильно, какъ того требуетъ современная наука. Бывало, въ юности, читаешь длинное многотомное сочиненіе какого-нибудь нѣмецкаго политико-эконома, дѣлаешь выписки, сопоставляешь, выбираешь—уйдетъ уйма времени; а потомъ заглянешь въ Кетле, а тотъ на двухъ-трехъ страницахъ вмѣстилъ чуть-ли не все, что размазывалъ нѣмецъ въ нѣсколькихъ томахъ, да притомъ еще несравненно внушительнѣе и убѣдительнѣе. Когда-то, во время оно, когда я предводитель-

ствовалъ благороднымъ дворянствомъ и предсѣдательствовалъ въ земской управѣ одного изъ захолустныхъ уѣздовъ сѣверной Россіи, я, послѣ двухъ-трехъ лѣтъ броженія съ завязанными глазами, убѣдился въ необходимости „познать“ самого себя, и, съ помощью всѣхъ имѣвшихся въ моемъ распоряженіи силъ и средствъ, занялся изслѣдованіемъ уѣзда и цифрами. Уѣздъ нашъ, какъ, вѣроятно, и многое множество другихъ, отличался скудостью плодовъ земныхъ и соотвѣтственнымъ изобиліемъ недоимокъ; не знаю, какъ теперь, а въ то время недоимки были чрезвычайно существеннымъ факторомъ въ нашей сѣренькой провинціальной жизни, и намъ частенько приходилось сокрушаться именно по поводу ихъ изобилія; изобиліе-то было, да не тамъ, гдѣ оно было-бы пріятно и полезно. Мои помощники, волостные писаря, угощали меня изумительными фактами,—очевидно было, что они врали безъ зазрѣнія совѣсти; статистика получалась такая, что иногда мои волосы становились дыбомъ отъ изумленія и ужаса за состояніе „ввѣреннаго мнѣ уѣзда“. Я скоро позналъ тщету статистики волостныхъ правленій. Мы въ то время находились какъ-разъ въ переходномъ положеніи (впрочемъ, насколько помню, за все время моего служенія никогда не выходили изъ него); блаженной памяти мировые посредники были только что признаны несоотвѣтственными духу времени,—да правду сказать, они и дѣйствительно повыдохлись, повыцвѣли, пошли больше въ сѣмя подъ-конецъ—и уѣздныя по крестьянскимъ дѣламъ присутствія были только что введены. Мы изъ одного переходнаго положенія перешли къ другому, къ преддверію родительски-патріархальнаго института земскихъ начальниковъ. А я въ то время, попутавшись немало времени со статистикой волостныхъ писарей, какъ-разъ по поводу недоимокъ, особенно насъ въ то время раздражавшихъ, вкупѣ съ непремѣннымъ членомъ порѣшилъ, что и безъ статистики было очевидно, что хлѣба не выросло даже на сѣмена, и что „выбивать“ недоимку будетъ чрезвычайно хитро. Губернаторомъ въ то время у насъ былъ отмѣнно хорошій человѣкъ, попавшій въ губернаторы, какъ говорили, по ошибкѣ. Вотъ онъ и придумалъ,—или такъ ему было приказано, неизвѣстно—разсрочить эту недоимку, смотря по дѣйствительному положенію населенія, а чтобы сдѣлать это благое дѣло съ толкомъ, онъ вызвалъ на подмогу все наше крестьянское присутствіе цѣликомъ въ губернію; а такъ какъ именно нашъ уѣздъ, расположенный на краю свѣта, куда и въ три года ни изъ какого государства не доскачешь,

находился въ особенно плачевномъ положенiи, то съ насъ и предполагалось начать. Губернаторъ требовалъ и насъ лично, и „статистическiя свѣдѣнiя о положенiи населенiя“. Я упомянулъ выше, какая именно статистика находилась въ моемъ распоряженiи; а такъ-какъ не было никакой возможности замѣнить ее чѣмъ-либо другимъ, то я, имѣя въ своей головѣ червь, засуху, градобитiе, сибирскую язву и всякiя другiя немощи, обуявшiя насъ со всѣхъ сторонъ, поѣхалъ въ губернiю безъ всякой бумажной цифири. Въ засѣданiи губернаторъ потребовалъ вѣдомостей. Ни у меня, ни у непремѣннаго члена ихъ не было; зато исправникъ привезъ толстѣйшiй портфель, съ уймой разграфленой и исписаной красивымъ почеркомъ бумаги, оказавшейся подробными вѣдомостями о состоянiи разныхъ Выползовыхъ, Тараканихъ, Голодаихъ и иныхъ селенiй. Насъ съ непремѣннымъ членомъ (онъ былъ не изъ особенно бойкихъ на видъ, но смышленый и добрый человѣкъ) просто въ жаръ бросило. И мы могли-бы привезти по такому же толстому портфелю, и у насъ были писаря, которые могли-бы даже заткнуть полицейское управленiе, въ случаѣ необходимости, за-поясъ по красотѣ почерка, и у насъ были тѣ же данныя,—но мы въ нихъ не вѣрили. Исправнику было все равно. Для него бумага была святыней; онъ съ пятнадцати лѣтъ жилъ въ разныхъ канцелярiяхъ и никогда не слыхалъ ни о чемъ другомъ, кромѣ бумагъ. На вопросъ губернатора о нашихъ данныхъ, я прямо отвѣтилъ ему, что у насъ всѣ необходимыя данныя въ головѣ. Его превосходительство снисходительно улыбнулся и сказалъ нѣчто чрезвычайно лестное о нашихъ умственныхъ способностяхъ; но по ходу засѣданiя мы не могли не замѣтить, что онъ, очевидно, предпочелъ такому зыбкому и нетвердому основанiю бумажную цифирь своего „излюбленнаго человѣка“, какъ кликалъ въ то время исправниковъ незабвенный Щедринъ.

— Однако, послушайте: чѣмъ же вы это насъ угощаете? слышу я голосъ негодующаго читателя.—Обѣщали говорить объ американской прессѣ, а разсказываете Богъ знаетъ что. Мы все это лучше васъ знаемъ.

— Погодите, достоуважаемый читатель: всю эту рѣчь я веду къ тому, что вы же не хотите цифръ; а я хочу васъ убѣдить, что цифры—все.

— Да помилуйте, не сами-ли же вы только нѣсколько минутъ тому назадъ сказали, что статистика волостныхъ писарей...

— Потому-то именно я и распространился на эту тему. Какъ-то на дняхъ я зашелъ въ редакцію одной изъ нашихъ большихъ ежедневныхъ газетъ и засталъ редактора за разсматриваніемъ своего exchange list, то-есть списка періодическихъ изданій, съ которыми онъ обмѣнивается своимъ. Списокъ былъ очень длинный; почти противъ всякаго изданія стояли буквы R., D. или P. и извѣстная цифра. Оказалось, это значило, что изданіе было республиканскимъ, демократическимъ или популистскимъ (наша третья политическая партія, выдвинутая выборами 1892 года, называется популистской и со времени финансовыхъ, серебряныхъ и всякихъ другихъ пертурбацій ростетъ не по днямъ, а по часамъ). Цифры означали циркуляцію изданія.

— А почемъ же вы знаете, что изданія эти показываютъ свою дѣйствительную циркуляцію, а не вымышленную? спросилъ я, мгновенно усомнясь и вспоминая статистику отечественныхъ волостныхъ писарей.

Редакторъ раскрылъ глаза.

— Да вѣдь это присяжныя показанія, отвѣтилъ онъ.

— Какъ присяжныя?

— Всѣ мы, редакторы-издатели, показываемъ каждый мѣсяцъ подъ присягой нашу циркуляцію и помѣщаемъ это показаніе въ нашихъ изданіяхъ на видномъ мѣстѣ. Это для того, чтобы не вводить въ заблужденіе людей, помѣщающихъ объявленія. Вѣдь у насъ масса объявленій со стороны, отъ людей, которые насъ въ глаза не видали. Они должны же знать, за что платятъ деньги. Если ваше изданіе расходится всего въ 200 экземплярахъ, какая отъ него польза помѣщающему объявленіе торговцу? Его цѣль—объявить о своемъ товарѣ какъ можно большему числу людей. Если я подъ присягой показываю, что мое изданіе расходится въ такомъ-то числѣ экземпляровъ—онъ знаетъ что дѣлаетъ, когда посылаетъ свое объявленіе именно въ мою газету.

Я сразу сообразилъ, что цифры эти дѣйствительно подлинныя; издатель подлежалъ бы обвиненію въ fraud, мошенничествѣ, еслибы онѣ показывали неправильную цифру циркуляціи: шила такого рода въ мѣшкѣ не утаишь въ Америкѣ.

Я внимательно пробѣжалъ глазами интересный списокъ и, признаюсь откровенно, внутренно разинулъ ротъ отъ удивленія. Я зналъ, что газетъ и вообще періодическихъ изданій у насъ безъ конца, но никакъ не ожидалъ встрѣтить подобныхъ цифръ.

— А не можете-ли вы одолжить мнѣ этотъ листъ на денекъ? спросилъ я.

— Извольте, съ удовольствіемъ.

Я просидѣлъ за этимъ листомъ цѣлый день и вотъ объ этихъ-то цифрахъ и собирался побесѣдовать съ вами, читатель, когда неугомонная память внезапно подсказала мнѣ о бывшемъ чуть-ли не двадцать лѣтъ тому назадъ засѣданіи „въ губерніи", гдѣ цифры исправника восторжествовали надъ головными данными вашего покорнаго слуги.

Штатъ Калифорнія, при пространствѣ въ 158.360 квадратныхъ миль, по федеральному цензу 1890 года, имѣлъ 1.208.130 жителей, въ томъ числѣ 96.456 цвѣтныхъ, то-есть китайцевъ, японцевъ, индѣйцевъ и негровъ, которые совсѣмъ не участвуютъ въ потребностяхъ цивилизаціи, такъ что въ сущности населеніе штата для всѣхъ практическихъ цѣлей должно считаться въ 1.111.672 человѣка обоего пола. Какъ по пространству, такъ и по населенію штатъ этотъ довольно близко подходитъ къ Вологодской губерніи, пространство которой, по послѣднему изданію „Encyclopaedia Britannica", показано въ 155.498 квадратныхъ англійскихъ миль, а населеніе въ 1.161.550 душъ. Въ географическомъ отношеніи Калифорнія далеко превосходитъ Вологодскую губернію, такъ какъ обладаетъ свыше 1.000 миль береговой линіи по Тихому океану; зато въ топографическомъ далеко уступаетъ ей, такъ какъ почти $^3/_4$ ея поверхности заняты необитаемыми горными хребтами и пустынями. Вологодская губернія, насколько мнѣ извѣстно, учреждена еще при Екатеринѣ Великой и, во всякомъ случаѣ, насчитываетъ нѣсколько столѣтій исторіи. Калифорнія, въ сущности, открыта въ 1849 году, т.-е. 44 года тому назадъ, и организована въ штатъ въ 1850 году, съ населеніемъ меньше чѣмъ въ 100.000 жителей въ то время; только съ 1868 года, то-есть со времени окончанія первой трансконтинентальной дороги, слѣдовательно всего 25 лѣтъ тому назадъ, она сдѣлалась достижимой для обыкновеннаго смертнаго, и въ общей территоріи Союза занимаетъ почти то же положеніе, что Амурская или Приморская области въ Россіи, отстоя слишкомъ на 5.000 верстъ отъ населенныхъ центровъ востока Союза и будучи отдѣлена отъ нихъ всевозможными физическими препятствіями. У меня нѣтъ подъ рукою точныхъ статистическихъ данныхъ относительно распредѣленія населенія въ Вологодской губерніи, но я хорошо знаю эту полосу Россіи и думаю, что не буду

далекъ отъ истины, если предположу, что не болѣе 7% ея населенія живетъ въ городахъ. Въ Калифорніи городского населенія около 55%, и только 45% живутъ на фермахъ; тѣмъ не менѣе, она завела у себя искусственную ирригацію въ небывалыхъ на земномъ шарѣ размѣрахъ, остановила всѣ рѣки и всѣ ручьи и заставила ихъ, прежде чѣмъ они донесутъ свои воды до океана, нѣсколько разъ оросить когда-то голую пустыню; она пробуравила свою оболочку во многихъ мѣстахъ артезіанскими колодцами и извлекла изъ своихъ нѣдръ драгоцѣнную влагу, сдѣлавши возможнымъ тотъ фактъ, что уже въ 1890 году эти 45% не только снабжали свой штатъ и всѣхъ своихъ сосѣдей, какъ, напримѣръ, территорію Аризону, Нью-Мексико и Юта и штаты Колорадо и Неваду, хлѣбными и молочными продуктами и сѣномъ, но и отправили въ голодную Европу свыше полумилліона центаловъ излишней пшеницы. Пустыни южной Калифорніи, еще пятнадцать лѣтъ тому назадъ съ трудомъ поддерживавшія нѣсколько тысячъ полудикаго мексиканскаго населенія, теперь обращены въ цвѣтущіе сады. Только на-дняхъ я встрѣтился съ англичаниномъ, пріѣхавшимъ сюда на своей собственной яхтѣ прямо послѣ годовой жизни въ итальянской и французской Ривьерѣ и побывавшимъ чуть не во всѣхъ концахъ земного шара, и онъ говорилъ мнѣ, что ничего подобнаго богатству и красотѣ долинъ южной Калифорніи онъ еще нигдѣ никогда не видывалъ. Климатъ Калифорніи дѣйствительно великолѣпенъ, но онъ не лучше климата всего западнаго берега американскаго континента, уступаетъ по ровности климату Перу и Чили, климату многихъ острововъ Тихаго океана, нѣкоторыхъ частей Австраліи и Африки; а ея почва, по естественному плодородію, далеко уступаетъ многимъ изъ нихъ. Тѣмъ не менѣе, Калифорнія, по производству всякаго рода продуктовъ—изюма, вина и оливковъ, стоитъ уже въ настоящее время чуть-ли не во главѣ всѣхъ остальныхъ странъ земного шара,—такъ, по крайней мѣрѣ, утверждаютъ знатоки дѣла, судя по всемірной выставкѣ въ Чикаго,—и, во всякомъ случаѣ, далеко превосходитъ всѣ вышеперечисленныя мѣстности, безспорно старшія и съ лучшимъ климатомъ и почвой. Почему же это Калифорнія въ такое изумительно короткое время обратилась въ нѣчто вродѣ рая земли, какъ характеризовалъ ее тотъ англичанинъ, о которомъ я только что упомянулъ?

Цифры взятаго мною листа редактора, можетъ быть, дадутъ намъ частный отвѣтъ; по крайней мѣрѣ, мнѣ лично онѣ именно по-

казались дающими весьма многое для характеристики милліона съ небольшимъ бѣлыхъ жителей, которые называютъ Калифорнію своимъ home.

Эти цифры показываютъ, что въ штатѣ Калифорнія въ текущемъ году издается 98 мѣсячныхъ журналовъ и газетъ, 358 недѣльныхъ и 83 ежедневныхъ, то-есть всего 539 періодическихъ изданій. 78 мѣсячныхъ изданій, дающихъ присяжныя показанія относительно своей циркуляціи, выпускаются ежемѣсячно въ 202.130 экземплярахъ, съ minimum'омъ въ 140 и съ maximum'омъ въ 35.000, въ среднемъ—2.590 экземпляровъ каждое въ мѣсяцъ. 332 еженедѣльныхъ даютъ еженедѣльно общую циркуляцію въ 845.512 экземпляровъ, съ minimum'омъ въ 200 и maximum'омъ въ 72.500; въ среднемъ—2.547 экземпляровъ каждое въ недѣлю. 81 ежедневныхъ даютъ ежедневную циркуляцію въ 441.505 экземпляровъ, съ minimum'омъ въ 250 и maximum'омъ въ 60.000; въ среднемъ—5.455 экземпляровъ каждое въ день. Совсѣмъ упуская изъ виду тѣ 48 изданій, которыя не даютъ свѣдѣній о своей циркуляціи, и раздѣляя общее число экземпляровъ ежемѣсячныхъ изданій на 30, а ежедневныхъ на 7, и беря ежедневныя какъ они есть, получимъ на каждый день въ году 569.031 экземпляръ всѣхъ періодическихъ изданій, вмѣстѣ взятыхъ; а такъ какъ, по цензу 1890 года, въ штатѣ Калифорніи насчитано всего 245.710 отдѣльныхъ семействъ, то и получимъ, что въ среднемъ каждое семейство получаетъ ежедневно 2,31 экземпляра какого-нибудь періодическаго изданія, или же около 1,8 экземпляра ежедневныхъ, около 3,4 еженедѣльныхъ и около 0,8 ежемѣсячныхъ; въ общемъ, почти какъ разъ 6 различныхъ періодическихъ изданій.

Мало этого. Калифорнія—настоящая окраина; она слишкомъ молода для того, чтобы давать своему населенію и странѣ что-нибудь съ національнымъ характеромъ; для этого она должна прибѣгать къ большимъ старымъ городамъ Востока: къ Бостону, считающемуся умственнымъ центромъ Союза, къ Нью-Іорку, безспорной столицѣ по всякимъ финансовымъ и торговымъ дѣламъ. Обмѣнный листъ моего редактора и въ этомъ отношеніи далъ мнѣ богатый матеріалъ. Алчущіе духовнаго развитія и теологи могутъ выбирать между 300 религіозными періодическими изданіями Востока, изъ которыхъ наиболѣе распространены: еженедѣльныя „Union Gospel News“ и „Standard Bible Lessons“, выходящія въ 125.000 экземплярахъ каждое, ежемѣсячный „World wide Missions“ въ 150.000 экзем-

плярахъ, еженедѣльный „Catholic News“ въ 152.000 и „Advanced Quarterly“ въ 170.000 экземплярахъ. Передъ фермерами — до 800 спеціальныхъ изданій, изъ которыхъ „American Agriculturist“ и „American Farm News“ выходятъ въ 100.000 экземплярахъ, „Agricultural Epitomist“ въ 105.000, „Our Country Homê“ въ 125.000, „Farm Journal“ въ 200.000, „Farm and Home“ въ 250.000 и „Farm and Fireside“ въ 273.125 экземплярахъ. У цвѣтоводовъ — 160 изданій, изъ которыхъ самый распространенный — „Floral Park“, выходящій въ 312.000 экземплярахъ. Учители и педагоги имѣютъ свыше 250 изданій; самые распространенные: „American Teacher“ выходитъ въ 42.500 и „Popular Educator“ въ 63.000 экземплярахъ. Механики и инженеры поддерживаютъ до 100 изданій, съ „American Analyst“ съ 37.435 и „Scientific American“ съ 48.688 экземплярами. Изъ медицинскихъ изданій самыхъ распространеннымъ является „Medical World“ съ 22.000 экземплярами; у моряковъ — „Maritime Register“ съ 10.000 экз.; у архитекторовъ — „Carpentry and Building“ съ 30.000 экземпл.; у юристовъ — „National Reporter“ съ 30.000 экземпл.; у купцовъ — „Industrial Review“ съ 20.000 и „Trade Review“ съ 22.000 экземпл.; у артистовъ и художниковъ — „Magazine of Art“ съ 23.000, „Art Amateur“ съ 24.150 и „Art interchange“ съ 28.000 экземплярами; у велосипедистовъ — „Bicycling World“ съ 20.000 экземпл.; у дѣтей — „Golden days“ съ 120.000, „Sunshine“ съ 150.000 и „Youth's Companion“ съ 543.754 экземплярами. Во главѣ сатирическо-каррикатурныхъ журналовъ стоятъ „Puck“ съ 80.000 экз., „Judge“ и „Texas Siftings“ съ 85.000 экземплярами каждый. Во главѣ дамскихъ модныхъ журналовъ стоятъ „Queen of Fashion“ съ 300.000 и „Delineator“ съ 400.000 экземплярами. Въ массѣ такъ-называемыхъ семейныхъ изданій, предназначенныхъ для семейнаго чтенія, наиболѣе распространены — „Household Pilot“ съ 150.000, „Golden Moments“ съ 231.000, „Home Magazine“ съ 279.824, „Ladies Home Journal“ съ 700.000 и „Comfort“ съ цѣлымъ милліономъ экземпляровъ. Наконецъ, изящная литература, съ 1.200 изданіями, даетъ 8 ежемѣсячныхъ журналовъ, выходящихъ въ числѣ 100.000 экземпляровъ и больше, а именно: „Lippincott“ и „Peterson's“ съ 100.000 экз. каждый, „Cosmopolitan“ съ 102.000, „Munyon's Magazine“ съ 112.000, „Frank Leslie's Monthly“ съ

125.000, „Scribner's" съ 129.683, „Harper's" съ 175.000 и „Century" съ 550.000 экземплярами.

Я искренно прошу снисхожденія читателя за этотъ длинный перечень,—но я не могъ удержаться, чтобы не привести его. Вышеупомянутыя изданія пользуются національной извѣстностью и распространены по всему Союзу, хотя больше $^3/_4$ ихъ и выходитъ въ Нью-Іоркѣ или Бостонѣ. Литературные журналы совсѣмъ не касаются политики, ни внутренней, ни внѣшней; въ этомъ отношеніи они совсѣмъ не похожи на русскія изданія. Въ нихъ нѣтъ ни внутреннихъ, ни иностранныхъ ежемѣсячныхъ обозрѣній, ни литературной или общественной хроники, ни обозрѣній науки, искусствъ или театра, словомъ—ничего, что составляетъ публичную физіономію русскихъ изданій. Существуетъ здѣсь нѣсколько серьезныхъ ежемѣсячныхъ изданій, такъ сказать, общественно-политическихъ, изъ которыхъ наиболѣе выдающимися являются „North American Review", „Forum" и „Arena", но и они разбираютъ общественные вопросы не посредствомъ спеціальнаго собственнаго состава сотрудниковъ, а посредствомъ статей выдающихся общественныхъ дѣятелей, почти всегда не профессіональныхъ литераторовъ. По каждому выдающемуся общественному вопросу, составляющему, такъ сказать, современную злобу дня, они обращаются къ людямъ, почему-либо имѣющимъ вліяніе на его рѣшеніе такъ или иначе. и достаютъ отъ нихъ статьи съ изложеніемъ ихъ взглядовъ на предметъ, причемъ обращаются непремѣнно къ нѣсколькимъ заразъ, получая такимъ образомъ освѣщеніе предмета съ различныхъ точекъ зрѣнія или соперничествующихъ политическихъ партій, или противоположныхъ научныхъ школъ, или различныхъ теорій, и помѣщаютъ всѣ такимъ образомъ добытыя статьи въ одной книжкѣ, подрядъ, такъ, что читатель получаетъ сразу всѣ pro и contra, и притомъ изложенные такими людьми, которыхъ онъ привыкъ считать за вожаковъ именно по данному вопросу. За такія статьи иногда платятся бѣшеныя деньги; говорятъ, что Гладстонъ и Сольсбюри, около года тому назадъ, получили по пяти тысячъ фунтовъ стерлинговъ каждый за статьи по ирландскому Home rule, которыя были размѣромъ немного меньше одного печатнаго листа каждая. Эти журналы не имѣютъ иллюстрацій, а, между тѣмъ, они дороже всѣхъ другихъ; цѣны ихъ—около шести долларовъ въ годъ.

Беллетристическіе журналы, главнѣйшіе изъ которыхъ я перечислилъ выше, всѣ иллюстрированы и стоятъ отъ $1^1/_2$, какъ „Cos-

mopolitan", до 4 долларовъ, какъ „Century", въ годъ. Громадное большинство ихъ стоятъ по подпискѣ отъ $2^1/_2$ до 3 долларовъ въ годъ и продаются въ розницу по двадцатипяти центовъ за книжку. И они помѣщаютъ такъ-называемыя серьезныя статьи по всѣмъ вопросамъ, но большая часть ихъ содержанія—изящная литература. Лонгфелло, Виттье и Брантъ, эти три наиболѣе извѣстные и симпатичные изъ современныхъ поэтовъ Новаго Свѣта, недавно умерли одинъ за другимъ, всѣ трое доживъ до глубокой старости; Бретъ-Гартъ и Маркъ Твэнъ, псевдонимъ Самуила Клеменса, эти корифеи современной американской литературы, произведенія которыхъ переводятся на всѣ языки, пишутъ очень рѣдко и мало; зато выдвинулись нѣсколько новыхъ, молодыхъ силъ, обѣщающихъ многое въ будущемъ. Для меня лично „Scribner's Monthly Magazine" кажется самымъ симпатичнымъ, самымъ интереснымъ изъ американскихъ журналовъ; въ немъ нѣтъ блестящихъ, добываемыхъ съ баснословными затратами, бросающихся въ глаза, статей „Century", этого самаго распространеннаго, самаго популярнаго американскаго изданія, годовые обороты котораго доходятъ до громадной суммы въ шесть милліоновъ долларовъ, и, говорятъ, очищающаго ежегодно цѣлый милліонъ барыша его владѣльцамъ, акціонерной компаніи подъ названіемъ „The Century Co"; но его содержаніе всегда выбрано такъ тщательно, его коротенькіе разсказы такъ талантливы, что я уже давно предпочитаю его всѣмъ другимъ.

Современная американская журнальная беллетристика совсѣмъ забраковала длинные романы и повѣсти; они появляются только какъ рѣдкое исключеніе и должны обладать особеннымъ, выдающимся почему-либо интересомъ для того, чтобы попасть на журнальныя страницы. Коротенькіе разсказы и очерки, рѣдко превышающіе объемомъ одинъ печатный листъ, составляютъ le mot. Они могутъ появляться серіями, одинъ за другимъ, имѣть общую связь и подъ какимъ-нибудь общимъ заглавіемъ, но каждый изъ нихъ составляетъ свой собственный, отдѣльный, законченный эпизодъ, и хотя, можетъ быть, выигрываетъ въ связи съ остальными очерками своей серіи. тѣмъ не менѣе, не долженъ ничего терять, если будетъ прочтенъ и совершенно отдѣльно. Это требованіе, само собою разумѣется, не особенно пріятно авторамъ, которые иногда прямо ограничены извѣстнымъ числомъ словъ въ статьѣ, вызывается главнымъ образомъ тѣмъ обстоятельствомъ, что только самая незначительная, сравнительно, часть американскихъ ежемѣсячныхъ журналовъ расходится

по годовой подпискѣ: громадное большинство экземпляровъ расходится въ розничной продажѣ, въ офисахъ отелей, на желѣзнодорожныхъ поѣздахъ, на пароходахъ, въ бумажныхъ лавкахъ. Американецъ живетъ быстро, думаетъ быстро, постоянно перескакиваетъ отъ одного предмета на другой; ему подавай постоянно все новое, ему некогда возстановлять въ своей памяти того, что онъ прочиталъ мѣсяцъ или два тому назадъ; кромѣ того, онъ постоянно передвигается съ мѣста на мѣсто, добрая треть всего мужского населенія проводитъ большую часть своего времени въ разъѣздахъ,—гдѣ тутъ возиться, таскать съ собою старыя журнальныя книжки? Намъ подавай что-нибудь такое, что можно прочесть за одинъ присѣстъ и затѣмъ отложить въ сторону. Журналъ, книжки котораго состоятъ преимущественно изъ началъ, серединъ и концовъ, не могъ бы существовать въ Америкѣ; громадное большинство вашихъ изданій, читатель, было бы здѣсь забраковано окончательно и навсегда именно по этому поводу.

Длинные романы и повѣсти, въ виду вышеизложеннаго, непригодные для такъ-называемыхъ Monthly Magazines, находятъ себѣ пристанище въ особыхъ изданіяхъ, имя которымъ легіонъ, вродѣ русскихъ собраній романовъ и повѣстей. Нѣкоторыя изъ нихъ издаются въ опредѣленные сроки, нѣкоторыя—по мѣрѣ накопленія матеріала; есть одно, выпускающее цѣлый томъ каждый день и состоящее, такимъ образомъ, изъ 365 толстѣйшихъ нумеровъ въ годъ. Нѣкоторыя изъ нихъ стоятъ 50 центовъ за книжку, большинство—25, а нѣкоторыя даже 10, $12^1/_2$ и 15 центовъ, выпускаются въ безчисленномъ количествѣ экземпляровъ и, обыкновенно, отличаются только отрицательными или сенсаціонными достоинствами, поглощая уйму бумаги и чернилъ и едва ли принося пользу кому-либо, начиная съ авторовъ и издателей и кончая несчастными, многотерпѣливыми читателями.

II.

Если подсчитать число экземпляровъ, въ какомъ выходятъ только тѣ нѣсколько десятковъ періодическихъ изданій, которыя я перечислилъ въ предыдущемъ письмѣ, какъ выдающіяся изъ остальной массы съ общимъ, національнымъ характеромъ, то окажется, что оно превышаетъ семь милліоновъ. Всѣ остальныя изданія такого же характера даютъ еще четырнадцать милліоновъ экземпляровъ,

такъ что въ общемъ въ Соединенныхъ Штатахъ расходится громадное количество, около *двадцати-одного милліона* экземпляровъ изданій съ общимъ, неместнымъ содержаніемъ, расходящихся по всему Союзу, причемъ Югъ далеко отстаетъ въ отношеніи числа получаемыхъ имъ экземпляровъ къ общему числу жителей, а Западъ выигрываетъ; такъ что. хотя у меня и нѣтъ подъ руками дѣйствительныхъ цифръ, я, вѣроятно, не буду далекъ отъ истины, если предположу, что на долю Калифорніи приходится всего около полумилліона экземпляровъ, то-есть около двухъ экземпляровъ на каждое семейство, въ прибавку къ шести мѣстнымъ, штатнымъ; а всего, слѣдовательно, около восьми различныхъ періодическихъ изданій на семейство. Мои личныя наблюденія вполнѣ подтверждаютъ это статистическое изслѣдованіе. Вѣроятно, въ дѣйствительности число это скорѣе больше, чѣмъ меньше, такъ какъ я не принялъ въ соображеніе 48 штатныхъ изданій, которыя почему-либо не публикуютъ данныхъ о своей циркуляціи, иностранныхъ періодическихъ изданій и большихъ ежедневныхъ политическихъ газетъ восточныхъ центровъ; всѣ эти три рода, вмѣстѣ взятые, можетъ быть, дали бы въ общемъ еще по одному изданію на каждое семейство. Впрочемъ, достаточно и того, къ чему мы пришли безспорно, не прибѣгая къ какимъ-либо проблематическимъ натяжкамъ. Можете ли вы, читатель, вмѣстить всю грандіозность этой цифры: восемь періодическихъ изданій на каждое семейство, и около двухъ на каждаго мужчину, женщину и ребенка во всемъ штатѣ! Я самъ получаю около пятнадцати изданій и потому уже освоился съ этимъ океаномъ печатнаго матеріала; но что сказалъ бы и въ какой бы мѣрѣ возликовалъ мой бывшій усадебный кучеръ Иванъ, котораго современная цивилизація коснулась въ томъ смыслѣ, что онъ бросилъ трубку и курилъ „цыгарки изъ газетины", и потому проводилъ все свободное время въ поискахъ, нерѣдко тщетныхъ, за газетной бумагой!

Покончивъ съ количествомъ, я теперь перейду къ качеству; эти двѣ величины дадутъ вамъ возможность самимъ придти къ заключенію, что значитъ пресса въ Соединенныхъ Штатахъ, и почему я началъ именно съ этого фактора нашего баснословнаго преуспѣянія.

Мнѣ осталось прибавить очень немногое къ тому, что я уже сказалъ объ изданіяхъ съ національнымъ характеромъ. Спеціальные органы, вродѣ медицинскихъ, юридическихъ, инженерныхъ, рудо-

копныхъ и такъ далѣе, хотя, вѣроятно, и уступаютъ, напримѣръ, германскимъ по тонкости обработки теоретическихъ доктринъ и вопросовъ и по отвлеченности, научности, такъ сказать, своихъ данныхъ, тѣмъ не менѣе, неоцѣнимы въ практическомъ смыслѣ, излагая самыя замысловатыя изобрѣтенія и открытія самыми популярными методами, вполнѣ доступными обыкновенному смертному съ общимъ образованіемъ;—многосторонность американца и его страсть къ перемѣнѣ не только занятій, но и профессій вызываетъ эту особенность. Масса этихъ спеціальныхъ изданій получается не профессіональными людьми, а простыми смертными, желающими слѣдить за развитіемъ той или другой отрасли. Вашъ покорный слуга, напримѣръ, никогда на родинѣ не только не изучавшій желѣзнодорожнаго дѣла, но и не останавливавшійся на немъ даже поверхностно, когда подошелъ случай, не только выстроилъ нѣсколько сотъ миль желѣзныхъ дорогъ, но и состоялъ главноуправляющимъ цѣлой системы нѣсколько лѣтъ, строилъ вагоны, мосты, перестраивалъ локомотивы и вообще сдѣлался желѣзнодорожникомъ-практикомъ, благодаря именно американскимъ желѣзнодорожнымъ и инженернымъ періодическимъ изданіямъ, не дѣлающимъ изъ инженерно-желѣзнодорожнаго дѣла чего-то священнаго, доступнаго только немногимъ посвященнымъ, то-есть обладающимъ установленными дипломами или извѣстнымъ служебнымъ положеніемъ, а нѣчто не только открытое, но и удобопонятное всякому желающему. Изданія эти даютъ именно то, что нужно знать желѣзнодорожнику-практику; только иностранное и общее обозрѣніе составляются спеціалистами-сотрудниками; все остальное содержаніе состоитъ изъ сообщеній людей, почерпающихъ ихъ въ дѣйствительной жизни, на практикѣ. При этомъ, кромѣ общихъ изданій, обнимающихъ, такъ сказать, все дѣло цѣликомъ и дающихъ общіе обзоры, имѣются изданія частныя, занимающіяся исключительно извѣстнымъ отдѣломъ; такъ, напримѣръ, въ желѣзнодорожномъ дѣлѣ, кромѣ „Railway Age“ и „Railroad Gazetter“, двухъ весьма значительныхъ по объему еженедѣльныхъ изданій, дающихъ свѣдѣнія по всѣмъ отраслямъ желѣзнодорожчаго дѣла, издается еще около полусотни изданій, вродѣ „R. R. Station Agent“, „R. R. Equipment“, „R. R. Irack Master“, „R. R. Car Builder“ и т. д., занимающихся каждое своей опредѣленной отраслью. Все новое, все достойное вниманія появляется на страницахъ соотвѣтствующихъ изданій, въ удобопонятной формѣ; правда, безъ блестящихъ теоретическихъ разсужденій, но давая, въ сущности, именно

то, что необходимо, чтобы имѣть возможность съ толкомъ перенять новинку во всѣхъ концахъ Союза. Кромѣ того, если я, напримѣръ, главноуправляющій, или начальникъ движенія, или начальникъ транспортаціи, сталъ втупикъ по поводу извѣстнаго вопроса, или не могу добиться лучшихъ результатовъ, вслѣдствіе какихъ-нибудь неблагопріятныхъ или исключительныхъ условій, мой вопросъ относительно такихъ дилеммъ, помѣщенный въ соотвѣтствующемъ изданіи, непремѣнно принесетъ въ слѣдующемъ же номерѣ съ дюжину отвѣтовъ людей, уже возившихся съ однороднымъ вопросомъ гдѣ-нибудь въ другомъ концѣ Союза и успѣвшихъ удачно разрѣшить его такъ или иначе. То же самое происходитъ и во всѣхъ другихъ отрасляхъ человѣческой работы. Въ настоящее время я занимаюсь паровой прачешной и получаю три газеты, посвященныя исключительно прачешному дѣлу и издаваемыя одна въ Чикаго, одна въ Нью-Іоркѣ и одна въ Бостонѣ. Когда, годъ тому назадъ, я купилъ мое заведеніе, я не имѣлъ абсолютно никакого понятія о дѣлѣ; мало того, буквально ни разу въ жизни не былъ ни въ одной паровой прачешной, никогда ими не интересовался и не предполагалъ, что когда-либо буду заниматься стиркой грязнаго бѣлья въ большихъ размѣрахъ. Тѣмъ не менѣе, въ настоящую минуту, благодаря частію практикѣ, а главное газетамъ, которыя я непремѣнно и аккуратно читаю отъ начала до конца, смѣю думать, что знаю въ точности всѣ детали дѣла и состою вполнѣ au courant его. Дѣло въ томъ, что въ теченіе этого года навѣрное не осталось ни одной подробности, ни одного пункта, которые бы не были затронуты такъ или иначе этими органами и которые не были бы выяснены всякому, кто ихъ читаетъ со вниманіемъ.

Самой существенной и главной причиной такой обстановки спеціальной американской періодической прессы служитъ отношеніе къ ней самого американскаго народа. Природный американецъ съ дѣтства привыкъ обращаться именно къ прессѣ со всякимъ сомнѣніемъ, со всякимъ вопросомъ,—къ ней же онъ обращается и съ отвѣтами, которые ему даетъ жизнь и его дѣятельность. Спеціальная пресса сближаетъ дѣятелей по одной и той-же отрасли, популяризируетъ ихъ наблюденія и открытія, объясняетъ трудныя, непонятныя почему-либо мѣста, дѣлаетъ всенародными новые пріемы и новыя удешевленія и упрощенія производства. Нечего выдумывать порохъ, когда онъ давно выдуманъ; а безъ прессы и безъ этого отношенія къ ней не подлежитъ сомнѣнію, что многіе и до сихъ

поръ думали бы именно надъ изобрѣтеніемъ пороха. Потому-то американское прикладное дѣло, по всѣмъ отраслямъ человѣческой работы, и идетъ такъ быстро впередъ; потому-то Америка и перегнала давно Старый Свѣтъ во всемъ, что касается упрощенія и удешевленія какого бы то ни было производства. Всякій шагъ впередъ чуть не мгновенно дѣлается всеобщимъ достояніемъ; люди не работаютъ въ разныхъ мѣстахъ по цѣлымъ годамъ надъ однимъ и тѣмъ же, а прямо перескакиваютъ къ чему-нибудь новому, идутъ дальше и дальше.

Это отношеніе американца къ своей спеціальной прессѣ, эта, такъ сказать, общность, легкость и обычность сношенія мозга каждаго рабочаго съ типографскимъ станкомъ, а посредствомъ его и со всей страной, и составляютъ, по моему мнѣнію, одну изъ самыхъ драгоцѣнныхъ особенностей американскаго духа, американскихъ методовъ, американскаго способа мышленія. Американецъ не удовольствуется тѣмъ, что успѣшно обойдетъ извѣстную преграду, что откроетъ новый путь или новый способъ; нѣтъ, онъ немедленно подѣлится своей находкой со всей страной; онъ сжился съ своей прессой, и печатное слово не представляется ему какимъ-то жупеломъ, а составляетъ нераздѣльную часть его самого, кто бы онъ ни былъ. Такъ, на дняхъ, мой инженеръ, какъ у насъ называютъ людей, завѣдующихъ паровымъ приборомъ, долгое время слѣдившій за устройствомъ трубки, питающей паровикъ керосиномъ (мы топимъ неочищеннымъ керосиномъ, который здѣсь дешевле всякаго другого топлива), успѣлъ добиться того, что, придавъ ей извѣстную форму, достигъ экономіи въ $10^0/_0$, и немедленно же написалъ о своемъ открытіи въ свою газету „Stationary Éngineer“ письмо, сопровождаемое понятнымъ, простымъ чертежомъ.

Всѣ эти спеціальныя изданія чрезвычайно дешевы. Громадное большинство ихъ выходятъ еженедѣльно и стоятъ они, съ пересылкой, отъ 50 центовъ до 2 долларовъ въ годъ. За два доллара вамъ высылаютъ изданіе объемомъ въ два, три раза больше „Недѣли“, часто съ прекрасными иллюстраціями и чертежами; добрая половина, а иногда цѣлыхъ двѣ-трети ихъ заняты объявленіями разнаго рода, относящимися обыкновенно къ спеціальности изданія. Въ этихъ объявленіяхъ и заключается секретъ дешевизны какъ американской спеціальной прессы, такъ и литературныхъ журналовъ; доходъ съ объявленій часто составляетъ $^3/_4$ всего валового дохода, такъ что читатель платитъ за содержаніе наличными въ формѣ

подписной платы или розничной цѣны нумера только извѣстную долю, иногда очень незначительную, его дѣйствительной стоимости.

Къ политической прессѣ съ національнымъ характеромъ слѣдуетъ причислить большія ежедневныя газеты центровъ культуры, торговли, политики и населенія, каковы города: Нью-Іоркъ, Филадельфія, Бостонъ, Чикаго, Санъ-Луисъ и т. д. Хотя Сѣверо-Американскіе Соединенные Штаты и составляютъ одну нераздѣльную страну, заново скрѣпленную цементомъ крови и желѣза междоусобной войны 1861—1865 годовъ, тѣмъ не менѣе, ихъ территорія такъ обширна, интересы разныхъ концовъ такъ различны, что каждая мѣстность, каждый отдѣльный районъ имѣютъ свои мѣстныя особенности, свои, часто неуловимыя сразу, но, тѣмъ не менѣе, существенныя отличія. Всякій вопросъ съ національнымъ характеромъ отзовется различно, если не по существу, то по деталямъ, въ разныхъ концахъ страны. Темпераментъ населенія, историческія причины, иногда нравы и обычаи—все это соединяется и дѣйствуетъ извѣстнымъ образомъ на рѣшеніе такого вопроса, и, въ концѣ концовъ, рѣшеніе это всегда является сложной работой поправокъ, дополненій, исправленій,—словомъ, болѣе или менѣе сложнымъ компромиссомъ. Вся американская жизнь состоитъ изъ этихъ стремленій выработать что-нибудь среднее, можетъ быть, не вполнѣ удовлетворяющее всѣхъ и каждаго, но, тѣмъ не менѣе, наиболѣе пригодное для большинства. Человѣческая натура вообще безконечно разнообразна, а въ безусловно свободной странѣ, каковъ Сѣверо-Американскій Союзъ, индивидуальность отдѣльныхъ личностей, никогда въ жизни не знавшихъ нравственнаго гнета въ какой бы то ни было формѣ, исключая вліяній общественной школы, повсюду равномѣрныхъ и однообразныхъ, неизбѣжно чрезвычайно сильна. Кромѣ того, индивидуальность эта уважается и всегда принимается въ соображеніе. Здѣсь нельзя навязать кому-нибудь чего-нибудь насильно; нужно убѣдить въ цѣлесообразности предлагаемаго, нужно выслушать противорѣчія, нужно согласить ихъ — словомъ, нужно придти къ допускаемому совѣстью и убѣжденіями противниковъ компромиссу. Американскій народъ пришелъ къ тому заключенію, что, при сложности современныхъ требованій и условій жизни націй и общинъ, истиной является не абстрактное положеніе, а то сочетаніе, которое наиболѣе пригодно въ данный моментъ для большинства,—и живетъ сообразно этому заключенію. Вся работа аме-

риканскаго конгресса, въ теченіе слишкомъ столѣтняго его существованія, есть не что иное, какъ рядъ попытокъ придти къ этимъ сочетаніямъ, дать такое законодательство, которое бы наиболѣе соотвѣтствовало тому недостижимому, идеальному среднему, при которомъ бы легче жилось наибольшему большинству. Только по личнымъ и по чисто политическимъ вопросамъ, въ сущности чрезвычайно рѣдкимъ, какъ американскій конгрессъ, такъ и легислатуры отдѣльныхъ штатовъ рѣзко раздѣлены на партіи; по всѣмъ остальнымъ, составляющимъ громадное большинство и несомнѣнно имѣющимъ наибольшее вліяніе на народную жизнь, они состоятъ изъ множества группъ, множества меньшинствъ, такъ сказать, мыслящихъ и дѣйствующихъ самостоятельно; партійный деспотизмъ рѣдко распространяется на политико-экономическіе и соціальные вопросы, и каждый членъ вотируетъ какъ ему Богъ на душу положитъ. Эта то индивидуальность, это то сознаніе необходимости компромиссовъ и уступокъ, это то уваженіе къ индивидуальности и служатъ неодолимой преградой распространенію въ Америкѣ соціально демократическихъ и коммунистическихъ доктринъ, потрясающихъ старую Европу. Въ основѣ всѣхъ этихъ ученій лежитъ самопожертвованіе, отрицаніе индивидуальности, подчиненіе личности,—словомъ, все то, что противно американскому духу, американскимъ традиціямъ, американскимъ понятіямъ о счастьи отдѣльной личности. Непониманіе этого духа, этого непреодолимаго отвращенія къ деспотизму, въ какой бы формѣ онъ ни проявлялся и съ какой бы приманкой ни закидывалъ свою удочку, позволяетъ европейскимъ чистымъ теоретикамъ ежегодно заводить десятки разныхъ общежитій и коммунъ; но всѣ они пропадаютъ безслѣдно, именно потому, что въ корнѣ не согласны съ основными принципами американской мысли. Безусловная свобода американскаго пошиба оказывается совершенно невозможной для нихъ почвой, не смотря на свою кажущуюся неопытному глазу пригодность.

Я и называю политическими газетами съ національнымъ характеромъ именно такія изданія, которыя, вполнѣ понимая мѣстныя условія и особенности, въ то же время обладаютъ достаточно широкими взглядами, чтобы видѣть не только ихъ, но и интересы всей націи; другими словами, которыя, проводя извѣстныя мѣры и распространяя извѣстные взгляды, не стоятъ за односторонность, не забываютъ, что ихъ мѣстности не составляютъ всей страны. Такихъ газетъ много, и ихъ становится все больше и больше. Ихъ съ оди-

наковымъ интересомъ можно читать по всему Союзу; онѣ пригодны и для Мэна, и для Орегона, и для Флориды, и для Канзаса. Даже крайній, бурбонско-демократическій Югъ, который до самаго послѣдняго времени не могъ еще вполнѣ переварить горькаго, тяжелаго урока, даннаго ему Сѣверомъ во время междоусобной войны, вѣроятно, не долго будетъ въ состояніи оставаться непримиримымъ и противиться силѣ американскаго духа; по крайней мѣрѣ, и въ немъ уже завелись органы прессы, довольно близко подходящіе къ вышеозначенному типу. Такъ, газета покойнаго Грэди „Atlanta Constitution" и Генри Вотерсона „Louisville Currier", выходящія въ городахъ, имена которыхъ онѣ носятъ, открыто выступили за національность, открыто похоронили вражду и теперь стоятъ въ рядахъ національной прессы. По своему распространенію и вліянію, онѣ уже и теперь, вѣроятно, превосходятъ всю остальную прессу, вмѣстѣ взятую.

Изъ этого рода изданій больше другихъ выдаются выходящія въ Нью-Іоркѣ „Press" въ 110,000 экз., „Sun" въ 120,000. „Tribune" въ 130,000, „Herald" въ 140,000, „Evening News" въ 170,000 и „World" въ 380,499; въ Филадельфіи — „Stem" въ 369,300 и „Record" въ 235,868; въ Бостонѣ—„Globe" въ 325,616 и „Herald" въ 265,890, и въ Чикаго „News" въ 270,476 и „Inter Ocean" въ 214,000. Итого почти три милліона ежедневныхъ экземпляровъ для дюжины газетъ. Американскій народъ, конечно, имѣетъ полную возможность ознакомиться съ деталями любого вопроса со всѣхъ точекъ зрѣнія.

Нѣкоторыя изъ этихъ изданій чрезвычайно богаты, оригинальны и рѣзко выдѣляются изъ общаго полчища. Такъ, „New York Herald", основанный покойнымъ Беннетомъ, быстро выдвинулся впередъ, благодаря изумительной предпріимчивости его хозяина, Джона Гордона Беннета, недавно образовавшаго изъ него кооперативную акціонерную компанію, капитализированную въ шесть милліоновъ долларовъ. Это „Herald" снарядилъ на свой счетъ первую африканскую экспедицію Генри Станлея, нашедшую Ливингстона; это „Herald" послалъ погибшую въ устьяхъ Лены „Jeanette" отыскивать восточный проходъ; это „Herald" пополамъ съ калифорнійцемъ Таскеу положилъ второй трансатлантическій кабель и сдѣлалъ междуконтинентальный телеграфъ доступнымъ обыкновеннымъ смертнымъ. „Herald" утверждаетъ, что онъ безусловно независимъ и не принадлежитъ ни къ какой политической партіи; онъ дѣйствительно

часто весьма смѣлъ и рѣшителенъ въ своихъ сужденіяхъ, какъ и подобаетъ независимой газетѣ, но, тѣмъ не менѣе, клонится обыкновенно (особенно въ рѣшительныхъ случаяхъ, какъ, напримѣръ, президентскіе выборы) на сторону демократовъ.

„New York World", нераздѣльная собственность еврея Пулитцера, несомнѣнно представляетъ собою самую распространенную газету земного шара. Онъ состоитъ изъ четырехъ изданій: ежедневнаго утренняго, выходящаго въ числѣ 380,499 экземпляровъ; ежедневнаго вечерняго, въ томъ же количествѣ; воскреснаго въ 264,955 и еженедѣльнаго въ 134,352 экз., такъ что, въ сущности, онъ выходитъ въ количествѣ *болѣе милліона экземпляровъ*. Пулитцеръ купилъ его въ 1883 году, когда онъ расходился всего въ 33,521 экземплярѣ и былъ всего третьеразрядной газетой, правда, довольно распространенной для того времени, но уступавшей цѣлымъ дюжинамъ другихъ изданій. Теперь „World" занимаетъ свое собственное зданіе въ 16 этажей, считающееся самымъ высокимъ во всемъ Нью-Іоркѣ и стоящее многіе милліоны долларовъ, и, хотя ведется на небывало еще широкую въ лѣтописяхъ газетнаго дѣла ногу, даетъ феноменальный чистый доходъ, благодаря своему баснословному распространенію и страшной массѣ объявленій, прямому послѣдствію этого распространенія: газета печатаетъ, въ среднемъ, 5,154 различныхъ объявленія *въ день*. Американскій газетный міръ въ общемъ не долюбливаетъ Пулитцера, и всѣ каррикатурные журналы неумолимо его преслѣдуютъ; у него феноменальный носъ, и носъ этотъ играетъ не малую роль каждую недѣлю въ самыхъ злыхъ каррикатурахъ, такъ что физіономія Пулитцера извѣстна всему Союзу наравнѣ съ самыми видными общественными дѣятелями. Я самъ лично не люблю „New York World": онъ слишкомъ сенсаціоненъ, слишкомъ лѣзетъ въ глаза всюду и крайне беззастѣнчивъ; многіе думаютъ, что онъ даже поощряетъ процессы противъ себя самого, такъ какъ въ общемъ эти процессы все-таки выдвигаютъ его впередъ. Тѣмъ не менѣе, надо отдать полную справедливость организаторскимъ способностямъ и предпріимчивости Пулитцера: онъ былъ первымъ издателемъ, введшимъ иллюстраціи въ ежедневныя газеты; каждая статья непремѣнно даетъ вамъ портреты участниковъ, ихъ автографы, рисунки и чертежи мѣстности, и т. д.; кромѣ того, онъ рѣдко полагается на извѣстія, сообщенныя телеграммами соединенной прессы, а всюду имѣетъ своихъ собственныхъ корреспондентовъ и не жалѣетъ на нихъ никакихъ расходовъ. „New York World"—

газета демократическая по существу, но она нерѣдко возстаетъ противъ собственной партіи; этого достаточно, чтобы отклонить всякое подозрѣніе въ нечистоплотномъ партизанствѣ.

Главнымъ національнымъ органомъ республиканской партіи служитъ „New York Tribune“, газета, основанная вмѣстѣ съ рожденіемъ этой партіи Горасомъ Грили, эксцентричной, но чрезвычайно даровитой и самой симпатичной фигурой во всей исторіи американскаго журнализма. Во время президентской кампаніи 1872 года, когда республиканская партія вторично назначила генерала Гранта своимъ кандидатомъ въ президенты, Грили, благодаря своей экспансивной, горячей натурѣ, былъ увлеченъ дѣйствительно жалкимъ положеніемъ разгромленнаго Юга и оказался во главѣ раскола въ средѣ своей собственной партіи; демократы, у которыхъ не было ни малѣйшей надежды на успѣхъ, возложили всѣ свои упованія на этотъ расколъ, примазались къ нему, и не назначивъ своихъ собственныхъ кандидатовъ, одобрили назначеніе Грили, который, такимъ образомъ, оказался въ жалкомъ, невозможномъ положеніи прямого оппонента своей собственной партіи, за успѣхъ которой онъ боролся всю свою жизнь. Этотъ маневръ демократовъ ослабилъ расколъ въ средѣ республиканской партіи, и на выборахъ послѣдовало чрезвычайно постыдное пораженіе, которое такъ живо подѣйствовало на Грили, что онъ черезъ нѣсколько дней внезапно умеръ, — отъ уязвленнаго самолюбія и разбитыхъ надеждъ, такъ какъ онъ самъ, зная свою дѣйствительно изъ ряда вонъ выходившую личную популярность, до послѣдней минуты разсчитывалъ на успѣхъ. Республиканская партія, сознававшая его великія услуги дѣлу освобожденія, мгновенно простила покойному единственную ошибку его жизни, и всѣ ея выдающіеся дѣятели, съ самимъ Грантомъ во главѣ, съѣхались на его похороны, которыя вышли чѣмъ-то небывалымъ въ лѣтописяхъ Америки по стеченію народа и искренней, глубокой скорби объ умершемъ. По смерти Грили, „Tribune“ перешла въ руки Рида, бывшаго кандидата въ вице-президенты Союза на тикетѣ республиканской партіи во время кампаніи 1892 года и побитаго вмѣстѣ съ Гаррисономъ, очень способнаго журналиста, но не пользующагося популярностью, особенно между рабочими союзами. „New York Tribune“ — чрезвычайно осторожная, разсудительная, очень рѣдко увлекающаяся газета; ея свѣдѣнія всегда точны, и, хотя она и ведется въ интенсивно-республиканскомъ духѣ, тѣмъ не менѣе, пользуется всеобщимъ уваженіемъ даже у своихъ политическихъ враговъ. Я де-

сять лѣтъ состою аккуратнымъ ея подписчикомъ и люблю ее за чистоту и безусловное отсутствіе сенсаціонализма какого бы то ни было рода; въ этомъ отношеніи она рѣзко отличается отъ громаднаго большинства своихъ современниковъ.

Всѣ большіе города Соединенныхъ Штатовъ (а ихъ, по цензу 1890 г., 15 съ населеніемъ свыше 200,000 и 12 съ населеніемъ отъ 100,000 до 200,000 каждый) имѣютъ большія ежедневныя политическія газеты, часто съ циркуляціей свыше 100,000 экземпляровъ. Меньшіе города имѣютъ менѣе значительныя газеты, менѣе распространенныя, съ меньшимъ составомъ сотрудниковъ; эти газеты пользуются обыкновенно телеграммами „Assossiated Press", учрежденія, имѣющаго своихъ агентовъ положительно во всякомъ городѣ и мѣстечкѣ Союза, обыкновенно телеграфистовъ телеграфныхъ компаній, которые и сообщаютъ въ главное бюро всякую мало-мальски выдающуюся новость. Новости эти сортируются и редактируются особымъ составомъ сотрудниковъ, а затѣмъ уже передаются во всѣ газеты Союза. За послѣднее время завелось новое учрежденіе, которое обѣщаетъ чрезвычайное развитіе въ будущемъ. Небольшія политическія ежедневныя и еженедѣльныя газеты, не располагая достаточными средствами, не могутъ разсылать своихъ собственныхъ корреспондентовъ во всѣ интересныя мѣста, какъ дѣлаютъ это большія изданія, не могутъ имѣть статей спеціалистовъ по различнымъ вопросамъ, а постоянные сотрудники скоро надоѣдаютъ читателямъ. Чтобы пополнить этотъ недостатокъ, новое литературное бюро прессы содержитъ извѣстныхъ людей, которые или сидятъ на мѣстѣ, или путешествуютъ по Союзу и пишутъ письма въ бюро, которое передаетъ эти письма по телеграфу газетамъ,—и письма эти появляются въ нихъ, иногда въ нѣсколькихъ сотняхъ заразъ, въ одинъ день. Изъ числа писателей, занимающихся такого рода литературой, особенно выдвинулись, между прочими, Франкъ Карпентеръ, Джонъ Ингольсъ и Билль Най. Имена ихъ извѣстны по всему Союзу, такъ какъ ихъ письма читаются нарасхватъ—и, по всей вѣроятности, у нихъ больше постоянныхъ читателей, чѣмъ у какого-либо другого современнаго писателя, такъ какъ тысячи изданій печатаютъ ихъ. Всѣ трое пишутъ въ совершенно различномъ одинъ отъ другого родѣ. Карпентеръ добился обширной популярности, благодаря своимъ письмамъ изъ Россіи прошлымъ лѣтомъ; онъ ѣздилъ къ вамъ, читатель, чтобы ознакомиться съ размѣрами голода и тѣми мѣропріятіями, которыя были приняты правительствомъ и обществомъ для борьбы

съ нимъ. Его русскія письма были очень интересны, хотя и были пересыпаны грубыми ошибками, послѣдствіемъ абсолютной невозможности для природнаго американца вмѣстить русскіе нравы и обычаи, а также и отечественные порядки. Въ настоящее время онъ помѣщаетъ въ цѣлой тысячѣ ежедневныхъ и еженедѣльныхъ газетъ, разбросанныхъ по всему Союзу, каждое воскресенье по длинному письму, объемомъ больше моихъ, посвященному исключительно характеристикѣ чѣмъ-либо выдающихся современныхъ личностей въ разныхъ городахъ и концахъ Союза. Онъ не пишетъ ни о чемъ иномъ:—*люди* составляютъ единственный предметъ его чрезвычайно интересныхъ, оригинальныхъ писемъ. Онъ выбираетъ трехъ-четырехъ человѣкъ, иногда одного, даетъ ихъ фотографіи, описываетъ ихъ частную и семейную жизнь, ихъ семейства, ихъ привычки, ихъ отношеніе къ общественнымъ дѣламъ, ихъ вліяніе на общину и причины этого вліянія, касается ихъ прошлой жизни и родословной, буде таковая имѣется, разсказываетъ ихъ удачи и неудачи—словомъ, даетъ полные портреты съ головы до ногъ, не щадя красокъ. Представьте себѣ, читатель, беззастѣнчиваго писаку, чувствующаго себя совершенно дома вездѣ, гдѣ бы онъ ни находился, и къ кому бы судьба его ни забросила, снабженнаго пронзительной проницательностью и необыкновеннымъ умѣньемъ проникать въ тайники чужой души, забравшагося въ какой-нибудь Тамбовъ, Чухлому или Весьегонскъ, пронюхавшаго всю подноготную и сразу отпечатавшаго, съ фотографической точностью личности, всѣхъ власть имущихъ, начиная съ небольшихъ, во всѣхъ газетахъ Россіи! Картина получилась-бы единственная въ своемъ родѣ по впечатлѣнію; а здѣсь это явленіе обычное, и люди, почему-либо выдающіеся изъ массы, не только не освобождаются этимъ самымъ отъ воздѣйствія прессы, но, напротивъ, должны быть всегда готовы служить ей ежедневною пищей. Карпентеръ беретъ объектами своихъ писемъ губернаторовъ, банкировъ, купцовъ, промышленниковъ, редакторовъ—словомъ, всѣхъ, кто попадется ему подъ руку и кто въ данную минуту почему-либо выдается въ своемъ родномъ городѣ. Онъ объѣхалъ уже всѣ штаты сѣверо-запада, не щадя никого и ничего.

Джонъ Ингольсъ пишетъ совсѣмъ въ другомъ родѣ. Онъ прослужилъ 18 лѣтъ сенаторомъ Соединенныхъ Штатовъ отъ штата Канзаса въ конгрессѣ, былъ цѣлый термъ исправляющимъ должность предсѣдателя сената, считался однимъ изъ самыхъ дѣльныхъ и остроумныхъ членовъ верхней палаты, этого единственнаго въ своемъ родѣ

на всемъ земномъ шарѣ выборнаго собранія, и давно пользуется національной репутаціей, какъ государственный человѣкъ недюжиннаго калибра. Популистское движеніе, охватившее Канзасъ въ прошломъ году, выбросило Ингольса за бортъ политическаго корабля этого штата,—и онъ сдѣлался statesman out of a job, государственнымъ человѣкомъ не у дѣлъ: а такъ какъ онъ принадлежалъ къ тому крайне незначительному числу американцевъ - политикановъ, которые всю свою жизнь провели на общественной службѣ, и у него никогда не было никакого собственнаго дѣла, то онъ и взялся за перо и, въ самое короткое время, сдѣлался однимъ изъ наиболѣе успѣшныхъ современныхъ публицистовъ. Статьи Ингольса читаются съ огромнымъ интересомъ; кромѣ того, онъ пользуется безспорнымъ авторитетомъ по всѣмъ вопросамъ, которыхъ касается въ своихъ работахъ, такъ какъ съумѣлъ въ своей публицистической дѣятельности отдѣлаться отъ того интенсивнаго республиканскаго партійнаго духа, которымъ отличался въ сенатѣ.

Билль Най обладаетъ очень оригинальнымъ стилемъ, и, хотя не претендуетъ на проницательность Карпентера и на философскую широту взглядовъ Ингольса, тѣмъ не менѣе, статьи его читаются и цѣнятся ничуть не меньше. Онѣ отличаются собственнымъ, неподдѣльнымъ юморомъ, всегда сопровождаются рисунками его же карандаша, и по своему тону и мѣткости напоминаютъ мнѣ знаменитыя парижскія письма Гейне. Раскопавъ какую-нибудь общественную гадость, подмѣтивъ какое-нибудь слабое мѣсто, Билль Най умѣетъ самымъ ѣдкимъ, самымъ чувствительнымъ образомъ осмѣять и опошлить находку и до того опакостить ея виновниковъ, что они надолго дѣлаются публичнымъ посмѣшищемъ. Онъ ядовитъ и безпощаденъ, а его популярность и жадность, съ какою публика его читаетъ, дѣлаютъ его общественной силой значительной величины.

III.

Моя главная контора помѣщается въ оффисѣ отеля, одного изъ самыхъ большихъ въ нашемъ городѣ, на самомъ бойкомъ углу, и мои служащіе, бухгалтеръ и клеркъ, открыли въ ней въ прошломъ ноябрѣ на свой счетъ и страхъ news stand, то-есть розничную продажу газетъ, журналовъ, книгъ, фотографій, письменныхъ принадлежностей и т. д. Времени у нихъ много, они получаютъ около 75 долларовъ чистаго барыша въ мѣсяцъ на своемъ предпріятіи, а я пользуюсь

тѣмъ, что могу просматривать gratis массу періодическихъ изданій, и, кромѣ того, знакомлюсь со всѣми подробностями дѣла, что̀ всегда полезно въ Америкѣ, такъ какъ неизвѣстно, чѣмъ будешь заниматься черезъ полгода или черезъ пять лѣтъ. Мое собственное дѣло установлено чрезвычайно прочно, идетъ совершенно механически, я слѣжу за нимъ только поверхностно, въ десять минутъ по приходѣ утромъ въ контору уже знаю въ точности, какъ мы стоимъ и что дѣлаемъ, и я провожу въ конторѣ два-три часа каждое утро больше по привычкѣ, чѣмъ по необходимости, употребляя это время на просмотръ новостей прессы и литературы. Благодаря такимъ условіямъ, я имѣю возможность очень близко, ближе чѣмъ когда-либо прежде, ознакомиться съ ними вообще и съ періодической прессой нашего штата— въ особенности.

Въ Калифорніи выходятъ нѣсколько десятковъ чисто-литературныхъ изданій, еженедѣльныхъ и ежемѣсячныхъ. Во главѣ ихъ стоятъ ежемѣсячные журналы „Overland Monthly“ съ 15.000 и „Californian“ съ 35.000 экземпляровъ. Оба эти журнала выходятъ въ Санъ-Франциско, оба роскошно иллюстрированы и безукоризненно изданы и отличаются отъ другихъ изданій этого рода въ Союзѣ своимъ почти исключительно калифорнійскимъ содержаніемъ. Авторы—почти безъ исключенія жители Тихоокеанскаго побережья, пишутъ на калифорнскія темы и занимаются калифорнскими общественными дѣлами и жизнью. Между ними очень много женщинъ. За послѣдній годъ, въ теченіе котораго я впервые познакомился съ этими журналами, очень мало извѣстными къ востоку отъ скалистыхъ горъ, женскому перу несомнѣнно принадлежатъ лучшія беллетристическія вещицы, въ нихъ помѣщенныя. Въ американской изящной литературѣ вообще женщины занимаютъ весьма почетное мѣсто не только по качеству своихъ произведеній, но и по ихъ количеству. Беллетристическіе отдѣлы̀ „Century“, „Scribner's“, „Cosmopolitan“, въ особенности за послѣдніе года, навѣрное наполовину заняты работой женщинъ. Имена: M-rs Burton Harrison и Grace King, сотрудничающихъ въ „Century“, и M-rs Frances Hodgson Burnett и Viola Roseboro въ „Scribner's“ пользуются заслуженной извѣстностью: это женщины-литераторы и поэты чрезвычайно симпатичные и съ большимъ талантомъ. M-rs John A. Logan, вдова покойнаго знаменитаго генерала междоусобной войны и кандидата республиканской партіи въ вице-президенты Союза на одномъ тикетѣ съ Блэномъ въ 1884 году, оставшись по его смерти безъ всякихъ средствъ къ жизни, гордо

отвергла предложенную націей и друзьями покойнаго денежную помощь, взялась за перо и теперь, говорятъ, заработываетъ до 30 тысячъ долларовъ въ годъ. Не бравши пера въ руки до пятидесяти лѣтъ отъ роду, она вдругъ проявила и выработала недюжинный талантъ, такъ что ея произведенія цѣнятся чрезвычайно высоко; кромѣ того, она редактируетъ цѣлый отдѣлъ въ „Ladies Home Journal", расходящемся въ числѣ 700.000 экземпляровъ и пользующемся огромнымъ успѣхомъ.

Изъ спеціальныхъ журналовъ и газетъ, которыхъ, по всѣмъ рѣшительно отраслямъ человѣческихъ знаній, въ Калифорніи выходитъ около полусотни, особенно интересны земледѣльческіе. Еще только тридцать лѣтъ тому назадъ Калифорнія считалась исключительно горной страной, способной давать золото и серебро, и ничего больше; золотая горячка 1849 и послѣдующихъ годовъ вызвала населеніе чрезвычайно подвижное, энергичное, рѣшительное, но отнюдь неспособное къ упорному, солидному труду земледѣльца; это были рудокопы, торгаши, игроки, спекуляторы, словомъ, все что угодно, только не фермеры; и всѣ предметы ежедневнаго потребленія привозились издалека, даже изъ Австраліи и Европы; еще въ 1855 году картофель, напримѣръ, продавался по доллару за штуку, также какъ и фунтъ пшеничной муки.

Вообще исторія перваго десятилѣтія существованія штата Калифорніи (1850—1860) представляетъ собою нѣчто фантастичное, небывалое, нѣчто такое, чему теперь вѣрится съ трудомъ. Представьте себѣ населеніе въ 200 тысячъ человѣкъ, почти исключительно взрослыхъ мужчинъ въ рабочемъ возрастѣ, среди которыхъ нѣтъ ни одной женщины, ни одного ребенка. Громадное большинство этихъ людей добывало золото и не хотѣло дѣлать ничего другого; меньшинство занималось тѣмъ, что снабжало ихъ жизненными потребностями, подвозило ихъ отъ портовъ Тихаго океана, продавало, и вообще дѣлало возможнымъ добываніе золота въ голыхъ пустыняхъ и горахъ. Золото было дешево; все остальное дорого. Пара сапогъ стоила 85 долларовъ; закуска изъ куска свинины и чашки кофе—3 доллара; рюмка водки—долларъ; фунтъ табаку—10 долларовъ; заступъ—15 и т. д. Мѣстное испанско-мексиканско-индѣйское населеніе, чрезвычайно рѣдкое, занималось исключительно скотоводствомъ и коневодствомъ, получая всѣ необходимости жизни морскими путями изъ метрополіи,—Мексико; да оно и группировалось исключительно на берегу склона, отъ Санъ-

Франциско до Санъ-Діего, а внутренность страны и въ особенности западные склоны главнаго хребта Скалистыхъ горъ, гдѣ расположены золотыя розсыпи, были абсолютно необитаемы. Климатическія условія (полное отсутствіе дождя большую часть года) и наружный видъ пустыни, совершенно умиравшей въ теченіе сухого времени года, были таковы, что никто и не думалъ о возможности здѣсь земледѣлія, да и золотая горячка была такъ сильна, что будь эти условія и очевидно благопріятны земледѣлію, некому было бы имъ заниматься, такъ какъ всякій спѣшилъ на пріиски, которые, въ теченіе первыхъ лѣтъ, дѣйствительно давали баснословныя состоянія въ самое короткое время. Извѣстно, что на рейдѣ въ Санъ-Франциско сгнили сотни кораблей, привезшихъ туда товары со всѣхъ концовъ земного шара; горячка была такова, что экипажи этихъ судовъ, немедленно по прибытіи на рейдъ, дезертировали цѣликомъ, начиная съ капитановъ и кончая каютными юнгами, и бѣжали за золотомъ. Рабочій трудъ въ Санъ-Франциско доходилъ до 3 долларовъ *въ часъ*, и даже за эту цѣну иногда невозможно было достать рабочихъ, такъ какъ они уходили на Востокъ, въ горы, какъ только заработанныхъ уже денегъ доставало для того, чтобы добраться туда. Самой мелкой размѣнной монетой былъ четвертакъ, двадцать пять центовъ: на рынкѣ не было ничего, что можно бы было купить за меньшую сумму. Товары гнили въ трюмахъ судовъ, не смотря на ихъ цѣнность, только потому, что или невозможно было нанять людей для ихъ выгрузки, или на берегу не было для нихъ помѣщеній; за небольшой амбаръ въ двадцать футовъ въ квадратѣ требовали тысячу долларовъ въ мѣсяцъ. Происходило нѣчто небывалое въ лѣтописяхъ земного шара; цѣнность рѣшительно всего относительно золота, медіума торговли въ данномъ случаѣ, поднялась въ сто разъ. Еслибы не были еще живы многіе участники этого страннаго, единственнаго въ своемъ родѣ порядка вещей, піонеры 1849 г. и слѣдующихъ годовъ, еслибы не было письменныхъ свидѣтельствъ, записокъ и мемуаровъ наиболѣе выдававшихся людей того времени, трудно бы было повѣрить въ возможность такого положенія.

Какъ бы то ни было, только послѣ 1860 года, когда, съ одной стороны, улучшенные и удешевленные пути сообщенія съ Востокомъ привезли на мѣсто женщинъ и дѣтей въ значительномъ числѣ, и установилась, наконецъ, семейная жизнь, не допускавшая такихъ безумныхъ расходовъ, а съ другой—пріиски все съуживались, и

возможность быстраго обогащенія на нихъ все сокращалась, были сдѣланы первыя попытки къ правильному земледѣлію. Опыты съ искусственной ирригаціей, сначала грубые и примитивные, показали, что почва Калифорніи можетъ производить чуть ли не все, что необходимо человѣку въ растительномъ царствѣ. Высокія цѣны стимулировали эти первые опыты, и скоро многіе пришли къ заключенію, что земледѣліе въ Калифорніи—тѣ же золотые пріиски, только болѣе вѣрные, менѣе рискованные; искатель золота съ теченіемъ времени все больше и больше зависѣлъ отъ удачи, тогда какъ земледѣлецъ билъ навѣрняка и своей работой безусловно обезпечивалъ свое семейство. Конечно, вслѣдствіе новизны дѣла, вслѣдствіе совершенно новыхъ условій земледѣлія, такъ радикально отличныхъ отъ тѣхъ, къ которымъ привыкли переселенцы у себя дома, въ теченіе первыхъ лѣтъ, было немало разочарованій и потерь; люди не знали, что нужно было для успѣха, и приспособленіе къ мѣстнымъ условіямъ досталось не даромъ, только послѣ многихъ разорительныхъ опытовъ. Тѣмъ не менѣе, дѣло неустанно шло впередъ, развивалось все больше и больше, и въ настоящій моментъ земледѣльческіе интересы штата Калифорніи давно перегнали и переросли во много разъ добычу золота, отодвинувшуюся на задній планъ и имѣющую только третьестепенное значеніе.

Сѣверная часть штата, а также прибрежныя части штатовъ Орегонъ и Вашингтонъ производятъ теперь весь потребляемый въ Союзѣ хмѣль и вывозятъ его въ Европу на многіе милліоны долларовъ. Средняя часть, долины рѣкъ Сакраменто и Санъ-Іоахима, обратилась въ цвѣтущую, богатѣйшую земледѣльческую страну, производящую милліоны центаловъ пшеницы и ячменя, перегнавшую всѣ остальныя страны земного шара по производству винограда, изюма и фруктовъ вообще; калифорнскіе консервы грушъ, персиковъ, абрикосовъ считаются безспорно лучшими на всемірномъ рынкѣ и проникли во всѣ уголки земного шара. Наконецъ, южная Калифорнія, въ теченіе прошлой зимы, отправила на Востокъ свыше 2.000 вагоновъ апельсиновъ и лимоновъ и съ чрезвычайнымъ успѣхомъ производитъ оливки, финики, абрикосы и грецкіе орѣхи; ея вывозъ достигъ въ 1892 году громадной суммы въ 6 милліоновъ долларовъ, хотя едва только десятая часть ея садовъ достигла зрѣлости.

Органы земледѣльческой прессы вложили чрезвычайно значительную долю въ этотъ замѣчательный переворотъ. Они выработали калифорнскую систему земледѣлія и ирригаціи,—систему единствен-

ную по своимъ условіямъ, такъ какъ нигдѣ въ мірѣ нѣтъ подобныхъ или даже близкихъ имъ. Теперь земледѣліе штата ведется на прочныхъ началахъ, и каждая отдѣльная отрасль имѣетъ свою литературу, и періодическую, и книжную, которая тщательно слѣдитъ за успѣхомъ дѣла и направляетъ его. Такъ, филлоксера, благодаря, какъ говорятъ, почти исключительно усиліямъ прессы, и до сихъ поръ не успѣла еще пробраться въ виноградники Калифорніи, хотя едва ли есть другое мѣсто въ штатахъ, гдѣ бы она не запустила свои корни. А виноградное дѣло достигло здѣсь обширныхъ размѣровъ. Напримѣръ, одна ферма Станфорда, пожертвованная имъ на поддержаніе университета въ Пало-Альто, имѣетъ виноградникъ въ 4.000 экровъ, достигшій полной зрѣлости и доставляющій ежегодно баснословный доходъ; все графство Фресно, въ теченіе послѣдняго десятилѣтія удесятерившее свое населеніе, насчитывая теперь свыше тридцати тысячъ жителей, и пользующееся изумительнымъ благосостояніемъ, обязано этимъ ростомъ и этимъ успѣхомъ исключительно винограду.

Ежедневныя и еженедѣльныя политико-общественныя газеты, которыхъ въ штатѣ больше 400, составляютъ чрезвычайно разнообразный и въ то же время понятный источникъ знанія для своихъ читателей. Если и есть въ штатѣ Калифорнія бѣлые жители, обходящіеся безъ литературныхъ и спеціальныхъ изданій, то, конечно, нѣтъ ни одного, который не читалъ бы мѣстныхъ газетъ, хотя бы только для того, чтобы знать, что̀ дѣлается въ окрестности, каковы цѣны, кто пріѣхалъ, кто уѣхалъ, гдѣ былъ пожаръ и что сгорѣло, кто выбранъ въ такую-то должность, кто женился и кто умеръ. Мѣстная газета, конечно, давно успѣла сдѣлаться насущной необходимостью, вродѣ хлѣба и воды, для всѣхъ и каждаго. Безъ нея никто не можетъ обходиться, какъ бы узокъ ни былъ его умственный кругозоръ, какъ бы индифферентно онъ ни относился ко всему остальному міру. Самое маленькое инкорпорированное мѣстечко (въ штатѣ Калифорнія требуется закономъ 25 зарегистрованныхъ выборщиковъ въ предѣлахъ мѣстечка для того, чтобы имѣть право инкорпорировать его на городское положеніе) имѣетъ свою мѣстную газету, иногда состоящую изъ одного печатнаго листа въ недѣлю и выходящую въ 200—250 экземплярахъ. Мнѣ извѣстны случаи, когда самъ издатель въ своей собственной персонѣ вмѣщаетъ и редактора, и сотрудниковъ, и наборщиковъ, и даже разсыльныхъ; онъ самъ пишетъ, самъ набираетъ, самъ печатаетъ и самъ разноситъ подписчи-

камъ свое дѣтище. Горасъ Грили, о которомъ я говорилъ въ предыдущемъ письмѣ, именно такимъ образомъ началъ свою знаменитую „The York Tribune“. Такъ какъ американскій газетный печатный листъ имѣетъ обыкновенно весьма почтенные размѣры, не уступающіе самымъ большимъ русскимъ ежедневнымъ газетамъ, и одному обыкновенному человѣку съ двумя руками въ теченіе недѣли никакимъ образомъ не управиться съ работой, да и матерьялу пригоднаго трудно бы набрать для такого размѣра, то и существуетъ особое учрежденіе, иногда нѣсколько въ одномъ штатѣ, обыкновенно въ одномъ изъ большихъ городовъ, которое занимается тѣмъ, что поставляетъ бумагу для маленькихъ еженедѣльныхъ газетъ, наполняя внутреннія страницы общеполезными свѣдѣніями по всѣмъ отраслямъ, опять-таки одинаковую для всѣхъ изданій, съ которыми оно имѣетъ дѣло, для извѣстной недѣли. Получая такую бумагу, мѣстный издатель составляетъ первую лицевую страницу, вмѣщая въ нее выдающіяся событія во всей странѣ и мѣстный отдѣлъ, а послѣднюю, четвертую, наполняетъ мѣстными объявленіями, печатаетъ эти двѣ страницы, первую и послѣднюю, и газета готова. Такихъ газетъ очень много (можетъ быть, цѣлая половина, или даже больше, общаго числа еженедѣльныхъ), и, не смотря на то, что онѣ дешевы, какъ рѣпа, онѣ все-таки даютъ въ каждомъ нумерѣ и всѣ выдающіяся новости всего міра, страны и мѣстности, и большой запасъ общеполезныхъ свѣдѣній, такимъ образомъ постоянно распространяя и популяризируя знаніе. Печать двухъ внутреннихъ страницъ, общихъ, такъ сказать, для всего штата, всегда очень мелкая, компактная; свѣдѣнія даются мелкими параграфами въ концентрированной формѣ; сотрудники центральнаго учрежденія обыкновенно люди знающіе и умѣлые, трудъ которыхъ оплачивается хорошо, и въ результатѣ получается масса общеполезныхъ свѣдѣній, цѣлая энциклопедія знанія, изложенная бойко и интересно, которую каждый фермеръ, каждый рабочій прочтетъ отъ первой строки до послѣдней.

Я лично, хорошо знакомый съ тѣмъ, какъ американскій народъ относится къ своимъ газетамъ, придаю этимъ маленькимъ, повидимому, незначительнымъ изданіямъ огромное значеніе. Я думаю, что онѣ, можетъ быть, больше всего другого служатъ распространенію знанія, его популяризаціи, тому, чтобы знакомить массы народа съ послѣдними заключеніями и выводами свѣтилъ мысли, науки и искусства. Не разъ случалось мнѣ самому быть свидѣтелемъ того, какъ

маленькій параграфъ стереотипной половины ничтожной газеты вызывалъ обмѣнъ мыслей, живые споры, выписку книгъ и спеціальныхъ изслѣдованій, давалъ толчокъ тому или другому, толчокъ, неоцѣнимый въ смыслѣ общаго развитія того или другого лица, того или другого дѣла. Такой параграфъ бывалъ зародышемъ новаго дѣла, новаго предпріятія, перемѣны занятія и даже переселенія. Нѣтъ на земномъ шарѣ рычага могущественнѣе печатнаго слова, толково и ясно изложеннаго и несомнѣнно истиннаго, и счастлива та страна, въ которой оно съумѣло сдѣлаться насущной необходимостью поголовно всего населенія. Устное преданіе, переродившись въ сплетню, въ гадостное переливаніе изъ пустого въ порожнее и перемываніе косточекъ ближняго, отжило свой вѣкъ и сдѣлалось синонимомъ мрака, тогда какъ слово печатное несетъ съ собою свѣтъ, тепло и истину.

Ежедневныя политико-общественныя газеты выходятъ въ большихъ городахъ; впрочемъ, это понятіе относительное, такъ какъ въ Калифорніи населеніе съ двумя тысячами душъ обоего пола считается значительнымъ городомъ и непремѣнно имѣетъ ежедневную газету. Эти изданія выходятъ каждый день въ году, не исключая ни воскресеній, ни праздниковъ какого бы то ни было рода, и разнятся значительно по объему, сообразно подписной платѣ и мѣстнымъ условіямъ. Въ нашемъ, напримѣръ, городѣ четыре ежедневныхъ газеты—три утреннихъ и одна вечерняя, выходящая около четырехъ часовъ пополудни; двѣ изъ нихъ—республиканскія, одна—демократическая и одна—независимая; популисты, хотя и проявили у насъ неожиданную силу на прошлыхъ президентскихъ выборахъ, довольствуются пока еженедѣльной газетой. Самая значительная изъ газетъ, утренняя республиканская, выходитъ въ объемѣ около 18 печатныхъ листовъ въ недѣлю — иной день два, иной день три, по воскресеньямъ обыкновенно четыре и даже пять, смотря по количеству матеріала и объявленій; двѣ другихъ — въ объемѣ около 12 листовъ въ недѣлю, и, наконецъ, самая маленькая, независимая — около 8. Всѣ онѣ не только получаютъ всѣ телеграммы международнаго телеграфнаго агентства и сѣверо-американской соединенной прессы, но имѣютъ и своихъ собственныхъ корреспондентовъ въ главныхъ городахъ Союза; кромѣ того, содержатъ значительные штаты постоянныхъ сотрудниковъ, которыхъ при случаѣ и посылаютъ въ мѣста особеннаго интереса. Такъ, всѣ онѣ имѣютъ спеціальныхъ корреспондентовъ въ Чикаго съ самаго дня открытія тамъ выставки; во время гавайскаго возстанія двѣ изъ нихъ посылали нарочныхъ на

Сандвичевы острова, точно такъ же какъ и на національныя конвенціи прошлаго лѣта всѣхъ политическихъ партій. Выходятъ онѣ въ числѣ 13.000, 11.000, 9.000 и 6.000 экземпляровъ; подписная плата бо̀льшей — 10 долларовъ въ годъ, меньшей — 6; объявленія даютъ имъ больше двухъ-третей валового дохода, который у наибольшей достигаетъ полумилліона долларовъ въ годъ, у наименьшей — 75 тысячъ. Первыя двѣ страницы этихъ газетъ заняты телеграммами, причемъ необходимо замѣтить, что все ежедневное газетное дѣло въ Соединенныхъ Штатахъ ведется, уже съ давнихъ поръ, исключительно по телеграфу; всѣ письма сотрудниковъ и корреспондентовъ всегда телеграфируются; почта употребляется только случайными контрибуторами, чисто-газетное дѣло не можетъ ее ждать. Третья страница занята биржевыми, финансовыми и коммерческими извѣстіями, сообщаемыми ежедневно изъ всѣхъ, безъ исключенія, торговыхъ центровъ Союза чрезвычайно подробно и обстоятельно, съ комментаріями и объясненіями колебаній. Не только денежный, но и торговый рынокъ Союза крайне чутокъ и отзывчивъ; цѣны постоянно колеблются, и всякій торговецъ, даже самый мелкій, долженъ внимательно слѣдить за этими колебаніями: конкурренція сильна повсюду, и торговые промахи стоятъ до̀рого. Четвертая страница занята мѣстнымъ отдѣломъ, преимущественно мѣстными общественными дѣлами, отчетами публичныхъ засѣданій городского и школьнаго совѣтовъ, политическихъ, ученыхъ и всякихъ другихъ обществъ. Пятая состоитъ изъ передовыхъ статей редакціи по всѣмъ вопросамъ дня, а также выборокъ изъ вчерашнихъ передовыхъ статей наиболѣе вліятельныхъ газетъ націи и штата, всегда передаваемыхъ по телеграфу. Шестая занята судебными извѣстіями и отчетами; седьмая заключаетъ въ себѣ желѣзнодорожныя новости и общественную хронику: кто умеръ, кто родился, кто и гдѣ и какъ женился и какіе получилъ по этому случаю подарки, и въ чемъ была одѣта невѣста и какъ она выглядѣла, у кого были гости и откуда, что дѣлали и какъ долго сидѣли, что пили и что ѣли. Восьмая страница посвящена исключительно объявленіямъ, пересыпаннымъ шутками и выдержками изъ сатирическихъ и каррикатурныхъ изданій. Кромѣ того, и на всѣхъ остальныхъ страницахъ, все мѣсто, остающееся за помѣщеніемъ подлежащаго этой страницѣ газетнаго матеріала, занимается объявленіями. По воскресеньямъ, кромѣ общаго матеріала, обыкновенно прибавляется листа два-три разныхъ беллетристическихъ произведеній, а также писемъ различныхъ знаменитостей, вродѣ Кар-

пентера, Ингольса и Ная, о которыхъ я упоминалъ выше; также отчеты о наиболѣе выдающихся проповѣдяхъ какъ мѣстныхъ, такъ и другихъ почему-либо замѣчательныхъ проповѣдниковъ.

Само собой разумѣется, что вышеприведенное распредѣленіе только приблизительно вѣрно и мѣняется часто довольно существенно, сообразно объему газеты и ея литературно-общественной физіономіи. Нѣкоторыя даютъ регулярно библіографическія свѣдѣнія, обзоры журналовъ, другія дѣлаютъ спеціальностью отчеты о разныхъ спортахъ, скачкахъ, гонкахъ, игрѣ въ бэзъ-болль, и т. д.; третьи придерживаются больше финансовъ и коммерціи; словомъ, каждая имѣетъ свои спеціальности и свою физіономію, такъ что коренной житель города обыкновенно читаетъ ихъ всѣ, то-есть, вѣрнѣе, извѣстные отдѣлы каждой.

Кромѣ обыкновенныхъ, ежедневныхъ нумеровъ, каждая газета выпускаетъ въ теченіе года, два-три экстренныхъ, обыкновенно огромнаго размѣра, листовъ въ 15, 20 и болѣе. „Examiner", выходящій въ Санъ-Франциско, выпустилъ нынче весной нумеръ въ 124 страницы, составившій, въ сущности, огромную книгу всякихъ справочныхъ свѣдѣній о всемъ штатѣ вообще и о каждомъ его графствѣ въ отдѣльности. Эти спеціальные нумера, разсылаемые всѣмъ регулярнымъ подписчикамъ безъ добавочной платы, составляются обыкновенно чрезвычайно тщательно, даютъ массу иллюстрацій, статистическихъ свѣдѣній всякаго рода и вообще полное описаніе мѣстности и города, въ которомъ издается газета; они не только вполнѣ окупаются объявленіями, но и приносятъ издателямъ большой доходъ.

Въ Санъ-Франциско издаются двѣ газеты: „Examiner" и „Chronicle", выходящія ежедневно въ числѣ 60,000 экземпляровъ каждая и ведущіяся на очень широкую ногу. Обѣ онѣ выходятъ въ огромномъ объемѣ, не менѣе 25 печатныхъ листовъ въ недѣлю; ихъ воскресные нумера никогда не бываютъ меньше, чѣмъ въ 8 листовъ. Въ каждомъ нумерѣ онѣ даютъ массу иллюстрацій, не жалѣютъ никакихъ расходовъ на добываніе новостей и отличаются большой предпріимчивостью. Такъ, „Examiner" въ теченіе прошлой зимы, дважды добился того, что его репортеры видѣлись, разговаривали и срисовывали портреты съ знаменитыхъ разбойниковъ Иванса и Зонтага, скрывавшихся въ самыхъ неприступныхъ ущельяхъ Сьерры Невады; а когда, съ мѣсяцъ тому назадъ, телеграфъ принесъ въ Санъ-Франциско извѣстіе о томъ, что слѣдившему за ними отряду полиціи удалось-таки открыть ихъ убѣжище и, послѣ кровопролит-

наго сраженія, захватить обоихъ живыми, хотя и смертельно ранеными, „Examiner“, чтобы имѣть всѣ подробности изъ первыхъ рукъ къ слѣдующему же утру, послалъ экстренный желѣзнодорожный поѣздъ за двѣсти миль, на мѣсто происшествія. съ цѣлымъ составомъ сотрудниковъ и артистовъ; и дѣйствительно, на слѣдующее же утро помѣстилъ не только точный и обстоятельный разсказъ о сраженіи, но и фотографіи какъ самихъ разбойниковъ, такъ и захватившихъ ихъ полицейскихъ, и мѣстности, и тюрьмы, въ которую они были привезены; словомъ, далъ на шести печатныхъ страницахъ описаніе всего происшествія, не упустивъ ни малѣйшей детали, не смотря на то, что первое извѣстіе было получено въ Санъ-Франциско какъ разъ въ полдень наканунѣ, и разстояніе въ двѣсти миль слишкомъ отдѣляло отъ города мѣсто битвы. Для американской газеты снарядить въ какія-нибудь десять-пятнадцать минутъ спеціальный желѣзнодорожный поѣздъ, добиться для него права на путь, то есть дать ему такую быстроту, на какую только способенъ желѣзнодорожный локомотивъ (вышеупомянутый поѣздъ „Examiner'a“ сдѣлалъ 212 миль, то-есть 320 верстъ, въ 3 часа и 20 минутъ), снабдить его составомъ сотрудниковъ и артистовъ и отпечатать въ ночь сто тысячъ лишнихъ экземпляровъ (какъ случилось съ нумеромъ, содержавшимъ описаніе поимки Иванса и Зонтага)—дѣло довольно обычное. Публикѣ необходимо знать подробности, и подробности вѣрныя, всякаго выдающагося случая, и американскія газеты удовлетворяютъ эту потребность, мимоходомъ заработывая огромныя деньги. Обѣ вышеупомянутыя газеты капитализированы въ 5 милліоновъ долларовъ каждая; „Chronicle“ уже выстроилъ свое собственное зданіе въ 12 этажей, одно изъ самыхъ красивыхъ и замѣтныхъ въ Санъ-Франциско, и обѣ газеты каждые три мѣсяца объявляютъ хорошіе дивиденды своимъ акціонерамъ. Самая большая газета нашего города, основанная всего 9 лѣтъ тому назадъ, сначала какъ маленькій еженедѣльный листокъ, человѣкомъ безъ всякихъ средствъ, теперь, говорятъ, даетъ ему 100 тысячъ долларовъ чистаго дохода въ годъ.

Говоря о беллетристической и спеціальной періодической прессѣ національнаго характера, я не упомянулъ объ одномъ чрезвычайно характерномъ обычаѣ—именно о томъ, что изданія эти появляются во всѣхъ городахъ и мѣстечкахъ Союза всегда одновременно, въ одинъ и тотъ же день. Напримѣръ, іюльскій нумеръ „Century“ или всякаго другого журнала того же характера появляется въ продажѣ

непремѣнно перваго іюля и въ Санъ-Франциско, и въ Лосъ-Анжелесѣ, и въ Нью-Іоркѣ, и въ любомъ желѣзнодорожномъ городѣ Флориды или Орегона. Первые отпечатанные экземпляры отсылаются въ самые отдаленные пункты (если журналъ издается, напр., въ Нью-Іоркѣ,—нѣтъ такой желѣзнодорожной станціи въ Союзѣ, куда бы почта не могла дойти въ шесть дней), потомъ въ менѣе отдаленные, и такъ далѣе—словомъ, разстоянія принимаются въ разсчетъ при отправкѣ,—къ 1-му іюля всякое мѣсто получитъ свои экземпляры, и они, такимъ образомъ, появятся одновременно по всему Союзу. Отдаленность мѣстожительства не заставляетъ васъ ждать вашего журнала ни одного лишняго часа противъ мѣста его изданія. Насколько мнѣ извѣстно, такой порядокъ практикуется только въ Америкѣ: ни въ Европѣ вообще, ни въ Россіи въ частности онъ неизвѣстенъ.

Не могу не упомянуть объ одномъ, чрезвычайно бросающемся русскому интеллигенту въ глаза, непріятномъ обычаѣ американской періодической прессы. Всѣ, безъ исключенія, журналы и газеты всегда печатаютъ на видномъ мѣстѣ всякіе благопріятные о себѣ самихъ отзывы своихъ современниковъ. Иногда цѣлый столбецъ, а то и два заняты выписками похвалъ. Само собой разумѣется, такія похвалы обоюдны и только очень рѣдко имѣютъ свою собственную, внутреннюю цѣнность. Эта бьющая въ глаза грубая хвастливость присуща всему въ Америкѣ, и, къ сожалѣнію, лучшіе журналы не свободны отъ нея. Конечно, существуетъ прекрасное средство отъ нея отдѣлаться—не читать ее.

Въ настоящемъ очеркѣ я отнюдь не претендую дать обстоятельное изслѣдованіе объ американской прессѣ, а просто пишу о томъ, съ чѣмъ мнѣ лично пришлось встрѣтиться въ моей обыденной жизни здѣсь, что показалось мнѣ интереснымъ и достойнымъ вниманія. Періодическая пресса Америки—предметъ слишкомъ многосторонній и обширный для того, чтобы трактовать о немъ обстоятельно на двухъ-трехъ печатныхъ листахъ: нужно исписать многіе томы, чтобы сказать все, что слѣдуетъ.

ПИСЬМО ОДИННАДЦАТОЕ.

Бразильскій концертъ.

Случалось-ли вамъ, читатель, неожиданно и внезапно погружаться въ иной міръ, въ чуждую вамъ, странную, но какъ будто

знакомую обстановку? Случалось-ли вамъ вдругъ отрѣшаться отъ всего окружающаго, отъ всего, чѣмъ вы дышете и живете, и перенестись духомъ въ далекое прошлое, заглянуть умственнымъ окомъ въ тѣ эпохи, которыя ярко и своеобразно запечатлѣли въ вашей памяти исторія и изученіе прошлыхъ вѣковъ? Знакомы-ли вамъ эти чудныя и въ то же время болѣзненныя ощущенія? Я ихъ только что пережилъ, и пережилъ въ самой острой, въ самой чувствительной формѣ, и спѣшу подѣлиться ими съ вами, спѣшу занести ихъ на бумагу, пока они еще свѣжи и ярки, и пока новыя впечатлѣнія двухъ-милліоннаго города и величайшей всемірной выставки не ослабили ихъ и не слили ихъ въ одно общее туманное цѣлое.

Бразилія, эта далекая, малоизвѣстная, сравнительно, дикая страна, праздновала 7-го сентября годовщину своей независимости на выставкѣ въ Чикаго; между прочими нумерами программы этого празднованія, значился и національный бразильскій концертъ, на который случайно попалъ и я. По программѣ оказалось, что завѣдывать концертомъ и дирижировать оркестромъ будетъ маэстро Карлосъ Гомецъ; что будутъ играть и пѣть исключительно его музыку, отрывки изъ оперъ Эль Гуарани, Сальваторъ Роза, Кондоръ, Фоска и другихъ, о которыхъ я никогда не слыхалъ и о существованіи которыхъ даже не подозрѣвалъ; я никогда не думалъ, чтобы эта неизвѣстная, вѣчно бунтующая въ томъ или другомъ родѣ Бразилія имѣла не только свою собственную, оригинальную музыку, но и значительный выборъ своихъ собственныхъ оперъ.

Огромная, блестящая, изящная зала музыкальнаго храма выставки, разукрашенная зеленымъ и желтымъ, національными цвѣтами Бразиліи, оказалась биткомъ набитой публикой. Наплывъ посѣтителей на выставку теперь такъ великъ, что иностранцы совершенно теряются въ толпѣ: только изрѣдка въ массѣ характерныхъ однообразныхъ янки замѣтишь несомнѣннаго иностранца. Тѣмъ болѣе рѣзко бросился мнѣ въ глаза составъ публики партера; это были особенные люди, очевидно, не имѣвшіе ничего общаго съ ежедневной выставочной толпой, добродушно-грубой, живой, энергичной американской уличной публикой. Смуглыя, даже темныя, съ роскошными, черными, какъ вороново крыло, волосами и большими, южными, влажными, полусонными глазами дамы, высокіе, стройные, безукоризненно одѣтые въ дорогое платье мужчины, съ спокойными, величавыми движеніями, размѣренными, граціозными по-

воротами фигуры, высоко и увѣренно несшіе свои красивыя, типичныя головы, и съ особенными, странными жестами пожимавшіе другъ-другу руки,—на нихъ лежала особая печать, всякое ихъ движеніе говорило о чемъ-то необычномъ, о чемъ-то неизвѣстномъ и чуждомъ американскому народу. Это были потомки испанскихъ и португальскихъ грандовъ и доновъ, тѣхъ доновъ, которые когда-то, нѣсколько столѣтій тому назадъ, были передовымъ народомъ міра и въ поискахъ за золотомъ открыли и подарили современному міру больше новыхъ странъ, чѣмъ всѣ остальныя національности, вмѣстѣ взятыя. Это была, конечно, необычная въ сѣверо-американскомъ театрѣ публика; только колумбійская всемірная выставка, съ ея громаднымъ значеніемъ, во-время понятымъ современной Бразиліей, могла собрать въ Чикаго такую аудиторію, могла создать ту обстановку, при которой оказалось возможнымъ произведенное концертомъ впечатлѣніе.

Оркестръ состоялъ, надо полагать, по крайней мѣрѣ, изъ двухсотъ музыкантовъ, и когда на эстрадѣ дирижера показался маэстро Гомецъ, вся зала задрожала отъ рукоплесканій. Высокій, стройный, не смотря на свои пятьдесятъ лѣтъ, вполнѣ сохранившій юношескую гибкость стана и граціозную, энергичную выдержку всякой позы, всякаго движенія, съ громадной шапкой посеребренныхъ сѣдиной кудрей и типичнымъ, красивымъ южнымъ лицомъ, донъ-Гомецъ, казалось, мгновенно наэлектризовалъ своей палочкой и оркестръ, и аудиторію. Онъ былъ въ своей сферѣ: отборная, сочувствовавшая ему всѣми фибрами души и тѣла, понимавшая каждый звукъ, родная аудиторія, превосходный, чутко отзывавшійся на каждый его взмахъ оркестръ, дивные звуки созданной его собственнымъ геніемъ музыки, представители всѣхъ націй міра, съ удивленіемъ и нескрываемымъ восторгомъ внимавшіе новой, незнакомой, неожиданной музыкѣ—словомъ, налицо были всѣ тѣ факторы, соединеніе которыхъ неизбѣжно вызываетъ въ исполнителѣ сверхъестественныя усилія, необычайное желаніе довести исполненіе до возможнаго совершенства. И бразильскій композиторъ, и оркестръ, и солисты-пѣвцы не ударили лицомъ въ грязь, оказались безусловно на высотѣ своего положенія. Они играли и пѣли какъ, вѣроятно, никогда не удавалось имъ прежде, и наврядъ-ли удастся когда-либо въ будущемъ: не часто могутъ повторяться такія условія, такая обстановка.

Съ первыми-же могучими, страстными звуками оркестра (играли изъ оперы „Эль Гуарани“), все меня окружавшее мгновенно измѣня-

лось. Для меня это не могло быть музыкой современной Бразиліи, стонущей уже много лѣтъ подъ бременемъ кровавыхъ междоусобій, постоянныхъ, нескончаемыхъ возстаній, то тутъ, то тамъ, то въ нѣсколькихъ провинціяхъ сразу, изнѣженной и развращенной и подъ игомъ католицизма, и отъ растлѣвающаго вліянія рабства въ самыхъ примитивныхъ формахъ, и отъ своеволія и необузданности ея магнатовъ—нѣтъ, это было нѣчто другое, нѣчто знакомое, но полузабытое и съ страшной силой вызываемое теперь этими божественными звуками. Для меня это былъ духъ древней Испаніи, древняго міра, внезапно воскресшій и охватившій мое существо;—это были мавры и сарацины, Гренада и Севилья, Альгамбра и Эскурьялъ, это были тайны инквизиціи, Фердинандъ и Изабелла, Христофоръ Колумбъ съ его кораблями и спутниками; это были Пизарро, Кортецъ, Понсе-ди-Ліенъ и тѣ желѣзные люди, которые впервые увидѣли и огнемъ и мечомъ отвоевали новый континентъ. Ихъ величіе и значеніе, ихъ страданія и лишенія, ихъ необъятное вліяніе на исторію міра, котораго они не понимали и не были въ состояніи вмѣстить—вотъ о чемъ говорили мнѣ эти звуки. Ихъ изнѣженные потомки, сидѣвшіе передо мною въ партерѣ театра, во фракахъ и модныхъ сюртукахъ, съ розами и эмблемами современной Бразиліи въ петлицахъ, съ наружнымъ величіемъ движеній и осанкой своихъ великихъ предковъ, казались мнѣ желѣзными рыцарями той далекой эпохи, гремѣвшими своими доспѣхами, и тяжелыми, медленными, но вѣрными, неудержимыми шагами шедшими къ достиженію своей цѣли. Современная Бразилія, театръ на берегу озера Мичигана, донъ-Гомецъ, вдохновенно руководившій своей музыкой,—все это исчезло: я видѣлъ только стальныхъ рыцарей, величественно помахивавшихъ своими плюмажами и знаменами и безстрашно шедшихъ впередъ и впередъ... Духъ этихъ рыцарей, духъ древней Испаніи ожилъ въ этихъ звукахъ, заслонилъ настоящее, заслонилъ исполнителей и маэстро; только этотъ духъ и могъ создать такіе дивные звуки, только его величіе и могло олицетвориться, и только благодаря этому духу современная бразильская музыка и могла дать такіе перлы...

Программа шла своимъ чередомъ, нумеръ за нумеромъ; пѣли солисты, игралъ оркестръ, общее напряженіе усиливалось съ каждой минутой, съ каждой нотой, темпъ и значеніе музыки шли все crescendo и crescendo, а я сидѣлъ какъ очарованный, охваченный дивными образами, вызванными этими необычайными впечатлѣніями. Вотъ сопрано-соло поетъ арію изъ „Сальватора Розы“; она зоветъ

кого-то, куда-то впередъ, впередъ... Скрипки заливаются чудной мелодіей, зовутъ за собой неудержимо, флейты болѣзненно-напряженно ноютъ, арфы звенятъ съ невѣдомой силой — всякій инструментъ дрожитъ и стонетъ, а выше всего, и какъ бы заглушая и заслоняя собой этотъ двухсотъ-голосый оркестръ, гремитъ голосъ пѣвицы—впередъ, впередъ!.. Нѣтъ, такъ не могутъ звать современные люди; это звуки иной эпохи, это призывъ желѣза и огня, призывъ отжившей, сошедшей съ лица земли жизни, отголосокъ этого славнаго, чуднаго, легендарнаго прошлаго, утратившій свое чарующее вліяніе на родъ людской: иначе эти величавые доны въ партерѣ поднялись бы мгновенно какъ одинъ человѣкъ и завоевали бы всю вселенную.

Я очнулся отъ моихъ грезъ, только когда концертъ закончился блестящимъ, бурнымъ маршемъ, и публика партера заполонила эстраду, а какой-то особенно видный, особенно величавый представитель бразильской націи обнималъ и цѣловалъ маэстро, окруженнаго пѣвцами, музыкантами и публикой. Общій взрывъ восторга былъ никогда въ жизни мною не виданный, не испытанный. Композиторъ, еще въ цвѣтѣ лѣтъ, сдѣлался идоломъ своей страны, достигъ славы, любви, поклоненія своихъ соотечественниковъ.

Цѣлый день могучіе, страстные мотивы преслѣдовали меня. Цѣлый рой новыхъ, необычныхъ мыслей зашевелился въ моемъ мозгу. Да, у этого маленькаго, сравнительно, отрѣзаннаго отъ остального міра, мало извѣстнаго бразильскаго народа несомнѣнно была своя музыка, мало того, могучая, своеобразная, прелестная музыка. Маэстро Гомецъ никогда не бывалъ въ Европѣ. Испанія имѣетъ только самое малое значеніе въ современной жизни Бразиліи, всѣ умственные, коммерческіе и финансовые интересы которой неразрывно связаны съ Англіей и Сѣверной Америкой. Ни въ литературномъ, ни въ политическомъ отношеніяхъ Бразилія ничуть не отличается отъ латинскихъ республикъ центральной и южной Америки, хотя и является самой значительной изъ нихъ по пространству и народонаселенію. Всѣ онѣ цѣлое столѣтіе только и дѣлаютъ, что ищутъ выхода изъ своихъ безконечныхъ затрудненій всякаго рода, сорта и наименованія. Во всякой отрасли человѣческаго знанія, во всѣхъ деталяхъ человѣческой дѣятельности Соединенные Штаты ушли отъ нихъ далеко, далеко,—а у нихъ нѣтъ музыки не только подобной бразильской, а и никакой; они не идутъ далѣе Star spangled banner da Yankee doodle; у нихъ совсѣмъ нѣтъ оперы, никогда ея не бывало, да

и нѣтъ надежды на нее въ близкомъ будущемъ. Неужели имъ, которымъ дано такъ много, совсѣмъ отказано въ музыкѣ? Неужели для того, чтобы обладать тѣмъ *нѣчто*, которое сдѣлало возможнымъ сегодняшній бразильскій концертъ въ Чикаго, необходимо имѣть въ запасѣ тысячелѣтнюю исторію Испаніи, мавровъ и сарациновъ, Гвадалквивиръ и Сарагоссу, инквизицію и католицизмъ? Или, можетъ быть, можно имѣть благосостояніе, свободу, счастіе большинства,—но нельзя имѣть въ то же время и музыку? Можетъ быть, необходимы столѣтія и тысячелѣтія праздной, безмятежной жизни незначительнаго меньшинства, съ особенно развитыми нервами и чувствами, для того, чтобы было возможно появленіе говорящей, захватывающей душу музыки? А вѣдь музыка есть необходимость не только для полнаго счастья, но и для полноты человѣческой природы вообще,—безъ нея природа эта одностороння, неспособна къ полному своему развитію. Музыка сильнѣе всего другого вліяетъ на человѣческія страсти, на человѣческія способности; она приводитъ человѣка въ то состояніе, когда онъ дѣлается способенъ на величайшіе порывы, на сильнѣйшее проявленіе божественности въ плоти и крови. Неужели сѣверо-американецъ лишенъ этого божественнаго свойства, этого божественнаго дара?

КОЛУМБІЙСКАЯ ВСЕМІРНАЯ ВЫСТАВКА.

Колумбійская всемірная выставка.

Джуліанъ Рольфъ, одинъ изъ самыхъ блестящихъ и талантливыхъ современныхъ публицистовъ Соединенныхъ Штатовъ, въ своей замѣчательной статьѣ о городѣ Чикаго, въ февральской книжкѣ „Harper's Monthly Magazine", говоритъ, что какъ бы велика и разнообразна ни была всемірная выставка, все-таки самъ по себѣ городъ Чикаго несомнѣнно долженъ явиться самымъ выдающимся ея элементомъ не только для иностранцевъ, но и для кровныхъ американцевъ. Самъ Рольфъ—уроженецъ и постоянный житель города Нью-Іорка и страстный поклонникъ этого современнаго Вавилона; тѣмъ не менѣе, онъ съ неподдѣльнымъ удивленіемъ останавливается передъ единственнымъ его дѣйствительнымъ и успѣшнымъ соперникомъ Чикаго, и отдаетъ ему полную справедливость. Нужно знать интенсивную лойяльность кровнаго янки къ своему городу, нужно понимать все значеніе той коммерческой, промышленной и финансовой борьбы, которая идетъ въ настоящее время между этими двумя городами, чтобы вполнѣ оцѣнить безпристрастіе и значеніе такого отзыва со стороны страстнаго партизана Рольфа. Но онъ пишетъ для американцевъ, въ американскомъ журналѣ, предполагая, что его читатели знаютъ исторію Штатовъ и города Чикаго; европеецъ, въ первый разъ видящій и Америку, и Чикаго, и судящій по внѣшности, не принимая въ соображеніе исторіи и мѣстныхъ условій, не въ состояніи оцѣнить такого отзыва—и я постараюсь, по возможности, выяснить и эту исторію, и эти условія, чтобы читатель могъ понять, почему сами американцы смотрятъ такимъ образомъ и на Чикаго, и на выставку.

I.

Имя „Чикаго", Chicago (произносится чаще Шикаго чѣмъ Чикаго), попадается въ первый разъ только въ 1795 году, въ одномъ

изъ многочисленныхъ трактатовъ, заключенныхъ около того времени федеральнымъ правительствомъ съ индѣйцами. Въ 1803 году федеральное военное начальство „сѣверо-западной территоріи“, тогда только что организованной, выстроило на мѣстѣ нынѣшняго города военный фортъ, названный фортомъ Дирборнъ, въ которомъ и содержался незначительный гарнизонъ для огражденія мѣховыхъ торговцевъ, преимущественно французовъ, проникавшихъ все дальше и дальше на западъ въ поискахъ за звѣриными шкурами, въ то время составлявшими единственный продуктъ всего района сѣверной Миссисипи. Въ 1812 году, во время войны Соединенныхъ Штатовъ съ Англіей, союзники этой послѣдней, мѣстные индѣйцы, сожгли фортъ и избили весь гарнизонъ, включая женщинъ и дѣтей, и только въ 1816 году, по заключеніи мира, фортъ этотъ былъ опять возстановленъ и мало-по-малу сдѣлался торговымъ центромъ медленно заселявшихся бѣлыми окрестностей. Первымъ и непосредственнымъ стимуломъ къ этому заселенію послужило намѣреніе федеральнаго правительства устроить каналъ между великими озерами и рѣкой Миссисипи,—намѣреніе, не осуществленное до 1836 года, но, тѣмъ не менѣе, указавшее гораздо раньше на возстановленный фортъ Дирборнъ, какъ на исходный пунктъ канала. Только въ 1818 году былъ организованъ и принятъ въ союзъ штатъ Иллинойсъ, по федеральному цензу 1820 года, имѣвшій всего 55,162 жителя обоего пола; только въ 1830 году Чикаго былъ организованъ какъ деревня, village, и его избирательный списокъ этого года заключалъ въ себѣ всего 24 имени. Но въ 1831 году было организовано графство Кукъ, и Чикаго сдѣлался его главнымъ городомъ, а начавшаяся въ 1832 году война съ индѣйцами, подъ предводительствомъ Черного Сокола (Black Hawk War), привлекла въ Чикаго, какъ въ центръ военныхъ операцій, значительныя по тому времени военныя силы, а съ ними и все то пловучее населеніе, которое обыкновенно сопровождаетъ армію, и Чикаго впервые сдѣлался извѣстнымъ по всему Союзу, слѣдившему весьма тщательно за всѣми перипетіями этой войны. Уже въ 1835 году въ Чикаго насчитывалось 3,285 жителей; въ 1837 году онъ былъ организованъ какъ городъ, а въ маѣ того же года было выбрано его первое муниципальное управленіе. Финансовый и торговый кризисъ, потрясшій въ этомъ году Соединенные Штаты, остановилъ-было на время развитіе Чикаго и весьма существенно подорвалъ его благосостояніе; цѣлые десятки лѣтъ новый городъ росъ весьма медленно, и только на-

плывъ нѣмецкихъ эмигрантовъ, послѣ революціи 1849 года, опять далъ ему внезапный сильный толчокъ. По цензу 1850 года, Чикаго насчиталъ уже 25,269 жителей, а начавшаяся около того времени лихорадочно энергичная постройка желѣзнодорожныхъ линій, стремившихся и съ востока, и съ юга, и съ запада къ Чикаго, какъ центральному пункту, быстро выдвинула городъ впередъ и привлекла къ нему массы эмигрантовъ. Судоходство по великимъ озерамъ, до конца пятидесятыхъ годовъ составлявшее единственное возможное торговое сообщеніе между Западомъ и Востокомъ, развивалось чрезвычайно быстро, и Чикаго скоро сдѣлался исходнымъ пунктомъ судоходства всего Запада; тогда какъ въ 1830 году его посѣтило только одно судно, въ 1840 г. онъ уже имѣлъ свои собственныя верфи, спустилъ первый пароходъ, и въ 1854 году его судоходство превышало уже милліонъ тоннъ. Только въ 1838 году была сдѣлана первая отправка зерна водой на Востокъ, а 30 лѣтъ спустя, въ 1867 году, элеваторы города имѣли уже вмѣстимость около 12 милліоновъ бушелей и отправляли, въ среднемъ, около милліона бушелей въ день. Въ пятидесятыхъ годахъ началась въ Чикаго торговля скотомъ и мясными продуктами, торговля, больше всего другого выдвинувшая городъ впередъ. Чикаго первый началъ паковать мясные продукты въ жестянки и первый ввелъ эти мясные консервы во всеобщее употребленіе. Въ 1865 г. были устроены Union Stock Yards, т.-е. соединенные скотные дворы, уже въ то время покрывавшіе пространство слишкомъ въ 120 десятинъ и дававшіе возможность управляться съ 120,000 головъ разнаго скота въ день. Наконецъ, лѣсопильное дѣло и торговля тесомъ, составлявшія главное занятіе жителей района бѣлой сосны, штатовъ Мичигана, Висконсина и Миннесоты, тоже пріютились съ начала пятидесятыхъ годовъ въ Чикаго, и его многочисленное дерево—обрабатывающіе заводы скоро сдѣлали его главнымъ центромъ этой торговли не только для всего Запада, но и для экспорта заграницу. По мѣрѣ того, какъ расширялись эти три главныя отрасли внутренней торговли Соединенныхъ Штатовъ: торговля хлѣбнымъ зерномъ, скотомъ и его продуктами, и лѣсомъ,—росло и населеніе Чикаго; уже въ 1861 году въ немъ было до 120,000 жителей, въ 1867—до 200,000, а въ 1871—334,270.

Западъ и сѣверо-западъ, между тѣмъ, быстро заселялись. Въ сороковыхъ годахъ были приняты въ союзъ штаты Висконсинъ и Эйоуэ; въ пятидесятыхъ — Миннесота, въ шестидесятыхъ — Небраска и

Канзасъ, въ восьмидесятыхъ—обѣ Дакоты, сѣверная и южная; населеніе штата Иллинойсъ съ 55,000 въ 1820 году возросло до 3.826,351 въ 1890 году, а населеніе вышеперечисленныхъ штатовъ запада и сѣверо-запада свыше восьми милліоновъ, и это заселеніе новыхъ территорій, начавшееся съ 1830 года, сдѣлало современный Чикаго центромъ богатѣйшаго района, съ 30-ю милліонами жителей. Уже къ началу 70-хъ годовъ торговля и промышленное значеніе Чикаго были такъ сильны, такъ притягательны, что громадный пожаръ 1871 года, истребившій, въ сущности, весь городъ, не остановилъ ни на одинъ день его развитія, принеся ему даже несомнѣнную пользу, такъ какъ далъ случай его жителямъ показать ту удивительную энергію, ту замѣчательную самостоятельность и гордость, съ которыми они отказались отъ всякой посторонней помощи и возстановили свой сгорѣвшій городъ въ изумительно короткое время; не прошло года, какъ на мѣстѣ деревяннаго, неправильнаго, съ узкими улицами и временными постройками города явился современный Чикаго, съ правильными широкими проспектами и бульварами и почти исключительно каменными зданіями. Въ то же время было достигнуто и оздоровленіе города; въ настоящее время Чикаго несомнѣнно самый здоровый большой городъ міра, такъ какъ его смертность въ 1892 году была всего 18,23 на тысячу; болотистая прерія была поднята на многіе футы, чтобы достичь, такимъ образомъ, правильныхъ уклоновъ для сточныхъ трубъ, а водопроводъ устроенъ въ пятнадцати миляхъ отъ берега, на искусственномъ островѣ, и весь городъ снабжается водой изъ нѣдръ озера Мичигана.

Въ настоящее время Чикаго насчитываетъ 1.618.010 жителей, а то плавучее населеніе, которое прилило къ нему, благодаря выставкѣ, вычисляется еще въ полмилліона, такъ что, по всей вѣроятности, въ его предѣлахъ живетъ до двухъ милліоновъ народа, на пространствѣ въ 182 квадратныхъ мили. Чикаго началъ захватывать и включать въ свою территорію подгородныя слободы еще съ пятидесятыхъ годовъ и еще въ 1870 году прибавилъ къ себѣ около 70 квадратныхъ миль. Существуютъ ярые противники такого быстраго развитія территоріи, бо́льшая часть которой состоитъ изъ пустырей, съ кое гдѣ раскиданными хатами огородниковъ; цѣлесообразность такихъ захватовъ оспаривается невозможностью содержать въ порядкѣ безчисленныя пустыя улицы и проспекты въ голой незаселенной преріи; но чикагскіе дѣльцы, въ виду опытовъ прошлаго,

думаютъ иначе и разсчитываютъ, что единственная возможность имѣть правильный городъ, съ правильными улицами, правильными уровнями ихъ и однообразной системой дренажа и сточныхъ трубъ, гарантирующихъ общественное здравіе, получается только тогда, когда городъ можетъ заблаговременно распространить свой контроль на подгородныя слободы, выростающія внезапно, какъ грибы, и при отсутствіи такого контроля обыкновенно пренебрегающія всѣми современными требованіями въ этихъ отношеніяхъ. Эти чикагскіе дѣльцы утверждаютъ, что гораздо легче и дешевле регулировать пустую прерію, чѣмъ ломать и передѣлывать застроенныя поселенія, а это послѣднее необходимо, какъ только поселенія эти сольются съ городомъ и начнутъ вліять своею близостью и на здоровье, и на управленіе. Чикаго ростетъ такъ быстро, что, несомнѣнно, его дѣльцы безусловно правы: текущее десятилѣтіе, вѣроятно, увидитъ дѣйствительную черту города отодвинутой до его теперешнихъ географическихъ границъ, и тогда ихъ предусмотрительность будетъ очевидна для всѣхъ.

По послѣднему федеральному цензу 1890 года, въ Чикаго было показано 1.208.669 жителей; изъ нихъ только 292.463 природныхъ американцевъ, 384.958 нѣмцевъ, 215.534 ирландцевъ, 90.492 шведовъ и норвежцевъ; остальные 230.000 распредѣлены между всѣми націями міра; даже русскихъ показано 9.977,—очевидно, переселившихся, въ теченіе послѣдняго десятилѣтія, евреевъ, называющихъ себя всегда и вездѣ русскими. Поляковъ насчитывается 52.756, богемцевъ, т.-е. австрійскихъ славянъ всякаго рода—54.209. Добрая половина этого иностраннаго населенія совсѣмъ не владѣетъ англійскимъ языкомъ, занимается чернорабочимъ трудомъ и составляетъ повременамъ тяжелое бремя на рукахъ муниципалитета Чикаго. Ужасно трудно заставить этихъ невѣжественныхъ, консервативныхъ, забитыхъ чужеземцевъ усвоить требованія большого города; они не понимаютъ ихъ необходимости, не имѣютъ понятія объ общественной гигіенѣ и живутъ въ своихъ кварталахъ такъ же грязно, такъ же скученно и такъ же не обращая вниманія ни на санитарныя, ни на общественныя требованія, какъ и у себя дома, въ Европѣ. Иностранные кварталы, въ особенности русско-еврейскіе, чешскіе и польскіе, доставляютъ больше всего хлопотъ городу, и преимущественно они то и даютъ ему репутацію особенной грязи и зловонія. На чикагскихъ улицахъ вы услышите всѣ языки міра, и чаще чѣмъ гдѣ-либо, даже чаще чѣмъ въ Нью-Іоркѣ, увидите иностранные мѣст-

ные костюмы, донашиваемые эмигрантами до тѣхъ поръ, пока они не свалятся съ плечъ. Въ первый же день моего пріѣзда въ Чикаго, ѣдучи съ компаніей русскихъ людей на кэбельномъ вагонѣ и громко и безъ стѣсненія разговаривая по-русски, я былъ удивленъ кондукторомъ вагона, молодымъ красивымъ малымъ, съ еврейскимъ складомъ лица, съ улыбкой въ упоръ смотрѣвшаго на меня. „Я васъ знаю и радъ васъ видѣть", сказалъ онъ чистымъ англійскимъ языкомъ на мой вопросительный взглядъ. „Извините меня, но я васъ не знаю", отвѣтилъ я.—„Я—русскій и узналъ васъ по вашему разговору", перебилъ онъ.—„Живу здѣсь уже семь лѣтъ; былъ солдатомъ—три дня всего—довольно!" Онъ сообщилъ это чрезвычайно ломанымъ русскимъ языкомъ, любезно поглядывая на меня и на моихъ спутниковъ, съ трудомъ припоминая и коверкая русскія слова. Оказалось, что это—еврей, бѣглый рекрутъ изъ западныхъ губерній, убоявшійся военной службы и приспособившійся въ новой столицѣ дальняго запада Соединенныхъ Штатовъ. Вся эта разнообразная, пестрая милліонная толпа иностранцевъ необычайно быстро захватывается американскимъ духомъ, и, хотя менѣе 25% кореннаго населенія Чикаго состоитъ изъ уроженцевъ Америки, городъ этотъ несомнѣнно представляетъ собою самую типичную модель именно американскаго поселенія. Я мало знакомъ съ современной статистикой большихъ европейскихъ городовъ, но не сомнѣваюсь, что космополитизмъ ихъ населенія далеко не можетъ сравниваться съ космополитизмомъ американцевъ, которые, какъ магнитъ, ежегодно притягиваютъ добрыя три-четверти всей иностранной эмиграціи Соединенныхъ Штатовъ; но и между ними Чикаго безспорно владѣетъ пальмой первенства, далеко перегнавъ даже Нью-Іоркъ, гдѣ уроженцы Америки все-таки составляютъ около 40% всего населенія. Тѣмъ не менѣе, не только Нью-Іоркъ и Бруклинъ, но даже Филадельфія, Бальтиморъ и Бостонъ, гдѣ этотъ процентъ гораздо выше, разнятся отъ космополитическихъ европейскихъ городовъ того же характера гораздо меньше, чѣмъ именно Чикаго съ его 75% европейскихъ эмигрантовъ. Американецъ Запада гораздо живѣе, гораздо энергичнѣе, гораздо рѣзче отличается отъ европейца, чѣмъ янки Востока: онъ своеобразнѣе, живетъ быстрѣе и вліяетъ сильнѣе на все окружающее, захватываетъ его скорѣе и тащитъ за собой въ житейскомъ водоворотѣ. Концентрированіе капиталовъ и централизація промышленности не достигли въ немъ того значенія, того вліянія, которыя они имѣютъ на Востокѣ; мелкое производство всякаго рода все еще не только

возможно, но и весьма прибыльно въ Чикаго, и энергія и индивидуальныя способности отдѣльной личности легче находятъ вознагражденіе въ немъ, чѣмъ гдѣ-либо на Востокѣ. Предприниматель, вообще хозяинъ, стоитъ гораздо ближе къ рабочему, вліяетъ на него своимъ личнымъ ежедневнымъ примѣромъ; эмигрантъ, какъ бы зеленъ и неопытенъ онъ ни былъ, быстрѣе поддается новымъ вліяніямъ и скорѣе приспособляется къ особенностямъ и требованіямъ своей новой родины. Онъ живо осваивается съ тѣмъ чрезвычайно существеннымъ положеніемъ, что „въ Америкѣ всякій — дворянинъ“ и что онъ и самъ ничуть не хуже любого милліонера, — что все зависитъ отъ него самого, и что всѣ пути для него открыты, разъ онъ справится съ языкомъ и условіями жизни. Самые невѣжественные люди чрезвычайно быстро понимаютъ это и начинаютъ немедленно добиваться желаннаго благосостоянія и независимости. „Объамериканиванье“ идетъ несравненно скорѣе и успѣшнѣе, чѣмъ это можно бы было предположить, судя по статистическимъ даннымъ; не смотря на то, что имѣется полная возможность обособиться и сохранить свою національность, жизненныя условія оказываются сильнѣе и вліятельнѣе всѣхъ другихъ соображеній, и національность утрачивается иногда даже въ первомъ поколѣніи переселенцевъ. Въ Чикаго, напримѣръ, издаются газеты положительно на всѣхъ европейскихъ языкахъ, даже на русскомъ, а циркуляція всѣхъ ихъ, вмѣстѣ взятыхъ, едва ли достигаетъ циркуляціи одной изъ большихъ американскихъ газетъ. Эмигрантъ скоро открываетъ, что какъ ни интересно и ни пріятно читать газету на своемъ родномъ языкѣ, все-таки американская ему гораздо необходимѣе и полезнѣе, такъ какъ помогаетъ ему осваиваться съ новыми условіями и является одной изъ необходимыхъ принадлежностей житейскаго успѣха. Надобно отдать въ этомъ отношеніи полную справедливость американскому народу, — онъ относится вообще гораздо лучше, гораздо симпатичнѣе и дружественнѣе къ зеленому европейскому эмигранту, чѣмъ относится европеецъ къ иностранцамъ; здѣсь никогда не услышишь насмѣшекъ надъ неправильнымъ, смѣшнымъ выговоромъ и коверканьемъ англійскаго языка, никогда не услышишь осужденія обычаямъ и привычкамъ иностранца, — американецъ и привыкъ ко всему этому, и главное, никогда не полѣзетъ съ нравоученіями; онъ требуетъ безусловнаго уваженія къ своимъ собственнымъ законамъ и обычаямъ, и потому уважаетъ обычаи другихъ, какъ бы нелѣпы и несообразны они ему ни казались.

Какъ въ теченіе первыхъ періодовъ своего существованія, такъ и

въ настоящую минуту Чикаго обязанъ своимъ быстрымъ развитіемъ и своимъ теперешнимъ коммерческимъ и промышленнымъ значеніемъ своему географическому положенію, сдѣлавшему его какъ исходнымъ пунктомъ всего Запада для громадной водяной системы великихъ озеръ, такъ и центромъ желѣзнодорожнаго сообщенія Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ. Въ 1892 году число тоннъ прибывшихъ и отбывшихъ изъ порта Чикаго судовъ превзошло въ полтора раза число тоннъ, перешедшихъ въ обоихъ направленіяхъ черезъ Суэцкій каналъ судовъ; а число пассажирскихъ ежедневныхъ желѣзнодорожныхъ поѣздовъ дошло до 1640. Главное управленіе почти 90.000 англійскихъ миль желѣзнодорожныхъ путей сосредоточивается въ Чикаго, въ томъ числѣ около полудюжины самыхъ большихъ желѣзнодорожныхъ системъ всего міра, вродѣ Alchison, Topeka, Santa Fe и Chicago and Northwestern, владѣющихъ около десяти тысячъ миль дорогъ каждая. Однако, какъ ни заманчиво и какъ ни безпредѣльно поле цифръ и статистики, я не увлекусь имъ на этотъ разъ; скажу только, что, какъ оптовый торговый внутренній центръ, Чикаго давно перегналъ Нью-Іоркъ, цѣлое столѣтіе стоявшій во главѣ всей торговли Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ, какъ внутренней, такъ и внѣшней; торговля Чикаго ростетъ гораздо быстрѣе торговли Нью-Іорка, и что̀ еще больше интересуетъ главныхъ денежныхъ воротилъ этого послѣдняго, его финансовое значеніе развивается все больше и больше. Тогда какъ всего 20 лѣтъ тому назадъ нью-іоркская Wall Street была положительно единственнымъ финансовымъ центромъ Союза, единственнымъ пунктомъ, съ санкціей котораго можно было достигнуть финансовыхъ цѣлей, въ настоящее время Чикаго ежегодно отхватываетъ все бо̀льшіе и бо̀льшіе куски въ этомъ направленіи, съ большимъ успѣхомъ борется иногда противъ вліяній Нью-Іорка и даже побѣждаетъ ихъ. Тогда какъ Нью-Іоркъ все еще монополизируетъ манипуляціями цѣнностей, представляющихъ собою промышленные trust'ы, Чикаго одолѣваетъ его относительно желѣзнодорожныхъ цѣнностей; въ настоящее время больше сдѣлокъ ими и на бо̀льшія суммы дѣлается въ Чикаго, чѣмъ въ Нью-Іоркѣ, и финансовые обороты перваго ростутъ на 125% быстрѣе оборотовъ второго.

Исключая многоэтажность нѣкоторыхъ новыхъ дѣловыхъ зданій центра, Чикаго мало чѣмъ отличается по виду отъ большинства западныхъ американскихъ городовъ, развѣ что недавно включенныя въ его территорію мѣстности имѣютъ болѣе пустынный, болѣе не-

устроенный видъ, чѣмъ вообще предмѣстья большихъ городовъ. Въ этомъ отношеніи мѣсто устройства выставки несомнѣнно существенно повредило Чикаго въ глазахъ пріѣхавшихъ на выставку европейцевъ. Какъ Джаксонъ Паркъ, такъ и вся южная часть Чикаго, окружающая этотъ паркъ и выставку, были включены въ черту города только очень недавно; еще три года тому назадъ Джаксонъ Паркъ былъ ничѣмъ инымъ, какъ весьма непривлекательнымъ болотомъ на берегу озера Мичигана, а весь выросшій вокругъ него, по случаю выставки, новый городъ — пустынной преріей, на которой кое-гдѣ косилось сѣно и разводились овощи. И по сю пору улицы не вымощены, нѣтъ тротуаровъ, постройки почти исключительно временныя, вызванныя надеждой на наживу по случаю выставки; въ общемъ, вся эта часть города, окружающая выставку со всѣхъ сторонъ, производитъ чрезвычайно непріятное впечатлѣніе, и такъ какъ ее прежде всего и чаще всего и видятъ туристы, пріѣхавшіе спеціально на выставку, то и немудрено, что это первое впечатлѣніе нерѣдко является ложкой дегтя въ бочкѣ меду и невольно распространяется на Чикаго вообще. Этимъ туристамъ не слѣдовало бы забывать, что выставка расположена въ семи миляхъ, то-есть слишкомъ въ десяти верстахъ отъ центра города; что городъ этотъ тянется на цѣлыя 18 миль къ сѣверу и сѣверо-западу, и что только три года тому назадъ вся эта мѣстность была присоединена къ городу, уже послѣ того, какъ выставка была рѣшена въ принципѣ, и приходилось думать, гдѣ бы помѣстить ее, занимающую 633 экра, т.-е. слишкомъ 200 десятинъ земли, или довольно значительную усадьбу средней полосы Россіи, причемъ необходимо было поставить эту усадьбу такъ, чтобы она была въ прямомъ и непосредственномъ сообщеніи съ городомъ. Все это обыкновенно не принимается въ соображеніе; неопрятные, грязные пустыри, немощеныя пыльныя улицы, песокъ по щиколку, невзрачныя деревянныя временныя постройки—все это принимается за городъ Чикаго, и послѣдующія впечатлѣнія нерѣдко уже не въ состояніи исправить первое, очень невыгодное и некрасивое. А, между тѣмъ, несомнѣнно, что нельзя было бы и придумать лучшаго мѣста собственно для выставки, при дороговизнѣ поземельнаго имущества въ большихъ городахъ.

Въ самомъ центрѣ Чикаго цѣна на поземельную собственность давно дошла до баснословныхъ размѣровъ. На бойкихъ углахъ за линейный футъ по улицѣ просятъ 50 тысячъ долларовъ; малень-

кіе магазины, футовъ 15 ширины на улицу, платятъ по тысячѣ и болѣе долларовъ въ мѣсяцъ аренды. Эта страшная дороговизна и постоянный спросъ на дѣловыя конторы именно въ центрѣ и вызвали „чикагскій методъ постройки" многоэтажныхъ великановъ, отъ 16 до 24 этажей въ вышину, невиданныхъ на всемъ остальномъ земномъ шарѣ и составляющихъ самую характеристическую черту современнаго города Чикаго. Такъ какъ грунтъ въ центрѣ города чрезвычайно ненадежный, состоящій, послѣ искусственнаго, насыпного слоя въ пятнадцать футовъ, изъ слоя довольно жидкой глины въ 50 или 60 футовъ глубины, расположеннаго на рыхломъ пескѣ, то задача постройки тяжелыхъ высокихъ зданій была чрезвычайно усложнена; но чикагскіе архитекторы преодолѣли побѣдоносно всѣ эти трудности, изобрѣтя особый, чикагскій методъ, состоящій въ томъ, что по вынутіи насыпного слоя, укладываютъ цѣлую цементно-желѣзную подушку, давящую на жидкую глину внизу равномѣрно и не позволяющую скрѣпленному съ ней стальными колоннами зданію ни опускаться, ни подаваться въ сторону, благодаря значительности площади и равномѣрности давленія на всякій квадратный дюймъ поверхности. Колонны эти, изъ скрѣпленной болтами стали, идутъ отъ подвала до крыши во всякомъ простѣнкѣ между окнами, затѣмъ закладываются кирпичемъ, съ каменной облицовкой, и, будучи въ каждомъ этажѣ связаны со всѣхъ сторонъ горизонтальными стальными же полосами, составляютъ, въ сущности, безпредѣльно крѣпкую обвязку, придающую всему зданію недостижимую при всякомъ другомъ методѣ прочность и устойчивость. Чрезвычайно быстрые элеваторы, доставляющіе жильцовъ и ихъ посѣтителей въ самое короткое время въ самые верхніе этажи, дѣлаютъ эти послѣдніе наиболѣе желательными во всемъ зданіи, такъ какъ они совершенно удалены какъ отъ уличнаго шума и грохота экипажей, такъ и отъ спертаго, испорченнаго воздуха нижнихъ этажей и улицы; зато эти послѣднія загромождаются людскими массами все болѣе и болѣе, и, конечно, ни въ одномъ городѣ земного шара нѣтъ ничего люднѣе, ничего запруженнѣе центральныхъ улицъ Чикаго. Эта запруженность, усиливающаяся съ возведеніемъ каждаго новаго многоэтажнаго великана, все больше и больше затрудняетъ проблему уличнаго сообщенія, и теперь уже, по утрамъ отъ 7 до 10 и по вечерамъ отъ 4 до 6 часовъ, нѣкоторыя улицы представляютъ собою сплошную человѣческую массу; даже широкихъ тротуаровъ Чикаго не хватаетъ, и люди за-

пружаютъ самую улицу, затрудняя всякое конное сообщеніе и дѣлая его все болѣе и болѣе опаснымъ: число несчастій на улицахъ быстро увеличивается съ каждымъ годомъ. Многоэтажность домовъ въ будущемъ, вѣроятно, будетъ рости, соотвѣтственно росту цѣнности поземельнаго имущества; рента все повышается, и единственнымъ исходомъ для удовлетворенія этого повышенія является ростъ домовъ вверхъ. Нѣкоторые дома насчитываютъ до 4 тысячъ жильцовъ, и ихъ элеваторы поднимаютъ до 20 тысячъ человѣкъ въ день. Близка та минута, когда улицы не въ состояніи будутъ вмѣщать человѣческихъ потоковъ, и когда американской изобрѣтательности придется разрѣшить трудную проблему—что съ ними дѣлать и какимъ образомъ согласить ростъ домовъ вверхъ съ неподвижностью уличнаго пространства.

Старые резидентскіе кварталы Чикаго такъ же красивы, опрятны и веселы, какъ богатые кварталы любого американскаго города. Массы городского населенія живутъ въ домахъ-особнякахъ; не только дѣловые люди, но и всякій мало-мальски осѣдлый ремесленникъ непремѣнно живетъ въ домѣ-особнякѣ; многоквартирные дома съ тысячнымъ населеніемъ, сравнительно, большая рѣдкость въ Чикаго, и населены исключительно иностранцами-эмигрантами. Уроженецъ Америки никогда не прибѣгаетъ къ квартирѣ; ему нуженъ домъ-особнякъ, хоть маленькій, хоть невзрачный, да особнякъ; онъ не выноситъ скученности и стѣсненій квартирной жизни. Многія улицы, какъ, напримѣръ, Мичиганъ-Avenue, на цѣлыя мили сплошь застроены изящными, красивыми, дорогими особняками, архитектура которыхъ чрезвычайно разнообразна, и потому улицы эти производятъ совсѣмъ другое впечатлѣніе, чѣмъ даже лучшія улицы Петербурга или Берлина. Онѣ не представляютъ собою сплошной стѣны четырехъ и пятиэтажныхъ домовъ этихъ городовъ, съ симетрически расположенными дверями и окнами, и нерѣдко меланхолически однообразныхъ, отличающихся только цвѣтомъ наружной отдѣлки; здѣсь вы встрѣтите всѣ стили, всѣ роды архитектуры, и немало между этими домами совершенно своеобразныхъ, единственныхъ въ своемъ родѣ построекъ, плодовъ воображенія стремившихся къ чему-нибудь чудному, особенному, не такъ какъ у другихъ, архитектора и хозяйки. Я самъ былъ много лѣтъ подрядчикомъ и знаю по горькому опыту, что въ дѣлѣ постройки резиденціи въ Америкѣ вкусы и потребности женскаго пола всегда преобладаютъ; настоящій американецъ, проводящій весь день внѣ дома, обыкновенно предостав-

ляетъ всѣ подробности своей женѣ, а эта послѣдняя всегда добивается чего-нибудь такого, чего нѣтъ у ея сосѣдей. Благодаря всѣмъ этимъ особенностямъ, общая внѣшность города Чикаго чрезвычайно разнообразна. И дѣловыя части имѣютъ свой собственный характеръ, особенно въ центрѣ, и резиденческія, преимущественно тѣ, въ которыхъ скучены иностранцы или которыя недавно присоединены къ городу. Есть очень пустынныя, очень грязныя, очень зловонныя части,—но есть и чистыя, красивыя, богатыя, опрятныя, производящія прекрасное впечатлѣніе и дающія отличное понятіе о богатствѣ и предпріимчивости города.

Среди массы общественныхъ учрежденій города Чикаго главнаго вниманія заслуживаютъ его университеты и публичныя библіотеки. Новый университетъ, открытый всего два года тому назадъ, третій по счету, обязанъ своимъ существованіемъ исключительно общественной благотворительности; одинъ Рокфеллеръ, знаменитый основатель Standart Oil Co, самаго успѣшнаго trust'а Америки, пожертвовалъ на его устройство 3 милліона 600 тысячъ долларовъ. Главныя особенности этого новаго учебнаго заведенія составляютъ его студенческое общежитіе, устроенное на 2,000 человѣкъ учащихся, и то спеціальное вниманіе, какое обращено на возможность уже для окончившихъ курсъ продолжать дѣло усвоенія знаній посредствомъ „University extension“, особыхъ курсовъ для разсѣянныхъ по всей странѣ окончившихъ курсъ гражданъ,—которымъ за послѣднее время въ Америкѣ стали придавать особенное значеніе. Изъ многихъ публичныхъ библіотекъ главной является общественная библіотека города, строющая теперь новое зданіе для своего помѣщенія, которое будетъ стоить $1^1/_2$ милліона долларовъ. Оно сдѣлалось совершенно необходимымъ въ виду феноменальнаго развитія дѣла. До пожара 1871 года въ Чикаго не было даровой общественной библіотеки; ея мѣсто занимали библіотеки разныхъ частныхъ учрежденій, хотя и даровыя, но подлежащія контролю этихъ учрежденій, а не города; всѣ эти библіотеки были уничтожены пожаромъ, и Англіи принадлежитъ честь почина теперешней грандіозно разросшейся общественной библіотеки города Чикаго. Сама королева Викторія, при посредствѣ покойнаго Дизраэли и Бюржесса, приняла живое участіе въ этомъ починѣ: до 7,000 томовъ, въ томъ числѣ многія библіографическія рѣдкости, были пожертвованы англійскимъ народомъ и составили основаніе современной чикагской библіотеки, насчитывающей уже до 200,000 то-

мовъ, съ циркуляціей въ 2.200,000, и имѣющей, кромѣ центральнаго, пять отдѣленій въ разныхъ частяхъ города. Специалисты библіотечнаго дѣла утверждаютъ, что его организація достигла едва ли не предѣла совершенства въ этой библіотекѣ; простота, удобство и дешевизна ея методовъ таковы, что всемірная парижская выставка 1889 года присудила ей первую золотую медаль, единственную награду, полученную американскими библіотеками на этой выставкѣ. Вольтеръ Ньюберри завѣщалъ половину своего состоянія на устройство даровой общественной библіотеки серьезнаго характера; эта половина дала сумму въ три милліона долларовъ; полмилліона было издержано на постройку соотвѣтственнаго зданія, и до полутораста тысячъ томовъ занимаютъ въ настоящее время его полки. Джонъ Крираръ, недавно скончавшійся, явился другимъ гражданиномъ Чикаго, который завѣщалъ въ пользу устройства третьей библіотеки города все свое состояніе, простирающееся до двухъ милліоновъ долларовъ; специальная публичная библіотека для южной части города является результатомъ этого пожертвованія.

Говоря о характерныхъ особенностяхъ Чикаго, нельзя, къ сожалѣнію, обойти молчаніемъ его муниципальнаго управленія и, въ особенности, полицію. Городское управленіе въ Сѣверной Америкѣ, относительно, чрезвычайно разнообразно. Тогда какъ управленіе штатовъ, графствъ и тауншиповъ, за небольшими измѣненіями, сравнительно, однообразно — города въ одномъ и томъ же штатѣ нерѣдко имѣютъ радикально-различныя системы администраціи. Ни по какому другому общему вопросу нѣтъ такой массы специальныхъ законодательствъ, какъ именно по вопросу о муниципальномъ управленіи городовъ. Напримѣръ, у насъ, въ Калифорніи, каждый маломальски значительный городъ имѣетъ свою собственную, специальную хартію отъ легислатуры; эти хартіи представляютъ основу организаціи, часто мѣняются, конечно, каждый разъ не иначе, какъ съ согласія легислатуры, и представляютъ собою весьма разнообразный и нерѣдко различный по самому существу сводъ городскихъ положеній. Нью-Іоркъ и Чикаго, эти два наиболѣе космополитическіе города во всемъ свѣтѣ, по своему представительству въ штатныхъ легислатурахъ, основанному на числѣ жителей, имѣющіе огромное вліяніе на ихъ рѣшеніе по всякому вопросу, касающемуся цѣлаго штата, искусно пользуются этимъ вліяніемъ и всегда добиваются всего, что имъ нужно, не смотря на то, соотвѣтствуетъ-ли желаемое законода-

тельство дѣйствительнымъ общественнымъ потребностямъ. Въ обоихъ случаяхъ городское представительство въ легислатурахъ является выразителемъ захватившихъ управленіе этими городами элементовъ; въ обоихъ случаяхъ эти элементы составляютъ компактныя, удивительно стройно организованныя клики, распоряжающіяся всѣми оплачиваемыми жалованьемъ мѣстами и, посредствомъ ихъ и ловкаго распоряженія общественной кассой, управляющія могущественнымъ большинствомъ, состоящимъ изъ европейскихъ эмигрантовъ. Ирландцы и нѣмцы вмѣстѣ, въ обоихъ городахъ составляющіе большинство избирателей, при помощи нѣсколькихъ ловкихъ политикановъ изъ природныхъ американцевъ, уже давно захватили въ свои руки бразды правленія и въ Нью-Іоркѣ, и въ Чикаго. Всѣ салуны, то-есть кабаки, находятся въ рукахъ ирландцевъ; всѣ пивныя — въ рукахъ нѣмцевъ. Въ обоихъ городахъ эти кабатчики составляютъ чуть не $^9/_{10}$ состава совѣтовъ ольдермэновъ; отъ нихъ зависятъ всѣ назначенія на городскія должности всякаго рода и, главнымъ образомъ, полиціи. Въ обоихъ городахъ ирландцы составляютъ громадное большинство наличнаго состава полиціи, начиная съ низшихъ и кончая высшими мѣстами. Это все крупный, откормленный народъ, обыкновенно грубый и неотесанный, попавшій на свои мѣста, благодаря или протекціи родственниковъ и пріятелей, или тому вліянію, которое они съумѣли завоевать въ кабакахъ своихъ кварталовъ; они сознаютъ свою безнаказанность и потому нерѣдко самымъ безцеремоннымъ образомъ превышаютъ свою власть и не стѣсняются въ своихъ дѣйствіяхъ. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что полиція Нью-Іорка и Чикаго невозможна нигдѣ больше въ Америкѣ, и возможна въ этихъ городахъ, исключительно благодаря рѣшительному перевѣсу продажныхъ или закабаленныхъ голосовъ эмиграціи; она составляетъ весьма некрасивое мѣсто въ тѣлѣ американскаго государственнаго механизма, производитъ чрезвычайно отталкивающее впечатлѣніе на туриста и даетъ ему самое невыгодное понятіе объ американскихъ порядкахъ вообще. Всякій интеллигентный американецъ отлично понимаетъ это; тѣмъ не менѣе, и до сихъ поръ не придумано ничего, чтобы положить предѣлъ такому порядку вещей. Уже нѣсколько десятковъ лѣтъ Нью-Іоркъ страдаетъ подъ игомъ Таммани-Холла, политической организаціи, держащей этотъ городъ въ совершенной кабалѣ; Чикаго также чувствуетъ желѣзное кольцо ирландско-нѣмецкихъ элементовъ. Но хотя пресса давно уже пріискиваетъ способы уничтожить вліяніе этихъ безграмотныхъ, невѣже-

ственныхъ массъ, и по настоящій моментъ не было сдѣлано даже попытокъ къ ограниченію злоупотребленій правомъ голоса, такъ какъ такія попытки несомнѣнно встрѣтили бы горячій отпоръ со стороны всего остальнаго американскаго народа. Народъ этотъ, вполнѣ понимая незавидное положеніе обоихъ своихъ главныхъ центровъ, въ то же время разсуждаетъ въ томъ смыслѣ, что „по Сенькѣ и шапка", и что изъ-за того, что города эти не умѣютъ справиться со своими нежелательными элементами, не слѣдуетъ, чтобы вся нація страдала изъ-за нихъ и пустилась по пути урѣзыванія права голоса, этого самаго существеннаго права свободнаго человѣка въ свободной странѣ.

Для того, чтобы поспѣть къ назначенному за два года впередъ дню открытія выставки со всей той массой работы, которая была необходима въ виду громадности предпріятія, а также, чтобы имѣть возможность помѣстить ожидавшіеся милліоны посѣтителей, Чикаго долженъ былъ пустить въ ходъ гигантскія, сверхъестественныя усилія. Компетентные люди разсчитываютъ, что свыше 30 милліоновъ долларовъ было издержано въ теченіе послѣднихъ 18 мѣсяцевъ выставочной администраціей и частными людьми на одну плату рабочимъ по постройкѣ и приспособленію зданій выставки и частныхъ построекъ, возведенныхъ исключительно въ виду выставки. Само собою разумѣется, что такая лихорадочная дѣятельность, требовавшая сотенъ тысячъ лишнихъ рабочихъ, вызвала цѣлыя полчища ихъ со всѣхъ концовъ Союза; кромѣ того, на время самой выставки, всѣ отрасли городского дѣла должны были усилить свои рабочіе составы, удвоить, утроить и въ нѣкоторыхъ случаяхъ удесятерить ихъ, какъ, напримѣръ, въ дѣлахъ ресторанномъ и уличнаго сообщенія. Съ закрытіемъ выставки вся эта многочисленная армія сверхштатныхъ рабочихъ остается безъ работы. Многіе изъ нихъ перевезли свои семьи въ Чикаго и не будутъ имѣть возможности передвинуться куда-либо. Заработная плата, сильно возвышенная противъ нормальной, въ теченіе этого долгаго періода лихорадочной дѣятельности, въ нѣкоторыхъ мастерствахъ на цѣлые 100%, неминуемо подвергнется значительному пониженію. Въ Чикаго въ настоящій моментъ гораздо больше построекъ, чѣмъ ему нужно; онъ увлекся спекулятивной горячкой, столь обычной и заразительной въ Америкѣ вообще, переросъ дѣйствительныя потребности и долженъ будетъ неминуемо поплатиться за это увлеченіе; его дѣловая дѣятельность будетъ несомнѣнно стѣснена въ теченіе нѣсколькихъ будущихъ лѣтъ. Ко всему этому, какъ извѣстно, во всей странѣ происходитъ въ настоящее время самый

острый, самый серьезный финансовый и дѣловой кризисъ, болѣе значительный и болѣе вліяющій на общее народное благосостояніе, чѣмъ всѣ предшествовавшіе, включая и крахъ 1873 года. И помимо Чикаго, въ Союзѣ, въ первый разъ со времени его основанія, насчитывается до полумилліона людей безъ работы. Закрытые рудники, остановленные фабрики и заводы, урѣзанное производство по всѣмъ почти отраслямъ человѣческой дѣятельности — все это создало небывалыя въ исторіи Союза условія. Американскому народу, и въ особенности его рабочимъ, приходится жестоко расплачиваться за его увлеченіе на выборахъ 1892 года. Страна не можетъ справиться съ мыслью, что демократическая партія захватила въ свои руки и исполнительную и законодательную федеральныя власти; общее недовѣріе къ ея методамъ и стремленіямъ глубоко засѣло въ массахъ націи, и потребуется значительный періодъ времени и необычно благопріятныя внѣшнія условія для того, чтобы дѣла страны опять пришли въ нормальное положеніе и возродили промышленную дѣятельность.

II.

Для меня лично поѣздка въ Чикаго имѣла двоякій смыслъ: я хотѣлъ, во-первыхъ, осмотрѣть выставку, о которой говорилъ весь міръ, а во-вторыхъ, желалъ хоть отчасти окунуться въ русскую атмосферу и потереться около русскихъ людей, которыхъ на выставку понаѣхало, сравнительно, довольно много. Въ теченіе моего 12-лѣтняго пребыванія въ Америкѣ, я весьма рѣдко сталкивался съ русскими, и то на короткое время; были періоды по два и по три года, что я не встрѣчался положительно ни съ однимъ русскимъ человѣкомъ, исключая членовъ моей собственной семьи. Въ теченіе первыхъ десяти лѣтъ, когда все мое вниманіе, всѣ мои силы были поглощены борьбой за существованіе, мои сношенія съ родиной ограничивались рѣдкими, торопливыми письмами къ немногимъ друзьямъ, да изрѣдка, второпяхъ, просмотрѣнной книжкой журнала; признаюсь откровенно, книжки эти по цѣлымъ мѣсяцамъ оставались неразрѣзанными: я обыкновенно къ вечеру утомлялся до того, что было не до чтенія. Только за послѣдніе два года, когда, наконецъ, я могъ вздохнуть свободнѣе и началъ располагать своимъ временемъ и опять взялся за перо, оставленное мною съ 1881 года, я сталъ выписывать многія русскія періодическія изданія и, такъ

сказать, присматриваться къ тѣмъ потемкамъ, которыми окружена для меня современная Россія. Двѣнадцать лѣтъ — длинный промежутокъ времени, читатель, особенно въ извѣстномъ возрастѣ и при извѣстныхъ условіяхъ; я только теперь, усердно стараясь вникнуть въ положеніе моей милой, далекой, бѣдной родины, понялъ, насколько я отсталъ, и какъ тщетно мое сердечное желаніе вполнѣ понять и вмѣстить всѣ тѣ фазы, которыя вы, читатель, прошли за этотъ промежутокъ времени. Многое кажется мнѣ такъ же дикимъ и непонятнымъ, какъ дикой и непонятной показалась бы вамъ Америка; многое измѣнилось, многое приняло другой видъ; даже въ журналахъ вашихъ я встрѣчаю все новыя имена, новыхъ людей, трактующихъ и о будто бы знакомыхъ мнѣ предметахъ, но съ чуждыхъ, странныхъ точекъ зрѣнія. Какъ будто бы то же, а въ дѣйствительности — совсѣмъ другое; я не съумѣлъ бы изложить эту разницу словами, но чувствую ее, ощущаю всѣмъ моимъ существомъ... Тогда писали Щедринъ, Некрасовъ, Островскій, Елисеевъ, Гончаровъ, Успенскій; я хорошо помню Добролюбова, Писарева, Тургенева, Помяловскаго, то-есть помню, какъ встрѣчались и съ какою жадностью читались ихъ произведенія и какъ они на насъ дѣйствовали; теперь встрѣчаю между знакомыми только князя Мещерскаго, въ дополненномъ и исправленномъ не въ моемъ вкусѣ видѣ, да Боборыкинъ изъ неопредѣленной величины превратился въ первоклассное свѣтило... Трудно разобраться съ самимъ собой, читатель, при такихъ условіяхъ; пока я стоялъ на одномъ мѣстѣ, вы шли или впередъ или назадъ, смотря по тому, съ какой точки зрѣнія смотрѣть на вещи, во всякомъ случаѣ, жили и дѣйствовали, и теперь намъ очень трудно сравняться; поэтому-то мнѣ и любопытно было окунуться въ ваши современныя стремленія, подышать однимъ съ вами воздухомъ, насколько этого возможно было добиться на выставкѣ въ Чикаго. Журналы, думалось мнѣ, не совсѣмъ удовлетворительный критеріумъ: у нихъ могла приключиться нравственная засуха, вызвавшая литературный неурожай: чего не бываетъ на свѣтѣ! Поѣду, посмотрю на живыхъ людей; можетъ быть, и удастся найти то, что меня такъ интересуетъ.

Случай помогъ мнѣ, такъ какъ мнѣ удалось остановиться въ частномъ домѣ, набитомъ сверху до низу исключительно русскими; кромѣ того, мнѣ пришлось встрѣтиться и со многими другими оффиціальными и неоффиціальными представителями родной земли. Все время, что я провелъ въ Чикаго, я жилъ русской жизнью,

говорилъ почти исключительно по-русски и имѣлъ полную возможность присмотрѣться къ вамъ, читатель, со всѣхъ сторонъ. Какъ нарочно, первымъ оффиціальнымъ выставочнымъ документомъ, попавшимъ мнѣ въ руки и ярко возстановившимъ передо мною родныя палестины, оказался оффиціальный каталогъ русскаго отдѣла, изданный на англійскомъ языкѣ; на каталогъ этотъ обратилъ мое вниманіе пріѣхавшій со мной вмѣстѣ согражданинъ-калифорніецъ, заинтересовавшійся прежде всего личнымъ составомъ русскихъ представителей выставки, спискомъ которыхъ начинается этотъ каталогъ. Усердный составитель этого списка, мнѣ неизвѣстный, пытался съ удивительнымъ самоотверженіемъ, посредствомъ дословнаго перевода, передать американской публикѣ чуждое ей понятіе о табели о рангахъ. Дѣйствительные и просто статскіе совѣтники, коллежскіе ассесоры и секретари и всякіе другіе совѣтники приняли въ этомъ переводѣ совершенно фантастическіе образы, и я напрасно пытался вразумить любопытнаго моего согражданина и посвятить его во всѣ таинства русскаго пониманія слова „чинъ". Онъ никакъ не могъ вмѣстить этихъ таинствъ въ свою демократическую, полную, тѣмъ не менѣе, житейской мудрости голову. Всяческіе „совѣтники" табели о рангахъ были переведены составителемъ словомъ „councillor", такъ что дѣйствительный статскій совѣтникъ былъ преобразованъ въ Actual Councillor of State, статскій — Councillor of State, коллежскій—Councillor of College, надворный—of Court. На счастье составителя, въ спискѣ нѣтъ ни одного титулярнаго: не знаю, съ какимъ успѣхомъ онъ бы справился съ нимъ. Въ Америкѣ подъ словомъ councillor вообще подразумѣвается адвокатъ, и мой согражданинъ никакъ не могъ понять, почему это понадобилось такое обиліе адвокатовъ въ выставочной комиссіи. Въ его представленіи всѣ councillors of State были государственными адвокатами, то-есть прокурорами, и онъ все спрашивалъ, почему же не перевели ихъ словомъ District Attorney, подъ которымъ извѣстны федеральные прокуроры въ Америкѣ. Коллежскіе совѣтники представлялись ему университетскими адвокатами; словомъ College въ Америкѣ обозначается высшее учебное заведеніе, университетъ, академія,—и онъ не понималъ, зачѣмъ университету могъ понадобиться спеціальный адвокатъ. Въ еще большій конфузъ пришелъ онъ передъ коллежскимъ ассесоромъ,—Assessor of College. Слово Assessor имѣетъ здѣсь точное, опредѣленное значеніе и употребляется только въ отношеніи къ налогамъ; Assessor of Taxes—раскладчикъ налоговъ

штата, графства или города. Онъ справедливо удивлялся, неужели въ Россіи существуетъ особая должность для раскладыванія налоговъ на университеты, и неужели университеты въ Россіи вообще платятъ какіе-либо налоги, такъ какъ въ Америкѣ учебныя заведенія всякаго рода освобождены отъ какихъ бы то ни было налоговъ, и напротивъ, все остальное имущество облагается для ихъ поддержанія. Скромныхъ коллежскихъ секретарей онъ сначала пропускалъ безъ комментаріевъ, понимая подъ ними университетскихъ секретарей; только подъ конецъ, когда число ихъ внезапно умножилось, онъ вдругъ спросилъ: „а сколько у васъ университетовъ въ Россіи?" И такъ какъ этихъ коллежскихъ секретарей въ спискѣ оказалось больше, чѣмъ университетовъ, онъ сталъ втупикъ, и мнѣ опять пришлось пуститься въ объясненія. Я не увѣренъ и по сю пору, что эти объясненія, не смотря на всю ихъ подробность и добросовѣстность, достигли цѣли; напротивъ, я подозрѣваю, что мой согражданинъ такъ и остался въ туманѣ относительно дѣйствительнаго значенія россійской „табели о рангахъ". Гражданскихъ чиновъ, какъ извѣстно, въ Америкѣ совсѣмъ нѣтъ; существуютъ извѣстныя мѣста, напр., министра, почтмейстера, прокурора, и мѣста эти называются соотвѣтственно; американецъ не можетъ вмѣстить, что гдѣ-либо можетъ существовать нѣчто вродѣ лѣстницы званій, совершенно самостоятельной и не имѣющей никакого отношенія къ занимаемому чиновникомъ мѣсту. Немало хлопотъ доставилъ переводъ составителя списка и тѣмъ немногимъ обладателямъ княжескаго титула, которые были въ Чикаго. Титулы „князь", „княгиня", „княжна" были переведены словами „prince" и „princess" на французскій манеръ, а заурядный американецъ, которыхъ, можетъ быть, 99,9%, знаетъ только титулы, употребляемые въ англійскомъ языкѣ, гдѣ титулы „prince" и „princess" принадлежатъ исключительно особамъ королевскаго дома. Американцы совершенныя дѣти во всемъ, что касается царствующихъ въ Европѣ домовъ; они съ непонятнымъ, обыкновенно чрезвычайно непріятнымъ для европейца любопытствомъ, нерѣдко граничащимъ съ грубою навязчивостью, стараются узнать всѣ подробности и не полѣнятся пройти нѣсколько миль и прождать нѣсколько часовъ, чтобъ только взглянуть на такую особу и задать ей нѣсколько вопросовъ. Передъ открытіемъ выставки были слухи, что ее посѣтятъ представители многихъ европейскихъ царствующихъ домовъ; слухи эти осуществились только относительно инфанты испанской, Евлаліи,

и потому жертвами выставочной толпы, до извѣстной степени, сдѣлались русскіе princes и princesses.

Пробывъ нѣсколько дней на выставкѣ, я съ душевнымъ прискорбіемъ пришелъ къ тому заключенію, что оффиціальные представители русской земли не съумѣли заслужить популярности, какъ того добились нѣмцы и, въ особенности, французы. Дѣло въ томъ, что порядки послѣдней Парижской выставки, въ которой нѣкоторые изъ нихъ принимали участіе, крѣпко засѣли въ ихъ головахъ, и они не могли никакъ приспособиться къ новымъ условіямъ, къ новымъ требованіямъ. Америка, конечно, устроила выставку по своему, на свой манеръ; она привыкла къ своимъ собственнымъ порядкамъ, и всякому иностранному делегату, казалось бы, не мѣшало помнить мудрую русскую пословицу: въ чужой монастырь съ своимъ уставомъ не ходятъ; а русскіе чиновники именно этой-то самостоятельностью и были особенно недовольны и осуждали американскія требованія часто уже только потому, что они различествовали отъ французскихъ. Кромѣ того, весьма многіе изъ нихъ оказались совершенно незнакомыми съ англійскимъ языкомъ; понадѣявшись на французскій и нѣмецкій, они, вѣроятно, думали, что справятся какъ-нибудь; а вся администрація выставки была кровная американская, и приходилось обращаться къ переводчикамъ, обыкновенно евреямъ, говорящимъ плохо по-русски и по-англійски. Значительнѣйшіе экспоненты другихъ націй имѣли при своихъ экспонатахъ собственныхъ агентовъ; русскіе же предоставили все дѣло казеннымъ коммисарамъ, а тѣ, интересуясь только своей казенной миссіей, передали завѣдываніе торговыми интересами гешефтмахерамъ-евреямъ, совсѣмъ заполонившимъ русскіе отдѣлы, особенно мануфактурный, и внесшимъ въ общую безсистемность и неумѣнье справиться съ мѣстными требованіями еще свой собственный, своеобразно-непріятный запахъ. Столкновенія съ мѣстнымъ таможеннымъ начальствомъ, очень строгимъ и бдительнымъ, начались, говорятъ, еще до открытія выставки. Гешефтмахеры, подручные чиновниковъ, прельщенные обѣщанными за продажу комиссіями, совсѣмъ-было забыли, что предполагается шестимѣсячная выставка, и что экспонаты присланы именно съ этой цѣлью, а не за тѣмъ, чтобы продавать ихъ по высокой цѣнѣ, избѣжавъ платежа таможенныхъ пошлинъ; еслибъ дать имъ волю, они распродали бы всю выставку до ея начала. Мнѣ передавали изъ самыхъ достовѣрныхъ источниковъ, что нѣкоторые изъ нихъ, для большей убѣдительности, перемѣнили свои нѣмецко-поль-

скія фамиліи на русскія, конечно, съ тѣмъ же успѣхомъ, что и составитель оффиціальнаго списка. Когда этимъ гешефтмахерамъ растолковали, что вполнѣ законныя требованія администраціи выставки, въ случаѣ продажи какого-либо экспоната, не допускать его выдачи до окончанія выставки, будутъ соблюдаться безъ всякихъ исключеній, оказалось, что имѣются дубликаты и трипликаты экспонатовъ, и они пустились-было торговать ими; тогда таможенное начальство, не имѣвшее никакой возможности слѣдить за всѣми этими манипуляціями, потребовало уплаты пошлинъ впередъ за цѣлый экзибитъ извѣстнаго отдѣльнаго лица, если оно намѣревалось торговать имъ, съ тѣмъ, однако, что пошлины, взысканныя за предметы, которые не удалось продать, будутъ сполна возвращены при ихъ отправкѣ домой. Такая затрата капитала, хотя и временная, не входила въ разсчеты превратившихся изъ Гольденберговъ въ Златогорскихъ и иныхъ, и вотъ произошелъ плачъ велій и общее поношеніе американскихъ порядковъ. Одинъ изъ этихъ ловкачей прямо говорилъ мнѣ съ душевнымъ соболѣзнованіемъ: „Нѣтъ, здѣсь денегъ не сдѣлаешь; эти собаки-янки слишкомъ чутки; это не то, что было въ Парижѣ“. Конечно, малое распространеніе знанія англійскаго языка, значительность разстоянія и общая косность россійскаго купечества, соединившись, сдѣлали возможнымъ такіе странные порядки; въ смыслѣ распространенія торговыхъ сношеній и сбыта русскихъ мануфактуръ всемірная выставка въ Чикаго едва ли принесетъ какіе-либо результаты; нѣкоторые экспонаты были безукоризненны и возбудили интересъ,—но не было представителей, съ которыми можно бы было снестись, совсѣмъ не было должнаго интереса къ дѣлу, и попутавшись безплодно два-три дня, заинтересованный американецъ обыкновенно отставалъ и обращался къ какому-нибудь другому источнику, благо всѣ другія страны позаботились доставить ему всѣ удобства именно въ этомъ отношеніи. Я очень радъ, что могу заявить объ одномъ блестящемъ исключеніи: русскій делегатъ по женскому отдѣлу, княжна Шаховская, съумѣла разрѣшить трудную задачу болѣе чѣмъ удовлетворительно, разыскавъ, и помимо евреевъ, подходящихъ людей, знавшихъ оба языка, понимавшихъ американскія требованія и методы; русскій женскій отдѣлъ, помимо интереса, богатства и разнообразія экспонатовъ, которыми могли справедливо похвастаться и многіе другіе, имѣлъ и главное—компетентный составъ служащихъ, съ интересомъ относившихся къ своему дѣлу и умѣвшихъ дать необходимыя объясненія тысячамъ и милліонамъ лю-

бопытныхъ. При томъ интересѣ, который возбуждаетъ въ Америкѣ все русское, надлежащая постановка именно этого вопроса должна бы была имѣть первостепенное значеніе; къ сожалѣнію, онъ былъ, очевидно, совершенно упущенъ изъ виду, и строго-оффиціальное, чисто бюрократическое отношеніе русскихъ представителей, съ одной стороны, и гешефтмахерство ихъ факторовъ—съ другой, несомнѣнно уничтожили въ самомъ корнѣ практическую, торговую сторону русскаго участія въ выставкѣ.

Для меня лично дѣятельность кн. Шаховской имѣла особенный интересъ, такъ какъ отъ нея повѣяло чѣмъ-то новымъ, не совсѣмъ знакомымъ; въ мое время высшія сферы русскаго общества хотя и принимали участіе въ „народныхъ нуждахъ“, и между прочимъ, и въ кустарныхъ промыслахъ, но относились къ нимъ съ холоднымъ, покровительственно-снисходительнымъ „noblesse oblige“ и были знакомы съ ними настолько поверхностно, насколько это было необходимо для свѣтскаго разговора при случаѣ. Княжна же, очевидно, серьезно занималась дѣломъ и не только знаетъ очень многихъ изъ тѣхъ Акулинъ и Аксиній, которыя вышивали и плели всѣ мудреныя вещи, выставленныя въ русскомъ женскомъ отдѣлѣ, но и знаетъ, какъ онѣ это дѣлаютъ и сколько копѣекъ зарабатываютъ посредствомъ этой домашней работы. Кустарныя производства и ихъ борьба съ капиталомъ и централизаціей промышленности—дѣло на Руси далеко не новое, занимавшее многіе умы и въ мое время; но организованная попытка сбыта ихъ въ Новомъ свѣтѣ, попытка, правильно руководимая и серьезная, можетъ дать непредвидѣнные результаты. Америка чрезвычайно богата; состоятельныхъ людей здѣсь относительно гораздо больше, чѣмъ гдѣ-либо на земномъ шарѣ, и если удастся заинтересовать ихъ, удастся ввести эти нехитрыя, но очень оригинальныя произведенія русскихъ бабъ въ моду,—дѣло можетъ легко развиться до неожиданныхъ размѣровъ. Въ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ женщины почти совсѣмъ не занимаются рукодѣльемъ; всякія бездѣлушки домашняго обихода—или машиннаго, фабричнаго производства, или ручной работы мексиканскихъ женщинъ; эти послѣднія очень распространены, но, какъ мнѣ кажется, уступаютъ русскимъ по оригинальности и, главное, по кропотливой отчетливости работы. Если русскимъ кустарнымъ издѣліямъ этого рода удастся войти въ моду, имъ не трудно будетъ вытѣснить мексиканскія; начало положено весьма успѣшно на выставкѣ, и если предполо-

женный княжной постоянный складъ этихъ издѣлій въ Нью-Іоркѣ будетъ имѣть необходимыя средства и возможность на первыхъ порахъ занять и удовлетворить общественное мнѣніе дамскихъ кружковъ, сбытъ будетъ большой и по хорошимъ цѣнамъ. Честь и слава княжнѣ Шаховской и ея помощницамъ; будемъ надѣяться, что онѣ встрѣтятъ сочувственную поддержку гдѣ слѣдуетъ въ Россіи и завоюютъ для ея деревенскихъ труженицъ новый, чрезвычайно обширный и выгодный рынокъ. Если всемірная выставка въ Чикаго дастъ Россіи только этотъ скромный, повидимому, результатъ, и то нечего будетъ жалѣть о тѣхъ затратахъ, которыя были ею вызваны: онѣ оплатятся. Я лично чрезвычайно радъ, что именно русская женщина съумѣла дать первый толчекъ такому безконечно полезному дѣлу; еще разъ—честь ей и слава!

Русскихъ людей, пріѣхавшихъ смотрѣть выставку на собственный счетъ и страхъ, безъ какихъ-либо правительственныхъ субсидій или командировокъ, было, сравнительно, очень немного; тѣмъ пріятнѣе было встрѣтить между ними одного изъ наиболѣе выдающихся вашихъ беллетристовъ, читатель, К. Онъ началъ свою литературную карьеру уже послѣ того, какъ я уѣхалъ изъ Россіи, принадлежитъ къ слѣдующему поколѣнію и потому, какъ продуктъ незнакомыхъ мнѣ фазъ русской исторіи, былъ для меня особенно интересенъ. Я съ болѣзненнымъ, напряженнымъ любопытствомъ всматривался въ этого милаго, симпатичнаго, чисто русскаго человѣка. Я терпѣть не могу нѣмца, индифферентенъ къ итальянцу или испанцу, люблю француза, уважаю англичанина и очень неравнодушенъ къ настоящему американцу; но сердце мое бьется сильнѣе, и, такъ сказать, всѣ поры моей души открываются только въ бесѣдѣ съ настоящимъ русскимъ человѣкомъ, не думающимъ, что онъ можетъ закидать шапками всю вселенную и заткнуть ее за-поясъ. Я достаточно-таки послонялся по лицу земного шара, не разъ имѣлъ случай видѣть, какъ поступаютъ люди разныхъ націй въ извѣстныхъ случаяхъ, какъ относятся они къ немощамъ человѣческаго рода и отдѣльныхъ личностей, какъ они судятъ людскіе мотивы и дѣйствія—и всегда, на мои глаза, одни чисто русскіе люди обладали и всепрощеніемъ, и удивительною способностью забывать самихъ себя и отдавать все свое существо въ пользу ближняго. Безотчетное умѣнье на самопожертвованіе, удивительная, бездонная доброта и теплота душевная—то нѣчто, что не только оживляетъ и согрѣваетъ утомленнаго жизнью, выбившагося изъ силъ человѣка, но и откры-

ваетъ для него цѣлый новый міръ—дѣтская, чистая, не отъ міра сего, вѣра въ человѣка и въ его высшія способности — все это можно найти только въ чисто русскомъ человѣкѣ, въ тѣхъ тихихъ, спокойныхъ труженикахъ на жизненномъ поприщѣ, которые дѣлаютъ великія дѣла, совершенно не подозрѣвая ихъ значенія и величія и недоумѣвая, почему тотъ путь, который для нихъ не только естественъ, но и единственно возможенъ, удивляетъ пораженное, восхищенное большинство, хотя и не утратившее еще образъ и подобіе Божіе, но совершенно неспособное на этотъ путь. Въ вашей современной литературѣ, читатель, которой не суждено передать потомству великихъ именъ предшествовавшихъ эпохъ, именно такимъ труженикомъ и представляется мнѣ К. Тѣ его произведенія, которыя мнѣ пришлось прочитать, дали мнѣ, казалось, ясное представленіе о душевномъ существѣ ихъ автора,—и я былъ глубоко обрадованъ, когда случай столкнулъ меня съ нимъ, и когда я лично могъ убѣдиться, что я не ошибся. „Кому много дано, съ того много и взыщется", невольно сказалъ я ему при прощаньи, восхищенный до глубины души этой свѣтлой, чистой, какъ хрусталь, натурой, и увѣренъ, что въ будущемъ онъ еще сослужитъ вамъ, читатель, неоцѣнимую службу.

Счастливая случайность видѣться съ К. дала мнѣ много, чего я не могъ бы найти при обыкновенныхъ обстоятельствахъ; тѣмъ пристальнѣе вглядывался я въ имѣвшуюся въ Чикаго русскую молодежь, ту университетскую молодежь, которая въ шестидесятыхъ годахъ, до извѣстной степени, выражала собою общественное настроеніе. Тогда какъ въ К. я не могъ подмѣтить положительно никакой разницы съ тѣмъ идеаломъ хорошаго русскаго человѣка, ярко сохранившееся представленіе о которомъ я постоянно ношу въ своей памяти, въ этой молодежи я сразу почувствовалъ существенную разницу. Это были не тѣ люди, которыхъ я когда-то зналъ и понималъ; въ нихъ было что-то новое, трудно для меня уловимое, еще труднѣе передаваемое словами и перомъ, но, тѣмъ не менѣе, рѣзкое и несомнѣнно существенное. Между ними не было ни одного завзятаго, отъявленнаго карьериста, они, очевидно, переросли эту неріятную стадію и относились къ жизни съ новой, какой-то положительной точки зрѣнія. Одинъ изъ нихъ, особенно симпатичный самъ по себѣ, когда я началъ осторожно ощупывать его со всѣхъ сторонъ, коротко и рѣзко заявилъ, что онъ „политикой не занимается" и разсчитываетъ посвятить себя промышленной дѣятель-

ности и только на нее и обращаетъ вниманіе. По этой части онъ дѣйствительно оказался знающимъ, до извѣстной степени практичнымъ; зналъ цѣну рубля и гривенника, не бросалъ ихъ на вѣтеръ, и не смотря на такія условія рожденія и воспитанія и несомнѣнную доброту характера, которыя въ мое время непремѣнно выразились бы, по меньшей мѣрѣ, эксцентричнымъ отношеніемъ къ деньгамъ, былъ очень разсчетливъ и совсѣмъ не податливъ на присущія юношамъ увлеченія. Это не была скаредность, нѣтъ, это было просто разумное отношеніе къ рублю, пониманіе того, что его на улицѣ не поднимешь. Въ немъ была совершенно новая для меня черта,—размѣренность жизни, такъ сказать, ея опредѣленность: онъ зналъ, что ему было нужно; по окончаніи курса, разобравшись въ самомъ себѣ и осмотрѣвшись кругомъ, онъ не прельстился казенно-чиновнической карьерой, а сознательно пошелъ по промышленной дорогѣ, разсчитывая впередъ, что̀ это ему будетъ стоить и откуда придутъ вознагражденіе и успѣхъ. Ту же черту, хотя и не такъ ясно выраженную, я подмѣтилъ и въ другихъ; эти юноши были трезвѣе, не такъ легко увлекались своими симпатіями и антипатіями и хотя были невинны какъ агнцы касательно многаго, что въ наше время считалось необходимостью для всякаго развито̀го человѣка, лучше насъ знаютъ, что̀ имъ нужно и какъ имъ добраться до того, что̀ имъ нужно. Эта самоувѣренность, эта уравновѣшенность, это довольство и собой, и всѣмъ окружающимъ напомнили мнѣ невольно пушкинское: „Вполнѣ доволенъ самъ собой, своимъ обѣдомъ и женой...“ Хотя у юношей этихъ еще не было женъ, но я увѣренъ, что они выберутъ и ихъ съ чувствомъ, съ толкомъ, съ разстановкой и будутъ несомнѣнно ими довольны... А если молодое ваше женское поколѣніе обуяно тѣмъ же духомъ и тѣми же идеями, то я могу его завѣрить, что и оно будетъ довольно... Всѣ будутъ довольны и счастливы. Да, въ этихъ юношахъ я не могъ найти и тѣни той неудовлетворенности, тѣхъ неясныхъ стремленій, той жажды къ познанію древа добра и зла, которыя одолѣвали когда-то юношу въ наше время—и которыя сокрушили не одну молодую, полную силъ и надежды душу и разметали насъ кого въ Сибирь, кого въ Америку, кого въ могилу... Вамъ, читатель, живется легче и удобнѣе. Вы не такъ близко принимаете къ сердцу жизненныя невзгоды, какъ когда-то дѣлывали мы...

Кромѣ неизбѣжныхъ чиновниковъ и своекоштныхъ интеллигентовъ, на выставкѣ есть и съ десятокъ представителей сермяжнаго,

мужицкаго міра. Это плотники, привезенные для установки русскаго павильона въ зданіи мануфактуръ и прикладныхъ искусствъ. Они всѣ почти, прельстившись большимъ жалованьемъ, остались на время выставки въ качествѣ служителей въ различныхъ русскихъ отдѣлахъ; съ однимъ изъ нихъ, настоящимъ великорусскимъ крестьяниномъ, у меня было нѣсколько длинныхъ разговоровъ. Этотъ мой соотечественникъ совсѣмъ не одобрялъ Америки, ужасно тосковалъ по родинѣ и считалъ дни и часы до того блаженнаго момента, когда онъ опять очутится въ своей родимой Тараканихѣ. Напрасно я, желая узнать впечатлѣніе, какое произвелъ на него Новый Свѣтъ, изворачивался такъ и этакъ, чтобы вытянуть изъ него что-нибудь опредѣленное; онъ угрюмо улыбался, но не было, казалось, рѣшительно ничего въ Америкѣ, что̀ бы ему нравилось. Когда я, наконецъ, обратилъ его вниманіе на то обстоятельство, что здѣсь никогда не увидишь пьянаго человѣка на улицѣ, онъ вдругъ встрепенулся и рѣшительно, пронзительно громко заявилъ, что пьяныхъ здѣсь нѣтъ потому, что водка скверная. Я долженъ былъ ретироваться со срамомъ, ибо не съумѣлъ возразить ничего на такой аргументъ.

III.

Выставка въ Чикаго прежде всего поражаетъ новоприбывшаго своей абсолютной необъятностью. Это новое, послѣднее, исправленное и дополненное изданіе „Всемірной Энциклопедіи“,—а гдѣ тотъ умъ, гдѣ тотъ мозгъ, который можетъ обнять и вмѣстить „Энциклопедію“ человѣческаго рода? Оффиціальные гиды даютъ вамъ цифры, объясняютъ, что въ этомъ пространствѣ столько-то экровъ, столько-то зданій, столько-то экзибитовъ, но всѣ эти цифры не даютъ ни малѣйшаго понятія о дѣйствительной необъятности выставки. Цивилизованный человѣкъ понимаетъ и вмѣщаетъ милліоны, даже билліоны; но передъ цифрами съ десятками нулей его мозгъ отступаетъ въ недоумѣніи. Дикій австраліецъ умѣетъ считать до десяти—дальше этого числа все для него сливается въ одно необъятное цѣлое. Я лично чувствовалъ себя именно, какъ цивилизованный человѣкъ чувствуетъ себя передъ десятками нулей или какъ австраліецъ недоумѣваетъ передъ всѣмъ, что слѣдуетъ за десятью. Я не могъ обнять этого безконечно-громаднаго цѣлаго: оно превосходило мой масштабъ и сливалось во что-то необъятное, неизмѣримое. Послѣ нѣсколькихъ дней посѣтитель невольно убѣждается, что осмотрѣть основательно

не только все, но и то, что его спеціально интересуетъ, совершенно невозможно. Громадное большинство пріѣзжаетъ на короткое, сравнительно, время—на двѣ, на три недѣли, много на мѣсяцъ; глаза невольно разбѣгаются, и прежде чѣмъ посѣтитель успѣетъ осмотрѣться и оріентироваться на выставкѣ, онъ уже чувствуетъ усталость; никогда не видавшіе большихъ выставокъ обыкновенно и понятія не имѣютъ, какой трудной, утомительной работой является ихъ осмотръ, требующій отъ зрителя постояннаго напряженія всѣхъ силъ, чувствъ и способностей. Колумбійская выставка въ Чикаго слишкомъ велика, она слишкомъ велика не только для обыкновенныхъ посѣтителей—любопытныхъ, но и для спеціалистовъ, заинтересованныхъ какой-нибудь отдѣльной отраслью знанія. Я думаю, что наше поколѣніе видѣло послѣднюю выставку такого рода: въ будущемъ человѣчество будетъ прибѣгать къ спеціальнымъ выставкамъ, но не станетъ пытаться соединить опять въ одно всѣ отрасли человѣческаго знанія; онѣ разрослись до такихъ предѣловъ, ихъ стало такъ много, что соединеніе всего въ одно цѣлое перестаетъ достигать цѣли; глаза и чувства разбѣгаются, и въ результатѣ оказывается какой-то хаосъ. Я говорилъ съ людьми, пробывшими на выставкѣ по нѣскольку мѣсяцевъ; они едва-ли вынесли изъ нея больше, чѣмъ вынесъ я и всѣ тѣ, которые пробыли на ней всего 2—3 недѣли. Послѣ нѣсколькихъ дней безпрестаннаго смотрѣнія, впечатлѣнія начинаютъ сливаться, бродить въ какомъ-то туманѣ, ихъ трудно отдѣлять одно отъ другого, а чѣмъ дальше въ лѣсъ, тѣмъ больше дровъ... Читатель долженъ помнить, что выставка въ Чикаго и по пространству, и по площади зданій, и по числу ихъ, и по числу экспонатовъ, и по числу отдѣловъ далеко превзошла все, что когда-либо было сдѣлано человѣкомъ въ этомъ отношеніи. Пространство выставки—633 экра; площадь зданій—240 экровъ; число ихъ—свыше 200; одинъ досужій статистикъ высчиталъ, что для того, чтобы обойти всѣ уголки и всѣ корридоры между экспонатами, нужно сдѣлать свыше 2.000 миль, т.-е. около 3.000 верстъ. Послѣдняя парижская всемірная выставка 1889 года, до сихъ поръ считавшаяся чѣмъ-то небывалымъ и невозможнымъ превзойти, была превзойдена во много разъ по всѣмъ отдѣламъ. Чтобы дать хоть нѣкоторое понятіе о грандіозности выставки въ Чикаго сравнительно съ парижской, скажу только, что сила электрическаго освѣщенія первой превосходитъ вторую ровно въ $11^1/_2$ разъ, требуетъ 17.000 лошадиныхъ силъ и втрое превосходитъ силу электрическаго освѣщенія всего города Чикаго,

съ его полутора милліонами жителей, и въ 8 разъ—всю силу электрическаго освѣщенія города Парижа, съ его двумя съ половиною милліонами жителей.

Какъ уже выше замѣчено, Джаксонъ Паркъ былъ низкимъ, грязнымъ, вонючимъ болотомъ; администрація выставки должна была прежде всего издержать около пяти милліоновъ долларовъ на то, чтобы поднять это болото и сдѣлать его возможнымъ для устройства выставки. Декоративные садовники Соединенныхъ Штатовъ отличились на славу: даже тѣ немногіе недовольные, которые иногда подъ шумокъ поругиваютъ колумбійскую выставку, должны были признать, что ея общее расположеніе и эффекты прудовъ, лагунъ и острововъ не оставляютъ желать ничего лучшаго, ничего болѣе изящнаго и великолѣпнаго. Озеро Мичиганъ, составляющее восточную границу выставочнаго пространства, бьетъ въ солидную каменную набережную почти въ 2 мили длины; оно соединено съ лагунами и каналами двумя крытыми проходами, и два длинные дока, для прикрѣпленія многочисленныхъ пароходовъ, далеко уходятъ въ озеро. Главный водный бассейнъ выставки, начинаясь отъ Перистиля, длинной колоннады, соединяющей Казино съ Музыкальнымъ Холломъ, идетъ до зданія администраціи; съ одной стороны, на него выходятъ зданія мануфактуръ и искусствъ и электричества, съ другой—агрикультурное и машинное; противъ Перистиля стоитъ на громадномъ пьедесталѣ позолоченная колоссальная статуя Свободы, а противъ зданія администраціи расположены фонтаны, на которыхъ сосредоточиваются по вечерамъ всѣ эффекты небывалаго до сихъ поръ, по силѣ и объему, электрическаго освѣщенія. Съ которой бы стороны посѣтитель ни смотрѣлъ на этотъ бассейнъ, обнесенный со всѣхъ сторонъ высокой каменной облицовкой и отдѣленный отъ построекъ широкимъ зеленымъ лугомъ, видъ получается поразительный,—днемъ-ли, вечеромъ-ли, при дневномъ-ли, при электрическомъ-ли освѣщеніи. Хотя всѣ, безъ исключенія, зданія выставки представляютъ собою не что иное, какъ легкія, временныя постройки, которыя предназначены исключительно для выставки и послѣ нея пойдутъ на сломъ, тѣмъ не менѣе, архитектурныя ихъ достоинства и въ особенности скульптурныя украшенія чрезвычайно эффектны и, въ общемъ, грандіозны. Какъ извѣстно, очень трудно сдѣлать изящными громадные низкіе параллелограммы; если читатель приметъ въ соображеніе, что зданіе мануфактуръ и искусствъ, напримѣръ, занимаетъ площадь въ десять десятинъ, будучи, въ сущности, въ одинъ

этажъ въ вышину, онъ пойметъ, съ какими трудностями пришлось бороться его архитекторамъ, для того чтобы сгладить недостатки пропорцій длины, ширины и вышины. Зданіе это, по площади, несомнѣнно, самое большое зданіе міра, хотя и не представляетъ ничего особеннаго относительно вышины; тѣмъ не менѣе, посредствомъ удачнаго примѣненія арокъ со всѣхъ фасовъ и, главное, величественныхъ, широкихъ порталовъ, непропорціональность его размѣровъ совершенно скрадена, и зданіе производитъ чрезвычайно импонирующее впечатлѣніе. Вообще, принимая въ соображеніе временный характеръ всѣхъ этихъ построекъ, нельзя не замѣтить, что американцы сдѣлали гораздо больше, чѣмъ можно бы было ожидать; вмѣсто простыхъ скорлупокъ для предохраненія экспонатовъ отъ непогоды, они воздвигли громадный городъ, каждое зданіе котораго носитъ свой самостоятельный стиль и составляетъ само по себѣ замѣчательное произведеніе архитектурнаго искусства. Мнѣ пришлось слышать немало замѣчаній иностранцевъ, привыкшихъ думать, что въ Америкѣ одинъ только долларъ и всемогущъ, и никакъ не ожидавшихъ увидѣть ничего подобнаго; они не думали, что янки не только рѣшатся извести такъ много денегъ на украшенія, но что они вообще способны на такое чуткое пониманіе требованій современныхъ архитектурныхъ вкусовъ. Эти иностранцы должны были признать, что Америка за послѣднее время сдѣлала гигантскіе успѣхи во всѣхъ прикладныхъ искусствахъ, что она уже обладаетъ такими потребностями, которыя являются только въ націяхъ, достигшихъ зрѣлости или близко приближающихся къ ней, что стереотипное представленіе объ американцѣ, какъ о человѣкѣ, умѣющемъ цѣнить долларъ только для доллара и неспособномъ ни къ чему выше обыденнаго матеріальнаго уровня, начинаетъ утрачивать свои основанія, и что Новый Свѣтъ уже перешагнулъ тотъ Рубиконъ, который отдѣляетъ новыя націи отъ высшихъ стремленій современной цивилизаціи. Въ этомъ отношеніи выставка въ Чикаго даетъ Старому Свѣту богатый урокъ; онъ не можетъ не открыть, къ своему крайнему удивленію, что пора перемѣнить тотъ масштабъ, которымъ онъ мѣрялъ Америку до сихъ поръ, и что Новый Свѣтъ не только представляетъ собою обширный рынокъ для его произведеній и складочное мѣсто для избытковъ его голодающаго населенія, но и носитъ въ себѣ могучіе зародыши своеобразной, оригинальной культуры, нетолько заслуживающей вниманія, но и требующей серьезнаго изученія. Америка не только далеко перегнала Старый Свѣтъ въ дѣлѣ прикладныхъ зна-

ній, не только выработала самые легкіе, самые совершенные, съ точки зрѣнія сохраненія человѣческихъ силъ, методы во всякомъ производствѣ, но и начала придавать серьезное значеніе искусству: красота и искусство становятся насущной потребностью, и высшія стороны человѣческаго развитія могутъ быть удовлетворены и безъ необходимости обращаться по ту сторону Атлантическаго океана.

Мнѣ кажется, что этотъ фактъ, этотъ многознаменательный выводъ и будетъ главнымъ результатомъ выставки въ Чикаго для самихъ американцевъ. Нѣмцы, французы и англичане воочію убѣдились, что американскій народъ уже способенъ къ тому, чтобы обработать свой хлопокъ не только прочно и дешево, но и со вкусомъ; что его жилища и общественныя зданія не только удобны и просторны, но и соотвѣтствуютъ послѣднему слову архитектурнаго искусства; что у него есть и литература, и живопись, и скульптура; что хотя онъ и не создалъ еще своей собственной музыки, но что онъ настойчиво и съ умѣньемъ занимается ею; что онъ не только практически способенъ къ самоуправленію, но и вырабатываетъ постоянно замѣчательно тонкіе, чрезвычайно сложные выходы изъ многочисленныхъ современныхъ законодательныхъ дилеммъ. Самая организація выставки, при почти абсолютной децентрализаціи американскаго государственнаго организма, при сложности и многосторонности затронутыхъ ею интересовъ и громадности затраченныхъ на нее средствъ, является крайне характернымъ доказательствомъ замѣчательнаго развитія чуткости и отзывчивости американскаго народа вообще и совершенствъ его методовъ самоуправленія въ частности. Президентъ республики могъ только издать прокламацію, приглашающую и отдѣльные штаты, и иностранныя государства принять участіе въ выставкѣ; этимъ и закончились его функціи: онъ не могъ приказать сдѣлать что-либо кому-либо. Необходима была дружная кооперація федеральнаго конгресса, города Чикаго, пятидесяти штатныхъ и территоріальныхъ легислатуръ, а главное, массъ американскаго народа; необходимо было согласовать и привести къ одной цѣли 65 милліоновъ людей; необходимо было выработать сложную, подвижную администрацію всего дѣла, не обладая никакимъ опытомъ, никакими прецедентами, администрацію, которая могла бы удовлетворить разборчивое, требовательное большинство. Одинъ вопросъ о воскресномъ днѣ создалъ цѣлую массу серьезныхъ, жгучихъ недоразумѣній, невозможныхъ нигдѣ, кромѣ Америки, такъ какъ нигдѣ въ мірѣ нѣтъ такой децентрализаціи, такой самостоятельно-

сти отдѣльныхъ учрежденій. Мнѣ какъ-то попалось на глаза описаніе выставки одного изъ всезнающихъ, все вмѣстившихъ русскихъ корреспондентовъ, рѣшившаго безъ малѣйшаго смущенія и съ неподражаемымъ апломбомъ самые запутанные вопросы; описаніе, въ которомъ онъ, между прочимъ, коснулся и вопроса о воскресномъ днѣ и кстати забросалъ Америку именно по этому вопросу не только упреками въ безправіи и беззаконіи, но и тяжкими обвиненіями въ всемогуществѣ денежныхъ побужденій помимо всего другого. Читая эти смѣшныя, безсмысленныя нападки,—результатъ абсолютнаго незнанія того, о чемъ писалъ авторъ, незнанія преступнаго, такъ какъ оно введетъ въ неизбѣжное заблужденіе десятки тысячъ неповинныхъ ни въ чемъ русскихъ читателей, я тогда же далъ себѣ слово возстановить истину при первой возможности. Дѣло въ томъ, что федеральный конгрессъ, ассигнуя на выставку 5 милліоновъ долларовъ, дѣйствительно постановилъ незначительнымъ большинствомъ, послѣ горячихъ, ожесточенныхъ преній, закрыть выставку по воскресеньямъ. Это постановленіе вызвало самую горячую агитацію по всѣмъ Соединеннымъ Штатамъ; милліоны подписей были собраны по всему Союзу къ петиціямъ, протестовавшимъ противъ этого постановленія, и администрація выставки была завалена этими петиціями съ самаго начала своего существованія. Защитники же закрытія, заручившись вышеупомянутымъ постановленіемъ конгресса, молча посмѣивались и сложили руки. Надо замѣтить, что, дѣлая это постановленіе, конгрессъ не зналъ, какой городъ и какая мѣстность будутъ избраны для выставки, и когда Чикаго оказался этимъ городомъ, а Джаксонъ Паркъ—мѣстомъ, вышло, что конгрессъ издалъ постановленіе, противорѣчившее законамъ штата Иллинойсъ, требующимъ безусловнаго открытія круглый годъ всѣхъ общественныхъ парковъ штата,—а Джаксонъ Паркъ былъ пріобрѣтенъ городомъ Чикаго именно какъ такой паркъ еще задолго до того времени, когда зашла рѣчь о Колумбійской выставкѣ. Передъ администраціей выставки очутилась чрезвычайно запутанная, сложная дилемма: съ одной стороны, постановленіе конгресса и вмѣшательство духовныхъ лицъ Союза, съ другой—милліонныя петиціи и законы штата Иллинойсъ, въ территоріи котораго находилась выставка и законамъ котораго она безусловно подлежала. Дѣло перешло въ судъ; обѣ стороны, защитники и противники закрытія по воскресеньямъ, пригласили наиболѣе выдающіяся свѣтила американской адвокатуры, и мѣстный судья рѣшилъ, что выставка должна быть открыта по вос-

кресеньямъ. Побитая сторона, конечно, аппелировала; но пока дѣло переходило изъ одной инстанціи въ другую, слѣдуя обычной рутинѣ, судья обязалъ администрацію выставки открывать ее по воскресеньямъ до тѣхъ поръ, пока его рѣшеніе не будетъ легально отмѣнено высшей инстанціей. Этотъ споръ жестоко повредилъ выставкѣ вообще, такъ какъ многіе изъ духовенства открыто проповѣдовали своимъ духовнымъ паствамъ, чтобы онѣ совсѣмъ ее не посѣщали до тѣхъ поръ, пока еретиковъ не заставятъ закрывать ее по воскресеньямъ. Судебное рѣшеніе въ Америкѣ—святыня; администрація выставки и думать не могла о томъ, чтобъ не повиноваться ему, и выставка была открыта по воскресяньямъ, хотя и въ убытокъ въ финансовомъ отношеніи; текущіе расходы такъ велики, что то незначительное число посѣтителей (отъ 25 до 40 тысячъ), которые посѣщали ее по воскресеньямъ, не могли оплатить этихъ расходовъ. Я не безъ умысла остановился на всѣхъ этихъ подробностяхъ. Онѣ, во-первыхъ, характеризуютъ американскіе порядки вообще, а во-вторыхъ, выясняютъ тѣ трудности, тѣ невозможные ни въ какой другой странѣ камни преткновенія, съ какими пришлось бороться администраціи выставки. Самая ея организація имѣетъ такой характеръ, который, по моему мнѣнію, сдѣлалъ бы невозможнымъ какой-либо успѣхъ во всякой другой странѣ земного шара. Всѣ бывшія до сихъ поръ всемірныя выставки учреждались и управлялись правительственною властью, имѣвшей обширныя полномочія въ административномъ смыслѣ и, въ сущности, неограниченный кредитъ въ смыслѣ финансовомъ. Не то мы видѣли относительно выставки въ Чикаго. Организованная законодательною властью конгресса національная комиссія, составленная изъ двухъ делегатовъ отъ каждаго штата и территоріи и восьми общихъ для всей страны, назначенныхъ президентомъ Союза, была уже сама по себѣ весьма сложнымъ организмомъ. Делегаты эти не получали опредѣленнаго жалованья, а только дѣйствительные расходы на издержки по дѣламъ выставки; они выбрали особую исполнительную комиссію съ генералъ-директоромъ во главѣ, также совѣтъ дамъ-распорядительницъ женскаго отдѣла выставки. Крошечный штатъ Родъ-Айлэндъ, съ территоріей всего въ тысячу англійскихъ миль, и пустой штатъ Невада, всего съ сорока-пятью тысячами жителей, имѣютъ то же представительство, что и штатъ Тексасъ, съ слишкомъ четвертью милліона миль территоріи, и штатъ Нью-Іоркъ, съ шестью милліонами населенія. Само собой разумѣется, что интересы такихъ различныхъ по самому суще-

ству общинъ чрезвычайно разнообразны, и что масса самыхъ серьезныхъ затрудненій стояла на пути комиссіи; необходимо было согласить эти интересы и, посредствомъ цѣлаго ряда компромиссовъ, привести ихъ къ одному знаменателю. Затѣмъ, эта національная комиссія не располагала никакими средствами: федеральное правительство ассигновало всего не свыше полутора милліона долларовъ на свое зданіе и на расходы по экспонатамъ, принадлежавшимъ различнымъ его департаментамъ, да и эти деньги были въ рукахъ спеціальныхъ представителей правительства, дѣйствовавшихъ на правахъ частныхъ экспонентовъ. Еще дѣлая свое первое постановленіе о выставкѣ, конгрессъ потребовалъ отъ того города, въ которомъ она будетъ происходить, кромѣ мѣста, сумму въ 5 милліоновъ долларовъ на безвозвратныя издержки и обезпеченіе акціонернаго капитала не менѣе 5 милліоновъ долларовъ, на тѣ же издержки. Городъ Чикаго мгновенно подписалъ и 5 милліоновъ безвозвратно, и 5 милліоновъ акціонернаго капитала; впослѣдствіи эту послѣднюю сумму пришлось увеличить до 10 милліоновъ. Всѣ эти средства находились въ распоряженіи особой акціонерной компаніи, которая, посредствомъ своего совѣта директоровъ и исполнительныхъ чиновъ, завѣдывала приготовленіемъ мѣста, и постройкой зданій, и всѣми деталями дѣла, какъ декоративными, архитектурными и художественными, такъ и денежно-хозяйственными, тогда какъ національная комиссія сносилась съ иностранными государствами, завѣдывала отводомъ мѣстъ для экспонатовъ, административнымъ, полицейскимъ и пожарнымъ персоналами и вообще внѣшнимъ и внутреннимъ управленіемъ. Такимъ образомъ дуальный авторитетъ двухъ главныхъ органовъ выставочной администраціи: національной комиссіи и акціонерной компаніи — становится очевиденъ, и читатель самъ можетъ сообразить всѣ трудности, проистекающія отъ такой организаціи; тѣмъ не менѣе, сущность американскихъ учрежденій вообще такова, что не было никакой возможности придумать что-нибудь другое, не затронувъ существенныхъ правъ принимавшихъ въ выставкѣ участіе государствъ, штатовъ, общинъ, муниципалитетовъ и частныхъ людей. Кромѣ того, необходимо принять во вниманіе, что каждый отдѣльный штатъ и территорія, кромѣ участія въ общей выставкѣ, имѣетъ еще и свое собственное отдѣльное мѣсто и зданіе, а съ ними и свою собственную, отдѣльную администрацію. Я уже не говорю объ иностранныхъ государствахъ, которыхъ въ выставкѣ участвовало 47, ассигновавшихъ на издержки по выставкѣ около 6 милліоновъ дол-

ларовъ и имѣвшихъ своихъ представителей, въ нѣкоторыхъ случаяхъ не могшихъ или не умѣвшихъ оріентироваться и доставлявшихъ администраціи выставки массу ненужныхъ, лишнихъ хлопотъ. Штаты и территоріи Союза первоначально ассигновали 3 милліона долларовъ на выставочныя издержки; затѣмъ многіе изъ нихъ удвоили и утроили первоначальныя суммы, такъ что, въ общемъ, по этой статьѣ было издержано свыше 5 милліоновъ долларовъ.

Отдѣльные штаты и территоріи отнеслись къ выставкѣ чрезвычайно разнообразно. Два изъ нихъ—южные бурбоны—совсѣмъ не приняли въ ней участія; нѣкоторыя легислатуры, опять-таки исключительно южныя, отказались сдѣлать какія бы то ни было ассигновки, отговорившись конституціонными затрудненіями, и эти штаты были представлены или образованными спеціально для этого акціонерными компаніями, или по частной подпискѣ; большинство сдѣлало значительныя затраты; а нѣкоторые, какъ напримѣръ Калифорнія, Иллинойсъ и Нью-Іоркъ, издержали слишкомъ по полумилліону каждый. Зданія этихъ трехъ послѣднихъ штатовъ очень велики и характерны и составляютъ исключеніе въ общей массѣ штатныхъ зданій въ томъ смыслѣ, что заключаютъ въ себѣ полные и разнообразные экзибиты всѣхъ произведеній этихъ штатовъ. Американцы, организуя всемірную выставку въ Чикаго, внесли въ нее нѣкоторые своеобразные американскіе элементы, насколько мнѣ извѣстно, никогда не практиковавшіеся прежде. Такъ, между прочимъ, всѣ штатныя зданія, за исключеніемъ трехъ вышепоименованныхъ, служили не для выставочныхъ цѣлей непосредственно, а для доставленія извѣстныхъ удобствъ посѣтителямъ выставки изъ воздвигнувшихъ эти зданія штатовъ. Граждане, пріѣзжая на выставку за тысячу, за двѣ тысячи миль въ чуждый штатъ и городъ, имѣли въ этихъ зданіяхъ нѣчто вродѣ дома, чувствовали себя въ нихъ какъ бы у себя, встрѣчали знакомыхъ, пріятелей, ихъ почта и телеграммы доставлялись туда же, тамъ же они складывали свои выставочныя покупки, ѣли свой lunch и пили то штатное питье, къ которому издавна привыкли. Въ этихъ же зданіяхъ они праздновали свои штатные праздники, принимали именитыхъ гостей и устраивали митинги и пирушки. Почти каждый день, въ теченіе всей выставки, былъ заранѣе посвященъ какому-нибудь особому празднованію: праздновали отдѣльные штаты, отдѣльные большіе города, отдѣльныя отрасли производствъ и торговли, иностранныя государства, различныя общества вродѣ вели-

кой арміи республики, масонскихъ орденовъ, рабочихъ союзовъ и такъ далѣе. Празднованія эти сопровождались процессіями, музыкой, балами и рѣчами. Такъ, во время моего посѣщенія выставки, сначала Бразилія праздновала годовщину своего освобожденія отъ иноземнаго ига инструментальнымъ и вокальнымъ концертомъ; штатъ Калифорнія — годовщину своего принятія въ Союзъ публичнымъ митингомъ съ рѣчами наиболѣе выдающихся ея ораторовъ и даровой раздачей калифорнскихъ фруктовъ и вина: было роздано цѣлыхъ 9 вагоновъ, на сумму около 30 тысячъ долларовъ, собранныхъ между присутствовавшими калифорнійцами по подпискѣ; затѣмъ всѣ отрасли промышленности, представленныя въ зданіи путей сообщенія, Transportation building, праздновали посвященный имъ день оригинальнымъ парадомъ, на которомъ были представлены рѣшительно всѣ пути сообщенія, начиная съ японскихъ скороходовъ и мексиканскихъ деревянныхъ арбъ, съ сплошными деревянными колесами, и кончая самыми послѣдними желѣзнодорожными и пароходными приспособленіями, которыя везлись на особыхъ платформахъ на колесахъ. Штатъ Канзасъ праздновалъ цѣлую недѣлю; городъ Чикаго въ посвященный ему день закрылъ всѣ свои торговыя и промышленныя заведенія, чтобы дать возможность всѣмъ и каждому участвовать въ празднованіи, и число посѣтителей выставки въ этотъ день достигло громадной цифры 750.000 человѣкъ: говорятъ, самое большое сборище людей, когда-либо съ самаго сотворенія міра собравшееся вмѣстѣ на такомъ, сравнительно, ограниченномъ пространствѣ, какъ колумбійская выставка. Вообще число посѣтителей, какъ общее, такъ и по отдѣльнымъ днямъ и недѣлямъ, дало небывалыя въ этомъ отношеніи на прежнихъ всемірныхъ выставкахъ цифры. Весь міръ удивлялся 10 милліонамъ посѣтителей послѣдней парижской выставки 1889 года; выставка въ Чикаго удвоила эту цифру слишкомъ, хотя Европа, при значительно меньшей территоріи, имѣетъ населеніе въ пять разъ больше, чѣмъ Соединенные Штаты. Въ теченіе сентября мѣсяца бывало по милліону посѣтителей въ недѣлю; въ теченіе октября—болѣе двухъ милліоновъ въ недѣлю; число ихъ по отдѣльнымъ днямъ нерѣдко достигало четверти милліона; 4-го іюля достигло 380.000, а въ день празднованія Чикаго—$^3/_4$ милліона.

Не подлежитъ сомнѣнію, что финансовый крахъ, въ связи съ промышленнымъ застоемъ и безработицей, чрезвычайно сильно по-

вліяли на число посѣтителей, которое было бы, вѣроятно, на 50% болѣе, еслибы не эти причины; тѣмъ не менѣе, несомнѣнно уже было даже къ первому октября, что доходы акціонерной компаніи, заинтересованной больше всѣхъ и, въ сущности, рисковавшей въ случаѣ неуспѣха всѣмъ своимъ капиталомъ, превысили всѣ произведенные ею расходы, и что сборы за октябрь, которые, по всѣмъ видимостямъ, должны превзойти сборы за какой-либо предшествовавшій мѣсяцъ, окажутся чистымъ барышомъ. Такимъ образомъ, и въ финансовомъ отношеніи, не смотря на небывалыя, баснословныя затраты и на чрезвычайно неблагопріятное стеченіе обстоятельствъ, всемірная выставка въ Чикаго оказывается безусловнымъ успѣхомъ.

Однимъ изъ самыхъ симпатичныхъ нововведеній, прекраснымъ прецедентомъ для будущихъ выставокъ, если таковыя будутъ гдѣлибо устроены, является совершенное отдѣленіе отъ выставки собственно всѣхъ балаганныхъ ея элементовъ. Я хорошо помню парижскую выставку 1879 года; помню, какъ непріятно на меня дѣйствовали разбросанные по всему ея пространству якобы иностранные развлеченія и базары, чисто балаганно-спекулятивнаго характера, недостойные не только всемірной выставки съ ея громаднымъ общеобразовательнымъ значеніемъ, но и третьеразрядной ярмарки, развлеченія, дѣйствовавшія на всѣхъ серьезныхъ людей вродѣ ложки дегтю въ бочкѣ меду. Выставка въ Чикаго не обошлась безъ нихъ и обладала весьма разнообразнымъ ассортиментомъ этого рода учрежденій; но всѣ они были собраны на особомъ пространствѣ, названномъ Midway Plaisance и расположенномъ въ особой, длинной и узкой полосѣ, перпендикулярной къ главному пространству выставки и составлявшей особую улицу. Всякіе алжирскіе, мавританскіе, турецкіе, персидскіе и иные театры, базары и рестораны, взимавшіе особую плату отъ 10 до 50 центовъ за входъ, были скучены по обѣимъ сторонамъ этой улицы; явайскіе, тихоокеанскіе, дагомейскіе и всякіе другіе дикіе люди съ ихъ деревнями, танцами и пѣніемъ, крайне дикими, неблагозвучными, неблаговонными и, въ большей части случаевъ, безобразными, показывались тутъ же. Я лично всегда питалъ и питаю непреодолимое отвращеніе ко всѣмъ зрѣлищамъ подобнаго рода. Нѣтъ сомнѣнія, что серьезное изученіе нравовъ и обычаевъ и анатомическаго строенія всѣхъ этихъ первобытныхъ обитателей земного шара необходимо для успѣха современной антропологической науки; но эти балаганы съ ихъ представленіями, подлаженными и поддѣланными подъ грубый вкусъ темной толпы и

приправленными безобразнымъ голымъ тѣломъ этихъ дикихъ людей, по моему мнѣнію, способствуютъ только развитію самыхъ нежелательныхъ элементовъ человѣческой натуры. Успѣхъ этихъ представленій (говорятъ, большинство ихъ дѣлаетъ большія деньги), къ сожалѣнію, указываетъ, что они, до извѣстной степени, являются какъ бы необходимымъ аксессуаромъ всякихъ значительныхъ человѣческихъ сборищъ; извѣстный и, очевидно, значительный процентъ этихъ сборищъ все еще требуетъ зрѣлищъ такого рода; я былъ очень радъ, что администрація выставки въ Чикаго, не будучи въ состояніи совсѣмъ отъ нихъ отдѣлаться, все-таки съумѣла оградить отъ нихъ болѣе цивилизованную часть своей публики, отведя этимъ зрѣлищамъ опредѣленное пространство и не разсыпавъ ихъ повсюду, какъ это было въ Парижѣ.

Громадный успѣхъ Эйфелевой башни на послѣдней выставкѣ 1889 года въ Парижѣ, еще задолго до открытія выставки въ Чикаго, вызвалъ оживленную полемику о томъ, что̀ слѣдуетъ предпринять, чтобы не остаться позади и въ этомъ отношеніи. Послѣ долгихъ споровъ былъ принятъ проектъ молодого филадельфійскаго инженера Ферриса, предложившаго устроить вращающееся стальное колесо въ 250 футовъ въ діаметрѣ. Паровыя машины въ 4.000 лошадиныхъ силъ приводятъ весь аппаратъ въ движеніе; 36 вагоновъ, на 60 пассажировъ каждый, подвѣшены къ этому колесу и медленно вращаются вмѣстѣ съ нимъ на оси, въ 33 дюйма толщины и 45 футовъ длины, вѣсящей 56 тоннъ и представляющей собою, говорятъ, самый большой единичный кусокъ кованной стали въ мірѣ. Колесо это потребовало 4.300 тоннъ стали, стоило 400.000 долларовъ, и съ его вершины виденъ не только весь городъ Чикаго, но и всѣ его окрестности на многія мили. Въ сущности, колесо Ферриса есть не что иное, какъ гигантская карусель, и такъ какъ оно несомнѣнно носитъ балаганный характеръ, то и мѣсто ему было отведено на Midway Plaisance.

Громадное пространство выставки, далеко превосходящее всѣ до сихъ поръ бывшія, вызвало новую потребность въ скоромъ сообщеніи внутри самой выставки—потребность, никогда до сихъ поръ не ощущавшуюся на всемірныхъ выставкахъ. Нельзя было и думать о какой-либо поверхностной дорогѣ, такъ какъ это было бы слишкомъ опасно для сотенъ тысячъ посѣтителей; поэтому остановились на возвышенной дорогѣ, вродѣ возвышенныхъ уличныхъ дорогъ Нью-Іорка, Бостона и Чикаго. Дорога эта, образуя петли для по-

воротовъ поѣздовъ на концахъ, обходитъ всю выставку съ сѣвера на югъ, имѣетъ около 5 верстъ длины и построена въ два пути на деревянномъ мосту, въ среднемъ около 30 футовъ выше поверхности выставки, съ десятью обширными станціями на короткихъ промежуткахъ. Работаетъ она электричествомъ, вырабатываемымъ самымъ большимъ электрическимъ заводомъ въ мірѣ; передается оно посредствомъ изолированнаго третьяго рельса, и восемнадцать поѣздовъ въ 4 вагона, вмѣщающіе около 400 пассажировъ каждый, идутъ на разстояніи двухъ минутъ одинъ отъ другого; полный рейсъ дѣлается въ 20 минутъ. Передній вагонъ каждаго поѣзда снабженъ четырьмя моторами, въ 133 номинальныя лошадиныя силы каждый; всего три человѣка нужны для управленія такимъ поѣздомъ. Принципъ употребленія третьяго рельса для передачи электричества и отдѣльныхъ моторовъ—принципъ не новый въ американскомъ электрически-желѣзнодорожномъ дѣлѣ; но въ первый разъ онъ былъ примѣненъ въ большихъ размѣрахъ именно къ Колумбійской выставочной возвышенной желѣзной дорогѣ, и, судя по ея безспорному успѣху, вѣроятно, будетъ разработанъ дальше и примѣненъ и на обыкновенныхъ уличныхъ дорогахъ.

Говоря о нововведеніяхъ и характерныхъ особенностяхъ выставки въ Чикаго, нельзя не упомянуть и о ея полиціи. Свыше 2.000 человѣкъ состоятъ въ ея спискахъ; называются они колумбійскими гвардейцами (Columbian Guards) и носятъ довольно своеобразную форму: синій кафтанъ, расшитый черными шнурками, и высокій киверъ съ помпономъ. Главной особенностью является то обстоятельство, что большинство ихъ (столько, сколько можно было завербовать) состояло все лѣто изъ недостаточныхъ студентовъ Чикагскаго и нѣкоторыхъ другихъ университетовъ; этимъ путемъ хотѣли дать имъ средства къ продолженію курса, такъ какъ они получали, сравнительно, очень хорошее жалованье; а благодаря такому составу, публика имѣла на каждомъ перекресткѣ и во всѣхъ зданіяхъ болѣе или менѣе интеллигентныхъ людей къ своимъ услугамъ.

IV.

Я долженъ откровенно сознаться, что положительно не могу отвѣтить на вопросъ, какіе именно отдѣлы или отдѣльные экспонаты произвели на меня наибольшее впечатлѣніе и заслуживаютъ наибольшаго вниманія. На выставкѣ такъ много хорошаго и за-

мѣчательнаго, что я какъ ни напрягаю свою память, не могу выбрать что-либо особенное. Выставка такъ громадна, что перечислить самостоятельные отдѣлы довольно трудно; хотя на оффиціальномъ языкѣ она и раздѣлена на 12 департаментовъ, но департаменты эти имѣютъ такъ много подраздѣленій, разбросаны въ нѣкоторыхъ случаяхъ по столькимъ зданіямъ, что нѣтъ никакой возможности разобраться сознательно въ этой массѣ, тѣмъ болѣе, что дѣлать какія-либо замѣтки было совершенно некогда; поэтому я и не пытаюсь даже дать вамъ, читатель, систематическое, по отдѣламъ и разрядамъ, описаніе этой выставки; я просто буду говорить о томъ, что отчетливо сохранилось въ моей памяти и что меня почему-либо особенно интересовало. Я могъ бы взять оффиціальный каталогъ и слѣдовать по стопамъ солидныхъ, заправскихъ корреспондентовъ; но я предпочитаю быть субъективнымъ, хотя бы и въ ущербъ методичности, и напередъ прошу прощенія у читателя за такую смѣлость.

Компетентные судьи, видѣвшіе чуть ли не всѣ всемірныя выставки, начиная съ первой Лондонской, единогласно признаютъ, что выставка путей сообщенія, съ ея пристройками, даетъ самое полное представленіе какъ о постепенномъ совершенствованіи человѣка въ изысканіи путей передвиженія, такъ и о безусловномъ современномъ превосходствѣ Соединенныхъ Штатовъ въ этомъ отношеніи. Всѣ, когда-либо и гдѣ-либо извѣстныя человѣку средства къ передвиженію и ихъ постепенное, медленное усовершенствованіе въ точности и цѣлости воспроизведены на выставкѣ въ Чикаго. Начиная съ паланкиновъ, ручныхъ телѣжекъ, двухколесныхъ арбъ и первобытныхъ челноковъ и кончая самымъ послѣднимъ словомъ желѣзнодорожнаго и пароходнаго дѣлъ, въ формѣ громадныхъ, изящныхъ французскихъ и, въ особенности, американскихъ паровозовъ, полнаго Пульмановскаго поѣзда, секціи трансатлантическаго пассажирскаго парохода и модели въ настоящую величину современнаго морского броненосца—всѣ стадіи способовъ и средствъ передвиженія представлены на выставкѣ или настоящими предметами, или моделями въ настоящую величину. Всего интереснѣе модели паровозовъ, начиная съ перваго, придуманнаго еще въ XVII столѣтіи. Около 40 моделей, изображающихъ съ возможной точностью прогрессъ перерожденія первоначальнаго неуклюжаго котла въ современный локомотивъ, воспроизведены изъ папье-маше въ натуральную величину; можно безъ особеннаго затрудненія прослѣдить, какъ чело-

вѣческая мысль исправляла мало-по-малу, медленно, но настойчиво, наиболѣе существенныя части, какъ она ощупью натыкалась то на то, то на другое, и экспериментируя то въ томъ, то въ другомъ направленіи, совершенствовала основной принципъ — эксплоатацію силы пара. Имѣется на выставкѣ и первый полный желѣзнодорожный американскій поѣздъ, состоящій изъ нѣсколькихъ обыкновенныхъ старинныхъ каретныхъ кузововъ на четырехъ лицъ, на неуклюжихъ, огромныхъ висячихъ круглыхъ рессорахъ; имѣются и первоначальные плоскіе, сначала деревянные, потомъ желѣзные рельсы изъ обыкновеннаго шиннаго желѣза. Прошло всего какихъ-нибудь шестьдесятъ лѣтъ, и на ихъ мѣсто явились современные 110-фунтовые на погонный ярдъ стальные рельсы и Пульмановскіе вестибюльные поѣзда. Европейцы единогласно должны были признать, что ничего близкаго по роскоши, удобству и изяществу, какъ эти поѣзда, нѣтъ на европейскихъ желѣзныхъ дорогахъ; человѣческая изобрѣтательность, кажется, дошла до своего предѣла въ этомъ родѣ; путешественникъ ѣдетъ не замѣчая, что онъ ѣдетъ, со всѣми удобствами роскошной, богатой квартиры къ его услугамъ, со столовой, ванной, цирульней и библіотекой. Меня всего болѣе поразила существенная разница между современными американскими и европейскими локомотивами, ясно замѣтная и для обыкновеннаго зрителя и особенно бросающаяся въ глаза желѣзнодорожному практику. Американскій локомотивъ простъ по конструкціи, легокъ, изященъ и, главное, дешевъ. Англійскій, и въ особенности французскій, гораздо сложнѣе, съ массой сомнительной необходимости приспособленій, загромождающихъ его въ ущербъ существеннымъ частямъ, усложняющихъ ихъ управленіе и прочность и возвышающихъ его стоимость. И на видъ локомотивы эти гораздо грузнѣе и неуклюжѣе, несомнѣнно требуютъ бо́льшихъ расходовъ на свое содержаніе и бо́льшихъ знаній отъ своихъ машинистовъ, а, между тѣмъ, на практикѣ, я увѣренъ, доставляютъ больше хлопотъ, менѣе прочны и надежны. По удобству, легкости и красотѣ колесныхъ экипажей пальма первенства безусловно принадлежитъ Америкѣ; по чудачеству и необъяснимости оригинальныхъ неудобствъ — Англіи; по роскоши и фантастичности, особенно въ зимнемъ отдѣлѣ—Франціи. Я напрасно искалъ русскій отдѣлъ въ этомъ огромномъ зданіи: за исключеніемъ двухъ-трехъ неважныхъ саней да полудюжины троечныхъ сбруй, Россія не выставила ничего; меня дважды спрашивали на выставкѣ, неужели въ Россіи и до сихъ поръ ходятъ пѣшкомъ? И почему

нѣтъ ни одного экземпляра „тарантаса“ и „телѣги“—словъ, какъ и слово „кнутъ“, перебравшихся и въ англійскій языкъ, благодаря многочисленнымъ въ послѣднее время переводамъ графа Толстого и нѣкоторыхъ другихъ русскихъ писателей.

Въ одной изъ лагунъ выставки имѣется модель современнаго китоловнаго судна, со всѣми необходимыми принадлежностями; въ другой стоятъ модели каравелъ Колумба, поднесенныя въ даръ Америкѣ Испаніей и воспроизведенныя со всевозможной точностью. Модель броненосца, прикрѣпленная къ одному изъ доковъ на островѣ Мичиганѣ, снабжена морскимъ министерствомъ Союза полнымъ экипажемъ и всѣми рѣшительно принадлежностями современнаго военнаго судна: на немъ происходятъ правильныя морскія ученья, и ежедневно въ извѣстные часы публика допускается къ его осмотру, причемъ люди экипажа служатъ безплатными проводниками и объяснителями морского дѣла и его любопытныхъ подробностей.

Зданіе мануфактуръ и прикладныхъ искусствъ такъ громадно, и безчисленное количество экспонатовъ въ немъ такъ богато и разнообразно, что, послѣ нѣсколькихъ дней осмотра, у меня въ головѣ образовался совершенный сумбуръ. Тѣмъ не менѣе, я вынесъ совершенно опредѣленное убѣжденіе, что Франція несомнѣнно далеко оставила за собой всѣ остальныя государства. Соединеннымъ Штатамъ, понятно, принадлежитъ львиная доля пространства; нѣкоторые ихъ экспонаты, какъ, напримѣръ, мѣховъ, просто неподражаемы. Германія, ассигновавшая на выставку больше денегъ, чѣмъ какое-либо другое иностранное государство, очевидно, лѣзла изъ кожи, чтобы затмить свою вѣчную соперницу, но ея витрины аляповаты и всѣ какъ-то на одинъ манеръ, экспонаты расположены безъ особеннаго вкуса, и за исключеніемъ оптическихъ инструментовъ, не представляютъ ничего особенно выдающагося. Англія вообще отнеслась къ выставкѣ не съ особеннымъ сочувствіемъ, такъ какъ, во-первыхъ, все еще помнитъ результатъ филадельфійской выставки 1877 года, отнявшей у нея многіе иностранные рынки, а во-вторыхъ, не смотря на столѣтній миръ, все еще втихомолку точитъ зубы на Америку и опасается ея соперничества; Англія не особенно отличалась своимъ отдѣломъ. Мелкія государства Европы и Америки, имѣя нѣкоторыя замѣчательныя спеціальности, въ общемъ, конечно, не могутъ тягаться съ великими державами, и Франція безспорно стоитъ далеко впереди всѣхъ. Ея витрины особенно изящны и разнообразны, многія изъ нихъ просто великолѣпны; экспонаты расположены въ нихъ съ

удивительнымъ мастерствомъ, такъ что неизбѣжно бросаются въ глаза: артистическая рука незамѣнимаго никѣмъ французскаго декоратора видна вездѣ и всюду. Я, конечно, не присяжный экспертъ, не могу судить ни о добротѣ ткани, ни о ея прочности и относительной дешевизнѣ, —я говорю только о внѣшнемъ видѣ этихъ мануфактуръ, объ ихъ красотѣ и безподобномъ сочетаніи красокъ, о той формѣ, въ которой онѣ были выставлены. Товары эти, въ особенности мебель и дамскіе наряды, были дѣйствительно показаны лицомъ,—а на выставкѣ такого рода, гдѣ громадное большинство воспринимаетъ впечатлѣнія только по виду, формѣ и краскамъ, мнѣ кажется, это условіе играетъ самую важную роль. Посѣтитель, если онъ спеціально не заинтересованъ извѣстнымъ отдѣломъ или по службѣ, или по своимъ собственнымъ занятіямъ, не будетъ рыться въ безконечно длинныхъ докладахъ присяжныхъ жюри; онъ составляетъ свое мнѣніе по тому, что̀ дѣйствуетъ непосредственно на его чувства, а Франція именно этимъ-то и взяла. Бѣлый фасадъ Франціи простъ, но чрезвычайно красивъ и изященъ; его нельзя не замѣтить, нельзя пройти мимо не остановившись, какъ проходишь мимо нѣмецкаго, массивнаго, грузнаго, тяжелаго, неизвѣстно что собою изображающаго. Ея отдѣлъ всегда биткомъ набитъ; въ этомъ отдѣлѣ слышишь больше всего аховъ и оховъ; къ нѣкоторымъ его витринамъ не доберешься за сплошной толпой восхищенныхъ зрителей. Кромѣ того, экспонаты чрезвычайно разнообразны, или, можетъ быть, благодаря умѣнью ихъ расположить, кажутся разнообразными; ихъ весело и интересно смотрѣть, нѣтъ въ нихъ той монотонности, того однообразія, которыя нагоняютъ невольную зѣвоту въ нѣмецкомъ и американскомъ отдѣлахъ. Долгій осмотръ выставки ужасно утомляетъ посѣтителя; его глазъ невольно начинаетъ искать разнообразія, чтобы сосредоточиться на чемъ-нибудь; самые лучшіе экспонаты минуются безслѣдно, если они неумѣло, неинтересно представлены. Когда передъ вашими глазами такое безконечное множество предметовъ, вы невольно останавливаетесь не передъ тѣмъ, что̀ полезно и имѣетъ внутреннюю, скрытую доброту, о которой не говорятъ ваши собственныя чувства, а передъ тѣмъ, что красиво и бьетъ въ носъ. Французы давно поняли это, и мало того, съ успѣхомъ этимъ пользуются; мнѣ кажется несомнѣннымъ, что каждая выставка въ торговомъ отношеніи должна приносить больше всего пользы именно имъ.

Русскій отдѣлъ въ зданіи мануфактуръ и очень хорошъ, и очень

нехорошъ. Очень компетентный судья по части краснаго товара передавалъ мнѣ, что русскія ткани удивительно шагнули впередъ за послѣднее десятилѣтіе, что по прочности и добротѣ онѣ не уступаютъ ничему, что̀ есть на выставкѣ. Но, къ сожалѣнію, витрины съ этимъ товаромъ, нѣкоторыя очень изящныя и стоившія большихъ денегъ, расположены какъ-то позади, въ полумракѣ, какъ разъ у наружной стѣны, гдѣ ихъ совсѣмъ не видно и гдѣ онѣ не производятъ никакого эффекта. Лучшая часть отведеннаго для Россіи пространства (а въ отношеніи распредѣленія мѣстъ между націями, говорятъ, было соблюдено удивительное безпристрастіе) занята, по моему мнѣнію, бездѣлушками. То, что̀ слѣдовало выдвинуть впередъ, показать лицомъ, осталось въ тѣни. Я не имѣю рѣшительно никакихъ фактовъ на то, чтобы сдѣлать кому-либо упрекъ въ фаворитизмѣ, но установка экспонатовъ въ зданіи мануфактуръ неизбѣжно наводитъ на эти мысли. По мѣховому отдѣлу было всего два-три экспоната, положительно ничѣмъ особеннымъ не выдававшіеся и неизмѣримо уступавшіе американскимъ во всѣхъ отношеніяхъ. Серебряное дѣло и, въ особенности, изящныя бронзы были превосходны; около нихъ была постоянно густая толпа, и почти всѣ экспонаты были проданы по хорошей цѣнѣ еще въ сентябрѣ. Я не сомнѣваюсь, что будь по этимъ отдѣламъ энергичное, толковое, личное представительство хозяевъ, а не коммиссаровъ и факторовъ-евреевъ, непремѣнно должны бы были завязаться прочныя торговыя сношенія, и русскія артистическія серебряныя и бронзовыя вещи нашли бы себѣ въ Америкѣ прекрасный рынокъ.

Блестящимъ, поучительнымъ исключеніемъ по отдѣлу мануфактуръ явился русскій экзибитъ кожъ и кожаныхъ издѣлій, устроенный, впрочемъ, въ отдѣльномъ зданіи, предназначенномъ спеціально для выставки кожанаго производства. Къ сожалѣнію, я не знаю лица, имъ завѣдывавшаго: несомнѣнно, что оно отнеслось къ дѣлу съ интересомъ, энергіей и любовью. И сами по себѣ прекрасные и богатые экспонаты были расположены и выставлены самымъ удовлетворительнымъ образомъ: изящно, красиво, съ толкомъ. Русскій отдѣлъ такъ и бросался въ глаза; онъ былъ не великъ, а несомнѣнно произвелъ большее впечатлѣніе, чѣмъ еслибы былъ вдесятеро больше, но выставленъ съ тою же неряшливостью и небрежностью, которыя такъ и бьютъ въ глаза въ главномъ зданіи.

Зданіе рыбоводства, одно изъ самыхъ красивыхъ и оригинальныхъ, въ то же время и чрезвычайно интересно. Отъ центральнаго

параллелограма идутъ полукругомъ двѣ колоннады, на концахъ которыхъ, въ круглыхъ, окруженныхъ также колоннадами зданіяхъ, расположены акваріумы; въ западномъ—отдѣльныхъ штатовъ; въ восточномъ—федеральнаго правительства. Этотъ послѣдній особенно богатъ и разнообразенъ. Въ центрѣ помѣщенъ открытый бассейнъ, наполненный прѣсноводными рыбами всякаго рода, отъ очень маленькихъ до пятифутовыхъ въ длину. По наружной окружности расположены небольшіе акваріумы, освѣщенные снаружи, съ прѣсноводными же рыбами и амфибіями, а посрединѣ отдѣльнымъ кольцомъ идутъ акваріумы съ морской водой, въ которыхъ видны рыбы и амфибіи Тихаго и Атлантическаго океановъ, начиная съ мелкихъ моллюсковъ и кончая довольно порядочной акулой-людоѣдомъ съ приставшими къ ея брюху прилипалами и гигантскими черепахами Мексиканскаго залива. Морскую воду ежедневно привозятъ въ концентрированномъ видѣ на особыхъ поѣздахъ, и вся эта рыбная выставка устроена чрезвычайно оригинально и интересно, и павильоны съ акваріумами всегда биткомъ набиты публикой, такъ что только съ большимъ трудомъ можно въ нихъ протолкаться.

Въ Соединенныхъ Штатахъ уже много лѣтъ существуетъ рыбная комиссія, учрежденіе, содержимое федеральнымъ правительствомъ съ цѣлью изученія морского и рѣчного рыбнаго дѣла и снабженія желающихъ рыбными выводками. Комиссія эта стоитъ ежегодно большихъ денегъ, владѣетъ своимъ собственнымъ морскимъ и рѣчнымъ флотомъ и сдѣлала очень много для изученія какъ ихтіологіи, такъ, въ особенности, морскихъ теченій и обитателей большихъ морскихъ глубинъ; извѣстный ученый въ этой области, лейтенантъ Мори, нѣкоторыя книги котораго уже давно переведены на русскій языкъ, былъ долгое время въ распоряженіи этой комиссіи. За исключеніемъ семги, водящейся въ огромныхъ количествахъ во всѣхъ рѣкахъ сѣвернаго Тихаго океана, особенно въ рѣкѣ Колумбіи и рѣчкахъ южной части территоріи Аляски, да нѣкоторыхъ видовъ сельдей и трески, кочующихъ на отмеляхъ Нью-Фаундленда, Америка не имѣетъ въ рыбномъ мірѣ достойныхъ представителей; ея стерлядь есть только слабое плохое подобіе волжской, у нея нѣтъ никакихъ другихъ видовъ хрящевыхъ рыбъ, и ея прѣсноводныя рыбы вообще очень мелки и плохи; лосось, trout, разныхъ видовъ очень мелокъ и не представляетъ изъ себя ничего особеннаго, хотя на его распространеніе и употребляются ежегодно большія деньги, такъ какъ, въ сущности, онъ единственная прѣсноводная рыба, мало-

мальски съѣдобная. Россія далеко превосходитъ Соединенные Штаты въ этомъ отношеніи; ея природное рыбное богатство заслуживало бы, по моему мнѣнію, гораздо большаго вниманія; въ зданіи рыбной выставки въ Чикаго имѣется только чрезвычайно жалкое представительство, и то, какъ мнѣ передавали, случайное, такъ какъ какое-то другое государство, кажется Канада, въ послѣднюю минуту отказалось отъ предоставленнаго ему пространства, и оно, съ готовыми платформами и всѣми приспособленіями, было предложено Россіи.

Дворецъ искусствъ, какъ назвали американцы зданіе для выставки живописи и скульптуры, возведенъ въ іоническомъ стилѣ, въ свѣтовомъ отношеніи, говорятъ, представляетъ собою самое совершенное въ мірѣ зданіе для картинной выставки и наполненъ сверху до низу выбранными изъ массы представленныхъ мѣстнымъ комиссіямъ произведеній всѣхъ странъ свѣта. Говорятъ, что, по числу выставленныхъ произведеній, это самая большая картинная выставка изъ всѣхъ, какія существовали до сихъ поръ. Не знаю, насколько это справедливо, но думаю, что, по полнотѣ представительства дѣйствительно всѣхъ націй міра, чикагскій дворецъ искусствъ безусловно занимаетъ первое мѣсто. Дѣло въ томъ, что европейскія политическія осложненія послѣдняго 25-лѣтія, или даже большаго періода, всегда вредили выставкамъ: нѣмцы не посылали своихъ картинъ на французскія выставки, французы—на нѣмецкія и такъ далѣе. Въ Чикаго представлены всѣ націи; мало того, ни одна изъ нихъ не получила и половины того мѣста, какого просила, и потому въ каждомъ случаѣ выставленныя картины составляютъ довольно тщательную выборку изъ массы желавшихъ попасть на выставку художественныхъ произведеній. Во дворцѣ искусствъ всего 200.000 квадратныхъ футовъ стѣнового пространства, изъ которыхъ главную часть, 35.000 кв. ф., заняли сами Соединенные Штаты, которые въ настоящее время считаются самымъ выгоднымъ рынкомъ для европейскихъ картинъ, такъ какъ самые большіе куши за художественныя произведенія всегда платятся именно американцами, публичныя и частныя картинныя галлереи которыхъ справедливо могутъ гордиться тѣмъ, что не жалѣютъ никакихъ денегъ на пріобрѣтеніе выдающихся ежегодно произведеній европейскаго искусства. Я совсѣмъ не считаю себя компетентнымъ художественнымъ критикомъ и потому воздержусь отъ всякихъ описаній; замѣчу только, что выставка произведеній самихъ Соединенныхъ Штатовъ справед-

ливо заслужила всеобщее вниманіе. Самые лучшіе, самые тонкіе иностранные критики были изумлены тѣмъ богатымъ, интереснымъ, разнообразнымъ матеріаломъ, который выставили молодые американскіе художники. Между ними нѣтъ талантовъ съ обширной извѣстностью, нѣтъ ни одного особенно выдающагося имени, — но общее впечатлѣніе массы выставленныхъ ими картинъ чрезвычайно благопріятно. Живые, осмысленные сюжеты, отчетливость исполненія, слѣды дѣльнаго, всесторонняго изученія великихъ учителей искусства, отсутствіе голаго женскаго тѣла и сенсаціонныхъ уловокъ — все это ясно указываетъ на то, что молодые американскіе художники взялись за дѣло съ обычною настойчивостью и обстоятельностью коренныхъ янки; недалеко то время, когда американскія картины будутъ производить надлежащее впечатлѣніе и въ предубѣжденной Европѣ. Еще 50 лѣтъ назадъ американское искусство положительно не существовало; только 25 лѣтъ назадъ стали впервые являться то тутъ, то тамъ одна-двѣ картины, а въ 1893 году уже имѣется на лицо заставляющій останавливаться передъ собой и по количеству, и по качеству экзибитъ. Этотъ экзибитъ, въ связи съ архитектурными и скульптурными чудесами зданій выставки, и способствовалъ больше всего тому перевороту въ оцѣнкѣ современной культуры Соединенныхъ Штатовъ, о которомъ я подробно говорилъ въ одной изъ предыдущихъ главъ.

Русскій отдѣлъ во дворцѣ искусствъ не великъ: одна большая и одна маленькая зала вмѣщаютъ его весь. Къ сожалѣнію, насколько мнѣ извѣстно, не выставлено ни одной новой картины; все выдающееся знакомо уже публикѣ болѣе или менѣе по гравюрамъ и описаніямъ. Лично для меня всего болѣе интереснымъ оказался завѣдующій отдѣломъ, знаменитый когда-то творецъ „Перваго шага", скульпторъ Ѳ. Ѳ. Каменскій. Онъ уже много лѣтъ не работаетъ совсѣмъ; переселившись, лѣтъ пятнадцать тому назадъ, въ Америку, онъ имѣлъ несчастіе быть ушибленнымъ лошадью въ голову; ушибъ этотъ подѣйствовалъ на него нравственно и физически, и отъ когда-то замѣчательнаго артиста осталась теперь одна тѣнь.

Въ машинномъ холлѣ, огромномъ зданіи съ обширными пристройками, Соединеннымъ Штатамъ принадлежитъ безусловное, безспорное первенство. Нужно было видѣть эту выставку, чтобы быть въ состояніи вполнѣ оцѣнить всю эту экономію человѣческаго труда, всю ту изумительную изобрѣтательность въ дѣлѣ облегченія человѣка и усиленія его производительности по всѣмъ рѣшительно отра-

слямъ его дѣятельности, которыхъ достигло современное американское машинное дѣло. Могучія паровыя машины огромныхъ размѣровъ (говорятъ, нѣкоторыя изъ нихъ—самыя большія въ свѣтѣ) приводятъ въ движеніе, кажется, безконечное количество самыхъ разнообразныхъ машинъ; всякое производство имѣетъ своихъ представителей и показываетъ изумленному посѣтителю всю сложную и интересную процедуру производства. Въ этомъ холлѣ дѣлаютъ бумагу, ткутъ платки, чулки и сувениры, печатаютъ газеты и рисунки красками, дѣлаютъ гвозди и проволоку, обрабатываютъ дерево во всѣхъ видахъ, моютъ посуду; словомъ, показываютъ вамъ воочію, какъ дѣлается все, что̀ вы носите, что̀ употребляете и въ чемъ живете и движетесь. Въ американскомъ отдѣлѣ, занимающемъ добрую половину пространства, почти у всякаго экзибита есть спеціальный представитель, объясняющій всѣ детали; въ теченіе какого-нибудь получаса, вы наглядно узнали объ извѣстномъ производствѣ больше и основательнѣе, чѣмъ дали бы вамъ обширныя, сравнительно, книги, съ его описаніемъ. Превосходство американскихъ системъ и методовъ всего лучше иллюстрировано этими работающими на глазахъ публики экзибитами; напримѣръ, по дерево-обрабатывающему дѣлу, нѣмцы и англичане тоже выставили нѣсколько машинъ, конечно, считающихся въ настоящее время наилучшими въ ихъ родѣ, а какъ далеко онѣ оставлены позади американцами! Я имѣю основаніе считать себя практикомъ-спеціалистомъ по этому дѣлу, провозившись съ нимъ больше десяти лѣтъ; я знаю каждую машину, могу самъ уставить ее и вижу сразу ея преимущества и недостатки. Нѣмецкія и англійскія машины гораздо грузнѣе, сложнѣе и, конечно, дороже. Кромѣ того, онѣ далеко не такъ подвижны, какъ американскія, то-есть не могутъ дѣлать такую же разнообразную, относительно, работу; американскія машины, особенно строгальныя разныхъ сортовъ, съ незначительными добавочными приспособленіями, могутъ производить гораздо болѣе оконченную работу; въ то время какъ европейская, сдѣлавъ что-нибудь одно, непремѣнно оставитъ добавочную работу, которую необходимо потомъ додѣлывать руками, американская заканчиваетъ сразу все, что нужно. Разнообразіе и законченность этихъ американскихъ машинъ дѣйствительно изумительны; нѣтъ такой работы, которой бы онѣ не могли дѣлать; даже рѣзное дѣло, самое затруднительное, дорогое и обыкновенно оригинальное, имѣетъ нѣсколько представителей, производящихъ не только удовлетворительную, но и очень хорошую, артистическую работу и

удешевляющихъ дѣло въ десять-двадцать разъ. Одна изъ новыхъ рѣзныхъ машинъ дѣлаетъ пять оттисковъ заразъ, и не только горельефныхъ, но и воспроизводящихъ цѣлыя статуэки, обработанныя со всѣхъ сторонъ, причемъ не требуется никакой опытности; снимки получаются абсолютно одинаковые съ оригиналомъ, благодаря изумительно остроумному механизму, силой пара воспроизводящему оригиналъ во всѣхъ его деталяхъ.

Говоря о машинахъ, нельзя не упомянуть о стеклянномъ производствѣ, имѣющемъ на выставкѣ двухъ представителей, выставившихъ цѣлые заводы въ отдѣльныхъ зданіяхъ. Стеклянное дѣло доведено въ Америкѣ до того, что дѣлаются съ успѣхомъ прекрасныя ткани, гибкія и крѣпкія, съ особымъ стекляннымъ отблескомъ, очень эффектнымъ особенно при электрическомъ освѣщеніи. Дѣлаютъ не только различныя бездѣлушки, вродѣ галстуховъ, которые можно мыть, развязывать и завязывать, но и цѣлыя дамскія платья. Испанской инфантѣ Евлаліи было поднесено великолѣпное бальное платье, которое выставлено въ особой витринѣ, и глядя на которое никакъ нельзя подумать, что оно все, отъ первой до послѣдней нитки, сдѣлано изъ тонкихъ нитей обыкновеннаго разноцвѣтнаго стекла. Въ машинномъ отдѣлѣ совсѣмъ нѣтъ русскаго отдѣла, какъ будто бы Россія и не существовала на бѣломъ свѣтѣ. Оффиціальный каталогъ указываетъ, правда, на нѣсколько незначительныхъ экзибитовъ, но они затерты въ какомъ-то недосягаемомъ углу: я такъ и не могъ ихъ найти.

Но самые быстрые успѣхи, достигнутые человѣчествомъ въ теченіе послѣднихъ десятилѣтій, несомнѣнно сдѣланы имъ въ области электричества, и зданіе электрической выставки въ Чикаго является безусловно самымъ интереснымъ изъ всѣхъ. Еще въ 1876 году, на столѣтней филадельфійской выставкѣ, электричество стояло на самомъ заднемъ планѣ, и даже то незначительное пространство, которое было отведено для него, было пусто на половину; были выставлены, въ сущности, только школьные аппараты да экспериментальные, грубые, примитивные инструменты, лишь слабые намеки на изобрѣтенія будущаго, изобрѣтенія, развившіяся, въ теченіе немногихъ прошедшихъ со времени этой выставки лѣтъ, до современныхъ громадныхъ размѣровъ чуть-ли не по всѣмъ отраслямъ человѣческой дѣятельности. Къ сожалѣнію, я совсѣмъ не знакомъ съ русской терминологіей современнаго электрическаго дѣла, и потому мнѣ было бы крайне трудно заняться описаніемъ всѣхъ тѣхъ чудесъ, которыя выставлены

въ электрическомъ зданіи; я могу только обратить вниманіе читателя на то, что электричество въ настоящее время захватываетъ все большій и большій районъ: тогда какъ 15 лѣтъ тому назадъ существовали только, сравнительно, неудачные, неопредѣленные способы освѣщенія, теперь электрическое освѣщеніе сдѣлалось абсолютной необходимостью, и здѣсь, въ Америкѣ, начинаетъ совершенно вытѣснять не только керосинъ, но и газъ въ частныхъ домахъ; что въ металлургіи оно пріобрѣтаетъ все бо́льшее и бо́льшее значеніе, такъ какъ его примѣненіе сдѣлало возможнымъ сварку всѣхъ рѣшительно металловъ, доселѣ невозможную; что въ дѣлѣ передачи не только звуковъ, но и письма, и даже рисунка, оно грозитъ вытѣснить телеграфъ; и, наконецъ, что въ дѣлѣ силы оно не только является успѣшнымъ конкуррентомъ пара, но и его несомнѣннымъ, ближайшимъ преемникомъ: паръ отжилъ свое время, и недалекъ тотъ часъ, когда паровой котелъ и паровая машина перейдутъ въ музеи; электричество окажется и дешевле, и удобнѣе, и сильнѣе пара. И теперь уже сила электричества, равная сотнямъ лошадиныхъ силъ и самымъ большимъ паровымъ машинамъ, передается по тонкой проволокѣ за сотни миль; и теперь имѣются успѣшныя приспособленія къ сохраненію этой силы въ особыхъ, не слишкомъ большихъ и громоздкихъ аппаратахъ; и теперь силы прилива и отлива, водопадовъ и даже солнечныхъ лучей, извѣстнымъ образомъ собранныя и сохраненныя, съ успѣхомъ употребляются какъ генераторы электричества. Трудно представить себѣ, что дастъ въ этомъ направленіи даже слѣдующее десятилѣтіе, но несомнѣнно, что и настоящіе успѣхи совсѣмъ оставили паръ въ тѣни. Вполнѣ можно ожидать, что не сегодня—завтра электрическіе моторы достигнутъ такого совершенства, что придется свалить въ сарай весь современный желѣзнодорожный подвижной составъ и, въ особенности, локомотивы; а если читатель приметъ въ соображеніе, какой громадный капиталъ представляетъ собою этотъ составъ, то онъ и пойметъ, почему желѣзнодорожники-практики такъ неохотно заказываютъ теперь новые локомотивы и почему они, такъ сказать, со страхомъ слѣдятъ за успѣхомъ электричества.

На лагунахъ выставки есть небольшія яхты, которыя, зарядивъ электричествомъ съ берега свои моторы, могутъ, въ теченіе цѣлыхъ трехъ часовъ, ходить со скоростью 8 узловъ въ часъ; на электрическихъ уличныхъ дорогахъ есть вагоны, дѣлающіе то же самое, и сильная въ финансовомъ отношеніи компанія въ настоящую минуту

строитъ электрическую дорогу отъ Чикаго до Санъ-Луиса, быстрота поѣздовъ которой будетъ съ самаго начала достигать ста миль въ часъ. Правда, существуютъ желѣзнодорожные локомотивы, достигающіе этой же быстроты: New-York Central R. R., которая, вмѣстѣ съ Pensylvania R. R., считается самой благоустроенной, самой богатой желѣзнодорожной компаніей Соединенныхъ Штатовъ, недавно построила такой локомотивъ; но механики, теоретики и практики единогласно признаютъ, что въ нихъ достигнутъ возможный предѣлъ быстроты какъ относительно силы сопротивленія воздуха, такъ и относительно діаметра движущихъ колесъ и размѣровъ очага, и что быстрота эта, возможная для отдѣльнаго локомотива, невозможна для цѣлаго поѣзда, тогда какъ въ электрическихъ моторахъ указанный случай представляетъ, въ сущности, только первый опытъ этого рода. Быстрота желѣзнодорожнаго сообщенія имѣетъ въ Америкѣ первостепенное значеніе: разстоянія здѣсь огромныя, время дорого; изъ 10 случаевъ въ 9 американецъ предпочитаетъ быстрѣйшій путь, не смотря ни на опасность, ни на рискъ, и новая электрическая дорога, обѣщающая доставлять публику изъ Чикаго въ Санъ-Луисъ въ 5 часовъ, тогда какъ обыкновенныя паровыя линіи требуютъ 15, несомнѣнно убьетъ на нихъ всякое пассажирское движеніе. Желѣзнодорожникамъ есть надъ чѣмъ призадуматься, а съ ними и финансистамъ, и всей той массѣ публики, которая живетъ на доходы современныхъ желѣзнодорожныхъ линій.

Интенсивность, а главное — равномѣрность и постоянство развиваемой современнымъ электрическимъ аппаратомъ теплоты сдѣлала возможнымъ не только сварку стали въ огромныхъ размѣрахъ и не стѣсняясь мѣстомъ (опыты сварки стальныхъ желѣзнодорожныхъ рельсовъ, вмѣсто скрѣпленія ихъ несовершенными винтовыми приспособленіями, удались до чрезвычайности, и аппаратъ профессора Томсона, по простотѣ, дешевизнѣ процесса и практичности, уже признанъ дѣловымъ американскимъ міромъ, какъ одинъ изъ наиболѣе важныхъ шаговъ впередъ въ желѣзнодоржномъ дѣлѣ вообще), но и сварку стали со всѣми другими металлами, нѣчто до сихъ поръ совершенно недостижимое. Въ телеграфномъ дѣлѣ добились того, что одна и та же проволока можетъ передавать въ одно время до 72 депешъ въ противоположныхъ направленіяхъ; посредствомъ телефоновъ люди разговариваютъ съ большимъ удобствомъ на разстояніи слишкомъ тысячи миль, между городами Нью-Іоркомъ и Чикаго, и собираются разговаривать въ ближайшемъ будущемъ и между Англіей и Аме-

рикой, чрезъ Атлантическій океанъ; а посредствомъ пишущаго телеграфа доктора Грэя, недавно изобрѣтеннаго, не только передаютъ съ абсолютной точностью написанную и подписанную самимъ отправителемъ депешу, дѣлая, такимъ образомъ, возможнымъ собственноручную подпись документовъ за тысячи миль, но и рисунки, и даже фотографіи. Наконецъ, въ современной физикѣ послѣднія открытія въ области электричества совершенно измѣнили даже основное понятіе о стихіяхъ. Свѣтъ уже не можетъ быть отнесенъ къ разряду отдѣльныхъ физическихъ стихій, такъ какъ доказано, что онъ не что иное, какъ электро-магнитная волна.

V.

На меня лично особенное впечатлѣніе произвела выставка народнаго образованія, скромно помѣстившаяся во второмъ этажѣ, или, правильнѣе, галлереѣ зданія мануфактуръ и прикладныхъ искусствъ. Больше трехъ-четвертей всего пространства, занимавшаго южную половину галлереи, принадлежало Соединеннымъ Штатамъ. Не только всѣ штаты, но и многіе большіе города и даже отдѣльныя учебныя заведенія имѣли на ней особые экзибиты, и притомъ содержали при нихъ въ теченіе всей выставки особыхъ представителей для объясненія экзибитовъ посѣтителямъ. Читателю, вѣроятно, извѣстно, что въ Союзѣ народное образованіе не есть дѣло государственное, что федеральное правительство не имѣетъ къ нему ни малѣйшаго касательства, и что находится оно всецѣло въ завѣдываніи отдѣльныхъ штатовъ и территорій. Въ сущности, эту выставку составляютъ пятьдесятъ отдѣльныхъ государствъ, изъ которыхъ каждое имѣетъ свою самостоятельную систему, свои программы, свои учебники, свой бюджетъ и свои порядки. Отчетъ управляющаго народнымъ образованіемъ штата мѣстной легислатурѣ, печатаемый полностью для каждой сессіи за истекшій срокъ, обыкновенно двухлѣтній, даетъ общее понятіе о дѣлѣ образованія въ каждомъ штатѣ; кромѣ этихъ общихъ отчетовъ, имѣются отчеты управляющихъ школами отдѣльныхъ графствъ и городовъ, отчеты обыкновенно очень полные, обстоятельные, снабженные не только статистическими данными, но и очень цѣнными докладами отдѣльныхъ членовъ школьныхъ совѣтовъ по всѣмъ отраслямъ народнаго образованія. Не только эти общіе отчеты, сами по себѣ составляющіе драгоцѣнный матеріалъ, но и отчеты по разнымъ спеціальнымъ учебнымъ заведеніямъ, включаю-

щіе ихъ програмы и курсы, образцы учебныхъ пособій и т. д., раздаются безплатно всѣмъ интересующимся дѣломъ народнаго образованія; а экзибиты нѣкоторыхъ штатовъ такъ полны и обстоятельны, начиная съ работъ и методовъ дѣтскихъ садовъ и кончая спеціальными высшими университетами, что выставка въ Чикаго даетъ полную возможность изучить всѣ стороны дѣла, не выходя изъ галлереи, ее заключающей. Всѣ наиболѣе извѣстные университеты, какъ Харвардъ, Уэль, Принстонъ, Корнель, Хопкинсъ, и высшія женскія школы, какъ Вассаръ и Веслей, имѣютъ и отдѣльные экзибиты и отдѣльныхъ лицъ при нихъ для объясненій и справокъ; вѣроятно, никогда прежде не было собрано вмѣстѣ съ такой полностью и наглядностью все, что сдѣлано до сихъ поръ въ Соединенныхъ Штатахъ по этому предмету. Одинъ взглядъ на растушеванныя, очень значительнаго масштаба, карты грамотности и издержекъ на народное образованіе, составленныя чрезвычайно тщательно и наглядно по самымъ послѣднимъ даннымъ, даетъ ясное понятіе о современномъ положеніи этого дѣла въ Союзѣ. Тогда какъ Новая Англія и дальній Западъ почти свободны отъ язвы безграмотности, издерживая около 4 долларовъ въ годъ per capita своего населенія и около 18 долларовъ на каждаго ребенка въ школьномъ возрастѣ на народное образованіе, штаты Юга, въ особенности сѣверная и южная Каролины, Джорджія, Алабама, Миссисипи и Луизіана, даютъ отъ 18 до 23% неграмотныхъ и издерживаютъ, въ среднемъ, не болѣе 50 центовъ въ годъ per capita и только около 3 долл. на каждаго ребенка въ школьномъ возрастѣ. Штаты Новой Англіи, съ Массачузетсомъ во главѣ, были бы абсолютно свободны отъ безграмотности, еслибы не сотни тысячъ ежегодной безграмотной европейской иммиграціи, значительный процентъ которой осѣдаетъ въ большихъ городахъ Востока; хотя дѣти этихъ эмигрантовъ насильно посылаются въ школу, взрослыхъ уже поздно учить, и они-то и составляютъ тѣ $^3/_4$% безграмотныхъ во всемъ населеніи, которые показываетъ статистика штатовъ Массачузетса и Родъ-Айлэндъ. Меня особенно поразили разнообразіе, полнота и богатство выставки римско-католическихъ учебныхъ заведеній, занимающей львиную долю пространства въ восточной галлереѣ. Лучшіе умы Америки и всѣ ея спеціалисты по дѣлу народнаго образованія уже давно ратуютъ и противъ частныхъ школъ вообще, и противъ сектантскихъ учебныхъ заведеній въ особенности. Идеаломъ государственной постановки дѣла народнаго образованія они считаютъ равномѣрность образованія, а

она недостижима при существованіи частныхъ школъ, програмы и порядки которыхъ не подчинены вполнѣ контролю государства. Римско-католическая церковь, всегда и вездѣ сильная, энергическая и настойчивая, всегда была и въ настоящее время состоитъ самымъ сильнымъ противникомъ этихъ тенденцій, противникомъ наиболѣе успѣшнымъ и опаснымъ. Католики, по послѣднему цензу, составляютъ только немного меньше цѣлой четверти всего сѣверо-американскаго населенія, и добрыя двѣ-трети этой четверти состоятъ изъ невѣжественныхъ южныхъ нѣмцевъ и поляковъ, а въ особенности итальянцевъ и ирландцевъ, громадное большинство которыхъ привозитъ съ собою изъ Европы всѣ крѣпостнически-рабскіе элементы католичества, въ которыхъ они были тамъ рождены и возрощены, и даетъ богатѣйшую почву католическому духовенству въ его вѣчной погонѣ за образованіемъ государства въ государствѣ. Эти безобразныя вліянія, и безъ того сильныя сами по себѣ, тщательно поддерживаются и по сю сторону Атлантическаго океана всѣми тѣми способами, на которые такъ богато и такъ падко католическое духовенство, и, въ концѣ концовъ, получается нѣчто чрезвычайно обособленное и цѣлое, при всякомъ удобномъ случаѣ дающее себя чувствовать всему его окружающему. Само собою разумѣется, что народное образованіе, всегда бывшее однимъ изъ самыхъ дѣйствительныхъ факторовъ подчиненія человѣческой мысли въ извѣстномъ направленіи, и въ этомъ случаѣ является однимъ изъ самыхъ существенныхъ пособниковъ католицизма. Его школы въ Союзѣ не только хороши и безплатны, но и обыкновенно обладаютъ разными приманками для родителей. Чтобы заманить въ нихъ протестантскихъ дѣтей, прелаты часто доставляютъ работу и выгодныя мѣста отцамъ и матерямъ, выдаютъ временныя пособія, подаютъ медицинскую и легальную помощь, и, закабаливъ этими услугами родителей, закабаляютъ и совѣсть дѣтей. Конституція Соединенныхъ Штатовъ навсегда обезпечиваетъ свободу религіи всякому гражданину страны, и католицизмъ самымъ широкимъ образомъ пользуется этой свободой; онъ не боится враждебныхъ законодательствъ, и, въ особенности за послѣднее десятилѣтіе, Римъ обратилъ на Америку пристальное вниманіе, какъ на почву особенно пригодную для распространенія какъ католицизма, такъ и всего того, что съ нимъ неразрывно связано.

За самое послѣднее время свободолюбивый янки началъ чувствовать послѣдствія этихъ усилій и, не имѣя возможности бороться съ ними законодательнымъ путемъ, началъ принимать мѣры къ тому

чтобы, посредствомъ частной пропаганды и частныхъ усилій, положить, наконецъ, предѣлъ успѣхамъ грозящаго его свободѣ католицизма. Anti catholic protection assossiation — частная лига, основанная противниками закабаленія католическими прелатами и молодого поколѣнія, и его отцовъ и матерей, организованная всего два года тому назадъ, энергично выступила на публичную арену и съумѣла привлечь къ себѣ и общественное вниманіе, и общественныя симпатіи. Новая Англія была колыбелью этой лиги, но теперь она распространилась и на многіе штаты Запада и мало-по-малу захватываетъ всю страну. Въ Индіанѣ, Охайо и Мишигэнѣ лига эта уже объявила безпощадную войну католицизму; она не только пробралась въ политику и захватила мѣстныя легислатуры, но и свирѣпо гонитъ католиковъ въ частной жизни вездѣ, гдѣ встрѣчается съ ними. Исторія подобныхъ движеній въ Союзѣ чрезвычайно разнообразна; никакъ нельзя сказать, чѣмъ окончится это, но несомнѣнно, что тому ловленію рыбы въ мутной водѣ, которымъ католическіе прелаты съ такимъ успѣхомъ занимались, въ теченіе президентской кампаніи 1892 года, во многихъ западныхъ штатахъ, особенно въ Иллинойсѣ и Висконсинѣ, наступилъ конецъ. Отъ легислатуръ этихъ двухъ штатовъ, находящихся въ ихъ рукахъ, католики за послѣднее время добились крайне существенныхъ измѣненій школьнаго законодательства, но, какъ нерѣдко съ ними случается, они зарвались и, опьяненные неожиданнымъ успѣхомъ, запустили свою лапу слишкомъ глубоко: реакція и агитація лиги раскрыли ихъ себялюбивую игру, и нѣтъ сомнѣнія, что ихъ продѣлки обрушатся на ихъ же голову въ самомъ ближайшемъ будущемъ.

Американская литература выставки разрослась до грандіозныхъ, неизвѣстныхъ Европѣ размѣровъ. Я не говорю уже о спеціальныхъ, посвященныхъ исключительно выставкѣ, изданіяхъ, имя которымъ — легіонъ; нѣкоторыя изъ нихъ, помимо талантливыхъ описаній и обобщеній, дали и громадную массу великолѣпныхъ иллюстрацій; вся пресса страны, начиная отъ самыхъ вліятельныхъ, самыхъ распространенныхъ журналовъ и газетъ и кончая мелкими мѣстными еженедѣльными изданіями, отвела выставкѣ особые отдѣлы, полные иногда талантливыхъ и серьезныхъ, иногда скучныхъ и одностороннихъ, но всегда съ жадностью читавшихся публикой статей. Всякое мало-мальски значительное изданіе имѣло на выставкѣ своихъ собственныхъ корреспондентовъ; всѣ иллюстрированные журналы —

своихъ собственныхъ художниковъ; давались не только рисунки зданій, экзибитовъ и, такъ сказать, аксессуаровъ выставки, но и художественное воспроизведеніе выдававшихся на ней событій и празднествъ, а главное, типы посѣтителей, иногда чрезвычайно характерные и удачные. Всѣ большіе журналы выпустили спеціальные, посвященные выставкѣ нумера, съ цѣлыми десятками статей особенно выдающихся публицистовъ и спеціалистовъ, трактующихъ съ самыхъ разнообразныхъ точекъ зрѣнія о всевозможныхъ сюжетахъ, вызванныхъ выставкой. Насколько мнѣ извѣстно (а я внимательно слѣдилъ и за прессой, и за книгами, вышедшими по поводу выставки), до настоящаго момента не было сдѣлано попытки дать обстоятельное описаніе всей выставки въ одномъ трудѣ. Ея литература, какъ я уже упомянулъ, грандіозна; имѣется масса матеріала, чрезвычайно цѣннаго, по всѣмъ отраслямъ, но даже предпріимчивый и ни передъ чѣмъ не отступающій янки долженъ былъ отступить передъ необъятностью выставки, какъ цѣлаго, и отказаться отъ мысли дать полное общее описаніе, хотя до открытія нѣсколько фирмъ заблаговременно обѣщались дать такое описаніе. Теперь для всѣхъ стало ясно, что это немыслимо: матерьялъ такъ великъ, что нѣтъ возможности съ нимъ справиться хоть сколько-нибудь удовлетворительно.

Европейцевъ и вообще иностранцевъ на выставкѣ было, сравнительно, очень немного, гораздо меньше, чѣмъ ожидалось до ея открытія. Кромѣ того, было замѣчено, что ихъ вообще было гораздо больше въ теченіе первыхъ мѣсяцевъ, когда выставка еще не вполнѣ вошла въ колею, чѣмъ въ теченіе послѣднихъ, когда дѣло шло ровнѣе, и сгладились тѣ шероховатости и несообразности, которыя были неизбѣжными послѣдствіями новизны, и главное, громадности дѣла. Причинъ къ такому кажущемуся равнодушію, конечно, очень много. Сами американцы, обыкновенно весьма чувствително къ мнѣнію Европы относительно очень многаго, касающагося ихъ самихъ, до извѣстной степени, обижены этимъ равнодушіемъ; ихъ самолюбіе, сознающее, что выставка не только дѣйствительно удалась, но и далеко превзошла во всѣхъ отношеніяхъ все, что было до сихъ поръ сдѣлано человѣчествомъ въ этомъ направленіи, уязвлено, и тонъ печати по этому предмету ядовитъ и, очевидно, не спокоенъ. Указываютъ, напримѣръ, на тотъ фактъ, что послѣднюю парижскую всемірную выставку 1889 года посѣ-

тили, согласно оффиціальнымъ даннымъ, не менѣе 90.000 сѣвероамериканцевъ, тогда какъ на выставку 1893 года пріѣхало въ Чикаго не болѣе 5.000 французовъ; комментаріи къ этимъ цифрамъ едва ли нужны, и Америка, конечно, имѣетъ право претендовать на то, что Европа не отвѣтила ей съ той же щедростью, какую она обыкновенно проявляетъ сама относительно предпріятій подобнаго рода въ Европѣ.

Главной причиной этого равнодушія, по всей вѣроятности, послужило стереотипное мнѣніе Европы о Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ вообще; мнѣніе, о которомъ я уже имѣлъ случай говорить въ одной изъ предыдущихъ главъ, и которое, будемъ надѣяться, до извѣстной степени, измѣнится именно благодаря Колумбійской выставкѣ. Европа вообще очень мало знаетъ Америку; Атлантическій океанъ, само собой разумѣется, отвѣтственъ, до извѣстной степени, за это незнаніе, такъ какъ тысячи людей, готовые на какое угодно далекое путешествіе сухимъ путемъ, боятся моря, какъ огня, и не рѣшаются посѣтить даже Англію, не только Америку, хотя въ дѣйствительности морское путешествіе на современныхъ первоклассныхъ трансатлантическихъ пароходахъ, работающихъ между Европой и Америкой, конечно, безопаснѣе желѣзнодорожнаго; за послѣднее двадцатипятилѣтіе съ пассажирами этихъ пароходовъ не было ни одного несчастнаго случая, и даже не существуетъ страхованія жизни для этихъ переѣздовъ; страховые агенты посмѣются надъ вами, если вы заявите желаніе застраховаться на случай поѣздки черезъ Атлантическій океанъ. Другой серьезной причиной незначительности числа европейскихъ посѣтителей признаютъ ту финансовую неурядицу и промышленный застой, отъ которыхъ главныя государства Европы и до сихъ поръ не могутъ справиться послѣ паденія Беринговъ въ Лондонѣ и послѣдовавшихъ за нимъ банкротствъ. Потрясенія эти отозвались несомнѣнно гораздо глубже и существеннѣе на общемъ благосостояніи, чѣмъ это признавала въ то время европейская и, въ особенности, англійская пресса. Южно-американскія пертурбаціи и австралійская ликвидація многолѣтнихъ безумныхъ спекуляцій, повлекшія за собою многомилліонные убытки именно въ тѣхъ классахъ западно-европейскаго населенія, которые обыкновенно составляютъ большинство путешествующей публики, не могли не отозваться и на числѣ туристовъ въ Америку, тѣмъ болѣе, что такая поѣздка сопряжена съ значительнымъ расходомъ. Въ этомъ отношеніи очень много повредили выставкѣ сенсаціонныя извѣстія

первыхъ прибывшихъ на нее европейцевъ, несъумѣвшихъ дешево устроиться и испугавшихъ многихъ намѣревавшихся посѣтить ее лицъ будто бы баснословной дороговизной жизни въ Чикаго. Въ Америкѣ—да я думаю, и во всякой другой странѣ—трактирщики и ресторанщики охулки на руку не положатъ, если представится къ тому возможность; нужно знать, гдѣ и какъ остановиться, гдѣ ѣсть и пить, и какъ ѣздить, и какъ вообще пользоваться всѣми удобствами. Если вы занимаете двѣ-три комнаты въ первоклассномъ отелѣ, въ центрѣ города, ѣдите въ модномъ ресторанѣ, ѣздите въ каретѣ,—конечно, ваши расходы въ какую-нибудь недѣлю могутъ достигнуть весьма почтенныхъ цифръ. А въ то же время умѣлый американецъ, знающій условія американской жизни, будетъ пользоваться всѣми удобствами жизни за одну десятую вашихъ расходовъ. Тогда какъ нѣкоторые русскіе передавали мнѣ, что квартира и столъ стóили имъ по десяти долларовъ въ сутки, самъ я и нѣкоторые другіе жили очень комфортабельно на полтора доллара въ день,—и несомнѣнно, что, хотя, конечно, въ Чикаго въ теченіе выставки и существовало нѣкоторое поднятіе цѣнъ почти на все необходимое, поднятіе совершенно неизбѣжное въ виду такого исключительнаго явленія какъ всемірная выставка съ 22 милліонами посѣтителей въ шесть мѣсяцевъ, тѣмъ не менѣе, поднятіе это было, сравнительно, очень незначительно, не представляло собою ничего изъ ряду вонъ выходящаго и несомнѣнно было раздуто гораздо больше, чѣмъ оно того заслуживало.

Я уже упоминалъ выше о причинахъ, задерживавшихъ до значительной степени посѣщеніе выставки самими американцами, особенно въ теченіе первыхъ мѣсяцевъ. Я лично знаю десятки людей, которые собирались ѣхать и непремѣнно бы поѣхали при обыкновенныхъ обстоятельствахъ, но были удержаны финансовой паникой и „зажатіемъ“ денегъ перепуганными капиталистами. Подорванное къ прочности положенія довѣріе до сихъ поръ не возстановлено.

Созванная президентомъ экстренная сессія конгресса, послѣ упорной, небывалой въ лѣтописяхъ американскаго парламента борьбы не между двумя политическими партіями, а между защитниками и противниками биметаллизма, только на-дняхъ окончилась безусловной побѣдой противниковъ серебра; въ созывавшей конгрессъ прокламаціи Кливелэндъ ясно и точно отнесъ существующій застой въ дѣлахъ исключительно къ акту Шермана и требовалъ безусловной

его отмѣны. Отмѣна эта достигнута, и достигнута именно такъ, какъ этого желалъ президентъ,—безусловно.

Защитники серебра тщетно старались задержать эту мѣру всяческими правдами и неправдами, и еще два мѣсяца тому назадъ было ясно для каждаго мыслящаго человѣка, что ихъ борьба была безнадежна, и что, когда они истощатъ всѣ парламентскія уловки, придуманныя новѣйшимъ обструкціонизмомъ, актъ Шермана будетъ безусловно отмѣненъ. Поэтому всѣ его ожидавшіяся благія послѣдствія, въ общемъ крайне сомнительныя и, во всякомъ случаѣ, односороннія, уже давно впередъ дисконтированы финансовымъ міромъ,—а между тѣмъ облегченія не чувствуется, и деньги такъ же рѣдки и дороги теперь, какъ онѣ были рѣдки и дороги и шесть мѣсяцевъ тому назадъ. Даже для самыхъ ярыхъ защитниковъ администраціи начинаетъ дѣлаться очевиднымъ, что не въ одномъ серебрѣ заключается причина безпримѣрнаго застоя, безпримѣрной безработицы и всего съ ними неразрывно связаннаго. Колумбійская выставка, на которую разсчитывали весьма многіе, уже закрыта, и закрыта, достигнувъ колоссальнаго успѣха и доказавъ безусловно громадное богатство и безграничные рессурсы страны,—а застой и безработица не только продолжаются, но и усиливаются мало-по-малу. Государственные доходы падаютъ съ каждымъ мѣсяцемъ, золотой резервъ государственнаго казначейства упалъ до 84 милліоновъ и падаетъ съ каждымъ днемъ; расходы превысили доходы, и въ первый разъ, въ теченіе послѣднихъ двадцати лѣтъ, государственный долгъ не только не уменьшился за три истекшіе мѣсяца съ начала финансоваго года, 1-го прошлаго іюля, но и увеличился на нѣсколько милліоновъ.

Мнѣ очень непріятно заканчивать настоящую статью извѣстіемъ объ убійствѣ мэйора города Чикаго, Картера Харрисона, одного изъ самыхъ главныхъ виновниковъ успѣха Колумбійской выставки и одного изъ самыхъ выдающихся общественныхъ дѣятелей всего Союза. Доживи Харрисонъ до 1896 года, онъ бы несомнѣнно явился однимъ изъ самыхъ серьезныхъ претендентовъ на назначеніе демократами въ президенты. Убитый былъ самымъ типичнымъ представителемъ современныхъ политическихъ дѣльцовъ Запада. Еще въ ранней молодости, безъ гроша въ карманѣ, онъ выбралъ Чикаго ареной для своихъ похожденій, быстро достигъ извѣстности, составилъ себѣ огромное состояніе и пять разъ выбирался мэйоромъ города,

не смотря на ожесточенную оппозицію духовенства и почти всѣхъ безъ исключенія состоятельныхъ элементовъ. Онъ въ чрезвычайно значительной степени обладалъ тѣмъ, что въ Америкѣ зовутъ личнымъ магнетизмомъ—умѣлъ руководить массами и почти безапелляціонно распоряжался всѣми низшими, невѣжественными элементами населенія, включая нѣмцевъ, ирландцевъ и поляковъ. Харрисонъ былъ одинъ изъ тѣхъ немногихъ людей, которые умѣютъ съ одинаковымъ успѣхомъ вести дѣло и съ иностранными принцессами и нотаблями, и съ кабачными завсегдатаями и шулерами по профессіи; онъ былъ вездѣ какъ дома, то утонченно любезный и представительный, то за панибрата съ самыми низшими подонками самыхъ отчаянныхъ кварталовъ. Его мало кто уважалъ, зато всѣ или боялись, или любили. Это онъ гналъ Чикаго впередъ за послѣднее десятилѣтіе, это онъ сплотилъ его въ одно могучее цѣлое; зато онъ же развратилъ и его полицію, и его суды, и его городское управленіе, и онъ-же перевелъ и городъ, и штатъ Иллинойсъ изъ республиканской колонны въ демократическую, соединивъ въ одно самые разнородные элементы и искуснымъ образомъ воспользовавшись и католицизмомъ, и анархизмомъ, и всѣмъ, что только могло служить его цѣлямъ.

ОПЕЧАТКИ.

Стран.	*Строка.*	*Напечатано.*	*Слѣдуетъ.*
10	10 снизу	fine	pine
»	20 »	Каролинѣ	Каролины
11	13 сверху	уничтожилъ	уничтожалъ
12	15 »	Нью-джетъ	Пюджетъ
22	2 »	34	24
23	2 »	Siattle	Seattle
31	10 »	зачѣмъ	зачѣмъ;
32	12 »	миннеполиская	миннеапольская
33	10 »	Миннеполисѣ	Миннеаполисѣ
35	13 и 20 сверху	Роксфеллеръ	Рокфеллеръ
36	1 и 2 снизу	бочкѣ, гвоздей	бочкѣ гвоздей,
47	12 снизу	рефриджерсторы	рефриджерэторы refrigerator
48	12 »	замтѣъ	затѣмъ
55	16 сверху	Детрайтѣ	Детройтѣ
57	8 сверху	Фрисмонтъ	Фримонтъ Fremont
58	13 »	гдѣ	тамъ
60	18 снизу	сотни	сотенъ
66	1 сверху	компаніи	кампаніи
67	4 сверху	терроромъ	тарифомъ
69	15 и 20 снизу	Gerrymauder	Gerrymander
70	5 сверху	четные	четыре
71, 72, 73 и 74 вездѣ вмѣсто «компанія» слѣдуетъ «кампанія»			
73	11 снизу	классамъ	кассамъ
»	6 »	тексты	тикеты
75	19 »	сессіи	сецессіи
76	3 »	кабальной	кабачной
77	16 и 17 сверху	штаты, и города	штата и города
78	12 сверху	естествовѣденію, такъ и въ прочихъ наукахъ	физическому сложенію, такъ и въ наукахъ
»	16 снизу	надъ нимъ стоятъ	за нимъ слѣдуютъ
91	18 »	554, 545	6, 554, 545
100	11 »	Альбукернъ	Альбукеркъ
101	11 »	Такота	Такома

Стран.	*Строка.*	*Напечатано.*	*Слѣдуетъ.*
112	26 сверху	остановившуюся	остановившую
»	2 снизу	Варкеромъ	Варнеромъ
113	13 сверху	отношеніи	отношенію
114	10 »	«Дядя, самъ	«Дядя Самъ» Uncle Sam
117	10 »	дохода	дождя
»	16 снизу	Клеманомъ	Клеллaномъ Clellan
127	7 и 16 сверху	компанія	кампанія
»	9 снизу	domage	damage
130	17 »	massons	masons
136	20 »	Pawdarly	Powderly
143	4 »	двумя третями	пятью седьмыми
154	12 »	Термонъ	Шерманъ Sherman
156	20 сверху	формы: это	формы;
»	22 »	войны; недавно онъ	войны недавно
157	19 снизу	Вильдерписѣ	Вильдернисѣ Welderness.
163	16 »	убійцу, изъ-за-угла	убійцу изъ-заугла,
171	6 »	земли	заливовъ
176	11 »	20½	18½
177	16 сверху	мѣстными	мясными
190	5 »	составъ	тикетъ
239	1 »	переодѣлся въ то время	переодѣлся
245	21 »	только къ югу	къ югу
368	22 »	interchange	Interchange
373	5 снизу	Irack	Track
378	26 »	прессу	прессу Юга
»	21 »	Stem	Item
»	4 »	Таскеу	Маскеу
381	17 »	постоянные сотрудники	кампиляціи постоянныхъ сотрудниковъ

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Десять лѣтъ въ Америкѣ.

Президентская кампанія 1892 г.

СТРАН.

Моя жизнь въ Америкѣ.

Письма.

СТРАН.

СТРАН.

Колумбійская всемірная выставка.

